

Blazing Splendor

*The Memoirs of the Dzogchen Yogi
Tulku Urgyen Rinpoche*

As told to
ERIK PEMA KUNSANG &
MARCIA BINDER SCHMIDT

Foreword by Sogyal Rinpoche
Introduction by Daniel Goleman
Edited with Michael Tweed

Rangjung Yeshe Publications
2005

Блистательное величие

*Воспоминания йогина дзогчен
Тулку Урйена Ринпоче*

Составители:
ЭРИК ПЕМА КУНСАНГ и
МАРСИЯ БИНДЕР ШМИДТ

Предисловие Согьяла Ринпоче
Введение Дэниела Гоулмана
Редакция Майкл Твид

Открытый Мир
Москва, 2007

УДК 294.321
ББК 86.35
У69

By arrangement with Rangjung Yeshe Publications,
Flat 5a, Greenview Garden,
125 Robinson Road, Honk Kong

Публикуется по согласованию
с издательством «Рангджунг Еше Пабליкейшнз»,
Гонконг

Издательство «Открытый Мир» выражает глубокую
признательность В. Воробьеву, благодаря щедрой
поддержке которого эта книга увидела свет.

Перевод с английского Ф. Маликовой

Ургьен Тулку Ринпоче

Блистательное величие, Воспоминания йогина дзогчен Тулку Ургьена
Ринпоче/ *Составители:* Эрик Пема Кунсанг и Марсия Биндер Шмидт;
пер. с англ. Ф. Маликова — М. : Открытый Мир, 2007. — 480 с. —
(Самадхи).

ISBN 978-5-9743-0086-8

Предельно искренне и с неподдельной скромностью прославленный мастер дзогчен Тулку Ургьен Ринпоче предлагает читателю заглянуть в поражающую воображение реальность тибетского буддизма, открывая его взору захватывающую панораму потерянной культуры старого Тибета. Повествование, уходящее вглубь веков на многие поколения, рассказывает о тех событиях, личностях и переживаниях, что сформировали одного из величайших буддийских наставников современности. «Блистательное величие», без сомнения, является выдающимся произведением как духовного, так и исторического плана.

УДК 294.321
ББК 86.35

Фото на обложке: Пик-Крепость (Дзонг-го Линг), Нангчен.

© Erik Hein Schmidt & Marcia Binder Schmidt, 2005
© Ф. Маликова, перевод 2007
© ООО «Открытый Мир», 2007

ISBN 978-5-9743-0086-8

Содержание

Список иллюстраций	7
<i>Предисловие Сogyяла Ринпоче</i>	9
<i>Введение Дэниела Гоулмана</i>	13
<i>От составителей</i>	18
<i>Вступление</i>	21

Часть первая • ДУХОВНЫЕ КОРНИ

<i>Как бабушка отправилась в далёкий путь</i>	25
<i>Тибет, буддийская страна</i>	28
<i>Гампопа и учителя традиции баром раннего периода</i>	32
<i>Сокровища Лотосорождённого</i>	47
<i>Мой прадед, открыватель кладов</i>	50
<i>Два несравненных учителя</i>	65
Кхьенце	65
Конгтрул	74
<i>Пятнадцатый Кармана, Владыка Деяний</i>	77
<i>Духовные сыновья</i>	86
Кармей Кхенпо	86
Вангчог Дордже	90
Цеванг Норбу	94
<i>Моя драгоценная бабушка</i>	103
<i>Мой учитель Самтен Гьяцо</i>	110
<i>Мой отец — чудотворец</i>	127
<i>Двое особых дядей и их учителя</i>	147
Дядя Санг-Нгак	147
Терсэй Тулку	149
<i>Шакъя Шри, Владыка Сиддх</i>	155
<i>Катог Ситу, гуру и учёный</i>	161

Часть вторая • РАННИЕ ГОДЫ

<i>Моё детство</i>	167
<i>Монахини-йогини</i>	184
<i>Как я получил свои первые учения</i>	191
<i>Необыкновенная речь</i>	194
<i>Моя предыдущая жизнь</i>	199
<i>Мой монастырь и возведение на трон</i>	206
<i>Молодой Кармана</i>	217
<i>Смерть бабушки</i>	224
<i>Чоклинг из Цикья, яркая личность</i>	236

<i>Передача в Сурмане</i>	248
<i>Учитель в дупле</i>	252
<i>Эксцентричный король</i>	259
<i>Последние дни с Самтенем Гьяцо</i>	265
<i>Смерть моего цуру</i>	268
<i>Встреча с выдающимся учителем</i>	282
 Часть третья • ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТИБЕТ	
<i>В Цурпу с Кармапой</i>	297
<i>Сияющая Луна</i>	316
<i>Моё последнее посещение Центрального Тибета</i>	327
<i>Удивительные учителя в Ахасе</i>	335
Дзонгсар Кхьенце	335
Дуджом Ринпоче	341
Шечен Конгтрул	345
 Часть четвёртая • В ИЗГНАНИИ	
<i>Как я покинул Тибет</i>	357
<i>Сикким</i>	363
<i>Непал</i>	376
<i>Чоклины из Нэтэна</i>	380
<i>Устная линия передачи от Бомты Кхенпо</i>	387
 <i>Заключение</i>	 394
<i>Послесловие</i>	399
<i>Благодарности</i>	405
<i>Список лиц, предоставивших фотографии</i>	408
<i>Приложение</i>	409
<i>Глоссарий</i>	413
<i>Примечания</i>	451

Список иллюстраций

1. Цеван Чогдруб Палбар — Блистательное Величие 22
2. Трисонг Дзуцен — великий царь Дхармы 29
3. Самье — твердыня древней Дхармы 29
4. Чимпу — вид из пещеры над Самье 29
5. Падмасамбхава — Лотосорождённый Гуру 30
6. Ваджрадхара — будда-дхарма-кая 32
7. Гампопа — предшественник учителей линии кагью 33
8. Чокгьюр Линпа — открыватель учений-кладов 50
9. Лотосная корона Чокгьюра Линпы 51
10. Лотосная Хрустальная пещера — священное место «Трёх разделов» 51
11. Кала Ронго, где было обнаружено Тундруб 51
12. Еше Цогьял — великая дакини, ученица Лотосорождённого 61
13. Лонгченпа — великий учитель дзогчен 69
14. Вайроцана — великий переводчик буддийских текстов 73
15. Мипам — знаменитый учёный 75
16. Великая Дакини из Цурпу 80
17. Царь Джа — мастер Маха-йоги 90
18. Тара — будда сострадания 106
19. Крепостная Вершина — высокогорная обитель 113
20. Цеван Дечен — тулку Самтена Гьяцо 126
21. Монастырь Цечу в Нангчене 132
22. Шакья Шри — Владыка Сиддх 155
23. Друк Караг Йондзин Ринпоче 157
24. Кладбище Прохладная Роца в Индии 159
25. Дорога из Лачаба в Деченлин 170
26. Деченлин 174
27. Цансар — на дороге в Деченлин 176
28. Вид на Крепостную Вершину с дороги, ведущей в Деченлин 178
29. Гебчаг-гомпа — женский монастырь практиков медитации 186
30. Монахини из Гебчага, сидящие в своих ложах для медитации 188
31. Королевская семья Дерге 194
32. Ситу из Палпума 196
33. Страницы рукописей Чованга Тулку 202
34. Монастырь Лачаб 203
35. Вид из монастыря Лачаб 207
36. На дороге из монастыря Лачаб 208
37. Шестнадцатый Кармапа — добровольное перерождение 218
38. Место терма над Цикеем и нынешний тулку 224
39. Карсэй Конитрул — сын пятнадцатого Кармапы 226
40. Тулку Карсэя Конитрула 229
41. Монастырь Цикей 239
42. Король Нангчена 259
43. Принц Ачен из Нангчена 260
44. Молодой Кармапа 297
45. Стенная роспись монастыря Цурпу 298
46. Крепость Лотосного Гаруды над монастырём Цурпу 299
47. Шрисинха — древний учитель дзогчен 303
48. Молодой Далай-лама 307
49. Внутреннее помещение для затворничества в Лачабе 313
50. Дуджом Ринпоче с Додрагом Ридзином и Минлингом Чунгом 314
51. Тулку по имени Рабсел Дава — Сияющая Луна 316
52. Раннее фото Дилло Кхьенце Ринпоче 317
53. Паво Ринпоче из монастыря Ненанг 329
54. Лунная пещера в Драг Ерна 331
55. Вид из Лунной пещеры 331
56. Молодой Дуджом Ринпоче 332
57. Дзонисар Кхьенце Ринпоче 335
58. Дилло Кхьенце Ринпоче в Ахасе 339
59. Дуджом Ринпоче 341
60. Чатрал Ринпоче 342
61. Конитрул из Шечена 345
62. Чокьи Нима, Чоклин и их мать Кунсанг Дечен 357
63. Раннее фото Тулку Ургьена Ринпоче 358
64. Семья в Сиккиме 364
65. Ваджрный Трон под Деревом Бодхи 366

66. *Дзонисар Кхьенце под Деревом Бодхи* 367
67. *Дзонисар Кхьенце Ринпоче* 370
68. *Тринлэ Норбу Ринпоче с женой и тулку Дзонисара Кхьенце* 372
69. *Шестнадцатый Кармана* 373
70. *Трулиши Ринпоче, Дуджом Ринпоче и Тулку Ургьен Ринпоче* 374
71. *Дуджом Ринпоче и нингмапинские ламы в изгнании* 375
72. *Великая Ступа в Будханатхе* 377
73. *Ступа Сваямбху* 377
74. *Лама Таши Дордже из Нубри* 378
75. *Третий Чоклинг из Нэтэна — Пема Гьюрме* 380
76. *Чоклинг из Нэтэна со своим старшим сыном Орьеном Тобьялом Ринпоче* 381
77. *Четвёртый Чоклинг из Нэтэна* 381
78. *Чокьи Нима Ринпоче и Чоклинг Ринпоче* 383
79. *Вид на Наги-гомпу* 384
80. *Бомта Кхенпо* 387
81. *Ньошул Кхен Ринпоче* 388
82. *Кхенпо Нагчунг* 389
83. *Вималамитра — учитель дзогчен* 390
84. *Ритуал Чёрной Короны Кармапы* 393
85. *Ступа Будха и монастырь Ка-Нинг Шедрублинг* 394
86. *Шестнадцатый Кармана с группой тулку монастыря Шедрублинг* 395
87. *Шестнадцатый Кармана и король Непала Бирендра во время инаугурации* 395
88. *Чатрал Ринпоче, Дуджом Ринпоче и Дилго Кхьенце Ринпоче* 396
89. *Дилго Кхьенце Ринпоче, Трулиши Ринпоче и Чокьи Нима Ринпоче в ролях Падмасамбхавы, Шантаракшиты и царя Трисонга Дэуцена* 396
90. *Ламы у ступы Будха после окончательной передачи «Новых сокровищ»* 396
91. *Пять лам в Будхе: Тулку Ургьен Ринпоче, Трулиши Ринпоче, Дилго Кхьенце Ринпоче, Дабсанг Ринпоче и Денуп Ринпоче* 397
92. *Дилго Кхьенце Ринпоче с ламами в гостинице «Як и йети»* 397
93. *Дилго Кхьенце Ринпоче с семьёй Тулку Ургьена Ринпоче* 398
94. *Тулку Ургьен Ринпоче с Цокни Ринпоче, Мингьюром Ринпоче и их матерью Сонам Чодрон в Наги-гомпе* 401
95. *Цокни Ринпоче с Адеу Ринпоче из Нангчена* 401
96. *Йонге Мингьюр Ринпоче — младший сын* 401
97. *Тенпа Ринпоче с Тенпа Ярпелом* 401
98. *Монастырь Ка-Нинг Шедрублинг в Будхе* 402
99. *Храм у пещеры Асуры в Парпинге* 402
100. *Монастырь Нгедон Осэллинг* 402
101. *Чатрал Ринпоче и Тулку Ургьен Ринпоче с Кунсанг Дечен и Пакчоком Тулку* 402
102. *Чоклинг Ринпоче со своим первенцем Пакчоком Тулку* 403
103. *Чоклинг Ринпоче со своим вторым сыном — воплощением Дилго Кхьенце Ринпоче* 403
104. *Четвёртый Чоклинг из Цикей в Непале* 403
105. *Четвёртый Чоклинг из Цикей* 403
106. *Тулку Ургьен Ринпоче с Цикеем Чоклингом, Дечен Палдрон и воплощением Дилго Кхьенце Ринпоче* 403
107. *Нэтэн Чоклинг и Цикей Чоклинг* 403
108. *Три сына и Пакчок Тулку в Наги-гомпе* 403
109. *Марсия Биндер Шмидт в Нангчене, 2003 год* 406
110. *Тулку Ургьен Ринпоче и Эрик Пема Кунсанг в Наги-гомпе* 406

Предисловие

Согьяла Ринпоче

В этой книге вы прочитаете о выдающихся людях, практикующих медитацию, о великолепных знатоках учений Будды, о великих учителях, чьи сострадание, понимание и способности не вмещаются в обычные мерки. Вы познакомитесь с миром, в котором царят особенные представления о человеческих возможностях, совершенно отличающиеся от тех, что преобладают во всём современном обществе. Однако вам не слишком многое удастся узнать об авторе этих воспоминаний — тибетском учителе Дхармы Кьябдже Тулку Ургьене Ринпоче. Это неизбежно при его скромности и сдержанности. И всё же именно он герой книги, и не только потому, что удивительные события, свидетелем которых он был, мы видим его глазами, что слышим его голос и осмыслием описываемое с помощью его ума, но также и потому, что он был величиной такого же масштаба, как и те исключительные личности, о которых он рассказывает. Он полностью унаследовал их мудрость и воплотил в себе их невероятные качества. Тулку Ургьен Ринпоче был поистине одним из величайших мастеров медитации XX века и одним из самых выдающихся и щедрых учителей дзогчен и Махамудры — тех учений, которые составляют ядро тибетского буддизма.

Впервые я встретился с Тулку Ургьеном Ринпоче ещё в ранней юности, благодаря тому, что, как он пишет в этой книге, ему много раз доводилось получать учения у моего учителя Дзонгсара Кхьенце — Джамьянга Кхьенце Чокьи Лодро. Когда спустя годы я попросил Тулку Ургьена Ринпоче дать мне учения, он вспомнил, что всегда видел меня рядом с Джамьянгом Кхьенце. Так наша общая тесная связь с этим великим учителем вселила в нас чувство глубокой близости. В школах тибетского буддизма нингма и кагью Тулку Ургьен Ринпоче был величайшим учителем линии преемственности, а кроме того, он был наставником и представителем Гьялва Кармапы Шестнадцатого, и от него получили передачи самые великие ламы традиции нингма: Кьябдже Дуджом Ринпоче и Кьябдже Дилго Кхьенце Ринпоче. Оба они, а также Ньошул Кхенпо Джамьянг Дордже и многие другие великие держатели учений глубоко чтити Тулку Ургьена Ринпоче, считая, что он полностью овладел воззрением и практикой Дзогпаченпо, Великого совершенства.

Как учитель Тулку Ургьен Ринпоче был неповторим. В первую очередь поражает, что всё, чему бы он ни учил, проникнуто духом дзогчен.

Он, несомненно, полностью владел всеми аспектами Дхармы Будды. Например, он сосредоточивался на практиках Ваджраяны, выполняя их чрезвычайно точно и правильно; он медитировал с четырёхлетнего возраста и двадцать лет своей жизни провёл в затворничестве; он прославился как наставник, к которому обращались за помощью многие великие мастера, получавшие от него бесценные пояснения относительно трудных моментов учения. Что же касается введения в сущностную, сокровенную природу ума, то в этом Тулку Ургьену Ринпоче не было равных. Помню, как в Наги-гомпе, что в Непале, он всегда давал указующие наставления, знакомя с сущностью ума всех слушателей, кто бы об этом ни попросил — будь то люди, изучающие Дхарму, или просто туристы, посетившие Гималаи. Когда его просили дать наставления о природе ума, он за одно занятие умудрялся дать всё учение целиком, даже если перед ним была большая группа людей. Поразительно: он продолжал давать введение в природу ума до тех пор, пока люди его не получали. Должно быть, Тулку Ургьен Ринпоче познакомил с Дхармой Будды тысячи людей и дал им возможность получить хотя бы мимолётное переживание сокровенной природы их собственного ума. После встречи с ним все расходились, испытывая горячее желание практиковать и применять это новое и свежее понимание своего ума, встав на путь Дхармы.

Совершая поездку по миру в 1980—1981 годах, Тулку Ургьен Ринпоче дал в Лондоне драгоценные наставления моим ученикам, а в 1988 году он дал введение в природу ума намного более многочисленной группе людей, которые приехали в Непал, чтобы встретиться с ним и с Кьябдже Дилго Кхьенце Ринпоче. После этого я каждую зиму старался возвращаться в Наги-гомпу, чтобы получать от него учения, и то, что у меня была такая возможность, я считаю своей необычайной удачей. Его учения, которые были просто удивительными, проникали прямо в моё сердце и оказывали глубокое и сильное влияние на мой способ преподавания. Хорошо помню, как Тулку Ургьен Ринпоче меня воодушевлял. Ведь именно он множеством разных способов показал мне важность того, что предстояло мне сделать, чтобы учить Дхарме на Западе. Каждый, кто знал Тулку Ургьена Ринпоче в Непале, от высшего ламы до самого простого человека, отмечал его доброту. В своём характере и в отношении к людям он поистине проявлял подлинный дух «Пути бодхисаттвы» — *Бодхисаттвачарьяватары*. Он в полной мере обладал естественностью, простотой и непринуждённостью великого йогина дзогчен, и, считаю, ни в коей мере не будет преувеличением, если называть его махасиддхой, современным святым. Во время его кремации небо было ясным и стояло полное безветрие, что в тантрах дзогчен считается знаками, которые отмечают уход человека, достигшего наивыс-

шей реализации, практика которого была «без признаков». Как говорится в этих тантрах, «высоко в небе нет ни облачка, а ниже, над землёй, нет ни пылинки».

Тулку Ургьен Ринпоче преподносил учение так свежо, так просто, но притом очень действенно. Людей поистине обезоруживали его сердечность, открытость и искренность, та атмосфера, которую он вокруг себя создавал, его манера убеждать и шаг за шагом направлять к переживанию природы ума. Он умел показать сущность ума во всевозможных ракурсах; он будто бы ввинчивал её в вас, пока вы её не увидите. А поскольку его слова шли непосредственно из его личных переживаний и из ума-мудрости, всякий раз, когда он давал указующие наставления, это было по-новому. Я часто размышлял о том, что, когда такой учитель, как Тулку Ургьен Ринпоче, со свойственной ему человечностью и добротой даёт указующие наставления, он знакомит вас с умом-мудростью будд, и ничем иным. Он лично соединяет вас с мудростью всех учителей. Именно это мы и называем «чудодейственным благословением» учителя и его «несравненным состраданием». Если всё сказано и сделано, может ли быть большая доброта? Учитель обращает к вам человеческий лик истины как олицетворение вашей сокровенной природы, а если говорить о Тулку Ургьене Ринпоче, то очень легко было заметить, как всем своим существом он без остатка передавал содержание учений. Я понимаю, что, если вы просто повстречали такого учителя, как он, значит, ваша драгоценная человеческая жизнь не потрачена впустую, а обрела свой смысл и достигла истинной цели.

Сострадание, мудрость, преданность и сокровенная сущность ума — обо всём этом вы прочтёте в этой книге. Ведь именно таковы аспекты Дхармы Будды, которые все мы стремимся понять, овладеть и реализовать. Но место, где все они сходятся вместе и проявляются пред нами наиболее совершенно и непосредственно, — это учитель, такой учитель, как Тулку Ургьен Ринпоче. Когда я думаю о нём, мне приходят на ум поразительные слова, в которых Джамьянг Кхьенце определил, кто такой настоящий учитель.

Коренной учитель, *цавэ лама*, с нами всегда, а не только сейчас. По своей доброте он с безначальных времён никогда, ни в одной из наших жизней не разлучался с нами, потому что он — воплощение истинной природы нашего ума, проявляющийся внешне в любом обличье, чистом и нечистом, чтобы прямо или косвенно помогать нам. Ныне, благодаря накопленным нами в прошлом заслугам, он принял образ нашего духовного друга, и эта сильная кармическая связь помогла нам встретиться с ним; он даёт нам нектар глубоких и обширных

наставлений и одаряет своей безмерной добротой. Отныне и пока мы не достигнем просветления, он никогда не разлучится с нами ни на один миг.

Мы могли бы безмерно скорбеть о том, что этот великий учитель, Тулку Ургьен Ринпоче, покинул наш мир, однако в ещё большей степени мы можем радоваться не только тому, что он продолжает жить в наших умах и в наших сердцах, «не разлучаясь с нами ни на один миг», но и тому, что он сумел обеспечить непрерывную передачу своего наследия, учений, которыми он в таком совершенстве владел. Его сыновья Чокьи Нима Ринпоче, Цикей Чоклинг Ринпоче, Друбванг Цокни Ринпоче и Йонге Мингьюр Дордже Ринпоче в полной мере обладают достоинствами продолжателей его линии и его прозрения, и каждый из них проявляет свои личные качества, разные и исключительные, но притом все они несут в себе отпечаток личности Тулку Ургьена Ринпоче. Как и у него, их знание сущности ума кипит у самой поверхности, готовое выплеснуться в любой миг. У Тулку Ургьена Ринпоче было много замечательных учеников с Запада и среди них учёные и буддийские учителя, которые посвящают себя распространению Дхармы в западном мире. Его любимые ученики, Эрик и Марсия, неизменно вызывают восхищение у множества людей своими книгами, среди которых и та, которую вы держите сейчас в руках. Над этими книгами они работали многие годы, и я молюсь, чтобы они могли продолжать свой труд безо всяких препятствий.

Итак, что же подразумевается во всех историях и воспоминаниях, которые вы найдёте в этой книге? Две вещи. Во-первых: духовная реализация, или просветление, на самом деле *реально* возможна, при условии, что мы последовательно и с воодушевлением будем посвящать себя её достижению. Во-вторых, это не просто древняя история, события, некогда происходившие в Индии или в Тибете. Благодаря таким мастерам, как Тулку Ургьен Ринпоче и его ученики, эта живая традиция мудрости и духовного пробуждения продолжается и поныне и, опять-таки благодаря им, учения Будды с их драгоценными глубинными наставлениями легкодоступны для людей, где бы они ни жили.

Я молюсь, чтобы исполнились все чаяния Тулку Ургьена Ринпоче. Да явится нам его воплощение, столь же чудесное и могущественное, каким был он сам, а то и превосходящее его, дабы оно смогло выдержать испытания нашего времени. Да продолжат сыновья и ученики его труд, не встречая ни малейших препятствий, и да пребудет вечно его величественное прозрение, пробуждая бесчисленные существа и указывая им на их истинную природу, глубинную, сокровенную природу их ума!

Введение Дэниела Гоулмана

Тулку Ургьен Ринпоче был одним из величайших в XX столетии учителей тибетского буддизма. Книга «Блистательное величие» даёт нам возможность взглянуть на жизнь его зоркими глазами и оказаться посреди беспримерного духовного изобилия. Словно наши друзья и учителя, перед нами предстают замечательные мастера созерцания старого Тибета. Сквозь призму пробуждённого ума Тулку Ургьена Ринпоче мы видим мир в свежей, проясняющей действительность перспективе.

Будучи, как и Далай-лама, *тулку*, или учителем-перерожденцем, Тулку Ургьен принадлежал к плеяде наиболее известных и влиятельных из современных учителей традиции дзогчен (Великое совершенство), очень много сделавших для распространения на Западе этой практики, которая ныне приобрела известность.

«Блистательное величие» — что подразумевает качества просветлённого учителя — это точный перевод имени, дарованного Тулку Ургьену Кармапой, главой школы кагью. «Блистательное величие», духовные мемуары учителя, проливают свет на его удивительную жизнь и служат путеводителем по утраченной культуре. На этих страницах мы познакомимся с Нангченом — его родиной и царством духовных богатств, страной, где все жители, от пастуха и до короля, были людьми, посвятившими себя практике.

В мире, родном для Тулку Ургьена, условные ценности были прямо противоположны современным: вместо славы, удачи или почёта при знаком «успеха» считалась духовная реализация, а жизнь считалась удавшейся, если человек оставлял другим духовное наследие. Тулку Ургьен имел уникальную возможность знать людей, населявших этот мир священных ценностей, и поделиться своими впечатлениями с нами. Однако он вовсе не собирался внушить читателю мысль о том, что реализация — удел немногих избранных, а наоборот, убеждает, что каждый из нас может продвигаться к ней, откуда бы мы ни начали.

Центральная тема «Блистательного величия» — это *терма*, священное учение, полученное из мистического источника тысячелетней давности и призванное обогатить жизнь и дух тех, кто с ним связан. Истории, рассказываемые Тулку Ургьеном, проливают особый свет на эти сокровища, предназначенные для нашего преображения. Это драгоценности человеческого наследия, доселе неизвестные в западном мире. Тул-

ку Ургьен был держателем этих сокровищ, он пронёс их в своём сердце и уме через Гималаи, чтобы в мире по эту сторону передавать их тысячам людей любого общественного положения.

«Блистательное величие» охватывает не только время жизни Тулку Ургьена, с рождения в 1920 году и до кончины в 1996-м: в ткань повествования вплетена история и его семьи, и линий передачи практик созерцания, продолжателем которых он стал. В результате из-под его пера вышли не только личные мемуары, но и духовная история самого Тибета. Мы узнаём об учителях, которые в IX веке принесли буддийские учения в Тибет, о непрерывной линии преемственности мастеров, которые через века пронесли её тайны и передали их Тулку Ургьену.

Глазами Тулку Ургьена мы видим некоторых из самых совершенных и подлинных духовных практиков, которые жили в Тибете в XX веке. Он не только был близким другом многих великих религиозных деятелей Тибета того времени, но его родственники и предки на протяжении прошлых столетий являлись наиболее влиятельными фигурами Восточного Тибета.

Годы жизни Тулку Ургьена пришлось на исключительный период тибетской истории; на протяжении всего повествования слышится зловещий барабанный бой, предвещающий приход коммунистов с Запада и полное разорение тибетской культуры и всех её богатств. Мы ясно видим впечатляющую картину предательского поведения лхасских политиков на этом заключительном этапе, когда Тулку Ургьен рассказывает о периоде его работы представителем Кармапы в тибетском правительстве, которое уже заканчивало своё существование. И наконец, мы видим, каким духовным подвигом было то, что Тибет сумел возродиться во внешнем мире, когда, разгадав дурные предзнаменования, Тулку Ургьен покинул Тибет за год до самого Далай-ламы.

Голосом Ургьена Тулку «Блистательное величие» рассказывает нам обо всём этом занимательно, искренне и без затей. Самым поразительным в книге может представиться естественная простота Тулку Ургьена. Не стремясь привлечь внимание к самому себе или к своей значимости, он показывает нам мир и завораживающую вереницу образов так, как он это умеет — с откровенной, а зачастую ироничной прямоотой.

Тон повествования отражает уютную обстановку, в которой эти истории впервые были рассказаны, — ощущаешь, будто сидишь рядом с учителем, который рассказывает о своей жизни ближайшим ученикам с Запада. В книге рассказы собраны в исчерпывающее описание, благодаря которому читатели знакомятся с миром, где чудеса, тайны и глубокие прозрения — в порядке вещей. Они видят этот мир таким, каким он предстаёт перед открытым и ясным умом Тулку Ургьена.

Его ученики Эрик и Марсия Шмидт задумали написать эту книгу отчасти потому, что в 1959 году коммунистический переворот безжа-

лостно изменил неповторимый жизненный уклад и культуру старого Тибета. В буддийских кругах все признавали Тулку Ургьена одним из наиболее выдающихся лам, переживших трагедию китайского вторжения в Тибет. С годами великие учителя, получившие образование в классической тибетской духовной системе, один за другим покидали этот мир. В попытке сохранить живой дух традиции авторы сочли себя обязанными предоставить читателям это повествование от первого лица — одного из последних представителей вымирающего поколения.

Какими бы невероятными ни показались описываемые на этих страницах события, недавние научные исследования свидетельствуют, что такие чудеса не могут быть лишь плодом воображения. Например, один из наиболее увлекательных аспектов этих рассказов подтверждается новейшими открытиями касательно полезного влияния длительной медитации на человеческий мозг. Хотя эти исследования всё ещё находятся на начальной стадии, тем не менее они уже принесли несколько открытий, проливающих свет на сущность методов медитации, которые применяют мастера линии Ургьена Тулку, и особенно тех, что используются в практиках многолетнего углублённого затворничества.

Например, магнитно-резонансная томография мозга лам во время медитации на безмерное сострадание обнаруживает, что их мозг проявляет значительный уровень активности в двух зонах: в центре удовольствия и счастья и в центре, ответственном за готовность к действиям. Эти восемь лам занимались практикой от 10 000 до 60 000 часов, и чем дольше они ею занимались, тем выше был уровень активности их мозга. В то время как обычные испытуемые, практиковавшие ту же самую медитацию в течение месяца, показывали повышение активности мозга в этих зонах на 10%, у лам эта же активность была в среднем в десять раз больше. У некоторых же лам этот показатель был больше в восемьдесят раз.

Как предположил в своей классической книге «The Varieties of Religious Experience» Уильям Джеймс, основатель современной психологии, наше восприятие при температуре 37 градусов может не давать нам полного представления о реальности. Иными словами, альтернативные состояния мозговых функций — а также сознания — могут допускать такие ощущения вселенной, которые просто неразличимы с точки зрения обычного восприятия.

В мировых религиозных традициях есть сведения об изменённой реальности провидцев, начиная от мастера Экхардта и святой Терезы из Авилы и заканчивая Чёрным Лосем. Разумеется, мы не знаем, какая изменённая деятельность ума или необычные состояния могут вызывать такие видения (и мы должны признать нашу научную предвзятость в предположении о том, что для этого вообще требуются какие-то особые

состояния ума), но одно мы знаем наверняка — в любом случае видения появляются после многолетних и целеустремленных духовных усилий. Современная неврология утверждает, что мозг отвечает на продолжительное переобучение изменением показателей своей деятельности.

Мы ещё не понимаем, какими могут быть верхние границы основных психических функций, таких как внимание, визуализация и память, потому что современная наука переживает ещё младенческий возраст в изучении влияния обучения на перестройку нервной системы. С другой стороны, древние духовные традиции, среди которых тибетский буддизм, неизменно побуждали практиков посвящать целые годы оттачиванию своей восприимчивости с помощью длительной тренировки.

Что особенно потрясает в историях из «Блистательного величия», так это продолжительность времени, которое тибетские мастера уделяли этим практикам. В то время как ламы, обучающиеся на современных курсах, посвящают интенсивному затворничеству самое меньшее от трёх до шести лет, для мастеров поколения Тулку Ургьена выполнять в три или четыре раза большее количество практик было, по-видимому, обыденным делом. Например, сам Тулку Ургьен провёл в углублённом затворничестве не меньше двадцати лет. То же самое можно сказать о его современнике, ныне покойном великом Дилго Кхьенце. Но некоторые из мастеров, прожившие всю жизнь в Тибете, зачастую проводили в затворничестве ещё больше времени. Например, отец Тулку Ургьена посвятил затворничеству тридцать три года своей жизни.

Ныне наука подтверждает, что даже три года затворничества могут очень сильно повысить психические способности. Мы можем только догадываться, что могут дать двадцать или тридцать лет, проведённые в затворничестве. Исходя из этого, мы вполне могли бы и пересмотреть свои взгляды на якобы «чудотворные» силы, обычно приписываемые тибетским мастерам прошлого. Как знать, что по силам для ума, прошедшего столь высокую и совершенную подготовку?

Этот вопрос, возможно, остаётся невыясненным ещё из-за одной особенности буддийской традиции: поразительной скромности многих великих практиков, с которой они отзываются о собственных достижениях. Так, сам Тулку Ургьен, которого считали своим учителем многие из самых уважаемых мастеров его времени (в том числе и Кармапа XVI), постоянно утверждал, что не представляет собой ничего особенного — просто обычный человек. Такая скромность объясняется ещё и тем, что линия Тулку Ургьена принадлежит к традиции «тайных йогинов», которые никогда не выставляли напоказ свои духовные достижения. Западные читатели, для которых непривычна эта укоренившаяся традиция скромности по отношению к своему духовному статусу, могут неверно понять её проявления, приняв их за чистую монету.

Читатель встречается и с другой дилеммой: как относиться к множеству основанных на фактах сообщений о том, что с точки зрения современного склада ума является невероятным, невозможным и даже чудом. Одни читатели могут просто принять их за украшение повествования, другие — за чистую действительность или отложить до поры до времени критику, третьи, не делая никаких категорических выводов, лишь готовы допустить подобные возможности.

Для тех, кто твёрдо придерживается рациональных объяснений, эти события остаются загадкой и вызывают вопросы, на которые непросто дать ответ. Имеем ли мы дело с легендами и сказками? Считать ли их иносказаниями или притчами, в которых подробности или достоверность событий менее важны, чем содержащийся в них намёк? Происходили ли некоторые из этих кажущихся невероятными событий на самом деле только в уме рассказчика? Или же они заключают в себе область опыта, запретельного обыденному «трансу», вызванному нашими мыслями и фантазиями, воспоминаниями и мечтаниями?

Каждый из нас решает это сам для себя. Но все мы непременно получаем огромное благо, расширяя горизонты своих духовных устремлений.

Замечание для читателей.

Я бы настоятельно посоветовал серьёзным читателям найти время, чтобы при чтении обращаться к сноскам. В примечаниях и в глоссарии вы найдёте более богатый контекст, подробности и пояснения, которые сами по себе могут служить кратким справочником по буддийской традиции Ваджраяны. Если вы будете читать примечания, повествование станет для вас более содержательным. Тем же, для кого всё это внове, примечания дадут краткую подготовку, внося ясность в тех местах, которые иначе могли быть поняты неверно.

Мендосино, Калифорния

Ноябрь 2004 года

От составителей

Это не традиционный для тибетской Ваджраяны рассказ о жизни просветлённого учителя. Ведь Тулку Ургьен редко что-либо говорил о себе или о своих достижениях. Самое большее — он мог рассказать «назидательную историю» из своего прошлого, чтобы прояснить конкретный вопрос для конкретного человека в определённый момент. О подробностях своей жизни он мог упомянуть только тогда, когда его настоятельно об этом просили, так что источник этой книги — произошедшие за четырнадцать лет истории из жизни Тулку Ургьена Ринпоче, рассказанные им по нашей просьбе.

Из этих рассказов мы выстроили сюжетную линию, словно бусины чётков нанизав описанные Тулку Ургьеном эпизоды разного времени. Получившаяся в результате картина даёт богатые сведения о традиции и предках Тулку Ургьена Ринпоче, об учителях, о которых он знал или слышал, а также многие подробности его жизни. Мы не утверждаем, что Тулку Ургьен Ринпоче всё это написал, поскольку он не собирался создавать автобиографию. Он просто откликнулся на нашу просьбу рассказать какую-то из этих историй и делал это только после того, как я обещал, что главным действующим лицом в них будет не он, а замечательные люди, которых он встречал или с которыми был связан через других мастеров.

Когда я спросил его о содержании книги, он ответил: «Просто включите в неё истории. Не наполняйте её моими фотографиями. В Кхаме мы называем это самовозвеличиванием. Поместите побольше фотографий совершенных лам, а не обычных людей. Также очень хорошо показать священные места. Людям полезно увидеть такие святые места, как Бодхгая, если сами они там не побывали».

И ещё он предложил для книги такое заглавие: «Собрание достойных почитания жизненных примеров возвышенных учителей».

Мне кажется, мы остались верны этому духу.

В ходе поисков связующей нити повествования главенствующей стала одна тема — живая преемственность линии передачи. Как увидит читатель, «Новые сокровища», открытые прапрадедом Тулку Ургьена Ринпоче, и передача от одного поколения к следующему играют важную роль в этой книге. А в конце все потоки передачи сливаются в океане высшего воплощения¹. Сам рассказчик и был таким воплощением. «Блистательное величие» — это история мистических приключений, путешествие по

времени, пространству и ситуациям, не похожим на те, что были знакомы большинству из нас. И в то же время это земная, человеческая история, рассказанная живо, а иногда заставляющая сжиматься сердце.

Тулку Ургьен рассказывает о замечательных свершениях человеческого духа, подчас подкрепляемых силой провидения. Это ни в коем случае не фантастический рассказ, и всё же он переплетается с магией и грандиозными свершениями невероятного величия. В нём описываются и самые высшие духовные достижения, и самые низшие проявления человеческой глупости. Тибетцы сочтут эту биографию непохожей на другие образцы этого традиционного жанра, потому что в ней почти совсем не упоминаются важные подробности жизни учителя, его духовные подвиги и его необычайно высокий уровень духовных достижений. Для западных же читателей многие истории могут показаться чистой выдумкой или, по крайней мере, рассказами, требующими к себе критического отношения. И всё же то, о чём рассказывается, хотя подчас и бросает вызов общепринятым меркам и обычному восприятию, большей частью выдерживает проверку.

Трудно найти лучшего рассказчика, чем Тулку Ургьен Ринпоче. Он мог не только ясно вспомнить истории, рассказанные ему давным-давно, ещё в детстве, и дословно их повторить, но и, словно по волшебству, погрузить слушателей в глубины своей памяти и точно, в ярких подробностях описать былое. Описанные им события и беседы захватывают эмоциональной глубиной, позволяя каждому самому пережить его впечатления.

Как ни странно, в этой книге содержатся воспоминания не о жизни самого Тулку Ургьена Ринпоче, его потрясающих трудах или его легендарном стиле подачи учения, способном воспламенить скрытую способность слушателя достичь освобождения и полного просветления. На самом деле благодаря книге читатель становится участником описываемых событий и, главное, разделяет с рассказчиком его способ восприятия мира.

Каким особым миром был Тибет до коммунистического вторжения! В этом мире мерилom успешности были духовные подвиги. Дорожить великим даром учений Будды и почитать учителей, хранящих и передающих эти учения, было самым главным делом. Таково было наследие, которое не могли уничтожить даже коммунисты; оно распространилось по всему миру в сердцах тех, кто спас от разорения и гибели свою культуру. В «Блистательном величии» много рассказывается об их стойкости, о победе силы духа в неравной борьбе.

Главные темы истории, рассказанной Тулку Ургьеном, — это глубина почитания учений Будды, их сохранение и распространение через непрерывные линии передачи, неколебимая отвага, с которой ученики вы-

полняли волю учителя, беспримерное уважение учителей друг к другу, а также неизбежное непостоянство любой ситуации.

Невозможно отрицать или игнорировать тот невероятный урон, который был нанесён Тибету. История засвидетельствовала всё случившееся. И всё же многие драгоценные учителя и учения пережили это страшное опустошение. Эти учителя были вынуждены покинуть свою родину, но благодаря этому мы, родившиеся в материалистической культуре, имеем возможность познакомиться с их исключительной традицией.

Итак, мы приглашаем вас заглянуть в мир былого и почувствовать его дух. Откройте свои сердца для восприятия возвышенного. Не слишком погружайтесь в частности, касающиеся конкретных мест и времени, но просто почувствуйте духовную атмосферу. Ведь эти страницы пронизаны глубоким смыслом — идущие от сердца советы и духовные учения подтолкнут вас к собственным духовным поискам.

Всё это мы предлагаем вам с безграничной любовью и уважением к нашему удивительному учителю, а также с искренней надеждой, что вы получите от этого великое благо и ныне, и навеки.

Рассказывая свою историю, Тулку Ургьен Ринпоче главное место отводит описанию людей, а не их физического окружения. В центре его внимания находятся те люди, которые повлияли на него больше всех. Мы использовали последовательность его духовных предшественников и событий его жизни в качестве канвы для этих чудесных историй, и каждая из них — это сокровище непреходящей ценности, извлечённое из кладезя памяти Ринпоче. Мы предлагаем вам насладиться россыпью этих самоцветов.

Эрик Пема Кунсанг и Марсия Шмидт
Наги-гомпа, 2005 год

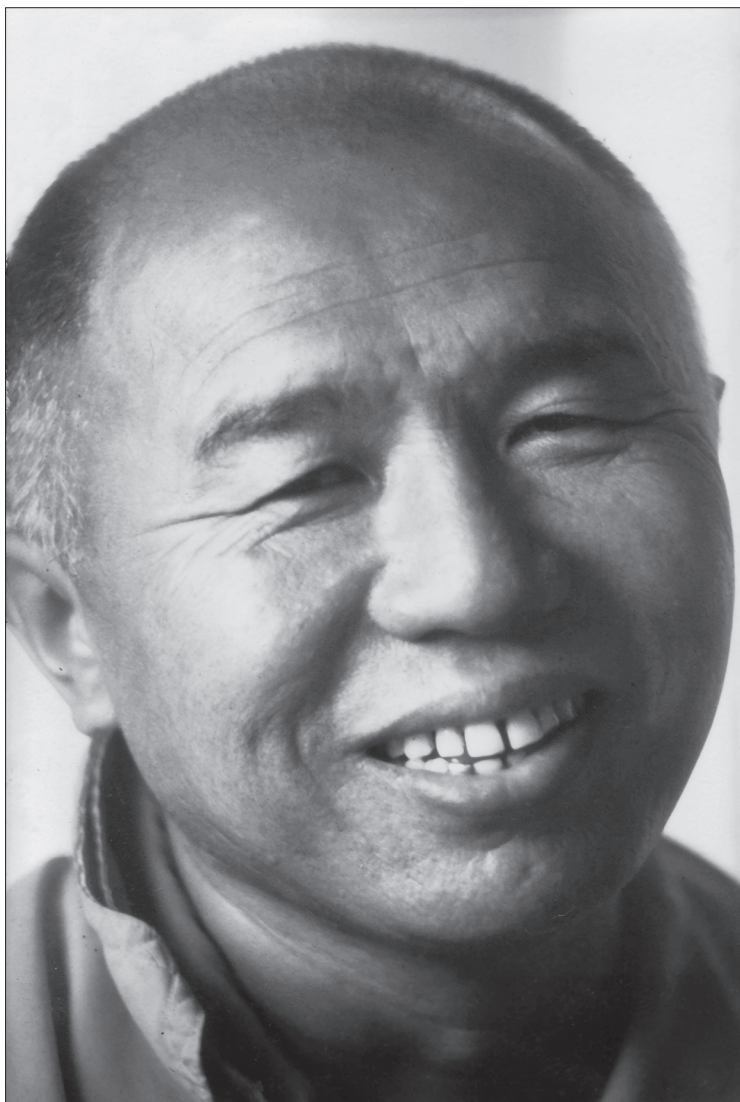
Вступление

Так и быть, расскажу кое-что о своей жизни, раз уж вы меня так часто об этом просите. По нашей тибетской традиции вначале нужно сообщить об истории твоего рода. Наша фамилия — Цангсар. Ещё одно имя, которое я получил как йогин-перерожденец, — Чованг Тулку.

Я родился в Центральном Тибете, потом меня перевезли в Кхам, а затем я попеременно жил то в одном, то в другом из этих двух мест². Я бежал от коммунистов в Сикким и под конец перебрался в Непал, где и живу сейчас на старости лет. Вот в двух словах моя жизнь. Никаких великих дел я в ней не совершил, и по большей части это была просто череда малозначащих событий.

Рассказывая историю, я всегда стараюсь избегать двух ошибок — ничего не преувеличиваю и не принижаю. Я никогда не приписываю никому качеств, которыми человек не обладает, и не отказываюсь признавать те качества, которые действительно есть. Поскольку память на даты у меня слаба, не ищите здесь чёткой хронологии.

Однако я могу рассказать вам некоторые из слышанных мною историй, и многие из них поведала моя бабушка.

Часть первая

Духовные корни

Как бабушка отправилась в далёкий путь

Присматривая за тем, как навьючивают её яков для долгого и утомительного путешествия из Кхама в Лхасу, моя бабушка Кончог Палдрон торопилась отправиться в путь. Она уже была стара, и так много времени прошло с тех пор, как она в последний раз видела своего сына, который жил в Центральном Тибете, куда нужно добираться два месяца! Она решила пуститься на его поиски.

Бабушка не скрывала своих чувств. Она причитала:

«Моим отцом был сам Чокгьюр Лингпа, великий тертон³. Куда бы он ни отправился, люди тянулись к нему, как железные стружки к магниту. Хотя он прожил недолго, его слава и признание, его влияние и число его учеников — всего этого было даже больше, чем у великого Кармапы. И всё же он покинул своё тело и меня заодно.

Потом и мама с моими братьями тоже умерли. Все, кого я любила, меня бросили. Есть ли кто несчастнее меня, круглой сироты? Даже мой младшенький, Терсэй Тулку, оставил меня, чтобы жить в Центральном Тибете рядом со своим знаменитым учителем. Люди говорят, он вовсе показывает четыре просветлённых действия среди лхасской знати⁴. Даже король Бутана угождает ему: он дал моему Терсэю столько подарков, что их можно унести только на пятидесяти вьючных яках. Он заботится о целой толпе учеников — их восемьсот человек, — а меня, свою мать, бросил одну-одинёшеньку здесь в Кхаме.

Когда мой отец Чокгьюр Лингпа путешествовал, так словно волна катилась по всей стране, захватывая всех на своём пути, какими бы великими учёными или йогинами они ни были. Все мастера его времени, к какой бы школе ни принадлежали, получали у него учения. Повидав такое величие, могу ли я удивиться чему-либо в наше время? Слышала я разные истории о так называемых великих подвигах Терсэя Тулку, да по сравнению с тем, что творил его дедушка, всё это просто пена на воде.

И вот одна я теперь, единственный оставшийся в живых ребёнок Чокгюра Лингпы, одна как перст. День и ночь лью слёзы, так что подушка мокрая. Знаю, что всё прекрасное и хорошее — словно цветы на осеннем лугу: распустились пышно, да скоро завянут».

Отчего так убивалась бабушка? Дядя Терсэй был большим знатком традиции её отца — «Новых сокровищ», которые составляют толстые тома учений, обнаруженных Чокг्यуром Лингпой. С ранних лет Терсэй получал много видений и пророчеств, но редко говорил о них, поскольку был «тайным йогином», то есть одним из тех, кто никогда не выставляет напоказ свои духовные достижения или обретение совершенства.

Однажды дядя Терсэй отправился из Кхама в паломничество. Большой силач, он, в отличие от большинства путешествующих по крутым склонам Тибета, нёс все свои припасы за спиной — у него не было ни одного вьючного животного. Сопровождали его лишь двое верных помощников, которые несли собственную поклажу. Они побывали повсюду, даже в священных местах Индии. Именно во время этого паломничества дядя стал учеником знаменитого Шакья Шри⁵.

До Кхама дошла молва, что «Терсэй Тулку оброс бородой и живёт себе как лама-йогин». Истории о нём рассказывали довольно впечатляющие. Но ни одну из них бабушка не воспринимала всерьёз, неизменно отзываясь об очередной новости: «Пройдёт и это!»

Наконец она начала беспокоиться о своём младшем сыне. «Как я могу спать, когда он шатается где-то в Центральном Тибете? Мне нужно съездить за ним. Ведь он мой младшенький и перерожденец моего брата, который безвременно умер. Терсэй слишком надолго застрял в Центральном Тибете. Если он не возвращается в резиденцию Чокгюра Лингпы, чтобы принять на себя свои обязанности, то придётся мне самой съездить за ним и водворить на место!»

Поскольку три старших сына не могли допустить, чтобы старушка-мать отправилась в долгий путь в Центральный Тибет одна, они собрались её сопровождать.

В конце концов, наша семья нашла дядю Терсэя в Кыпуге, где жил и учил Шакья Шри. В ответ на просьбу вернуться в Кхам дядя ответил: «Конечно, я вернусь, но сначала мне нужно закончить своё паломничество». Прошло пять лет, прежде чем все смогли возвратиться домой в Кхам.

Вот во время этого путешествия я и родился.

Бабушка была мастерицей рассказывать. Именно от неё я услышал большинство историй, которые расскажу здесь. Дядя Самтен Гьяцо не

раз говорил: «Мама может рассказать множество историй». И она это действительно делала!

Эта замечательная женщина никогда ничего не забывала. Она могла обсуждать события и из далёкого прошлого, будто они произошли только что. Все диву давались, как у старушки может быть такой ясный ум. Она могла дать чёткий ответ на любой вопрос, который возбуждал моё любопытство, и знала невероятное количество интересных историй.

Я обожал быть рядом с ней. Особенно я любил истории об её отце Чокгьюре Лингпе, многие из которых не попали в его общеизвестную биографию⁶. Она сопровождала своего отца, тертона, во многих его путешествиях и собственными глазами видела всё происходившее. Ещё она знала обо многих видениях, которые он получал, и была свидетельницей обнаружения им многих терма. Обладая поистине совершенной памятью, она могла исчерпывающе рассказать об этих событиях, которые происходили у неё на глазах. Всякий раз, когда она рассказывала какую-то историю, это звучало так, будто бабушка прямо сейчас переживает то, что происходило тогда.

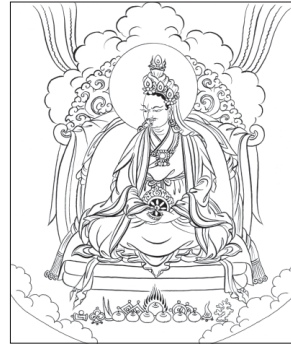
Тибет, буддийская страна

Учения Будды пришли к народу Тибета благодаря покровительству древней царской династии. Рассказывают, что некое существо полубожественного происхождения, которое сошло на землю, чтобы жить среди людей, было изгнано на север, в Гималаи. После долгого странствия изгнанник спустился с высоких гор и оказался в местности Ярлунг, что в Тибете. Местные жители сочли, что он небожитель, сошедший с небес, и, намереваясь короновать его как своего первого царя, понесли на своих плечах, усадив вместо трона на воловье ярмо. Вот почему его стали называть царём Ньятри, что значит «восседающий на ярме-троне».

Первые буддийские тексты чудесным образом появились в Стране снегов после тридцати пяти поколений царей этой династии, которые правили, передавая власть от отца к сыну. В те времена подданные были сплошь неграмотны, что сильно печалило царя. Он горячо молился о том, чтобы покончить с невежеством людей. По милости будд три священных текста упали с небес на крышу царского дворца. Хотя никто не мог их прочитать, одно лишь присутствие этих текстов так преобразило всё вокруг, что урожаи в стране стали обильными, а злые силы попритихли. Это было похоже на то, как если бы непроглядную ночную тьму вдруг прорезал первый проблеск зари.

Спустя пять поколений на трон взошёл Сонгцен Гампо и пригласил в Тибет первых буддийских учителей. Благодаря своим огромным заслугам он сумел заполучить две из трёх главных статуй из храма в Бодхгае — того места в Индии, где обрёл просветление Будда. Эти статуи привезли в Тибет в качестве приданого двух иноземных царевен, которых Сонгцен Гампо взял в жёны. Одна статуя прибыла с дочерью китайского императора, а вторая — с дочерью царя Непала. Если продолжить наше сравнение, то период правления Сонгцена Гампо был похож на первый луч восходящего солнца, осветивший утреннее небо: Дхарма начала распространяться по всей стране.

Спустя ещё пять поколений царь Трисонг Дзуцен дал великий обет полностью упрочить учение Будды во всём Тибете — и это было словно солнце, поднявшееся высоко в небо. В период своего правления этот царь пригласил в Тибет сто восемь учителей из разных стран, главным образом из Индии. В те времена духовных наставников, учителей и мастеров называли *пандита*, что значит «учёный». Тех же, кто, получив учения, переводил их на тибетский язык, называли *лоцава* — «переводчик».

2.
Трисонг
Дзуцен —
великий царь
Дхармы

Первым важным учителем, которого пригласили в Тибет в этот период, был знаменитый Кхенпо Бодхисаттва, или Шантаракшита. У царя был великий замысел построить в Центральном Тибете храмовый комплекс, который ныне называется Самье. Однако могущественный дух-нага возненавидел Бодхисаттву. Он стал призывать: «Если эти индийцы начнут распространять здесь буддизм, мы будем страдать. Давайте объединимся, чтобы им вредить». Все восемь классов духов договорились всеми силами не допускать распространения буддизма в Тибете, а для этого мешать строительству Самье. Всё, что было построено людьми за день, местные божества и демоны разрушали той же ночью.

Шантаракшита был великим бодхисаттвой, и его сердце было полно невиданного сострадания и миролюбия. Из-за своего миролюбия он не мог подчинить местных духов, обитающих в окрестностях Самье. Казалось, что Шантаракшита вот-вот сдастся и не выполнит возложенную на него миссию, а потому царь всё больше мрачнел, не видя никакого продвижения дела.

— Я всего лишь бодхисаттва, — сказал царю Шантаракшита, — я не могу справиться со всеми могущественными духами этой местности. Но не отчаивайся: выход есть. В Индии живёт тот, кому нет равных во всём. Он даже родился не из материнского чрева. Его зовут Падмасамбхава, Лотосорождённый. Все боги и демоны, противящиеся истинным учени-

3. (слева)
Самье —
твёрдыня
древней
Дхармы

4. (справа)
Чимпу — вид
из пещеры над
Самье

5.
Падмасам-
бхава —
Лотосорож-
дённый
Гуру

ям, замирают от ужаса и цепенеют, едва услышав его имя. Пригласи его в Тибет, и наши трудности закончатся.

— Как же мне его пригласить? — спросил царь.

— Мы втроём приняли один обет в наших прежних жизнях, когда Ваше Величество, Падмасамбхава и я были братьями и вместе участвовали в строительстве большой ступы в Будхе, что в Непале⁷.

Поскольку тогда мы поклялись принести Дхарму на север, Лотосорождённый Гуру обязательно примет наше приглашение; нужно только попросить его прибыть сюда.

Падмасамбхава обладал огромной мощью, достаточной для того, чтобы покорить все злые силы. Воплощая в себе деяния всех будд, он мог наставить на путь учеников в непросвещённой стране Тибет и к тому же подчинить все вредоносные силы.

Благодаря его владению чудотворными силами храмовый комплекс Самье был наконец воздвигнут.

Среди других легендарных учителей, способствовавших укреплению Дхармы в Тибете, был Вималамитра, о котором говорили, что он обрёл необычайное «ваджрное тело великого преображения», запредельное рождению и смерти. Ещё был тибетский переводчик Вайроцана, воплощение будды. Всего в Тибет прибыло сто восемь пандит⁸.

В этот период очень много тибетцев обучились искусству перевода, так что весь свод буддийских учений, в том числе и многочисленные практики-садханы, подробно описывающие весь духовный путь, были переведены на тибетский язык и сведены в чёткую систему.

Во времена правления Трисонга Дэуцена в Тибете сложились благоприятные условия. Сам царь был воплощением великого бодхисаттвы Манджушри, и о некоторых его советниках тоже говорили, что они — божественные воплощения, равно как и приглашённые в Тибет учителя и пандиты, а также переводчики того времени. Благодаря таким исключительно благоприятным обстоятельствам царь смог исполнить свой обет — упрочить Дхарму в Тибете.

Учения этого замечательного периода ныне называются *нинма*, или «старая школа ранних переводов», в противоположность учениям, которые были привнесены из Индии в последующие столетия и называются *сарма*, или «новая школа поздних переводов».

Но не всё шло так гладко. Через некоторое время после смерти царя Трисонга Дзюцена наступил период гонений на Дхарму, когда злобному тирану Лангдарме, который занял царский трон, почти удалось искоренить учения Будды. Однако последующее её возрождение знаменовалось появлением школ сарма, основателями которых были главным образом великие переводчики Ринчен Сангпо и Марпа. Эти два и многие другие великие учителя прошли весь путь в Индию и, получив наставления от тамошних учителей Дхармы, приносили эти учения в Тибет. Один из царей этого раннего периода — великий дхармараджа Ралпачен, внук Трисонга Дзюцена, — также приглашал в Тибет множество учителей.

Так в те времена стали существовать две сангхи: сообщество монахов, которых отличали бритые головы и монашеская одежда, и сообщество тех, кого называли *накпа*, — практиков тантры, носивших длинные волосы, прядями обмотанные вокруг головы, белое подобие юбки и полосатую накидку. В знак глубокого уважения к этим двум сообществам царь спускал до земли две свои очень длинные пряди волос и позволял почти таемым монахам и йогинам наступать на его волосы и сидеть на них. Чтобы выказать крайнее уважение к этим особам, он даже клал себе на голову камешки из-под их ног. Покровительство царя, а также его глубокое почтение к Дхарме создали в Тибете условия для её прочного укоренения и расцвета.

Наконец Дхарма в полной мере распространилась по всей стране. На протяжении столетий, благодаря как поддержке, оказываемой столь преданными учению царями, так и усилиям всех учителей и переводчиков, в Тибете расцвели восемь отдельных линий передачи учений, переведённых с индийских оригиналов⁹. Эти восемь школ, все без исключения, являются учениями Будды. Ни одна из них не противоречит ни системе Сутры, объединяющей в себе Хинаяну и Махаяну, ни системе тантры, то есть Ваджраяне¹⁰.

В течение этих двух первоначальных периодов расцвета Дхармы в Тибете учителя, ученики и даже ученики учеников достигали высокого уровня реализации. Некоторые проявляли сверхъестественные знаки своего духовного совершенства, например, могли парить в небе, подобно стае птиц. Всякий раз, приземлившись после полёта, они оставляли отпечатки ног на твёрдом камне. Это не просто старинные легенды: такие отпечатки можно видеть и в наше время, так что вы сами можете в этом убедиться.

Вот в какой стране я родился.

3.

Гампопа и учителя традиции баром раннего периода

Как я уже упоминал, согласно традиции тибетских рассказчиков, герой повествования не должен просто появиться ниоткуда. Необходимо, чтобы история начиналась с происхождения этого человека. Мы описываем происхождение с двух точек зрения: как родословную и как линию духовной преемственности. Поэтому я начну как положено: расскажу немного о своей семье, которую часто называли несколько напыщенно и не без преувеличения — «божественный род Цангсар». В течение многих столетий представители нашего рода были правителями двух королевств: Цангсар и Нангчен. Согласно устным преданиям, наш род происходит из Индии. Рассказывают, что один из небожителей спустился с небес Брахмы на землю, дабы с тигрицей из Леса Чёрного Сандала, что в Северной Индии, произвести на свет дитя¹¹.

Это довольно необычные предки, но такое случилось не только с нами: согласно традиции, отцом основателя рода Дрикунг был бог, а матерью — коза. Коза родила мальчика, и отец-небожитель снова спустился с небес, чтобы его забрать. Но, когда он взял мальчика, мать-коза издала такой душераздирающий вопль отчаяния, что отец из сострадания оставил ей дитя.

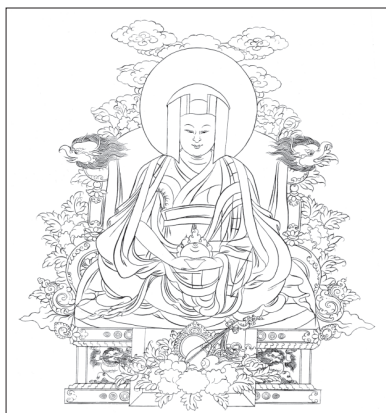
Мои предки тесно связаны с одной из ранних школ кагью — духовной линией передачи, которая называется *баром*¹². Слово *кагью* подразумевает учение (*ка*), которое с самого начала и до наших дней передаётся (*гью*) по непрерывной линии преемственности. Говорят, что эта духовная преемственность восходит к небесному Будде Ваджрадхаре, чьи учения передавали индийские учителя Тилопа и Наропа, а затем их тибетские последователи Марпа и Миларепа. У знаменитого йогина Миларепы было

6.
Ваджрадхара — будда-
дхармака

много учеников, но среди них особенно выделялся один, которого теперь мы называем Гампопа, «человек из Гампо». Именно от него пошла наша традиция баром.

Прежде чем Гампопа встретился с Миларепой, он довольно долго изучал и практиковал учения Будды и приобрёл опыт в состоянии медитации — *самадхи*. Как-то раз под его окном оказался один нищенствующий странник, который стал рассказывать о Миларепе, великом гуру. Едва Гампопа услышал имя Миларепы, как его охватило душевное волнение, и он пригласил странника в дом.

7.
Гампопа —
предшествен-
ник учителей
линии кагью

«Где живёт этот Миларепа?» — спросил он. Странник рассказал историю жизни учителя: как ещё в детстве с ним поступили несправедливо его собственные родственники, о его страданиях, о том, как он овладел чёрной магией и использовал её, чтобы отомстить, и о том, как потом он переменился и стал отшельником, а сейчас он — изумительный мастер йоги.

В заключение странник сказал:

- Теперь он живёт в области Нгари, и я один из его учеников.
- А могу я повидать его? — спросил Гампопа.
- Конечно, — ответил странник.

Гампопе очень хотелось встретиться с этим йогиним, и он, не теряя времени, на следующее же утро отправился в Нгари. Он нашёл Миларепу в местности, которая называлась Счастливые Горные Вершины. Едва увидев лицо учителя, Гампопа обрёл жар блаженной пустоты. «Сядь и упражняйся в *туммо*!» — сказал ему Миларепа. Туммо — это йога внутреннего жара. Посвятив этой практике совсем немного времени, Гампопа, как вы можете прочесть об этом в книге «Жизнь Миларепы», проявил совершенные знаки успеха, связанные с растворением потоков энергии в центральном канале¹³.

Когда Гампопа достиг высочайшего уровня постижения Махамудры, пробуждённого состояния ума, его гуру сказал: «Ты уже достаточно побыв со мной. Теперь тебе надо идти на гору Дагпо и практиковать в уединении, но, пока ты ещё здесь, я хочу дать тебе последний урок».

В день расставания Миларепа немного проводил Гампопу. После того как они посидели на валуне, чтобы отдохнуть, настало время прощаться. Миларепа встал, задрал подол своей юбки, что носят йогины, и показал Гампопе свой зад, настолько тощий и мозолистый, что было похоже, будто через кожу проглядывают кости.

— Слушай! — сказал Миларепа. — Упражняйся в Махамудре, не занимая себя совершением добродетельных поступков тела и речи, потому что так ты рискуешь упустить свободную от мышления пробуждённость. Только потому, что я сидел на этой заднице, я достиг постижения. Я был упорен в применении пути средств и пути освобождения: Шести йог Наропы и Махамудры. Лёгкими, необременительными практиками ничего не достигнешь!

Не стремись добиться целей мирской жизни, — продолжал он. — Практикуй стойко. Настанет день, когда ты увидишь в этом деде самого Будду. Это случится, когда в тебе родится подлинное постижение. Это моё последнее наставление.

Гампопа отправился дальше и поселился на горе Дагпо в маленькой хижине для медитации, где упражнялся самоотверженно и с огромным упорством. Благодаря этим усилиям его способности углублялись, пока он не постиг состояние пробуждения, безграничное, как небо. Постепенно вокруг него собралось огромное число последователей: пятьсот его учеников сами стали полноправными учителями, достойными носить зонт Дхармы, что знаменовало их статус владык учений Будды, а это немалая должность. Так он исполнил пророчество Наропы, который сказал: «Мои ученики превзойдут своего учителя, но их ученики будут знамениты ещё больше». И действительно, йогины, вышедшие из его линии передачи, были многочисленны, как стаи птиц, которые, взлетая, заполняют небо¹⁴.

Среди главных учеников Гампопы был один по имени Дарма Вангчуг, которого считают первым учителем линии баром. С раннего детства он не думал ни о чём другом, кроме практики священных учений Будды. Подрастая, он хотел только одного: найти себе самого лучшего учителя.

Наконец юный Дарма Вангчуг встретил одного йогина и спросил, куда тот направляется.

— Я иду на гору Дагпо, где живёт несравненный Гампопа.

— Возьми меня с собой, я тоже хочу встретиться с ним! — воскликнул Дарма Вангчуг, тут же приняв решение.

И они отправились вместе. Встретившись с Гампой, Дарма Вангчуг сразу же стал его учеником.

В тех краях, откуда я родом, слово «ученик» используют, если на то есть веские основания. Ученик — это тот, кто посвящает практике всё своё время, кто отказался от всего, сосредоточившись исключительно на достижении просветления ещё в этой жизни. Людей, которые просто время от времени получали кое-какие посвящения или краткие учения, не всегда называют учениками.

Дарма Вангчуг стал образцовым учеником, который целиком — мыслью, словом и делом — предан служению своему учителю. Несколько раз он даже спасал Гампопу от смерти.

Мы, тибетцы, имеем обыкновение, показывая своё религиозное рвение, расталкивать других, чтобы поближе подобраться к ламе и получить благословение. Иногда люди ведут себя просто как стадо. Как-то раз на большой ярмарке разнеслась молва, что здесь находится Гампопа, и потому все, кто был на ярмарке, разом захотели получить от него благословение и при этом чуть не раздавили учителя. Должно быть, Дарма Вангчуг был довольно сильным человеком, потому что, как рассказывают, он поднял Гампопу себе на спину и унёс его в безопасное место.

В другой раз Гампопа с учениками высоко в горах продвигались по крутой и узкой тропинке. Як, на котором ехал Гампопа, поскользнулся и упал в пропасть. Но Дарма Вангчуг успел схватить Гампопу и тем самым спас ему жизнь.

Однажды Гампопа сказал Дарма Вангчугу: «Ты так долго и преданно служил мне. Теперь тебе настало время приносить пользу другим. Отправляйся на север, в пещеру на священной горе Кангсар, и посвяти себя исключительно медитации». Затем Гампопа описал эту гору и как туда добраться. Дарма Вангчуг взмолился, что предпочёл бы остаться скромным слугой, но Гампопа всё равно его отослал.

Дарма Вангчуг пошёл туда, куда велели, и практиковал с великим усердием, совершенно не заботясь о еде, одежде или славе. Боги и духи той горы приносили ему пищу, и он прожил там тринадцать лет. Под конец своего затворничества он мог летать в небе, свободно проходить сквозь твёрдые скалы, он обрёл все признаки совершенного учителя.

Дарма Вангчуг основал свой первый оплот Дхармы в Центральном Тибете¹⁵, к северо-востоку от Ахасы, близ горы Кангсар, где провёл все те годы. К нему стало стекаться всё больше верующих с подношениями, в том числе и из Китая. Однако, после того как его храм накрыла снежная лавина, он принял приглашение от правителя Нангчена, что в Восточном Тибете. Там он основал свой второй монастырь, и это королевство на протяжении жизни нескольких поколений постепенно стало наполняться *гомченами* и йогинами.

У меня на родине слово *гомчен* тесно связано с указующим наставлением Махамудры, самого глубокого учения в традиции баром. Почти все жители Нангчена получали это наставление, которое прямо знакомит с состоянием реализации, а потому все они становились гомченами. На каждом горном склоне, в каждой долине, в каждом семейном доме появлялся оплот практики. Под вечер даже простые водоносы использовали кожаные ремни своих коромысел в качестве поясов для медитации, а пастухи приспособливали для этого верёвочные арканы. Рассказывают,

что практиками были почти все, так что королевство стали называть Гомде — Страна медитирующих, и это свидетельство прочного укоренения там учений Будды.¹⁶

В наше время люди нередко удивляются, почему так много духовных практиков проводили по столько лет в уединённых горных обителях. Ответ прост: они остро осознавали бренность земного бытия — то, что все мы смертны, что время бежит и что нужно использовать свою драгоценную жизнь, чтобы обрести непреходящие ценности, то есть освобождение и просветление.

Они видели в мирских успехах и людском признании не что иное, как попытки демонов отвлечь нас от достижения просветления. Понимая, что погоня за земными ценностями — лишь тщетное преследование миражей, они отстранялись от мира, пока не достигали устойчивости состояния пробуждения, подобно тому, как подстреленный олень уходит в дебри, чтобы оправиться от ран. Обретя непоколебимую просветлённость, учителя начинали трудиться на благо других, создавая монашеские центры, где можно было практиковать и передавать учение Будды.

Удивительно, сколько один подлинный духовный учитель может сделать для всеобщего блага. Если представится такая возможность, постарайтесь почитать жизнеописания ранних буддийских учителей и основателей главных монастырей в Тибете. Посмотрите, как они приступали к практике и с каким великим усердием её выполняли, как потом они возводили прекрасные храмы на благо других. Будь у вас возможность увидеть множество существовавших до коммунистического разорения изящных статуй искусной работы, созданных на века и покрытых золотом благодаря подношениям верующих, вы были бы просто поражены. Однако все без исключения основатели этого невероятного изобилия были истинными аскетами, поскольку считали мирскую славу и успех причинами демонических сил.

Духовное влияние одного-единственного просветлённого существа может проникать во все уголки человеческой цивилизации. Тому были бесчисленные примеры на протяжении столетий. Например, прежде чем первый Кармапа построил в Центральном Тибете храмовый комплекс в Цурпу, где Дхарма процветала на протяжении столетий, он провёл в медитации несколько десятилетий, когда кровом ему служил всего лишь выступ скалы. Но настало время, когда он достиг такого уровня пробуждённости, что появились многочисленные знаки чрезвычайно высоких духовных достижений¹⁷.

Кроме Кармапы были тысячи и тысячи практиков, которые следовали примеру Миларепы. Когда человек живёт в безлюдной долине или в отдалённой пещере, презрев тщетные занятия и тем самым обретая вре-

мя, чтобы пробудиться к истинному просветлению, — вот что меня глубоко поражает!

Моя семья связана с этими ранними учителями линии баром-кагью через Тиши Репу, одного из главных учеников Дарма Вангчуга. Кроме него у Тиши Репы было ещё четыре гуру, и в честь своих учителей он придумал знаменитый головной убор с пятью вершушками — одной в центре и по одной в каждом из четырёх направлений¹⁸. Со времён Тиши Репы началась традиция духовного родства между Китаем и Тибетом, в соответствии с которой китайские императоры выбирали себе в наставники самых выдающихся тибетских учителей и приглашали их ко двору как своих гуру. Группу представителей императора регулярно посылали из Китая для поисков по всему Тибету самого великого учителя того времени. Поскольку слава ламы в пятиконечном уборе распространилась повсюду, он получил приглашение от императора. Вот почему его стали звать Тиши Репа: *тиши* — это китайский титул, присваиваемый императорскому наставнику, самый высокий духовный статус. Ниже тиши были два учителя в ранге *пакши*, а ниже каждого из пакши — два сановника в должности, называемой *юшир*. Должность *тиши* предусматривала свиту из сорока духовных лиц, оплачиваемую из императорской казны.

Изучая архивы во время своего пребывания в Цурпу, главной резиденции Кармапы, я обнаружил древнюю переписку с Китаем. Такое же приглашение ко двору китайского императора на должность тиши некогда было послано и третьему Кармапе. А в те времена приглашение означало скорее приказание.

В одном из посланий говорится: «К западу не найден ни один лама, который превосходил бы тебя по духовным качествам. Император установил это с помощью множества своих посланников. Только ты должен стать отныне императорским наставником. Если ты исполнишь это желание императора и прибудешь в Китай, он дарует тебе любые блага, как духовные, так и мирские. В случае неисполнения воли императора тебе больше никогда не выпадет другого счастливого дня».

К этому документу прилагалась большая печать из чистого золота — знак высокого положения. Два высокопоставленных чиновника лично доставили приглашение в Цурпу. Дальше в послании говорилось: «Отправляйся в Китай немедленно вместе с этими двумя чиновниками. Излишнее промедление, даже на один день, повлечёт за собой тяжкие последствия».

Такое «приглашение» требовало от Тиши Репы отправиться в Китай — у него просто не было выбора. Но он сделал это очень необычным образом. Возможно, интуиция подсказывала ему, что путешествие в каче-

стве великого учителя тибетского буддизма будет стоять ему жизни, а возможно, просто ему так нравилось, но он предпочёл одеться как нищий странник.

«Это платье совершенно неуместно, — запротестовали китайские чиновники. — Отправляться в путь по приказу императора нужно величаво, с должной пышностью и церемониями, подобающими великому ламе».

Поторговавшись, стороны пришли к соглашению, что свита великого ламы, в том числе и сорок его приближённых духовных лиц, проделают путь до Китая традиционным образом. Но самому Тиши Репе позволили сопровождать караван пешком и в облике нищего странника — в простой хлопковой одежде и с одним лишь деревянным посохом. Он прошёл пешком весь путь от Кхама до далёкой китайской столицы, тогда как все остальные ехали верхом на конях.

Есть письменные свидетельства о чудесах и других знаках совершенства, которые Тиши Репа явил при дворе императора. Но ещё он увидел, что императорская династия, которая имела монгольское происхождение, продлится не больше тринадцати лет. Когда десять из этих лет прошли, Тиши Репа подумал, что ему лучше не быть в столице во время падения династии, а потому подал прошение позволить ему удалиться. Но императорская семья категорически отказалась отпустить его в Кхам.

«Времена меняются к худшему, — подумал Тиши Репа, — жизнь императора висит на волоске, и если я останусь, то окажусь участником и войны, и внутренних раздоров. Нужно бежать тайком».

И он ускользнул. Обнаружив бегство Тиши Репы, император послал свои отряды во все концы на его поиски. Через два-три дня его схватили и под усиленной охраной доставили ко двору, где император приказал взять его под стражу.

— Какая тебе польза от моего заточения? — спросил Тиши Репа. — Ведь ты в опасности! Через три года и твою династию, и наследника ждёт безвременный конец. Что ты тогда будешь делать? Я не хотел быть очевидцем таких событий и решил уйти. Но ты мне не позволил, и потому я вынужден был бежать.

— Не смей так говорить, лама! — воскликнул император. — Всё, что ты сказал, скорее всего, ложь. Тот, кто позволяет себе говорить, как ты, должен быть наказан! Но, поскольку ты был моим гуру, я тебя прощу. И если ты действительно намерен меня покинуть, я тебе позволю. Ты же в ответ постарайся сделать так, чтобы моя жизнь продлилась.

Сменив гнев на милость, император осыпал Тиши Репу дарами и дал ему провожатых до Кхама. Когда отряд достиг границы, конь Тиши Репы лёг на землю и ни за что не хотел вставать. Тогда Тиши Репа сказал своим спутникам: «Это знак, что теперь я должен опять стать нищим странником». И он продолжил путь пешком.

По дороге он повстречал ехавшего в Китай Сакья Пандиту, главу одной из основных ветвей Дхармы в Тибете. Тот захотел оказать ему пышные почести, послав группу встречающих. Однако Тиши Репа сказал: «Ник чему всё это! Обращайся со мной просто как с нищим, кем я и являюсь».

Он продолжил своё странствие и, выбрав очень длинный путь домой, посетил Ахасу. Вернувшись в Кхам, через несколько дней он умер.

Поскольку Тиши Репа был учителем императора, его уход вызвал большой отклик. Было проведено множество ритуалов, и весть об этом вскоре достигла Китая. Новый император послал своих представителей доставить подношения, а также подыскать подходящего преемника. Они вернулись вместе с учителем по имени Репа Карпо, который был главным учеником Тиши Репы. Согласно письменным свидетельствам, величие этого учителя не поддавалось воображению, он был даже более совершенным, чем Тиши Репа. Многие видели, как от него исходил ослепительный свет. Новый император одарил его огромным богатством, которое было потрачено им на строительство множества храмов. В частности, он построил огромный храм в Нангчене, украсив его бесчисленными статуями, причём главная была точной копией статуи Будды Джово в Ахасе. Со временем он получил от императора тот же духовный титул, что и Тиши Репа.

Именно учеником Репы Карпо и был мой предок — Луме Дордже из рода Цангсар. Как-то раз, выполняя очистительный ритуал при огромном стечении народа, Репа Карпо заметил в толпе Луме Дордже и крикнул ему:

— Эй! Хочешь быть моим учеником?

Луме Дордже приблизился и ответил:

— Конечно. Я так благодарен, что вы сами предложили и мне не понадобилось даже просить.

С тех пор он стал учеником Репы Карпо.

Вскоре Луме Дордже достиг высокого уровня постижения. Кроме того, он построил монастырь Нангсо Ченмо, которому Нангчен и обязан своим именем. Сто пятнадцать колонн монастыря сделали его необычайно большим. Когда настало время для освящения, Луме Дордже раскинул небольшой шатёр и начал практиковать наставления, полученные от своего гуру.

Во время ритуала благотворители поднесли Луме Дордже *дрома* — наше традиционное и полезное, но очень жирное блюдо: маленькие сладкие корни, залитые прозрачным растопленным маслом. Луме Дордже поглощал одну большую чашку за другой, опустошив целых десять чашек, так что уже пошла молва: будто учитель ведёт себя как безумный и, наверное, умрёт или, по крайней мере, тяжело заболит. Но, когда все

собрались, учитель сделал так, что всё масло выступило через поры его тела, отчего оно стало ещё более сияющим, чем прежде.

— Не может быть, чтобы это было обычное человеческое тело! — сказал кто-то.

— Гляди! От него даже нет тени! Через него насквозь видно всё. Его следует называть Бестелесной Ваджрой, — подхватил другой.

«Бестелесная Ваджра» — таков смысл имени Луме Дордже. Этот учитель был поистине возвышенным существом — словно лев среди людей.

Когда его гуру Репа Карпо скончался, похороны стали большим событием, особым случаем для его учеников сделать щедрые подношения, чтобы отдать последнюю дань телу их гуру. Вскоре после этого великий Чогьял Пакпа, учитель из линии сакья, посетил монастырь Нангсо Ченмо, проезжая через эту местность по пути в Китай¹⁹. Последователи Репы Карпо сказали ему:

— Наш учитель покинул нас, и мы остались словно тело без головы. Вы — возвышенное существо, гуру императора и правитель Тибета, и мы хотели бы вверить вам монастырь и королевство Нангчен.

Чогьял Пакпа ответил так:

— Это было бы негоже, потому что такая голова не подошла бы к этому телу. Я сакья, а вы кагью. Это всё равно что голову овцы приставить к туловищу козы. Не лучше ли выбрать самого достойного ученика Репы Карпо. Мне были вверены тринадцать символов власти, дабы я вручил их тринадцати лицам рангом ниже меня. Первый из них я предложу главному ученику Репы Карпо, даровав ему титул *лачен* — «великий учитель». Так что выберите среди вас одного самого выдающегося ученика, и я награжу его этим титулом, чтобы он смог взять на себя заботу о вашем королевстве.

Один из учеников возразил:

— Мои братья по Дхарме все равны, между ними нет никакой разницы. Нам было бы трудно выбрать, кто из нас лучше.

— Но нет ли того, кто хоть чуть-чуть лучше других?

— Ну, есть такой Луме Дордже, телом похожий на золотой светильник, но он уехал в Центральный Тибет. А остальные все равны.

— Я тоже направляюсь в Центральный Тибет. Пошлите кого-нибудь, чтобы найти Луме Дордже и сказать, чтобы он там со мной встретился.

Посланцы отыскиали Луме Дордже неподалёку от Лхасы. Он был близким учеником Марпы²⁰. Его сопровождали к Чогьялу Пакпе, который даровал титул, вручив золотую печать и знак отличия из драгоценной парчи, символизирующий ранг лачена, одного из тринадцати высших священнослужителей. Получив эти регалии, Луме Дордже сказал: «В моём сердце была единственная цель — стать аскетом-гомченом, и уж меньше всего я думал стать дхармараджей, но я не стану противиться

вашей воле. Однако вы должны назначить мне сильного защитника Дхармы.

Тогда Чогьял Пакпа дал ему Четырёхликого Охранителя — защитника Дхармы из традиции сакья, даровав соответствующее посвящение и наставления. Затем Чогьял Пакпа сказал: «Можешь быть уверен, что этот охранитель будет следовать за тобой повсюду как тень».

Но это был не единственный охранитель Луме Дордже. Позднее ему привиделась охранительница Дусолма. Она спросила его:

— В чём ты нуждаешься?

— Ни в чём не нуждаюсь, — ответил Луме Дордже.

— И всё-таки, — сказала она, — я буду защищать твою линию преемственности Дхармы на протяжении тринадцати поколений, как если бы я являла себя во плоти.

Кроме того, Луме Дордже получил много посвящений и наставлений от великого ламы традиции *кадам* и от знаменитого индийского учителя Атиши²¹. Когда Атиша впервые прибыл из Непала в Тибет, его сопровождал защитник Дхармы по имени Обезьяноликий Ганапати. Этого охранителя Атиша передал ламе, который позднее сам передал его Луме Дордже, сказав: «Этот защитник наполовину просветлённое существо, а наполовину мирское, и зачастую он любит пошалить»²². Так что, когда Луме Дордже вернулся в Кхам как дхармараджа, его сопровождала невидимая свита, которая состояла из трёх защитников Дхармы.

Интересно, что Луме Дордже — так же, как его преемники, мои предки, — на самом деле не питал никакого желания приобрести светскую власть и славу, но предпочитал скромную жизнь аскета. Возможно, поэтому мои предки по отцу в конце концов утратили своё положение королей Цангсара, уступив его правителю Нангчена.

Благодаря Луме Дордже Дхарма расцвела во всём Нангчене. В первую очередь именно благодаря его духовному влиянию это королевство стали называть страной гомченгов. Луме Дордже оставался на золотом троне Дхармы в течение восемнадцати лет, а затем умер, или, как принято говорить у буддистов, «он показал метод выхода за пределы мира страданий». Семь дней все могли видеть появившиеся в небе чудесные радужные узоры. На его костях обнаружили тринадцать благоприятных знаков белой раковины, которые появились сами собой. Даже в наше время люди всё ещё пересказывают историю его кремации, в которой описываются чудесные, поистине невероятные знамения.

Нангчен в то время был небольшой самостоятельной страной, и поэтому было необходимо избрать преемника Луме Дордже. Выбор пал на его племянника Джангчуба Шонну, который был ламой. Он был учени-

ком Луме Дордже и жил где-то неподалёку в уединении, как гомчен. Посланцы нашли его и сказали:

— Вы должны оставить своё затворничество и стать королём. Вы можете продолжать духовную деятельность, занимая золотой трон Дхармы.

— Я не хочу заниматься ничем, кроме уединённой практики, — ответил Джангчуб Шонну.

— Что пользы в вашей практике, если вам безразлично, хорошо ли живут люди в нашей стране? — возразили посланцы.

Так Джангчуб Шонну унаследовал трон.

Взойдя на престол Дхармы, Джангчуб Шонну получил от китайского императора высокую духовную должность, а также множество даров от императорского двора. Он решил использовать свалившееся на него богатство для возведения в Нангчене величественного дворца-замка. Поселившись там, Джангчуб Шонну перенёс туда и троих охранителей Дхармы, не взяв с собой только Обезьяноликого, который наотрез отказался переселяться во дворец, предпочитая остаться жить за монастырём в Нангсо Ченмо.

Каждое утро Джангчуб Шонну совершал ритуал обхода вокруг двух замков и их храмов. Однажды, когда он шёл вокруг Нангсо Ченмо, на него бросилась собака и укусила. Пошли пересуды. В новом замке говорили так: «Как это они допускают, чтобы злая собака бегала на свободе? Они там собак не кормят, что ли? Тамошний управляющий возомнил, что может нашего ламу пустить на корм своим шавкам!»

В другом лагере слуги язвили: «Пусть он и великий лама, да нечего ему тут бегать по утрам в одиночку!» Начались споры и взаимные обвинения. Дело шло к большому раздору. Но разве нам в новинку, что в мире людей процветает ревнивое соперничество?

В конце концов управляющий новым замком обратился за помощью в улаживании конфликта к ламе из школы сакья, который сменил Чогьяла Пагпу на троне в Центральном Тибете. Этот управляющий, должно быть, обладал немалой политической мудростью, потому что, вернувшись назад, он предъявил высочайший указ, гарантирующий равный статус обоим замкам, что подразумевало раздел королевства. Джангчуб Шонну не возражал, сказав, что это его вполне устраивает²³.

С тех пор стали существовать два отдельных замка: Нангсо Ченмо и Цангсар. Через какое-то время в каждом появилось по собственному королю. В те времена держатели трона Дхармы одновременно были правителями главных регионов и обладали как светской, так и духовной властью. В течение столетий окружающие территории были объединены в два королевства, в которые входили десять тысяч семейных владений, разбросанных по малонаселённым просторам. В более позднее время многие из духовных учителей занимали высокие должности, которыми

их награждали китайские императоры: один раз было даровано звание тиши, дважды — пакши и тринадцать раз — гошир.

Когда в Китае к власти пришли монголы, они тоже давали королям Нангчена официальные титулы и должности. Короли Нангчена получили титул *чингху*, который на одну ступень ниже, чем гошир, но всё же выше, чем *ван*. Все западные территории делились на области, которыми управляли четыре чингху и восемь ванов. По современным представлениям мы могли бы назвать чингху подотчётным, но независимым правителем, а ван соответствует скорее губернатору области. Однако короли из рода Цангсар — мои предки — никогда не получали никаких должностей и оставались ламами²⁴.

В последующие столетия императорский двор ввёл традицию иметь своих представителей в различных областях Тибета. Подобно тому, как в Ахасе находился высокопоставленный китайский чиновник, которого называли *амбань*, китайские представители были и в Нангчене, и в соседнем королевстве Дерге.

Во времена учителя-поэта Кармы Чагме, за двенадцать или тринадцать поколений до моего рождения, китайцы из расположенного к северу Силинга принудили Цангсар уступить Нангчену большую часть своей политической власти. Затем примерно три поколения тому назад один важный советник при дворе Нангчена сумел привести Цангсар под власть короля Нангчена и ввёл обязательные подати. Так что, в конце концов, мы полностью потеряли независимость.

Когда я рос во дворце Цангсар, наша семья уже не участвовала в политических делах, хотя я обладал непрерывной духовной линией. Со стороны отца из поколения в поколение всегда были ламы-нгакпы. Родословная Цангсара продолжалась как линия преемственности баром-кагью, в то время как политическими делами страны управляли во дворце Нангчен.

Такое положение дел, когда в Нангчене были правители, а в Цангсаре — ламы, гармонично продолжалось на протяжении столетий, за исключением периода правления одного из королей.

Иногда мирская власть ударяет человеку в голову. Вот и король Нангчена в одно прекрасное утро посмотрел на восток и увидел, что вершина ближайшей горы заслоняет его дворец от тёплых лучей солнца. «Я король! Я хочу, чтобы по утрам у меня был солнечный свет! Скрыть вершину этой горы!» — вскричал он.

Огромные силы были брошены на эту работу, и скалу стали рубить. Гора была не из маленьких, но людям удалось убрать довольно большую часть вершины. Даже в наше время, если забраться на эту гору, можно увидеть результаты их труда.

Но работа была непосильной. Наконец один из рабочих сказал:

— Плохо дело. Мы начали не с того конца.

— Что ты имеешь в виду? — спросили товарищи.

— Легче срубить голову правителю, чем горе, — был ответ.

— Да ты что говоришь?!

— Нам и за тысячу лет не удастся закончить эту работу. Задали нам страшную, невыполнимую задачу. Давайте-ка все сплотимся и покончим с этим неразумным королём.

Именно так они и сделали: отрубили королю голову.

Нангчен разделили на восемнадцать районов, в каждом из которых было по крупному монастырю²⁵. Поначалу все восемнадцать принадлежали к баром-кагью, но влияние этой линии угасало, по мере того как влияние Кармапы с веками только росло. Так что многие из этих монастырей начали следовать его ветви школы кагью. К тому времени, когда я покинул Тибет, оставалось только несколько небольших монастырей баром-кагью, и одним из них был монастырь моего гуру в Лачабе²⁶.

Немного расскажу ещё о моих предках со стороны отца, знаменитое (и, возможно, несколько претенциозное) имя которых было Божественный Род Цангсар. Наша семейная линия состояла из женатых практиков Ваджраяны, множество поколений которых были политически независимы от короля Нангчена. Из поколения в поколение их владения и дворцы были хоть и не слишком велики, но вовсе и не малы.

Как я упоминал, мои предки посвящали себя духовному труду, а не политике. В какой-то период времени было восемнадцать братьев Цангсар, которые совместно приготовили восемнадцать комплектов *Канг-юра* — переведённых на тибетский язык слов Будды, — написав их все чистым золотом. Один комплект поднесли главному ламе линии сакья, один — Кармапе и ещё один отдали в Карма-Гон, главную резиденцию Кармапы в Кхаме. Когда я жил в Лачабе, у нас всё ещё оставался один из комплектов, а второй находился в небольшом храме, который был на попечении у Цангсар. Бумага, чёрная и плотная, была ручной работы, а буквы красиво выведены чистым золотом.

Жёны и сестры этих восемнадцати братьев, которых всего было двадцать пять, решили накопить заслуги, приготовив двадцать пять комплектов многочисленных сутр *Праджняпарамиты*, посвящённых запрещённому знанию, причём каждая книга была написана чистым золотом на тёмно-синей лазуритовой бумаге. В моё время один из комплектов всё ещё хранился в храме Цангсар. На протяжении столетий многие люди видели, как охранительница Дусолма оказывает почтение этим священ-

ным текстам, обходя их по кругу. С моей семьёй было связано множество художников. Однажды, когда Кармапа проезжал по местности между Тибетом и Китаем, ему вручили в качестве дара тысячу живописных свитков — *танка*.

Все эти предки из рода Цангсар, вплоть до моего прапрадеда, были мастерами, которые полностью обрели плоды духовной практики. Среди них, наверное, не было ни одного, включая и моего отца, кто не являлся бы какими-то чудеса или знаки великого постижения²⁷. Я слышал, что один из них возглавлял войско Нангчена и однажды на него напала группа солдат из Дерге, но их мушкеты не причинили ему вреда²⁸.

Более близким и очень важным звеном в нашей семейной линии Цангсар был Оргъен Чопел, мой дед по отцу. Будучи женатым практиком Ваджраяны, он одевался как простой мирянин. Его женой была Кончог Палдрон — моя бабушка и единственная дочь моего прославленного предка, великого открывателя учений-кладов Чокгьюра Лингпы. У них было четверо сыновей, все ламы, и две дочери²⁹. Все они — самые главные фигуры в истории моего рода. Как вы помните, я родился во время путешествия, когда моя бабушка отправилась на поиски Терсэя Тулку.

Когда мою бабушку выдали замуж за Оргъена Чопела, его главной семейной линией Дхармы была баром-кагью. Но это только так считалось. К тому времени все они придерживались практик школы нингма, которые содержатся в «Новых сокровищах» Чокгьюра Лингпы. Это сокровище томов учений, открытых им в своё время. Так что выходит, что резиденция традиции баром стала преимущественно нингмапинской.

Это не значит, что мои родичи совершенно отказались от учений баром. Некогда процветавшая практика Шести учений индийского гуру Наропы стала сходить на нет давным-давно, и теперь её поддерживают только в считанных местах. Но именно благодаря объединению Шести учений Наропы с освобождающими наставлениями медитации Махамудры многие из ранних практиков баром-кагью обрели сиддхи: тринадцать из них могли бежать быстрее коня, другие тринадцать могли мчаться как ветер, и было ещё множество других чудотворцев. Число их учеников множилось по всему Нангчену.

С другой стороны, практика Махамудры большей частью пропитывалась духом дзогчен, учений Великого совершенства. Всё, что осталось от чистой практики баром, — лишь особый ритуал призывания охранителя учений Будды. Этот ритуал продолжал оставаться в большом почёте: доходило до того, что некоторые монахи больше читали эту мантру, чем мантры своих божеств-йидамов. Во дворце Цангсар, где я провёл свои ранние годы, имелось отдельное молитвенное помещение, посвя-

щённое защитникам рода, — все его стены были увешаны огромными масками. Перед каждой нужно было ежедневно произносить особые молитвы и делать подношения. Помню, считалось, что одна из них мгновенно исполняет просимое. За столетия накопилось множество историй о защитной силе этих масок.

Как ни печально, в наше время традиция баром почти угасла, поскольку осталось очень мало лам, которые её сохраняют. На меня тоже возлагали какие-то надежды, но, конечно же, я мало что сделал. Что касается традиции баром, я не практиковал Шесть учений в стиле баром, а лишь читал призывания, обращённые к защитникам Дхармы. Вместо того я ещё ребёнком с головой ушёл в терма Чокгьюра Лингпы. У меня даже не было случая выполнять практику Чакрасамвары, главного божества баром-кагью³⁰. Так что есть все основания обвинять меня — и мне очень стыдно! — в том, что я упустил традицию Дхармы своих предков, потому что занялся учениями-терма Чокгьюра Лингпы. На самом деле в нашей семье больше всех выполняли практику баром-кагью мой отец и один из дядей; они применяли практики защитников Дхармы. Однако другой дядя, Терсэй, не произнёс ни одного слога из практик баром-кагью: он всецело посвятил себя «Новым сокровищам».

Согласно традиции кхамцев, поскольку у сыновей великого тертона не было детей, потомков его дочери высоко чтили как наследников и представителей Чокгьюра Лингпы. Тибетцы различают две разновидности потомков: «по кости» и «по крови». Быть внуком по кости — значит родиться в семье сына, а быть внуком по крови — значит родиться в семье дочери.

Продолжению учений-терма Чокгьюра Лингпы в первую очередь способствовала моя бабушка, которая родила четырёх сыновей, и каждый из них сослужил огромную службу в деле распространения этой традиции. Мой отец был вторым из четырёх сыновей; его звали Чиме Дордже, а мою мать — Карса Юри.

Вот такова краткая история рода Цангсар с духовной и мирской точек зрения. Самое важное в ней — связь с Чокгьюром Лингпой благодаря тому, что его дочь, мою бабушку, выдали замуж за Оргьена Чопела из рода Цангсар. Теперь вам, возможно, стало любопытно: кто же такой этот Чокгьюр Лингпа, что это за «Новые сокровища» и какие именно учения называют *терма*? И ещё, что самое важное в распространении традиции передачи Дхармы? Всё это будет главной темой большинства рассказанных мною историй. Исключительно по милости моей бабушки я знаю множество этих историй.

Сокровища Лотосорождённого

В конце VIII века в Тибет прибыл Падмасамбхава, Лотосорождённый. Его, первейшего мастера Ваджраяны, сопровождала вся тысяча будд нашей калпы³¹. У него было двадцать пять главных учеников, и в следующих своих рождениях эти ученики стали тертонами, которые обнаружили учения Падмасамбхавы, сокрытые им ради блага людей будущих времен.

Мой коренной гуру, Самтен Гьяцо, питал невероятную веру в Падмасамбхаву и, бывало, рассказывал мне, как его восхищают слова Лотосорождённого. Хотя Самтен Гьяцо обладал чрезвычайной эрудицией и изучил огромное количество книг, он продолжал находить много свежих аспектов смысла учений Падмасамбхавы.

«Никто не превосходит величием Падмасамбхаву, — часто говорил Самтен Гьяцо. — Конечно, Будда Шакьямуни — это источник, но благодаря Лотосорождённому учения Ваджраяны распространились и стали процветать по всей Индии, а особенно в Тибете. Если вы внимательно присмотритесь, то поймёте, как удивительны эти учения-терма! А если вы сравните эти его откровения с любыми другими произведениями, то сможете увидеть их неповторимость. Причина в том, что они пришли от самого Падмасамбхавы.

Красота их слога изумительна! Такую красоту и глубину, какие есть в практиках терма, трудно выразить кому бы то ни было. В отличие от трактатов, написанных просто учёными людьми, в учениях-терма каждое слово можно понимать на всё более и более глубоких уровнях. Благодаря особому качеству ваджрной речи Падмасамбхавы каждый раз, когда вы читаете его учения, вас неизменно охватывает чувство веры и преданности, доверия и полной убеждённости!

Мы встречаем учения, изложенные похожими словами, в открытиях нескольких тертонов. Причина в том, что они представляют собой безошибочную речь Падмасамбхавы, записанную тертонами, разгадавши-

ми символические письма дакини»³², — говорил он, имея в виду тантрийских божеств женского облика.

«Не остаётся никакого места сомнениям. Например, семистрочная молитва, начинающаяся со слов: “На северо-западной границе Уддияны...”, присутствует в многочисленных терма: разные открыватели припадали к одному и тому же источнику.

Перед тем как покинуть Тибет, Падмасамбхава сокрыл великое множество терма, содержащих учения, драгоценные камни и священные предметы, — дабы всё это служило опорой практикам грядущих веков.

На благо будущих существ Лотосорождённый по своей великой доброте сокрыл терма в скалах, озёрах и даже в небе. Как подумаю об его безмерном милосердии, во мне рождается благоговейный трепет. Однако есть люди, не способные оценить эту доброту. В наши дни некоторые скептики возражают: “Ведь эти тертоны не принадлежат к непрерывной линии преемственности и не имеют посвящения и передачи от Падмасамбхавы, чтобы учить. Они просто откапывают какие-то вещи, которые сами же и спрятали!”

Но на самом деле тертоны, которые явились, чтобы обнаружить учения-клады, в своей прежней жизни получили от Лотосорождённого Гуру благословение, посвящение и передачу этих терма. Каждый тертон уже полностью получил силу передачи, и это подлинное посвящение намного превосходит те поверхностные посвящения, дающие лишь видимость благословения, которые так часто получают в наше время.

Все великие тертоны были мастерами, тело, речь и ум которых обладала благословением и духовной силой, полученными от самого Лотосорождённого. Заявлять, что у них не было передачи, просто смешно. Такие заявления показывают незнание их автором семи традиционных способов передачи³³. Учения-терма изумительно глубоки и хранятся в сокровищнице “четырёх способов и шести пределов” — десяти последовательных уровней всё более глубокого смысла, с точки зрения которых можно толковать тексты Тантры». Вот так Самтен Гьяцо знакомил меня с учениями Падмасамбхавы.

«Если хочешь применять терма, то уровни их смысла бескрайни. С самого детства великий тертон не похож на своих сверстников, — продолжал мой гуру. — Он обладает чистым видением божеств и исполнен духовных свершений. Тертоны отличаются от обычных людей, которым приходится следовать по постепенному пути обучения и практики. Обычные люди не могут обрести мгновенного постижения!»³⁴

Как говорил мне другой мой учитель, Дзонгсар Кьенце: «Учения-терма — словно урожай, созревающий осенью. Каждый год готов новый урожай, и его пожинают на общее благо, потому что настала пора им воспользоваться. Учения-терма были сокрыты с тем, чтобы их обнаружили

в более поздний исторический период, и появляются они в той форме, которая наилучшим образом подходит к условиям того времени, когда их открывают».

Приходит время, когда требуется открыть те или иные учения-терма, — и в мире появляются великие тертоны. Они способны опускаться в глубины озёр, взлетать в немыслимые места пещер и вынимать предметы из каменных скал.

Мой прадед Чокгьюр Лингпа был одним из таких мастеров, которые открывали клады Лотосорождённого Гуру.

5.

Мой прадед, открыватель кладов

Чокгьюр Лингпа родился в Нангчене, неподалёку от королевского дворца, и воспитывался в монастыре Цечу как простой монах. Как-то раз во время ежегодного исполнения тантрийских танцев он сбился с ритма и стал танцевать сам по себе. Этим он огорчил наставника по танцам, который был готов его поколотить.

Среди присутствующих был Адеу Ринпоче — гуру короля Нангчена. Он к тому же был сыном предыдущего короля, а потому очень влиятельной в королевстве фигурой: в те времена в Нангчене он занимал самое высокое положение среди всех лам.

Обладая ясновидением, Адеу Ринпоче понял, что будущий тертон принимал участие в танце небесных существ, который в его видении происходил в чистой стране Падмасамбхавы, — Чокгьюр Лингпа просто присоединился к этому танцу.

Адеу Ринпоче пришёл на помощь Чокгьюру Лингпе: «Не бейте его! Он танцует по-своему. Не вмешивайтесь».

Вскоре Чокгьюр Лингпа попросил разрешения покинуть монастырь, и Адеу Ринпоче дал своё согласие: «Хорошо, можешь идти. Странствуй, где хочешь, и помогай живым существам».

Перед расставанием Чокгьюр Лингпа подарил королю Нангчена статуэтку и попросил у него лошадь и провизию. Однако королю не хотелось его отпускать, да и щедростью он не отличался.

«Этот сумасшедший монах дал мне какую-то фигурку Падмасамбхавы, то ли из глины, то ли из камня, — сказал король, не понимая, что это одно из драгоценнейших терма, которое Чокгьюр Лингпа уже обнаружил. — Дайте ему старую лошадь и чепрак». Из-за тако-

8.
Чокгьюр
Лингпа —
открыватель
учений-кладов

го пренебрежительного отношения со стороны короля Чокгьюр Лингпа никогда не стал обособиваться в Нангчене.

Мой прадед не получил формального образования, однако Конгтрул Старший назвал его истинным пандитой и великим учёным³⁵. Эта перемена произошла с Чокгьюром Лингпой, когда он пребывал в традиционном строгом затворничестве, которое продолжалось три года и шесть недель, в своей резиденции над монастырём Карма-Гон в Кхаме. Выполняя практику затворничества, он, по его собственным словам, «чуть-чуть разобрался в смысле тантр, агам и упадеш», имея в виду три глубоких раздела внутренней тантры: Маха-, Ану- и Ати-йогу³⁶.

Чокгьюр Лингпа был не просто истинным тертоном: он сделал самые важные для нашей линии передачи открытия. Он был перевоплощением царевича Муруба, второго сына великого царя Трисонга Дэуцена, укрепившего Дхарму в Тибете. А в другой из своих прежних жизней он был Сангье Лингпой³⁷. Чокгьюр Лингпа был «держателем» семи разных передач, и его часто считают последним из ста самых важных тертонов.

Его почитают владыкой всех тертонов, отчасти потому, что ни один другой тертон не открывал учения, заключающего в себе раздел Пространства дзогчен. Было несколько открытий из раздела Ума. Все видные тертоны обнаруживали учения раздела Устных Наставлений, но только Чокгьюр Лингпа передавал раздел Пространства. Вот почему его «Три раздела дзогчен» считаются самым необычайным терма из всех, которые он когда-либо обнаружил³⁸.

Большинство историй о том, как Чокгьюр Лингпа открывал терма, я услышал от бабушки. Дочь Чокгьюра Лингпы, она ещё ребёнком была очевидицей этих событий. Мою бабушку никто не мог бы уличить во лжи

9.
Лотосная
корона
Чокгьюра
Лингпы

10. (слева)
Лотосная
Хрустальная
пещера —
священное
место «Трёх
разделов»

11. (справа)
Кала Ронго, где
было обнару-
жено Тугдруб

или преувеличениях. Потому что она была чрезвычайно правдивым человеком и никогда ничего не приукрашала и не очерняла.

Она рассказала мне, как однажды Чокгьюр Лингпа открыл терма на глазах целой толпы³⁹.

«Отец часто извлекал терма в присутствии более чем тысячи людей. Так нужно было, потому что тибетцы, и особенно уроженцы восточной части Кхама, известны своей крайней недоверчивостью. Они не станут слепо верить всякому, кто объявит себя тертоном. Но Чокгьюр Лингпа был вне всяких подозрений, потому что не раз обнаруживал терма при многочисленных свидетелях.

Почему терма нужно было открывать прилюдно? — продолжала она. — Чтобы было полное доверие, безо всяких сомнений. Никакого обмана — терма находят на глазах всех присутствующих. Будь это просто ловким фокусом, не оставалось бы никакого подлинного, вещественного терма, которое можно было потом показать, никакого символа просветлённого тела или речи⁴⁰.

Иначе было бы не так просто убедить людей, что Чокгьюр Лингпа действительно посланец Падмасамбхавы. Кхамцы ещё более твердолобы, чем жители Центрального Тибета, и более недоверчивы. А среди кхамцев самые большие скептики — это жители Дерге: они ни за что на свете просто так не поверят никакому новоявленному самозванцу, что он тертон! Они поверят только тому, кто лично обнаружит терма прямо на их глазах.

Такие открытия мы называем *тромтер*, что значит “публичное терма”, терма, обнаруженное при стечении множества очевидцев. Когда предстоит открытие некоего терма, сначала объявляют: “Открытие терма состоится прилюдно!” Услышав эту новость, посмотреть собирается множество людей.

Ещё тертон чудесным образом получает “список ориентиров”, служащий как бы ключом, который точно указывает, где спрятано терма. Такой текст необходим, чтобы обнаружить терма и извлечь его. Получив это таинственное руководство, тертон может мысленным взором увидеть план местности, расположение гор, долин, скал, пещер и т. п. Это руководство также содержит описания “знаков терма” — особых меток, оставленных Падмасамбхавой или Еше Цогьял, например слог ХУМ. Местонахождением терма может быть определённая гора или пещера, такое место, которое описывается как разинувший пасть лев, черепаха или другое животное, особенности тела которого указывают на характер местности. Знаки терма могут находиться на шее, между глаз, в сердце или в другом месте того или иного животного.

В руководстве также указано надлежащее время обнаружения терма и особенности охраняющего его духа. Иногда в этом участвуют три разных

духа: *щидаг, нэдаг и тердаг*. Щидаг, хозяин земли, — это, например, Махешвара, который охраняет всю долину Катманду, а нэдаг, хозяин местности, — это, например, Тарабхир, охраняющий тайное место пребывания будды Тары близ Наги-гомпы. Тердаг⁴¹, владетель терма, — это особый дух, которому доверили хранить терма, когда оно было сокрыто.

Как можно похитить терма? Возможно, когда Гуру Ринпоче прятал терма, его видели птицы и другие животные, которые потом знали, где оно укрыто. В одной из своих следующих жизней они могли стать похитителями терма. Так что был такой приказ: “Не допускать, чтобы воры похитили терма! Не допускать, чтобы оно попало в руки нарушителей самайи! Не верить их никому, кроме моего, Падмасамбхавы, посланца!”

Так охранитель получал от Падмасамбхавы наставление вручить терма тертону, которому выпало это предназначение. Однако открыватель клада не может просто унести терма, словно вор, убегающий с добычей. Он должен отдать какой-то выкуп, что-то вроде взятки. Кроме того, ему нужно оставить что-то взамен — или учение, или какую-то драгоценность, например что-то священное.

Как только разносилась весть о том, что скоро случится нечто удивительное, конечно же, находилось множество любопытных — а почему бы нет! Иногда собиралось человек пятьсот-шестьсот, а один раз их была целая тысяча. Но бывало, при обнаружении терма-тромтер присутствовала лишь небольшая группа: пять, семь, двадцать один человек или больше.

Был случай, когда Чокгьюр Лингпа, поднеся охранителю терма ритуальный напиток, попросил его снять с терма охрану. Затем он нарисовал на камне кружок, который открылся, будто задний проход у коровы, и каменная порода просто выплеснулась из него, обнаружив полость, в которой находилось терма. Оказалось, что внутри камень был заполнен искрящимся радужным светом. Ещё мы почувствовали необыкновенно приятный запах, который, казалось, наполнил всю долину. А кроме того, оттуда вырвалось целое облако алого порошка синдхуры. Чокгьюр Лингпа раздал людям немного этого порошка, чтобы они его сохранили».

Бабушка продолжала: «Все медленно пели молитву Лотосорождённого, которая называется “Самопроизвольное исполнение желаний”»:

Открывая терма для тех, кто избран нести благо существам, §
С отважной уверенностью чистой самайи, §
Свободной от колебаний и сомнений, прошу тебя: §
Даруй благословения, дабы сами собой исполнились все желания! §

Кто-то уже приготовил рядом накрытый парчой стол, чтобы поместить на него драгоценные предметы. Предметы-терма часто бывают очень горячими на ощупь, когда их вынимают, и только мой отец мог

удержать их в руках. Некоторые из них бывали настолько раскалены, что прожигали парчу»⁴². Бабушка говорила об этих предметах так: «В них ещё не остыл жар благословения». Иногда такие слова звучат как метафора, но бывало, люди действительно обжигались. Однажды я сам видел прожжённые куски красной и жёлтой парчи в ларце, где хранились некоторые священные вещи, принадлежавшие Чокгьюру Лингпе.

Вынув терма, великий тертон благословлял всех. В это время он также давал объяснения относительно истории происхождения этого терма: как и почему Падмасамбхава его укрыл, с каким конкретным пожеланием он его спрятал, почему оно теперь обнаружено, какова польза от его благословений и прочее.

Бабушка рассказывала: «Я видела, как вся толпа плакала от переполнявших её чувств веры и преданности, в воздухе стоял гул от плача. Будь ты хоть упрямым умником, всё твоё неверие испарялось. Все были поражены чудом».

После обнаружения терма Чокгьюр Лингпа взамен неё оставлял в каменной полости что-то другое. Например, если это были две фигурки Падмасамбхавы, то одну из них Чокгьюр Лингпа возвращал на место. Если это был свиток с письменами дакини, он оставлял вместо него какую-то драгоценность. В завершение он замуровывал отверстие, иногда закладывая камнями, а иногда даже расплавляя скалу, будто покрывая замазкой. Если Чокгьюр Лингпа просто вставлял камни в расселину, то, по свидетельству побывавших там позднее людей, повреждённая поверхность сама собой «затягивалась».

Бабушка была не единственным знакомым мне человеком, который сам видел, как Чокгьюр Лингпа открывал терма. Однажды, когда я жил в семейном доме нашего рода Цангсар, у нас остановился Пема Тринлэ, слуга этого великого тертона. Последний год своей жизни он провёл с нами, и ему было почти девяносто лет, когда он умер. Молодой и любопытный, я расспрашивал его о днях, проведённых с тертоном, и он рассказывал мне обо всём, что помнил.

Вот одна из его историй.

— Однажды, когда Чокгьюр Лингпа находился в одной деревушке у подножия красивой горы Карма, ему представилась возможность открыть «терма скота». Хотите — верьте, хотите — нет, он объявил, что произведёт на свет настоящих животных! Услышав об этом, много народу собралось вокруг него, и все гурьбой направились к скале, вздымавшейся на склоне горы Карма.

В те времена не было спичек, а Лхагсам, повар Чокгьюра Лингпы, забыл захватить с собой кремневое огниво. Без огнива он не мог при-

готовить чай, а потому послал за ним в деревню своего помощника. Однако все обитатели деревни в то время занимались сбором дикорастущих сладких клубней *дрома*, так что помощник вернулся с пустыми руками.

Когда этот помощник направлялся обратно на гору, Чокгьюр Лингпа занимался своим делом в шатре перед скалой. Люди уже слышали рёв и мычание скота, раздававшиеся откуда-то из глубины горы, будто животные вот-вот прорвутся через каменную толщу. Всё это слышали, а некоторые даже перепугались, как бы их сейчас не затоптали.

Тут помощник повара закричал: «Эй, Ахагсам! Я не нашёл огнива! В деревне никого нет». Великий тертон услышал из своего шатра его крики и спросил: «Что он сказал? Они исчезли? Они ушли?» Видите ли, на кхамском диалекте слово «огниво», которое звучит как *меса*, и имя повара Ахагсам похожи на слово, означающее «исчезли», «ушли». Пока Чокгьюр Лингпа спрашивал, что там сказали, звуки, издаваемые животными, постепенно заглохли.

Тогда Чокгьюр Лингпа воскликнул: «Благоприятные обстоятельства упущены! Этот помощник повара всё испортил! Не нужно здесь оставаться! Собираемся и уходим!» Тогда все в спешке покинули это место. Они даже не выпили чашки чая, потому что не нашлось огнива.

Однажды бабушка рассказала мне, почему нам, продолжателям линии Чокгьюра Лингпы, не нужно бояться местных духов, таких как Гьялпо Пехара или Самтена Кангсара⁴³.

Во время одного из путешествий Чокгьюра Лингпы в Ахасу северным путём на широкой равнине их застиг ужасный буран. И даже когда свирепый ветер утих, небывало сильный снегопад бушевал ещё с неделю, так что продолжать путешествие было невозможно. Путешественники стали опасаться за свою жизнь. В отчаянии они начали сжигать все горючие предметы, какие только могли найти, — даже деревянные части своих сёдел.

Когда все собрались, чтобы что-то придумать, кто-то сказал: «Впереди у нас ещё долгий путь. Мы даже не миновали перевал. Что с нами будет? При таком снегопаде я боюсь худшего. Давайте попросим тертона о помощи, больше нам ничего не остаётся».

Когда ситуацию описали тертону, он сказал так: «Природные энергии долин и горные духи объединились, чтобы нас испытать. Они дерзят мне, намекая, что я не владею линией Падмасамбхавы. Но не бойтесь — просто ждите, и вы увидите, что произойдёт. Пусть практики разделятся на две группы: нгакпы будут со мной в моём шатре, а монахи пусть остаются на попечении Кармей Кхенпо. Приготовьтесь, упражняясь в йоге

туммо, потому что сегодня вечером мы выполним практику с мокрой одеждой. Это единственный способ справиться с напастью».

Две группы в тот же день начали практиковать йогу внутреннего тепла и достигли в ней таких успехов, что те, кто находился снаружи, могли видеть облака пара, поднимающиеся от обоих шатров. К полуночи тяжёлые снеговые тучи стали рассеиваться, а к утру небо было чистым, без единого облачка. Мало того, даже снег вокруг шатра Чокгьюра Лингпы растаял и показалась голая земля. В синем небе встало солнце, погода была чудесная, а снег продолжал таять по всей равнине. Руслу рек до самых берегов наполнились талыми водами.

Чокгьюр Лингпа предложил остаться на несколько дней, и всё это время продолжалось таяние снега. А Чокгьюр Лингпа вдруг воскликнул: «Я ещё не разобрался с этими молодцами! Кажется, Самтен Кангсар, Ньенчен Тангла и некоторые другие духи всё ещё помышляют о том, чтобы подвергнуть нас испытанию. Сегодня Самтен Кангсар должен получить урок. Приготовьте — ка большое белое *торма* и принесите мне».

В тот же день Чокгьюр Лингпа после обращения к охранителям стал нагревать торма, пока украшения из масла наверху торма не растаяли. Тем временем все увидели, как вдали, на вершине горы Самтен Кангсар — от которой этот дух получил своё имя, стали таять снега и по склонам понеслись потоки воды. На следующее утро были видны большие участки чёрного камня⁴⁴.

После того как Чокгьюр Лингпа подчинил Самтена Кангсара, погода была совершенно ясной три дня кряду: не было ни единого облачка. Талый снег вызвал целое наводнение в низинных местах.

Куда бы ни отправился Чокгьюр Лингпа, его спутниками всегда были множество образованных и совершенных учителей. Его величавое достоинство и влияние были не меньше, чем у великого Кармапы, — так что даже духовные учителя сопровождали его как слуги. Одним из них был йогин Карпо Сабчу — большой знаток «Шести учений» Наропы, достигший особого мастерства в искусстве скороходства. Говорили, что он может преодолеть расстояние от Кхама до Лхасы — что обычно занимало два месяца — за один день и вернуться со свежими овощами.

Однажды моя бабушка, которая тогда была ещё девочкой, сидела у шатра великого тертона со своей матерью, Маюм Дега⁴⁵. Вдали она увидела приближающегося всадника. Когда он оказался рядом, они узнали в нём северянина — это был лысеющий старый кочевник с заплетёнными волосами и горящим взглядом в необычно короткой одежде из козьих шкур. Его конь был альбинос с красными глазами. Такие кони очень редки, известно, что они плохо видят среди снегов.

Обычно посетитель из уважения спешил достаточно далеко от центрального шатра, но этот человек, к удивлению бабушки, подскочил прямо к шатру Чокгюра Лингпы, слез с коня и пошёл внутрь, не повернув головы.

— Видела, как этот наглый северянин направился прямо к шатру тертона? Он чуть не въехал туда прямо на лошади, — сказала Маюм Дега.

— Он уставился прямо вперёд и даже не собирался посмотреть направо или налево, — заметила бабушка. — Разве он не знает, что сначала нужно, чтобы его принял *дроньер*?

Дроньер — это слуга, ответственный за приём гостей.

Поскольку Чокгюра Лингпу постоянно окружали его близкие ученики, женщинам не пришло в голову беспокоиться о его безопасности. И, уже не думая о странном посетителе, они отправились по своим делам.

В шатре на временном троне, сооружённом из камней и дерева, собравшихся вокруг лагеря, сидел тертон⁴⁶. Посетитель плюхнулся на пол прямо перед тертоном и просто сидел, не проронив ни слова.

Слуга Карпо Сабчу, не заподозрив ничего плохого, подал ему чай, думая про себя: «Известное дело: эти северяне ничего не смыслят в учтивости. Только посмотрите на этого нахального старого чудака — он настолько бесцеремонен, что даже не стал ждать приглашения войти».

Карпо Сабчу был не только йогином, но и любил подшутить над людьми. Он сел рядом со стариком и стал заботливо потирать его колени, приговаривая, какие они холодные. У путника за поясом была простая ключка, которую Карпо Сабчу потехи ради попытался отобрать у старика-кочевника.

В какой-то момент показалось, что старик и Чокгюр Лингпа делают друг другу знаки руками и лицом. Вдруг великий тертон принял грозный вид, подняв правую руку в поистине царственном жесте. Незнакомец издал пронзительный стон и внезапно исчез — полностью растаял в воздухе. Карпо Сабчу огляделся, чтобы убедиться, что ему ничего не привиделось, но оказалось, что и конь тоже бесследно исчез.

К концу дня у Карпо Сабчу заболел живот. Поскольку близкие ученики Чокгюра Лингпы знали, что обращаться к нему можно только по самым важным вопросам, Карпо Сабчу помалкивал и потихоньку отправился на кухню готовить ужин. Но вскоре он стал ощущать пронизывающую боль, будто его глодали черви, пожирая внутренности. Хотя он понял, что не на шутку болен, он всё-таки не хотел, чтобы кто-то рассказал об этом Чокгюру Лингпе. Однако время шло, и Карпо Сабчу стало так плохо, что он приготовился к смерти. Наконец он попросил кого-то известить великого тертона.

Бабушка слышала, как Карпо Сабчу кричал от боли. Вскоре она увидела, что Чокгюр Лингпа и дроньер направилась к шатру Карпо Сабчу, и последовала за ними, чтобы посмотреть, что происходит. Она прослу-

нула голову в дверь и увидела на постели Карпо Сабчу, скорчившегося от боли. Ещё она увидела, как Чокгьюр Лингпа, нахмурившись, говорит: «Он непременно умрёт. Кто бы другой был так глуп, чтобы трогать демона да ещё играть с ним? Он даже хватался за его посох, а потому и потерял свою жизненную силу⁴⁷. Нет никаких сомнений: он не жилец на этом свете».

Тогда все стали умолять великого учителя сделать что-нибудь, если это ещё возможно, чтобы спасти жизнь бедного йогина. Наконец Чокгьюр Лингпа пробурчал: «Приготовьте снаружи огненное подношение, а я позабочусь об остальном».

Выйдя из шатра, Чокгьюр Лингпа бросил в огонь щепоть цампы и подул на него. Тут же стоны Карпо Сабчу утихли. Когда он достаточно оправился, чтобы встать, он прокрался в шатёр тертона.

— Вдруг на меня напала эта усиливающаяся боль. Мне стало так плохо, что я не мог стоять на ногах. А потом боль так же внезапно ушла. Скажите на милость, что произошло?

Чокгьюр Лингпа объяснил:

— Старик, который приходил ко мне сегодня, на самом деле злой дух, обладающий довольно большими силами. Он принял человеческий облик. Когда ты дотронулся до его посоха, твои дни были сочтены. Это дух спросил меня: «Ты что, посланец Падмасамбхавы? Во всех снежных горах Тибета нет ничего, в чём бы я нуждался, ничьи советы мне не нужны. Я очень могуч. Но даже у меня есть одна небольшая помеха: два других духа не оставляют меня в покое. Они докучают мне при любой возможности. Если бы не эти двое, я был бы самым великим духом во всём Тибете. Как мне их покорить? Если ты дашь мне какие-то полезные советы, обещаю не вредить и не мешать никому из твоего рода».

Я ответил: «Согласен ты постоянно представлять на своей голове Лотосорождённого Гуру в образе достославного Нангси Силнона — “Покорителя Всего Явленного и Сущего” — размером с толщину большого пальца?» Я сказал ему, что дам наставления, если он ответит «да».

Но дух ответил: «Ни за что!»

«Ладно, — сказал я, — в таком случае вот как выглядит достославный Нангси Силнон во всём своём величии!»

Но вы все увидели только то, что я поднял руку. Тогда-то старик издал вопль и исчез без следа. Но, прежде чем устрасить его, я получил от него обещание никогда не трогать моих потомков, держателей линии и их последователей.

Однажды Чокгьюра Лингпу пригласили в большой монастырь в Самье. Главный двор был богато украшен парчой и знамёнами, и учителя

попросили занять место на высоком троне Дхармы. Людей набилось туда столько, что яблоку некуда было упасть. Среди цветного платья преобладали бордовые и жёлтые монашеские одежды, совсем как на знаменитом молитвенном празднике в Ахасе.

Событие было не из рядовых: оно продолжалось почти семь дней и имело большое значение как с мирской, так и с духовной точки зрения. В определённый момент к трону приблизился разодетый старый монах, красовавшийся в многослойных парчовых одеяниях, и вступил в беседу с учителем. Так случилось, что личным поваром у Чокгьюр Лингпу служил человек, который был перевоплощением великого тертона Мингьюра Дордже, — и в том нет ничего необычного, поскольку среди его слуг нередко встречались тулку⁴⁸.

Увидев пышно разодетого монаха, который разговаривает с его учителем, Мингьюр Дордже подумал: «Кто этот гордец, отнимающий время у нашего гуру? Наверное, какой-то сановник — они все такие гордые, но он тут уже долго, и мне пора подать чай». Под тем предлогом, что наливает учителю чай, ученик упёрся рукой в старого монаха, чтобы его оттолкнуть. Однако незнакомец не поддался, но твёрдо оставался на месте. Между ними произошла небольшая стычка.

В конце концов через некоторое время тот человек повернулся и пошёл. Чокгьюр Лингпа тут же велел проводить его через плотную толпу, и он с большим достоинством прошествовал в главный храм.

Вскоре после этого случая Мингьюр Дордже почувствовал острую боль в животе. Боль стала такой невыносимой, что он не мог стоять. Разумеется, к Чокгьюру Лингпе можно было обращаться только по очень важному поводу. Так что Мингьюр Дордже только сказал дроньеру: «Я плохо себя чувствую и прошу о снисхождении. Пожалуйста, спросите учителя, не даст ли он мне благословение?»

Услышав эту просьбу, Чокгьюр Лингпа воскликнул: «А чего он ожидал после того, как пытался бороться с Гьялпо Пехаром! Разве он не слышал, что даже тень не должна упасть на могущественного духа? А он не только накрыл его своей тенью, но ещё и вздумал его пихать — и всё из-за чашки чая! Кто же не знает: тот, кто трогает духа, расстанется с жизнью».

Так что, хотя Мингьюр Дордже мучился невыносимой болью, он услышал не слова утешения, а выговор — как и Карпо Сабчу, который шутил с тем духом, который прикинулся стариком-кочевником, — и предсказание скорой смерти!

Дроньер взял на себя роль посредника между Мингьюром Дордже и Чокгьюром Лингпой, прося того сделать всё возможное. Смягчившись, Чокгьюр Лингпа велел взять указанный им текст и повторять нараспев четыре строки о «снятии сети» и «развязывании узлов» и при этом сде-

лать подношение в храме Гьялпо Пехара. Всё сделали, как он велел, — и Мингьюр Дордже действительно выздоровел.

Бабушка рассказала мне эту историю, когда я был ещё ребёнком. Она добавила, что Чокгьюр Лингпа вовсе не имел привычки хвастаться встречами с необычными существами. Напротив, он упоминал об этом только в редких случаях, когда его особенно просили. В самом деле, он редко сам что-либо говорил о своих исключительных способностях, например о ясновидении. Однако немногочисленные исключения всё-таки были, как показывают следующие истории.

В один прекрасный день тертон и его свита ехали верхом вверх по долине Толу, направляясь в Цурпу. Поскольку моя бабушка ехала позади отца, она слышала, как он рассказывал истории о политической борьбе и столкновениях между двумя возможными преемниками Пятого Далай-ламы: Сангье Гьяцо и Ахабсангом.

Эти двое были настоящими друзьями, и каждый настаивал, чтобы страной стал править его друг, — они не хотели соперничать. В конце концов они договорились, что судьбу власти нужно решить, бросив кости. Сангье Гьяцо, который был силен в астрологии, выбрал для этого события благоприятный день, но вычисления показали, что всё следует провести и завершить за один день. Он сказал Ахабсангу: «Если я выиграю, тебе придётся собраться и уйти со всей своей свитой и всем имуществом. Если ты выиграешь, обещаю, что я немедленно сделаю то же самое».

Кости были брошены, и победа выпала Сангье Гьяцо. Ахабсанг пошёл собираться к отъезду, но вскоре вернулся и сказал: «Моя жена беременна и, кажется, скоро родит».

Так Ахабсанг остался, и с тех пор начались политические интриги. Как вы знаете, желание политической власти может безраздельно завладеть человеческим сердцем, и не так-то легко от него освободиться. То, что произошло потом, — история долгая и запутанная, но, как бы там ни было, настал момент, когда новоявленный регент Сангье Гьяцо оказался в одиночестве, пытаясь верхом на коне бежать от воинов Ахабсанга.

«Его схватили прямо на этом повороте, — сказал Чокгьюр Лингпа, к всеобщему изумлению, указывая на обочину дороги. — Теперь только я один знаю, что произошло, потому что это была одна из моих предыдущих жизней. В те времена важных пленников не доставляли обратно, а тут же отрубали голову. Видите этот ряд камней-*мани*? Здесь упало моё тело. А моя голова скатилась вот сюда».

Поражённая ясновидением своего отца, его знанием о прошлых жизнях, бабушка с широко открытыми глазами проехала мимо того места и продолжила путь в Цурпу.

Кармей Кхенпо рассказал моей бабушке следующую историю.

«Чокгьюр Лингпа решил отправиться на рыночную площадь в Ахасе. На одной из улиц все мясники разложили свой товар на столах, и кругом были только кровь и кишки. Они разрубали туши и тут же продавали мясо.

Среди продавцов выделялась одна женщина со странным выражением в больших глазах. Как мне показалось, цвет её лица был с синеватым оттенком, а в руках её так и мелькал большой нож. С большой ловкостью она отсекала большие куски мяса, которые продавала покупателям, выстроившимся в очередь.

Что произошло потом, поистине меня поразило. Не успели мы ничего сообразить, как тертон не только подошёл к этой женщине, но и склонил перед ней голову, и её большая ладонь легла на его макушку. Такого мы ещё не видели. Что же это творится: Чокгьюр Лингпа просит благословения у женщины, да ещё и у торговки мясом!

«Ну и ну! Как ужасно!» — подумал я. Мы были изумлены. Только когда мы продолжили путь, мне представился случай спросить тертона, кто была та женщина.

«Что значит кто? — спросил тертон. — Наверное, я самый счастливый из всех нас, потому что одного меня благословила будда Ваджрава-рахи в человеческом облике. Вы бы тоже могли так легко получить её благословение, но никому даже в голову не пришло попросить».

Кармей Кхенпо был очень строгим монахом и неукоснительно соблюдал свои обеты, в том числе и обет не прикасаться к женщинам. Как позже он сказал моей бабушке: «Ни за что на свете я не попросил бы благословения у женщины!»

Мою прабабушку Дечен Чодрон называли Маюм Дега. Супруга Чокгьюра Лингпы, она была дочерью одного из двадцати одного губернатора королевства Дерге. Маюм Дега считали воплощением Еше Цогьял, ближайшей ученицы Падмасамбхавы.

Я не очень охотно говорю об этом, поскольку может показаться, что я хвастаюсь своим происхождением, но существуют священные тексты, в которых Лотосорождённый предсказал: трое детей Чокгьюра Лингпы будут воплощениями трёх главных бодхисаттв — Авалокитешвары, Манджушри и Ваджрапани. Предполагалось, что воплощение Манджушри — это его сын

12.
Еше Цогьял —
великая
дакини,
ученица
Лотосорож-
дённого

Вангчог Дордже; воплощение Авалокитешвары — Цеванг Норбу, ещё один его сын от другой супруги; а воплощение Ваджрапани — это моя бабушка.

Маюм Дега могла быть гневной. Бывало, она шла наперекор великому тертону. Не так чтобы это были серьёзные размолвки, но иногда её упрямство приводило к ссоре. Она была своевольна и любила время от времени выпить, что не беспокоило Чокгюра Лингпу. Однако он не одобрял её обыкновения пить из когтя гаруды, который он нашёл, когда обнаружил одно из терма. Однажды он сказал:

— Отыскивая этот редкий коготь гаруды, я трудился не для того, чтобы ты использовала его вместо рюмки! Я терпеть не могу, что ты наливаешь в него выпивку, — он только для священных вещей!

Маюм Дега резко возразила:

— Какая разница: коготь гаруды или рог яка — главное, чтобы выпивку туда можно было наливать! Именно для того я и собираюсь его использовать! — И тут же себе налила.

Чокгюр Лингпа взорвался:

— Ты думаешь, так легко достать коготь настоящего гаруды? Такая птица живёт только на вершине легендарной горы Сумеру. Падмасамбхава спрятал этот коготь в терма на благо нашего времени. Его истинное назначение — помогать лечить болезни, насылаемые духами-нага. А ты всё время бессовестно пользуешься им, не найдя ничего лучшего, как пить из него вино.

Позднее кто-то сказал, что именно из-за упрямства прабабушки второй её ребёнок был девочкой. Но я всё равно считаю, что своей жизнью моя бабушка — была бы она мальчиком или девочкой — исполнила пророчество Лотосорождённого Гуру: она была воплощением Ваджрапани. Именно благодаря тому, что она родила четырёх сыновей, которые так много сделали для продолжения передачи учений-терма Чокгюра Лингпы, эти учения широко распространены и сегодня. И всё это потому, что она была бодхисаттвой.

Это поистине удивительно!

Кармей Кхенпо рассказал Кончог Палдрон ещё такую историю.

«Во время одного путешествия Чокгюр Лингпа пересекал лежащую между Лхасой и Кхамом местность, известную тем, что её облюбовали разбойники и воры, грабящие путников и паломников. В этом месте отвляется дорога в Амдо и тоже ведёт в местность, полную грабителей.

Главари шаек из каждой местности собрались на сходку, и неспроста. Один из них предложил: «Есть новости, что сюда приближается большой караван из семи или восьми сотен кхамцев. Среди них — богатеи, у

которых множество выючных животных. Нужно объединить наши силы и хорошенько их обчистить”.

В результате мы увидели шайку разбойников, которые преследовали нас, но не приближались. Каждый день около десятка их появлялись на вершине холма, чтобы следить за нами. Мы чувствовали себя дичью, за которой крадётся леопард. Чокгьюра Лингпу постоянно держали в курсе происходящего.

Среди обнаруженных Чокгьюром Лингпой терма была одна практика — сохранившаяся с его прошлой жизни, когда он был главным учеником Сангье Еше из Нуба, — особый способ приглашения охранителей Дхармы. И вот Чокгьюр Лингпа позвал меня в свой шатёр и сказал: “Нам нужно проучить этих разбойников раз и навсегда! Возьми перо и записывай всё, что я скажу!” Затем Чокгьюр Лингпа продиктовал полную практику, которую в своей прошлой жизни получил от Сангье Еше. В ней есть строки о том, как великий учитель Нубчен повелевал охранителями Дхармы, а также указания, как особым образом трубить в рожки из кости. Когда я закончил записывать эту практику, Чокгьюр Лингпа предложил нам выполнить этот ритуал, включив в него подношение тарма.

В эту ночь разбойники предприняли нападение, но оказалось, что лагерь окружён стаей голодных волков! Хищники и жертвы вдруг поменялись ролями, и злодеям пришлось удирать от жадно разинутых пастей. Поговаривали, что волки задрали двух-трёх не самых прытких разбойников.

Но несколько грабителей всё-таки остались и решили попытать счастья на следующую ночь. Ночью мы снова стали выполнять тот ритуал и едва его закончили, успев только пару раз протрубить в костяные рожки, как разбойники начали окружать лагерь. Один из них закричал: “Да тут нечего бояться!”

Но тут разбойники вдруг увидели, как трезубец Чокгьюра Лингпы загорелся, а за ним вспыхнул и его шатёр. К их изумлению, пламя разраслось, и весь лагерь оказался охваченным морем бушующего огня.

Ни один из злодеев не отважился вступить в это пекло. Они уселись и стали ждать. Потом они объясняли, что огонь свирепствовал всю ночь. Большинство из них легли спать, а когда утром проснулись, не поверили своим глазам: лагерь был цел и невредим, а его обитатели сновали, упаковывая поклажу.

Главарь разбойников сказал своему подручному: “С этими кхамскими ламами нам не справиться! Отдай приказ не трогать их, чтобы они вернулись, откуда пришли, — и чем скорей, тем лучше!” Команда была выполнена, и караван больше не сталкивался с грабителями на всём оставшемся пути до Ахасы.

«Пока мы были в Ахасе, — добавил Кармей Кхенпо, — туда стали доходить рассказы о том, что пришлось пережить грабителям: как некоторых съели волки, а другие сгорели в огне. Так в разбойниках зародилась вера, и один за другим они стали приходить за благословением к Чокгьюру Лингпе».

В пророчествах, содержащихся в терма, было сказано, чтобы после смерти Чокгьюра Лингпы его останки поместили в золотую ступу, и Кхьенце Старший лично прибыл, чтобы надзирать за этой церемонией. Ступу позолотили, используя то самое золото, которое великий тертон обнаружил в своих терма. Это была очень большая ступа. Помню, что она была необычайно высока, примерно с три этажа. Тело Чокгьюра Лингпы поместили внутрь как главную святыню.

Два несравненных учителя

Кхьенце

Давайте я расскажу вам о двух выдающихся учителях, чья роль в «Новых сокровищах» неразрывно связана с деятельностью моего прадеда Чокгьюра Лингпы. Их связь началась тысячу лет тому назад, в те времена, когда в Тибет пришла Дхарма Будды. Когда строился величественный Самье, первый крупный монастырь Тибета, из Индии пригласили великих учителей: Падмасамбхаву, Вималамитру, Буддагухью и других. Их главными учениками из числа тибетцев были переводчик Вайроцана и Юдра Нингпо. Все эти учителя, ученики и переводчики способствовали тому, что учение Будды воссияло над Тибетом, словно восходящее солнце.

Во времена, когда жили Кхьенце, Конгтрул и Чокгьюр Лингпа, все те двадцать пять выдающихся учеников Лотосорождённого, которые за тысячу лет до этого собрались вокруг него в Самье, одновременно вернулись в разных воплощениях. Вот как выразился Дзонгсар Кхьенце, один из моих учителей: «Двадцать пять учеников Лотосорождённого возвратились так дружно, как гурт овец и коз выбегает из хлева. Эти ученики вновь явили себя учителями, обладающими невероятным духовным опытом и постижением, знаниями и свершениями. Столь же удивительными были и их ученики, и ученики их учеников».

Действительно, повсюду в Кхаме и остальном Тибете находили и узнавали тулку всех двадцати пяти учеников. Парадоксально, но этот расцвет был предвестием того, что эпоха, когда Тибет был оплотом духовных деяний на благо существ, близится к закату.

Существовало предсказание Падмасамбхавы относительно этих двух учителей: «Вы обладаете кармической связью отца и сына». Отец — это великий Кхьенце, а сын — Чокгьюр Лингпа. Ещё в предсказании говорилось: «Их умы сольются в одно целое, как полноводные реки» — это

подразумевало, что у них будет одинаковый уровень духовного переживания и постижения. Образ сливающихся потоков подразумевает их встречу, обмен глубинными наставлениями и пробуждение своего кармического потенциала.

Кхьенце и Чоклинг возвели Конгтрула Великого на трон как подлинное воплощение, или сознательное перерождение, тибетского переводчика Вайроцаны. Если сравнивать этих учителей — Чокгьюра, Кхьенце и Конгтрула, — то Чокгюр Лингпа считал и Великого Кхьенце, и Конгтрула своими учителями. Однако Кхьенце получил полную передачу «Новых сокровищ» от Чокгьюра Лингпы, которого с этой точки зрения можно назвать одним из его учителей. Несомненно, что Конгтрул Великий почитал Кхьенце своим учителем — здесь не возникает никаких вопросов, — точно так же, как Чокгьюра Лингпу. Так что на самом деле все трое были друг другу и учителями и учениками. Они были связаны друг с другом как «слитый ум». Тем самым эти три учителя помогали друг другу. То благо, которое они принесли учениям Будды и всем существам, можно сравнить с ещё одним восходом солнца Дхармы.

В юности Чокгюр Лингпа совершил путешествие в королевство Дерге. Там он встретился с Конгтрулом, который выказал большую симпатию к молодому тертону и его записям терма. Об этом упоминается в одном из писем Конгтрула: «Когда вы видите учения-терма этого человека, который даже не знает грамматики, это поражает! Поистине удивительно, что такие великолепные учения вышли из-под руки человека, не знакомого с орфографией!»

В те времена, чтобы получить аудиенцию у ламы, занимающего высокое положение, требовалось рекомендательное письмо, и поэтому Чокгюр Лингпа обратился к Конгтрулу за таким письмом, сказав: «Я хочу видеть Джамьянга Кхьенце Вангпо; дайте мне, пожалуйста, рекомендацию». Тогда великого Кхьенце называли Досточтимый Шабдрунг. *Шабдрунг* — это звание, соответствующее уровню *дордже лобпона*, лица, ответственного за проведение тантрийских ритуалов. Это звание лишь на две ступени ниже звания высшего иерарха школы сакья.

Конгтрул ответил: «Разумеется, я напишу рекомендательное письмо, чтобы представить тебя Досточтимому Шабдрунгу!» С этим письмом в руках Чокгюр Лингпа пошёл в резиденцию Кхьенце.

Перед этим Кхьенце записал терма ума, содержащее полные учения знаменитого сокровища *Тугдруб барче кунсел*. Теперь же Чокгюр Лингпа принёс с собой один из вариантов *Тугдруб*, который он обнаружил в священном месте Кала Ронг-го. Он держал его в тайне восемь лет.

Чокгьюр Лингпа рассказал Кхьенце историю своего открытия, в частности, когда и где он обнаружил это учение-терма, а также его содержание. Сравнив два варианта терма, они обнаружили их полную тождественность — расхождений не было ни в одном слове. После тщательного исследования двух вариантов Кхьенце сжёг свой со словами: «Поскольку слова и смысл одинаковы, зачем нужны два терма? Твоё терма — это терма земли (то есть материальный предмет, обнаруживаемый тертоном), а потому оно более глубоко и будет более действенным, чем моё терма ума (терма, обнаруживающееся в уме тертона)».

Так благословения двух линий — терма земли и терма ума — слились в единый поток. Это примечательное совпадение было основной причиной взаимного доверия двух тертонов. После своей первой встречи оба пережили благоприятные сны и видения. Великий Кхьенце принял Чокгьюра Лингпу в ученики, даровав ему несколько важных посвящений.

Затем Чокгьюр Лингпа вернулся навестить Конгтрула в его резиденции, расположенной на знаменитой Подобной Цари Драгоценной Горе, что над монастырём Палпунг в Кхаме. Конгтрул был тяжело болен и потерял зрение. Чокгьюр Лингпа дал ему посвящение Ваджрапани из своего терма «Ваджрная палица Владыки Тайн» и посоветовал повторять мантру. Такова была их первая связь в Дхарме.

Чокгьюр Лингпа настоятельно просил: «Вы должны делать эту практику — ничто другое не поможет вам вернуть зрение!». После того как Конгтрул завершил затворничество, посвящённое повторению этой мантры, он полностью оправился от болезни.

Когда Конгтрул рассказал историю своего выздоровления, Чокгьюр Лингпа ответил: «Конечно же, вы выздоровели. В своей прошлой жизни, когда вы были великим переводчиком Вайроцаной, вы наложили проклятие на недостойную царицу Маргьенму, злокозненную супругу царя Трисонга Дэуцена⁴⁹. Теперь вам пришлось страдать от созревания этого кармического деяния. Созревший кармический плод соразмерен жестокости совершённого вами в прошлом проступка и вылился в тяжкую болезнь, поразившую ваши глаза. Эта болезнь наслана духами-нага. Падмасамбхава предназначил эту особую садхану Ваджрапани для вашего исцеления. Вот почему я даю вам именно это посвящение».

С тех пор Конгтрул и Чокгьюр Лингпа обрели ещё более крепкую веру друг в друга, которая потом подкреплялась несколькими благоприятными снами и видениями.

Кхьенце, Конгтрул и Чокгьюр Лингпа совершили несколько совместных путешествий, во время которых обнаружили много учений-терма. Самое знаменитое из них — «Свет мудрости», которое позже сыграло важную роль в моём собственном образовании⁵⁰.

Кхьенце родился в королевстве Дерге в Кхаме. Название Дерге означает «добродетель и счастье». Это место традиционно было плодородной почвой для практики учения Будды, благословенной для Дхармы землёй, которой короли правили в согласии с духовными принципами. На протяжении столетий эти короли создали наиболее благоприятные условия для учений Будды. Например, они заботились об изготовлении резных досок для печатания всего обширного свода буддийского канона, который состоит из многих сотен томов переведённых на тибетский язык слов Будды, то есть *Кангьюра*, и переведённых трактатов, то есть *Тэнгьюра*. А такая задача до тех пор была не по силам даже правительству в Центральном Тибете.

Вот как начался этот титанический труд. Однажды, когда король Дерге Тенпа Церинг шёл к своей купальне, у него внезапно возникла мысль: «Возможно, мне удалось бы получить резные доски для печати всего свода учений Будды».

Позднее, когда его посетил гуру Ситу Чокьи Джунгнэ, он решил поделиться с ним этой мыслью. Поэтому он сказал:

— Сегодня у меня появилась одна мысль.

— О чём же? — спросил учитель.

— У меня есть желание изготовить доски для Кангьюра и Тэнгьюра. Что думаете? Это получится?

— Ни за что не отказывайтесь от этого замысла, — ответил Ситу Чокьи Джунгнэ.

— Очень хорошо. Если я обеспечу изготовление досок, вы сможете их проверить?

— Я позабочусь об этом, — обещал великий Ситу.

Больше это не обсуждали. Король действительно добился того, что весь буддийский канон был напечатан. Ситу, который был знаменитым учёным, проверил резные доски тринадцать раз — что само по себе гигантская работа. Вот почему и поныне мы считаем издание, выполненное в Дерге, образцовым.

Вот в такой духовной среде родился великий Кхьенце.

Кхьенце Старший сочетал в себе воплощения Вималамитры, царя Трисонга Дэуцена, Лонгченпы и всеведущего Джигме Лингпы — всё это в одном теле. Как и Чокгьюра Лингпу, его называли владыкой семи передач. Однако Кхьенце начинал не как глава большого монастыря, а как простой монах в одном из монастырей школы сакья в Дерге⁵¹.

В свои ранние годы Кхьенце отправился в Центральный Тибет, где получил огромное число учений от множества учителей. Благодаря сво-

им талантам он сначала стал учителем, потом дордже лобпоном, затем шабдрунгом и наконец настоятелем. Во время своего второго посещения Центрального Тибета он передал большинство из этих учений другим. Так что о нём говорили: «Раньше он был учеником, а теперь он учитель!»

Как-то раз Кхьенце получил глубокое духовное переживание: видение великого учителя Чецуна Сенге Вангчука. После этого он записал драгоценное учение, которое называется «Сердечная сущность Чецуна». В главном монастыре школы сакья в Центральном Тибете он выполнил затворничество по практике Манджушри и получил переживание растворения в сердце своего йидама, благодаря чему в его состоянии постижения забил через край «источник великого сокровища бесстрашного красноречия». Так Кхьенце стал царём всех сведущих и совершенных учителей.

13.
Лонгченпа —
великий
учитель
дзогчен

Кхьенце Старший развил в себе безграничное ясновидение. Одним из его главных учеников был Таши Осер, великий учёный из монастыря Палпунг, он-то и рассказал одному из моих учителей много историй о великом Кхьенце. Вот одна из них.

«Однажды, — рассказывал Таши Осер, — Кхьенце воскликнул, обращаясь ко мне: “Ну и ну, Кхенпо, сколько у тебя забот! С утра до ночи ты всё время трудишься”. Он начал перечислять всевозможные дела, которые мне приходилось выполнять. Он знал всё до малейших подробностей, в том числе и то, что мог знать только я и никто другой. “Да на тебя просто навалили непосильную ношу, у тебя совсем нет свободного времени”. Это была правда: я был занят с утра до вечера».

В другой раз Кхьенце Вангпо, как его тогда называли, вдруг закричал: «О, какой ужас!» Я спросил его, что случилось? «Далеко отсюда лысый монах только что упал со скалы. Я услышал, как, падая, он выкрикнул моё имя. Теперь он каким-то образом застрял в ветках дерева. А сейчас другие монахи пытаются вытащить его верёвками. Да-да... вот они уже его достали».

На следующее утро лысый монах пришёл повидать Кхьенце. «Вчера вечером со мной произошёл странный случай», — сказал он и начал рассказывать, как шёл с посохом и поклажей и вдруг сорвался в пропасть. Тут он закричал: «Кхьенце Вангпо! Кхьенце Вангпо!». Потом он зацепился за какие-то ветки, и его вытащили верёвкой.

Однажды ночью мне захотелось посмотреть, как спит Кхьенце Старший. Поэтому я стал бродить у его двери, всю ночь время от времени заглядывая внутрь. Казалось, что Кхьенце совсем не собирался спать. Но поздно ночью он распустил пояс, расслабился на своём сиденье и сделал выдох. Потом он просто сидел с широко открытыми глазами, продолжая глубоко дышать. Спал он или нет, но целый час он не двигался, и глаза у него были открыты. Затем он громко прочистил горло и снова задышал как обычно. Этого звука было достаточно, чтобы слуга понял, что пора готовить утренний чай. Вот так Кхьенце Старший проводил ночи.

Поблизости от того места, где жил Кхьенце, находился монастырь школы сакья, и случилось, что один из тамошних лам скончался. Монахи монастыря верили, что Кхьенце действительно может видеть прошлое, настоящее и будущее так же ясно, как то, что лежит у него на ладони, — совершенно безошибочно и точно. Его спросили о будущем рождении этого ламы.

— Мы должны его найти! Любой ценой нам нужно найти его тулку! — настаивали монахи.

— Вам бы лучше совсем забыть об этом, — ответил Кхьенце. — Уверю, вам ни к чему это знать.

— Мы никогда не откажемся от поисков его! — возразил представитель монастыря, который не признавал «нет» в качестве ответа. — Наш учитель драгоценен; пожалуйста, укажите нам какие-нибудь точные подробности относительно его местонахождения.

— Ладно! — сказал Кхьенце. — Идите в такое-то место около Дерге, где живёт богатая семья, у которой большое количество скота. Встаньте поблизости от их дома и громко зовите своего ламу по имени. Тогда вам станет ясно, где ваш «тулку».

Группа монахов отправилась в указанном направлении и пришла к усадьбе богатого человека. Там они принялись изо всех сил кричать имя своего ламы. Когда они так кричали, телёнок крупной помеси яка и коровы оторвался от материнского вымени и с рёвом «му-у-у!» побежал к ним. Он бродил среди них и не собирался уходить. Растерянные монахи не знали, что делать. На обратном пути они снова зашли к великому Кхьенце.

— Ну, что я вам говорил? Не сказал ли я, что это бесполезно? Тем не менее вы нашли своего «тулку».

У Кхьенце Старшего был обычай задавать каждому посетителю свой любимый вопрос. Я знаю это от стариков из Нангчена, потому что там

все без исключения, кто находил время совершить паломничество в Дерге, обязательно навещали Кхьенце, чтобы засвидетельствовать своё почтение. Дядя моей матери, лама, который был уже довольно стар, когда я был ребёнком, рассказал мне эту историю об одном из своих посещений.

— Ну-ну, вы откуда? — обычно спрашивал Кхьенце сначала. — Зачем пришли?

— Я пришёл повидать вас, Ринпоче, — отвечал старый лама.

— Нет ничего интересного в том, чтобы смотреть на меня, — сказал Кхьенце. — А вы видели Джово в Лхасе?

— Нет, не видел.

— Какая жалость! Какая пустая трата человеческой жизни! Ну ладно, скажите, вы получали передачу-лунг Кангьюра?

— Нет, Ринпоче, не получал.

— Ай-ай-ай! Какой стыд! В наше время, в наш век Будду представляет статуя Джово и Кангюр. Именно это он оставил после себя. Если человек умирает, не встретившись ни с тем, ни с другим, это, по моему мнению, всё равно что с пустыми руками вернуться с острова сокровищ. Если большой грешник, пусть даже он убил восемнадцать человек, получает передачу-лунг Кангьюра Будды — послушай старика, — я ручаюсь, что он не попадёт в низшие миры.

Кхьенце говорил это почти каждому своему посетителю.

Однажды, на закате своей жизни, Кхьенце отравился ядом, который подмешал ему в простоквашу один недобрый старик из Восточного Тибета. Кхьенце принял чашку и тут же её выпил. Когда тот человек ушёл, Кхьенце окликнул его: «Эй! Теперь ты доволен, что я выпил твой смертельный напиток?»

Старик перепугался и в раскаянии закричал.

— Пожалуйста, вызови рвоту немедленно! — вопил он. — Я не знаю, какой злой дух в меня вселился, но вдруг мне пришла мысль отравить твою еду, и я не смог с ней справиться. Едва ты выпил эту чашку, я будто пробудился ото сна. Прошу, очистись от этого яда!

— Нет, — сказал Кхьенце. — Я отдал тебе кармический долг, поэтому не буду вызывать рвоту. Этого яда недостаточно, чтобы меня убить. Я выпил его, чтобы тебе помочь.

До этого случая Кхьенце был очень красив и крепок. Говорили, что он похож на Лонгченпу. Но вскоре после отравления он заболел и полностью уже не выздоровел. У него немного потемнела кожа. Яд повредил ему горло, и ему приходилось очень часто громко его прочищать, даже когда он давал учения. «Это из-за того, что меня отравили, но яд меня не убил», — объяснял он любопытным.

Бабушка, которая в детстве встречалась с этими двумя великими учителями, однажды сказала мне: «Конгтрул Великий не был ни высоким, ни толстым, но у него был большой нос, очень прямой и массивный. Кхьенце Старший, напротив, был очень крупным человеком с большими глазами».

Позднее мой отец добавил: «После того как и Чокгьюр Лингпа, и его сын Вангчог Дордже умерли, я вместе с Маюм Дега, матерью и некоторыми из своих братьев и сестёр пошёл навестить Кхьенце Старшего. Когда мы приблизились к его жилищу, оказалось, что великий учитель вышел с традиционными благовониями и белым шарфом в руках, чтобы приветствовать Маюм Дега, — знак исключительного уважения. В сопровождении Кхьенце Старшего, который нёс благовония, мы прошли в его совсем маленькую комнатку. Самтен Гьяцо и твой дядя Терсэй тоже были там. Помню Кхьенце, такого величественного, в этом скромном помещении».

Кхьенце давал посвящение моей бабушке, — продолжал отец. — Рядом с ним стоял маленький переносной очаг с красовавшимся наверху большим чайником. Там были кхамские меха из шкуры, и во время посвящения Кхьенце то и дело тянулся, чтобы раздуть ими огонь. У него была большая чашка, и на протяжении посвящения он накладывал в неё по паре ложек цапмы — муки из поджаренного ячменя — и сухого сыра. Потом он наливал сверху горячего чая и ел прямо там своей большой костяной ложкой. Чай он пил простой, без масла и молока». Возможно, вы знаете, что, когда лама пьёт чай во время ритуала, он всегда снимает головной убор, но Кхьенце Старший был йогином и, принимая пищу, оставался в головном уборе.

«В этой комнатке он выглядел так внушительно, — добавил отец. — От огня было очень тепло, и я сидел у очага. Кхьенце занимался своим делом и в свободное время преспокойно ел и пил чай».

Кхьенце был великим сиддхой, чей уровень реализации был невероятно высок. И всё же, наверное, потому, что он исполнял должность дхармараджи, управляя обширной областью духовной деятельности, он после своей кончины не проявил радужного тела⁵².

Вот как он умер.

Всю жизнь Кхьенце Старший никогда не сидел без дела: самое меньшее — он читал мантры, перебирая левой рукой чётки, с которыми никогда не расставался. Однажды он сказал своему слуге:

— Последние слова человека должны быть похожи на те, что произнёс Тердаг Лингпа, великий учитель из Миндроллинга.

— А что он сказал? — спросил слуга.

Пусть образы, звуки и осознание в состоянии божества,
мантры и дхармакаи
Сольются неделимо, как игра кай и мудрости,
В этой глубокой и тайной практике великой йоги
И будут единого вкуса с недвойственным бинду ума!

Произнеся последнюю строку, Кхьенце Старший свернул свои чётки, положил их на место, выпрямился и перестал дышать.

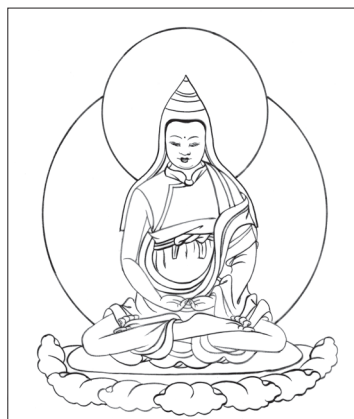
Конгтрул часто говорил о своём друге Кхьенце Старшем: «Джамьянг Кхьенце Ванпо — единственный, кто по-настоящему может различать Дхарму и не-Дхарму».

Конгтрул неизменно обращался к нему за советом по всем важным вопросам, называя его «самый главный пандита». В этом смысле самым важным из трёх удивительных мастеров — Кхьенце, Конгтрула и Чокгьюра Лингпы — был Кхьенце.

Когда Кхьенце скончался, Конгтрул воскликнул: «Всеведущий Дордже Сиджи покинул нас!» — назвав Кхьенце другим его именем. — Теперь мы остались в беспросветной тьме, не умея различать правду и ложь!» Кхьенце ясно дал понять, что не хочет, чтобы его тело сохраняли после смерти. Он сказал: «Не сохраняйте моего тела. Я хочу, чтобы его сожгли, потому что в наш век упадка больше не следует хранить всё тело как *кудунг* (святые мощи). Конечно, раньше был обычай поступать так с некоторыми учителями. Но отныне, я считаю, всех лам нужно кремировать».

Для Чокгьюра Лингпы, который умер раньше Кхьенце Старшего, он сделал исключение. Причина в том, что в терма, оставленном Падмасамбхавой, содержалось пророчество, согласно которому останки Чокгьюра Лингпы следовало забальзамировать и поместить в золотую ступу — что и было исполнено в точности, как он указал.

Однако и Кхьенце, и Конгтрула кремировали, как и Кармей Кхенпо, Таши Осера, великого Мипама и всех других великих и прославленных лам Кхама. Я думаю, что это был один из первых знаков грядущего разрушения, причинённого китайскими коммунистами. Однако Кхьенце об этом не упоминал. Он только сказал, чтобы не хранили кудунг.

14.
Вайроцана —
великий
переводчик
буддийских
текстов

Конгтрул

Конгтрула считают воплощением Вайроцаны, выдающегося переводчика учений Будды, жившего во времена, когда Лотосорождённый Гуру прибыл в Тибет⁵³. Вайроцана же, в свою очередь, считается воплощением Будды Вайрочаны.

Конгтрул сумел обнаружить огромное количество кладов-терма. Однажды он нашёл пророчество Падмасамбхавы, в котором предсказывалось, что ему, Конгтрулу, предстоит составить пять великих сокровищ учения. По его мнению, более старые терма имеют огромную ценность, и он пожелал объединить их все в собрание, которое должно было получить заглавие «Сокровищница драгоценных терма» и охватывать три внутренние тантры: Маха-, Ану- и Ати-йогу⁵⁴.

Поэтому Конгтрул написал Чокгьюру Лингпе послание: «Вы часто встречаетесь с самим Падмасамбхавой. Не будет ли вам угодно спросить его, могу ли я составить “Сокровищницу драгоценных терма”?»

Вскоре Чокгьюр Лингпа прислал ответ: «Я спросил Падмасамбхаву. Он сказал: “Великолепно!” Поскольку это так, вам обязательно нужно взять на себя эту задачу».

В то время как Конгтрул собирал эти тексты-терма, линии передачи многих из терма прежних тертонов давно исчезли, и некоторые — уже столетия назад. Кхьенце возродил их как «вновь открытые клады» и тем самым восполнил важные недостающие места для «Сокровищницы драгоценных терма», а Чокгьюр Лингпа испросил на неё разрешение у Лотосорождённого Гуру. Таким образом, невероятно важное собрание, ныне известное как «Сокровищница драгоценных терма», было плодом совместных усилий всех трёх великих мастеров⁵⁵.

Карсэй Конгтрул, перевоплощение Конгтрула Старшего и знаменитый сын пятнадцатого Кармапы, был одним из моих учителей. Он заведовал библиотекой в Подобной Цари Драгоценной Горе, и там ещё хранилась переписка Конгтрула и Чокгьюра Лингпы, темой которой была просьба задать вопрос Падмасамбхаве о «Сокровищнице». Однажды, передавая мне эту самую «Сокровищницу драгоценных терма», он рассказал мне приведённую выше историю, и при этом присутствовал шестнадцатый Кармапа.

Если говорить об эрудиции, то в этом Конгтрул был практически непревзойдён, что доказывает история о нём и учёном Мипаме. После того как Мипам сочинил «Руководство по логике», сложный и изощрённый философский текст, он принёс его Конгтрулу, чтобы узнать его мнение.

— Книга производит впечатление чрезвычайно выверенного и яркого труда, — заметил Конгтрул. — Но если честно, то не мне судить. Я мало смыслю в буддийской логике, потому что никогда не изучал этот предмет. А вы знаток искусства обоснования, и я уверен, ваша книга очень хороша.

Однако Мипам не принял скромности Конгтрула и попросил:

— Ринпоче, дайте мне, пожалуйста, передачу-лунг этой книги.

— Как же я могу это сделать? — ответил Конгтрул. — Вы автор. Если бы я её написал, то мог бы дать передачу. Наоборот, это вы должны прочитать её мне.

15.
Мипам —
знаменитый
учёный

Так что Мипаму пришлось прочитать этот текст вслух. В конце Конгтрул вдруг воскликнул:

— Ха-ха! Давайте попробую это объяснить.

— Пожалуйста, сделайте это, Ринпоче, — ответил Мипам. — Пусть вы не изучали логику как словесную науку, но, конечно же, знаете смысл.

— Нет-нет, — возразил Конгтрул, — я не сведущ ни в словах, ни в смысле. Но сегодня такой хороший день, и настроение у меня прекрасное. Давайте я попробую.

Когда он закончил своё объяснение, Мипам был поражён:

— Ринпоче, как вы могли так блестяще всё прояснить, если не изучали логики?

— Но ведь это не совсем так, что я *никогда* не изучал логики. В прошлой жизни, когда я был Сакья Пандитой, я очень много её изучал. На самом деле это знание переполнило меня, когда вы читали. Обычно у меня нет такой способности, вот почему я хотел дать объяснение, когда у меня произошёл этот проблеск.

После этого события Мипам увидел Конгтрула в совершенно новом свете, и его восхищение и вера в него ещё больше выросли. Мипам говорил так: «Наше умственное понимание — совсем другое дело. Знания этого человека простираются на много жизней назад, чего совершенно нет у обычных учёных, которым только довелось прочитать кое-какие книги в этой жизни».

Учёный Таши Осер так отзывался о своём учителе, знаменитом Патруле: «Да может ли быть на земле другой такой учитель? Он невероятно сведущ и совершенен!» Позже, когда он учился у Кхьенце, он сказал: «Это

исключительный учитель. Наверное, никто не может его превзойти!» И наконец, когда он учился у Конгтрула, заявил: «Невероятно! Этот человек не имеет себе равных!»

Однажды Таши Осеру довелось спросить Кхьенце:

— Ринпоче, я ученик всех вас — троих великих лам, и в каждом из вас я не вижу ничего, кроме высочайших достоинств. Но скажите мне: если бы вам пришлось соревноваться, кто оказался бы самым сведущим?

— Конечно Патрул, — ответил Кхьенце.

— А кто из вас троих больше всех приносит блага живым существам?

— Ведь Конгтрул — сам переводчик Вайроцана во плоти, а потому никто не приносит живым существам больше пользы, чем он.

— А кто из вас достиг самого высокого уровня реализации?

Кхьенце приосанился, высоко поднял голову и безо всякого лицемерия или тени самодовольства заявил: «Э-э! Кто достиг самой высокой реализации? Это я! Я самый лучший».

Когда Кхьенце Старший умер, пятнадцатый Кармапа узрел в видении, что у того будет не одно воплощение, а сразу двадцать пять, по пять на каждый из пяти аспектов плода: просветлённых тела, речи, ума, качеств и деяний. Из них были признаны и возведены на трон пять главных воплощений. Вот почему в наше время мы встречаем так много тулку с именем Кхьенце.

Говорят, что деяния этих удивительных Кхьенце непрестанны: как луна восходит после захода солнца, так после кончины одного на его место приходит другой. Когда Кхьенце умер, появилось несколько тулку, призванных продолжить его деяния Дхармы. Если смотреть с нашей стороны, то, когда один из них вновь растворяется в состоянии будды, появляется другое проявление, и подчас ещё более блестящее, чем предыдущее. После смерти великого Кхьенце появился Дзонгсар Кхьенце, который был столь же удивительным. После заката Дзонгсара Кхьенце возшёл Дилго Кхьенце.

У Кхакьяба Дордже было похожее видение о том, что после кончины Конгтрула у него тоже появится двадцать пять воплощений. Число таких тулку — «магических тел», которые являют себя, дабы приносить благо существам, — непостижимо.

Больше я ничего не знаю о Конгтруле и Кхьенце. Вы можете найти подробности их жизни в соответствующих биографиях⁵⁶. Ни одну из этих историй я не придумал: я только повторил слова, которые слышал от своих драгоценных учителей.

Пятнадцатый Кармапа, Владыка Деяний

После Кхьенце и Конгтрула никто не сослужил более великую службу для распространения «Новых сокровищ» Чокгьюра Лингпы, чем Кхакьяб Дордже, пятнадцатый Кармапа.

Перед уходом все Кармапы по традиции пишут письмо, в котором описывают, где родится их следующее воплощение. Именно благодаря такому письму, написанному прежним Кармапой, поисковая группа нашла Кхакьяба Ринпоче, который был тогда маленьким ребёнком, родившимся в Центральном Тибете, в провинции Цанг. Затем Чокгюр Лингпа подтвердил его подлинность в независимом предсказании, в котором указал на того же самого ребёнка.

Кхакьяб Дордже был необычным с раннего возраста. Когда он был ещё совсем юн, его попросили освятить монастырь поблизости от его родного дома. «Я сделаю это в первый день двенадцатого месяца», — ответил он.

К тому времени он жил в Цурпу, довольно далеко от монастыря, который его просили освятить. Но, вместо того чтобы отправиться в путь, утром назначенного дня он только попросил чашу с крышкой. Когда он сказал, что сегодня будет освящать далёкий монастырь, слуги решили, что это такая игра.

И они стали развлекаться вместе с ним, когда он велел двум слугам нести чашу вокруг Цурпу. Юный Кармапа на ходу бросал в чашу зерно. Позднее в Цурпу побывали люди, жившие по соседству с тем дальним монастырём, и рассказали, что в тот самый день там с неба, словно дождик, падало зерно.

Когда Кхакьяб Дордже стал взрослым, он овладел глубокими познаниями, но, кроме того, умел творить чудеса. Он был тертоном, которому открыт доступ и к кладам ума, и к кладам земли.

Бывало, предметы терма вдруг просто появлялись у него в руках, очень горячие, а иногда и движущиеся сами собой. Однажды такое случилось, когда Кхакьяб Дордже направлялся в область Амнье. Он получил от местного духа терма, которое было горячо держать; оно было настолько горячим, что, когда он положил это терма на стол, люди не могли дотронуться, чтобы не обжечься. Все эти терма ещё хранились в Цурпу, когда я жил там.

Вместо того чтобы отправляться на поиски терма куда-то, например в пещеру, Кармапа получал их от духов — хранителей терма. Обычно в Цурпу охранители Дхармы ставили ларцы с терма ему на стол.

Я видел один из этих предметов, который хранился в особой шкатулке для драгоценных реликвий: изображение Лотосорождённого Гуру очень необычное, потому что было наполовину из бронзы, а наполовину из чистого хрусталя. Мне больше никогда не встречались подобные. Ещё я видел много священных кинжалов — *килая* и других изваяний Падмасамбхавы, и мне рассказывали, когда и от кого они были получены. Один из кинжалов — *килая* был из метеоритного железа и с хрустальным навершием, тоже очень необычный. Там было много таких исключительных сокровищ, подобных которым я не видел нигде.

Время от времени в видении Кармапы внезапно возникали ларцы с терма, плывшие к нему в пространстве. Бывало, что эти парящие в воздухе ларцы видели и другие люди. Однажды это случилось, когда Кармапа совершал путешествие в Ярлунг, в трёх днях пути от Цурпу. Когда он ехал верхом, ларцы с терма начали кружиться над ним по воздуху. Их видели несколько слуг.

— Сегодня на нас нападали злые духи, — позже сказал один из слуг.

— Не уверен, что такие уж злые, — ответил Кармапа.

Поскольку Кармапа являет собой воплощение деяний будд, то, если он ещё и тертон, это само по себе способствует распространению учений терма. Знакомство с историей тертонов неизменно выявляет, что если Кармапа проявляет по отношению к тертону уважение, то влияние и благословенность Кармапы заставляют всех беспрекословно принимать этого тертона и его учения. Вот почему крупные тертоны нуждались в связи с Кармапой, иначе тертона могли назвать безумцем или обманщиком.

Но хотя Кармапа обнаружил много терма, сам он, кажется, не записывал многочисленные тексты, которые связаны с этими терма. Однажды Кармапа воскликнул: «При таком изобилии открытий, которые сделали Кхьенце, Конгтрул и Чоклинг, мне нет никакой необходимости добавлять какие-то новые терма!»

Во внутренних помещениях Цурпу хранилось сорок ларцов, содержащих удивительные символы просветлённых тела, речи и ума, которые были вручены Кармапе охранителями разных терма. Показывая эти духовные сокровища моему дяде Самтену Гьяцо, Кармапа в очередной раз подчеркнул: «Это были учения, которые следовало бы записать, но я этого не сделал — как я могу тягаться с тремя великими тертонами! Я не считаю их терма недостаточно полными или требующими исправления».

Самтен Гьяцо говорил мне: «Кхакьяб Дордже был невероятно великим учителем. Я был уверен, что он мог видеть все три времени столь же ясно, как и то, что лежит у него на ладони». Это замечательное ясновидение позволило Кармапе обнаружить за свою жизнь почти тысячу тулку.

Поскольку Самтен Гьяцо и Кхакьяб Дордже были очень близки, дядя мог не церемонясь задавать даже очень личные вопросы. Однажды он спросил Кармапу, как тот узнает о месте, где должен родиться тулку? Хотя Кармапа обладал не знающим препятствий ясновидением, он ответил, что это не всегда в его силах. Но, с другой стороны, даже если его никто об этом не спрашивал, иногда он знает, когда тот или иной лама умрёт и где он переродится. В таком случае, когда к нему приходят ученики, которые должны найти тулку, и спрашивают о судьбе своего ламы, у него уже есть готовые записи о подробностях смерти и перерождения этого тулку.

В других случаях он может видеть обстоятельства перерождения, только если сделан специальный запрос и имеются благоприятные условия, подготовленные достаточным количеством выполненных практик. Иногда же он не видит ничего, даже если его просят помочь. Несмотря на его старания, важные сведения остаются «скрытыми в тумане». Это, как он сказал, является знаком каких-то препятствий во взаимоотношениях умершего ламы и его учеников. Например, если были случаи ссор или разногласий между последователями ламы, то местонахождение его следующего воплощения будет неопределённым и туманным.

«Худшее препятствие для чёткого обнаружения тулку, — объяснял Кхакьяб Дордже, — это отсутствие согласия между гуру и его учениками. В таких случаях ничего нельзя поделать, и обстоятельства следующего рождения остаются непредсказуемыми».

Кармапа считался крупным тертоном, а это было для него достаточным основанием, чтобы взять супругу, которая необходима для «отпирания ларца с кладом»⁵⁷. Однако Кармапы обычно были монахами, а потому желание взять супругу не было бы воспринято с одобрением; на

самом деле это считалось абсолютно недопустимым. Его нежелание открывать терма или взять супругу привело к тому, что он тяжело заболел. Некоторые говорят, что это было возмездием, которым дакини преследуют тех, кто способен быть тертоном, но не исполняет своей миссии.

Так или иначе, в конце концов многие великие учителя убедили его взять супругу. Если он этого не сделает, настаивали они, то безвременно умрёт. Его первой супругой была старшая дочь из аристократической семьи из Центрального Тибета. Как предсказывалось Падмасамбхавой, она должна была стать его супругой для обнаружения терма. Позднее он женился ещё и на её младшей сестре.

Ещё позже, когда Кармапа снова заболел, в терма, открытом одним тертоном из Сурманга⁵⁸, появилось предсказание. В нём говорилось, что если Кармапа возьмёт в супруги молодую женщину, которая на самом деле дакини во плоти, то его жизнь продлится на три года.

Кармапа послал на поиски людей, которые опознали женщину и пригласили её в Цурпу. Её стали называть Кхандро Ченмо, что значит «Великая Дакини»⁵⁹. Он взял её в супруги, и это действительно продлило его жизнь на три года. Каждый раз, когда Кармапе случалось заболеть, Кхандро Ченмо приглашали навестить его, и через два дня он выздоравливал. Так продолжалось ровно три года. Ценность продления жизни Кармапы безмерна.

Кхандро Ченмо была очень красива, и к тому же она стала выдающимся практиком. Она была исполнена любви и сострадания, преданности и безмерной духовной глубины. Я довольно хорошо её знал в последние годы её жизни. Впервые мы встретились в Цурпу, когда мне было двадцать шесть лет, ещё раз — через три года, а позже — уже в Румтеке, откуда она отправилась в невидимые миры через два года после бегства из Тибета. Она была особенным существом, истинной дакини. Почти всё время она проводила в затворничестве, практикуя садхану и читая мантры, и в результате достигла глубокого уровня переживания и постижения. Это не слухи: я сам свидетель этого.

Самтен Гьяцо безмерно её уважал, и однажды он сказал мне: «Когда мне доводилось посещать Кармапу, она часто бывала там. Это было всё равно что встретиться с самой Тарой. Она и есть Арья Тара, явившая себя в человеческом теле, подлинная дакини». Она, в свою очередь, очень любила моего дядю и каждый год посылала ему в Кхам подарок.

К Кхандро Ченмо относились с безмерным уважением, как если бы она была великим ламой.

К Кхандро Ченмо относились с безмерным уважением, как если бы она была великим ламой.

16.
Великая
Дакини
из Цурпу

Молва опережала её, куда бы она ни отправилась, и тысячи людей собирались, чтобы повидать её. Она побывала в Бутане по приглашению королевской семьи, а когда она прибыла в Гангток, чтобы встретиться с Дзонгсаром Кхьенце, то он сам вышел её встретить. На торжественных церемониях её обычно усаживали на такой же высокий трон, как у Кхьенце и Конгтрула. Но сама она никогда не важничала.

Великий учёный Таши Осер некоторое время был слугой Конгтрула, и он рассказал мне о последней встрече Кармапы с его учителем Конгтрулом. Эта встреча происходила в месте, где Конгтрул предавался затворничеству, над Палпунгом⁶⁰.

— Я пришёл, чтобы перед своим уходом засвидетельствовать своё почтение, — сказал Кармапа.

— Ну-ну. Если *ты* уходишь, я могу прийти и пожить в твоём доме, — ответил Конгтрул.

Кармапа понял эти слова как возможный намёк на то, что тот собирается вернуться в качестве ребёнка Кармапы, но ничего не сказал.

Как я уже упоминал, согласно традиции, из монастыря умершего ламы посылали старшего монаха, чтобы спросить Кармапу (или другого совершенного учителя), где искать тулку. Вышло так, что после ухода Конгтрула эта задача выпала на долю Таши Осера, который отправился в Цурпу, чтобы выяснить у Кармапы, где находится перерождение Конгтрула.

— Дайте, пожалуйста, какие-нибудь указания о том, где родился тулку, — попросил Таши Осер.

Ххакьяб Дордже хранил молчание, и поэтому Таши Осер повторил попытку:

— Я один из главных его учеников, и вы должны мне сказать! Уверен, что вы знаете.

Кармапа снова ничего не сказал, но это не обескуражило великого учёного. Он продолжал настаивать, пока Кармапа наконец не уступил:

— Ну хорошо, великий Конгтрул переродился моим сыном. Я действительно не могу отважиться уведомить, что тулку моего коренного учителя — моё собственное дитя!

Таши Осер возразил:

— Разве вы не помните? Ведь я присутствовал, когда наш великий держатель ваджры ясно сказал, что собирается «прийти жить в ваш дом». Неужели вы не слышали это собственными ушами? И разве не верно, что вы называете Конгтрула своим коренным гуру? Так скажите же мне, вы собираетесь идти наперекор его словам?

Такова была свойственная Таши Осеру манера убеждения, которой трудно противостоять. Я не знаю, как долго тянулся спор. Но в резуль-

тате Таши Осеру удалось забрать сына Кармапы, чтобы вернуть его в Кхам, в Палпунг, где его возвели на трон как перерождение Конгтрула Старшего.

Самтен Гьяцо передал Кармапе, или, по словам моего дяди, «предложил как подношение мандалы»⁶¹, «Новые сокровища», в том числе полные посвящения, устные передачи-лунги и наставления. Здесь требовались некоторые дополнительные указания для ритуалов и посвящений, которые не были составлены ни Чокгьёром Лингпой, ни его сыном Цевангом Драгпой, ни Кхьенце, ни Конгтрулом.

Поскольку эти указания были нужны для чрезвычайно важных и глубоких терма, Самтен Гьяцо попросил написать эти тексты. Кармапа любезно согласился и продиктовал их своему близкому ученику — выдающемуся ламе Джампалу Цултриму.

Когда Кармапа давал посвящение, все разместились в Крепости Лотосного Гаруды — месте для затворничества, устроенном на скале высоко над Цурпу. Часто общая беседа продолжалась до полуночи, после чего дядя Терсэй и Самтен Гьяцо возвращались в свои комнаты.

К тому времени Кармапа уже написал письмо, в котором предсказывал своё будущее перерождение. Но, поскольку его жизнь продлилась ещё на три года благодаря его третьей супруге, потребовалось написать другое письмо.

Однажды вечером во время общей беседы Самтен Гьяцо вдруг спросил: «В предсказании о своём будущем перерождении вы указали, что родитесь в местности Денкхог в семье Дилго. Тогда вы были больны, но не умерли, а выздоровели. Однако когда-нибудь вы умрёте и тогда переродитесь всё-таки в том же самом месте или в каком-то другом?»

Дядя Терсэй сидел рядом с ним, и его очень огорчил этот вопрос. Позднее он сказал мне: «Он в самом деле так спросил! Какой зловещий вопрос! Я по-настоящему расстроился, думая: “Зачем ему понадобилось задавать такой вопрос, когда Кармапа ещё жив? Что он думает? Что на него нашло? Это так неуместно”». Кармапа хранил безмолвие. Молчание длилось и длилось. Я подумал, что он рассердился, и было за что. Тут я по-настоящему испугался. Мы продолжали сидеть, но Кармапа перестал разговаривать с нами. Он долго сидел, не проронив ни слова. Наконец Кармапа нарушил тишину:

— Прежнее сочетание времени и места уже ушло. Я не стану рождаться в семье Дилго.

В ответ на это Самтен Гьяцо просто сложил ладони и воскликнул:

— Ласо! Понял! — Потом он тоже помолчал. Но затем снова спросил: — Но в таком случае где вы родитесь?

Дядя Терсэй попытался не допустить ещё одного дерзкого вопроса, толкнув его локтем в бедро, но было уже поздно. «Как плохо спрашивать Кармапу о его собственной смерти!» — подумал он. Но Кармапу, казалось, этот вопрос не взволновал. Он сухо ответил:

— Моё рождение произойдёт не так далеко к востоку отсюда. Если вы знаете местность Денкхог, то также должны знать, что в востоку от владений семьи Дилго находятся владения влиятельной семьи Адо, в этой семье я и появлюсь на свет.

Дядя Терсэй просто молчал, но всё запомнил.

Вот каким был Кармапа.

После того как Самтен Гьяцо покинул Цурпу, Кармапа призвал к себе самых близких людей: Джампала Цултрима, Кхенпо Лекше и свою главную супругу Кхандро Ченмо. Он показал им конверт и сказал:

— Один из вас троих должен позаботиться об этом письме-предсказании. Настанет время, когда оно понадобится. Тогда прочитайте его, но до того просто храните.

— Я не могу взять на себя эту ответственность, потому что слишком молода, — ответила Кхандро, которой к тому времени было всего девятнадцать.

— Я тоже не осмелюсь, — сказал Кхенпо Лекше.

Оба повернулись к Джампалу Цултриму и сказали:

— Храни его ты!

Джампал Цултрим положил письмо в амулет, который носил на шее.

Примерно через год великий Кармапа покинул своё тело. В течение сорока девяти дней после этого выполнялось много ритуалов. Потом Джампала Цултрима пригласили в Миндроллинг дать передачу-лунг «Собрания сочинений Кхакьяба Дордже». После этого он отправился прямо в Голок, на свою родину, расположенную далеко на северо-востоке, где собирался пробыть четыре-пять месяцев.

Тем временем правительство в Ахасе послало в Цурпу представителя, чтобы ему предъявили письмо-предсказание: «Согласно вашей традиции Кармапа всегда оставляет точное описание места, где произойдёт его следующее рождение. Мы хотели бы его увидеть!»

Нашли раннее письмо-предсказание, но заметили приписку, которую Кармапа сделал внизу: «Это сочетание времени и места уже ушло». Начались лихорадочные поиски другого письма.

Джампал Цултрим был в отъезде; Кхенпо Лекше, который ушёл в строгое затворничество, был недоступен; а Кхандро Ченмо никто даже не спросил о письме. Поисковая группа обыскала всё до единой книги Кхакьяба Дордже. Они даже распороли его матрас. Но, разумеется, безре-

зультатно — Джампал Цултрим, ничего не подозревая, странствовал где-то в далёком Голоке с этим письмом на шее.

Наконец, чиновники Цурпу были вынуждены допустить, что письма нет. Вскоре канцелярия тринадцатого Далай-ламы выпустила официальное заявление о том, что перерождение Кармапы появилось в качестве сына одного из членов кабинета министров в Лхасе.

Эта новость достигла Голока. Услышав её, Джампал Цултрим прервал своё пребывание там и поспешил обратно в Цурпу. Как только он прибыл, заявил:

— Что значит «нет письма-предсказания»? Вот оно, у меня! — И, открыв свой амулет, он предъявил письмо начальнику администрации Цурпу.

— Вы враг Дхармы! Как вы можете делать такие вещи?! — грозно закричал начальник. — Вас немедленно бросят в тюрьму!

— Бросайте меня в тюрьму, если хотите и если от этого будет какая-то польза. Но письмо у меня, и тут нет никакой ошибки.

— Какая беда! Тибетское правительство уже объявило другого тулку. Что вы собираетесь делать? — спросил ошеломлённый начальник.

Немедленно послали самого быстрого гонца к великому Ситу из Палпунга в далёком Кхаме. А поскольку в то время карма-кагью и другпа-кагью жили в совершенном согласии между собой, другого гонца послали за советом к Другчену Джамгону. Прибегли к совету и других уважаемых лам.

Один из лам подчеркнул, что очень важно не ссориться с тибетским правительством. Но у Другчена, по сведениям, было другое мнение: «Если Кармапа выбран неправильно, то в будущем у школы кагью не будет никакой возможности точно узнавать своего тулку».

Поэтому он предложил, чтобы во всех монастырях выполнили большие ритуалы, обратившись к охранителям Дхармы за их благословениями. Одновременно отправили делегацию в Лхасу, информируя правительство относительно найденного письма в следующей записке: «Мы обнаружили письмо-предсказание Кармапы, и оно является подлинным».

Правительственные чиновники ответили: «Сначала вы говорили, что письма нет, а теперь — что оно есть. Канцелярия Далай-ламы уже обнародовала своё мнение, и оно не может быть изменено».

На то, чтобы отослать петицию и получить отказ, ушёл целый год. Потом произошёл такой случай: играя на крыше дома близ Поталы, сын члена правительства упал и сломал тазовую кость. В те времена такие травмы были очень тяжёлыми, и вскоре мальчик умер от осложнений. Теперь администрацию в Цурпу попросили отправить людей на поиски другого кандидата.

Поскольку Кармапа написал своё предсказание прекрасным поэтическим слогом, указав чрезвычайно точные подробности, у Цурпу был только один претендент — тот, кто был указан в письме. Из Лхасы ответили: «Вы не можете выдвигать единственного кандидата. Это всё равно, что вы сами решаете, кто тулку. Если вы просите нас принять решение, что соответствует традиции, то должны предложить двух или трёх претендентов, чтобы мы могли выбрать из них».

И снова в Цурпу были большие волнения, и одно собрание следовало за другим. Но Кхьенце из Палпунга, другой важный лама из Кхама, был не только мудр, но и очень сообразителен. Он придумал, как обойти заносчивых чиновников из Лхасы: «Укажите для одного кандидата имя по отцу, а для другого — имя по матери». Так и сделали: написали два имени одного и того же мальчика, послали правительству и стали ждать ответа. Когда ответ наконец пришёл, там говорилось: «Настоящий тулку — сын матери, а не сын отца».

Вот так в Цурпу после долгой череды испытаний и неприятностей был установлен подлинный тулку пятнадцатого Кармапы.

Когда я думаю о Кхакьябе Дордже, пятнадцатом Кармапе, меня охватывает изумление! Иметь такую силу ясновидения!

8.

Духовные сыновья

Кармей Кхенпо

Одним из самых выдающихся среди множества замечательных учеников Чокгьюра Лингпы был учёный Кармей Кхенпо. Его считали воплощением Шантаракшиты, великого пандиты из княжества Сахор, что в Индии, — самого первого учителя, которого пригласили в Тибет для строительства монастыря Самье.

Кармей Кхенпо начинал как практик школы кагью и главный кхенпо-настоятель монастыря Карма-Гон, одной из трёх резиденций Кармапы.

Он был необыкновенным человеком, и в древнем терма Падмасамбхавы было предсказано, что он будет главным учеником Чокгьюра Лингпы. Он стал очень преданным его последователем и достиг высочайшего уровня реализации. Однако обычно он помогал Чокгьюру Лингпе в качестве слуги, хотя все признавали, что он не уступает в учёности прославленному учителю Карма Чагме, который жил в XV веке. Большой эрудит Дуджом Ринпоче — один из самых выдающихся учителей нашего времени — был поражён сочинениями Кармей Кхенпо и однажды сказал мне: «Как замечательно, что такие люди, как Кармей Кхенпо, могли жить в этом мире».

Моя бабушка мне рассказывала: «В детстве, когда я приходила к отцу и заставляла у него Кармей Кхенпо, жаловалась матери: “Теперь мы никак не увидимся с папочкой. Кармей Кхенпо засел у него и теперь, конечно же, уйдёт не раньше, чем через час или два!” Казалось, его вопросам не было конца. Он всегда носил с собой серебряную чернильницу, бамбуковое перо и чистую бумагу, чтобы, задав вопросы Чокгьюру Лингпе, тут же записать его ответы⁶². Он был необычайным учителем и выглядел как один из шестнадцати архатов на традиционной стенной росписи».

Кармей Кхенпо строго соблюдал монашеские правила: за всю свою жизнь он ни разу не позволил себе отведать мяса или спиртного. Гово-

рили также, что его руки никогда не касались женщины, а уста не знали ни слова лжи.

Но, хотя Кармей Кхенпо был столь одарён и близок к Чокгьюру Лингпе, ему не представилось благоприятной возможности лично получить от великого тертона «Три раздела дзогчен», и это его огорчало. «У Чокгьюра Лингпы есть так много терма, — бывало, сетовал Кармей Кхенпо, — но то, которое я считаю истинной сущностью, мне не посчастливилось получить». Мне говорили, что его это очень мучило. Но после смерти тертона у Кармей Кхенпо было видение тела мудрости Чокгьюра Лингпы, и тогда он получил полные посвящения и передачи «Трёх разделов». Это восстановило его уверенность в себе.

«Хотя мне не посчастливилось получить “Три раздела”, пока Чокгюр Лингпа был жив, у меня есть необычная передача», — сказал он позднее Чоклингу из Цикей, перерождению Чокгьюра Лингпы⁶³.

«После того как Чокгюр Лингпа растворился в исходном пространстве вне формы, — объяснял он, — его чистое тело мудрости явило себя мне и полностью передало “Три раздела”. Так как я единственный, кто получил эту передачу от ума к уму, то она не только необыкновенна, но и принадлежит к более высокому уровню, чем ваша. А значит, эта линия передачи, которой я теперь владею, не должна прерываться. Я мог бы передавать её любому, кто об этом попросит, но я так не поступлю. Поскольку вы — перерождение этого тертона, вам необходимо обладать обеими линиями, а потому я дам посвящение только вам»⁶⁴.

«Вот каким человеком был Кармей Кхенпо», — добавил Цикей Чоклинг, когда рассказал мне эту историю.

Если говорить о диспутах, Кармей Кхенпо мог быть достойным соперником даже Кхьенце Старшему⁶⁵. Иногда в завершение философского спора Кармей Кхенпо разыгрывал из себя великого победителя, а Кхьенце делал вид, что очень горюет, как будто потерял что-то очень ценное. Кхьенце оплакивал своё поражение, притворяясь, что льёт слёзы, чем вызывал всеобщий смех.

Есть много историй о том, как Кхьенце Старший разгромил Кармей Кхенпо. Однажды Кхьенце даже швырнул в него торма, попав ему прямо в голову!

Такое представление, которое они устраивали, создавало впечатление, будто они просто не могут говорить друг с другом без того, чтобы не поспорить. Постороннему могло показаться, что они постоянно выискивают повод для ссоры. Но для тех, кто их хорошо знал, было ясно, что они используют эту игру, чтобы прояснить для понимания тонкие моменты, устранить препятствия и помочь продвижению по пути.

Мой учитель Самтен Гьяцо был одним из учеников Кармей Кхенпо и рассказал мне много историй о нём, таких, например, как следующая.

Раз в год в Лхасе устанавливали большой шатёр, где собирались на диспут все крупные учёные, особенно из трёх главных монастырей — Сэра, Гандэн и Дрепунг, — чтобы выяснить, кто будет лучшим в этом году. Рассаживались перед высоким тронем главы монастыря Гандэн по двадцать человек в ряд лицом друг к другу. Судили диспуты между всеми участниками, пока один из них не выходил победителем.

Как-то раз Кармей Кхенпо довелось быть в Лхасе во время проведения этого большого диспута. Он не принадлежал ни к одному из престижных монастырей-участников, но однажды утром почувствовал сильное желание пойти и присоединиться к этому состязанию. Он объявил об этом намерении своим помощникам.

— Зачем вам это? — спросил один из них. — Не будет ли для вас неудобства?

Так он хотел вежливо его отговорить: помощник думал, что Кармей Кхенпо было бы стыдно потерпеть поражение.

— Нет, я должен пойти, — настаивал Кхенпо, — иначе нельзя.

Потом Кармей Кхенпо взял пару дощечек, которые служат обложками для книг, и привязал их бечёвкой к груди и спине. Это должно было показать, что его тело — священный текст и что сам он — воплощение Дхармы. Затем он набросил свою монашескую накидку не на то плечо, взял чётки не в ту руку, а головной убор с острой вершиной, какие носят учёные, приплюснул сверху. Он мысленно представил на своём темени Чокгьюра Лингпу, а самого себя — как Льва Речи, особый образ Падмасамбхавы, нераздельный с Манджушри. Уверенный в своей непобедимости, он вступил в круг состязающихся.

Когда подошла его очередь, он стал побеждать противников одного за другим. Когда в конце он одержал победу над всеми, он оказался перед тронем владыки Гандэна, который объявил: «Вы выиграли — вы победитель!»

Это был необычайный подвиг: не думаю, что раньше побеждал хоть один уроженец Кхама. По традиции, все бросают на землю свои жёлтые головные уборы, а победитель триумфально шагает по ним. Но тут Кармей Кхенпо подумал: «Надлежит уважать даже самый малый лоскуток монашеской одежды, так что если я наступлю на эти головные уборы, то нарушу свои обеты».

Поэтому, не став предпринимать «триумфальное шествие», он отступил в тень, склонил голову, прикрыл лицо ладонью и тихо вышел. Но всё-таки он был очень доволен собой, потому что не только победил всех учёных-геше, но и не нарушил обетов.

Вернувшись в Кхам, Кармей Кхенпо встретился с великим Кхьенце, который в то время приехал в Цангсар Гомпа. После обмена приветствиями Кармей Кхенпо сказал: «У меня есть хорошие новости!» — И стал рассказывать историю о диспуте. В заключение он с гордостью заявил: «И я даже не стал шагать по их жёлтым шапкам!»

Тогда Кхьенце выхватил одну из своих ваджр и стукнул Кармей Кхенпо по голове: «Ты, малодушный трус! Вместо того чтобы держаться за монашеские обеты, ты мог бы прославить учения кагью и нингма. Куда девалась твоя отвага кхамца? Ты что, не веришь в воззрение внутренних йог? Вроде бы ты считаешься практиком Ваджраяны! Твоё тело — божество, твоя речь — мантра, а твой ум — самадхи, так как же ты мог поддаться таким низким привязанностям? Ты совершенно ни на что не годеи!»

И он хлопнул его ещё раз. Кхенпо выскользнул из комнаты и какое-то время не появлялся.

Перед самой своей смертью Кармей Кхенпо сказал: «Кхьенце Ринпоче не раз меня колотил, иногда даже сбивал с ног своими тычками и затрещинами. Частенько он устраивал мне взбучку. Но своими побоями он устранил препятствия к долгой жизни: теперь я настолько стар, что уже ослеп, но так и не могу умереть!»

Казалось бы, в его словах звучала жалоба, но на самом деле это была хвала.

Когда Кармей Кхенпо умер в своём уединении над Карма-Гоном, ему было за восемьдесят. Затем он родился сыном моей тётки.

Существовало предсказание Лотосорождённого Гуру о том, что после смерти и Кармей Кхенпо, и Конгтрул проявят Радужное Тело — знак высокой реализации. Однако, вероятно, потому, что они прилагали так много усилий, чтобы помогать другим — они постоянно были заняты своими учениками, — ни один из них не завершил свою жизнь обретением Радужного Тела.

Обретёт ли практик Радужное Тело, зависит от многих факторов. Например, Кармей Кхенпо действительно достиг такого уровня, на котором все умственные явления растворяются в *дхармате*, — это называется исчерпанием представлений и явлений. Но, хотя, достигнув такого высокого уровня, он должен был проявить Радужное Тело — внешний знак этого состояния реализации, — он этого не сделал.

Точно так же в терма, оставленных Чокгьюром Лингпой, предсказывалось, что после смерти Конгтрул уйдёт в Радужном Телe. Но этому помешало то, что он целиком посвящал себя деятельности на благо живых существ. Одна из главных причин этого заключается в том, что при наличии большого числа учеников всегда есть вероятность нарушения самайи

кем-либо из них, а нарушение самаи влечёт за собой тяжкие последствия для учителя и тем самым может помешать ему проявить Радужное Тело.

В учениях Тантры описывается «Радужное Тело с остатками» — явление, которое зависит от чистоты самаи учеников и благотворителей.

Но есть исключения: не так давно Радужное Тело проявил Ньягла Пема Дудул, который умер в окружении пятисот своих учеников; по-видимому, никто из них не стал препятствием. Однако всё же большинство достигших такого же уровня реализации учителей, которые широко и открыто учат многочисленных учеников, обычно не обретают Радужного Тела, хотя у них была бы такая возможность, будь у них поменьше учеников.

Вот почему, наверное, говорится: «Если хочешь достичь Радужного Тела, не бери много учеников».

Вангчог Дордже

Вангчог Дордже был одним из троих детей Чокгьяра Лингпы. В одном из наших текстов о нём говорится как о «магическом проявлении» царя Джа, то есть о том, что он — воплощение индийского царя, который вскоре после ухода Будды получил от Ваджрапани, вечного владыки учений Тантры, «Восемнадцать тантр Маха-йоги». Вангчог Дордже и моя бабушка Кончог Палдрон были детьми одной матери — Маюм Дега. Матерью третьего ребёнка, Цеванга Норбу, была племянница Кхьенце Старшего.

Благодаря тому, что Вангчог Дордже сотни тысяч раз повторил мантру Манджушри, а также практиковал в своих прошлых жизнях, он развил в себе невероятные умственные способности. От его поразительной интуиции люди лишались дара речи. Мне говорили, что уровень реализации, которого он достиг на пути, был даже выше, чем у его отца-тертона.

Ещё в ранней юности Вангчог Дордже совершенно самостоятельно и самопроизвольно осознал природу ума.

Потом, когда у него просили учений по медитации, он отвечал: «Я не тот человек, который может указать вам путь к природе ума. Я забрался на крышу, не поднимаясь по ступенькам лестницы, а взлетев туда одним прыжком. Даже если бы я стал описывать своё состояние медитации, вы не смогли бы его понять».

Было предсказано, что Вангчог Дордже откроет все терма «Новых сокровищ»,

17.
Царь Джа —
мастер Маха-
йоги

ещё не открытые его отцом, и обеспечит их распространение. Вот какой это был значительный человек.

С детства он мог видеть волшебные письма дакини, будто они были начертаны прямо перед его глазами, и умел их записывать вместе со связанными с ними учениями, по своему желанию, как если бы они возникли в пространстве его ума. Однако он так и не исполнил предсказание в полной мере.

Вангчога Дордже считали невероятно красивым, а некоторые даже находили в нём божественные черты, не виданные среди людей. Он был довольно высок, очень силен и с благородной осанкой. У него были необычные волосы: длинные и заплетённые в косы, они были обёрнуты вокруг головы. Его причёску называли «запораживающей короной», и это означало, что эти волосы никогда не стригли, и в каждой их пряди обитали дакини. Они отливали тёмно-синим блеском и никогда не спутывались после мытья, даже если их не расчёсывать.

Поскольку Вангчог Дордже был и сыном, и держателем линии Чокгюра Лингпы, предполагалось, что у него, согласно традиции, должны были быть сыновья, которые продолжили бы род и линию передачи. Ходила молва, что у него сотня возлюбленных. Куда бы он ни отправился, везде шли разговоры, что девушки, желающие «телесной связи» — настоящего физического благословения — с красивым тулку, могли просто прийти к нему на свидание. Каждый вечер молодые женщины буквально выстраивались в очередь у его дома.

Однако Вангчог Дордже был совершенным йогиним, сумевшим обратить вспять белое начало и, в отличие от обычных мужчин, которые извергают семя, никогда не был причиной чьей-либо беременности. Не знаю, хорошо это или плохо, но было именно так. С другой стороны, часто ли можно было слышать в старые времена, чтобы у кого-то была сотня подружек, но ни одна из них не забеременела?

Чокгюр Лингпа питал безмерную веру в великого Патрула, и все его дети — в том числе и Вангчог Дордже — стали учениками этого учителя. После смерти Чокгюра Лингпы Вангчог Дордже отправился в лагерь Патрула. Поскольку многие из учеников Патрула были полноправными мастерами, в Кхаме говорили, что этот лагерь напоминает логово снежных львов, которые потом разнесут львиный рык святой Дхармы во всех направлениях.

Как сын великого тертона, Вангчог Дордже прибыл в этот лагерь с большой пышностью, восседая на коне и сопровождаемый большой сви-

той. Патрул же, в отличие от него, посвятил себя монашеской жизни и, конечно же, не был женат. Он часто советовал быть как «дитя гор, одетое в туман», говоря о том, какое благо жить просто, как жили в древности первые практики линии кагью.

Однажды Патрул давал совет следовать их примеру, отказавшись от любых изысков. «Чтобы практиковать истинную Дхарму, нужно всегда садиться пониже и одеваться в обноски, — говорил он собравшимся. — Никогда не считалось, что нужно ставить себя выше других и одеваться в парчу».

Вдохновлённый этими словами, Вангчог Дордже подумал: «Вот что мне нужно!» И он сбросил с себя все свои парчовые одеяния и взамен стал носить простой плащ из дешёвого войлока. Также он распустил всю свиту, оставив себе лишь одного слугу, и вернул всех своих коней монастырю Чокгьюра Лингпы. Потом он обрил голову и принял от Патрула монашеские обеты. Там он прожил три года, отказавшись от всего своего имущества.

Но, после того как он взял обет стать нищим странствующим отшельником и сбрил свои чудные волосы, его блистательный облик потускнел и внешность стала заурядной. Он стал бледным, болезненным, начал сутулиться.

Суровый образ жизни явно плохо сказался на его положении держателя учений-терма. В частности, постригшись, он нарушил связь-самайю с дакини. Чтобы тертон сумел записать тайные символы, начертанные в терма, необходимо, чтобы слоги ясно реяли перед его взором. Но теперь оказалось, что они стали расплываться, мелькать и мельчать. В результате он не смог расшифровать и записать ни одного терма.

Возвращение Вангчога Дордже домой было совершенно непохоже на то, как он, бывало, прибывал туда — как и его отец — в сопровождении сорока всадников и каравана яков. Вместо того он прошёл пешком весь путь от Голока, что в северо-восточной части Кхама, с одним лишь посохом нищего странника в руках. При нём были только два спутника и один безрогий як в качестве вьючного животного, а всю поклажу составляли принадлежности для приготовления чая.

Когда они спускались к монастырю Дзонгсар в Дерге, Вангчог Дордже заболел. Наверное, болезнь была довольно тяжёлой, потому что всего через пять-шесть дней он скончался в горной обители Кхьенце, в знаменитом Зале Собраний Сугат. Никто в мире не смог отвести это печальное событие. Траурная процессия доставила тело во владения Чокгьюра Лингпы. Пема Тринлэ, повар тертона, которого я знал, когда был ребёнком, присутствовал при этом. Тогда он был монастырским

казначеем и в его обязанности входило доносить печальные вести великому Кхьенце, который жил поблизости.

Пема Тринлэ, который умер лет в девяносто, рассказал мне эту историю во всех подробностях. Услышав о смерти Вангчога Дордже, Кхьенце глубоко опечалился. Считая, что сыну истинного нгакпы было совершенно незачем состригать волосы⁶⁶, он воскликнул: «Проклятье! Безумный Патрул заставил Вангчога Дордже обрить голову и превратил его в аскета — и вот что вышло! Какой ужас! Это доказывает, как мало заслуг осталось в наш век упадка. Сам Падмасамбхава предсказал, что этот сын тертона будет распространять свои терма повсюду, от китайской границы на востоке до горы Кайлаш на западе, неся всем существам благо, будто расстилая бескрайний белый покров. А теперь этот слабоумный Патрул загубил всё!»

Кхьенце стал бить кулаками себе в грудь, выражая своё отчаяние так, как это свойственно кхамцам. «Благоприятное стечение обстоятельств не проявилось, — простонал он с выражением крайней печали на лице. — Ему предназначалось стать тем тертоном, кто обнаружит оставшиеся терма и будет их распространять»⁶⁷.

Пема Тринлэ приготовил подношение на благо усопшего и сказал:

— Ринпоче, дайте, пожалуйста, указание, где нам искать его перерождение. Я делаю вам подношение, и мне нужно взамен получить эти сведения.

— О! — воскликнул Кхьенце. — Прежде они были сестрой и братом, а теперь могут стать матерью и сыном.

Больше об этом великий Кхьенце ничего не сказал и продолжал горевать и бить себя кулаками в грудь.

Прошло не больше года, когда Кхьенце подтвердил, что сын, который только что родился у моей бабушки Кончога Палдрон, и есть перерождение Вангчога Дордже.

— Слушай, — сказал Кхьенце Старший, — ведь верно, что Кончога Палдрон недавно родила мальчика? Говорю тебе — нет никаких сомнений, что это Вангчога Дордже!

И Кхьенце Старший удостоверял это письменно.

— Её второму сыну не выпало долголетия, но если дать ему имя Бесмертная Ваджра, то это создаст благоприятное условие для продления его жизни, — продолжил Кхьенце.

Так мой отец получил это имя — Чиме Дордже.

Собрание сочинений Чокгьюра Лингпы — не считая сорока томов его терма — составляет два тома, а сочинения Вангчога Дордже — один толстый том. Те и другие старательно переписаны от руки, а не напечатаны

ксилографическим способом. У меня хранится по экземпляру обоих собраний. Перебравшись в Центральный Тибет, я отправил в свой монастырь просьбу прислать мне эти тексты. Позднее мне стало известно, что руководители моего монастыря отказались посылать что-либо ценное⁶⁸. Можно спросить: о чём они думали?! Драгоценные рукописные тексты остались в Кхаме, и какая от этого польза? Вот что происходит, если не делать печатные доски!

Через несколько лет после китайского вторжения распространилась новость о великом благе, которое ждёт человечество, — речь шла о так называемой «культурной революции». Этот обман разносили целые полчища лжецов, которые следовали за солдатами-захватчиками. Действительно, когда волна «культурной революции» прокатилась по нашей стране, произошли огромные перемены: наши монастыри были разрушены, а наша литература сожжена.

Вероятно, были уничтожены и сочинения Вангчого Дордже, поскольку большинство буддийских текстов было сожжено. Злоба китайских коммунистов была такова, что они заставляли жителей собирать все их книги и бросать в большой костёр. После этого оккупационные власти объявляли: «Отныне, если мы найдём в доме хоть одну книгу, его хозяин будет повешен. Одна книга будет стоить одну жизнь».

В таких условиях многие, испугавшись, бросали свои драгоценные книги в реки. Часть книг люди закопали в землю с надеждой, что однажды их оттуда достанут, но, когда книги откапывали, к несчастью, оказывалось, что они сгнили. Однако наша страна так велика, что, наверное, какие-то книги будут обнаружены⁶⁹. И правда, один прекрасный текст «Неисчерпаемая гирлянда молний», который Вангчог Дордже написал в шестнадцатилетнем возрасте, действительно сохранился; мы до сих пор ежедневно пользуемся им в монастырях. Как было бы замечательно, если бы сохранилось ещё хоть несколько таких же.

Цеванг Норбу

Мать Цеванга Норбу была племянницей Кхьенце Старшего⁷⁰. Лотосорождённый Гуру также предсказал, что эта супруга станет матерью перерождения Юдры Нингпо⁷¹.

Поскольку «Три раздела» были учением-нингтиг Вайроцаны, он вверил его Юдре Нингпо, своему самому выдающемуся ученику в Кхаме. Вот почему Цеванг Норбу, перерождение Юдры Нингпо, должен был первым получить это посвящение. Поскольку пророчества Падмасамбхавы, как правило, очень точны, то в самом терма было предсказано, что через год или три года Цеванг Норбу получит это терма⁷².

Цеванг Норбу был довольно скромным человеком. Однажды он сказал Самтену Гьяцо: «Я не представляю собой ничего особенного. У меня нет никаких великих качеств, ни единого, кроме одного: хотя в то время мне было всего шесть месяцев от роду, ясно помню, как получил “Три раздела” от двух великих тертонов». На самом деле “Три раздела” были обнаружены именно тогда»⁷³.

При этом событии присутствовали двадцать пять человек, в том числе Кхьенце и Кармей Кхенпо. В тот момент, когда было обнаружено это терма, Чокгьюр Лингпа обратился к матери младенца: «Принеси сюда ребёнка!»

Она принесла малютку, который был завернут в одеяла и сидел в плетёном камышовом лотке на слое сухого овечьего помёта, покрытого парой пелёнок. Такое приспособление, в котором младенец может писать сколько угодно, принято использовать в Кхаме.

Получая посвящение, Цеванг Норбу сидел прямо между Кхьенце и Чоклингом. Чокгьюр Лингпа сначала даровал посвящение ребёнку и только потом даровал его Кхьенце. Но больше это посвящение не получил никто, даже Конгтрул, поскольку существовало указание, что его можно давать только однократно. Вот, в частности, почему многие линии передачи «Трёх разделов» прошли через Цеванга Норбу. Позднее оказалось, что именно он сделал больше других для распространения учений-терма Чокгьюра Лингпы⁷⁴.

Пока Цевангу Норбу не исполнился год, каждый день на крышу дома его родителей садился орёл. Потом великий Кхьенце сказал, что это была Орлинокрылая Богиня, которая охраняет «Три раздела».

Как и его братья с сёстрами, Цеванг Норбу был учеником великого Патрула. Однажды в Кхаме он поднялся на гору неподалёку от лареря Патрула, чтобы провести там десять дней в пещере. Поскольку он не намеревался оставаться там долго, он взял с собой только небольшой мешочек цампы. Как-то раз ночью был сильный снегопад, и Цеванг Норбу оказался в снежном плену. Снег всё падал и падал, и возвращение стало невозможным. Через два месяца в лагере Патрула стали поговаривать, что Цеванг Норбу, скорее всего, погиб. Наконец, люди стали считать, что в его смерти можно не сомневаться, и посвящали ему свои добродетельные поступки, в том числе делали традиционное подношение пищи на огне, чтобы питать дух умершего.

Через шесть месяцев снег наконец растаял. Однажды кто-то громко завопил: «Труп Цеванга Норбу входит в лагерь!» Чтобы не попасться на его пути, все стали разбегаться, страшась, как бы до них не дотронулся *роланг* — зомби в тибетском духе.

— Не бойтесь, это же я! — пытался образумить их Цеванг.

Наконец, когда всё немного успокоилось, кто-то решился спросить:

— Как же ты не умер с голоду?

— Почему я не умер с голоду? — повторил Цеванг Норбу. — Когда я хотел пить, я ел снег, а когда был голоден, ел свою цампу. Как можно умереть с голоду, если есть пища?

Позднее он объяснил, что питался всего лишь ложкой цампы в день. Но на самом деле он не хотел кое в чём признаться. Истина в том, что он в совершенстве овладел йогой, в том числе умел полностью управлять тонкими каналами и энергиями, а потому, скорее всего, большую часть времени проводил в самадхи⁷⁵.

Ещё он сделал одно интересное замечание: «Наверное, есть смысл сжигать подношения из цампы и другой еды в течение семи недель после смерти человека. Я сам понял, что это довольно полезно, потому что в течение тех сорока девяти дней не чувствовал ни голода, ни холода. Даже в своей пещере я иногда мог чувствовать запах дыма от подношений, которые делали для меня в монастыре».

Цеванг Норбу был чрезвычайно образован — не меньше, чем Кармей Кхенпо. Он говорил, что своими знаниями обязан просто тому, что свои ранние годы провёл с великим Кхьенце. Поскольку Цеванг Норбу был внучатым племянником Кхьенце Старшего, он легко мог проводить с этим учителем очень много времени. Так Цеванг Норбу получил большинство своих первых учений, находясь у ног Кхьенце.

«Юные годы, проведённые с Кхьенце, обогатили меня — я получил богатство учений, — говаривал он. — Кхьенце Старший не слишком много учил в течение дня: он предпочитал отдыхать с учениками. Самое большее, днём ему можно было задать вопрос или два. Но вечером раздавался звон колокольчика, и все собирались в его обители. Ночью начиналось посвящение.

Примерно за час до рассвета учитель говорил: “Теперь старику пора и поспать. Вы тоже лучше идите и сделайте то же самое”. Только тогда все ученики покидали его комнату».

Цеванг Норбу был эксцентричным и, как многие йогины, непосредственным и прямым. Его отличительной особенностью было то, что он никогда не делал того, что говорили ему сановники или высокопоставленные ламы. Например, даже Кхакьяб Дордже, пятнадцатый Кармапа, не мог заставить Цеванга Норбу дать ему передачу «Новых сокровищ».

Джампал Цултрим, слуга и близкий ученик Кармапы, сам был влиятельным учителем. Поэтому Кармапа именно его отправил в Лхасу, чтобы постараться уговорить Цеванга Норбу дать нужные ему посвящения.

— Поскольку вы сын Чокгьюра Лингпы, Кармапа посылает вам этот белый шарф и просит дать передачу, — сказал посланец.

— Ни в коем случае! — ответил Цеванг Норбу. — Хочешь, чтобы собака положила лапу на голову человеку? Чепуху говоришь. Даже и не заикайся об этом, монашек⁷⁶.

Тем самым он сравнил Кармапу с обычным человеком, а себя — с собакой и даже назвал того видного и известного ламу монашком. Вкратце: Цеванга Норбу никто не мог к чему-то принудить.

Позднее Джампал Цултрим сказал: «Никогда не встречал такого упрямого, как Цеванг Норбу. Ведь Кармапа — это Авалокитешвара во плоти. Кто бы с радостью не поднёс ему терма Чокгьюра Лингпы?» Но Цеванг Норбу никогда не уступал давлению.

Спустя несколько лет Самтен Гьяцо (племянник Цеванга Норбу) отправился в Центральный Тибет, чтобы исполнить желание Кармапы.

Первую половину жизни Цеванг Норбу был монахом, но этот период был недолог. Как-то раз Кхьенце Старший сказал ему: «Тебе нужно отправиться в Миндроллинг и остаться там». Так он и сделал, и восемь лет прожил в одном из самых важных центров учёности Центрального Тибета.

Несмотря на своё положение единственного оставшегося в живых сына великого тертона, Цеванг Норбу предпочитал являться без объявления, без малейшей парадности. Поэтому он поступил в Миндроллинг как простой монах, чтобы продолжить своё обучение. Однако он должен был каким-то образом запомниться, поскольку мы находим его имя в документах, касающихся учителей линии, которые передавали важные учения в Миндроллинге. Без него эти учения могли быть утрачены.

Цеванг Норбу был скромн и в глубине души — монах, а потому в течение этих восьми лет, проведённых в Миндроллинге, даже и не помышлял о женитьбе на дочери главного ламы. Так что вопреки предсказанию, содержавшемуся в терма, в Кхам он вернулся монахом.

Но, когда он вернулся в Кхам, Кхьенце стал его ругать:

— Эх ты, никчемный бездельник, ты не выполнил своей задачи!

— Какую задачу вы имеете в виду?

— Потомок Чокгьюра Лингпы должен был обновить кровь рода в Миндроллинге. За тем я тебя и посылал! Но от тебя никакого проку!⁷⁷

— Как бы я обновил их кровь? Они люди, а я всего лишь собака. Никогда не думал, что собаки могут жениться на людях.

Однако Кхьенце Старший твёрдо решил, что у сына Чокгьюра Лингпы так или иначе должны быть потомки. Поэтому он настоял, чтобы Цеванг Норбу сложил с себя монашеские обеты и стал нгакпой. Более того, он устроил его брак с девушкой из благочестивой семьи, но детей у них не было.

После этого ему дали жену из Дерге, но и этот брак оказался бесплодным.

Иногда Цеванг Норбу сетовал со свойственным ему юмором: «Ужас! Я ни на что не годен. Я не сохранил монашеских обетов, а потому я падший монах. Но и детей я не родил. Жизнь прошла зря — я полный неудачник!»

Некоторым ламам было грустно слышать такие слова, исполненные свойственного Цевангу Норбу своеобразного юмора. В Нангчене сохранилась поговорка: «Бесполезный, как Цеванг Норбу», которая подразумевает отсутствие мирских и духовных достижений.

Во второй половине своей жизни Цеванг Норбу перебрался в Центральный Тибет, где прославился своим необычным поведением. Пока он жил там, случилось так, что тринадцатый Далай-лама оказался в Индии⁷⁸. Одно из свидетельств высокого положения Цеванга Норбу — тибетское правительство в Лхасе попросило его выполнить ритуал для изгнания иноземных захватчиков. Он скрупулёзно исполнил его в лхасском храме Рамоче, в котором находится одна из двух самых знаменитых в Тибете статуй Джово.

Хотя в Кхаме Цеванг Норбу был весьма высокопоставленным ламой, переселившись в Центральный Тибет, он полностью переменил свой образ жизни. Он часто приглашал к себе на чай нищих, долго разговаривал и шутил с ними — вот такой он был учитель. Во всём остальном он тоже поступал не так, как все, а согласно поговорке: «Если все говорят ХУНГ, он говорит ПХЭТ».

Обычно он носил самую простую овчинную одежду. Но однажды он надел богатое парчовое одеяние.

— Ринпоче, почему вы так оделись? — спросил его слуга. — Вы никогда этого не делали.

— Молчи! — сказал Цеванг Норбу. — Сегодня мы собираемся встретиться с царём всех тантрийских йогинов этого мира.

— Кто же это? — спросил слуга.

— Кхакьяб Дордже, Кармапа, — был ответ. — Считается, что я нгакпа, и сегодня самое время одеться подобающе.

И он величаво отбыл верхом в Цурпу. Но, едва вернувшись в Лхасу, он тут же переоделся в свою овчину.

Омдзе Тринлэ, один из учеников Цеванга Норбу, в то время уже довольно пожилой, рассказал мне такую историю.

«Иногда я просто не мог понять, что делает Цеванг Норбу. Я даже подумывал, не сошёл ли мой учитель с ума или что-то в этом роде. Однажды рано утром Цеванг Норбу заявил: “Сегодня я собираюсь устроить большой пир! Пойди на мясной рынок и пригласи как можно больше погонщиков скота с бойни”.

Эти самые погонщики с бойни были настоящий сброд, нищие и грязные. Они умели только одно — гнать животных к колоде для рубки. Через некоторое время пятьдесят или шестьдесят из них уже стояли во дворе. При этом ученики Цеванга Норбу сидели за большим обеденным столом.

Цеванг Норбу вышел и велел всем сесть на землю рядами, как сидят монахи в храме. Сначала им щедро раздали еду, причём Цеванг Норбу сидел среди всех как глава ряда. Потом он попросил принести текст и, когда все присутствующие ели, сидя рядами, стал петь слова ритуала из термина “Воплощение Реализации”⁷⁹.

Эти погонщики, мягко говоря, не привыкли сидеть организованно, как группа монахов. Они беспокойно ёрзали, но тем не менее с удовольствием ели.

Наконец, когда гости ушли, я спросил:

— Что вы делаете, Ринпоче? Во всей Лхасе нет людей хуже, чем эти молодчики, — они гонят животных к мяснику, потом толкают их прямо в его руки, а потом помогают разрубать туши этих несчастных. Почему вы тратите столько денег на таких людей?

— Э-э! Не говори так, — ответил Цеванг Норбу. — Сегодня я выполнил пиршественное подношение в обществе нескольких совершенных бодхисаттв. Кто, кроме меня, обладает заслугами, чтобы сделать такое в наше время? У меня нет ни тени сомнения в этом. Сегодня был благословенный день».

Таков один из примеров странных поступков, которые совершал Цеванг Норбу.

Ещё у Цеванга Норбу было удивительное ясновидение — такой силы, что это пугало людей. Омдзе Тринлэ рассказал мне такую историю.

Однажды Цеванг Норбу пошёл выполнять большой ритуал подношения дыма благовоний для долголетия одной семьи в Лхасе. Отец семейства питал глубокую веру в Цеванга Норбу; в конце ритуала он подошёл и спросил:

— Я хотел бы знать, будут ли у нас удача и здоровье в следующем году?

— А, да! Удача и здоровье! — воскликнул Цеванг Норбу. — На следующий год ты умрёшь, а твоя жена переживёт тебя на один месяц.

— А как наш сын? Что будет с ним? — с трудом выговорил хозяин.

— Без вас он не станет здесь жить: обезумев от горя, он уйдёт. На будущий год ваш дом опустеет, — заявил Цеванг Норбу.

— Ох, опять он за своё! — подумал Тринлэ. — Зачем он это делает? Это такой дурной знак!

На следующий год Тринлэ услышал, что тот человек умер, примерно через месяц умерла и его жена, а их сын ушёл, оставив пустой дом.

Хотя я никогда не встречался с Цевангом Норбу, я видел его фотографию, которая была снята в Бутане. Она висела в личной комнате Самтена Гьяцо в Крепостной Вершине. Цеванг Норбу был высок и дороден, как Дилго Кхьенце, и удивительно красив. В монастыре Цикей Цеванг Норбу имел обыкновение прогуливаться по окрестностям в одиночестве. Днём можно было увидеть, как он подолгу сидит на берегу реки Кечу⁸⁰.

Ещё мальчиком мой отец с друзьями однажды видел внушительную фигуру человека, одиноко сидящего у реки в очень прямой позе. Мой отец, предводитель этой компании маленьких монахов, предложил:

— Этот большой дядька приходит сюда каждый день убивать бедных рыб. Давайте дадим ему камнем по голове, чтобы знал. Теперь тихо...

Они подкрались поближе, но, когда замахнулись камнем, Цеванг Норбу громко кашлянул, будто предостерегая. Они сразу же узнали, кто это, и разбежались.

«Если бы он не кашлянул, я бы наверняка попал ему прямо в шею, — позднее говорил отец. — Вот такой я был необузданный. Только благодаря ясновидению Цеванга Норбу я не ударил его камнем! Как бы я жил с такой виной?»

Многое из того, что ныне известно как терма Чокгьюра Лингпы, на самом деле было плодом объединённых усилий Кхьенце, Конгтрула и самого тертона. Они дали друг другу много передач, но все эти линии объединились в Цеванге Норбу.

Однажды в монастыре Ривоче, что в провинции Чамдо, между Лхасой и Кхамом, Кхьенце и Конгтрула попросили даровать посвящение «Сокровищницы драгоценных терма». Ривоче был крупным центром Дхармы, так что событие предстояло немаловажное.

«“Сокровищница” заключает в себе сущность всех открытых терма сотни видных тертонов, мы должны получить эту передачу», — неоднократно настаивали ламы в Ривоче.

Когда им сообщили, что Кхьенце не может приехать, они попросили об этом Конгтрула. Но к тому времени и Кхьенце, и Конгтрул были уже слишком стары. Поэтому, посоветовавшись, они решили послать вместо себя Цеванга Норбу⁸¹.

Цеванг Норбу прибыл в Ривоче и передал всю «Сокровищницу драгоценных терма». В заключение он дал ещё и передачу всех «Новых сокровищ». При этом присутствовали два перерожденца Чокгьюра Лингпы — Цикей Чоклинг и Нэтен Чоклинг, а также Самтен Гьяцо и дядя Терсэй.

Одними из последних посвящений были «Три раздела дзогчен». Прежде чем даровать их, Цеванг Норбу сказал: «Три раздела нельзя давать прилюдно, даже небольшим группам людей. Необходимо строго соблюдать тайну, а её нарушение повлечёт за собой тяжкие последствия — это столь же опасно, как совать палец в пасть ядовитой змее. Я могу давать это посвящение только одному человеку за один раз».

Затем он велел всем дать клятву, взявшись за его накидку, и сказал: «Это священное учение вы можете передавать только одному человеку за один раз!»

Также Цеванг Норбу сказал ламам: «После моей смерти станут искать моё перерождение. Может случиться, что кто-то попытается назвать моим именем какого-нибудь несчастного духа бардо, который блуждал там, и ему только-только удалось войти в человеческое тело, впервые за долгое время. Если вы это сделаете, он обязательно родится в низших мирах без какой-либо возможности оттуда выбраться. Так что не ищите моего тулку! Если моё будущее перерождение станет по-настоящему служить учениям Чокгьюра Лингпы, то будет делать это или прямо, или косвенно. Ни за что не пытайтесь искать его! Возьмитесь за мою накидку и обещайте мне это, все четверо!»

Он категорически запретил как-либо искать его тулку, а потому этим четверым ламам ничего не оставалось, как поклясться не искать его тулку после его смерти.

Никто из его главных учеников не отважился пытаться его найти. Я слышал, что позднее были предприняты кое-какие попытки найти нынешнее перерождение, но сам я, памятуя о той клятве, не осмелился бы спрашивать какого-либо учителя о местонахождении перерождения Цеванга Норбу.

Цеванг Норбу умер в местности Ньемо в области Цанг, к западу от Лхасы. Думаю, ему было за шестьдесят. Незадолго до смерти он сказал своим слугам: «Главным местом пребывания моего брата и меня был монастырь Цикей. отошлите туда всё моё имущество и вот эту записку.

И, если хотите, можете взять ещё и какие-нибудь кости от моего сожжённого тела.

Мне удалось составить полное собрание «Новых сокровищ», так что не позволяйте никому воровать оттуда. В монастыре Цикей сейчас живут и перерождение моего отца, и перерождение моего брата, а потому вы должны вручить это собрание лично им в руки. Эта записка — моё завещание. Нет ни единого слова, которое я хотел бы добавить к тому, что здесь написано. Разве что можете сказать такие слова: «Цеванг Норбу умер, как старый пёс, в деревне Ньемо». Обещайте, что именно так вы будете отвечать каждому, если кто-то обо мне спросит. Сообщите это всем ламам в Кхаме».

Принадлежавшие Цевангу Норбу книги «Новых сокровищ», его иконы и ритуальные принадлежности для посвящений хранились в монастыре Цикей вплоть до «культурной революции».

Те, кто присутствовал на его кремации, с удивлением видели, как от погребального костра далеко в небо уходили радужные лучи. Я не помню, были ли в оставшемся пепле какие-либо священные реликвии, но слышал, что некоторые из его костей были наполнены порошком синдуры. Не думаю, чтобы это можно было назвать «собачьей смертью».

Моя драгоценная бабушка

Моя бабушка Кончог Палдрон была необычайно одарённым человеком, очень талантливым и мудрым. В наших краях женщины редко получали такое хорошее образование, какое получила она. Трудно было найти другого человека, который достиг бы такого же разностороннего совершенства.

Бабушка знала все слова и мелодии песнопений, а также умела правильно использовать ритуальные принадлежности — и всему этому она научилась у самого тертона, который часто получал эти мелодии в своих видениях. Если бы не она, подлинные мелодии и порядок ритуалов нашей линии были бы утрачены. Она даже знала особые способы игры на ритуальных трубах *гьялинг*. Бабушка чрезвычайно искусно владела гьялингом, и в Цикее все, кто учился на нём играть, спрашивали её мнение.

Она также передала всю совокупность мудр для каждого из ста мирных и гневных божеств и все связанные с ними ритуалы — всё то наследие с тысячелетней традицией, с которым она познакомилась в монастыре Миндроллинг. До сих пор её понимание ритуальных мелодий и использования музыкальных инструментов остаётся основой «Новых сокровищ».

Ещё бабушка была признанным врачом традиционной тибетской медицины и каждый день давала лекарства своим пациентам. Также она была астрологом и знатоком нескольких стилей тибетской живописи⁸². Она была необыкновенным человеком.

Бабушка преодолела все препятствия, которые встают перед женщиной в традиционном для Кхама обществе, управляемом мужчинами. Она была такой яркой личностью, что там, где я рос, среди женщин ей не было равных.

Моё первое яркое воспоминание о бабушке относится к тому времени, когда мне было лет семь и она жила в нашем семейном гнезде, во

дворце Цангсар. В течение этих трёх лет я почти каждый день ходил про-
водить её. Наверное, тогда у меня было более смуглое лицо с синеватым
оттенком, потому что она прозвала меня Синелицый. Моего старшего
единокровного брата Пэнджика она называла Бледнолицым, потому что
он был светлый.

Потом бабушка на один год переехала в небольшую обитель, распо-
ложенную поблизости, а потом — подальше, на высокогорную Крепост-
ную Вершину, где она провела со своим сыном Самтенем Гьяцо три года.
Всё это время у меня было мало возможности видеть её, потому что я
уехал с отцом и жил в Деченлинге, в его доме для затворничества, кото-
рый находился в двух днях пути верхом. Бабушка была очень щедрой и
всегда награждала меня подарками: сушёными абрикосами, сумочками
и другими вещами. Ещё она учила меня, как вести себя за столом и дер-
жаться в компании других людей.

Внуки у неё были только от моего отца, и, кажется, я был её любим-
чиком — она окружала меня заботой. Она всё время оставляла меня по-
болтать с ней и часто делилась со мной своей цампой — давала мне вкус-
ные кусочки, которые я ждал и с удовольствием съедал. Она любила меня
как собственного сына.

Никто не умел так искусно делать торма, как бабушка. На самом деле
именно она научила меня делать торма для «Новых сокровищ». Благо-
даря ей у меня было так много опыта в ритуалах, что позднее я много лет
служил для своего отца мастером ритуалов. Хотя я был ещё подростком,
он назначил меня ответственным за подготовку всего необходимого для
ритуалов.

Моей особой заботой были торма. Я не могу сосчитать, сколько изго-
товил их подростком. Я начал изучать искусство приготовления торма
вместе с Пэнджиком, у которого были довольно проворные руки. Одна-
ко в этом искусстве неизбежно наступает момент, когда необходимы бо-
лее тонкие приёмы и усовершенствования, поэтому я обычно обращался
к своему дяде Санг-Нгаку, который научил меня многим тонкостям. Но,
когда Самтен Гьяцо взял меня с собой в Цикей, он сказал: «Высший су-
дья, который может оценить торма в стиле Чокгьюра Лингпы, — это твоя
бабушка».

Как-то раз бабушка высказала мне своё одобрение. Когда мой при-
ятель Дудул и я показали свои торма, она сказала мне: «Стиль Дудула боль-
ше напоминает традицию Миндроллинга, а ты чисто следуешь “Новым
сокровищам”. В будущем ты будешь опорой нашей традиции ритуала».

Когда мне было девятнадцать лет, я отправился в Цикей навестить
бабушку. Ей тогда было лет семьдесят, и она слегка хворала. Я пробыл

с ней два месяца и получил от неё заключительные наставления о том, как готовить торма. В конце этого срока я стал большим знатоком в деле приготовления различных торма, используемых в ритуалах для «Новых сокровищ», и получил от Кончога Палдрон личное благословение. Она сказала мне: «Ты и вправду лучший мастер приготовления торма в этой традиции терма». Сейчас у меня вовсе нет никаких особых достоинств, если не считать, что я действительно умею делать эти торма.

Бабушке было свойственно не воздействовать на провинившихся бранью и укорами, а дать совет о том, «что бы в таком случае сделал хороший человек». Так что каждый мог сделать для себя соответствующий вывод.

Я никогда не видел и не слышал, чтобы она кого-то ударила. Помню, как она говорила нам, детям: «Нет ничего хорошего в том, чтобы шутки ради дразнить кого-то своим мелким враньем, — это низко и подло. Не дразнитесь, чтобы друг друга обидеть. Не вздорьте между собой».

Она, бывало, давала небольшие советы: «Не говори с набитым ртом. Ешь спокойно и бесшумно. Когда разговариваешь, не зевай и не производи никаких ненужных звуков. Не повышай голос без причины; не зачем кричать, когда разговариваешь с тем, кто рядом. Говори как воспитанный человек: не спеши, а подбирай нужные слова. Если будешь тараторить, станешь похож на безумного».

Вот какие советы она давала мне, когда я был ребёнком. Каждый раз, когда я приходил к ней в гости, получал такие наставления.

Несмотря на благородное происхождение, бабушка — или Драгоценная Мать, как мы к ней обращались, — была невероятно скромна и всегда садилась пониже. Разные ламы и важные ученики её отца навещали её, чтобы выразить ей почтение. Она неизменно отвечала: «Зачем вам было беспокоиться, чтобы навестить старуху? Что это на вас нашло, ламы?»

Если кто-то хотел поклониться ей, то мог сделать это исключительно снаружи, перед тем как войти. Она всегда вставала, когда её приветствовали со сложенными ладонями. Если ей низко кланялись, она покидала своё место и уходила со словами: «Да что вы за ламы — кланяетесь какой-то старухе!»

Когда бабушка жила в Крепостной Вершине, ламы из Гебчага, впечатляющего женского монастыря, расположенного поблизости, приходили засвидетельствовать своё почтение дочери великого тертона. Сам-

тен Гьяцо входил в её комнату, чтобы объявить о прибытии того или иного ламы, и она обычно отвечала: «Что им тут делать? От меня нечего получить. Не приводи их больше сюда! Им незачем со мной встречаться».

Конечно же, Самтен Гьяцо не мог говорить видным ламам, чтобы они просто ушли, поэтому он устраивал для них сиденья на травке перед домом, а потом предлагал бабушке подышать свежим воздухом. После этого он подсказывал ламе, чтобы тот потихоньку приблизился с другой стороны, как будто просто идёт мимо. Затем между ними мог начаться разговор. Иначе не было никакой возможности встретиться с ней, и только потому, что она была слишком скромна.

Возможно, именно из-за её неподдельной скромности Чоклинг из Цикья, который составил биографию Чокгьюра Лингпы, никак не мог познакомиться с бабушкой, не говоря уж о том, чтобы услышать её истории. Как бы то ни было, он не смог прибегнуть к кладезю её памяти, когда писал эту официальную биографию.

Хотя на своём жизненном пути Кончог Палдрон не раз встречалась с великими учителями, её коренным учителем был собственный сын, Самтен Гьяцо. Именно он дал ей глубинные наставления по медитации. Конечно, она и раньше получала передачи от других учителей, в том числе и от своего брата Вангчока Дордже, который рано умер. Но только Самтен Гьяцо показал ей сущность ума, благодаря чему она безошибочно её узнала, а именно это отличает коренного гуру.

Если подумать, это поразительно: коренной гуру — собственный сын!

Самтен Гьяцо говорил мне, что был удивлён уровнем медитации своей матери. Когда её жизнь близилась к концу, она достигла уровня, который называется «крушением заблуждения», когда человек уже не видит снов — состояние сновидений полностью очищено. Действительно, в

тантрийских текстах упоминается, что в определённый момент поток сновидений прекращается, в результате чего непрерывность ясной пробуждённости уже ничем не нарушается.

Кончог Палдрон была поистине удивительна! Люди часто говорили, что, едва они входили в её комнату, у них улетучивались все житейские мысли и заботы. Человек испытывал лишь покой и ясность. Это ощущалось совершенно явно.

Дочь Чокгьюра Лингпы была необычной во многих отношениях. Например, у

18.
Тара — будда
сострадания

неё было три видения, в которых она встречалась с Тарой, как если бы та была во плоти, словно они просто вели между собой беседу. Этого никто не знал, потому что бабушка никогда не рассказывала об этом никому, кроме моего дяди Самтена Гьяцо. Даже мне она этого не говорила, и я услышал об этом от него.

Местные жители глубоко верили в неё. Они часто просили дать им освящённые ею зёрна ячменя, чтобы носить их на теле в маленьком мешочке для амулетов. Они также вешали защитные амулеты, которые она давала, на шею своих коз и овец. Некоторые даже проверяли, насколько хорошо действует её защита, стреляя из ружья в своих коз.

«Каждый раз, когда я попадал в козу, — рассказывал один из жителей, — хотя после удара коза блеяла от боли, я не находил у неё никакой раны от пули. Амулет сделал мою козу неуязвимой для пули — я не вру!»

Возможно, такая проверка была не так уж безнравственна: она укрепляла в людях веру.

У бабушки сохранились воспоминания о том, как она вместе со своей матерью отправилась в Дерге, в главную резиденцию Кхьенце Старшего, когда Кхьенце, Конгтрул и Чоклинг были ещё живы.

Эти три учителя совместно проводили сложную практику друбчен — которая продолжается непрерывно девять дней и ночей, — вероятно, используя терма Воплощение Реализации⁸³. Бабушка и её брат Вангчог Дордже сидели внутри. Когда пришло время для пиршественного подношения, великий Кхьенце сказал: «Для достижения благоприятной взаимосвязи вы, брат и сестра, должны надеть тантрийские украшения и держать блюда с пиршественными подношениями».

Бабушка помнила, как они вдвоём стояли с блюдами в руках перед тремя учителями, когда те пели медленный и мелодичный гимн подношения. «Брат был похож на юного бога, — вспоминала бабушка, — у него было немыслимо прекрасное лицо!»

Под конец Кхьенце Старший сложил ладони и сказал: «Эти дети, бесспорно, отпрыски рода видьядхар».

Бабушка также помнила встречу с великим Патрулом.

Патрул и её отец, тертон, встретились в монастыре дзогчен в соседнем королевстве Дерге. В то время слугой тертона был Йонге Мингьюр Дордже, который подавал ему чай и готовил еду.

На рассвете Чокгьюр Лингпа сказал ему: «Этим утром сюда пожелует великий учитель Патрул Ринпоче. Сделай, пожалуйста, необходимые приготовления».

Затем, когда Йонге, налив учителю чаю, вышел из его комнаты, он увидел у дверей какого-то старика. Одет он был не как лама, а как обычный житель Голока — в овчинную одежду, крытую красной тканью. Он был крупного телосложения и с большим носом.

— Мне нужно видеть Чокгьюра Лингпу! — сказал он и двинулся внутрь.

Поскольку посетители никогда не входили в резиденцию тертона без доклада, Йонге загорочил дверь со словами:

— Погоди-погоди! Это не так просто. Сначала мне нужно доложить о тебе ламе.

— Уйди с дороги! — сказал старик и стал отталкивать Йонге.

Йонге схватил посетителя за рукав и настойчиво продолжал:

— Так нельзя врываться.

Старик сопротивлялся, и они начали бороться. Тут Йонге подумал:

— А вдруг это не обычный старик из Голока. Наверное, мне нужно войти и спросить.

И до него дошло, что ему было сказано о предстоящем визите, но он предполагал увидеть перед собой гостя с внешним видом, более подобающим великому учителю.

Обернувшись, он увидел, что Чокгюр Лингпа простёрся на полу, приветствуя старика. Тот в ответ тоже склонился в поклоне. Позднее Йонге говорил, что, поклонившись друг другу, они коснулись друг друга лбами, как два яка.

Из монастыря дзогчен Чокгьюру Лингпе пришло приглашение прибыть в качестве почётного гостя и принять подношения. Поскольку Патрул тогда состоял при этом монастыре, его попросили написать официальную речь, предваряющую подношение.

Вы можете найти запись этой беседы в жизнеописании Чокгьюра Лингпы. В этой чрезвычайно изысканной речи Патрул осыпал его похвалами, называя посланцем Падмасабхавы.

Со времени этого посещения тертон стал называть Патрула «Дзогчен Патрул» — и это имя за ним закрепилось, а также дал ему посвящение на своё терма с учением дзогчен под названием «Сердечная сущность Самантабхадры». Эта передача происходила в ретритном центре, расположенном намного выше линии вечных снегов и выходящем на принадлежащую монастырю школу Шри Сингхи.

В ответ Чокгюр Лингпа усадил Патрула на высокий трон и попросил передать ему «Путь бодхисаттвы». Так эти два учителя установили нерушимую связь.

Бабушка помнила, что Цеванга Норбу там не было, но зато присутствовали Вангчог Дордже и супруга Чокгьюра Лингпы.

Патрул практиковал это особое учение дзогчен и позднее сказал: «Я такой человек, что, как правило, не получаю ни видений, ни знаков, ни каких-либо других указаний на продвижение в практике, но даже со мной действительно что-то произошло, когда я практиковал это терма. Это учение поистине сильное!»

Бабушка умела подражать сильному голокскому акценту Патрула, когда повторяла то, что он говорил, давая учения ума одному старику из тех краёв:

«Если не держишься за прошлое и не предвкушаешь будущего, тебе ничего не остаётся, как сохранять безыскусное, раскрепощённое и свободное состояние своего нынешнего обычного ума».

В этой краткой фразе он выразил суть учения дзогчен.

Но старик из Голока стал просить:

— Дайте мне благословение, чтобы я точно уж никогда не оказался в аду!

Но Патрул просто ответил:

— Сам о себе не позаботишься — никто не забросит тебя в чистые земли, как камень.

Бабушка обрела совершенную реализацию, перед тем как умерла в свои восемьдесят лет, а это в наших краях считается довольно преклонным возрастом. Одно из моих последних воспоминаний о ней — обращённые ко мне слова: «Скоро я умру. Хочу оставить своё тело в Цикее, где лежат останки моего отца и братьев».

Через несколько лет бабушка умерла в Цикее.

Я не слишком часто навещал её, пока она там жила, но время от времени получал от неё подарки — маленькие разноцветные ящички тонкой работы и другие вещи, которые нравятся подросткам.

Бабушка покинула своё тело, сидя очень прямо. Помню её кремацию, которая происходила на некотором расстоянии от самого монастыря Цикей. Согласно традиции устроили большой погребальный костёр в форме ступы. Руководил Дзигар Конгтрул, знаменитый в тех краях лама. Во время кремации пять отдельных групп выполняли сложные садханы, каждая из которых основывалась на своей мандале. Потом мы обнаружили в пепле большое количество синдхуры.

Мой учитель Самтен Гьяцо

Самтен Гьяцо, самый старший сын моей бабушки, был моим коренным гуру и наивысшим прибежищем. К тому же он, разумеется, был моим дядей. Мне немного неловко рассказывать истории о нём, поскольку не хочу, чтобы показалось, будто, превознося родственника, я косвенно восхваляю самого себя.

Ученик, который в рассказах о своём гуру излишне подчёркивает признаки его совершенства, ясновидения и других чудесных сил, в итоге может, вместо того чтобы возвеличить его, посеять сомнения. Однако, хоть он и родственник, я никак не могу воздать ему хвалу. Не хочу показаться грубым, но я имею к нему такое же отношение, как экскременты к изысканному блюду.

Я не восхваляю кого-то из своей семьи, как «нижняя губа хвалит верхнюю», но со всей честностью можно сказать, что во всём Кхаме действительно не было другого учителя с таким же высоким воззрением и духовной реализацией, со столь же впечатляющей силой и величавым достоинством. Я не смогу рассказать вам о внутренних или сокровенных пластах его жизни — как мы обычно описываем духовные переживания и достижения великих людей, — поскольку я их не знаю. Здесь содержится только то, что я слышал или чему сам был свидетелем.

Когда Самтен Гьяцо передавал «Новые сокровища» великому учителю Тентрулу в монастыре Сурманг, я спал недалеко от двери в комнату Самтена Гьяцо, а потому часто слышал их вечерние беседы. Тентрул был чрезвычайно образованным и благородным человеком. Однажды он сказал мне: «Много лет назад в Дерге я встретился с Самтеном Гьяцо, с которым был и твой отец, Чиме Дордже, и уже тогда я подумал, что благодаря своей интуиции и линии передачи он станет поистине великим учёным. Я изучил намного больше философских трудов, чем Самтен Гьяцо, но, когда мы доходили до темы дзогчен, то я даже не отважился продолжать беседу. Когда мы обсуждали “Новые сокровища”, я кое-как

мог поддерживать разговор, но он вгонял меня в краску, когда мы начинали говорить о медитации».

В линии баром-кагью Самтена Гьяцо считали воплощением Четырёхрукого Махакалы, одного из самых значительных охранителей Дхармы⁸⁴. Кроме того, второй Чоклинг из Цикья однажды в своём видении встретился с Самтеном Гьяцо, который предстал перед ним как воплощение Вималамитры.

С самых юных лет я глубоко уважал своего гуру. В своём поведении Самтен Гьяцо хранил монашеские обеты со всей чистотой и строгостью. Он никогда не пробовал спиртного и не ел мяса. Его поступки всегда были в ладу с практикой бодхисаттв.

Некоторые из нас, кто виделся с ним каждый день, не замечали его качеств, точь-в-точь как жители Лхасы, которые никогда не видели статуи Джово, считая, что у них ещё масса времени, чтобы пойти и посмотреть. Но если со всем вниманием приглядеться к этому учителю, то было совершенно очевидно, что он преисполнен сострадания, стойкости и преданности.

Самтен Гьяцо никогда не льстил другим, преувеличивая их достоинства. Он говорил откровенно, передавая всё именно так, как оно есть, ничего не прибавляя и не убавляя. Он никогда не обсуждал темы, которые могли кого-то задеть.

Мой гуру был абсолютно надёжен и честен во всех отношениях. Если он вам что-то обещал, то потом никогда не забывал. Вот такой он был человек — заслуживающий полного доверия. Он почти не болел, или, по крайней мере, я никогда не слышал от него жалоб, даже на головную боль или на какую-то ещё. А ещё он не строил планов дальше, чем на один день, и всегда выполнял свои задачи.

Самтен Гьяцо был предельно внимателен к своим повседневным делам, как духовным, так и светским. Например, давая посвящения, он никогда не пропускал ни одного слова или фразы. Он выполнял весь ритуал, от подготовки до заключительных строк, в состоянии истинной медитации, так что, едва зайдя в помещение, вы ощущали, что сейчас настоящему получите посвящение. Вот такой он был учитель.

Других людей пугала скрупулёзность Самтена Гьяцо, и, боясь, что не подойдут под его мерки, они часто считали себя неподготовленными для участия в ритуалах в его присутствии. Нельзя было допустить ни единой ошибки в приготовлении торма или упустить какую-то деталь в расположении мандалы на алтаре, поскольку было известно, что он не только это заметит, но и сочтёт неприемлемым. Едва ли вы нашли бы человека более дотошного — он во всём стремился к совершенству. Ламы-новички не осмеливались как-то выделяться, когда он руководил церемонией.

Самтен Гьяцо был так образован и опытен, так надёжен и неподражаем, что его сравнивали с Марпой, гуру-переводчиком, который принёс учения кагью из Индии.

Однако мой коренной учитель никогда не старался произвести впечатление, никогда не выставлял напоказ свои высокие духовные достижения в отличие от тех «йогоинов» с неизменно отсутствующим и свирепым взором, к месту и не к месту изрекающих «глубокие истины» вроде: «В самсаре и нирване всё одинаково!» Что толку от таких выступлений?

Самтен Гьяцо путешествовал как самый простой человек. Он вёл образ жизни тайного йогина: не выставлял напоказ свои духовные достижения и никогда не вёл себя как важный лама. Он не благословлял людей наложением рук, не сидел на высоких тронах. Он даже не разрешал, чтобы ему кланялись: если кто-то пытался это сделать, он вскакивал и уходил. Он избегал участвовать в таких показательных мероприятиях, как возведение внушительных храмов или открытие гигантских статуй. Он предпочитал быть незаметным: никогда не одевался в парчу, но носил простую одежду обычного монаха.

Если Самтен Гьяцо обладал особым постижением или необычными способностями, то он тщательно их скрывал. Кроме того, он не терпел, когда ему говорили о его достоинствах, — он пресекал такие попытки в самом начале. Например, если кто-то начинал говорить: «Ринпоче, вы такой учёный» или «Наверное, вы просветлённый», он тут же их отчитывал. Он никогда не говорил о своей исключительности ни единого слова. Никто не слышал от него: «Я обрёл такое-то свершение» или «У меня есть такие-то особые качества». Ни разу!

Ежедневной практикой Самтена Гьяцо были «Сердечная сущность Самантабхадры» и «Сердечная сущность Чецуна». Можно сказать, что эти учения были его сокровенной личной практикой. Как он сам говорил: «Познакомиться с такой практикой — это гарантия освобождения от сансары».

Также он глубоко любил учителей Лонгченпу и Джигме Лингпу. Он часто читал вслух «Семь сокровищниц» Лонгченпы, не в качестве передачи-лунг, а просто для самого себя, и читал медленно и мягким тоном. Куда бы он ни отправился, он всегда брал с собой один из этих семи томов, так что к концу года он заканчивал чтение всех семи томов. Через несколько лет он уже точно мог найти в этих «Сокровищницах» любую подробность. Иногда он комментировал: «Как чудесно! Какой удивительный учитель Лонгченпа! Как глубоки его слова!»

Чрезвычайно важной дядя Самтен Гьяцо считал тантру «Лотосная сущность». Он снова и снова передавал её людям и часто её объяснял.

Вероятно, именно поэтому первое, что я сделал, оказавшись в Непале, — заказал резные доски для её ксилографического издания. Иногда дядя благословлял вещества, читая эту тантру, а также две другие тантры, которые дают освобождение посредством слушания, соприкосновения или вкушения. Одна — это знаменитая тантра «Единственный сын будд», а другая — «Универсальная панацея». Потом он просил людей бросить их в большую реку, чтобы принести пользу всем существам, живущим там и в великом океане. Чокгьюр Лингпа открыл не сколько таких тантр.

Однажды Самтен Гьяцо сказал мне: «У меня есть два текста, которые действительно могут приносить пользу другим. Один — это «Единственный сын будд», а второй — «Лотосная сущность», и в этом нет никаких сомнений!»

Такие заявления он делал исключительно редко.

Что касается его линии перерождений, Самтен Гьяцо был четвёртым тулку в высшей степени совершенного учителя Нгаванга Тринлэ из рода Цангсар⁸⁵. В пятилетнем возрасте его отдали в монастырь Лачаб, где он находился вместе с Човангом Тулку, моим предыдущим воплощением, который стал его коренным гуру. Затем Самтена Гьяцо объявили Владыкой Дхармы этого монастыря. В юности он жил в Лачабе и в Крепостной Вершине, а позже стал жить в пещерах и затворничествах, меняя их одно за другим.

Самтен Гьяцо получил монашеские обеты от Кармей Кхенпо. Вероятно, он также получил от Кармей Кхенпо указующие наставления и подтверждение прозрения, чем могла объясняться его необыкновенная вера в этого учителя — точно такая же, какую мой отец питал к своему коренному гуру, Сонтару Чончогу, а дядя Терсэй — к Шакье Шри. Позднее главным гуру Самтена Гьяцо стал Цеванг Норбу, а за ним и многие другие великие учителя, жившие в Кхаме⁸⁶.

Мой дядя Санг-Нгак и, как ни странно, его собственная мать Кончог Палдрон — оба считали Самтена Гьяцо своим коренным гуру. Мой

19.
Крепостная
Вершина —
высокогорная
обитель

отец тоже глубоко верил в Самтена Гьяцо, и каждый раз, когда мы посещали Крепостную Вершину, он спешивался, когда обители ещё не было видно, и кланялся двадцать-тридцать раз.

Я слышал чудесную историю об одном из прежних воплощений Самтена Гьяцо, которого звали Нгактрин из Аргонга. В нём признали тулку, когда он был совсем маленьким ребёнком, и забрали в Лачаб, монастырь его предшественника. Однажды, лет в восемь, он забавлялся с друзьями обычными детскими играми. Один старый *гонла* — лама, ответственный за песнопения для охранителей, — бил в барабан и пел, окружённый носившейся около него шумной ватагой.

— Ты воплощённый лама, — вдруг стал упрекать юного Нгактрина гонла. — Не веди себя так. Тулку должен быть благородным мальчиком, а ты — негодный шалопай! Зачем ты это делаешь! Какая от этого польза? Слушай: не отвлекайся, не отвлекайся!

— Что это значит? — спросил маленький тулку. — Что значит «не отвлекайся»?

— Не дай своему уму заблудиться, — ответил старый лама, — вот что это значит!

— А как это, не отвлекаться?

— Наблюдай за собой. Наблюдай за своим умом!

Едва услышав слова «не блуждай, наблюдай за своим умом», мальчик сразу же осознал природу ума. Несмотря на то что за свою жизнь он встретил немало великих учителей, он всегда говорил, что его прозрение случилось в детстве.

Позже Нгактрин отправился в Дерге, в монастырь Палпунг, где удалился в традиционное трёхлетнее затворничество. Когда он прошёл это затворничество во второй раз, его назначили ретритным учителем. Там он достиг невероятно высокого уровня практики.

Главой монастыря тогда был великий учитель Ситу Пема Нингдже. На старости лет брови у Ситу нависали над глазами, мешая ему смотреть. Когда надо было что-то прочитать, ему приходилось пальцами приподнимать брови. За исключением таких случаев, глаза у него были постоянно прикрыты или закрыты.

Только осенью Ситу открывал глаза и смотрел в окно, в основном затем, чтобы любоваться рододендронами, расцветавшим в ту пору на горе напротив Палпунга. «А! Рододендрон в полном цвету!» — бывало, восклицал он. Но, когда он совсем состарился, глаза у него вовсе перестали открываться.

Однажды Чокгьюр Лингпа впервые посетил Палпунг. Ситу доложили: «Приехал человек, который называет себя Чокгьюром Лингпой. Это тот самый тертон Кьясу из Нангчена, о котором мы уже слышали»⁸⁷.

Ситу не стал бы верить в любого тертона, которому случилось проезжать мимо. На самом деле на Ситу не произвёл решительно никакого впечатления другой недавно посетивший его тертон, о котором он заметил: «Ну-ну! Этот парень объявляет себя открывателем кладов, но сдаётся мне, что титул ему нужен просто как предлог, чтобы жить с женщиной. Единственное, что ему хорошо удаётся, так это позорить Лотосорождённого».

Однако Чокгьюру Лингпе Ситу всё-таки несколько доверял, а потому стал готовиться к встрече с ним. Тем не менее он позвал ламу Нгактрина, сказав: «Я слышал, что вам снятся вещие сны благодаря твоей практике “Шести учений” Наропы.

Этот тертон из рода Кьясу называет себя посланцем Падмасамбхавы и объявляет великим открывателем кладов. Но я не верю никому, кто претендует на звание тертона. Поскольку наш монастырь приготовился принять его завтра как высокую персону, отметьте, что приснится вам сегодня ночью, чтобы получить знаки, которые могли бы подтвердить его притязания. Расскажите мне обо всех видениях или ощущениях, которые у вас будут».

Нгактрин был замечательным практиком и многого достиг, выполняя затворничество. Во сне, который он увидел в ту ночь, он получил пророчество, подтверждающее, что Чокгьюр Лингпа — действительно подлинный тертон. Услышав рассказ об этом сне, Ситу был обрадован и приятно удивлён.

«Ха-ха-ха! — шутил он. — Чокгьюр Лингпа, наверное, и впрямь тертон, если, конечно, на ваши сны можно положиться».

Прибыв, Чокгьюр Лингпа сказал Ситу:

— Вы — один из посланцев Падмасамбхавы. Лотосорождённый Гуру повелел лично мне дать вам учение «Кинжал семеричной глубины», чтобы защитить от препятствий к вашей долгой жизни.

— Неужели? — ответил Ситу. — Я слишком стар, чтобы самому проносить все слова этого учения. Пока вы будете это делать, я понаблюдаю за знаками.

По традиции, в завершение практики ищут знаки её успешности и благословения.

Затем Ситу предоставил тертону возможность провести строгое месячное затворничество для практики «Кинжала семеричной глубины».

По окончании этого месяца слуги Ситу собрались принести ему освящённые Чокгьюром Лингпой предметы.

«Нет, тертон должен сам прийти и дать мне посвящение, — настоял Ситу. — Мне не поможет, если он просто пошлёт мне эти освящённые предметы: тайная Ваджраяна — это не вещь, которую просто ставят кому-то на голову. Позовите самого тертона!»

Так, закончив практику, этот неизвестный тертон дал Ситу, самому почитаемому к востоку от Ахасы ламе линии карма-кагью, посвящение «Кинжала семеричной глубины».

Вот ещё одна из услышанных мною историй, в которой рассказывается о ламе Нгактрине, предыдущем перерождении Самтена Гьяцо.

Зимы в Восточном Тибете такие холодные, что ручьи от тающего под солнечными лучами снега замерзают на ходу, отчего получаются широкие ледяные барьеры иногда с трёхэтажный дом высотой. Иногда они преграждают крутые горные тропы, и передвижение становится невозможным. Но, как бы ни было холодно, сколько бы снега ни выпало, на крыше ламы Нгактрина никогда не было снега — он таял от его *туммо*, йогической практики внутреннего жара.

Однажды Нгактрин получил известие, что на другой стороне горного перевала умер один из его главных благодетелей. На дороге, ведущей туда, разлилась, а потом замёрзла река, так что огромная ледяная преграда поднялась на высоту двух- или трёхэтажного дома. Пройти через неё не было никакой возможности.

Гораздо более длинным путём, но до ламы Нгактрина дошла просьба прибыть и сделать для умершего покровителя ритуал *пхова*, перенос сознания. Нгактрин, не колеблясь, тут же ответил: «Иду!»⁸⁸

Слуги пытались его отговорить, увещевая:

— Как же вы пойдёте? Хотите погибнуть в ледяной воде? А если вам придётся обходить ледяную преграду, вам потребуется два-три дня. Как вы, пожилой лама, туда пойдёте? Это невозможно — забудьте об этом.

Но Нгактрин сказал:

— Нет, было бы неправильно не пойти. Он был моим покровителем. Если я к нему не пойду, это будет тяжким нарушением самаи. Я отправлюсь завтра утром, несмотря ни на что!

Слуги неохотно повиновались, с унынием думая о предстоящем обходном пути, длинном и опасном. Однако Нгактрин заверил их, что этого делать не придётся.

На следующий день ранним и ясным утром он сказал слугам:

— Сегодня ночью я расчистил дорогу.

И верно: весь лёд на горном перевале растаял. Нигде не было ни сне-

жинки, и можно было спокойно отправляться в путь. Удивлённым слушам Нгактрин сказал просто:

— Ночью я немного практиковал туммо, и всё растаяло.

Хотя Самтена Гьяцо назначили главой монастыря Лачаб, он жаждал жизни «йогина истинной простоты». Поэтому в один прекрасный день он отказался от должности управляющего монастырём, а также от всех своих официальных обязанностей и ушёл жить в пещеру.

Его единственным желанием было медитировать, ведя простую жизнь отшельника, где нет ни помпезности и церемоний, окружающих важного ламу, ни обязанности быть в распоряжении благотворителей. Поскольку он был главным тулку монастыря, никто не считал себя вправе противиться его желанию, а потому им пришлось согласиться с его решением. Он был бы вполне доволен такой жизнью, но вышло по-другому.

В конце концов Самтен Гьяцо отправился в монастырь Цикей, чтобы учиться у Кармей Кхенпо. С годами Самтен Гьяцо стал бесценным хранителем и защитником всех терма Чокгьюра Лингпы. Из четырёх братьев — и все они были тулку — именно он сослужил самую важную службу для «Новых сокровищ», даже большую, чем два прямых перерождения тертона.

Вот как развивалась эта деятельность на благо Дхармы. Прямой потомок самого тертона Самтен Гьяцо высоко ценил «Новые сокровища», а потому посвятил себя поискам всех этих текстов, которые только можно было найти. На самом деле, кроме медитации, это было его единственное занятие в молодые годы.

Даже когда он жил как йогин в различных пещерах, поблизости от него всегда были четыре-пять личных копировальщиков, в задачу которых входило переписывание всех сорока томов. Потом он проверял эти рукописные тексты, чтобы обеспечить их абсолютную точность. Я видел их — они поразительны!⁸⁹

Благодаря своим упорным поискам полного собрания «Новых сокровищ» Самтен Гьяцо получил и все их посвящения, передачи-лунг и наставления. Большей частью он получил их от Цеванга Норбу, сына тертона, — словно драгоценный сосуд, до краёв наполненный из точно такого же сосуда, — но также он получил и все те учения, которыми владел Кармей Кхенпо.

Главным предметом интереса Самтена Гьяцо — можно сказать, его тайной страстью — были тексты Дхармы. Он увлечённо собирал не только «Новые сокровища», но и всё, что считал важным. Его библиотека,

очень большая по нангченским меркам, так разрослась, что заполнила бы весь храмовый зал в моём теперешнем месте — Наги-гомпе. Перевести её можно было только на ста навьюченных до предела яках.

Его готовность переносить любые трудности в своих поисках редких текстов была общеизвестна. Он выискивал их где только можно. Если его приглашали в чей-то дом провести церемонию, то, прежде чем её начать, он внимательно осматривал каждую обёрнутую в ткань книгу, хранившуюся в храмовом помещении. На изучение всей хозяйской библиотеки уходило много времени, если она насчитывала томов двести. Он настаивал, чтобы каждую книгу разворачивали, потому что внутри часто оказывалось много текстов, а не один. Его не беспокоило, что на это, бывало, уходил целый день.

Мой учитель не только чрезвычайно любил книги, он заботился о том, чтобы их красиво и точно переписывали. В противном случае он возвращал книгу копировальщику: «Можешь оставить её себе, мне она не нужна. Я хочу правильную».

И он не ограничивался собиранием книг: у него было огромное собрание прекрасных ритуальных предметов. Если для проведения какого-то ритуала чего-то не хватало, он заказывал мастеру изготовить этот предмет и всегда по наилучшим образцам.

Если бы не разрушение, вызванное коммунистическим вторжением, эти замечательные рукописи и ритуальные предметы существовали и поныне — но все они утрачены.

Незадолго до того, как Самтен Гьяцо умер, я провёл с ним много вечеров. Обычно он лежал на своей кровати, а я спал рядом на полу. Однажды вечером во время нашей беседы Самтен Гьяцо впервые заговорил о своей сокровенной реализации.

«У меня не было особых переживаний, — сказал он мне, — но с годами моя вера в истинность Дхармы росла. Теперь я верю в истину трёх кай. Когда мне было восемь лет, я узнал природу ума и с тех пор никогда от неё не отвлекался. Конечно, моё усердие не всегда было одинаковым, и иногда я отвлекался, но большей частью придерживался практики естественного состояния ума».

Такое я слышал от него только однажды. Кроме этого случая, он никогда не обсуждал столь личные вещи.

В тот же самый вечер он рассказал мне о своих отношениях с Кхакья-бом Дордже и Цевангом Норбу, а также с другими своими учителями. Вот одна из таких историй.

Когда Цеванг Норбу давал посвящения «Сокровищницы драгоценных терма» в монастыре Ривоче, все крупные ламы и кхенпо вечерами собирались на ужин и беседу. Чаще всего это непринуждённое собрание происходило в личной комнате Цеванга Норбу, которая обычно служила кабинетом главного ламы. Каждый вечер эта комната была набита битком, и люди могли попросить любых наставлений, прояснить любые свои сомнения и получить ответы на вопросы, которые могли возникнуть у них в ходе их практики медитации.

Однажды вечером там находились все трое самых важных лам монастыря Ривоче, а также оба воплощения Чокгьюра Лингпы — из Нэ-тэна и Цикей — и мой младший дядя Терсэй. В то время Самтен Гьяцо был ещё совсем молод и среди всех этих важных учителей и кхенпо держался очень скромно, садясь ближе к двери. Одевался он в обычную дешёвую монашескую одежду, а не в парчовые облачения, как некоторые из лам.

Цеванг Норбу оглядел комнату своими большими, широко открытыми глазами, а потом указал прямо на Самтена Гьяцо, сидящего, как всегда, у дверей, и пробасил со свойственной ему прямоотой: «Клянусь Тремя драгоценностями! Видите этого скромного монаха у дверей? Ламы, обратите внимание, его имя Самтен Гьяцо! Как вы, наверное, знаете, он сын Кончог Палдрон, дочери Чокгьюра Лингпы». Он оглядел комнату, пристально вглядываясь в каждого. Все тотчас затихли.

«Сейчас вы о себе высокого мнения, — продолжал Цеванг Норбу своим громким голосом. — Вот ты считаешь себя одним из воплощений Чокгьюра Лингпы, вот ты — другим его воплощением. А ты, — указал он на дядю Терсэя, — ты считаешь себя тулку Вангчога Дордже, ведь так?! Самтен Гьяцо сидит тут позади всех, у двери, он совсем не гордый, но что до продолжения линии “Новых сокровищ”, клянусь Тремя драгоценностями, он превзойдёт всех вас! Благодаря ему эти “Сокровища” станут известны повсюду, как знаменитая статуя Джово в Лхасе. Этот скромный монах будет столпом учений Чокгьюра Лингпы!»⁹⁰

Вспомните, там собрались не какие-нибудь рядовые ламы: все они были высокими тулку и кхенпо. В комнате воцарилась тишина — все переглянулись. Потом они посмотрели назад, на маленького монаха в простой одежде.

Самтену Гьяцо было очень неловко. Он думал: «Зачем великому йогину нужно говорить такие вещи да ещё и клясться перед этими великими ламами?»

Хотя Цеванг Норбу приходился ему дядей, Самтен Гьяцо даже немного его побаивался. Когда же тот высказался таким образом, это прозвучало как пророчество — и Самтен Гьяцо запомнил его навсегда.

Закончив все посвящения, Цеванг Норбу на своём пути в Центральный Тибет остановился в нашем родовом доме семейства Цангсар. Во время пребывания у нас он пожелал жить в большом белом шатре, установленном неподалёку от храмового помещения. Однажды он послал за Самтеном Гьяцо, который жил на расстоянии одного дня пути верхом. В то время Самтен Гьяцо довольствовался жизнью простого монаха-йогины.

«Я получил известие, что Цеванг Норбу требует меня к себе, — вспоминал Самтен Гьяцо. — Когда я приехал, меня проводили к его шатру. Войдя внутрь, я увидел большой трон, на котором лежала его одежда».

«Мы собираемся совершить возведение на трон прямо сейчас, в этом шатре! — объявил Цеванг Норбу. — Тебе предстоит стать держателем ваджры, хранящим тройной обет, — ты меня слышишь? Отныне ты никогда не должен разлучаться с учениями Чокгьюра Лингпы!»

Затем он заставил Самтена Гьяцо сесть на трон. Пока мой учитель сидел там, Цеванг Норбу подносил ему один дар за другим, начиная со своих личных ваджры и колокольчика, а также своего полного облачения.

«Ныне я посвящаю тебя в ваджрные учителя, — продолжал Цеванг Норбу. — Отдавая тебе своё полное облачение, я назначаю тебя своим представителем. Я вверяю тебе линию “Новых сокровищ”. Ты должен взять на себя труд продолжать учения Чокгьюра Лингпы».

Несмотря на протесты Самтена Гьяцо, его всё равно возвели на трон как ваджрного учителя и облекли этими весомыми полномочиями.

Под конец ритуала Цеванг Норбу сказал: «Племянник, вечером мы останемся в этом шатре: нам нужно о многом поговорить».

Вечером он сказал Самтену Гьяцо: «Мы не встретимся больше в этих телах. Я отдаю всё, что имею, в твои руки».

Затем он передал Самтену Гьяцо всё, что у него было: одежду, парчовое облачение, ритуальные принадлежности и всё остальное.

«Я говорю, что больше мы в этой жизни с тобой не встретимся, но, если бы и встретились, это не имеет значения. Теперь это всё твоё».

На следующее утро Цеванг Норбу продолжил свой путь, и Самтен Гьяцо его больше не видел⁹¹.

Спустя несколько лет Самтен Гьяцо получил письмо от Кармапы, Кхакьяба Дордже, в котором тот просил его приехать в Цурпу, чтобы дать посвящения «Новых сокровищ». Прочтя письмо, Самтен Гьяцо только и сказал: «Ни в воззрении, ни в медитации, ни в поведении я ничем не превосхожу Кхакьяба Дордже. Но если такова его воля, то я дам ему передачу, словно это подношение мандалы».

Это была ещё одна причина, почему Самтен Гьяцо сопровождал бабушку Кончог Палдрон в её путешествии в Центральный Тибет.

Прибыв в Центральный Тибет, Самтен Гьяцо направился прямо в резиденцию Кармапы в Цурпу. Первые слова, с которыми Кхакьяб Дордже обратился к нему, были такими: «Я очень хотел, чтобы Цеванг Норбу даровал передачу “Новых сокровищ”. Ведь он был не только сыном Чокгюра Лингпы, но и подлинным ваджрным учителем, хранящим обеты трёх уровней⁹². Я просил их у него, потому что он был несравненным, обладающим всеми истинными качествами учителем. Однако у него, наверное, было другое мнение, иначе почему же он мне отказал? То же самое я просил и у вашего брата, Терсэя Тулку, который тоже отказал. Теперь, Самтен Гьяцо, поскольку вы сын дочери Чокгюра Лингпы и тоже принадлежите к божественному роду Цангсар, вы должны даровать мне посвящение».

Такова была воля Кармапы.

Самтен Гьяцо встал и трижды поклонился.

— Вы Авалокитешвара во плоти. Если честно, то я недостоин давать посвящения такому высокому ламе, как вы. Чтобы быть гуру Ваджраяны, необходимо обладать десятью качествами. Что говорить о десяти — если бы я обладал хоть одним из них! Если бы я мог выбирать, давать посвящения или нет, я бы предпочёл не давать. Это совершенно точно. С другой стороны, я не хотел бы делать ничего, что вас огорчило бы.

— Есть у вас десять качеств или только одно, или совсем нет, вам всё равно придётся дать мне эту передачу.

Поскольку таков был приказ Кармапы, Самтену Гьяцо ничего не оставалось, как уступить.

— Я решил, что должен это сделать, — сказал мой гуру. — Терма Чокгюра Лингпы — как чистое золото, и, как только это чистое золото, исполняющая желания драгоценность, оказывается в ваших руках, оно непременно принесёт благо и Дхарме, и живым существам.

Затем он начал давать Кармапе полную передачу «Новых сокровищ». Линия этой передачи шла от Чокгюра Лингпы через Цеванга Норбу к Самтену Гьяцо — так она дошла до пятнадцатого Кармапы.

Самтен Гьяцо тоже получил от Кармапы много учений — вот почему Самтен Гьяцо считал Кармапу одним из своих учителей. Мой гуру рассказывал мне, каким непостижимо великим учителем был Кармапа, как велика была его сила ясновидения и духовных свершений, как чётко он мог видеть все три времени — словно то, что лежит у него на ладони. Вера Самтена Гьяцо в Кхакьяба Дордже была столь велика, что при одном лишь упоминании имени этого учителя его глаза наполнялись слезами.

Через некоторое время после прибытия Самтена Гьяцо в Цурпу его пригласили в личные покои Кармапы. Когда мой гуру вошёл внутрь, он увидел трон, на который были возложены парчовые одеяния, корона и все принадлежности ваджрного учителя. Так же, как некогда сделал Цеванг Норбу, Кармапа предложил Самтену Гьяцо сесть на трон. И снова за этим последовали протесты и уговоры.

— Я приказываю вам сесть сюда, — наконец сказал Кхакьяб Дордже, — я возвожу вас на трон как ваджрного учителя. Если не вы, то кто же будет поддерживать Дхарму? Если говорить о внешних, нравственных обетах, то вы не нарушили их ни на горчичное зерно. Если же говорить о внутренних обетах бодхисаттвы или сокровенных тантрийских обетах видьядхары, то нет никого, кто мог бы сравниться с вами в постижении воззрения сердечной сущности дзогчен. Вы истинный держатель ваджры, хранящий три обета.

Кармапа продолжал:

— Кажется, вашим желанием было жить простым отшельником в горных затворничествах и пещерах. До сих пор вы так и поступали — и сейчас всё ещё предпочитаете такую жизнь, не так ли? Но теперь я говорю вам вот что: отныне и впредь вы должны отказаться от этого намерения!

Сегодня я возвожу вас на трон как держателя ваджры, который направляет живых существ, дарует посвящения, ведущие к созреванию, и даёт освобождающие наставления вместе с поддерживающей передачей-лунг. Я требую, чтобы вы прямо здесь, передо мной, поклялись это делать! Отныне это ваша задача.

Он добавил:

— Теперь для вас будет совершенно неуместно следовать примеру патриархов школы кагью — отказываться от всего. Я хочу услышать от вас обещание не следовать такому пути! Я прекрасно знаю, что вашим желанием было, покинув Центральный Тибет, вернуться в Кхам и удалиться в затворничество в каком-нибудь уединённом месте. Но если вы так поступите, то пойдёте прямо против моей воли!

Самтен Гьяцо встал и направился к трону. Но, прежде чем сесть, он попытался протестовать в последний раз:

— Я делаю это не без колебаний. Я жил в пещерах и не желал ничего другого. Я жаждал целиком посвятить себя медитации и хотел бы, чтобы вы этому не препятствовали.

— Слушайте, — твёрдо ответил Кармапа, — не нарушайте нашу связь самайи! Садитесь сейчас же!

Самтен Гьяцо совсем приуныл. Он никогда не говорил, что Кармапа создал препятствие для его практики, однако, если бы не этот приказ, он

никогда не жил бы нигде, кроме уединённых затворничеств. Он ни за что не принял бы на себя вновь руководство монастырём Лачаб.

Самтен Гьяцо часто мне говорил: «У меня не было никакого желания быть главой монастыря. Я хотел лишь одного — жить в одиночестве на вершинах, возвышающихся над лесами».

До того как Самтен Гьяцо стал ваджрным учителем, он почти никогда не благословлял никого возложением рук на голову. Если такое когда-либо почему-то случалось, местные жители безумно радовались: «Какой я счастливый! Я получил благословение Самтена Гьяцо!» В прошлом никто не получал от него посвящений или передач-лунг, разве что благословение возложением рук.

«С тех пор, — рассказывал он мне, — я по-настоящему попал под власть Мары (демона препятствий) и начал давать посвящения и учения. Именно тогда я пал до своего нынешнего уровня. Одно отвлечение следовало за другим, поскольку теперь я должен был только и делать, что выполнять ритуалы. Но это никогда не было моей целью: я никогда не стремился жить, окружённый славой и восхищением, я хотел одного — быть одиноким, как олень в горной глуши».

Из четырёх братьев Самтен Гьяцо определённо был наиболее сильной личностью, и с годами его уверенность в себе росла. Благодаря его чувству собственного достоинства и необъяснимой силе воздействия люди боялись обращаться к нему по пустякам. Действительно, я никогда не видел, чтобы он болтал с кем-нибудь. Его взор горел удивительным огнём, похожим на вспышку пламени масляного светильника, — так, бывает, блестят глаза у кошки. В его присутствии вы чувствовали, как он проникает в самую глубину, обнажая ваши сокровенные тайны.

Его боялись все. Не из-за его одежды — он одевался как простой монах. Однако даже ламы совершенно робели перед ним. Большинство из лам и монахов, заведя его издали, предпочитали убраться с его пути. Когда он заходил в помещение, все расступались, даже высокопоставленные сановники. Все, кем бы они ни были, испытывали трепет и спешили освободить ему дорогу. Даже мой отец в присутствии Самтена Гьяцо играл роль его слуги.

Было удивительно видеть, какой ужас мог внушать этот скромно одетый невысокий лысый монах. Его боялся даже шестнадцатый Кармапа, который, когда ему исполнилось уже двадцать лет, сказал мне: «Взять, например, Самтена Гьяцо. Я просто трепещу перед ним. Не знаю почему, но этот старый лама наводит на меня страх! Я дважды подумаю, прежде чем попрошусь выйти по нужде!»

То же самое касалось и меня. Каждое утро я стоял у двери его покоев, не сразу решаясь её открыть.

Самтен Гьяцо обладал примечательным качеством — необъяснимой силой, действующей на людей. На самом деле бояться было нечего, но, тем не менее, все мы трепетали перед ним.

После того как Кармей Кхенпо умер, он родился моим двоюродным братом. Мы звали его просто — Кхентрул, подразумевая перерождение Кармей Кхенпо. Юный Кхентрул был очень смел и удивительно красноречив. Однажды он сказал мне: «Зачем нам бояться Самтена Гьяцо? Ведь он просто наш дядя»⁹³. Но каждый раз, когда Кхентрул встречался с Самтеном Гьяцо и видел его лысую голову, он забывал о своих словах. Потупив глаза, он начинал еле заметно дрожать.

Кхентрул объяснял это так: «Стоит мне встретить Самтена Гьяцо — а ведь он мне дядя, — я стараюсь напомнить себе, что он такой же человек, как и я. Хотя он очень возвышенный монах, нет ни малейшей причины бояться. Но, едва я оказываюсь рядом с ним, на меня нападают неуверенность и дрожь.

Я стараюсь рассуждать сам с собой: чего так бояться люди? Когда я смотрю на него, вижу старика в простой одежде. Не знаю, может быть, дело в его лысой голове, а может — в его глазах. Они такие необычные, и в них трудно смотреть. Они как будто видят тебя насквозь. Сколько бы я ни напоминал себе, что бояться нечего и что, кроме того, он мой дядя, но ничего не помогает!»

Есть пословица: «Истинная вера всех побеждает». Трудно указать пальцем на конкретное качество, но часто можно заметить его в людях, обладающих глубокой медитативной реализацией.

Где бы ни находился Самтен Гьяцо, он оказывал на людей огромное влияние. Он не занимался пустыми разговорами: для них он не оставлял никакого места, принимая только искренние вопросы о практике, которые никогда не оставлял без внимания. Давая наставления, Самтен Гьяцо предвидел, какая судьба ожидает его слова — будут они употреблены с пользой или нет.

Мирианам, главной целью которых было земное благосостояние и поддержание рода, он давал мантру Авалокитешвары — ОМ МАНИ ПЭМЭ ХУМ — и учения о вере и преданности. Но особое внимание он уделял людям, которые посвятили свою жизнь углублению своего духовного опыта и постижения. С искренними практикующими он поистине делился своим сердцем.

В любом случае всякий, кому довелось с ним беседовать, испытывал восхищение и глубокое воодушевление.

Вокруг монастыря Лачаб жило много практиков-нгакпа. Как только они узнавали, что Самтен Гьяцо вернулся домой, они тут же стекались к его жилищу, чтобы получить учения по воззрению дзогчен. Иногда они оставались на всю ночь, не расходясь до самого утра. Эти практики, его близкие ученики, дивились ясности его учений, а на таких бывалых йогинов трудно произвести впечатление.

Эти старые нгакпы любили Самтена Гьяцо и видели, что его ум не знает никаких препятствий. Каждый, кому представился случай обсудить с ним свою практику медитации, кто бы он ни был, как бы ни был образован, всегда выходил от него в изумлении.

В любой беседе Самтена Гьяцо со сведущими учёными, освоившими целый океан знаний, все эти учёные через несколько часов признавали своё поражение в вопросах опыта медитации. Под конец вся их первоначальная самоуверенность испарялась, и они не могли не просить у него учений, задавая один вопрос за другим.

Когда Самтен Гьяцо передавал важные практики медитации, его величие проявлялось ещё сильнее, вызывая священный трепет даже у самых учёных кхенпо. Чем больше человек беседовал с Самтеном Гьяцо, тем яснее становилось, насколько непобедима уверенность в себе этого великого учителя. Эта непоколебимая уверенность знаменует глубину практики и личного опыта.

Вот какой гуру был у меня.

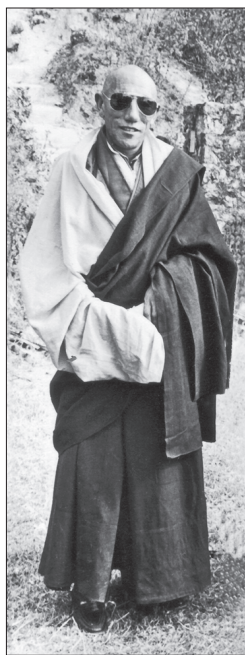
Было много и других лам и практиков, которые питали глубокую веру и преданность к Самтену Гьяцо.

Однажды, когда я входил в комнату Самтена Гьяцо, оттуда вышел один практик.

«Сегодня мне представился случай кому-то помочь, совсем чуть-чуть, — заметил мой гуру. — Тот человек — превосходный практик, по истине усердный. Но он считает, что практиковал пустоту, хотя на самом деле приучался ограничивать пробуждённое состояние. Что толку хранить его взаперти?

Мне удалось прояснить для него, что пустота — не то, что можно развивать. Как можно создавать пустоту? После того как мы поговорили, этот практик понял и сумел немного поверить».

Позднее я случайно встретил того практика, и он мне сказал: «За свою жизнь я повидал немало учителей и получил многочисленные наставления. Но, не повстречаясь я с Самтеном Гьяцо, не уверен, что сумел бы продвинуться по истинному пути. В тот день он с предельной

20.
Цеванг Дечен
— тулку
Самтена Гьяцо

ясностью укрепил нечто в моём уме. Теперь у меня нет и тени сомнений».

Тот человек испытывал невероятную преданность к Самтену Гьяцо. Мне стало ясно: это было нечто большее, чем «немного поверить».

Однажды мой отец собрался устроить в своём монастыре друбчен и попросил Самтена Гьяцо его провести⁹⁴. На протяжении долгих часов друбчена они и два других моих дяди сидели вместе.

«В это время происходило нечто странное, — вспоминал отец. — Я видел вокруг Самтена Гьяцо радужное сияние. На следующий день это повторилось снова, когда он сидел на своём троне. На третий день многоцветный свет был так силён, что затмевал для меня его материальное тело.

Все мы, трое его братьев, видели это и обсуждали, в чём причина. Один из нас просто воспринимал радужный свет как он есть. Другой встревожился, боясь, что это может быть знаком близкой смерти. Но никто из нас не отважился намекнуть об этом Самтену Гьяцо. Если бы мы это сделали, он, конечно же, отругал бы нас. “Что за чепуху вы несёте”, — сказал бы он.

Но это не меняет того факта, что все мы трое видели его тело, как бы сотканным из радужного света».

Самтен Гьяцо скончался позже в тот же самый год.

Мой отец – чудотворец

Ещё в очень юном возрасте моего отца опознали как тулку, четвёртое перерождение учителя Сонама Еше из рода Цангсар. Однажды в дом рода Цангсар прибыли верхом какие-то ламы; они были из монастыря, где в своём прежнем рождении мой отец был главным ламой. Они потребовали встречи с моей бабушкой, а потом велели ей отдать им ребёнка.

Их визит совпал с кончиной моей прабабушки Маям Дега⁹⁵.

— У нас сейчас траур, — сказала бабушка монахам, — моя мать только что скончалась, и я занята подготовкой похорон. Пожалуйста, не просите у меня сына сейчас. Вероятно, мне придётся передать его вам — как я могу послушаться приказа Кармапы и его регентов? Но сейчас для меня не время принимать от вас белый шарф и праздновать возвращение тулку. Приезжайте, когда закончатся похоронные ритуалы. А пока тулку останется со мной.

Посланец был очень бесцеремонным и — не побоюсь этого слова — бесчувственным.

— Хе-хе! — высокомерно рассмеялся он. — Мы тут занимаемся обсуждением ваджрного приказа! От вас требуется только один ответ — и это «да». Я не собираюсь возвращаться в монастырь с пустыми руками, — твёрдо добавил он.

Монастырь ламы находился в двух днях пути верхом от имения семьи Цангсар.

— Это дело нужно уладить сегодня, — продолжал он. — Я проделал слишком большой путь, чтобы возвратиться без тулку. Я не принимаю никаких возражений.

— Дорогой лама, — возразила бабушка, — не будьте таким настырным. Я уже сказала вам, что отдам своего сына, но этот день не годится для благоприятного начала. Тело моей матери ещё лежит здесь; прошло только три дня с момента её кончины.

Она продолжала увещевать:

— У людей не принято разговаривать так грубо, как это делаете вы, с теми, кого они уважают. Не нужно так себя вести. И помните, за матерью всегда остаётся последнее слово, если речь идет о благополучии её ребенка.

— Это не имеет ни малейшего значения, — резко ответил лама.

— Зачем вы так разговариваете? Я только прошу вас подождать неделю. Не будьте такими напористыми!

Но лама не уступал, отказываясь ждать неделю:

— Не могу согласиться с вами, — настаивал он, — с этим делом нужно покончить сейчас.

Бабушка была из тех людей, которые слов на ветер не бросают. Она не уступала.

— Я сказала вам нет! Я не собираюсь отдавать вам моего сына и уж тем более отправляться в ваш монастырь на празднование. И вот что ещё: я вас совсем не боюсь. Может, вы и большая шишка там, откуда явились, но здесь команду я. Почему я должна вас слушаться? Вы ничего не добьётесь своей грубостью!

До того лама уже положил перед бабушкой белый шарф, и теперь она возвратила его обратно. Поэтому лама снова стал совать его бабушке, а та опять его отбросила. Это повторялось раза три.

Тогда лама предпринял попытку повесить шарф бабушке на шею, как это принято. Но она сопротивлялась с такими словами:

— Никто не наряжается, когда у него умерла мать! Или вы хотите меня udavit?

Они уже не на шутку ссорились, и дело принимало плохой оборот. Наконец, бабушка воскликнула:

— Теперь я точно знаю, что не приму от вас белого шарфа! Я никогда не отдам своего сына такому человеку, как вы! Это мой ребёнок, и забочусь о нём я! Вы его не получите — так что можете убираться!

Разозлённый лама ответил:

— Ладно, если так, то нам вообще не нужен такой тулку!

Теперь уже никак нельзя было исправить положение, и на этом лама отступил, словно противник, покидающий стан врага.

Но далеко он не ушёл: лама и его спутники расположились лагерем в ближней можжевельной роще. Из этого наблюдательного пункта они следили за нашим домом.

Было ясно, что они задумали. Чиме Дордже держали в доме и не разрешали выходить без сопровождения, чтобы его не схватили и не увезли в их монастырь.

Я слышал, что три или четыре монаха оставались в своём маленьком лагере несколько недель, применяя эту тактику выжидания. Наконец все они ушли.

Мне и сейчас трудно оценить их способ «выражения почтения».

Вскоре после похорон бабушке понадобилось отправиться в Цикей. Когда она с сопровождающими выехала из узкого ущелья, перед ними вдруг оказались двадцать пять монахов на конях. Монахи преградили путь: если бы не отсутствие винтовок, могло показаться, что это отряд вражеской армии, готовый к бою. Они потребовали у бабушки отдать им сына прямо сейчас.

Чиме Дордже было всего три года, но он был смышлён. Когда монахи почти схватили его, он закричал: «Я не тулку Сонама Еше. Это он!» — и показал на своего брата, моего дядю Санг-Нгака, который стоял рядом.

К сожалению, один монах из «группы торжественной встречи» знал их лично и вмешался: «Неправда. Это его брат».

Во время этой перепалки слуги бабушки держались за рукоятки своих ножей.

— Мы можем убить нескольких, — шепнули они ей, — что вы прикажете нам сделать?

— Нет, сегодня не нужно проливать кровь, — предостерегла бабушка. — Ведь их двадцать пять, а вы в лучшем случае справитесь с восемью или десятью. Они сделали сильный ход и сегодня выиграли эту игру. Радуги сияют не каждый день. Потерпите, наш день придёт.

Видите, какими упрямыми бывают некоторые кхамцы: маленького сына Кончога Палдрон насильно забирали на её глазах, и она ничего не могла поделать.

Тем временем один монах схватил Чиме Дордже, плотно завернул в свою накидку, и шайка монахов в бордовом увезла его с собой.

Как только обитатели местности вокруг имения семьи Цангсар услышали о похищении, они приготовились к сражению и двинулись к монастырю, куда забрали моего отца. Битва чуть было не разыгралась, когда вмешался *понпо* — местный староста.

Он запретил им драться, а вместо того предложил провести переговоры. Его план заключался в том, чтобы мои дедушка и бабушка согласились отдать своего сына при условии, что монастырь принесёт свои извинения, сопроводив их щедрыми дарами бабушке, чтобы загладить вину перед ней.

Её муж, мой дед Оргьен Чопел, был очень влиятельной фигурой в этих краях и, как порядочный человек, не одобрял проведения таких переговоров. Он считал так: «Разумеется, мы должны отдать им тулку. Я не осуждаю ни старого ламу за его настойчивость, ни мать ребёнка за то, что она ему сказала. Лама допустил ошибку, но теперь он будет рад помириться и увидеть, что дело улажено».

Так дедушка принял соглашение, и мой отец остался на попечении монастыря.

Вот как моего отца «пригласили» в его монастырь в качестве ламы-перерожденца.

Бабушку никак не обрадовал такой поворот событий, и она решила покинуть своего мужа и его родовое имение.

«Ни за что на свете я теперь здесь не останусь, — заявила она. — Я уйду и буду жить около Цикей Чоклинга». И она перебралась в резиденцию своего отца и братьев⁹⁶.

Тем временем у моего отца сразу же началась учёба, и в таком юном возрасте его заставляли сидеть целый день, обучая читать и писать. Он хорошо усваивал знания, а его монастырь процветал. Через два года успехи Чиме Дордже в чтении стали настолько впечатляющими, что молва об этом разошлась по всей стране.

Спустя пять лет он настоял на свидании с матерью.

К тому времени управляющий монастырём моего отца был уверен, что не будет никакой опасности в том, чтобы позволить восьмилетнему мальчику ненадолго повидаться с матерью, сопроводив его туда и обратно. Все в монастыре считали, что недоразумение давно улажено и теперь всё тихо и спокойно. Поэтому ему разрешили отправиться в Цикей, чтобы навестить мать, и дали свиту из десяти монахов.

Но через пять-шесть дней Кончог Палдрон сказала этим монахам: «А теперь вы можете возвращаться, но без моего сына».

И она оставила Чиме Дордже при себе.

Главным среди этих десяти монахов был очень славный лама, который не стал возражать. Но с тяжёлым сердцем возвращались они в монастырь без своего тулку.

«Когда мы приблизились к главным воротам, — потом рассказывал этот монах моему отцу, — я стал кричать: “Они не отдадут нашего тулку!” И тут тот самый старый лама, который заварил всю эту кашу, упал из окна.

Это был очень плохой знак. Весть об этом облетела всех как ветер. Все монахи и ламы собрались в главном зале, а двор заполнили местные жители. Царило всеобщее возбуждение и негодование, люди плакали и выкрикивали ругательства».

Гонцы скакали в Цикей и обратно. Монастырь моего отца был непреклонен, но и бабушка оставалась тверда, как алмаз.

«Допустим, мы не можем воевать с монастырём Цикей, — решили ламы, — но можем обратиться с этим делом в высшую инстанцию». Так

монастырь моего отца возбудил судебное дело против Цикей, и ситуация приняла дурной оборот.

Поскольку монастырь моего отца принадлежал к традиции кагью, жалобу подали в Палпунг — главный центр кагью в Дерге. От монастыря направили представителя, чтобы защищать их сторону. Чоклинг из Цикей сам отважно отправился в Палпунг, чтобы отстаивать интересы своей дочери, приложив свои знаменитые качества: красноречие и находчивость.

Глава Палпунга — перерождение великого Ситу Ринпоче — в то время был ещё совсем молод и по натуре очень мягок. Он умолял стороны не ссориться. Цикей Чоклинг и его свита остановились в одном помещении, а представители истца — в другом. Начался изощрённый диспут, в котором участвовало много лам, и длился он дней пятнадцать.

Кратко говоря, истцы утверждали, что Кармапа признал *их* тулку, а потому, согласно традиции, не может быть никаких сомнений в том, что этот тулку должен вернуться в свой монастырь, к которому принадлежит по праву. В противном случае это будет всё равно что бросить на ветер письмо, заверенное печатью Кармапы.

С другой стороны, Цикей Чоклинг утверждал, что нет такой традиции, которая допускала бы, что дитя, рождённое матерью, можно отобрать у неё против её воли. А поскольку Кончог Палдрон поклялась никогда не отдавать своего ребёнка, он должен остаться с ней.

В конце концов было решено, что Чиме Дордже может остаться на попечении матери.

Оглядываясь на прошлое, я должен признать, что, подрастая, мой отец становился озорником. В юные годы он, хотя и был тулку, показывал необузданность своего нрава. Ни по каким меркам он не напоминал духовное лицо, а тем более потомка великих учителей.

В то время младший брат короля Нангчена получил большое имение. Этот принц, наверное, был жадным, потому что захватил и часть земли, принадлежащую нашей семье.

Мой отец не побоялся оказать ему сопротивление. Пререкания переросли в физическое противоборство, и я полагаю, что несколько человек поплатились жизнью. Но принц получил косвенную поддержку со стороны дворца Нангчена, и мой отец не смог бороться против короля.

Теперь Чиме Дордже пришлось бежать в монастырь Цикей. Поскольку тот был подведомствен Цикей Чоклингу, там королевская власть Нангчена не могла тронуть Чиме Дордже. Чтобы утихомирить эти распри, повсюду отправляли посланцев, пока ссора не была улажена.

Позднее мой отец стал понпо — старостой в Нангчене. Одеваясь, как «крутой парень», на старый добрый кхамский манер, он носил длинный

нож и винтовку и, чуть что, повсюду открывал стрельбу. Он нередко оказывался вовлечённым в ссоры и вёл свой отряд на бой. Его не интересовало противоборство с кем-то, а просто нравилась хорошая драка. Он был неисправим, но притом храбр, как никто в этих краях.

Можно сказать, у него была склонность к героическому поведению.

Но в конце концов накопленная отцом карма настигла его в образе старого отшельника, близкого друга Самтена Гьяцо.

Будучи серьёзным человеком, однажды Самтен Гьяцо сказал моему отцу: «Я собираюсь встретиться с одним великим йогиним; почему бы тебе не пойти со мной?»

Этот учитель, Сонтар Чончог, был практиком, который большую часть своей жизни провёл в горных уединениях. Его считали воплощением Намкхая Нингпо, одного из двадцати пяти близких учеников Лотосорождённого Гуру. Он вырос в Нангчене и воспитывался в монастыре Цечу неподалёку от королевского дворца. Потом он отпросился из монастыря и стал жить как йогин. Среди нескольких его учителей был Цокни Первый.

Чончог странствовал от одного горного ретрита к другому в течение многих лет. Наконец он обосновался в маленькой обители в горах над монастырём Нэтэн, где оставался до самой смерти. Он сосредоточился исключительно на практике медитации, не отвлекаясь ни на какие мир-

21.
Монастырь
Цечу
в Нангчене

ские дела. В результате своей целенаправленной практики он стал учителем дзогчен, известным высоким уровнем духовных достижений.

Чончога и Самтена Гьяцо связывала особая дружба: они были друг другу и учителем и учеником. Например, они были братьями в Дхарме, потому что одновременно получили от Цеванга Норбу «Сокровищницу драгоценных терма» в Ривоче. Когда Самтен Гьяцо хотел прояснить какие-то сомнения относительно своих переживаний в практике, он советовался с Чончогом.

Итак, мой отец отправился вместе с Самтеном Гьяцо в маленькую горную обитель. Когда они подошли к двери отшельника, Чончогу вышел приветствовать Самтена Гьяцо:

— Добро пожаловать, Ринпоче!

Потом он заметил Чиме Дордже.

— А кого это ты с собой привёл? — спросил он.

— Это перерождение Сонама Еше из рода Цангсар, — ответил Самтен Гьяцо.

— А! Так это прибыло воплощение Сонама Еше! Я так долго ждал встречи с ним! — воскликнул йогин и стал кланяться в ноги моему отцу.

Чиме Дордже попытался отойти в сторону, но Чончогу продолжал кланяться в его сторону с выражением глубокого почтения.

«Какой ужас! — подумал отец. — Какое чистое восприятие у этого ламы, который видит перед собой такого грешника, как я. Достаточно посмотреть на меня: я одет как разбойник, готовый к бою. Я весь увешан оружием. Однако этот старый лама настолько почитает моё прежнее воплощение, что не обращает внимания ни на что. Я обидел столько людей — как же я мог так растрачивать свою жизнь?»

Пока он мысленно раскаивался, отшельник продолжал кланяться ему. Наконец старый йогин остановился.

«Выстоять, когда он мне кланялся, было намного труднее, чем в любой битве, в которой я участвовал, — позднее признавался мне отец. — Он сумел тронуть меня до глубины души».

Когда мой отец вошёл внутрь, Самтен Гьяцо уже удобно сидел за чашкой чая.

Отец был так тронут, что поклялся Самтену Гьяцо:

— Сегодня перед этим ламой я обещаю никогда не повторять своих дурных поступков, которые совершил в своей жизни.

— Если у тебя действительно такое намерение, — ответил Самтен Гьяцо, — то тебе, конечно же, нужно принять этот обет. Но если нет, то что пользы от пустых обещаний, которые не будешь выполнять? Это только сделает тебя несчастным.

— Но не лучше ли мне начать практиковать Дхарму и учиться у этого отшельника?

— Это зависит от тебя. Если ты в него веришь, тогда давай. А если нет, то я не собираюсь заставлять тебя что-либо делать. Он мой близкий друг, и нас объединяет друг с другом много учений. И ещё он один из моих гуру. Лично я верю в него. Но ты должен прислушаться к собственному сердцу. Я никогда не говорю никому, что им нужно получить учения, но и не отговариваю.

— Я принял решение, — сказал отец. — С этого мига и до самой своей смерти я буду вести себя как практик Дхармы!

Так благодаря искусному вмешательству старого йогина Чиме Дордже полностью изменил своё поведение.

Полный решимости начать сразу, Чиме Дордже сказал Самтену Гьяцо:

— Мне нужно получить учения и практику. Пожалуйста, попроси об этом от моего имени.

— Хорошо-хорошо, но это самое большее, что я могу сделать. Пойди и найди отшельника.

Всё это время хозяин оставался снаружи. Чиме Дордже вышел, отыскал его и попросил войти и сесть рядом с Самтемом Гьяцо.

— У меня есть просьба к вам, — обратился мой гуру к старому йогину. — Пожалуйста, дайте моему брату наставления по духовной практике.

— Ну, разумеется, — ответил Чончог, — я сделаю это.

Обратившись к Чиме Дордже, он продолжал:

— Но сначала вы должны дать мне клятву.

— Конечно. Какую?

— С этого мига и до конца своей жизни, станете ли нгакпой или монахом, вы будете носить одежду и накидку, отличающие духовного практика. Иначе нельзя! Это знак последователя Будды. Мы живём в те времена, которые Будда назвал «привязанностью к внешним явлениям». Три предшествующие эпохи уже прошли. В эту, четвёртую, особенно важно держаться каких-то знаков, которые символизируют учения Пробуждённого. Поэтому прямо сейчас обещайте мне, что будете носить юбку практика, рубашку без рукавов и накидку⁹⁷.

И тогда Чиме Дордже тут же поклялся:

— С этого мига и до самой смерти, сбросив эту мирскую одежду, я буду носить только ламское облачение. А также я стану вести подобающую жизнь!

Однако, приняв этот обет, Чиме Дордже был озадачен, думая: «Что же мне теперь делать? У меня же нет при себе другой одежды».

Самтен Гьяцо пришёл к нему на выручку, сказав:

— Так вышло, что у меня с собой есть запасная одежда. Она не слишком хорошая, но, может быть, подойдёт. Я с радостью её тебе отдам.

Чиме Дордже облачился в свою новую одежду, склонил голову перед Чончогом и сказал:

— Срежьте, пожалуйста, мои волосы.

Но Чончог, наверное, предвидел, что мой отец скоро женится и скорее будет нгакпой, чем монахом.

— Я не стал бы вас стричь, — ответил он, — потому что вы, без сомнения, воплощение Сонама Еше. Вместо этого для вас проведут особый ритуал возведения вас на трон как его преемника.

В то время отцу было двадцать два года. Он попросил у Чончога наставлений по медитации и считал его своим коренным гуру.

С того дня нрав моего отца смягчился.

Однажды у моего отца было видение, в котором его гуру плыл по небу верхом на льве. Потом в этом видении учитель дал ему устные наставления по практике медитации, в том числе и наставления, указывающие на пробуждённое состояние недвойственного осознания. Вероятно, благодаря этому видению мой отец получил благословение, которое мы называем переносом реализации. Говорят, что с тех пор он совершенно изменился: вряд ли можно было найти более кроткого человека, чем он⁹⁸.

Сам он выразился так: «Я больше не был грубым и жёстким — будто ком грязи рассыпался в пыль. Я ощутил полную свободу».

Отец сказал эти слова лично мне, добавив: «С того дня мой ум стал как солнце, сияющее с ясного неба».

И это правда — многие рассказывали мне, что с тех пор мой отец стал чрезвычайно мягок и ко всем относился с большим уважением, кто бы это ни был. Очевидно было также, что он достиг устойчивости в недвойственном осознании. Поэтому отец считал Чончога своим самым главным коренным гуру, говоря: «Этот учитель был ко мне добрее всех!»

Вскоре после того видения пришло известие о кончине Чончога.

На склоне лет Чончог достиг стадии, называемой «крушение заблуждения», — последнего из четырёх уровней в дзогчен, что в Махамудре соответствует стадии немедитации⁹⁹. Он достиг совершенства в практике медитации.

Самтен Гьяцо сказал мне, что уровень реализации, которого достиг Чончог, обычно проявляется в Радужном Теле. Но хотя во время смерти

он не проявил Радужного Тела, его материальное тело, когда он умер, заметно уменьшилось — знак того, что он действительно вышел за пределы заблуждения. Во время его смерти было много благоприятных знаков — лучей света и звуков, священных реликвий *рингсел*, волшебных узоров из радуг на небе — точно таких, какие, как описано в тантрах дзогчен, должны сопровождать практика этого высокого уровня реализации. Даже Самтен Гьяцо был изумлён¹⁰⁰.

Я помню, какое чувство почтения и преданности охватывало моего отца при одном лишь упоминании имени Чончога. Если же ему самому нужно было произнести это имя, он почти терял дар речи, лишался голоса — так глубока была его преданность.

Вот почему сейчас мы включаем имя Сонтара Чончога в нашу ежедневную молитву учителям линии передачи.

Оглядываясь назад, я понимаю, что именно благодаря в первую очередь Самтену Гьяцо и моему отцу я получил передачи, которые у меня есть. Например, отец передал мне весь свод слов Будды, составляющий более ста больших томов. Он мог прочесть вслух весь *Каньюр* за три месяца, по тысяче страниц в день. Так быстро он мог произносить эти слова.

Отец любил путешествовать и часто прерывал серьёзные учения и ритуалы, чтобы вырваться на денёк на природу, в том числе и устроить весёлый пикник. Но если он давал передачу-лунг, то никаких перерывов не делалось.

Более того, каждое слово звучало так отчётливо, что в конце дня, целиком посвящённого чтению сутр вслух, наиболее образованные люди могли вспомнить, что сказал Будда, когда и кому, и были способны пересказать их другим. Он трижды вслух читал людям Кангьюр.

У Чиме Дордже был такой красивый голос, что, где бы он ни появился, послушать его люди собирались отовсюду. Из его многочисленных замечательных качеств самым известным было владение мантрой, что, вероятно, было плодом огромного количества выполненных им практик, связанных с тантрами Маха-йоги и числа повторений мантр. Наиболее же впечатляющим было исполнение им ритуала чод — знатные семьи всей этой местности, вплоть до далёкого Силинга, приглашали его выполнять ритуалы для их здоровья, процветания и долголетия.

Наверное, его язык был особым образом благословлён, потому что трудно было бы найти другого человека с таким чётким произношением и голосом, слышимым так далеко. Когда он пел практику чод в своей обители, эти мелодии раздавались по всей долине.

После того как его тело кремировали, его язык нашли в пепле нетронутым.

Мне не следовало бы говорить это о собственном отце, но, тем не менее, это так. Из четырёх братьев только Чиме Дордже был известен как чудотворец. Можно сказать, что это была часть его образа жизни. Он обладал ясновидением, а также несколько раз сотворил чудо.

В своих многочисленных видениях он встречался с учителями прошлого и с божествами-йидами. Но в отличие от своего брата Самтена Гьяцо он не всегда применял свои видения и предчувствия к самому себе. Я верил в силу ясновидения своего отца, потому что часто слышал из его уст о таких вещах, которые иначе он никак не мог знать и которые позже подтверждались. Например, перед чьим-то неожиданным прибытием в его уединение он часто говорил мне, что такой-то человек находится на пути сюда. Когда я спрашивал, кто его об этом уведомил, он отвечал, что это просто пришло ему на ум. И действительно, вскоре тот человек приезжал.

Что касается чудес, то он действительно оставил ряд отпечатков ног на скале неподалёку от нашего дома в Цангсаре, которые я видел своими глазами. Другие следы находятся близ горы Гегьял — рядом со следами, оставленными Чокгьюром Лингпой. А в его уединении Деченлинг, «Обители Великого Блаженства», на твёрдом камне есть отпечатки его ног и рук.

Люди часто просили моего отца предсказать им, сколько они ещё проживут. Одна старушка как-то раз спросила:

— Ринпоче, сколько мне ещё осталось?

— Дня три, — выпалил отец, не задумавшись.

Она тут же запричитала:

— Только три дня? Да не может быть, что же мне делать?

Тогда отец решил смягчить удар и сказал:

— Нет-нет, я сказал месяца три.

Она снова завопила:

— Неужели только три месяца? Пожалуйста, сделайте что-нибудь!

— Да нет, я имел в виду три года, — уступил отец.

Через два дня Самтен Гьяцо попросил моего отца провести с ним несколько дней, и мы отправились в Крепостную Вершину. На следующий день мы получили письмо о том, что та старушка умерла. Вот какими точными могли быть его предсказания.

— Вы лучше не сообщайте старикам такие плохие новости, — посоветовал я отцу.

Он засмеялся и сказал:

— Так-так, теперь мне не разрешают давать предсказания о жизни? Этот ребёнок всегда был моим учеником, а сейчас, кажется, мы поменялись местами.

К сожалению, я должен сказать, что человек обычно склонен меньше ценить и воспринимать чистым видением ламу, если тот волею судеб оказался его отцом. Однако другие люди ценили моего отца очень высоко, особенно в монастыре Гебчаг, где проводили ежегодную практику-друбчен терма *Туддруб барче кунсел*, посвящение которого регулярно давал отец.

Как-то раз брат одной из монахинь из Гебчага насмерть подрался с кем-то из знатной семьи. Получив известие об этой схватке, монахиня не сомневалась, что её брат погиб. Она пришла к моему отцу просить, чтобы он выполнил ритуал сжигания имени, который призван направить умершего к лучшему перерождению.

— Уже поздно, — сказал отец, — я сделаю его утром.

Монахиня ушла в рыданиях. Утром я стал готовить алтарь для ритуала. Но Чиме Дордже не проронил об этом ни слова. Поэтому через некоторое время я спросил:

— Отец, вам не нужно начать ритуал?

— Точно не знаю, что там произошло, но уверен, что её брат не умер.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

— Если кто-то умирает, его дух всегда является мне, но сегодня я ничего такого не чувствую. Поэтому я уверен, что он не умер.

Через некоторое время монахиня пришла, чтобы сделать подношение для ритуала, но я передал ей слова отца о том, что её брат не умер.

Отец вставил своё замечание: «Вы получите более точные сведения через два-три дня».

И верно, не прошло и двух дней, как монахиня узнала все подробности этой истории, и, разумеется, брат её не был убит.

Самой сокровенной, глубокой сутью практики моего отца были «Сердечная сущность Самантабхадры» и «Сердечная сущность Чецуна», однако делал он их в контексте практики чод. Было время, когда традиция Чод составляла более сотни томов¹⁰¹. В наше время, вероятно, осталось только около девяти, но они содержат в себе удивительные учения.

Сущность чода заключается в том, чтобы нести благо другим путём отсечения привязанности к своему «я». Один из основных его принципов — преобразование своего материального тела в нектар, который вы

подносите в дар, чтобы умиловить вредоносные силы и различных духов, в том числе голодных духов — *прет*.

Цель чода — обрести совершенство в единой природе реальности, то есть постичь Праджняпарамиту, запредельное знание. Эту практику также называют самадхи отсутствия «я», ваджрное самадхи или самадхи абсолютной истины. Эта реализация тождественна сути, которая содержится в двенадцати объёмных томах «Матери Праджняпарамиты», одной из самых известных сутр Махаяны. «В Тибете главным учителем системы чод, — объяснял мой отец, — была Гуру Мачиг Лабдрон, которая достигла реализации, осуществив высший смысл Праджняпарамиты. После этого она на благо других каждый день произносила вслух все двенадцать томов своего учения. Она достигла “шестеричного совершенства языка”, благодаря которому способности речи возрастают в шесть раз. И ещё люди видели у неё во лбу третий глаз».

Иногда он говорил мне: «Разве может быть какая-то разница между воззрением Праджняпарамиты, сущности Чода, и воззрением дзогчен? Они, безусловно, тождественны! Махамудра, дзогчен и чод в конечном счёте сходятся в одном и том же пробуждённом состоянии — абсолютном запредельном знании. Там нет ни малейшей разницы, не правда ли?»

Однажды отец объяснял мне чод: «В системе чод упоминается четыре разряда демонов: преграждающий и не преграждающий демоны, демон достаточности и демон неуверенности¹⁰². Практик должен отсеять их всех. Под демоном преграждающим подразумеваются воплощённые демонические силы, такие, например, как Мао Цзэдун. Не преграждающий демон — это злые духи, которых есть тысячи разновидностей. Под демоном достаточности подразумеваются такие соблазны, как успех и множество последователей, высокое положение в обществе и признание — всё, что приводит к ощущению восторга: “Я поистине особенный!” Четвёртый демон, демон неуверенности, — это источник остальных трёх. Самый тонкий из демонов, он заключается в привязанности к какой-то точке зрения и равнозначен омрачению восприятия, самой тонкой пелене, заволакивающей присущую нам природу будды.

Последовательность выполнения практики чод соответствует общим принципам тантрийской практики. Затем следует специальное затворничество, когда нужно сто дней подряд один раз в день выполнять практику “Драгоценного ожерелья”, длинного собрания песен чода. Или же в качестве основы ежедневной практики можно использовать более ко-

роткий текст, не более шести страниц, который называется “Однократное занятие сидячей практикой”, или другой похожий текст Кармы Чагме. Это делается рано утром, а потом в течение дня поют песни чода, и так все сто дней затворничества. Таков один способ количественного измерения затворничества, предпринимаемого практиком чода.

Затем выполняют другое стодневное затворничество в горах, потом — у реки, а потом — у большого моста. Только тогда, когда вы выполните четыре стодневных затворничества, вы заслужите право называться практиком чода. Недостаточно просто купить большой барабан и трубу из кости и объявить себя практиком.

На следующей стадии чод практикуют не только днём, но и глухой ночью, уходя в страшные места. Наступает такой момент, когда практик может столкнуться с испытанием, которое называется «выпад» или «вызов», — местный дух испытывает вашу невозмутимость, создавая магические видения различной силы.

Когда я был ещё ребёнком, меня пытались напугать, рассказывая, что многие из тех, кто практиковал чод, умерли во время этой практики. Эти «выпады» могли быть опасными. Некоторые из практиков тяжело заболели, другие сошли с ума, но были известны и случаи смерти.

На определённом этапе практики чод нужно провести сто ночей на кладбище, где трупы хоронят или просто оставляют лежать на земле».

У нас в Кхаме есть места, где похоронено до десяти тысяч тел, как на некоторых огромных кладбищах, которые я видел в Малайзии.

Отец продолжал: «Шли на кладбище в одиночку и в полной темноте исполняли песнопения чода, желая пройти через любые испытания, пока не рассветёт. Иногда, если на самом деле эта практика представляла собой лишь имитацию высокого уровня медитации, местные духи насылали видения, которые делали практикующего жертвой мании величия. И, поскольку он был уверен в своих достижениях, его могло заставить распахнуться любое страшное видение.

Однако истинный практик чода не поддавался искушению, а просто делал своё дело. В итоге он становился по-настоящему невозмутимым при любых обстоятельствах: на кладбищах, в пустынных местах, на рыночных площадях — повсюду.

Когда практик достигает такого уровня, где даже самые страшные неожиданности не могут вывести его из равновесия, он приступает к заключительной части практики чод, которая выполняется семь дней. Шесть из этих семи дней обычно проходят совершенно спокойно, но на седьмую ночь обычно появляются пугающие видения.

От практика, столкнувшегося с таким выпадом, требуется, по крайней мере, не забывать, что это всего лишь преходящее переживание, лишённое абсолютной реальности, и невозможно оставаться в после-

довательном истинном воззрении. И тогда любые подобные выпады не представляются чем-то бóльшим, чем наблюдение за детской игрой.

В тот миг, когда ты поддался страху, ты не выдержал испытания».

В детстве я слышал от своего отца несколько страшных историй. Вот одна из них.

В Восточном Тибете было кладбище, где тела оставляли в расселине между двумя утёсами. Оно было известно как совершенно жуткое место, где с практикующими, которым довелось там побывать, часто творились странные вещи.

Именно из-за этой славы жуткого места однажды вечером мой отец отправился туда с двумя слугами. Поскольку выполнять практику чода надлежит в одиночестве, его спутникам пришлось остаться на расстоянии не меньше восьмидесяти шагов.

«Когда опустилась ночь, — рассказывал мне Чиме Дордже, — я начал свою практику. Вдруг прямо передо мной сверху что-то упало. Приглядевшись, я увидел, что это человеческая голова, уставившаяся на меня горящим взором, а во рту у неё трепыхался язык. Внезапно упала ещё одна голова, а потом ещё и ещё. При падении каждой громко слышался глухой звук — «бам!».

Одна из них ударила меня прямо по макушке, и мне было очень больно. После головы стали сыпаться дождём — это был просто ливень из человеческих голов. И все они казались живыми. Наконец, все окружающее пространство было заполнено человеческими головами, которые издавали скорбные вопли и другие жуткие звуки. Некоторые кашляли и стонали: «Я умер от сгнивших лёгких» — и выплёвывали сгустки вонючей слизи».

Но мой отец даже не пошевелился. Он продолжал свою практику.

«Наконец, головы начали сдуваться и уменьшаться в количестве, пока совсем не исчезли без следа».

Такие выпады мы называем «вызовом, исходящим от магических проявлений богов и демонов».

Отец продолжал: «Через некоторое время я встал и пошёл посмотреть, что стало с двумя моими провожатыми, которые попали под ливень из человеческих голов. Оказалось, что они сладко спят, ничего не заметив».

Рассказывают, что в Тибете, в одном пользующемся дурной славой месте, танцуют скелеты. Конечно же, мой отец пошёл и туда практиковать чод. Тибетцы ужасно боятся скелетов, которых называют «костя-

ными демонами», в отличие от «кожаных демонов» и «волосяных демонов».

Когда отец практиковал в том месте чод, туда пришли мужские и женские скелеты, чтобы танцевать вокруг него. Пытаясь напугать его, они даже исполняли сложные народные танцы.

«С этими танцами не так уж трудно было справиться, — говорил он позднее, — я просто продолжал свою практику».

Там объявились и другие разновидности демонов. «Хуже всех были “кожаные демоны”: большие лоскуты человеческой кожи медленно плыли ко мне, принимая причудливые формы. Когда они совсем приблизились, я почувствовал в животе сильную боль, будто меня ударили. Но опять-таки я просто оставался в состоянии недвойственного осознания, пока эти человеческие кожи не съежились и наконец не исчезли, точно так же, как и скелеты.

“Волосяные демоны” были похожи на большие пуки человеческих волос, которые мотались туда и сюда в пространстве передо мной, скача вверх и вниз. Они демонстрировали всевозможные представления, пока тоже не исчезли».

Однажды Чиме Дордже практиковал чод в Драг Ерпа, знаменитом пещерном уединении неподалёку от Лхасы, — его попросили исполнить ритуал исцеления для правительственного сановника. Поскольку он решил выполнить чод, он в сопровождении слуги пошёл ночью на кладбище.

«Когда слуга пошёл поставить изображение, — вспоминал отец, — он исчез; его нигде не было. Я остался один. Вдруг откуда ни возьмись появилась целая армия обезьян, у них были белые бороды и оскаленные зубы. Они угрожающе придвигались к моему лицу, трогали и даже кусали меня. Когда они хватили меня за руку, они казались материальными и реальными. Все они скакали и злобно скалили зубы».

Сначала отец испугался. Но сразу же напомнил себе: «Здесь, в Центральном Тибете, нет никаких обезьян. Это просто очередное испытание, так чего же тут бояться?»

Обезьяны всё сильнее сжимали своё кольцо, повалив его на землю. Тем не менее Чиме Дордже думал: «Здесь нет никаких обезьян! Это просто испытание! Но я точно знаю одно: эти демоны просто удивительны! Они изо всех сил разыгрывают своё устрашающее представление — и всё же они только дают мне возможность проявить свою силу самадхи».

Мой отец никогда не терял уверенности в том, что «это всего лишь театральное представление, а не реальность». Он просто непрерывно

продолжал петь свой чод. Постепенно обезьяны уменьшились до размеров крысы, а потом исчезли.

Под конец осталась только одна маленькая обезьянка, хилая и жалкая на вид. Она смотрела на него так жалобно, что он не мог не испытать сострадания.

«Только что, — думал он, — вы казались такими огромными и страшными. Что пользы от твоей способности вызывать магические проявления? Посмотри на себя теперь, жалкая мелкая тварь!»

Чиме Дордже славился искусством лечить людей — больше, чем его старший брат Самтен Гьяцо. Иногда к нему привозили больных из сёл, расположенных на расстоянии двух-трёх недель пути. Раз в неделю он обязательно выполнял ритуал чод, и больные, как правило, выздоравливали и возвращались домой.

Во время этого ритуала больные должны были лежать как мёртвые, забыв обо всех заботах. Войдя в состояние медитации, Чиме Дордже открывал своё «око чода», благодаря которому мог видеть кармические причины их болезней и средства, необходимые для быстрого излечения. Затем он во всеуслышание громко объявлял о своих прозрениях.

Услышав, почему и при каких обстоятельствах они заболели, люди часто бывали поражены. Это не всех излечивало, но после выполнения ритуала чод наутро становилось ясно, выздоровеет человек или нет.

Так мой отец вылечил многих и в благодарность получил множество даров и снискал всеобщее уважение. Спросите любого старика из моих краёв — все помнят Чиме Дордже и его практику чод.

Иногда ему даже удавалось вылечить безумных. Однажды в его уединение одна семья доставила женщину, которая была связана верёвками и неистово извивалась. Я сам присутствовал при этом и стал свидетелем всего происходившего.

«Если мы не держим её так, — сказал её муж, — она зверски себя кусает. Мы не можем ни привести её в чувство, ни понять, что она говорит».

Отец велел мужчинам положить её на некотором расстоянии и оставить в покое. Потом он начал ритуал чод. Через некоторое время женщина перестала кривляться, успокоилась и затихла. Её развязали, но она осталась сидеть на том же месте.

Мой отец позволил ей сидеть там в той же позе пять дней. На второй день у неё стал такой вид, будто только что проснулась. Она сразу же помочилась и испражнилась прямо там, где сидела. Её увели, помыли и возвратили на место. К третьему дню её лицо слегка порозовело, а взгляд стал более осмысленным.

На седьмой день она своими ногами ушла с родственниками домой.

Учитель Дабзанг Ринпоче рассказывал мне, что однажды в его монастыре Дильяг Гомпа разразилась эпидемия: всего за один год умерли восемнадцать молодых монахов. В тот период обитателей монастыря по ночам пугали странные звуки, и никто не отваживался выходить наружу после наступления сумерек. В конце концов, ни у кого уже не было смелости посещать этот монастырь, и там воцарилась зловещая тишина.

Как-то раз в Дабзанг от великого Ситу прибыл гонец с белым шарфом. В послании было сказано: «Необходимо призвать на помощь Чиме Дордже из Цангсара. Если он выполнит ритуал исцеления, ваши беды закончатся».

Когда мой отец получил эту просьбу, то, поскольку у него была тесная связь с охранителем Дхармы Гьялпо Пехаром, он взял с собой маленькое изваяние этого охранителя, которое у него было. Монахи монастыря Дабзанг пронесли это изваяние в торжественной процессии и поместили в маленькой молельной комнате, посвящённой защитникам учений Будды. Процессия сопровождалась звуками труб, гонгов, музыкальных тарелок и барабанов. Затем отец велел монахам петь краткую молитву охранителям, включив её в свой ежедневный ритуал.

С тех пор там больше не было случаев безвременной смерти. Затихли и ночные звуки.

В течение трёх лет всё было прекрасно — пока какой-то вор не украл изваяние. Тогда снова начались неприятности. Поэтому мой отец велел, чтобы в монастыре построили маленький храм охранителей у подножия огромного валуна, лежащего неподалёку, и поставить в нём такое же изображение. После того всё пошло хорошо.

Однажды старосты-понпо из двадцати пяти районов Дерге вместе со своими свитами отправились на север караваном, насчитывающим более семисот человек. Когда они достигли противоположной стороны королевства Линг, на их коней напал мор.

Эпидемия была такой сильной, что за один день пало тридцать лошадей. Весь караван был вынужден остановиться. Все были глубоко обеспокоены — казалось, что они не могут ни двинуться вперёд, ни вернуться назад.

Старосты послали моему отцу просьбу немедленно приехать. Мой брат Пэнджиг поехал с ним.

— Вчера погибли тридцать наших коней. Говорят, вы обладаете особыми силами. Можно ли что-то сделать? — спросили отца.

— Разбейте здесь лагерь, — сказал отец. — Пошлите побольше людей за дровами. Мне нужно провести обильный огненный ритуал.

Вскоре он начал. В отдалении Пэнджиг видел трупы лошадей, а большинство из оставшихся в живых уже были больны. Здоровые лошади паслись в другом месте.

Внезапно Чиме Дордже приказал: «Соберите всех коней вместе — всех, независимо от состояния их здоровья, — здесь, на равнине передо мной, около костра. Перемешайте больных со здоровыми! Согласно традиции чод нам нужно полностью отбросить все надежды и страхи. Разделение здоровых и больных — не что иное, как проявление надежды и страха, а потому откажитесь от этого!»

Когда сделали, как он велел, отец стал бросать в огонь особые вещества. В определённый момент он обошёл вокруг табуна и при этом мазал каждое животное чем-то похожим на жирную сажу от костра.

Потом он скомандовал: «Отпустите всех лошадей! Пусть они свободно ходят, где хотят, безо всяких пут, недоуздов, сёдел и прочих предметов упряжи».

Мой брат Пэнджиг испытывал невероятную веру в нашего отца; он ни разу не возразил ему и не проявил непослушания. Он считал отца своим гуру и высшим прибежищем.

Однако в тот вечер, когда он лежал рядом с Чиме Дордже, пытаясь заснуть, его обуревал страх. «Я знал, что многие лошади уже больны, — позднее говорил он мне, — и боялся услышать, сколько их умерло за ночь».

В полночь, так и не уснув, Пэнджиг вместе со слугой потихоньку выскользнул наружу посмотреть, что делается вокруг лагеря. Вскоре они увидели лошадь, которая едва держалась на ногах, и другую, которая была уже мертва. Они со страхом двинулись дальше.

К их удивлению, павших животных им больше не встретилось. Потом брату удалось уснуть, но вскоре его разбудил крик: «Ещё одна лошадь пала!»

«Но ведь только одна, — возразил кто-то другой, — все больные стали щипать траву и пить воду!»

Весь тот день Чиме Дордже просто сидел и беззаботно пел мантру Ваджра Гуру. Ни одна лошадь больше не погибла.

У меня был удивительный папа.

Через несколько лет после возвращения из Центрального Тибета мой отец начал затворничество в главном своём ретрите, Деченлинге — Обители Великого Блаженства. Я думаю, в целом он провёл там в затворничестве лет тридцать. Именно там в возрасте шестидесяти трёх лет он покинул своё тело.

Перед смертью он сказал мне: «Если потребуется служить учениям — сокровищам Чокгюра Лингпы, я вернусь и буду это делать. Но мне со-

вершенно не понравится, если кого-то заставят стать моим тулку. Поэтому не ищите его после моей смерти!»

Вот почему мы никогда не просили ни одного учителя сказать нам, где искать его перерождение.

Как и их дядя Цеванг Норбу, никто из четверых братьев нисколько не был заинтересован в том, чтобы его узнали в следующей жизни, а потому мы не искали перерожденцев - тулку ни дяди Терсэя, ни Санг-Нгака.

Двое особых дядей и их учителя

Дядя Санг-Нгак

Кармапа узнал в Санг-Нгаке, моём третьем дяде, тулку¹⁰³. Кармапа указал монастырю этого тулку, где его следует искать, и, согласно обычаю, тамошние ламы должны были известить об этом письмом мою бабушку и деда. Это случилось вскоре после того, как из семьи забрали моего отца, и Кончог Палдон всё ещё сильно горевала.

«Одного сына у меня уже отобрали, — сказала она посланцам, — а теперь вы пришли сделать то же самое с его младшим братом, Санг-Нгаком?»

Если это так, — добавила она с сарказмом, — скажите мне, пожалуйста, сейчас, чтобы я могла понаблюдать это представление! Ведь вы никогда не получите от меня согласия — можете быть уверены! Старшего уже признали воплощением Нгактрина и увезли в Лачаб. Моего второго сына вырвали из моих рук и забрали в другой монастырь. Великий Кхьенце предсказал, что мой младший будет перерождением моего покойного брата, Вангчога Дордже, и его возьмут в Цикей, резиденцию моего отца.

Всё, что у меня осталось, — это Санг-Нгак, и мне нужен сын, помощник в доме. Теперь, когда вы пришли за ним, как вы собираетесь действовать? Хотите, как дикари, отобрать его силой?»

В монастыре явно выбрали неподходящее время, потому что бабушка была очень сердита. Всё ещё тяжело переживая разлуку с Чиме Дордже, она ни за что не дала бы разрешения забрать Санг-Нгака, а без её согласия монастырь ничего не мог поделать. Так дядя Санг-Нгак остался с нашей Драгоценной Матерью и был ей замечательным помощником: все свои молодые годы он готовил ей еду и управлял домом.

Его самым замечательным качеством была прекрасная память, поэтому он никогда не забывал то, чему его учила Кончог Палдрон. Так

Санг-Нгак узнал от бабушки всю традицию Чокгьюра Лингпы, и особенно мелодии для всех песнопений, а также подробности приготовления различных торма. После смерти его матери именно Санг-Нгак остался носителем подлинного знания песнопений и приготовления торма для «Новых сокровищ».

Дядя Санг-Нгак стал монахом в ранней молодости и хранил свои обеты в великой чистоте. Он в полной мере соблюдал обеты трёх уровней: внешние — нравственные обеты личного освобождения, внутренние — практики бодхисаттвы и тайные — самайи Ваджраяны. Он был честен, благороден и образован — безупречный практик.

После кончины бабушки он большую часть своей жизни проводил в затворничестве. Спал он совсем мало и только ночью. Сказать честно, я не встречал человека более усердного: он только и делал, что медитировал, главным образом в затворничестве. Как и у Самтена Гьяцо, и у моего отца, его главными практиками были «Сердечная сущность Самантабхадры» и «Сердечная сущность Чецуна». У него был необычайный опыт переживаний и постижения.

Не получив такой известности, как его брат Самтен Гьяцо, он не имел ни богатых покровителей, ни должностей. Он был истинный тайный йогин, очень скромный и покладистый. Он вёл простую жизнь практика, и эта жизнь была поистине достойной.

Вот такой лама он был.

Я несколько лет прожил с дядей Санг-Нгаком в Крепостной Вершине у Самтена Гьяцо. Дядя Санг-Нгак часто был помощником своему старшему брату и служил ему разными способами. Хотя он и сам был тулку, он никогда не равнял себя с Самтеном Гьяцо.

Дядя Санг-Нгак получил указующие наставления и все глубинные наставления по медитации от Самтена Гьяцо и никогда не обращался по этим вопросам к другим учителям. Он так уважал старшего брата, что всегда вставал, когда тот входил в комнату, — как если бы Самтен Гьяцо был самым Кармапой. Такое уважение редко увидишь среди братьев.

Только после кончины Самтена Гьяцо дядя Санг-Нгак был вынужден даровать посвящения из «Новых сокровищ» — то, что он наотрез отказывался делать прежде. Было одно-единственное исключение. Когда они жили в Крепостной Вершине, Самтен Гьяцо заставлял дядю Санг-Нгака давать посвящения «Трёх разделов дзогчен», потому что тот был единственным держателем линии Кармей Кхенпо. Сначала Самтен Гьяцо велел ему дать посвящения нам, что заняло почти неделю. Как только дядя Санг-Нгак закончил, Самтен Гьяцо очень подробно дал весь свод этих посвящений обратно дяде Санг-Нгаку, моему отцу и мне¹⁰⁴.

Позднее многие говорили мне, что, когда во время ритуалов посвящения дядя Санг-Нгак был помощником Самтена Гьяцо, ловкостью движений он напоминал кошку. В отличие от большинства он никогда не допускал промахов при обращении с предметами сложно устроенного алтаря, никогда не проливал ни капли какой-либо жидкости, никогда никого не задевал, как бы ни спешил. Его шаги были всегда бесшумны, и в этом искусстве он явно упражнялся; точно так же он не производил лишнего шума, что бы ни делал.

Учеников у дяди Санг-Нгака было немного, и он никогда не давал наставлений по медитации — в отличие от своего брата, который был известен повсюду, как солнце и луна. Однако под конец жизни его известность возросла, и народ со всей округи стал испытывать к нему больше преданности, люди стали ценить, что, получив передачу от своей матери, он является продолжателем прямой линии Чокгьюра Лингпы. Поэтому он стал опорой передачи «Новых сокровищ», потому что ни у кого другого не было такой чистоты линии.

Потом, когда я находился в затворничестве в обители, расположенной над Цурпу, я получил известие о его кончине¹⁰⁵.

Терсэй Тулку

Мой дядя Терсэй, самый младший из четырёх братьев, отправился в Центральный Тибет, чтобы совершить паломничество, однако даже через несколько лет он так и не вернулся домой в Кхам. В конце концов, это побудило мою бабушку отправиться на его поиски, чтобы вернуть домой.

Дядя Терсэй путешествовал повсюду, побывав даже в Индии и Бутане. Он совершал паломничество за паломничеством. Так в начале своей взрослой жизни он пробыл в Центральном Тибете приблизительно восемь лет.

Терсэй был довольно сильной личностью. Однажды он спас большую группу людей, когда во время паломничества вокруг горы Кайлаш на них напали разбойники. Благодаря этому подвигу Терсэй стал знаменит своими способностями.

Его называли Бородатым Терсэй Ринпоче, причём *Терсэй* значит, что он был тулку сына Чокгьюра Лингпы, длинноволосого красавца Ванчог-га Дордже, который умер в двадцать четыре года, после того как остриг свои волосы.

Коренным гуру дяди Терсэя был учитель Шакья Шри. Во время долгой отлучки из дома дядя в перерывах между своими паломничествами жил в лагере Шакья Шри.

По возвращении в Кхам дядя Терсэй имел такой же статус, как и два воплощения Чокгьюра Лингпы, а на ритуалах, проводимых в главных резиденциях великого тертона, их троны были одной высоты¹⁰⁶. Терсэй был превосходным писателем, составившим много руководств по ритуалам дарования посвящений «Новых сокровищ». Он также сделал описание божеств практики Тугдруб. И всё это несмотря на отсутствие у него какого-либо основательного образования. Ведь человек с глубокой интуицией нередко может учить не хуже образованного кхенпо.

Настало время, когда от Терсэя потребовалось продолжать учение «Новых сокровищ» и исполнять свои главные обязанности в Цикее и других монастырях. Вот почему его мать и три брата отправились в Центральный Тибет, чтобы найти его и вернуть в Нангчен.

Однако для его возвращения в Кхам потребовалось пять лет. В конце жизни дядя Терсэй поселился в уединённом месте над монастырём Цикей. К тому времени он страдал болезнью, вследствие которой был вынужден ходить с двумя палками. Я слышал, что это могло быть наказанием, которое дакини наложили на него в прошлых жизнях за то, что он принял монашеские обеты, вместо того чтобы быть практиком тантры¹⁰⁷.

Главными практиками дяди Терсэя были «Сердечная сущность Чецуна» и «Сердечная сущность Самантабхадры». Кроме того, он по-настоящему любил одну особую практику Лотосорождённого Гуру, которая называется Гуру Махасукха, — это терма ума Шакья Шри, полученное им лично от самого тертона.

Я слышал, что дядя Терсэй творил чудеса и несколько раз применял силу ясновидения, но сам он отказывался это подтвердить. Тем самым он проявил истинную чистоту¹⁰⁸.

Однажды Самтен Гьяцо, обращаясь к дяде Терсэю, заметил:

— По-видимому, даже великие практики тантры по какой-то причине на миг-другой теряют сознание, находясь в состоянии между бодрствованием и сном, — хотя, конечно же, наше исконное пробуждённое состояние не утрачивает присущую ему способность познавать. Если в остальное время блуждание ума исчезает, и не только при бодрствовании, но и во сне, это знаменует достижение уровня великого бодхисаттвы.

— Но даже если он и не на таком высоком уровне, — ответил дядя Терсэй, — я не уверен, что бодхисаттва попадёт обратно в самсару и тем более в ад.

Иногда дядя Терсэй делал такие странные замечания¹⁰⁹.

Возможно, вы помните, что пятнадцатый Кармапа хотел получить передачу «Новых сокровищ» от Цеванга Норбу, сына Чокгьюра Лингпы. Поскольку это оказалось невозможным, следующий выбор Кармапы пал на Терсэя, за которым он и послал.

Дядя Терсэй был очень знающим и уделял огромное внимание подробностям, поэтому он был в высшей степени подготовлен, чтобы передавать «Новые сокровища» самым точным образом. Когда Терсэй прибыл в Центральный Тибет, Кармапа отправил ему письмо.

Для исполнения этой задачи он снова послал своего самого верного слугу Джампала Цултрима, как прежде посылал его к сыну тертона Цевангу Норбу.

— Кармапа просит вас прибыть в Цурпу и передать ему «Новые сокровища» Чокгьюра Лингпы, — сказал Джампал Цултрим моему дяде.

Как и его брат Самтен Гьяцо, дядя Терсэй принадлежал к разряду тайных йогинов и всегда старался избегать излишнего к себе внимания. Поэтому он ответил:

— Это просто смешно! Почему вы это от меня требуете?¹¹⁰

— Не я вас прошу, — ответил Джампал Цултрим, — а Кармапа отдал такое распоряжение.

Между ними разгорелся спор. Наконец Джампал Цултрим проявил свой горячий голокский нрав и с криком «ты ничтожество!» влепил дяде Терсэю пощёчину, а потом вылетел из комнаты. Так он и ушёл ни с чем.

Вернувшись к Кармапе, он сказал:

— Этот Терсэй просто невыносим — он ниже всех на свете! Как я его ни просил, он наотрез отказался прийти.

Пятнадцатый Кармапа ответил просто:

— Хорошо. Посмотрим.

Кармапа был прав, что не огорчился. Потом он пригласил в Цурпу Самтена Гьяцо, не сказав, какова цель этого приглашения.

Дядя Терсэй был известен своей педантичностью. Однажды в монастыре Тана, расположенном в половине дня пути от моего дома, дядю Терсэя попросили дать посвящение Падмасаттвы — тела мудрости Чокгьюра Лингпы.

Он начал свои приготовления на рассвете, один выполняя садхану, вплоть до повторения мантры. И эта подготовка всё продолжалась и продолжалась до самого заката!

Терсэй был из тех лам, которые сохраняют состояние медитации стадий зарождения и завершения на протяжении всего ритуала посвящения. Его доскональный способ выполнения всех составляющих этого про-

цесса был довольно необычен, потому что другие учителя могут без труда давать по пятнадцать-двадцать таких посвящений в день. Но наш Терсэй был не таков. Когда он наконец начинал давать посвящение, он очень подробно рассказывал обо всех шести видах освобождения, а потом объяснял ученикам, как постичь это на личном опыте¹¹¹.

Вот почему посвящение у Терсэя длилось всю ночь. Не будь он ласковой, люди были бы им очень недовольны.

Однажды он чуть было вообще не отказался давать посвящения.

— Я больше не могу давать посвящения, — сказал он мне.

— Почему, Ринпоче?

— Подготовка к посвящению должна быть надёжной и подлинной, — ответил он, — иначе я не чувствую удовлетворения. И число повторений мантр во время подготовки должно быть больше многих тысяч для каждой из них. Но, чтобы сделать это, у меня уходит целый день.

В наших краях до сих пор говорят «как Терсэй Тулку даёт посвящения», если речь идёт о действиях крайне педантичного человека.

Одно из отличительных качеств, свойственных истинным учителям: они никогда не хвастаются своими духовными качествами и не выставляют их напоказ. Таким был и мой дядя Терсэй.

«Именно великий Кхьенце, — однажды сказал мне дядя Терсэй, — объявил меня перерожденцем сына Чокгьюра Лингпы. Его знание не имеет границ и объемлет всё, потому что он видит три времени, как ясный день. Вангчог Дордже, сын Чокгьюра Лингпы, был воплощением царя Джа, того самого, что получил восемнадцать тантр Маха-йоги, которые упали с неба на крышу его дворца.

Так что, раз меня считают воплощением таких учителей, я бы мог ощущать некую свою исключительность. Не должно ли воплощение царя Джа хотя бы отчасти обладать ясностью ума? Но, вглядываясь в собственный ум, я вижу только полную тьму неведения и заблуждения. Поэтому нет у меня никакой уверенности, что я действительно такое воплощение.

К счастью, великий учитель Шакья Шри дал мне введение в пробуждённое состояние, сказав такие слова: «Слушай меня внимательно. Пробуждённое состояние никак не может измениться. Ты меня слышишь? Раз ты заметил это пустое пробуждённое состояние, в котором нечему меняться, то нет никакой нужды создавать его с помощью медитации и оно не может никуда деться. Понял? Если ты узнал то, что не может меняться, это и есть пробуждённое состояние. Теперь помни это всегда. Верь мне, это очень важно! Пробуждённое состояние — это самое важное».

Таковы были последние слова Шакья Шри, обращённые ко мне, и пусть моё состояние медитации всё ещё объято тьмой, в них содержится то единственное, в чём я уверен».

Когда дядя делал подобные замечания, он обычно разражался смехом, но продолжал с невозмутимым выражением лица: «Если я скажу, что я не воплощение, это всё равно что назвать великого Кхьенце лжецом, — я бы на это не отважился! Однако время от времени я внимательно наблюдаю за собой, чтобы понять, не обнаруживается ли у меня каких-то совершенных качеств, и не нахожу ни единого. Нахожу лишь пустое место».

И снова он смеялся. Вот такой он был лама.

Хотя дядя Терсэй так говорил о себе, он был не только близким учеником Шакья Шри, но и сам был необычайным учителем.

Когда и Кармей Кхенпо, и Цеванг Норбу покинули этот мир, мой дядя Терсэй был самым большим знатоком «Новых сокровищ», а также способным писателем. Пока он был жив, не было нужды искать опоры в других учителях, чтобы написать необходимое руководство.

После возвращения из затянувшегося паломничества дядя Терсэй год или два прожил в Цангсаре, а потом пару лет — в Крепостной Вершине, высокогорном уединении, связанном с моим монастырём. Как самый учёный и знающий из четырёх братьев, он проводил своё время, составляя множество текстов для ритуалов и практик медитации, требующихся для передачи линии его деда. Хотя, как кажется, никто не занимался собиранием произведений дяди Терсэя после его смерти, их набралось не меньше чем на пять томов. Он многое сделал для развития практик, сохранявшихся в «Новых сокровищах»¹¹².

Когда дни дяди Терсэя были сочтены, он объявил: «Смерть близка. Я уйду в этом году».

Потом он лично проследил за тем, как будет роздано его имущество, вплоть до последней вещи, указав, какой предмет достанется тому или иному ламе или монастырю. Он отдал все распоряжения и отдал всё, кроме одного — терма в виде крошечного изваяния Лотосорождённого.

Некогда он дал обещание повторить мантру ВАДЖРА ГУРУ десять миллионов раз. Выполняя затворничество, посвящённое повторению этой мантры, он хранил это изваяние в золотом амулете, помещённом в парчовый мешочек. Он обращался с ним с величайшим почтением и, бывало, говорил: «Я считаю это изваяние самым Падмасамбхавой. У меня не было иной благой возможности встретиться с ним. Но Лотосорождённый сделал эту фигурку из песка озера Манасаровар у горы Кайлаш и наделил её своим существом мудрости»¹¹³.

Мне сказали, что после того как Терсэй раздал всё, всего через три дня он захворал и умер. Последнее, что он сделал перед смертью, — вложил это крошечное изваяние в сердце новой статуи Будды размером в человеческий рост.

Потом он сказал: «Кончено, будь что будет».

Позднее коммунисты уничтожили всё в монастыре Цикей, в том числе и ту статую Будды.

Шакья Шри, Владыка Сиддх

Во время пребывания в Центральном Тибете дядя Терсэй часто навещал лагерь своего коренного гуру Шакьи Шри, великого сиддхи. Шакью Шри называли Владыкой Сиддх и Драгоценным Просветлённым Учителем. Его главным гуру был Кхьенце Старший¹¹⁴.

«Шакья Шри жил в Кыпуге в окружении примерно семисот учеников, — рассказывал мне дядя Терсэй. — Его ученики выкопали себе пещеры, изрыв два ближайших склона, а другие люди останавливались в маленьких шатрах из брезента или войлока из ячьей шерсти. Сам Шакья Шри жил на лугу в единственном в округе доме — простом строении из саманного кирпича и с одним окном».

Народ безмерно почитал Шакья Шри. Но таким всеобщим почётом он пользовался не всегда, как ясно из истории, которую я слышал, — такой истории, которую не всегда включают в его официальную биографию.

Первым учителем у Шакья Шри был великий Кхамтрул. Шакья Шри начал с того, что ухаживал за лошадьми своего учителя и выполнял другую работу по хозяйству. Как-то раз в лагерь Кхамтрула был приглашён йогин Цокни, чтобы он дал посвящение своего собственного терма ума¹¹⁵. Когда ритуал начался, Шакья Шри воспользовался удобным случаем, чтобы проскользнуть внутрь и сесть у двери. Тогда никто не считал его каким-то особенным.

22.
Шакья Шри —
Владыка Сиддх

— Ты-то что здесь делаешь? А ну убирайся! — обернувшись, зашипели на него некоторые из монахов. — Это не для таких, как ты, а только для лам и учителей Дхармы. Ты что, не слышал, что было сказано? Это не для всех!

Монахи уже чуть было не вытолкали его вон, как вдруг почувствовали взгляд Цокни.

— Пусть остаётся! — громко сказал он. — Сядьте все. Настанет день, когда вы не удостоитесь даже того, чтобы пить его мочу!

Цокни настоял на том, чтобы Шакья Шри остался получать посвящение, и в конце концов Шакья Шри стал совершенным учителем.

Хотя вокруг Шакья Шри собралось так много учеников, он учил их не круглый год, а только в определённые периоды в течение лета и зимы. Эти нечастые случаи называли летними учениями и зимними учениями.

Некоторым своим ученикам Шакья Шри говорил: «Вы принадлежите к махамудринской стороне долины». Другим же он говорил: «Вы принадлежите к дзогченской стороне долины». Так он разделил своих учеников на две группы и давал наставления по Махамудре или по дзогчен в зависимости от личных склонностей каждого ученика. Мой дядя Терсэй принадлежал к дзогченской группе¹¹⁶.

Дядя Терсэй объяснял: «Правила были довольно строгими: сиди на своём месте для медитации. Медитирующим позволялось прогуливаться только во время перерывов на еду. Утром звучал гонг, оповещающий практиков, что они могут разжечь огонь, чтобы вскипятить воду для чая. Все семьсот монахов и монахинь выходили из своих шатров и пещер.

Если взглянуть тогда на горы, то было видно, как люди хлопчут у своих очагов, от которых поднимается дым. При втором ударе гонга всё затихало, и местность становилась безлюдной, потому что все возвращались к своей медитации. Полная тишина продолжалась до времени завтрака, поскольку до тех пор никому не позволялось выходить наружу и готовить еду. Примерно в полдень гонг звучал снова, и все начинали готовить еду. В два часа дня после удара гонга снаружи не оставалось ни души. Снова воцарялась полная тишина.

Таков был удивительный лагерь, которым руководил Шакья Шри.

Поскольку Шакья Шри был сиддхой, он оставался невозмутим и бесстрастен, кто бы к нему ни пришёл. Было лишь два исключения. Одно из них касалось Другпа Йонгдзина, перерождения одного из учителей Шакья Шри. Когда тот прибывал, Шакья Шри оказывал ему особое почтение, приказывая всем: «Ходите на цыпочках! Прибыл Йонгдзин Ринпо-

че!» Второе исключение делалось для прославленного воплощения сына Чокгьюра Лингпы, которым довелось стать моему дяде Терсэю. Ко всем другим, кем бы они ни были, отношение было одинаково сдержанное¹¹⁷.

В те дни дядя Терсэй и Йонгдзин были ещё совсем молоды. Однако только им позволялось вести себя, как им заблагорассудится, а все остальные должны были начинать и заканчивать свои занятия медитацией точно в одно и то же время.

Однажды, когда эти двое резвились по близости, Шакья Шри позвал их в дом.

«Ну-ка, вы двое, — прогремел голос старого учителя-йогина, — не мешайте медитации других! Пусть ваша практика от этого не страдает, но не создавайте препятствий для других!»

Это был единственный случай, когда они получили нагоняй.

После полудня Шакья Шри обычно выходил облегчиться. Он шёл в дальний конец большого двора и садился на корточки. Потом возвращался и, устроившись на своей подстилке, просто сидел в полном молчании.

Но порой, когда наступали сумерки и становилось темно, он всё не возвращался. Тогда слуги Шакья Шри переговаривались между собой: «Ринпоче опять погрузился в самадхи!»

Потом один из них выходил, отыскивал учителя и тихо говорил: «Ринпоче, теперь вам бы лучше вернуться».

Тогда Шакья Шри отвечал своим густым басом: «А! Уже звёзды мерцают!» — и шёл в дом.

Однажды король Бутана прислал подношение учителю-сиддхе: навяченных рисом яков, которых сопровождали тридцать человек. Этот караван проделал опасный путь по области Лходраг. В сопроводительном письме король пояснял, что в одном из мешков с рисом находится драгоценная чаша из китайского фарфора.

Предполагалось, что сопровождающие сразу же поднесут учителю эту фарфоровую чашу. По прибытии они стали лихорадочно искать чашу, протыкая один мешок за другим прямо перед Шакья Шри.

Через некоторое время Шакья Шри показал пальцем и пророкотал: «Чаша вот в этом мешке!»

23.
Друк Караг
Йонгдзин
Ринпоче

Заглянув внутрь, там, конечно же, нашли чашу. Вот такое у него было ясновидение, хотя он никогда не признавался в этом, если его спрашивали.

За свою жизнь Шакья Шри три раза избавлялся от своего имущества, отсылая его в Ахасу, чтобы там его раздали как подношения. Такая традиция хорошо известна: оставляют себе ту одежду, которую носят, чашку для чая, большую чашку и ложку и несколько других основных принадлежностей. Всё остальное до последней нитки раздают.

Те, кто был свидетелем этого, видели, что долгое время после избавления от имущества он оставался совершенно без ничего. Были периоды, когда он даже отказывался от любых подношений.

В один из таких периодов дядя Терсэй оказался обладателем прекрасной позолоченной статуи, которую он искренне хотел поднести своему гуру. Однако он знал, что при обычных обстоятельствах Шакья Шри наверняка не примет этот дар. Поэтому он просто показал это изваяние учителю.

«Что вы думаете о её пропорциях? — спросил дядя. — Правильны ли они?» Задав ряд таких вопросов, он наконец спросил: «Какие заслуги можно накопить, поднеся нечто подобное?»

В итоге статуя стала единственным предметом, который Шакья Шри принял за все те годы.

Позднее дядя Терсэй сказал: «Это был в моей жизни один из случаев, когда я по-настоящему сумел употребить иллюзорное богатство во благо».

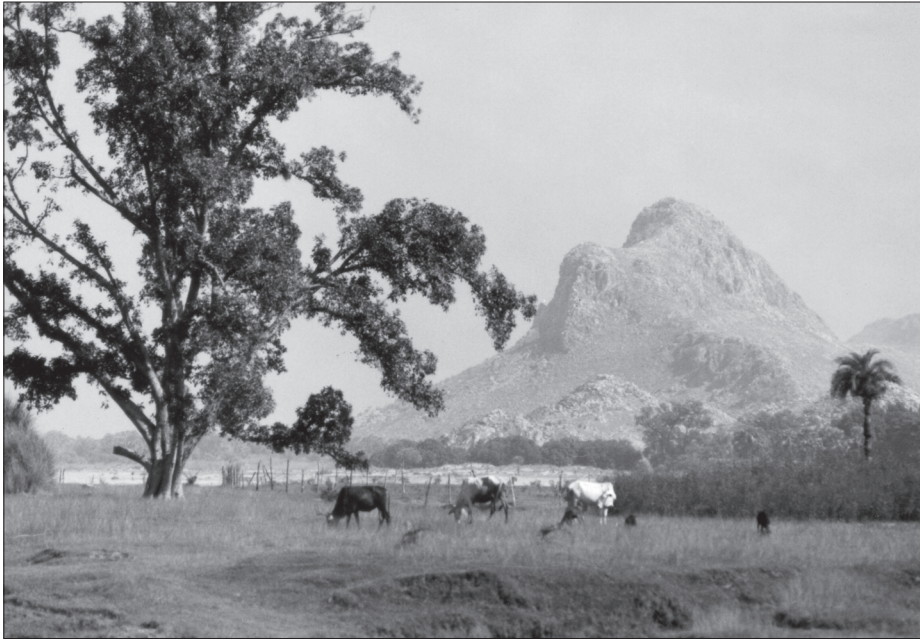
Следующую историю дядя Терсэй рассказал мне, когда я был ещё ребёнком. Он был одним из моих учителей и никогда не лгал. Если бы он сам не был очевидцем, я, конечно же, не поверил бы ему. Но он заверил, что это действительно произошло.

Лагерь Шакья Шри посещало много необычных людей. Однажды началась какая-то суматоха и стала собираться толпа. Терсэй вышел посмотреть, что происходит.

В лагерь только что прибыл один старый лама из отдалённой провинции Голок. Через некоторое время пришёл и его слуга с поклажей. Слуга нагнал ламу в центре лагеря.

Тогда лама крикнул «Пхэт!», и слуга распластался на земле. К всеобщему изумлению, лама невозмутимо снял ношу со слуги и принялся сам готовить обед под открытым небом.

«Не подходите слишком близко. Оставьте тело в покое!» — крикнул лама толпе.

24.
Кладбище
Прохладная
Роща в Индии

Дядя Терсэй присутствовал при разговоре, который позже происходил между ламой и Шакья Шри. Лама объяснял произошедшее: «Я пришёл из Голока пешком. А это тело — труп моего благодетеля. После смерти он стал *ролангом* — ходячим мертвецом, — и теперь я веду его тело на одно из самых больших кладбищ в Индии, чтобы оставить его там. Поскольку такой мертвец может ходить, я подумал, что он вполне мог бы нести мою поклажу. Не подпускайте никого близко к нему. Прикажите оставить труп в покое и не суетиться вокруг».

Но, конечно же, никто не слушался. Каждый хотел увидеть труп, который принёс ношу. Он был сухой, как палка, глаза закрыты, а кожа и мясо на босых ногах стёрлись до костей. Люди не верили своим глазам.

На следующее утро лама проснулся и приготовил завтрак. За едой он выполнил ритуал сожжения пищи — наверное, чтобы «покормить» дымом мертвеца, поскольку он не мог есть и пить. Потом он уложил свои сумки на спину мертвеца и крикнул: «Пхэт!»

Труп тотчас поднялся и, не умея сохранять равновесие стоя, начал потихоньку и пошатываясь переставлять ноги. Идя за мертвецом, лама направлял его, а тот скрипел, стучал и скрежетал костями ног по булыжникам и скалистой дороге.

«Он всегда ходит так медленно, — пояснил лама для Шакья Шри. — Мне нужно держать его в поле зрения, иначе он заблудится. Когда я забираюсь на вершину горного перевала, мне нужно ждать там, пока

мертвец не поднимется вслед за мной. Тогда я спускаюсь на другую сторону и жду, пока он не догонит меня. Я зайду к вам на обратном пути из Индии».

Старый лама не попросил у Шакья Шри никаких учений, и Шакья Шри не задавал ему никаких вопросов. Лама просто позавтракал и ушёл.

Когда они скрылись из виду, Шакья Шри воскликнул: «Ну и ну! Просто невероятно!» Таков был один из поразительных подвигов, которые по силам человеку, достигшему устойчивости в состоянии пробуждения.

Через год тот лама на обратном пути зашёл в лагерь.

«Тело моего доброго благодетеля несло мои припасы весь путь до Индии, — сказал он. — Я оставил его прах на кладбище Прохладная Роща и возвращаюсь один. Когда мы спустились в долину, мне приходилось всё время внимательно следить за мертвецом, потому что я заметил, что, дотронувшись до него, люди падали без сознания, а некоторых даже поражал паралич или временное безумие. Разве я мог допустить, чтобы он разгуливал по Тибету? Самая страшная опасность — вы сами можете стать таким ходячим мертвецом, если он дотронется до вашей головы. Вот почему людям нельзя его трогать».

Позднее дядя Терсэй говорил мне: «На самом деле я никогда не был уверен, что тот лама просто нас не разыгрывает. Как знать? Наверное, в том мёртвом теле не было сознания. Тот, кто достиг определённой степени устойчивости в состоянии просветления, может по своему желанию передвигать материальные предметы. Если же тот лама сыграл со всеми шутку, то это была невероятная шутка!»

Наверное, он был совершенным йогином — и не потому, что мог ожить мертвеца, а потому, что у него не было нужды задавать Шакья Шри какие-либо вопросы. Вот почему это так врезалось мне в память.

Катог Ситу, гуру и учёный

Автором жизнеописания Шакья Шри был Катог Ситу, великий учёный из монастыря Катог. Однажды, посещая Центральный Тибет, он побывал в резиденции Друкчена Джамгона — одного из самых выдающихся лам школы друкпа-кагью, и затем его пригласили в Кыпуг, горную обитель, расположенную выше по долине.

Он прибыл в Кыпуг сразу после кончины Шакья Шри, когда мой дядя Терсэй ещё оставался там. Ламы, ученики Шакья Шри, обсуждали, кто смог бы лучше всех изложить жизнеописание их учителя, и их выбор пал на очень образованного и обладающего красноречием Катоба Ситу. Дяде Терсэю поручили обратиться к нему с этой просьбой.

— Наш учитель был необыкновенным, — сказал дядя, — напишите, пожалуйста, историю его жизни.

— Прекрасно, — ответил Катог Ситу. — У вас есть записи его деяний? Принесите мне их.

По традиции, ламы составляют хронологический список всех посвящений и передач-лунгов, которые они получали и давали, всех практик, которые они выполняли, а также других важных событий и дел. Катог Ситу прочитал дневник Шакья Шри той же самой ночью.

В последующие дни он давал учения, а по вечерам писал при свечильнике. Меньше чем через неделю — до того как покинуть лагерь — Катог Ситу закончил это замечательное жизнеописание¹¹⁸.

«Я изучал многие вопросы, содержащиеся в текстах по философии и традиционным наукам, — однажды сказал учёный Мипам, обращаясь к Катобу Ситу. — Из-за этого я отвлекался (от практики) во имя Дхармы.

Шакья Шри, напротив, исключительно практиковал Махамудру и дзогчен, живя в горах. Шакья Шри одержал победу, обретя реализацию

за одну жизнь. Если сравнить это со всеми нашими достижениями, он превосходит нас!

Причина проста: он не отвлекался на излишнее изучение философии и пяти наук, но просто сосредоточился на ключевых моментах путей Махамудры и дзогчен. Этот владыка сиддх практиковал день и ночь».

Давайте я объясню, почему Катог Ситу отправился из Кхама в эту поездку в Центральный Тибет.

Почти тысячу лет назад из Индии в Тибет принесли и перевели на тибетский много тантр и садхан. В первую очередь это сделали Падмасамбхава, Вималамитра и Вайроцана, а также их ученики¹¹⁹. За более чем тысячелетие некоторые толковательные тексты, проясняющие тантры, были утрачены.

В частности, один текст, знаменитые «Доспехи против тьмы», представлял собой объяснение практики Ану-йоги согласно тантре-первоисточнику «Сутра великого собрания». Этот комментарий, написанный Сангье Еше из Нуба, одним из двадцати пяти учеников Лотосорождённого, исчез много веков назад.

По ряду причин Катог Ситу взялся найти утраченный текст, перевернув всё на свете, чтобы только включить его в собрание важных писаний. Поэтому, куда бы он ни отправился, он останавливался в различных монастырях, перерывая все библиотеки, встречающиеся на его пути.

Во время пребывания в Ахасе Катог Ситу попросил моего дядю Терсэя помочь ему. Терсэй, конечно же, не преминул воспользоваться возможностью сопровождать такого знающего учителя в поездке по провинциям У и Цанг.

Перед прибытием в Шигаце они послали туда письмо с просьбой разрешить им посетить монастырь Ташилхунпо, резиденцию Панчен-ламы, и просмотреть их обширную библиотеку. Пришёл ответ: «Вы можете получить разрешение, но это будет очень дорого стоить. Должны присутствовать главный библиотекарь, казначей монастыря и главный блюститель порядка, а также другие представители монастыря. Вам не будет разрешено просмотреть ни одной книги самостоятельно. Принимая во внимание количество участников, плата за проведение исследований в нашей библиотеке будет включать в себя питание и вознаграждение для сорока человек. Кроме того, мы можем предоставить вам на это только семь дней. Если вы можете возместить расходы, то будете допущены в библиотеку».

Катог Ситу был состоятельным человеком и с готовностью принял это требование, ответив: «Очень хорошо, я проведу семь дней, исследуя вашу библиотеку».

Учёный гуру из Катога начал поиски, но за семь дней книги так и не нашёл. Катог Ситу несколько приуныл.

«Какой чудовищный позор! — воскликнул он. — Я был почти уверен, что мы найдем эту книгу в Ташилхунпо. А теперь у нас мало шансов отыскать её где-либо ещё». К тому времени Катог Ситу просмотрел уже все библиотеки большинства крупных монастырей школ нингма и кагью. Дядя сказал, что он выглядел по-настоящему опечаленным.

Катог Ситу остановился не в монастыре, а поблизости от него, в доме одной семьи. Случилось, что юная девушка из простой семьи пришла повидать Катога Ситу. Она попросила благословить её, положив руку ей на голову.

В тот миг, когда гуру коснулся девушки, показалось, что она переменилась. Как бы указывая на что-то Катогу Ситу, она стала делать руками необычные движения — в текстах встречаются именно такие описания того, как дакини сообщают что-то жестами и символическими словами.

Затем девушка исполнила замысловатый танец и при этом пела на санскрите, причём заключительными словами были «А-ла-ла-хо!». В конце она повторила одну строку: «“Доспехи против тьмы” проясняют текст Ану-йоги. А-ла-ла-хо!»

Никто из присутствовавших не имел ни малейшего представления о том, что она имеет в виду. «Непонятно, — заметил кто-то, — как это некоторые покровители допускают к такому великому учителю какую-то сумасшедшую девчонку. Какая наглость с её стороны! Гнать её отсюда вон!»

Девушку уже собирались схватить, но Катог Ситу велел оставить её в покое. Снова повторив строку о книге, она склонила голову, чтобы получить благословение от его руки. Потом она выпрямилась и вышла как ни в чём не бывало.

Как только она покинула комнату, Катог Ситу сказал Терсэю и другим своим спутникам: «Ну и ну! Кажется, нам нужно вернуться и посмотреть ещё раз. Думаю, ещё есть возможность найти эту книгу. Вам придётся пойти в Ташилхунпо и попросить разрешения продолжить поиски. Я проверю всё снова сверху донизу, начав с библиотек на верхнем этаже. Неважно, если они запросят такую же плату, как в первый раз, — я с радостью отдам деньги! Давайте узнаем, что они скажут».

Дядя сказал, что он вернулся, поднялся по лестнице и передал просьбу. Управляющий, к которому он обратился, ответил: «Вы уже искали и ничего не нашли, не так ли? Теперь вы хотите сделать то же самое снова? Сдаётся, вам нравится сорить деньгами. Но, если так хочется, давайте!»

Когда мой дядя передал это разрешение, то, несмотря на назначенную цену, Катог Ситу чрезвычайно обрадовался и тут же послал его об-

ратно с деньгами. Они приступили к поискам в тот же день. Через пять дней текст был найден.

Катогу Ситу по-настоящему повезло в тот раз, потому что это был собственный комментарий Сангье Еше из Нуба, того самого учителя, который принёс в Тибет учения Ану-йоги.

Впоследствии он сказал моему дяде, что в облике той девушки ему явилась дакини. Вот почему у нас и сегодня есть «Доспехи против тьмы».

О Катоге Ситу распространилась молва, что он великий учёный. Поэтому во время его пребывания в Лхасе, как только на город опускались сумерки, к нему на диспут собирались группы по полдюжины самых образованных геше из монастырей Сэра, Дрэпунг и Ганден.

«Если эти люди так и будут приходить, — подумал дядя, — это будет большим бременем для старого учителя. Наверное, мне лучше пойти и запереть дверь».

Когда он пошёл к двери, заглянул в щёлочку и увидел, что учёные уже ведут диспут с Катогом Ситу. Согласно тибетской традиции ведения диспута, они поворачивались к нему и хлопали в ладоши, адресуя доводы против его философских положений. Вначале их голоса звучали так громко, что звенело в ушах. Постепенно громкость уменьшилась. Через некоторое время дядя мог слышать в основном только голос Катога Ситу. После полуночи геше стали по одному расходиться, касаясь его головами и благодаря за потраченное на них время.

Когда они вышли за дверь, дядя услышал, как один из них заметил: «Удивительно, что живёт такой знающий учитель! Не думаю, чтобы кто-то мог превзойти его в диспуте. Он непобедим».

Такие сцены разыгрывались не раз, пока они жили в Лхасе, и слава Катога Ситу распространилась ещё шире.

По возвращении в Кхам Катог Ситу построил самую совершенную копию небесного дворца Падмасамбхавы — Дворца Лotosного Света на Достославной Медноцветной Горе — с множеством бронзовых статуй, равного которому не было во всём Тибете.

Позднее Катога Ситу послали в Китай как представителя, чтобы участвовать в важном политическом мероприятии. Однако в пути он, будучи уже пожилым, отправился в миры будд¹²⁰.

А что случилось с построенным им великолепным дворцом? Китайские захватчики сровняли его с землёй.

Именно после того, как дядя Терсэй учился у Шакья Шри и путешествовал с Катогом Ситу, — проведя столько лет вне дома, в далёком Центральном Тибете, — моя бабушка решила отправиться на его поиски.

Часть вторая

Ранние годы

Моё детство

Давайте я вам немного расскажу о своей семье. У моего отца Чиме Дордже было пятеро детей от моей матери. Старшей была сестра Цага, потом я, потом брат Тенга. Он был на год младше меня, и Друкчен узнал в нём перерождение одного замечательного учителя по имени лама Арджам. Он умер в тридцать семь лет. После него родилась моя сестра Мингюр Чодрон, которая умерла в 1989 году. У обеих сестёр были дети, и некоторые из них ещё живут в Кхаме. Моим самым младшим братом был Кунсанг Дордже.

Кунсанг Дордже был удивительным существом и предположительно считался воплощением Нэтэна Чоклинга¹²¹. Ещё в ранней юности он проявил много чудесных знаков. Очень рано он дал ясное предсказание о грядущем уничтожении буддизма в Тибете, и оно было записано одним монахом в Гебчаг-гомпе. Как-то раз он сказал, что один из наших родственников умер во время паломничества вокруг горы Кайлаш, — именно тогда, когда это произошло. Он также знал, что его собственная жизнь будет очень короткой. Однажды, когда ему было всего четырнадцать лет, он сказал матери: «Бедная мама, мне так жалко, что ты будешь горевать, когда моё тело сожгут». Он умер в тот же год.

У отца было двое детей от другой женщины, и старший из них — Пэнджиг. Кроме того, у него были ещё дочь и сын от двух других женщин. Сына, Кунго Калсанга, ему родила одна из учениц Шакья Шри, жившая в его лагере. Когда они сошлись, мой отец жил некоторое время в этом лагере¹²².

Я родился на пути из Ахасы в Самье, в маленьком селении Драгда, расположенном неподалёку от Озера Жизни Еше Цогьял¹²³.

В младенчестве я опасно заболел какой-то неизвестной болезнью и был на грани смерти. Родители отвезли меня в монастырь Самье. В зам-

ке Самье находилась одна из пяти священных статуй Падмасамбхавы, о которой он сказал, что она в точности похожа на него самого.¹²⁴ Это изваяние находилось внутри сосуда, из которого люди могли брать воду в качестве благословения. К тому времени я уже совсем перестал дышать, а потому родители не могли сделать для меня ничего другого, как положить перед статуей и молиться Лотосорождённому.

Родители молились о том, чтобы их новорождённое дитя не погибло, и позже они говорили, что я выжил только благодаря милости Падмасамбхавы. Когда они молились, я открыл глаза и начал дышать. После этого родители носили меня по всем другим местам паломничества, расположенным вокруг Самье. Конечно, ничего этого я не помню, но отец рассказал мне всю эту историю.

Отец был очень близок с выдающимся учителем Друкченом, а потому он отправился в его главную резиденцию через долину Ярлунг¹²⁵. В верхней части долины находилась Радостная Пещера — место для практики, где пребывал совершенный учитель Шакья Шри, которого Друкчен пригласил из Кхама.

Родители говорили мне, что знаменитый Друкчен был очень добр к нам. Он также попросил моего отца выполнить для него ритуалы, призванные укрепить его здоровье и способствовать долголетию. Мы прожили там четыре или пять месяцев. Вот так получилось, что я провёл начало своей жизни в лагере Шакья Шри. Друкчен заказал для меня и моих братьев с сёстрами специальную парчовую одежду; потом из этой парчи мне сшили курточку, которую я носил, пока мы не отправились в Кхам.

Моего дядю Самтена Гьяцо и пятнадцатого Кармапу соединяли взаимные узы ученика и учителя, и ко времени моего рождения дядя был в Цурпу и передавал Кармапе «Новые сокровища», получая от него взамен некоторые другие посвящения. Поскольку Самтен Гьяцо приходился моему отцу старшим братом, отец отправил ему такое послание: «У меня родился мальчик. Попросите, пожалуйста, Кармапу Кхакьяба Дордже дать ему имя».

И Кармапа на лоскуте тонкой парчи собственноручно написал для меня такое имя — Карма Оргьен Цеванг Чогдруб Палбар, наложил на него свою печать и послал моим родителям вместе с белым шарфом и пятью метрами красной китайской парчи, вышитой золотой нитью. «Отдайте эту парчу мальчику, это мой подарок ему», — сказал Кармапа. Как ни странно, из этой парчи так и не сделали ничего полезного. Поскольку её подарил Кармапа, люди считали её особенной, а потому не осмеливались резать.

Возможно, покажется, что мне негоже повторять это, но тем не менее Кармапа также сказал: «Этот мальчик подлинный тулку». Однако тогда он не уточнил, чьё именно я перерождение.

За долгие годы я несколько раз терял тот свиточек со своим именем, но всегда его находил. В первый раз я потерял его, когда был ещё совсем молод. По-видимому, его утащила мышь, потому что потом я нашёл свиток в мышиной норе. Потом я потерял его, когда жил в доме у матери. Её семья была так богата, что груды спитого чая, оставленного проезжавшими людьми, были такими большими, что вокруг них играли дети. Однажды я заметил свой свиток наверху груды чайных листьев. Он немножко выпцвел, но в целом хорошо сохранился. Думаю, туда его тоже затащила мышь. Теперь я благополучно храню его в своей шкатулке для реликвий.

Мои родители и я прожили в Центральном Тибете несколько лет, и там я отчасти перенял их диалект, а также песни. Потом мы стали постепенно возвращаться в Кхам. Отец уехал вперёд, в Дронг-гомпу — монастырь ламы Тензина Дордже, предыдущего воплощения моего сына Чокьи Нимы. Этот монастырь был расположен к северу от Лхасы в нескольких днях пути по дороге в Кхам.

Моя семья собиралась в монастыре Дронг, готовясь к отъезду домой. Самтен Гьяцо находился там целый месяц, чтобы давать посвящения¹²⁶. Лама Тензин Дордже был очень близким другом дяди Терсэя; они любили друг друга как братья, и оба были близкими учениками великого учителя Шакия Шри. Это была ещё одна причина, почему дядя Терсэй всё ещё не вернулся в Кхам: он задержался на год здесь, в Дронге, и теперь его мать, Кончог Палдрон, тоже остановилась здесь вместе с моим дядей Санг-Нгаком, который ей прислуживал. Мой отец только что приехал, и теперь наконец все должны были вместе отправиться в Кхам.

Но не успели мы покинуть Центральный Тибет, как умер пятнадцатый Кармапа. Меня брали повидать Кармапу, когда мне было три года, и я помню местность вокруг Цурпу, храмовый зал и множество собравшихся лам, но, поскольку я был ещё совсем мал, я не запомнил лица Кармапы. Когда он умер, я вспоминаю, что в часе ходьбы от Цурпу были какие-то песчаные холмы и люди плакали по обе стороны дороги.

Сразу после этого мы начали своё обратное путешествие в Кхам. Для трёхлетнего ребёнка это путешествие было поистине очень долгим. Я ехал в корзине, притороченной к лошади. Помню, как однажды я вывалился из корзины и ушибся.

По возвращении в Нангчен я жил со своей матерью и старшей сестрой. Остаток года я провёл с ними. Вскоре после этого я начал со своими

братьями учить азбуку с помощью одного доброго старого ламы. Когда я научился читать, меня отдали в монастырь Гебчаг, и я продолжил обучение под руководством своего дяди со стороны матери.

Примерно в это время мы узнали, что бабушка хочет перебраться в Цикей. Она сказала так: «Хочу оставить своё тело в монастыре отца и братьев. Не желаю умирать ни в каком другом месте». Как ей это было свойственно, она не слушала никого, кто пытался её переубедить.

Наверное, вы знаете, что маленькие дети всё время задают вопросы. Я был таким же — очень любопытным, я постоянно задавал трудные вопросы и забавы ради переиначивал так и эдак ответы на них. Кто бы ни пришёл, я набрасывался на него с вопросами и мучил, пока он не лишался дара речи. Я был пытлив до невозможности, точно как мой внук Пагчок, старший сын нашего нынешнего Цикей Чоклинга.

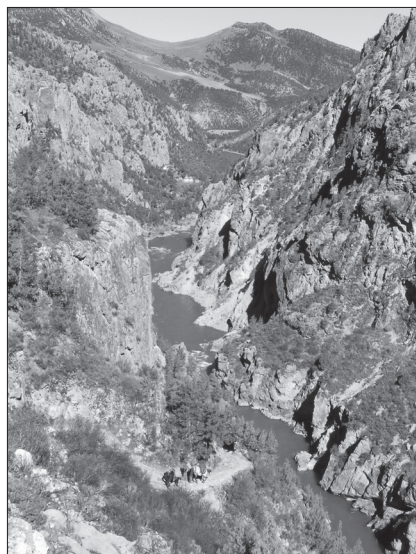
Вангдор, старый лама, очень меня любил, и его я тоже непрерывно засыпал своими вопросами: что такое ум? что такое природа ума? как медитируют? Но особенно мне нравилось приставать к пожилым женщинам в доме моей матери. Я начинал с таких вопросов: «Откуда взялась земля и вода? Кто их такими сделал? Как потекла первая вода и в какую сторону? Почему небо голубое? Давно оно такое? Оно всегда было синим? А если нет, как оно изменилось?»

Они были ошарашены и говорили: «Что за надоедливый ребёнок!» Наконец кто-нибудь раздражённо бросал: «Не мог бы кто-нибудь другой присмотреть за этим малышом?»

Помню, как ребёнком я занимался с личным учителем и много времени проводил с матерью. Она происходила из богатой семьи, и у неё был собственный дом, соединённый с главным особняком в Цангсар-Дрананге. Но, когда мне было лет девять, меня передали отцу в его обитель, находившуюся на расстоянии одного дня пути верхом. В восемнадцать лет я переселился в Лачаб-гомпу, где моим образованием занялся Самтен Гьяцо.

У меня было много домов. Моим семейным домом было имение Цангсар — родовой дом моего отца, ко-

25.
Дорога
из Лачаба
в Деченлинг

торым теперь управляет мой старший брат Пэнджиг. Но и обитель отца тоже была моим домом. Ещё одним моим домом была Лачаб-гомпа с Самтеном Гьяцо. Своим домом я считал и обитель Крепостная Вершина, которая принадлежала монастырю Лачаб.

Двоюродный брат отца, добрый пожилой лама, однажды пошутил: «Наверное, ты счастливчик, что можешь блуждать среди множества своих домов, нигде надолго не задерживаясь, чтобы никому не подчиняться, — но как бы тебе не превратиться в испорченного ребёнка. Будь осторожен! Помни пословицу о том, что осиротевший телёнок яка часто умирает с голоду, потому что всё время бежит от вымени к вымени, нигде не задерживаясь столько, чтобы успеть получить молоко».

У меня была полная свобода через каждые несколько месяцев перемещаться в другое место, и всюду меня баловали. Но всё это закончилось, когда я попал в руки Самтена Гьяцо.

Одним из моих первых наставников, который научил меня читать и писать, был Гарге-лама. У него учились и мой брат Тенга и я. Он был тулку и довольно необычным человеком. В хорошем расположении он был очень ласков, но, когда злился, колотил нас. Тем не менее сердце у него было очень доброе.

Иногда у него бывали проблески ясновидения: он сделал много предсказаний. Помню, он иногда говорил нам, маленьким мальчикам: «Я умру не от болезни, а от пули».

Позднее, во времена коммунистического вторжения, он ушёл в горы и поселился в пещере. Но Красная армия его, конечно же, нашла; его привели вниз и расстреляли.

Прежде чем продолжить своё повествование, я хочу подчеркнуть, что Дхарма была значительно распространена по всей снежной стране — Тибету. Наше общество было настолько пронизано ею, что даже малым детям не нужно было специально заучивать молитвы, такие, например, как обращение к Лотосорождённому Гуру, поскольку они усваивали их просто потому, что росли в буддийском окружении и всё время их слышали.

Эту атмосферу отражали детские игры, и мы часто играли в строительство монастырей. Под моим руководством ребяташки собирали груды камней и глины, и нам удавалось сооружать небольшие «храмы», в которых мы играли «в ламу». Иногда эти игры продолжались с раннего утра и до заката.

Кроме отшельников и больших сообществ монахов и монахинь, живущих в больших монастырях, практики часто тоже жили вместе в больших

лагерях, таких, какой организовался вокруг Шакья Шри. Например, седьмой Кармапа никогда не жил долго в одном месте, но странствовал по всему Тибету, переходя из одного лагеря в другой¹²⁷. Все подношения, которые он получал, сразу же передавал местным монастырям.

Близкое окружение седьмого Кармапы состояло из не менее чем тысячи монахов, которые следовали за ним, куда бы он ни отправился. Монахов и прислуги с их лошадьми и яками был так много, что не все помещались в одном месте. Поэтому они разбивались на группы по сто человек и располагались лагерем в семи разных местах или больше на расстоянии одного дня пути друг от друга, оставаясь в каждом месте на один день.

Люди устраивались в маленьких шатрах для медитации, где был единственный опорный шест и в которых можно было только сидеть. Вся монашеская община жила в таких шатрах, а шатер учителя был обычно побольше. От всех требовалось поддерживать принятую в школе кагью традицию выполнять четыре занятия практикой в день, даже во время путешествия. В назначенное время звучал колокольчик, и все приступали к общей трапезе.

После еды, согласно традиции, читали вслух *Кангьюр*, буддийский канон в ста больших томах. Когда они находились в пути, вереницей пересекая широкую долину, молодые монахи раздавали отдельные страницы каждому из ста монахов, а по окончании чтения собирали их. Сообща они без труда могли прочитать все сто томов за то время, которое требовалось, чтобы добраться до следующей гряды гор, причём каждый монах прочитывал всего две или три страницы из каждого тома. Обитателей гара было так много, что, собравшись все вместе, монахи могли всего за час прочитать весь Кангьюр. Груды спитого чая, которые оставались после них, бывали высотой в человеческий рост.

Странствующий лагерь Кармапы называли «великий гар — украшение мира», и это был один из примеров, показывающих, насколько глубоко Дхарма переплеталась с самой нашей жизнью.

Нангчен, откуда я родом, не был прославлен множеством крупных учёных. Однако в нём было так много лам и *тогдэнов* — практиков, медитирующих день и ночь, которые никогда не стригли своих волос и носили их, обматывая вокруг головы, — что среди мирян существовала традиция просить у любого из них учений о природе ума, чтобы затем практиковать и осваивать эти учения.

В прежние времена знаменитый учитель Цокни и его ученик Цанг-Янг Гьяцо довольно широко давали в наших краях учения о природе ума, и потому эта традиция укоренилась в здешней культуре.

Особенно сильна эта традиция была во множестве женских монастырей в Нангчене. Возможно, монахини не были так искушены в науках, как учёные, но они всем сердцем сосредоточивались на глубинных наставлениях. Они просили учений о природе ума у каждого ламы, посещавшего наши места. Всякий раз, когда в ретритный центр или в женский монастырь прибывал молодой тулку, его тут же окружали двадцать-тридцать монахинь, которые буквально заставляли его давать «учения ума», и зачастую впервые в его жизни. Это заставляло попотеть много юных тулку, потому что те монахини были мастерицы задавать очень тонкие вопросы. Как только лама заканчивал говорить о природе ума, на него обрушивался шквал вопросов, один труднее другого.

Один из таких тулку рассказывал мне, что ему с огромным трудом удавалось находить нужные ответы. Вскоре его просто прижали к стенке. Но это случалось не только с ним: монахини поступали так со всеми — такое уж у них было обыкновение. Решение здесь было простое: нужно было обладать подлинной линией передачи наставлений, а не просто быть тулку или именоваться учёным знатоком философии. Часто случалось, что люди считали любого способным давать учения о природе ума лишь в силу того, что в раннем возрасте ему присвоили титул «тулку». Тот тулку, о котором я говорил, сказал, что не счёл себя вправе отказать монахиням, но, вероятно, сделал бы это, знай он о том, что их понимание глубже его теорий.

Такое случалось не только в маленьких центрах практики: крупнейший из женских монастырей, Гебчаг-гомпа, был полон женщин, практикующих медитацию, и каждого посетившего их ламу они просили дать им учения. Если бы вам довелось пройти по местности, окружающей женский монастырь, вы увидели бы немало медитирующих монахинь, которые сидели на больших камнях или под деревьями, обычно по две или три.

Быть монахиней в Нангчене означало быть практиком медитации.

Часто бывало, что мальчиков в семье моей матери объявляли воплощениями лам. Юные воплощённые ламы этой семьи обычно сидели на церемониях, устраиваемых на благо живых и мёртвых, и получали дары от верующих.

Даже совсем юным я нередко бывал главой таких церемоний, потому что считался тулку и отпрыском нашей знатной семьи. Кроме того, меня брали с собой, когда ритуалы предстояло выполнять на дому у людей, так что там можно было получить дополнительные пожертвования. Думаю, что лето и зиму меня довольно часто заставляли сидеть на ритуалах, в том числе на ритуале мирных и гневных божеств, призванном обес-

печить благоприятное перерождение для тех, кто недавно умер. К сожалению, должен признаться, что тем самым я получил свою долю незаслуженных доходов¹²⁸.

Но такие занятия прекратились, когда Самтен Гьяцо совершил для меня церемонию возведения на трон и тем самым подтвердил, что я — перерождение предыдущего Чованга Тулку.

Лет в девять меня отдали на попечение отца. Он жил в горной обители Деченлинг, маленьком женском монастыре, окружённом хижинами для затворничества. Я очень любил обитель своего отца: она была расположена в прекрасной живописной местности, а её история восходила к нашим древним предкам.

Дарма Вангчуг, один из прародителей нашей линии баром-кагью, основал два монастыря: один в Центральном Тибете, а другой — в Кхаме. Их называли верхней и нижней резиденциями. Нижняя находилась на горе, которая называлась Груда Драгоценных Слогов «А»¹²⁹. Это название происходит от небольшой горы, украшенной нерукотворными слогами «А» в бесчисленном количестве¹³⁰. Нерукотворные слоги — это настоящее чудо. Эти слоги были видны на камне почти в сотне мест. Я сам видел, по крайней мере, сорок-пятьдесят таких слогов на поверхности скалы.

Это было исполненное безмерного благословения место, где жили и являли свои чудотворные силы многие учителя линии баром. Когда Дарма Вангчуг жил там в пещере, вокруг него собралось много учеников, и позднее их стали называть «тринадцать ясновидящих, тринадцать быстрых, как кони, и тринадцать летающих, как птицы», но они могли проявлять и другие знаки духовных свершений. Все они жили на горе, на которой располагался Деченлинг.

Деченлинг хорошо сохранился в моей памяти. Большинство из тех, кого я помню в Кхаме, были родом из мест вокруг той горы. Там я провёл, наверное, лет восемь, иногда ненадолго отлучаясь в Крепостную Вер-

шину, чтобы побыть с Самтенем Гьяцо. Позже я целый год служил своему отцу как помощник-*ньерпа*, пока не получил право быть мастером алтаря и стал ответственным за изготовление всех видов торма¹³¹. В этом деле я мог быть хорошим помощником отцу, потому что Кончог Палдрон научила меня, как делать торма для «Новых сокровищ».

26.
Деченлинг

Иногда я отправлялся в Лачаб, чтобы навестить дядю Санг-Нгака. Позднее, когда мне было лет пятнадцать, он переселился в Деченлинг. Дядя Санг-Нгак научил меня выполнять ритуалы для «Новых сокровищ», в том числе дал мне знание о мелодиях, мудрах, о том, где и какие вставлять тексты, как перемещаться с места на место в том или ином ритуале, и обо всём прочем.

Жизнь в Деченлинге была просто идиллией. Горные склоны покрывали огромные древовидные можжевельники, и я помню проглядывающее между ними ясное небо и яркие лучи солнца. Но потом, во времена «культурной революции», все деревья срубили¹³².

На вершине горы, куда можно было прогуляться, находилось изображение Будды Амитабхи высотой с трёхэтажный дом. Чогьял Дордже, первый гуру Цокни и современник Чокгьюра Лингпы, оставил чёткие отпечатки на склонах этой горы, обращённых на все четыре стороны.

За столетия Деченлинг обветшал, и его восстановил один лама из Гебчага. Мой отец поселился в этом уединённом месте и провёл там в затворничестве много лет, пока спустя лет двадцать не покинул своё тело. Он жил там постоянно, отлучившись надолго лишь один раз, когда отправился в Цикей, чтобы присутствовать на ритуалах кремации своей матери Кончог Палдрон, а на обратном пути он сделал несколько кратких визитов. Всё же остальное время он жил в Деченлинге. Это название, которое означает «Обитель Великого Блаженства», появилось именно тогда, когда он жил там.

Ниже по склону горы, прямо под домиком для затворничества моего отца, находился маленький женский монастырь, относящийся к Гебчагу. В течение тех двадцати лет, когда отец оставался в уединении, численность монахинь возросла с полдюжины до человек ста. Когда отец жил там, эти монахини жили бедно, но были полны воодушевления. После кончины моего отца все монахини совместными усилиями построили прекрасный храмовый зал вместо примитивного старого. Несмотря на то что храм получился очень красивым, коммунисты и его сровняли с землёй. Мой младший сын сказал мне, что этот храм воссоздан и в нём сейчас проживают до девяноста монахинь¹³³.

Я помню некоторых выдающихся практиков медитации, которые жили вокруг Деченлинга. Они занимались исключительно практикой естественного состояния ума, одевались только в простую овчинную одежду и питались почти одной цампой, к которой изредка добавлялся кусочек сушёного мяса.

Всё, что у них было, это сиденье из нескольких досок, покрытых овчиной, и маленький низкий стол, под которым стояли чашка и мешочек с

27.
Цангсар —
на дороге
в Деченлинг

цампой. Людям, помышляющим только о практике, наверное, ничего больше и не нужно.

Среди них была одна монахиня, которая жила в маленькой хижине; у неё не было никакого имущества. Эта монахиня сначала была ученицей моего отца. Ещё в ранней юности она прошла пешком весь путь до горы Кайлаш и обратно. Я знал её лично, и её скромность всегда служила для меня вдохновляющим примером. Она была из тех людей, которые почти незаметны в храмовом зале: склонив голову, она всегда сидела на самом низком сиденье ближе к двери.

Она была далеко не рядовым практиком. Обычно она делала в день по пятьсот поклонов, простираясь на полу. Однажды она попросила запечатать свою дверь, замуровав её камнями и глиной, — так выполняют уединённую практику, которую в Нангчене называют запечатанным затворничеством. Оставляют только небольшое отверстие для передачи пищи. Так она прожила год, не распечатывая дверь. Она прибегала к такой практике через год.

Как правило, она ни с кем не разговаривала, и услышать можно было лишь то, как она тихо и чётко исполняет мелодичные песнопения. Однажды Чоклинг из Нэтэна, проезжая через эту местность, остановился у хижины этой монахини и просунул голову в дверь. Он хотел выяснить: может быть, она хоть и упорный, но тупой практик?

— Что ты здесь делаешь? Может, впала в спячку, как сурок? Пытаешься долго сидеть молча в состоянии тупого спокойствия?

— Нет, — невозмутимо ответила она, — я сохраняю состояние изначального ума, просто оставляя его в простой естественности. Этот ум пуст, а пустота, пустая сама по себе, не требует от меня никаких действий.

Когда она так объяснила Чоклингу свою практику, тот понял, что ему нечему её учить.

Позднее он рассказал мне эту историю, заметив: «Эта старая монахиня впечатлила меня больше, чем все, кого я когда-либо встречал. Всё, чем она владела, — это голая суть и чертовски безупречная практика!»

Она провела там всю жизнь, и ей помогали различные люди. К тому времени, когда пришли коммунисты, она была уже довольно стара и от-

казалась спастись бегством, сказав: «Конечно, для меня наступят трудные времена, но что из того? Могу и потерпеть».

Она умерла, оставаясь монахиней. Эта старая женщина являет собой пример самого непоколебимого практика, но и большинство монахинь в тех местах также обладали необычайной стойкостью.

Из детства мне запомнились три главные вещи: сильное желание жить в пещерах, практика медитации и некоторая доля авантюризма.

С самого раннего возраста я глубоко верил в двух великих мастеров медитации: Миларепу и Лонгченпу. Временами моё благоговение перед ними брало верх над всеми другими чувствами. Иногда, когда ко мне приходили местные жители, чтобы попросить, как это водится, благословений, я обычно говорил: «Да оберегает вас Миларепа» или «Да хранит вас Лонгченпа». Я говорил это даже своим родителям и Самтену Гья-цо, когда желал им доброй ночи.

Поскольку эти знаменитые йогины провели большую часть своей жизни в пещерах, то, когда мне было лет шесть-семь, у меня было сильное желание быть настоящим практиком, живущим в пещере. Я спрашивал каждого, кого встречал, не знает ли он, где найти пещеру. Так я узнал обо всех пещерах в нашей местности. Моим главным желанием было переселиться в одну из них и посвятить себя духовной практике.

Я также очень любил ставить на природе маленькие шатры с помощью кого-то из тех, кто за мной присматривал. Мы проводили целые дни, делая привалы на холмах. Используя свой лагерь как базу, мы совершали длинные переходы в поисках всех пещер в наших краях. Каждый раз, когда мы находили пещеру, сидели в ней совершенно счастливые, толкуя о преимуществах жизни в пещерах. В частности, помню небольшую, но очень интересную пещеру на холме над нашим домом в Цангсаре. Время от времени я ходил туда и делал вид, что медитирую, подражая позе медитирующего отшельника. Кроме того, я пользовался наставлениями по медитации, которые слышал от различных лам.

Потом моё внимание привлекла другая пещера, расположенная над обителью моего отца. Что интересно, снизу к ней не было доступа. Единственным способом добраться до неё — было спуститься на верёвке с вершины скалы, и это казалось очень трудным предприятием. У подножия отвесного обрыва росло большое дерево, по которому я, бывало, забирался в надежде попасть в пещеру. Однако, несмотря на сильное желание, это мне никак не удавалось.

Ещё была пещера у Крепостной Вершины, прямо на краю пропасти. На протяжении жизни нескольких поколений люди вбивали в скалу железные кольца и высекали углубления для ног; потом кольца связывали

верёвками. Говорили, что внутри пещеры было много символов просветлённых тела, речи и ума. В довершение всего, мне сказали, что в пещере обитает местный дух-охранитель, и его иногда видели в облике огромной змеи, отпугивающей воров, которые могли бы посягать на ценности. Поэтому за столетия не пропал ни один предмет.

Конечно же, когда я выслушал всё это, мне обязательно нужно было попасть в пещеру. С другой стороны долины я мог видеть, что пещера довольно велика, но никаких изображений не было видно. По-видимому, святилище было замуровано камнями и глиной, так что я воображал, какое удивительное содержимое откроется, если мы сумеем его откопать.

Однажды я спросил Самтена Гьяцо, нельзя ли мне попытаться забраться туда. «Даже и не думай! — сказал он. — Никто не может попасть в эту пещеру. Это было возможно когда-то давно, но не сейчас, — если только ты не умеешь летать как птица!»

Тем не менее, поскольку я слышал, что при восхождении в горы нужно, чтобы главный участник был обвязан верёвкой вокруг пояса, я собрал группу молодых помощников, чтобы они несли верёвку, которую нужно было привязать к можжевельниковому дереву на вершине утёса. Думаю, что мой двоюродный брат, юное воплощение Кармей Кхенпо, тоже был среди этих восьми-девяти помощников. Наш план заключался в том, чтобы откопать сокровища — чёрт бы побрал эту змею — и потом поделиться добычей с моими родителями и Самтеном Гьяцо.

Каждый из нас обвязался крепкой верёвкой, и мы двинулись. Не успели мы далеко уйти, как позади раздался голос:

— Эй вы! Юные ламы! Куда вы собрались? — это была моя тётя Таши Чиме.

— Просто идём, — сказал я.

— А почему вас так много? — спросила тётя.

— Да вот, гуляем, — ответил я.

Наверное, она обеспокоилась, потому что пошла и позвала Самтена Гьяцо, который отправился за нами. Он всего лишь строго посмотрел на нас и спросил, что мы делаем, но этого было достаточно, чтобы мы бросили свою затею и разбежались.

Та пещера надолго оставалась для меня вождённым местом, где бы я мог спрятаться и заняться практикой,

28.
Вид на
Крепостную
Вершину
с дороги,
ведущей
в Деченлинг

а что там в ней находилось, для меня не было таким уж важным. Но я так и не попал внутрь. Не так давно я узнал, что даже китайские захватчики не смогли одолеть отвесной скалы, а потому священные изображения так и остались непотревоженными.

Ближе к самой высокой точке Крепостной Вершины находилась пещера, которая считалась местом, где побывал Лотосорождённый Гуру. Она выглядела скорее как углубление в скале, в котором мог поместиться только один человек. Рядом с ней на поверхности скалы находилась сама собой возникшая мантра «Ваджра-гуру»¹³⁴. Задумав обустроить себе пещеру, я приложил немало усилий, чтобы собрать камни для сооружения стены вокруг этой ниши. Другой тулку из Лачаба, который слышал о существовании цемента, заявил, что умеет строить, и вызвался мне помогать. За завтраком в Крепостной Вершине мы очень серьёзно обсуждали, как приступить к этому делу, но нашим планам не суждено было осуществиться.

Так что мне так никогда и не удалось пожить в пещере, потому что учёба отнимала у меня всё моё время.

Я был настолько одержим идеей обитания в пещере, что боюсь, как бы в своей следующей жизни я не стал каким-нибудь норным существом!

Я не только питал пристрастие к пещерам, но и любил играть в медитирующего. Мой отец и Самтен Гьяцо часто учили медитировать взрослых, и мне не раз предоставлялся случай сидеть рядом и слушать. Ну, по крайней мере, в мои уши это влетало, хотя не буду утверждать, что всё понимал: ведь тогда я был ещё ребёнком. Однако благодаря детскому любопытству я что-то впитывал о природе ума, которую нужно узнать и упражняться в этом, а также получал сведения о том, что нужно сидеть безмолвно и неподвижно. Так что я пытался всему этому подражать и «медитировал», сидя поблизости от Деченлинга на склоне горы.

Ещё я узнал слово *семтри*, которое означает «наставления по осознанию и переживанию природы ума». Я использовал это слово очень охотно и, разговорчивый по характеру, донимал всех до единого лам, которые к нам приходили, заставляя их давать мне семтри. Не помню, что они мне говорили, но, став старше, я начал уделять внимание словам и их смыслу.

Очевидно, что всегда есть необходимость получать указующие наставления о природе ума: даже тулку, наверное, не могут познать её самостоятельно. Некоторые думают, что Кармапы не нуждаются в указую-

щих наставлениях и могут узнать природу ума сами. Однако с чувством глубокого уважения шестнадцатый Кармапа рассказывал мне о том времени, когда великий Ситу из Палпунга, в которого он глубоко верил, дал ему передачу природы ума. Так что передача природы ума очень важна; кто-то всегда должен её показывать.

В жизнеописаниях учителей можно часто встретить слова о том, что, впервые получая указующие наставления и узнавая сущность ума, они получали переживание обнажённого осознания, освобождённого от покровов рассудочного мышления, и обнаруживали состояние, своей открытостью напоминающее небо. Однако сам я, обычный человек, никогда не испытывал ничего подобного. Вместо поразительного или необычайного переживания я ощущал лишь состояние простоты и отсутствия умозрительных представлений. У меня никогда не было никаких невероятных впечатлений, вроде таких, будто я поглощаю небо одним глотком.

У меня не было не только необыкновенных переживаний, но и каких-либо исключительных видений, равно как и сногшибательных пророчеств. Вероятно, виной этому моя твёрдокаменная нечувствительность. Собственно говоря, у меня никогда не было выдающихся переживаний. Однако с ранних лет я вёл себя так, будто медитирую, и, как я уже упоминал, у меня была искренняя вера в Лонгченпу и Миларепу.

Когда я подросток, моим главным наставником по медитации стал Самтен Гьяцо. Хотя он прекрасно понимал, что ребёнок, скорее всего, не способен понять все учения, он ничего не утаивал. Мне было лет одиннадцать, когда он объяснил мне подробности главных учений.

До этого в своей медитации я руководствовался в основном только собственными соображениями. Ребёнком я часто уходил в ближние пещеры и «медитировал», однако те переживания состояния медитации, которые я получал тогда, и моя нынешняя практика представляются мне совершенно одинаковыми — не спрашивайте меня почему. Наверное, у меня был сохранившийся из прошлых жизней навык пребывать в естественном состоянии. Однако в те юные годы у меня не было полной ясности в этом, пока Самтен Гьяцо не вселил в меня уверенность относительно естественного состояния. До этого момента переживание, полученное в медитации, было спонтанным, а теперь я мог задавать Самтену Гьяцо один вопрос за другим и обнаружил, что все его объяснения совпадали с тем, что я получил в своих переживаниях ещё в детстве.

Мне нечем особенно хвастаться, если говорить о духовной реализации, поэтому та ясность, которую я имею в виду, подразумевает обретение личной уверенности. Вера и преданность, которыми я обладал в детстве, были естественными, а не навязанными мне кем-то другим. Кроме веры у меня было ещё и отчётливое чувство тщетности мирских целей.

Единственное, что имело ценность в моих глазах, — это быть «крутым» парнем, таким, как мои герои: Миларепа и Лонгченпа.

Оглядываясь на свою жизнь, я понимаю, что не был достаточно прилежен — днём и ночью я то и дело отвлекался, растрачивая жизнь впустую.

В двенадцать лет я сломал правую руку, упав с лестницы, а примерно через год упал с лошади и сломал левую руку. В первый раз перелом был со смещением костей, и из Лачаба вызвали старого врача. Но трудность была в том, что руку нужно было выпрямить, а он был настолько мягкосердечен, что не мог причинить ребёнку такую сильную боль. Он просто не мог заставить себя сделать это. Я стал ругать его, что он не считает меня храбрым и смотрит просто как на ребёнка.

«Что же, я должен на всю жизнь остаться с кривой рукой? — доказывал я, — дерните её, и дело с концом!» Наконец он дернул руку, придав костям правильное положение и наложил шину на кхамский манер.

Однако на следующий год всё было гораздо хуже, потому что перелом был открытым. Несчастье произошло на пути в горы, и, чтобы вернуться, мне потребовалось полдня. Снова нужно было посылать за врачом. Предстояло сделать выбор между человеком, который помогал лечить переломы ног у скота, и одним старым чудачком, лекарем, который был учеником пятнадцатого Кармапы. Послали за стариком, но не успел он подъехать к нашему дому, как лошадь испугалась чего-то и сбросила его. Он довольно сильно пострадал, так что даже подумали, что он мёртв. Уже в сумерках, едва мне удалось добраться до дома, я наткнулся на двух парней, которые несли раненого лекаря.

Старик попытался руководить двумя своими помощниками, чтобы те привели в порядок мою руку, но у них не хватило храбрости. И снова мне пришлось взять это дело на себя.

— Постойте, — сказал я им, — ведь вам не будет больно! А если вы этого не сделаете, то я останусь калекой. Так что давайте, делайте что велят!

— Тяните! Тяните! — вопил старый лекарь.

Тогда я сказал:

— Думаете, если вы не хотите причинить мне боль, вы добрые? Нет, вы злые! От вас нет никакого толку!

Я сам стал вправлять свою руку. Но у меня это не получалось, и кость торчала каким-то странным образом. Наконец, парней разобрала жалость, и они выпрямили кость. Перевязали рану, но не слишком умело, и я два месяца пролежал в постели, мучаясь от невыносимой боли. Лежа на кровати, я видел птичек, пролетающих за окном. Я часто думал, какие

они счастливые, что могут летать, и мне очень хотелось стать птичкой. Я видел ягнят и козлят и думал, как им повезло, что они здоровы, а не больны, как я. Боль не проходила ни днём, ни ночью, и она была так сильна, что я не мог спать. Очень долго я даже не мог поднять эту руку, но постепенно она всё-таки зажила.

Хотя бы в ранние годы у меня было кое-какое мужество.

Теперь о моей недолгой карьере шарлатана. Когда я впервые попал в Гебчаг, мне было лет пять. В том возрасте у меня, как только наступали сумерки, появлялись какие-то видения, как во сне. Иногда мне даже казалось, что я вижу Будду Шакьямуни. Возможно, это был какой-то оптический обман, но я умело обращал эти случаи себе на пользу.

Монахини относились к этому маленькому притворщику с большим почтением. Иногда они спрашивали: «Какую практику мы делаем?» И я благодаря своим «видениям» мог назвать им имя их личного йидама и охранителя Дхармы. Когда мне удавалось угадать правильно, они изумлялись и падали ниц передо мной.

Так монахини стали носиться со мной как с драгоценностью. Мне удавалось морочить голову даже главным монахиням, которые жили около помещения настоятеля. Если человек злоупотребляет доверчивостью людей просто потому, что у него есть кое-какие способности ясновидения или иногда он видит ясные сны, но при этом вовсе не обладает никаким правом что-то указывать другим, — можно ли назвать его иначе, чем шарлатаном?

Мне нравилось видеть изумление и преклонение монахинь. С возрастом эта способность ясновидения постепенно угасала. Моя карьера шарлатана была хоть и недолгой, но довольно успешной.

Так что, когда говорят о ясновидении и других необычайных способностях, на меня это не производит впечатления. На самом деле я чувствую некоторое недоверие.

У меня был ещё один случай выступить в качестве шарлатана, когда я стал немного старше. После того как я переселился в Деченлинг к своему отцу, он стал учить меня, и я смог разбираться в текстах. Обычно отец сидел на большом валуне под огромным деревом и часто учил меня, используя песни Миларепы, причём занятия продолжались по полчаса. Он научил меня многим мелодиям, которые я очень любил. Отец знал два разных способа исполнения этих песен, и я до сих пор ясно их помню.

Однажды, когда я снова посетил Гебчаг, тамошние монахини не знали, что я выучил песни наизусть. Помню, как однажды я сидел в ма-

ленькой пещере, закутавшись в белое, чтобы походить на Миларепу, и пел его песни для сорока или пятидесяти монахинь. Надо было их видеть — какое сильное впечатление это на них производило! Я просто купался в лучах их преданности. Я всё ещё был ребёнком, и, когда я выходил пописать, они иногда подставляли ладони лодочкой и пили, думая, что перед ними Миларепа во плоти.

Монахини-йоини

Цанг-Янг Гьяцо, основатель Гебчаг-гомпы, скончался задолго до того времени, когда я жил там ребёнком. Цанг-Янг Гьяцо родился в знатной местной семье, он был богат, влиятелен и несколько заносчив. В молодости он увлекался охотой. В те времена ружья выпускали только по одной пуле за выстрел. Однажды Цанг-Янг Гьяцо увидел в долине стадо оленей. Прицелившись, он попал в оленёнка. Его мать повернулась к охотнику и, испустив жалобный вопль, продолжала защищать стадо.

Когда она стояла, глядя прямо на Цанг-Янга Гьяцо, у него мелькнули такие мысли: «Боже мой! Она знает, что я собираюсь её убить, и всё-таки остаётся здесь, чтобы защитить своего детёныша. Я настоящий убийца!»

При этих мыслях в нём вскипело чувство ненависти к самому себе. Он швырнул наземь своё ружьё и вдребезги разбил его большим камнем. Потом он выбросил свои ножи и кинжалы; отвязав своих коня и яка, он отпустил их на волю. Поравнявшись с домом одного крестьянина, Цанг-Янг Гьяцо сказал хозяину, где оставил свою лошадь, и разрешил взять её себе.

После этого он отправился в путь пешком с единственной мыслью: «Я должен встретиться с ламой Цокни!»

В то время Цокни Первый был ламой в главном храме Нангчена. Как-то утром он сказал своему слуге:

— Возможно, сегодня ко мне придёт один человек, незнакомец. Дай мне знать, как только он появится!

В обеденное время Цокни спросил:

— Ещё никто не пришёл?

— Да нет, — ответил слуга, — никто, кроме вон того оборванного и измученного малого. Я дал ему поесть и показал, где отдохнуть. Не было никого важного, только он.

— Это он! — воскликнул Цокни. — Я же велел сразу уведомить меня! Немедленно приведи его!

Как только эти двое встретились, Цанг-Янг Гьяцо сказал:

— Я полностью отказался от всех целей этой жизни. Теперь моё единственное намерение — всем сердцем практиковать святую Дхарму. Прошу, примите меня в ученики.

— Прекрасно, — ответил Цокни. — Если это твоё подлинное желание, тебе нужно начать сначала. Я буду учить тебя, только если ты станешь следовать моим наставлениям, выполняя затворничество.

После этого Цанг-Янгу Гьяцо отвели маленькую хижину на склоне холма. Она и теперь стоит там, я сам её видел. Через некоторое время Цокни велел ему оставаться в этой хижине три года. Цанг-Янг Гьяцо с радостью согласился. Благородные существа быстрее, чем другие, продвигаются по пути, выполняя трёхлетнее затворничество. Рассказывают, что через три года Цанг-Янг Гьяцо достиг очень высокого уровня духовной реализации¹³⁵.

Сам Цокни был воплощением Ратны Лингпы, одного из основных открывателей терма¹³⁶. Меня признали воплощением Чованга Тулку, который к тому же был одним из первых учеников Цокни.

Благодаря наставлениям Цокни Цанг-Янг Гьяцо стал выдающимся практиком. И ещё он был очень решителен и смел. Например, однажды он отправился в южную часть Кхама, чтобы навестить и Кхьенце, и Конгтрула. Встретившись с Конгтрулом, он настоял на том, чтобы тот дал ему полный цикл нового замечательного собрания священных текстов, которые, как он слышал, Конгтрул собирался опубликовать. Благодаря своей напористости Цанг-Янг первым из лам получил печатный экземпляр «Сокровищницы драгоценных терма» от самого Конгтрула Старшего.

Цанг-Янг Гьяцо стал выдающимся учителем, у него было от пятисот до шестисот учеников, которые проявляли знаки духовного совершенства. У самих этих учеников тоже были бессчётные ученики, способные бесчисленными способами нести благо всем существам. Я сам встречался со многими из них.

Однажды Цокни сказал Цанг-Янгу: «Лучше всего ты сможешь приносить благо существам путём строительства женских монастырей. Часто женщин-практиков не ценят, и им трудно получить должное руководство и наставления. Поэтому тебе нужно не управлять сообществом монахов, а взять на себя заботу о монахинях. Это твоя задача».

Цанг-Янг послушался совета Цокни и построил два крупных женских монастыря, в одном из которых было тринадцать центров для затворничества. Он стал приносить пользу существам шире, чем его учитель. Большинство монахинь практиковали обнаруженные терма Ратны Лингпы, посвящённые Хаягриве, а также мирных и гневных божеств. Каждый из

29.
Гебчаг-гомпа
— женский
монастырь
практиков
медитации

центров затворничества был сосредоточен на том или ином цикле этих терма.

У Цанг-Янга Гьяцо были свои соображения о том, как должна жить его большая община монахинь. «Конечно, было бы замечательно иметь богатый монастырь, но мне жалко монахов и монахинь, которые так толстеют на пожертвованиях верующих, что после смерти гирей падают прямо вниз и лишаются возможности выбраться из низших миров. Если честно, что же здесь хорошего? А ведь, чтобы практиковать медитацию, не требуется поглощать изысканные блюда. Гораздо лучше, если каждую монахиню будет обеспечивать её семья, и это проще всего.

Пожертвования непосредственно женскому монастырю мы сохраним для общины в целом только по случаю ежегодных церемоний друбчен, для участия в которых приглашаются тулку и ламы. Люди же, питающиеся на пожертвования монастырю, обеспечивают себе беспросветную жизнь в низших мирах. Если кто-то начинает со строительства монастырей, помышляя о свободе и просветлении, но заканчивает тем, что поедает подношения Трём драгоценностям, это, по моему мнению, будет бессмысленным».

Цанг-Янг твёрдо держался своей точки зрения и тратил все пожертвования женским монастырям на ежегодные церемонии. Всё остальное время монахини должны были обходиться тем, что они получали из своих семей и от сезонных походов для сбора подаяний. Такой способ действительно был успешным, и собрать достаточно провизии было нетруд-

но. Главный монастырь снабжал каждый центр для затворничества топливом, а воду монахини могли брать из большого медного бака, который стоял в каждом из центров. Но еду монахини готовили самостоятельно, собираясь небольшими группами.

Главному монастырю Гебчаг принадлежали тридцать шесть женских монастырей. В некоторых из них было по четыреста-пятьсот монахинь, и даже в самом маленьком насчитывалось около семидесяти. На другой стороне долины стояла гомпа для практиков-мужчин, тогдэнов, чьи длинные волосы были обёрнуты вокруг головы. *Тогдэн* — буквально значит «постигший», и многие из них действительно достигли истинного постижения. Но я заметил, что некоторые просто прикрывали вычурной внешностью отсутствие у себя духовных достижений.

Если смотреть на долину, можно было увидеть не меньше двадцати больших ступ. Вся эта долина была единственной в своём роде, но по-настоящему оценить её уникальность можно было только тогда, когда по ней проезжали великие учителя. Тогда, насколько видит глаз, простиралось море красных одежд. Другое время, когда долина преображалась, наступало раз в год: монахини вывешивали тысячи молитвенных флагов. Когда приготовления заканчивались, при дуновениях ветра казалось, что вся долина оживала.

Главная монастырская территория разделялась на две части: верхняя — для строгого затворничества, куда посетители не допускались, и нижняя — где правила не были так строги. Здешние монахини выходили за подаянием во время сбора урожая, а потом несли свою провизию, чтобы разделить её с остальными. Вблизи главного монастыря находилось тринадцать центров для затворничества, и каждый был назван в честь мандалы тех божеств, практику которых выполняли монахини. В каждом из этих центров жили двадцать-тридцать монахинь.

Настоящих окон в помещениях монахинь не было, а чтобы внутрь попадал свет, крыша имела несколько отверстий. Удивительно, как мало нужно света, чтобы видеть всё достаточно хорошо, даже в облачную погоду. Когда шёл дождь, отверстия на крыше закрывали досками, но вода всё-таки просачивалась. Не скажу, чтобы там были самые комфортабельные условия жизни.

Под столешницами своих деревянных лож для медитации монахини хранили мешочки с цампой и нарезанное сушёное мясо — припасы для чая и супа. Одна из молодых монахинь прислуживала остальным. Монахиням не требовалось многого: лишь цампа, сливочное масло, сушёное мясо и сушёный творог — еда простая, но достаточно питательная, чтобы поддерживать жизнь.

Главный лама установил правило, что снаружи не должно быть громких разговоров. Монахини могли разговаривать друг с другом только

30.
Монахини
из Гебчага,
сидящие
в своих ложах
для медитации

вполголоса. И если требовалось кого-то позвать, они не могли крикнуть. Нужно было хлопнуть в ладоши и помахать рукой. Хотя на том склоне жило так много монахинь, там всегда было очень тихо.

Каждая монахиня сидела в своём небольшом ложе, занимавшем примерно квадратный метр — чуть больше места, чем занимала сама она.

Ложи стояли вдоль стен, а посередине оставалось пространство, так что в комнате средних размеров могли поместиться приблизительно шестнадцать монахинь. По программе практиковали день и ночь. Поступив в центр практики, монахиня занимала своё место в ложе, сиденье которой было покрыто жёсткой подушкой. Кроме неё, ничего не было — даже для сна! Я побывал в этих комнатах размером с моё маленькое жилое помещение здесь, в Наги. В каждой комнате стоял алтарь с символами просветлённых тела, речи и ума. Одна или две из старших монахинь следили за распорядком. В предрассветные часы звучал гонг. В центре комнаты находился небольшой очаг для подогревания чайника, а иногда супа. Для такого затворничества не было установлено определённой длительности, но многие монахини прожили так всю жизнь.

Этот простой способ практики монахинь произвёл на меня глубокое впечатление. Мне казалось, что имеет смысл провести жизнь именно так.

Такой подход к практике, который применяли монахини, называется *друбдра* — затворничество, посвящённое выполнению садханы, то есть практике йидама и повторению мантр. Но есть и другой способ — *гомдра*, то есть интенсивная групповая практика затворничества, посвящённого медитации¹³⁷. Выполняя гомдра, часто сидят на открытом воздухе и не с утра до вечера, а разбивая день на отдельные занятия. Однажды Чоклинга из Цикья пригласили в знаменитый монастырь дзогчен близ Дерге, где проводилось такое затворничество по медитации. Мой отец Чиме Дордже поехал с Цикеем Чоклингом в качестве его слуги.

В этом гомдра участвовали примерно шестьдесят практиков медитации, и все сидели на открытом воздухе, расположившись рядами по пять-шесть человек. Все держали спину прямой, но перед их головой и за ней чуть ниже уровня шеи были натянуты между двумя шестью пряди тонких нитей. Во время занятий тело не должно было отклоняться ни на ширину пальца. Предполагалось, что ум каждого остаётся в состоянии недвойственного осознания. Если медитирующий засыпал и голова

наклонялась или запрокидывалась, нитка рвалась. Тогда приходил ретритный надзиратель и делал замечание: «Эй, ты порвал нитку!».

Кроме того, медитирующим предписывалось удерживать взгляд неподвижным. Новичкам было трудно не мигать, но в конце концов они приучались держать веки без движений. Чтобы убедиться, что медитирующие действительно выполняют это правило, надзиратель иногда носил на нижнее веко красный порошок синдхуры. Если мигнуть, то часть красного порошка прилипнет к верхнему веку — это будет доказательством, что человек мигнул.

Когда я стал немного старше, вернулся с отцом в Гебчаг, куда его пригласили учить группу из двухсот монахинь, неплохих знатоков йоги. Каждый раз, когда он там учил, по вечерам в его комнату набивалось пятьдесят, а то и больше монахинь, которые задавали ему дополнительные вопросы.

Многие из этих монахинь проявляли знаки духовных достижений, например внутреннее тепло — *туммо*. Раз в год, в ночь полнолуния двенадцатого месяца тибетского календаря, представлялся особый случай показать свою искусность в практике туммо, устроив её демонстрацию, которая называется «мокрая простыня». По восьми сторонам вокруг центра практики монахини зажигали костры, чтобы растопить снег и мочить там простыни. В то время года бывает так холодно, что мокрые простыни замерзают мгновенно, как только их вынут из бака. Несмотря на жуткий холод, многие местные жители приходят, чтобы посмотреть на этот ритуал, и часто берут с собой детей.

Монахини накидывали большие простыни прямо на голое тело, потому что на них не было надето ничего, кроме коротких штанов. Я не помню, была ли на них какая-то обувь, но, возможно, они были босыми. Для тех, у кого не было опыта в туммо, холод был почти невыносим, и к концу ночи у многих коченели ноги и замерзали пальцы. Для обычных людей было совершенно невозможно пройти хоть несколько шагов в одних лишь коротких штанах, не говоря уж о мокрой простыне.

Монахини начинали в полночь пением прекрасной мелодии призывания. Они пели, совершая обход вокруг всего монастырского комплекса, широко раскинувшегося на склоне, а это было немалое расстояние. Поющие монахини, завернувшись в простыни, шли очень медленно. Они пели, прося благословения у Цокни, Цанг-Янга и других учителей линии передачи. Это шествие, начавшееся в полночь, продолжалось до зари.

Сначала монахини не мочили простыни и просто шли, практикуя туммо. Когда проходила половина ночи, они слегка увлажняли простыни водой из баков, и тогда можно было увидеть лёгкий пар, производимый их практикой туммо. Потом наступало время, когда простыни намачивали полностью, как следует погружая их в баки. Иногда пар,

поднимающийся от вереницы монахинь, напоминал клубы тумана, спускающиеся с гор. На телах монахинь были видны капельки пота, в то время как все остальные люди тряслись от холода. Я несколько раз видел это собственными глазами. В практике туммо участвовало около восьмисот монахинь. Из них приблизительно двести в какой-то степени владели мастерством, и только эти монахини мочили свои простыни в баках с водой¹³⁸.

Зрелище этой процессии было невероятно вдохновляющим и волнующим, и я не слышал, чтобы подобное происходило в таких масштабах где-то ещё в Тибете или Кхаме. Те монахини производили глубокое впечатление. После смерти очень многие из них пребывали в самадхи, а некоторые даже оставляли священные реликвии в пепле от своих сожжённых тел.

Думаю, что это одна из таких историй, которые люди обязательно должны услышать.

Как я получил свои первые учения

Помню, как ещё в детстве я впервые получил учение по всей форме. Это был цикл учений мирных и гневных божеств, открытый Карма Лингпой, и я жаждал их получить. Я упорно этого добивался, и наконец мне удалось их получить от своего отца, когда их попросил один старый лама из Гебчага.

Когда посвящение отложили всего на один день, я очень огорчился, и, как кто-то мне потом сказал, вид у меня был крайне недовольный. Когда ритуал наконец начался, я присоединился к нему с таким большим воодушевлением, что даже, как это свойственно тибетцам, стал толкаться и протискиваться, когда люди подходили, чтобы их благословили ритуальными предметами¹³⁹.

После этого я часто прислушивался к тому, как мой отец давал посвящения и наставления. Но только с пятнадцати лет я начал по-настоящему вдумываться в то, что получил. Я приступил к изучению большого собрания текстов, начав с полученной от отца в Деченлинге передачи-лунг Кангьюра, записи учений Будды Шакьямуни, которую мы почти-тельно называем «Великие переведённые слова Победоносного».

Вскоре после этого мой брат Тенга пригласил учителя Кьонгтрула Ринпоче в храм нашего родового дома, чтобы тот передал «Сокровищницу устных наставлений». Тогда собралось немало людей. На передаче, которая длилась три месяца подряд, присутствовали многие тулку и ламы. В перерывах другой учитель давал устные передачи собрания трудов Конгтрула Первого, а также «Сокровищницы знания»¹⁴⁰.

В течение ежегодных ритуалов Килаи в Деченлинге я выучил наизусть «Тайную сущность Килаи» и помню её до сих пор. В Деченлинге я участвовал и в основанных на практике Ваджракилаи ежегодных ритуалах изгнания вредоносных сил¹⁴¹.

У моего старшего брата Пэнджиги был небольшой кинжал - *килая*, который, по общему мнению, не был выкован человеческими руками и счи-

тался столь особым предметом, что во время этих церемоний его помещали на алтарь. Ритуальный кинжал ставят вертикально на подставку и украшают шёлковым шарфом. Однажды шарф каким-то образом зацепился за поднос для торма, которое нужно было выбросить в конце ритуала изгнания. Мой друг, который выбросил торма, очевидно, не заметил этого, и поднос полетел с горы вниз.

Когда мы попытались найти кинжал, было уже слишком поздно — большой ворон только что взмыл вверх с шарфом в клюве. Мы знали, каким ценным был тот кинжал, и поначалу даже боялись упомянуть о нём. Мы продолжали поиски ещё несколько дней, пока не решились сказать о пропаже Пэнджигу. Но он был человеком поистине благородным и сказал: «Ничего страшного. Будем надеяться, что он найдётся».

Под надзором отца я приступил к выполнению традиционных предварительных практик — четырежды по сто тысяч раз — и завершил их настолько успешно, насколько это доступно ребёнку. Текст, которым я пользовался, был частью терма цикла *Тугдруб*. Наверное, я делал практики небезошибочно, поскольку тогда мне было всего одиннадцать лет.

Подростком я также несколько раз проходил строгое затворничество, или мне казалось, что я его выполняю. В течение двух месяцев я выполнял «Тайную сущность Килаи», в которую безмерно верил, считая, что она продлит жизнь моего отца. Я верил в это и старательно готовил торма, чтобы устранить препятствия для долгой жизни, — но всё это были просто детские игры.

Когда в свои ранние годы я находился в Деченлинге, там жила одна старушка, которая была целительницей, продолжавшей древнюю традицию тибетской медицины. Она умела готовить некоторые редкие и тайные отвары, что мне, наверное, нужно было у неё перенять. Но я этого не сделал — и на самом деле это была её ошибка. Она была опытным практиком медитации, но часто поносила целительское искусство из-за пациентов, которые к ней приходили.

«Нет ничего хуже врачевания. Я уже старуха, и уж смерть недалеко, а эти больные всё не оставят меня в покое, — бывало, причитала она. — Ничего нет хуже, чем быть врачом. Если я откажу больным, все станут меня ненавидеть. Конечно, только я сама виновата — ведь, когда у меня была возможность выбирать, я подумала, что будет полезно изучить искусство врачевания. А теперь уже слишком поздно — для практика нет худшего препятствия, чем быть врачом».

Поскольку я был совсем молод, принимал за чистую монету её слова о неспособности одновременно быть практиком медитации и врачом, верил всему, что она говорила. Поэтому я не воспользовался возможнос-

тью изучить медицину. Пусть я не слишком сметлив, но, думаю, смог бы хоть кое-что усвоить из этой науки.

Эта старая женщина была великолепным врачом, и её больные выздоравливали один за другим. Я знал только одного человека, который принадлежал к той же традиции, что и она, — это был знаменитый врач из Нангчена. Потом он погиб от рук коммунистов, и, наверное, эта традиция угасла. Я слышал, что текст ещё существует, но этого недостаточно. Прописи лекарств и практический опыт их приготовления целитель должен лично передавать ученику.

Автором особых прописей, существовавших в их традиции, был целитель по имени Тензин Рабгье, совершенный учитель из одного из старых храмов баром-кагью. Эти прописи были связаны с одним из двадцати одного геньена — охранителя Дхармы, которого Падмасамбхава во время своего пребывания в Тибете связал клятвой защищать учения Будды.

Этот особый охранитель обитал в реке Кечу и явился целителю, чтобы рассказать ему о восемнадцати новых болезнях, которые будут поражать грядущие поколения. Охранитель дал учителю наставления, как их лечить, добавив: «Ты должен хранить эти наставления как тайную традицию и передавать только одному человеку за один раз. Не разбрасывайся ими!»

Тензин Рабгье записал эти рецепты и поделился ими со своими самыми важными учениками. К сожалению, их не получил Конгтрул, который, конечно, позаботился бы о том, чтобы они получили распространение. Вместо этого они затерялись в отдалённых долинах моей родины.

Старая целительница рассказала мне, где растут разные лекарственные растения, и указала, когда их следует собирать. Все её указания были очень точны и подробны. Например, она знала микстуру из девяти цветов, которой можно вылечить особую смертельную болезнь, связанную с отёками, вызванными задержкой жидкости в организме и, скорее всего, почечной недостаточностью. В другом лекарстве было двадцать пять составляющих, которые при точном их соотношении очень эффективны и излечивают нарывы и язвы за несколько дней. Некоторые из её методов предполагали воздействие на определённые точки тела тёплым куском металла.

Я не удивился бы, если бы одной из восемнадцати тяжких болезней, которые излечивались этими лекарствами, был рак — на самом деле я просто уверен в этом, потому что именно он и есть одна из новых болезней нашего времени. Хотя текст всё ещё сохраняется в руках одного человека из Нангчена, жизненно необходима устная линия передачи.

Разве не досадно, что такая линия прервалась?

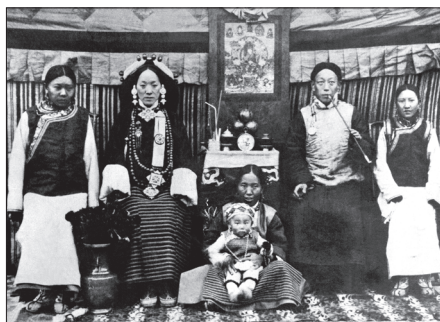
Необыкновенная речь

Предполагалось, что мой единокровный брат Пэнджиг — тулку, но он не хотел, чтобы его провозгласили таковым. Он был невероятно умен. Лично я не встречал другого такого же способного человека. Например, он за один день мог запомнить весь текст «Воспевание имён Манджушри»¹⁴². Только подумайте! Разве это не поразительно! Вот такой он был человек. Конечно же, я благоговел перед ним.

Если бы он отправился в Дерге, чтобы учиться Дхарме, не было сомнений, что он стал бы великим учёным. Что бы он ни услышал, всё было ему понятно. Как жаль, что он не стал на духовный путь.

Пэнджиг был очень смел и находчив; никто не мог победить его или каким-то образом одержать над ним верх. Если бы вы слышали его полную историю, вы прониклись бы благоговейным трепетом. Начнём с его мирских качеств: он был чрезвычайно красноречив — настолько, что его можно было принять за демона¹⁴³.

Пэнджиг был известен во всём Нангчене своей храбростью. Он был совершенно бесстрашен, никто не мог его запугать. К тому же он был высок и широкоплеч. Нужно было видеть его скачущим на коне или стреляющим из ружья на полном скаку! Он был превосходным стрелком. Думаю, он обладал всеми качествами героя.

31.
Королевская
семья Дерге

По традиции, если король Нангчена собирался жениться, то подходящей партией для него считалась принцесса из соседнего королевства, чаще всего из Дерге. Когда женился нынешний король, гости собрались из обеих стран. По обычаю на церемонии бракосочетания с каждой

стороны должен был выступить оратор и произнести впечатляющую речь, упомянув предков королевского рода, изложив историю королевства и тому подобное. Выбор пал на высокообразованного монаха, который потратил три месяца, пытаясь заучить имена всех прежних королей.

Пэнджигу же выпала задача произнести хвалебную речь, в которой красота новой королевы сравнивалась с божественной бирюзой и стрелой долголетия.

Пэнджигу выбрали неслучайно. Много лет назад на свадьбе в Нангчене он произнёс традиционный тост столь впечатляюще, что повсюду прославил имя Цангсар Пэнджигу как знаменитого оратора. Тогда ему ещё не было и двадцати лет, а на этот раз ему было под тридцать.

Однако, узнав об этой просьбе, Пэнджиг проскакал целый день, чтобы явиться к отцу и сказать, что он не будет произносить речь. Но отец возразил: «Ты не можешь отказаться. Ты умён и много знаешь, ты должен произнести речь. Нужно уважать выбор людей. Если они возлагают на тебя надежды, нельзя их разочаровывать».

В то время у короля Дерге было четыре гуру, которые даровали ему посвящения¹⁴⁴. В ходе истории исполнители этих четырёх ролей сменялись, но у короля Дерге всегда должно было быть четыре гуру. Эти четверо были самыми значительными фигурами среди всех обитателей королевского дворца Дерге, в том числе и знати, членов их семей и восьмидесяти губернаторов областей.

Первая часть свадебной церемонии заключалась в официальном предложении заключить этот брак, для чего из Нангченского дворца была отправлена группа из шестидесяти делегатов, которую возглавлял Пэнджиг. Я не буду загружать вас перечислением всех имён, но один из них сказал Пэнджигу:

— Завтра вам нужно будет произнести речь. Не лучше ли вам отрепетировать её сегодня?

— Если я стану готовиться к тому, что я собираюсь сказать, — ответил Пэнджиг, — то буду недостойн звания мужчины из Нангчена. Я вовсе не собираюсь обременять себя такой неестественной подготовкой.

Однако у него была маленькая тетрадка с заметками, записанными Пемой Еше, личным секретарём Чокгьюра Лингпы, которую кто-то вручил Пэнджигу на пути к Дерге. Поскольку спутник Пэнджигу продолжал его донимать, ему пришлось по дороге прочитать тетрадку два-три раза. Этого было достаточно, чтобы запомнить всё содержание наизусть.

На следующее утро делегация предстала перед королём. Пэнджиг был готов воздать хвалу принцессе, а его спутник, который готовился к этому три месяца, был готов восхвалять короля, королевских предков, достоинства королевства, а также мастерство и смывлённость подданных. По крайней мере, именно так всё должно было происходить.

Все собравшиеся нарядились в свою лучшую парчу, а сам Пэнджиг надел одно на другое четыре или пять парчовых одеяний, дабы выглядеть наилучшим образом на кхамский манер. Внутри огромного зала собраний всех пригласили сесть на возвышение, подали чай и сделали знак Пэнджигу: настало время произнести речь о «бирюзе и стреле». Пэнджигу принесли оперённую стрелу с шёлковыми лентами и воткнули её в большой сосуд с рисом, стоящий перед ним.

32.
Ситу из
Палпунга

Жители Нангчена немного простоваты, а поскольку членами делегации никто не руководил, никто не знал, куда ему сесть. Многие из спутников Пэнджига всё ещё топтались у двери, и он был предоставлен самому себе. Однако один из китайских делегатов подал Пэнджигу знак начинать, несмотря на то что представители Нангчена ещё не заняли свои места. Пэнджиг встал и начал произносить речь.

Пэнджиг заметил, что великий Ситу смотрит на него с высокого трона, и внутри у него похолодело. Позднее Пэнджиг говорил: «От этого ламы поистине исходила неодолимая сила! Но моё оцепенение длилось всего секунду. Я успокоился, подумав: “Ха!

Ну и пусть он великий Ситу из Палпунга, всё равно он всего лишь человек из плоти и крови. Я тоже человек — так чего же мне его бояться?” Ощувив, как во мне растёт храбрость, я разлился на самого себя за свою мимолётную растерянность и начал речь».

Другие люди, присутствовавшие тогда там, позднее говорили мне, что его речь была более впечатляющей, чем всё, что они до тех пор слышали. Она была точной и плавной. Пэнджиг начал с того, как образовался мир и как первые живые существа родились в сансаре, чрезвычайно подробно остановившись на том, как мир пришёл к нынешнему состоянию. Далее он досконально описал исторические связи между Нангченом и Дерге, указал, почему их короли подобны братьям, и изложил истоки родословной королей Дерге. Затем он так же изложил историю королей Нангчена, дойдя до текущего события — объединения двух родов узами брака, — которое и послужило поводом собраться всем, кто здесь присутствует. Он сравнил этот союз с соединением метода и знания на благо учений Будды и всех живых существ.

Считая и этого недостаточным, Пэнджиг приступил к объяснению разницы между обычными мирскими правителями и дхармараджами, правителями Дхармы, подчеркнув, что монархи обеих наших стран — это дхармараджи, а потому мы присутствуем при чрезвычайном собы-

тии. Далее он повёл речь непосредственно о «бирюзе и стреле», но использовал не только эти метафоры, а привлёк и все остальные символы, находившиеся в храмовом зале Дерге, Лхундруб Тенге, то есть Дворце Спонтанного Совершенства, указывая своей стрелой на золотое колесо с тысячей спиц на потолке и на восемь благоприятных символов, расположенных в различных направлениях, и при этом шёлковые ленты на стреле эффектно развевались в воздухе.

Наступил момент, когда все начали улыбаться, а потом и смеяться, потому что Пэнджиг уже излил на публику речи всех остальных ораторов. Тем не менее все были очень довольны, и это было самое главное, потому что в прошлом случались и драки, и даже дипломатические инциденты, если одна сторона недостаточно восхваляла другую. По правде говоря, всегда существовала опасность, что непродуманная речь послужит причиной не благополучного заключения брака, а настоящей битвы. Но Пэнджиг предусмотрел всё, что было нужно.

Каждый из четырёх гуру вручил ему белый шарф и произнёс свои благопожелания. Пэнджиг взглянул на Ситу, и на этот раз тот улыбался.

Днём состоялась частная встреча организаторов. Кто-то из них встал и сказал: «Завтра мы собираемся продолжить речь о королевских родословных».

Затем выступил великий Ситу из Палпунга: «Но тот парень уже сказал всё, что нужно! Никто из нас не произнесёт лучшую или более подробную речь. Нам его не превзойти, если только мы не предложим нечто лучшее, чем речь, которую он произнёс сегодня утром. Так что можно отменить завтрашнюю речь о королевской родословной». Все с ним согласились.

Так оказалось, что Пэнджиг стал единственным оратором. Вот такой он был человек!

Потом среди людей можно было услышать такие слова: «Это была такая длинная речь, что я не смог бы выучить её наизусть». А кто-то говорил: «Я хотел увидеть шпаргалки, которые Пэнджиг, должно быть, спрятал в рукаве. Я внимательно наблюдал, но ничего такого не заметил».

Но, как кажется, у всей этой истории была и другая сторона.

Позднее я слышал, как наш отец сказал: «С самого раннего утра и весь день я сидел в одиночестве под деревом неподалёку и непрерывно представлял себя Четырёхруким Махакалой. На изогнутый нож, который был при мне, я прикрепил пластинку с именем Пэнджиги, дабы увеличить силу его духа».

Как истинный кхамец, Пэнджиг был всегда готов при необходимости ринуться в бой. «Смерти не миновать — это просто вопрос времени, и с

этим не поспоришь, — говаривал он. — Хороший сын должен быть храбрым воином. А воину надлежит защищать своих друзей и семью. Если кто-то отдаёт за это свою жизнь, так тому и быть! Всё равно случится то, что должно. Я не боюсь и ни о чём не жалею». Тем не менее, как бы ни был бесстрашен Пэнджиг, с приходом коммунистов его схватили солдаты Красной армия, и он погиб в тюрьме.

Моя предыдущая жизнь

Мне было, наверное, лет тринадцать, когда я услышал, что Сэй Пагчок¹⁴⁵, сын Шакья Шри, живёт в некоем уединённом месте. Сэй Пагчок был одним из учителей моего отца, и я часто слышал, как его имя упоминают с глубоким уважением.

Наступил момент, когда моё желание отправиться туда стало таким сильным, что я почти потерял покой. Я начал строить планы побега из дома. Я придумывал всевозможные уловки, но в конце концов решил, что об этом нельзя не сказать отцу. Единственной трудностью было найти верного помощника. Хотя в то время я ещё жил в Деченлинге, я выбрал монаха из ближайшего монастыря двумя годами старше меня.

Он сказал:

— Нам будет трудно уйти, а твой отец разгневается.

— Мы скажем ему перед самым уходом, — ответил я.

Настал день, когда мы всё уложили и были готовы отправиться. Я пошёл к отцу и сказал, что ухожу. Он спросил, куда я собрался.

— Вы так часто рассказывали мне о величии Шакья Шри и о его удивительном сыне Сэй Пагчоке, что я хочу пойти к нему и остаться с ним!

Отец ответил:

— Конечно, он великий учитель, но ты слишком мал, чтобы уходить из дома. Если ты так хочешь, я организую для тебя надлежащее сопровождение, снабдив припасами и вьючными животными, — но не в этом году. Это исключено.

Я совсем сник.

— В любом случае, — продолжал отец, — тебе обязательно нужно сначала уведомить Самтена Гьяцо. Он мой старший брат, и за ним остаётся последнее слово.

Однако прошёл следующий год, а я так и не смог никуда уйти, потому что вскоре Самтен Гьяцо взялся за моё образование. К тому времени меня

признали перерождением Чованга Тулку, старого ламы из монастыря Самтена Гьяцо.

Вот как это произошло. Шестнадцатый Кармапа Ригпей Дордже письменно подтвердил, что моё нынешнее рождение является продолжением потока ума Чованга Тулку. Я не знаю, насколько великим ламой был Чованг Тулку, но он много лет провёл в горах, в Крепостной Вершине, выполняя ритуалы долгой жизни для короля Нангчена. Эту обязанность он разделял со своим братом, который был предыдущим воплощением Самтена Гьяцо. Настало время, когда меня отослали жить с Самтеном Гьяцо, который дал мне тогда титул Чованга Тулку, и я стал учеником своего дяди.

Это значит, что на меня была возложена часть обязанностей по тому же самому монастырю и центрам затворничества. Думаю, к тому времени мне было лет семнадцать-восемнадцать. После того как я попал в такую ситуацию, выбраться из неё было очень трудно, потому что Самтен Гьяцо не был таким же снисходительным, как мой отец. Напротив, он был твёрд и непреклонен, а все его повеления должны были исполняться.

Однажды предыдущее воплощение Самтена Гьяцо узрело, что его брат был воплощением Гуру Чованга, одного из пяти самых великих тертонов. Согласно видению самого Чованга Тулку, он был также и воплощением Сангье Еше из Нуба, одного из двадцати пяти учеников Падмасамбхавы. Чованг Тулку сказал: «Это совершенно ясно всплывает в моей памяти — так ясно, что я никогда не забуду свою прошлую жизнь, когда я был учителем Нубченом».

Очевидно, Чованг Тулку начал практиковать в раннем возрасте, и говорят, что он был практиком медитации чрезвычайно глубокого уровня¹⁴⁶. В течение последней части жизни в Крепостной Вершине он мудро распоряжался своим временем, перейдя к стадии безыскусной практики, когда он просто сидел и почти не занимался ничем другим, кроме медитации. От людей, которые с ним встречались, я слышал, что он был довольно грузен и носил длинные волосы, обмотанные вокруг его большой головы.

«Сокровищница драгоценных терма» была собрана при жизни Чованга Тулку, и, услышав об этом кладезе учений, он жаждал получить его. В конце концов, он получил его от ламы Лаце, который был одним из учеников Кармей Кхенпо и считался в Кхаме очень важным держателем монашеских обетов. Состоявшаяся передача была необычной, потому что присутствовали только два человека — учитель и ученик, а времени на передачу всей «Сокровищницы драгоценных терма» потребовалось шесть месяцев. Было допущено только два помощника, которые занимались устройством алтаря. Эта передача происходила в отдалённом месте при запертых воротах, чтобы никто не мог к ним прийти.

Похоже, что Чованг Тулку был несколько эксцентричен. Он усердно собирал «Пять сокровищниц» Конгтрула, платя за то, чтобы их отдали на его попечение¹⁴⁷. Если не считать этих расходов, он собирал все поднесённые ему немалые пожертвования, в том числе кораллы, бирюзу и другие ценности. Потом он раз в год упаковывал всё это и отправлял с одним указанием: «Отдайте это моему гуру. Он знает, как использовать это добро на благо Дхарме. А мне с этим делать нечего».

Так что раз в год его кладовая совершенно опустошалась. Его личный помощник говорил мне это со смешанным чувством восхищения и сожаления, добавив: «Собственно говоря, половину своей жизни он совсем ничего не делал».

Чованг просто вёл жизнь тайного йогина. Но у него явно были способности ясновидения, и, бывало, с его языка всё-таки срывались пророчества. Однажды его слуга Калпа собрался снести часть обители и построить просторное новое здание. Но Чованг Тулку сказал: «Ничего не строй!» Затем, будто читая по писаному, он добавил: «В будущем придёт лама, который расширит это место, и если мы что-либо построим сейчас, он всё равно это разрушит. Так что не трать силы зря».

Тот же самый старый слуга рассказал мне следующую историю.

Однажды Чованг увидел, что его слуга собирается построить маленькую мастерскую для изготовления глиняных фигурок *ца-ца* и сказал:

— Не строй мастерскую на этом месте, потому что потом придётся её переносить.

— Почему, Ринпоче? Вокруг много места.

— Нет-нет, — ответил Чованг, — потом Лама Тулку построит здесь большой дом.

Ламой Тулку Чованг всегда называл своего брата, третьего Нгактри-на Тулку, и никогда не использовал его настоящего имени.

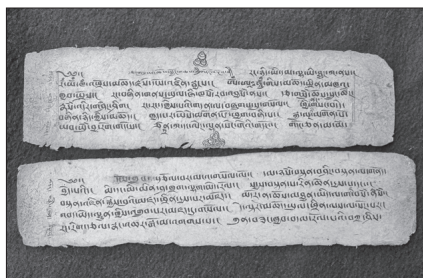
Это оказалось правдой: много лет спустя Самтен Гьяцо, перерождение его брата, на этом самом месте построил свою обитель — Убежище Лотосного Света.

Калпа, слуга Чованга, был довольно стар, когда я с ним встретился. Он продолжал свою практику медитации, и, как мне казалось, достиг прочного уровня переживания и постижения. Калпа рассказал мне много других интересных историй о Чованге. Должно быть, они правдивы, потому что этот старый монах никогда не лгал.

Однажды Чованга Тулку пришёл навестить Цанг-Янг, и, когда Калпа пошёл объявить о его прибытии, Чованг просто сказал: «Ему незачем

33.
Страницы
рукописей
Чованга Тулку

меня видеть. Он ничего не сможет получить от этой встречи». Так что гость в знак почтения несколько раз обошёл дом вокруг и удалился.

В другой раз один гость прибыл издалека с подношением, которое ему поручили передать Човангу Тулку, — это была большая плита дорожного китайского чая. На полпути к

Крепостной Вершине гость остановился у реки, чтобы перекусить, и, поглядывая на замечательный чай, решил украсть половину.

И вот он вынул нож и разделил плиту надвое. Одну половину он снова завернул в белый шарф, а вторую спрятал в своём мешке, решив: «Ламе не нужно больше половины, так что я просто заберу остаток».

Придя к Човангу Тулку, он, конечно же, не стал упоминать о том, что забрал себе часть чая. Вручив подношение, он просто сказал: «Это вам».

Потом он обнаружил, что куда-то пропал его любимый нож. Поэтому он сказал:

— Послушайте, Ринпоче! Не могли бы вы мне погадать, чтобы узнать, найдётся ли мой любимый нож? Я потерял его где-то по дороге сюда.

Ни на секунду не замешкавшись, Чованг Тулку ответил:

— А ты разве не помнишь, где мы с тобой делили чай: половину тебе, половину мне? Пойдёшь обратно и найдёшь там свой нож.

При этих словах парень остолбенел, а потом заплакал. Он стал просить прощения и раскаиваться. Проливая слёзы, он простёрся перед Човангом Тулку и вынул украденный чай.

Чованг Тулку сказал: «Не принимай так близко к сердцу! Мне не нужно столько чая. Будет правильно, если ты возьмёшь немного домой. Бери его и попей вкусного чая. Скажи семье, что я дал его тебе».

В королевстве Нангчен жил совершенный учитель по имени Йонга, близкий ученик Кхьенце Старшего. Можно даже сказать, что он был сиддхой.

Однажды он решил посетить Чованга в Крепостной Вершине. Ложе, на котором Чованг сидел день и ночь, было местом для медитации — четыре стенки высотой сантиметров тридцать. Обычно Чованг не вставал, когда приходили посетители, но на этот раз встал.

Он сказал Калпе: «Постели здесь шкуру яка», а Йонге предложил: «Садитесь».

Позже Йонга рассказывал: «Он действительно вышел из дома, чтобы приветствовать меня, что само по себе было удивительным делом, но так

оно и было. После того как он сел, он не сказал мне ни единого слова. Он просто сидел прямо и неподвижно».

Наверное, Йонга задремал, пока сидел там, потому что, уходя, он сказал Калпе: «Я получил то, за чем пришел, поэтому теперь я пойду домой. Я пришёл из Нангчен Гара, потому что хотел повидать Чованга. Я хорошо вздремнул. Это был очень приятный визит».

И он ушёл.

В последний период своей жизни Чованг Тулку почти полностью перестал разговаривать. Однажды показалось, что ему трудно ходить, но, когда его спросили, он ответил: «Со мной всё хорошо! Я совсем не болен».

В тот вечер он и Калпа отнесли небольшой свиток к невысокой вершине, где стояла древняя ступа со священными останками одного из родоначальников традиции сакья. Сиддха, который основал Крепостную Вершину, был учеником этого учителя традиции сакья, и, когда его учитель скончался, сиддха взял часть его останков и с ними перелетел по небу в Кхам. Он построил ступу в качестве защиты от препятствий¹⁴⁸.

Обойдя вокруг ступы четыре или пять раз, Чованг Тулку с трудом вернулся домой. «Если учителю так трудно ходить, — подумал Калпа, — зачем он мучился, обходя вокруг ступы?»

34.
Монастырь
Лачаб

На следующий день рано утром Чованг Тулку сказал:

— Не забудь приготовить алтарь. Это нужно сделать прежде, чем первые лучи солнца осветят небо за восточными горами.

— Я уже видел первые лучи зари, — сказал учителю Калпа.

Тогда Чованг Тулку выполнил йогическую практику, сделав три выдоха. И третий долгий выдох был последним.

«Меня вдруг охватил ужас, — позднее рассказывал мне Калпа, — и я стал метаться в замешательстве. До этого в Крепостной Вершине было только два обитателя, теперь остался я один, и я не знал, что мне делать! Я побежал вниз к ближайшей деревне и изо всех сил закричал, чтобы кто-то меня услышал. Несколько местных жителей побежали наверх ко мне, и я завопил: “Наш гуру умер! Наш гуру умер!”»

«Прежде чем учитель покинул тело, — продолжал Калпа, — он оставил письменные указания не трогать его тело в течение недели. В записке были такие слова: “Пошли письмо ламе Лаце, от которого я получил «Сокровищницу драгоценных терма», и пригласи его сюда”.

Тело Чованга, голову которого всё так же украшали витки длинных волос, продолжало сидеть почти в той же позе, в какой Чованг провёл большую часть своей жизни. Мы послали за ламой Лаце. Поскольку он жил на расстоянии трёх дней пути, через шесть дней ранним утром мы увидели, как он скачет к нам вверх по тропе. Рассказав о письме, я заверил ламу Лаце, что до его прихода держал комнату запертой, так что никто не тревожил тела.

Войдя в комнату, лама Лаце увидел, что тело, как ни в чём не бывало, сидит в прямой позе. Лама посчитал дни и сказал: “В письме сказано, что нужно оставить тело, как оно есть, ещё на один день”.

Поэтому мы вышли из комнаты и снова заперли дверь. Потом лама Лаце сказал: “Ну, теперь нам нужно ещё кое-что сделать. Сначала великому-нибудь начать постройку погребальной ступы и пошли кого-нибудь пригласить пятьдесят-шестьдесят лам и монахов из Лачаб-Гомпы”.

Наутро восьмого дня мы снова вошли в комнату учителя, и оказалось, что тело довольно сильно уменьшилось в размерах. К тому времени, как его поместили в погребальную ступу, оно было не больше сорока пяти сантиметров длиной, но сохраняло правильные пропорции. Оно поместилось в медном сосуде, который без труда поставили в ступе. Однако волосы остались прежними и практически целиком закрывали останки. Затем мы кремировали это маленькое тело»¹⁴⁹.

Вот каким был лама, перерождением которого считают меня. Верно это или нет, я не знаю. Но именно Самтен Гьяцо вынес это решение, а потом взял на себя заботу о моём воспитании и образовании. Некоторое

время я жил попеременно то в Лачабе, то в обители отца. Не помню случая, чтобы я прожил целый год в одном месте.

В те дни я выполнял короткие затворничества: пару месяцев в одном месте, пару месяцев — в другом. Но длительных затворничеств у меня не было, если не считать шестимесячного пребывания в Крепостной Вершине, которое отчасти напоминало затворничество. Только когда я отправился в Цурпу, у меня появилась возможность посвятить себя строгому трехлетнему затворничеству.

Кажется, что всю свою жизнь я провёл в переездах с места на место.

Мой монастырь и возведение на трон

Самтен Гьяцо и я совместно владели монастырским хозяйством в Лачабе; моя тётя Таши Чиме исполняла обязанности управляющего. Многие из важных ритуальных предметов были бы сейчас у меня, если бы она не отказалась разрешить мне взять их с собой, когда позднее я перебрался в Центральный Тибет. Она сказала, что это имущество монастыря и будущего тулку Самтена Гьяцо.

Каким-то образом тётя почувствовала, что у меня нет никакого желания взять на себя ответственность за монастырь, и если честно, то в глубине души я уже давно утратил к нему интерес. Лачаб был расположен в большой долине, на которой раскинулись многочисленные поля, и я совершенно не жаждал взвалить на себя заботу о них, хотя любой нормальный человек был бы больше чем счастлив стать их владельцем. Вести монастырское хозяйство в Кхаме было тяжёлым бременем. Откровенно говоря, это большая морока. Ты постоянно зависишь от других и несёшь большую ответственность.

«Какой смысл влезать во всё это?» — подумал я. Было бы лучше совсем отказаться от руководства монастырём.

Сказать правду, у меня никогда не было желания жить в Кхаме, и я хотел путешествовать по всему Центральному Тибету, переходя из одного места в другое без заранее намеченного плана или маршрута, но осуществить это желание смог только после кончины Самтена Гьяцо.

Храм в Крепостной Вершине скорее следовало бы называть не монастырём, а небольшой гомпой — *гомчунг*. На самом деле много-много веков назад Крепостная Вершина была местом практиков медитации из традиции бон, и многие из них обрели здесь совершенство. Я слышал удивительные истории о них. Позднее это священное место перешло в руки буддистов. Во время своего пребывания в Тибете Падмасамбхава оказался здесь, и после его благословения на поверхности скал сами собой появились многочисленные мантры ВАДЖРА ГУРУ.

Спустя несколько столетий (в начале XII века) в этом месте предавался практике Га Лоцава, или сокращённо Гало, один из первых гуру Кармапы и переводчик Дхармы, побывавший в Индии. Гало был великим учителем, его можно сравнить с божеством Чакрасамварой во плоти. В его трудах мы находим образцы красноречия, воспевающие достоинства Крепостной Вершины.

Рассказывают, что ранним утром Гало и один из его главных учеников летали через долину за водой. Там, где они приземлялись, на твёрдой скале остались многочисленные отпечатки их ног. И гуру, и его ученик были сиддхами. До сих пор можно увидеть ступу, построенную в Крепостной Вершине для его останков.

Позднее в Крепостной Вершине поселился один совершенный учитель из мест близ китайской границы. Ещё позднее, в XVI веке, девятый Кармапа Вангчук Дордже уведомил посланием, что долголетие короля Нангчена будет обеспечено, если наверху Крепостной Вершины выполнить для него ритуал долгой жизни. На протяжении последующих столетий учителя собирались там один раз в месяц, чтобы выполнять практику по просьбе правившего в тот период короля. Позднее Самтен Гьяцо и Чованг Тулку совершали поездки туда¹⁵⁰.

В тот день, когда меня возвели на трон, бушевала жуткая буря — благоприятный знак, нечего сказать! Ветер был такой сильный, что сбивал

35.
Вид из
монастыря
Лачаб

людей с ног и чуть ли не уносил их из-под навеса. Вихри кружили вокруг гомпы, и казалось, этому не будет конца. Я спросил у Самтена Гьяцо, что бы это значило?

— Сам не знаю, — ответил он. — Быть может, это плохо, а может, хорошо. Вероятно, это защитники, охранители Дхармы показывают свою силу.

Я задал ему ещё вопрос, и он ответил:

— Как знать, возможно, эта гомпа устоит, а возможно, и рухнет. В оставшиеся мне годы жизни она будет стоять, а в твоё время исчезнет. Как знать, возможно, при твоей жизни Лачаб погибнет во время войны.

Казалось, он что-то видел, потому что продолжал:

— Но после этого он когда-нибудь будет восстановлен¹⁵¹. Существует связь между этой гомпой и твоим здоровьем. Пока она стоит, ты не будешь болеть, но, когда она рухнет, ты заболеешь. Часть жизненной силы твоего нынешнего существования заключена в Лачабе. Но, опять-таки, как знать? Пока мы с тобой вместе, с гомпой всё будет в порядке. Я, конечно же, останусь здесь до конца своих дней, но сомневаюсь, что ты будешь жить здесь после того, как я умру.

Когда я умру, — продолжал он, — точно не знаю, что произойдёт. Мне кажется, наступают тяжёлые времена, очень плохие времена — злая сила придёт с востока.

Тогда я не знал, что он имеет в виду. Он посмотрел на меня чистыми, широко открытыми глазами.

— Если случится, что тебе придётся уходить, отправляйся в Нубри, — добавил Самтен Гьяцо.

— А где это Нубри? — спросил я.

— Теперь оно принадлежит непальскому королю гуркхов, а потому неподвластно тибетскому правительству. Там всё ещё живёт потомок царя Трисонга Дэуцена, а также есть пара моих учеников, которые глубоко верят в Дхарму. Когда ты поедешь туда, сначала тебе нужно будет отправиться в Центральный Тибет, но через некоторое время ты не сможешь там оставаться. Тогда перебирайся в Нубри. Народ в Нубри скромный и простой. Они небогаты, но высоко чтят учение Будды. Тот, к кому тебе нужно будет обратиться, — потомок дхармараджи Трисонга Дэуцена¹⁵².

36.
На дороге из
монастыря
Лачаб

В то время правители провинции Силинг, которые были мусульманами, не очень-то к нам благоволили. Скорее наоборот, губернатор Силинга, расположенного за северной границей Нангчена, уже начал требовать уплаты непомерных пошлин со всех жителей нашей области, в том числе и с монастырей. Например, раз в год ему нужно было отправлять огромное количество ячьих шкур¹⁵³.

Ранее мы узнали, что Япония и Китай воюют друг с другом и Китай в некоторых своих частях несёт тяжёлые потери. Поскольку мы находились под китайским владычеством, мы следили за такими слухами с тревожным вниманием: ведь нам было безразлично, что будет с Китаем¹⁵⁴.

Наш разговор происходил задолго до коммунистического вторжения — на самом деле мы даже не слышали слова «коммунист», — и я не понимал, почему он мне всё это говорит: его слова казались довольно странными. В конце концов вышло так, что не губернатор Силинга разрушил наш монастырь, а коммунисты.

Это был один из немногих случаев, когда Самтен Гьяцо проявлял свою способность ясновидения: ведь он был тайным йогином. Он даже не упоминал ни о каких особых снах.

Можно верить или не верить в силу защитников Дхармы, но давайте я всё равно расскажу эту историю.

Четыре монаха из Лачаба отправились в паломничество к горе Кайлаш. На обратном пути им нужно было переправиться через большую реку, которая, поскольку было лето, разлилась, далеко выйдя из своих берегов. Они шли вдоль берега, пытаясь найти переправу, которые в те времена в Тибете встречались нечасто.

У них кончилась еда, и они голодали. Какое-то время перебивались протухшей тушей овцы, которую им удалось найти. Разведя огонь, они сумели приготовить достаточно мяса, чтобы продержаться ещё четыре-пять дней. Как потом сказал один из этих монахов, они выжили благодаря той овце.

В конце концов они сели на берегу, и один из них сказал:

— Вот и всё! Мы так или иначе умрём, зачем же нам идти дальше?

— Если один из нас умрёт первым, другие смогут его съесть. Если им буду я, сделайте это не раздумывая, — сказал другой.

Они продолжили это обсуждать, и через некоторое время самый молодой из них со слезами проронил:

— Не думаю, что я смогу есть мясо с вашего тела. О! Что же делать!

Их единственной надеждой, по общему мнению, было вызывать к Дусолме и Четырёхрукому Махакале — оба они были защитниками Лача-

ба. Наверное, они вложили в свою молитву всю душу, призывая защитников всем своим существом.

«Смотрите!» — закричал один из них.

Другие оглянулись и увидели, что река расступилась!

Потом один из этих монахов рассказывал мне: «Проход был достаточно широк, чтобы мы могли перейти на другую сторону; думаю, он был шириной с две руки. Представления не имею, почему, но две стены воды каким-то образом разошлись. Река была не узкая, уверяю вас! Мы просто не могли поверить своим глазам, мы стали переговариваться между собой, действительно ли это может произойти? И такие сомнения были чуть ли не мучительнее, чем голод».

Наконец один из них сказал: «Побежали!», и они, всё побросав, бросились бежать поперек реки.

«Стены колыхались, когда мы неслись по проходу, — продолжал монах, — а когда мы оказались на другой стороне, раздался громкий свистящий звук. Мы обернулись и увидели, что щель закрылась. Я не вру. Говорю вам, мне не для чего выдумывать такую историю».

Тот монах был довольно стар, когда рассказывал мне всё это. Я обратился к трём другим участникам в отдельности, и каждый рассказал мне то же самое. Я заставил всех их поклясться именем своего гуру, что они не лгут. Они были не великими учителями, а простыми монахами. Всё, что у них было, — это чистая вера в своих защитников Дхармы.

Трудно поверить, правда?

Когда мне было лет двадцать, Самтен Гьяцо сказал мне: «Складывается впечатление, что ты способен давать учения ума. Ты из тех людей, кто не видит в этом никакой трудности, не обращая внимания на то, легко ли людям понять природу ума. Со временем ты можешь начать слишком мудрствовать, а может, у тебя просто появится большая уверенность».

Иногда я думаю, — продолжал он, — ты слишком много на себя берёшь. Должен предупредить, что есть одна вещь, которой тебе нужно остерегаться. С одной стороны, тебе всё может представляться настолько простым, что понятно всякому. Но, с другой стороны, всё совсем не так. Люди часто вкладывают в слова смысл, прямо противоположный тому, что ты имеешь в виду: делая вывод о ненужности что-то обретать, они легкомысленно перестают что-либо делать. Ты считаешь, что постижение природы ума — это нечто само собой разумеющееся, но я хочу, чтобы ты понял: некоторые люди не знают природы ума, и этому, конечно же, есть причина. Есть множество людей, для кого практика природы ума означает просто оставаться без мыслей и осознанности в состоянии всеобщей основы¹⁵⁵.

Тем не менее в данное время ты должен идти вперёд и испытать свою убеждённость на нескольких стариках, мужчинах и женщинах. Возможно, ты сможешь принести пользу одному или двоим, так что будет прекрасно, если ты станешь их учить».

Вот так он дал мне разрешение начать учить.

Я начал с того, что давал людям советы относительно понимания природы ума, потому что был очень словоохотлив. Я ничего не мог с этим поделать: слова просто срывались у меня с языка! Когда я проводил время с Самтенем Гьяцо, я слушал все его наставления. Часто это были указующие наставления и советы о том, как по-настоящему медитировать самым простым образом.

Нередко за пределами его комнаты находились какие-нибудь люди, которым было не совсем понятно, что он сказал. Потом они меня спрашивали:

— Разве это может быть так просто?

И я отвечал:

— А почему вы думаете, что всё должно быть трудным? Это, правда, легко.

Тогда они возражали:

— Но мы не поняли.

Я говорил:

— Что вы имеете в виду? Как это — не поняли? Просто оставьте всё!

Выслушав своего дядю, потом я просто повторял его слова как попугай.

Тогда дядя, бывало, звал меня и повторял: «Кажется, ты не только болтлив, но и считаешь, что узнать природу ума чрезвычайно легко. Думаю, что в будущем ты будешь именно таким — ты будешь и словоохотливым, и умеющим объяснять по-настоящему просто!» И он был прав.

С одной стороны, быть может, своим способом учить я только всех дурачу, представляя всё слишком простым. Но, с другой стороны, так оно и есть на самом деле! Это правда. Что толку пытаться сидеть, пыжиться и силиться, если можно просто позволить трём каям будды присутствовать самим собой? Зачем нам напрягаться и мучиться в неудобной позе и скованном состоянии медитации, надеясь, что в будущем, приложив массу усилий, мы сможем оказаться там? Нам нет нужды претерпевать все эти трудности и напряжения. Всё, что нам нужно, — это полностью расслабиться и узнать свою природу прямо сейчас.

Однако мой подход главным образом просто морочил головы не-образованным людям, и в этом я, наверное, был большой мастер.

Как я уже говорил, я начал рассказывать о природе ума после того, как много раз слышал наставления об этом Самтена Гьяцо и кое-что понимал. Так что я иногда повторял то, что он говорил людям, напоминая

«попугая, толкующего о Дхарме», то есть пытался учить других истине, относительно которой не имел никакого личного переживания, или давать наставления, которые сам не практиковал.

Так что, думаю, в те времена я опять-таки поступал как шарлатан.

Будда понимал, что у разных существ способности неодинаковы. Поэтому из своего великого сострадания и с помощью искусных методов он давал разнообразные учения, подходящие тем или иным существам. Хотя сущность всех учений всех просветлённых заключается в том, чтобы просто пребывать в осознании своей природы, Будда передавал многообразные сложные наставления, чтобы удовлетворить людей на их собственном уровне. Другая причина того, почему Будда и великие учителя передавали учения девяти колесниц, не в том, что они не могли обойтись только одной, а в том, чтобы все были счастливы. По-видимому, в человеческой природе заложена любовь к усложнению, желание создавать множество умственных представлений. Но потом нам, конечно же, нужно дать им возможность снова рассыпаться.

Великое множество существующих учений не меняет того факта, что самая суть Дхармы, природа ума, чрезвычайно проста и легка. На самом деле она настолько проста и легка, что иногда в это трудно поверить!

Общепринятая традиция передачи указующих наставлений относительно природы ума подразумевает, что нам нужно продвигаться шаг за шагом. Сначала мы выполняем практику четырёх размышлений, меняющих направленность ума. Затем мы занимаемся предварительными практиками, а после того — практикой йидама, мантры и самадхи. И всё это действительно необходимо, даже если мы уже получили учения о сущности ума. Не думайте, что все практики, которым учили просветлённые, вдруг становятся ненужными. Напротив, они чрезвычайно важны.

Поскольку возможность получить учения ума появляется не так уж легко и просто, мне казалось, что я должен их объяснять и передавать. Помните, пожалуйста, что мы можем легко получить другие важные учения от различных учителей, поэтому не пренебрегайте ими. Пожалуйста, будьте настойчивы в практике. Поистине, именно непоколебимость отличает будд от обычных существ.

В Кхаме рассказывают такой анекдот. Один старик говорит ламе: «Когда вы говорите о благе узнавания сущности ума, ясно, что лично у вас с этим всё в порядке: ведь даже такой старый грешник, как я, наверное, избежит рождения в аду. Но, когда вы говорите о последствиях наших действий, нет никаких сомнений, что я попаду в ад. На самом деле я не удивлюсь, если даже у вас с этим будут неприятности, мой дорогой лама!»

Лжепрактик сможет дурачить других, пока жив, но нет сомнений, что он будет застигнут врасплох, когда попадёт в бардо. Я абсолютно уверен, что в конечном счёте самое величайшее благо происходит от простой веры в Три драгоценности. Конечно же, если у вас к тому же есть подлинное переживание сущности ума, то, как говорят в кагью, «хотя смерти так бояться, смерть йогина — просто малое пробуждение».

Я тоже считаю, что, пусть вы не достигли сияющих высот переживания и постижения, некоторое простое, здоровое понимание чрезвычайно полезно. Понимание, пусть даже умственное, пустоты — открытости и восприимчивости ума — обязательно поможет вам перебраться через бардо. Когда существа умирают, именно их собственный ум приходит в смятение, и именно их собственный ум должен прийти им на помощь, потому что в тот момент никто иной этого не сделает¹⁵⁶.

Так что здоровое понимание сущности ума может стать напоминанием, которое освобождает в бардо. Однако самую существенную пользу приносит действительная практика постижения природы ума, пока вы ещё живы, — это единственное, что обеспечит вам истинный успех. Сначала путём постижения освобождайте собственный поток бытия, затем освобождайте других с помощью своих сострадательных действий. Такой путь наполняет человеческую жизнь смыслом.

Когда я учил, одни понимали, а другие — нет, но я не отступал от своего. Такая самоуверенность не покидала меня и остаётся моим стилем поныне. Не знаю, насколько это помогает другим. Учения о природе ума, наверное, самые драгоценные и тайные. Они могут быть «освобождением благодаря слушанию» — всякий, кто их слушает, получит пользу. Так что я считаю, что очень хорошо давать их время от времени.

Я не утверждаю, что каждый, кому я объяснял сущность ума, узнает её и упражняется в подлинном её переживании. Ученики бывают разными. Те, кто её не узнают, неизбежно попадают в плен мимолётных явлений и отвлекаются. Но даже если они и не узнают естественное состояние ума, каждый, кто хотя бы один раз услышал сущностное учение, постепенно приближается к реализации — пока не отказывается от попыток полностью, а продолжает практиковать. Те же, кто осознал природу ума, а потому обрёл некоторую уверенность в ней, не могут отказаться от Дхармы, даже если им это кто-то велел бы. Это происходит от уверенности в своём личном переживании.

Как-то раз Самтен Гьяцо отправился в паломничество вокруг горы над монастырём Палпунг в Дерге, пройдя весь путь в сопровождении Дудула, его помощника и моего близкого друга. Один старый лама, с которым случайно встретился Дудул, оказался личным учеником Конгтрула Первого.

— Откуда ты? — спросил он Дудула.

— Я из Нангчена, — ответил Дудул.

— А! Тогда, может быть, ты знаешь того нангченовского ламу, который, как я слышал, находится сейчас где-то в этих краях? — спросил старый лама. — Его зовут Самтен Гьяцо, и он был и учителем, и учеником великого Кармапы. Я знаю о нём, потому что Кармапа часто упоминает о нём в своём собрании сочинений. Не знаешь ли ты случайно, где он остановился?

— Да, знаю, — ответил Дудул, — ведь я его помощник.

— Будь я проклят! Скажи мне, пожалуйста, — взмолился старик.

Получив эти сведения, он воскликнул:

— Как я тебе благодарен! Завтра рано утром я обязательно его посетю.

На следующее утро старый лама пришёл к Самтену Гьяцо, и между ними состоялась долгая и содержательная беседа. Выйдя, старик сел с чашкой чая и спросил моего друга:

— Скажи-ка мне, сколько учеников у этого ламы?

— Близких не так уж много, — сказал Дудул. — Он даёт много посвящений, но очень немногие отшельники-практики могут назваться его личными учениками.

— Ай-ай-ай! Какая досада! — воскликнул старый лама. — Видно, правду говорят об этих бесхребетных из Нангчена. Почему они так чертовски невежественны? У них есть такой замечательный учитель медитации с таким высоким воззрением — он совершенно меня изумил ответами на мои вопросы, — и ты говоришь, что у него немного учеников?! Что этот народ в Нангчене не лучше скота, что ли? Мне действительно жаль вас, парни.

Тот старый лама говорил правду: не так-то много людей оставили всё, чтобы следовать Самтену Гьяцо, — их было несравнимо меньше, чем многочисленных учеников Кхьенце Первого и Конгтрула. На самом деле я вспоминаю только четверых-пятерых — но они были действительно прекрасными практиками медитации. Если бы о ламе судили по числу его учеников, то Самтен Гьяцо не представлял бы собой ничего значительного.

Однако одни из самых выдающихся лам Центрального Тибета — пятнадцатый Кармапа, Друкчен Джамгон и Таклунг Цетрул — почитали его как гуру линии передачи. В Нангчене он тоже передавал учения таким мастерам, как Адеу и Цокни Второй, и стал одним из их коренных гуру. Что касается лам в Дерге, то можно назвать Дзонгсара Кхьенце, который в Крепостной Вершине получил предназначенный для узкого круга раздел «Новых сокровищ». А Карсэй Конгтрул приезжал в Цикей, чтобы получить «Новые сокровища» от Самтена Гьяцо.

Старый лама действительно затронул существенную особенность моей страны: учёбе уделялось не самое большое внимание. Не то чтобы я этим

гордился. С другой стороны, при таких обстоятельствах человек мог называться ламой только благодаря своим духовным достижениям, а не просто разговорам. Самозванцам было трудно пробиться в тех краях, откуда я родом.

Самтен Гьяцо занимал в Нангчене очень высокое положение и был очень занят своими многочисленными обязанностями. Но, поскольку я жил в том же монастыре, я без труда мог проводить с ним время. Совместное ведение монастырского хозяйства напоминает семейную жизнь под одной крышей. Поэтому у меня было много возможностей задавать вопросы и получать его наставления.

Хорошо помню одно особое наставление, которое Самтен Гьяцо дал мне, когда я был ещё ребёнком. Оно касалось учения на глубокие темы: *о сущности, природе и энергии*. Он сказал: «Слово *энергия* означает неограниченную основу переживания, как в миг перед тем, как что-то происходит. Когда что-то произошло, оно обычно уже превратилось в мысль. Энергия подразумевает основу того, чтобы это произошло, — ничем не прерываемое качество осознания.

Это не знающее препятствий качество чрезвычайно тонко и значимо. Если ты осознал эту беспрепятственность, ничего другого тебе уже делать не нужно. В этой беспрепятственности невозможно найти ни субъекта, ни объекта. Аналогией этого служит чистое зеркало — готовность переживания проявиться без какого бы то ни было рассудочного представления. Так что прошу тебя как следует понять третье из этой троицы: сущности, природы и энергии».

Это пример того, как учил Самтен Гьяцо. Считаю, что мне очень повезло: я получал наставления от такого учителя, когда был молод. Ведь есть много людей, которые ошибочно относят энергию не к основе, подобной зеркалу, а к проявлению, подобному отражениям в зеркале. Однако отражение подразумевает, что ум и объект чувств уже объединились и внимание уже отвлеклось на что-то постороннее.

«Не нужно думать, что энергия — это то же самое, что и пребывание в плену представления о трёх аспектах: субъекте, объекте и акте восприятия, — говорил Самтен Гьяцо. — Ничем не ограниченная основа переживания — это готовность, способность воспринимать: просто готовность быть, а не вовлечённость в двойственное переживание. Если будешь упражняться в этой готовности, а не заниматься рассудочным мышлением, ты не попадёшь в плен двойственности, выполняя повседневные дела. Эта энергия, по сути, есть не знающее препятствий всеведение всех будд, совершенно отличающееся от внимания, которое сосредоточивается только на чём-то одном, отбрасывая всё остальное»¹⁵⁷.

Очевидно, что у тулку, как и у других людей, тоже есть эмоции. Вспомните переводчика Марпу, у которого были невероятно сильные эмоции, вспыхивающие как пламя. Но в тот миг, когда опытный созерцатель наблюдает природу ума, любая мысль и эмоция исчезает, будто снежинки, падающие на горячее блюдо. В этот момент практик поистине свободен от любой привязанности. Пусть Марпа жестоко обращался с Миларепой, ругал его и бил — это не имеет ничего общего с гневом обычного человека, потому что в его действиях не было ни капли эгоизма. Нельзя судить людей по их поведению.

Хотя Самтен Гьяцо обладал безграничной добротой, иногда он мог сильно гневаться. Изредка я видел, как он давал затрещину одному из своих помощников. Иногда мне даже приходилось приносить ему палку, и это нагоняло страх и на меня самого, потому что даже один удар такой палкой довольно чувствителен — она была большая! Порой удар был не слабым. Часто учитель мог задать настоящую трёпку, особенно Дудулу, которому нередко доставалось.

«С этим сорванцом иначе нельзя, — однажды сказал Самтен Гьяцо. — До него слишком плохо доходит, а с помощью палки он начинает понимать; это действует хотя бы дней пять-шесть». Потом Дудул становился настоящим человеком, сообразительным и кротким — по крайней мере, первое время.

А потом он снова становился строптивым, всё время был чем-то недоволен и громко жаловался по пустякам.

«Почему ты всё это не прекратишь? — часто говорил я ему. — Нет ничего хуже. Разве не помнишь, что было с тобой в последний раз?»

Но дело неизменно заканчивалось тем, что Самтен Гьяцо в очередной раз посылал меня за палкой. Ох! Однажды Самтен Гьяцо так отделал Дудула, что я думал, что наутро он не сможет ходить, но, когда я его потом встретил, он как ни в чём не бывало выполнял свои обязанности.

Эта история повторялась частенько, но Дудул всё равно не слушался. Однажды я его спросил об этом, и он ответил: «А что такого? Я и внимания не обращаю. Поболит немножко и пройдёт».

Он тоже глубоко почитал Самтена Гьяцо.

Молодой Кармапа

В раннем возрасте на меня оказал большое влияние ещё один человек — шестнадцатый Кармапа Ригпей Дордже. Впервые я встретился с ним в Тана-гомпе¹⁵⁸, что в Восточном Тибете. В те времена я был молод, и Самтен Гьяцо взял меня с собой как своего помощника. Тогда я не сблизился с Кармапой: он просто знал меня как «тулку, который был при Самтене Гьяцо».

В детстве Кармапа был довольно упрям. Его никак не могли заставить учиться, и он любил развлекаться. Только Самтен Гьяцо был способен заставить его заняться учёбой. Поэтому Кармапа получил от Самтена Гьяцо немало учений. Позднее они очень сдружились.

Благодаря коммунистическим силам Кармапа впоследствии прибыл в Нангчен¹⁵⁹. Он предполагал отправиться прямо в Дерге, конечный пункт его следования, но не смог этого сделать из-за беспорядков на границе Кхама и Китая.

Именно тогда мы впервые услышали о коммунистах. Мы знали их под китайским названием *гунгтрени*, которое вскоре приобрело зловещий смысл. Ещё мы слышали о каком-то человеке по имени Мао Цзэдун и о том, что гунгтрени заняли старый приграничный город Дарцецо и двинулись на Дерге.

Это было приблизительно в то время, когда китайская армия вела войну с японцами. Правительство Китая стало испытывать всё более мощное давление с двух сторон, поскольку коммунисты набирали силу и создавали собственную армию. Если бы вооружённые силы Китая смогли победить японскую армию, им удалось бы подавить коммунистов, но фронт боевых действий был слишком растянут.

Наверное, это старая история, которая часто повторяется: те силы, которые находятся в столице, развлекаются и наслаждаются существующим положением, в то время как их противники и соседние страны начинают подрывать их политическую опору. Пока высший класс Китая

оставался в праздности и беспечности, коммунисты не дремали, день и ночь готовясь к захвату власти в стране.

Вторая новость, которую мы слышали, была о том, что схвачен один из губернаторов Дерге. Но потом коммунисты потерпели поражение и на некоторое время исчезли. В то время мне было лет шестнадцать.

После того как коммунисты освободили губернатора Дерге и он вернулся на свой пост, появилось ощущение, что Кармапа может безопасно приехать сюда. На своём пути он посетил много мест, в том числе различные монастыри в Нангчене, которые находились под покровительством короля. Также Кармапу пригласили в Лачаб. И, прежде чем он проследовал в знаменитую Дильяг-гомпу, мои цангсарские родственники тоже приняли у себя его и всю его свиту.

По дороге Кармапе подарили нескольких белых *абра* — небольших зверьков, местной разновидности мыши-пищухи. Иногда люди держат абра как домашнего питомца, но только в клетке, иначе она убежит. В молодости у меня было две или три абра, но все они убежали. Их не так легко содержать, и, если выпустить их из клетки, с ними почти наверняка придётся расстаться. Но наш Кармапа, Исполняющая Желания Драгоценность, отказался сажать своих зверушек в клетку, так что пять или шесть абра свободно бегали в его шатре.

37.
Шестнадцатый
Кармапа —
добровольное
перерождение

Я попытался предостеречь его:

— О, Исполняющая Желания Драгоценность, держите их в клетке. Мои от меня сразу же сбежали.

— Неважно, неважно, — сказал он, — пусть бегают.

Абра бегали внутри шатра по кругу. Мне показалось, будто они совершают вокруг Кармапы почтительный обход, и они даже не имели ничего против, когда он поднимал их с пола. Хотя шатёр был открыт, ни одна абра не собиралась убежать от хозяина.

Однажды Кармапа решил покрасить своих абра жёлтым и красным. Казалось, Кармапа их заколдовал, — когда он решил раскрасить им шкурки, они сидели смирно и позволяли ему это делать. Обычно у абра светлый мех, и я опасался, как бы другие абра не напали на крашенных абра Кармапы, если тем доведётся освободиться. Но этого не произошло. Ни одна из них не сопротивлялась, когда Кармапа стал окунать их в воду, чтобы смыть краску.

Должен сказать, то, как Кармапа обращался с абра, произвело на меня большое впечатление.

Именно во время этого путешествия Самтен Гьяцо стал наставником Кармапы. В Цурпу Кармапу учил очень уравновешенный, но строгий лама. Я слышал, что иногда он запирает дверь изнутри, трижды совершал земной поклон перед Кармапой — и часто этого было достаточно, чтобы известить нашу Исполняющую Желания Драгоценность, что нужно сосредоточиться на учёбе. Некая смесь страха и почтения была необходима для того, чтобы он достиг успеха в своём образовании.

Однако у Кармапы был один родственник, который был несколько мягкотелым и не мог вынести мысли о том, что к драгоценному воплощению иногда могут применять физические наказания. Поэтому он ругал наставника: «Ты обращаешься с Кармапой, воплощённым Буддой, как с обычным человеком. Твоё поведение преступно!»

В то время на Кармапу снисходило много видений и пророчеств, и он делился этими откровениями — в том числе о том, какого будду он только что видел и что он сказал ему о будущем, — со своим наставником, который всё это записывал. Некоторые из этих предсказаний были перемешаны с замечаниями самого Кармапы о том, что такой-то его родственник является «демоном», и, в конце концов, тот человек, который проявлял недовольство, понял, что это написано о нём.

Он принял это на свой счёт и решил, что, хоть у наставника благие намерения, он явно недостоин выполнять такую задачу, как обучение столь выдающегося воплощения. Поэтому родственник воспользовался случаем, чтобы освободить наставника от его обязанностей. Это было

несправедливо, потому что с помощью этого наставника Кармапа очень хорошо научился читать.

Официальное заявление звучало так: «Наша Исполняющая Желания Драгоценность не нуждается в наставнике. Кармапа — это Будда, чьи качества проявляются сами собой. С ним не должно обращаться как с обычным человеком, бить и щипать. Поэтому было решено объявить наставнику, что в его услугах мы больше не нуждаемся».

Юный Кармапа опечалился и стал защищать своего наставника: «Да, иногда он щипал и стучал меня, но делал это с добрым сердцем. Он хотел только, чтобы я лучше учился».

Кармапа настоял, чтобы наставнику поднесли хорошие подарки, в том числе хороший комплект монашеской одежды. Потом Кармапа некоторое время оставался без учителя.

Но когда Кармапа прибыл в Дильяг, ламы из Нангчена настояли на том, чтобы был назначен другой наставник. Вот тогда и всплыло имя Самтена Гьяцо. Поскольку он уже был одним из гуру предыдущего воплощения Кармапы, он казался бесспорным кандидатом. Так что Самтена Гьяцо попросили принять роль наставника. Он ответил: «Я старею, но буду служить в Палпунге. Это великий монастырь». Так во время путешествия из Дильяга Самтен Гьяцо стал наставником Кармапы.

Стиль обучения, принятый Самтеном Гьяцо, заключался в том, что он никогда не бил подрастающего Кармапу, а вместо этого наказывал у него на глазах своего помощника Дудула, и это давало желаемый результат. «Я ни разу его не ударил, — сказал мне Самтен Гьяцо. — Достаточно было бить Дудула, чтобы Кармапа сидел тихо и учился».

Однако по прибытии в Палпунг Самтен Гьяцо спросил великого Ситу, нельзя ли освободить его от обязанностей учителя. Ситу ответил: «Я понимаю, что ты уже стар и немало пережил. Ты был одним из учителей прежнего Кармапы, так что я не могу принудить тебя снова быть наставником. Так что я попрошу Кхьенце из Палпунга стать им».

Палпунг Кхьенце был учеником пятнадцатого Кармапы и обладал замечательными качествами, но у него был такой суровый вид, что Кармапа почти не смел пошевелиться при нём. Хотя Палпунг Кхьенце был идеальным кандидатом, после того как он пару раз стукнул Кармапу, влиятельные члены семьи Кармапы снова нашли повод и пожелали его уволить.

«Даже лама — человек, даже иллюзорное тело состоит из плоти и крови, а потому, если Кармапу немного не наказывать, он не будет учиться, — сказал Палпунг Кхьенце в своё оправдание. — Предполагается, что Кармапа должен быть учителем всего мира, поэтому чем он образованнее, тем лучше».

Наверное, он продолжал бить Кармапу, потому что, в конце концов, отец Кармапы пришёл к великому Ситу и сказал: «Хотя он и Кармапа, он ещё и мой ребёнок; поскольку он мой сын, он принадлежит мне. Моя жена и я не можем смотреть, как его подвергают физическим наказаниям. Вы распорядились этим назначением, но мы хотим, чтобы Кхенце из Палпунга освободили от этих обязанностей».

Лично я думаю, что это была ошибка. Кармапа делал большие успехи в своём обучении. Но его отец, важный и влиятельный чиновник, был человеком жёстким и трудным. Он был заносчив, как истинный кхамский аристократ, и без всяких сомнений ставил своё мнение выше мнения большинства лам.

Великий Ситу ответил:

— Кхенце из Палпунга не обычный человек. Он не только перерождение великого Кхенце, но и один из четырёх главных лам Палпунга¹⁶⁰. Как я могу сказать одному из великих лам, чтобы он ушёл в отставку?

— Но вы должны! — настаивал отец Кармапы. — Иначе мы сами позаботимся о своём маленьком тулку.

— Вы не знаете, как нужно заботиться о Кармапе, — ответил Ситу. — Он получает образование, и всё сложится хорошо.

Однако, что бы ни говорил Ситу, отец не слушал. И в конце концов Палпунг Кхенце был освобождён от обязанностей. После этого было невозможно найти учителя с таким же уровнем мудрости и эрудиции.

На эту должность поставили, а затем освободили одного кхенпо. Потом выбор пал на Тентрула из Сурманга, и это назначение оказалось очень удачным. Он передавал «Сокровищницу знания», знаменитое сочинение Конгтрула Великого. В течение трёх лет Тентрул из Сурманга передавал его от корки до корки. Однако он заболел и вскоре скончался.

Но к тому времени Кармапа, став уже взрослым, мог самостоятельно принимать решения и получал учения от Ситу и Карсэя Конгтрула.

В то время как Кармапа путешествовал по Нангчену, его мать заболела. Поскольку мой отец славился своим умением выполнять ритуалы исцеления, его пригласили сопровождать нашу Исполняющую Желания Драгоценность, и я напросился ехать с ним. Но в Дильяге отец стал отказываться от продолжения путешествия.

— Значит ли это, что моей матери уже полегчало? — спросил Кармапа.

— Я сделал, что смог, — ответил отец, имея в виду, что она скоро умрёт. — Я выполнял ритуал чод каждый вечер, и, кажется, больше уже ничего невозможно сделать.

— Скажи, что мать не умирает, — повторил Кармапа.

— Очень жаль, но я не могу сказать вам этого, — ответил отец.

На следующее утро Чиме Дордже и я отправились домой. Позже мы услышали, что мать Кармапы умерла через неделю после того. Кармапа кремировал её останки на широкой равнине к северу от Дильяга.

Чиме Дордже настаивал на своём уходе до того, как она умерла, хотя его просили остаться ещё.

— Всегда настанет час, когда поддерживающие ритуалы уже не помогают, — сказал мне Чиме Дордже.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Ближе к концу, когда я смотрел на неё оком чода, у неё не было головы, — объяснил он. — Я понял, что смерть неминуема. Вот почему я попросил меня отпустить.

В следующий раз я встретился с Кармапой в монастыре Сурманг, куда поехал встречать отца по его возвращении из Силинга после длительного путешествия. К счастью, это совпало с посещением этого монастыря Кармапой. В то время я попеременно был помощником то отца, то Самтена Гьяцо, в зависимости от того, кто из них присутствовал в свите Кармапы.

В Сурманге мне представился случай познакомиться с конём Кармапы. Этот конь был необычным и славился тем, что давал людям благословения, копытом касаясь их головы. Люди становились в ряд, а конь давал благословение: дотрагиваясь копытом до головы человека, он издавал такой звук, который при наличии некоторой доли воображения можно было принять за ХУНГ ХУНГ ХУНГ. Большинство людей конь касался очень легко, но кое-кто, бывало, получал хороший удар.

«Кто знает, что этот конь со мной сделает, — подумал я, — а вдруг он разобьёт мне череп!» Так что ничей пример не побудил меня получать такое «благословение». Я предпочёл стоять, наблюдая за другими.

Слух о том, что конь Кармапы раздаёт благословения, распространился в округе. Образовалась длинная очередь из людей, которые подносили коню деньги и белый шарф. Ведь у кхамцев не принято приходить с подобной просьбой с пустыми руками.

Разумеется, лошадь не умела говорить. Но она издавала звук каждый раз, когда касалась головы человека, и многим в этом звуке слышалось ОМ МАНИ ПАДМЭ ХУМ. Я ждал, что кто-нибудь получит одно из знаменитых «энергичных» благословений, но в тот день этого не случилось: конь был очень деликатен со всеми.

Много лет спустя я услышал, что однажды тот конь просто сел на свою заднюю часть и скончался, так и оставшись сидеть. Удивительно, согласитесь!

Время от времени Кармапа проявлял своё чистое восприятие — знание о смерти и перерождении существ. Однажды во время путешествия на север жители одной деревни подарили Кармапе коня. Получив этот подарок, Кармапа обратился к своему секретарю: «Этот конь — перерождение твоего отца».

Секретарь очень огорчился и спросил Кармапу, нельзя ли что-нибудь сделать? Кармапа ответил:

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? Это конь! Он уже родился им и таким останется.

— Тогда, пожалуйста, отдайте этого коня мне, и я сам буду о нём заботиться, — стал молить секретарь, — никто не будет на нём ездить.

В течение двух лет секретарь Кармапы держал того коня, кормил и холил, как только мог, пока конь не умер.

В другом путешествии Кармапа пересекал долину в сопровождении примерно девяноста всадников, как вдруг из стада выскочил козлёнок. Он со всех ног побежал за Кармапой, мекая и стараясь не отставать от него. Кармапа, наша Исполняющая Желания Драгоценность, обернулся, чтобы посмотреть на него, и сказал: «Отнесите этого козлёнка в деревню, найдите владельца и попросите отдать его мне».

Слуги взяли под мышку козлёнка, у которого вокруг шеи был повязан цветной шнурок, и поскакали к деревне. Благодаря цветному шнурку там без труда его опознали, и поэтому слуга с лёгкостью нашёл владельца, который с радостью согласился подарить козлёнка Кармапе.

В сумерках с козлёнком на верёвке слуга догнал караван. Он привёл козлёнка к Кармапе и спросил:

— Исполняющая Желания Драгоценность, зачем вам этот козлёнок?

— Помнишь того сироту, которого отдали мне несколько лет назад и который недавно умер? — спросил Кармапа. — Это он, бедняга! Он, наверное, сумел меня узнать и, не в силах снова переносить разлуку, побежал за мной, изо всех сил призывая своим криком. Пусть он какое-то время остаётся при мне.

Всю остальную часть путешествия в Цурпу Кармапа держал козлёнка при себе как домашнего питомца.

Смерть бабушки

Та искренняя преданность, которая рождается сама собой, часто объясняется стремлениями и кармическими связями, возникшими в прошлых жизнях, и моя бабушка питала именно такую преданность к Конгтрулу Старшему. Тяжело заболев, она услышала, что его перерождение, Карсэй Конгтрул, находится в Карма-Гоне, к югу от Нангчена. Она отправила посланца, чтобы пригласить его. Именно в то время в Цикее происходил ежегодный друбчен по практике *Тудруб барче кунсел* — самому известному из учений-кладов, открытых великим тертоном, — и Карсэя Конгтрула попросили возглавить эту церемонию¹⁶¹.

В Цикее Карсэй Конгтрул остановился в очень необычном помещении. Этот маленький храм, примыкавший к залу собраний, назывался Куцаб Ахаканг, потому что в нём находилась статуя, которую почитали как символ (*куцаб*), представляющий Лотосорождённого Гуру в образе Гуру Махакалы. Хотя это изваяние было совсем небольшим, оно было очень известным и связанным с циклом учений-терма «Спонтанное исполнение желаний», которое было обнаружено неподалёку. После этого открытия великий Кхьенце получил видение, в котором это изваяние выросло до размеров горы.

Давайте я немного расскажу вам о Карсэе Конгтруле. Большей частью он жил в Палпунге. Позднее, в Цурпу, я получил от него «Сокровищницу драгоценных терма». Возможно, вы помните, что я упоминал о великом учё-

38.
Место терма
над Цикеем
и нынешний
тулку

ном Таши Осере, высокообразованном и совершенном учителе, который был учеником Кхьенце и Конгтрула Старшего. За много лет до того Таши Осера пригласили в Цурпу, чтобы он дал передачу-лунг Кангью-ра, переведённых слов Будды.

Когда Таши Осер закончил чтение вслух этого объёмного собрания слов Будды, Кармапа с благодарностью сказал:

— Я исполню любое ваше желание.

Таши Осер ответил:

— У меня только одна просьба: как вы знаете, у нас с вами один и тот же коренной гуру, а поскольку он родился вашим сыном, пожалуйста, позвольте мне взять его обратно в монастырь Палпунг.

— Прекрасно. Я не нарушу своего слова, — сказал Кармапа.

Однако, поскольку тулку было всего три года, Таши Осер понимал, что не сможет увезти ребёнка сразу же. Однако он заручился согласием, что со временем воплощение Конгтрула вернётся в Палпунг.

Спустя много лет Карсэй Конгтрул попросил Самтена Гьяцо даровать полные посвящения Тутдруб барче кунсел, а потому явился в Цикей, чтобы получить их. Посвящения проходили в личной комнате Кончога Палдрон, и я был одним из помощников, меняясь через день с Дудулом.

Карсэй Конгтрул был сыном пятнадцатого Кармапы, а также перерождением Конгтрула Великого. Когда Самтен Гьяцо был готов давать посвящения, часто бывало, что Карсэй Конгтрул не слишком торопился войти внутрь. Иногда он задерживался снаружи: прогуливался, отдыхал или разговаривал на разные темы.

Однажды Самтен Гьяцо закончил подготовку к следующему посвящению и сказал мне: «Ну что там? Не идёт Ринпоче? Пойди поищи его».

Я пошёл в помещение Карсэя Конгтрула и сказал: «Уже всё готово для посвящения». Он ответил: «Хорошо». Но, будучи весьма важной персоной, Карсэй Конгтрул не привык торопиться под чьим-либо давлением: не напрягаясь, он неспешным шагом направился к помещению, где происходило посвящение. Когда он наконец прибыл, Самтен Гьяцо, как обычно, вышел из внутренней комнаты, чтобы приветствовать его в знак уважения.

Я уже упоминал, что Самтен Гьяцо иногда мог быть довольно суров. Когда он стоял в ожидании, мы видели на его лице достаточно грозное выражение, а то, что он потом сказал Конгтрулу, нагнало страх даже на меня.

«Все мы знаем, что вы сын Кармапы и перерождение Конгтрула Великого. Но именно вы велели мне дать эти посвящения, и только потому я это делаю. Ведь не сам я навязался давать их вам, не так ли? Поэтому, если вы хотите получить посвящения, приходите тогда, когда закончена подготовка к ним. Если вы не желаете приходить вовремя,

от вас требуется только одно — сказать мне об этом. Тогда я не буду трудиться зря».

Вид разгневанного Самтена Гьяцо вселил страх в Карсэя Конгтрула. С тех пор он боялся опаздывать, и его повар всегда ждал рядом со мной, когда я подам ему знак пригласить его учителя, то и дело спрашивая: «Уже пора? Уже пора?»

Однажды этот повар наклонился ко мне и прошептал: «Я не должен такого говорить о Самтене Гьяцо, потому что он вдобавок и гуру Кармапы, но не слишком ли он сердитый?»

Тем не менее Самтен Гьяцо дал Карсэю Конгтрулу больше сотни посвящений.

39.
Карсэй Конгтрул —
сын пятнадцатого
Кармапы

Во время этих посвящений Карсэй Конгтрул спросил дядю Терсэя, не согласится ли он дать ему устную передачу первого тома «Новых сокровищ», который называется «Сущностное руководство — устные наставления». Разумеется, Карсэй Конгтрул захотел, чтобы дядя Терсэй сидел на троне, — но в ответ на это дядя Терсэй тут же уселся на пол.

«Не взваливайте на меня это тяжкое бремя, — взмолился дядя Терсэй, — делая из меня, ученика, учителя! Я могу дать вам эту передачу единственным способом — представив её как подношение мандалы».

Дядя Терсэй был человеком чрезвычайно простым и неподдельно скромным, и поэтому они продолжали препираться. Карсэй Конгтрул даже послал людей принести несколько подушек, но дядя Терсэй отказался сидеть и на них. В конце концов он согласился сесть чуть повыше — на одну тонкую подушку выше обычного — и дал устную передачу.

Необычайная скромность дяди Терсэя была одной из причин, почему я получил от него всего лишь пару посвящений. Вместо этого я получил большую часть «Новых сокровищ» от Самтена Гьяцо. Действуя в согласии со свойственными ему скрупулёзностью и требовательностью, он никогда не произносил неправильно и не опускал ни единого слога. Хотя «Сущностное руководство — устные наставления» составляют всего один том, ему потребовалось два дня, чтобы прочитать его вслух для Карсэя Конгтрула.

Однажды Карсэй Конгтрул сказал мне, что три раза выполнил дубччен, используя терма Тугдруб барче кунсел, и каждый раз получал особые знамения.

— Пожалуйста, расскажите мне, что это было, — попросил я.

— Один раз обильно пролился нектар, очень сладкий и чуть кисловатый, похожий на превосходный *чанг*; он струился из торма, стоявшего на алтаре, до самого входа в храм. В другой раз на алтаре начала кипеть жидкость в сосудах с амритой и рактотой, причём раздавались звуки бурлящей воды, а алтарь был окружён радужными лучами, осветившими самые дальние стены зала собраний, так что их видели все двести или триста участников. В третий раз мы к тому же приготовили священные снадобья, и их благоухание чувствовалось на расстоянии семи дней пешего пути. За всю свою жизнь я никогда не был свидетелем знамений столь же удивительных, как в тех трёх случаях.

— Если ты хочешь обязательно получить знамения и знаки, то Тугдруб в этом отношении не имеет себе равных, — добавил Карсэй Конгтрул.

Всё это могло объясняться сочетанием глубокого учения-терма и такого великого учителя.

— А не связаны ли эти знаки всё-таки с вашим присутствием? — спросил я.

— Что во мне такого особенного по сравнению с Лотосорождённым? Тутдруб — это метод постижения его ума. Мне просто посчастливилось видеть всего несколько крошечных знаков его величия.

Карсэй Конгтрул хранил полные монашеские обеты, а также был вправе наделять этими обетами других. Поэтому на церемонии дружбы, которую он возглавлял, многие пользовались возможностью принять монашеские обеты. Как-то раз дядя Санг-Нгак, назвав Карсэя Конгтрула титулом, в котором проявлялась любовь к этому учителю, сказал мне:

— Почему бы тебе не попросить нашего Благородного Защитника, чтобы он и тебя посвятил в монахи? Намного лучше быть настоящим монахом, если хочешь поддерживать учения Будды. Вспомни своего отца и все те трудности, которые у него есть из-за жён и детей, — ведь так хлопотно быть главой семейства! А теперь посмотри на меня — как легко жить простым монахом! Единственный способ сохранить свою свободу — стать монахом: хочу ли я остаться или уйти, это моё решение и только моё. Уверю тебя, связав себя с женщиной, ты рано или поздно окажешься у неё под каблуком. Появятся дети — тебе придётся заботиться и о них, и об их матери, а то и обо всей её семье! Посмотри вокруг: у многих ли есть свой учитель? Не думаешь ли ты, что Самтену Гьяцо и мне приходится труднее, чем твоему отцу и Терсэю, который является нгагпой? Окажи услугу самому себе и подумай над этим как следует. Почему бы тебе просто не сделать следующий шаг и не стать монахом?

Самтен Гьяцо находился в этой же комнате, но не проронил ни слова.

— Я не могу на это решиться, — ответил я.

— Что трудного в таком решении? Прямо сейчас мы удостоены большой милости — нас посетило воплощение Конгтрула Великого, истинного Вайроцаны, вернувшегося в облике человека. У тебя есть прекрасная возможность. Нечего и думать — сделай это, и всё!

— Мне нужно подумать. Дайте мне время, — ответил я.

В тот день он снова принялся меня убеждать и продолжил то же самое на следующее утро. Дядя Санг-Нгак был далеко не бедным монахом, поскольку на его попечении не было монастыря, и теперь он сказал:

— Я отдам тебе всё, что у меня есть, до последней нитки, если ты примешь монашеские обеты.

В конце концов я объявил ему:

— Я честно старался разобраться в самом себе, но не обнаружил ни малейшего желания стать монахом. Конечно же, я хочу постигать Дхарму — это само собой разумеется, — но у меня нет никакой склонности

принимать полные монашеские обеты. Что толку быть монахом, если к этому не лежит сердце? Честно, Ринпоче, нет никакого смысла делать это по принуждению, а не из чувства истинного отречения. Прошу, не давите на меня так жёстко.

Но он всё-таки не отказался от этой мысли, но снова и снова проверял, не передумал ли я. Однако же Самтен Гьяцо, хотя сам был абсолютно безупречным монахом, никогда не заговаривал со мной о принятии монашества.

В конце концов я сказал дяде Санг-Нгаку:

— Вы очень добры, что обещаете мне подарить всё своё богатство, но я сделал свой выбор. Даже если бы кто-то подарил мне яка, навьюченного чистым золотом, сейчас я не готов принять монашество.

— Ну-ну, — отвечал Санг-Нгак, — вижу, ты действительно принял решение!

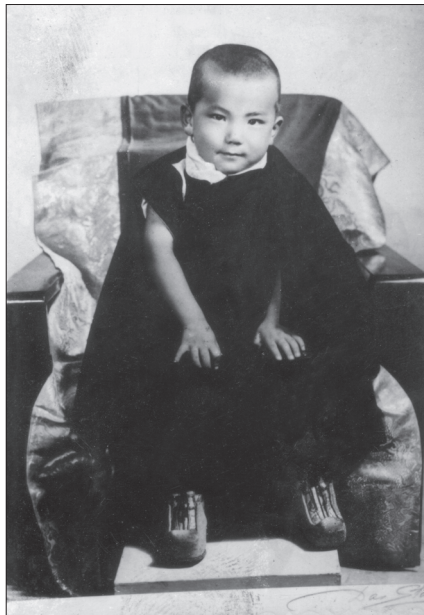
На том всё закончилось.

Вот почему я так и остался мирянином, обычным семьянином. Я ношу кое-что из буддийской одежды, например накидку, потому что мне это нравится, но на самом деле я мирской человек.

Причина, почему я не принял монашество тогда или потом, заключалась просто в том, что я не верил, что смогу сдерживать обеты. Ведь Самтен Гьяцо не только никогда не касался женщин, но и в рот не брал мяса и спиртного. То же самое можно сказать и о дяде Санг-Нгаке.

Если принимаешь монашеские обеты, то нужно хранить их в чистоте, как это делали мои дяди или Кармей Кхенпо. Я питаю глубокое уважение ко всем, кто так поступает, но только не к сомнительным аскетам, которые так часто встречаются ныне. Возможно, мне недостаёт чистого восприятия, но я не видел многочисленных примеров чистых монахов даже и тогда.

Я был убеждён, что недостаточно просто надеть монашескую одежду и стать монахом только по названию. Вместо этого я решил честно оценивать, кто я есть на самом деле, и одеваться соответственно этому. Я подумал, зачем мне скрывать свои недостатки? Как говорится в поговорке: «Что толку заворачивать дерьмо в парчу?»

40.
Тулку Карсэя
Конгтрула

На друбчене в Цикее, в котором я принимал участие, присутствовали и Самтен Гьяцо, и мой отец, которые сидели перед Карсэем Конгтрулом, руководившим церемонией. Во время перерывов на чай все они ненадолго расходились по своим комнатам, но однажды после перерыва никто из них не вернулся. Я стал бояться, что моя бабушка покинула своё тело, — и действительно, ко мне пришли сообщить о смерти Кончога Палдрон.

Наверное, перед смертью она сказала Карсэю Конгтрулу: «Я достигла последней черты между жизнью и смертью».

Карсэй Конгтрул оставался с ней некоторое время и давал наставления, которые называются «напоминание о самадхи»¹⁶². Потом он спустился в своё помещение. Я пошёл к отцу, дядям и Пэнджигу, которые были в главных комнатах наверху.

Дядя Терсэй первым нарушил молчание. По своему обыкновению он держался так, будто совершенно лишён уверенности в себе. Он сказал:

— Вот мы, четверо её сыновей. Из всех нас я один обычно оставался с матерью, я был ближе всех к ней. Вы приезжали и уезжали, а я оставался рядом с ней. Теперь она ушла — ушла! И у меня такое чувство, будто вырвали моё сердце.

Слёзы текли у него по щекам, когда он продолжал:

— Меня мучает тревога, когда я думаю о тонкостях действия закона кармы. Что станет с нашей Драгоценной Матерью?

Другие сидели молча, а дядя Терсэй рыдал. Наконец Самтен Гьяцо сказал:

— Прекрати сейчас же! Что толку плакать?

— Есть толк или нет, когда у человека горе, слёзы текут сами — я ничего не могу поделать, — объяснил дядя Терсэй.

— Горе не у одного тебя, а у всех нас. Разве не все мы дети одной матери? — спросил Самтен Гьяцо.

— Но куда же она теперь уходит? — сокрушался дядя Терсэй. — Разве вы не помните историю о Смритиджняне, проделавшем путь из Индии в Восточный Тибет, чтобы спасти свою мать, — она переродилась здесь в одном из камней, из которых был сложен очаг?

Дядя Терсэй имел в виду историю об одном из индийских пандит, который пришёл в Тибет, но, не зная языка, вынужден был на три года наняться в пастухи. Когда срок окончился, он сделал вид, что собирается уходить, и хозяин спросил его, чем он может его отблагодарить на прощание? Пандита показал на большой камень в очаге. Просьба была необычной, но ему отдали этот камень. Он расколол его, и внутри в щели оказалось большое насекомое, которое каждый день мучилось от огня.

После этого пандита погрузился в самадхи, и у всех на глазах насекомое окружил радужный свет. Этот свет поднялся в небо. Тогда пандита взял мёртвое насекомое и бросил его в огонь.

Слёзы все также текли по щекам дяди Терсэя, когда он продолжал:

— Хотя сын был великим практиком, его мать попала в беду. Закон кармы так сложен. Подумайте об этом! Наша мать тоже может попасть в беду. Ах, куда она теперь направляется?

— И разве вы не помните историю о матери Кхьенце Старшего, которая была мирской *дакини*? Когда она скончалась, ему пришлось усиленно практиковать, направляя силу своего самадхи на очищение её препятствий. А ведь в наше время трудно найти учителя столь же великого, как он, разве не так? Но, несмотря на это, его мать после смерти попала в беду.

— Конечно, наша мать была дочерью Чокгьюра Лингпы, но, когда он умер, у неё появлялся один ребёнок за другим, и она жила в невестках в чужом доме. Ей пришлось много страдать. Да, на склоне лет она практиковала больше, но всё равно я беспокоюсь за неё. Вот почему я так горюю.

Поскольку дядя Терсэй был мастером таких излияний, Самтен Гьяцо прервал его:

— Не говори так! Возьми себя в руки и подумай! Все мы здесь одна семья, поэтому можем говорить откровенно. Слушай! Прежде всего Чокгьюр Лингпа был не обычным человеком, а личным посланцем Лотосорождённого. Как ты хорошо знаешь, все основные ученики великих тертонов, возглавляемые десятью первостепенными держателями Дхармы, предсказаны в пророчестве Падмасамбхавы. И ты должен помнить эту строку из его пророчества: *«Три сына станут воплощениями трёх главных бодхисаттв»*. Одним из этих трёх, без сомнения, был Цеванг Норбу, другим — Вангчог Дордже, а третьей — наша мать. Такие слова нельзя произносить открыто: в наши дни и в нашу эпоху люди могут неправильно их истолковать. Тем не менее мать — воплощение Ваджрапани, Владыки Тайн. Я ни капли в этом не сомневаюсь. Ведь ты не станешь называть Чокгьюра Лингпу шарлатаном, не так ли? А будешь ты называть Лотосорождённого лжецом? Так что возьми себя в руки!

Что может заставить Ваджрапани родиться в аду? Подумай-ка! — продолжал Самтен Гьяцо. — Это невозможно, это противно самой природе вещей, а также Дхарме. Я совершенно не беспокоюсь о судьбе нашей матери: я знаю, что у неё всё сложится более чем хорошо. Я вижу её совершенно чистым восприятием и ни на миг не допускаю мысли, что она могла бы отправиться в низшие миры. Я говорю это только в узком семейном кругу, но именно наша мать — одно из трёх предсказанных

воплощений. Причины и обстоятельства для её рождения одним из троих сыновей Чогьюра Лингпы присутствовали в полной мере, но есть мнение, что некоторое загрязнение самайи привело к изменению пола. Говорят, что вследствие минутного проявления упрямства супругой Чогьюра Лингпы у неё вместо сына родилась дочь. Но, с другой стороны, родившись женщиной, наша мать дала жизнь нам четырём, и ныне мы, несомненно, продолжаем линию тертона. Есть ли у нас какая-либо причина сожалеть о своей участи в этой жизни? И всё это благодаря нашей матери. Я абсолютно уверен, что она была воплощением Ваджрапани, — в этом нет ни тени сомнения.

Потом, обратившись к дяде Терсэю, в разговор вступил мой отец:

— Как, по твоему мнению, может ли человек пасть в миры ада, после того как он получил три видения Тары? Если да, то это значило бы, что благородная Тара не обладает никакими благословениями. Я много раз давал людям для их защиты маленькие мешочки с зёрнами ячменя, которые благословила наша мать. Когда их привязывали на шею коз и овец, животные становились неуязвимыми даже для пуль. Такое случалось не раз! Может ли тот, кто обладает такой силой благословения, переродиться в аду? Или ты хочешь сказать, что у нашей матери не было такой силы? Конечно, то, что ты говоришь о чрезвычайной тонкости закона кармы, верно, но, и это только между нами, не причисляй нашу мать к обычным существам.

Сбоку раздался низкий голос дяди Санг-Нгаку:

— Это верно, точно так думаю и я. Я не считаю, что матери что-то угрожает. Действие кармы бывает непростым, это точно, и что я могу знать на самом деле? Тем не менее я был её главным помощником и в эти последние годы видел её таким человеком, в котором вы могли бы и не узнать своей матери, которую помнили. Клянусь, что она полностью освободилась от состояния заблуждения. Я знаю это по собственному опыту: она стала такой непосредственной и простой, она перестала различать качество пищи. Что бы ни происходило, она никогда не выражала неодобрения — для неё всё было прекрасно. Я уверен, что она уже не была обычным человеком.

Потом снова заговорил Самтен Гьяцо:

— Я один из тех, кто дал ей учения ума. Она была дочерью великого тертона, но это верно, что она вышла замуж за юношу из рода Цангсар, и на неё навалился груз мирских забот. К тому же один за другим родились мы четверо, и это потребовало от неё всего её внимания. Позднее мне захотелось сделать всё возможное, чтобы указать ей природу ума. Но в отличие от обычных людей она узнала её ещё до того, как я закончил. Она неизменно продвигалась вперёд, с каждым годом, с каждым месяцем, с каждым днём. Четыре или пять лет назад она полностью из-

менилась: она совершенно вышла за пределы заблуждения, не поддаваясь ему ни днём, ни ночью. Она объяснила мне это очень ясно. Как вы знаете, наша мать никогда не говорила неправды. Она сказала мне: «Я уже не отвлекаюсь ни днём, ни ночью. Однако у меня бывает краткий период неясности между засыпанием и началом сновидения».

То, что вы называете тонким действием кармы, осуществляется на основе рассудочного мышления; но тот, кто не отвлекается от осознания, уже не остаётся в плену мыслей. Ведь самсара — это волшебная игра мыслящего ума, не так ли? Не иллюзия ли она? Могу ли я хоть на мгновение подумать, что тот, кто неподвластен отвлечению, может пасть в низшие миры? Более того, можно сказать, что наша мать обрела совершенную память. Только подумайте: она не забывала ни одного слова, что бы ей ни сказали. Разве она не пересказывала до мельчайших подробностей все события, очевидицей которых была? Довольно трудно предоставить такой отчётливый рассказ.

Не её ли мнение было решающим, если речь шла о традиции приготовления торма, а также об искусстве игры на ритуальной трубе? Сравните её стиль с тем, которого придерживаются нынешние монахи, — она была носительницей подлинного искусства. Кто из её окружения лучше владел каллиграфией, которую она освоила, живя в Миндроллинге со своим отцом? А разве она не была целительницей? А не она ли знала астрологию? Не к своей ли матери мы обращались за советом по любым вопросам? Сколько бы я о ней ни думал, я не нахожу повода для беспокойства.

Вас тревожит закон кармы, но разве самадхи не служит спасением от него? Если сравнивать, что из них сильнее, то все мы знаем: одно — относительное, а другое — абсолютное. Разве могут относительные явления возобладать над абсолютной природой? Разве могут облака победить небо? Подумай об этом, Терсэй!

Как всегда, Самтен Гьяцо говорил очень убедительно.

— Это так, — добавил дядя Санг-Нгак, — за последние пару лет я тоже замечал, что у неё совершенно отсутствуют эгоистические желания. Должно быть, это и есть так называемое крушение заблуждения. Она принимала всё таким, каково оно есть.

Я сидел там тихо и слышал всё собственными ушами. Рассказывая вам всё это сегодня, я ничего к этому не добавил и ничего не искажил¹⁶³.

В течение традиционного сорокадевятидневного срока для бабушки исполнялись большие ритуалы, и по их завершении на широком лугу напротив Цикей Гомпы построили погребальную ступу. Провести погребальную церемонию попросили Карсэя Конгтрула, но в то время он был не совсем здоров, и какое-то время было неясно, сможет ли он это выполнить. Когда Карсэй Конгтрул наконец прибыл, меня назначили его

личным помощником. По вечерам я иногда пробирался в его комнату и молча сидел у него. Хотя там находились другие люди, в той обстановке невозможно было вести бесполезные разговоры.

На церемонии присутствовало множество лам, включая и прежнего Дзигара Конгтрула, которые сидели по четырём сторонам света. Кроме того, там было большое количество монахов и практиков-мирян — так много, что всё пространство вокруг погребальной ступы напоминало переполненную рыночную площадь. Сам Карсэй Конгтрул наблюдал за центральным погребальным ритуалом.

Небо было совершенно ясным, а кроме того, наблюдались и другие благоприятные знаки, такие, как потоки радужного света. Когда мы открыли кремационную ступу, многие из костей были полны тёмно-красного порошка синдхуры. Карсэй Конгтрул оставил у себя одну из таких костей. На другой кости само собой появилось маленькое изображение дакини Сангва Еше, которое Дзонгсар Кхьенце и другие учителя сочли очень важным. Эту кость Дзигар Конгтрул хранил в специальной шкатулке из лучшего сандала.

Согласно тибетскому обычаю, каждый из потомков Кончога Палдрон получил в качестве семейной реликвии одну из её самых ценных вещей. Пэнджигу достались личные чётки второго Кармапы из превосходного нефрита. Я унаследовал маленький, в четыре пальца, жёлтый пергамент с письменами дакини, который Чокгьюр Лингпа обнаружил как терма. Однако я не большой мастер следить за своим имуществом. Через некоторое время, опасаясь, как бы его не потерять, я решил, что в руках дяди Терсэя этот жёлтый свиток сохранится лучше.

Однажды Дзонгсар Кхьенце путешествовал по Нэтэну, направляясь в Центральный Тибет. Моя тётя Таши Чиме, которая глубоко верила в него, нашла возможность поговорить с ним наедине. Я слышал об этом от помощника Дзонгсара Кхьенце, который был при нём много лет, а потом умер в Сиккиме.

Тётя поднесла Дзонгсару Кхьенце прядь волос и чётки, принадлежавшие Кончогу Палдрон. Дзонгсар Кхьенце коснулся ими своей макушки. Он сказал своему помощнику, что сейчас получил нечто чрезвычайно драгоценное и будет хранить это в своей особой шкатулке для реликвий.

После её ухода учитель сказал помощникам: «Сегодня Таши Чиме, дочка Кончога Палдрон, пришла, чтобы подарить мне своё понимание, и это произвело на меня глубокое впечатление. Она достигла замечательного уровня переживания и постижения. Она сказала мне: “Я всего лишь временно это хранила. У меня много повседневных забот, и моё состояние медитации ни слишком высоко, ни безмятежно. Я не пребываю в

состоянии покоя. Моё состояние исполнено совершенной ясности и бдительности и свободно от привязанности к чему бы то ни было”. Она добавила: “Глядя на меня, вы видите старую женщину, занятую своими делами, просто прислужницу, — ведь так? Но я совсем не такая. Очень давно я получила введение в пробуждённое состояние. Мне не нужно стараться сидеть не шевелясь, будто боясь расплескать свою чашку. Я вовсе этого не боюсь”. Она продолжала: “Моё осознание всегда присутствует и бодрствует. Я не такая, как другие, которые заняты поддержанием невозмутимого покоя с помощью бездеятельного состояния ума. На самом деле я не вижу в этом никакой необходимости. Мой ум широко открыт. Я вижу, как другие медитирующие слишком волнуются и беспокоятся, как бы не потревожили их невозмутимость. Разве может истинное состояние самадхи держаться на страхе? Разве медитация не предназначена для выхода за пределы трёх миров самсары? Как можно освободиться, продолжая бояться утратить пустоту? И вообще, как можно утратить пустоту?”»

Вот какие вещи она говорила. Позднее в тот же день Дзонгсар Кхьенце заметил: «Конечно, мать у Таши Чимей была совершенным практиком медитации, но сдаётся, что и сама дочь продвинулась очень далеко, — как вы думаете?»

Чоклинг из Цикей, яркая личность

Чоклинг из Цикей был не только невероятно остроумен и находчив, но также пользовался известностью и влиятельностью, а также был довольно хорошим политиком. Хорошо известный своей способностью улаживать диспуты, он оставил бы вам мало шансов, если бы вам довелось быть его противником. Он был невероятно уверенным в себе и держался так внушительно и величаво, словно не было никого выше его. Он обладал очень властным характером.

Ни у кого другого я не видел таких чистых и блестящих глаз, как у Цикей Чоклинга. Немногие могли выдержать его взгляд больше чем мгновение. К тому же он был очень красив и, думаю, в молодости был похож на бога.

Я считал его просто поразительным!

Однажды разгорелся политический спор между тибетским правительством и китайской провинцией, расположенной к востоку от Кхамы. Чоклинг выступил в качестве посредника. Обе стороны наделили его высоким политическим статусом, подкрепив его парчовым одеянием и знаком отличия. Разногласия были достаточно серьёзными и могли привести к большому конфликту. Однако благодаря своему проныцательному уму и твёрдости характера Чоклинг сумел разрешить спор и избежать войны¹⁶⁴.

Великий Кхьенце и Конгтрул умерли, когда Цикей Чоклинг был ещё молод и от старого поколения учителей оставался только Кармей Кхенпо. Цикей Чоклинг и Кармей Кхенпо были настолько разными людьми, что я не знаю, насколько тесно они общались. В конце концов, именно Самтен Гьяцо указал Цикей Чоклингу на самосущее осознание в его обнажённом состоянии, так что он постиг его доподлинно. Поэтому на склоне лет он считал Самтена Гьяцо своим единственным коренным гуру и непоколебимо верил в него. Самтен Гьяцо был младше него, но это не имело значения, и он всегда просил учений у Самтена Гьяцо.

Цикей Чоклинг не привык ставить себя ниже других учителей. «Я не кланяюсь всякому ламе, которому случится быть рядом, — говаривал он, — и делаю исключение только для Кармапы». Редкий случай, когда можно было увидеть, как он кланяется, простираясь на полу, — это присутствие Самтена Гьяцо.

В те времена Цикей Чоклинг имел почти то же звание и положение, что и Кармапа, и он никогда не просил других лам касаться рукой его головы, чтобы дать ему благословение. Когда его посещали другие учителя — как бы их ни почитали, — он обращался с ними как с равными. Но, несмотря на своё высокое духовное звание, он отказывался сидеть выше, чем Самтен Гьяцо. Единственным исключением было его посещение монастыря своего учителя, где он был вынужден садиться на главный трон. Со своей стороны Самтен Гьяцо оказывал Цикей Чоклингу безмерное уважение.

В отличие от Чокгюра Лингпы Цикей Чоклинг не был склонен давать учения и посвящения, хотя мне он и дал несколько кратких наставлений о природе ума.

К концу жизни Цикей Чоклинг вёл себя не как обычный человек, но совершенно как малое дитя. Он почти никогда не произносил ни слова, если его не спрашивали. Он ничего не предпринимал сам, а только по просьбе, однако если уж что-то делал, то делал достаточно хорошо. Например, он сидел неподвижно и никогда не подносил свою чашку ко рту, если ему не говорили: «Ринпоче, выпейте, пожалуйста, чаю», — тогда он делал глоток. Или, когда приходил посетитель, он просто сидел, пока я не говорил: «Ринпоче, к вам пришли, поговорите, пожалуйста, с гостем». Тогда он произносил: «Да-да» — и начинал говорить.

Никто точно не знал, находится ли он в состоянии самадхи, выйдя за пределы заблуждения, или у него был удар, — а сам учитель, конечно же, не говорил об этом. Но, даже если он и был болен, никаких страданий он, по-видимому, не испытывал. На самом деле трудно найти подходящие слова, чтобы его описать.

Поскольку он был довольно стар, и не сказать, чтобы здоров, он спросил моего отца, не смогу ли я или Пэнджиг приехать в Цикей, чтобы ухаживать за ним. Пэнджиг был уже понпо, местный начальник, и, поскольку Цикей Чоклинг настаивал, Самтен Гьяцо в конце концов согласился отправить меня. «Лама действительно стар, — сказал Самтен Гьяцо моему отцу, — поэтому пусть будет, как он хочет».

Я оставался с Цикеем Чоклингом месяцев шесть, выполняя обязанности слуги и сиделки. Мы довольно хорошо ладили, нас связывали тёплые отношения, и я охотно делал всё, что он меня просил. Те месяцы я провёл с пользой для себя.

Одна из моих обязанностей была развлекать его и не давать спать. Поскольку я хорошо умел лепить из теста, иногда делал его скульптурные портреты. У него был выдающийся профиль, и, увидев собственный большой нос, он разражался громким смехом.

Я умел не давать людям заснуть.

Цикей Чоклинг рассказал мне много историй в свойственном ему самом простом стиле — только голые факты безо всяких прикрас.

Очевидно, он получал много видений, поскольку рассказал мне несколько историй о посещении им чистой земли Падмасамбхавы, где он даже встретился с самим Лотосорождённым Гуру!¹⁶⁵

Как-то раз, когда он отправился на пикник у реки, он сказал мне:

— Говорят, что Самтен Гьяцо — воплощение Четырёхрукого Махакалы, и я думаю, что это весьма возможно.

— Почему вы это говорите? — спросил я.

Тогда он рассказал мне о своём видении, в котором он посетил Достославную Медноцветную гору, чистую землю Падмасамбхавы. Он даже описал расположение внешних и внутренних стен¹⁶⁶. По всем четырём сторонам от центрального дворца стояло по ступе, и в одной из них находился удивительный камень с нерукотворной мандалой, изображающей сорок два мирных божества, которые были вырезаны на её поверхности. Всякий, кто входил на Достославную Медноцветную гору, должен был пройти через основание этой ступы и тем самым очиститься от омрачений восприятия.

Когда Цикей Чоклинг приблизился к ступе, он увидел камень с отпечатками рук и ног Падмасамбхавы. Уходя, он заметил, что справа от этой ступы в горе есть пещера, и спросил привратника, чья это пещера?

— Это пещера Четырёхрукого Махакалы, — ответил привратник.

— Я должен с ним встретиться, — сказал Цикей Чоклинг.

Однако ему сказали, что Махакалы там нет, но есть его супруга Дусолма. В пещере он увидел Дусолму, охранительницу учения, а также пустое лотосовое сиденье.

Посмотрев на лотосовое сиденье, он увидел, что там лежит нож Самтена Гьяцо. Самтен Гьяцо всю жизнь носил с собой этот нож. Поскольку он не ел мяса, то это был не обычный для кхамца кинжал для отрезания мяса, а маленький ножик, который он носил на поясе.

— Э! — воскликнул Цикей Чоклинг. — А что тут делает ножик Самтена Гьяцо?

— А ты посмотри вниз и кое-что увидишь, — ответила Дусолма.

Когда Цикей Чоклинг повернулся и посмотрел вниз на наш мир — а такая возможность была, поскольку это было видение, — он сосредоточил взор на Кхаме и увидел блестящую лысую голову Самтена Гьяцо, который находился в своём монастыре.

— Четырёхрукий Махакала там внизу, — продолжала Дусолма. — Разве ты его не видишь? Ты не знаешь, кто это?

Цикей Чоклинг внимательно осмотрел всю область Цикей и остальную часть Восточного Тибета. Наконец он сказал:

— Я не вижу никакого Махакалы, а вижу только Самтена Гьяцо, внучатого племянника Чокгьюра Лингпы.

— Это он и есть, — сказала Дусолма. — Разве ты не знаешь, что этот нож — *дриг* Махакалы.

«Теперь я знаю, почему он всегда носит с собой этот маленький ножик», — подумал Цикей Чоклинг.

В другом своём видении Цикей Чоклинг узрел Самтена Гьяцо и как воплощение Вималамитры, индийского учителя, чрезвычайно важного в линии передачи дзогчен¹⁶⁷. Благодаря этому видению он записал терма ума, небольшой текст садханы, в котором раскрывалась необычная природа нынешнего воплощения Самтена Гьяцо, история обретения им духовной реализации, глубинные наставления и другие подробности. Он хранил эту книгу при себе, спрятав в одежде, никогда не расставался с ней и использовал в своей ежедневной практике.

41.
Монастырь
Цикей

Некогда великий Кхьенце посоветовал Чокгьюру Лингпе основать свою резиденцию в том месте, где сливаются реки Цичу и Кечу, — отсюда и название Цикей, где был построен монастырь. Существовало пророчество, что это будет священное место, хранящее необычайное учение-терма «Спонтанное исполнение желаний». Выше по реке были несколько естественно образовавшихся горячих источников, и люди часто ходили туда и проводили неделю, восстанавливая свои силы купаниями в тёплой воде.

Как-то раз Цикей Чоклинг вместе с моей драгоценной бабушкой, Самтенем Гьяцо, дядей Терсэем и некоторыми людьми из руководства Цикейя отправились к горячим источникам. Они разбили шатры вдоль берега реки, и ламы пошли купаться в естественных бассейнах. Цикей Чоклинг, сняв с себя одежду, тщательно завернул в неё свою книгу. В одной набедренной повязке йогина он вошёл в горячую воду. Когда Цикей Чоклинг выходил из воды, Самтен Гьяцо подошёл, чтобы подать ему одежду, и, когда он её поднял, книга выпала.

У Самтена Гьяцо было такое обыкновение: он никогда не упускал возможности просмотреть буддийский текст, попавший к нему в руки¹⁶⁸. Как только он увидел книгу, он стал её разворачивать.

«Если он увидит текст, то может его повредить, — подумал Цикей Чоклинг, — я должен не допустить этого!»

Поэтому он закричал:

— Отдай это мне! Дай сюда! Не нужно разворачивать!

Это вызвало подозрения у Самтена Гьяцо.

— Конечно, отдам, — ответил он, — позволь только сначала взглянуть.

Самтен Гьяцо прочитал заглавие, перевернул страницу и стал читать о том, что в нём самом предполагают воплощение Вималамитры. Там прилагалась даже садхана гуру, дополненная тонкими тантрийскими стадиями зарождения и завершения.

Вместо своей книги Цикей Чоклинг получил хорошую взбучку. «Тебя считают перерождением Чокгьюра Лингпы — по крайней мере, такое мнение было у великого Кхьенце, — и до сих пор я был совершенно уверен, что так оно и есть. Я рассчитывал, что ты будешь держателем “Новых сокровищ” на благо Дхармы и всех живых существ. Но теперь, когда я смотрю на твои каракули, вижу, что ты законченный шарлатан, мошенник, обманывающий людей, отъявленный лжец! Какой позор для Дхармы! Поклянись мне, что с этого дня, ты никогда не будешь заниматься записыванием подобной лживой чепухи!»

Самтен Гьяцо ринулся к широкой и бурной реке Кечу и бросил книгу в её вспененные воды.

Однако на этом Самтен Гьяцо не успокоился и продолжал бранить Цикейя Чоклинга: «Ты делаешь из старого монаха, который совершенно

лишён каких-либо достойных качеств, человека, которым он никак не является! Что за нелепое надувательство! Если ты собираешься так себя вести, то не будет никакого толку от того, что ты тулку Чокгьюра Лингпы. Отныне не делай ничего, что разорвёт наши священные узы».

После этого случая Самтен Гьяцо никогда не упоминал об этом ни единым словом.

Как вы можете видеть, Самтен Гьяцо строго придерживался образа жизни тайного йогина. Вообще говоря, Ваджраяну следует хранить в тайне — это скорее увеличивает, чем уменьшает заслуги. То же самое верно и в отношении личных качеств йогина. Если вы станете извещать о своих особых способностях, люди сочтут это просто попыткой возвеличить себя. Если мы по-настоящему заботимся о благе других, не следует давать им ни малейшего повода иметь такие пагубные мысли о Ваджраяне и о тех, кто её практикует.

Хотя не мне судить о таких вещах, я просто верю, что чувства Самтена Гьяцо не меняют самого факта: Цикей Чоклинг и вправду обнаружил учение-терма, гласящее, что Самтен Гьяцо действительно был Вималамитрой во плоти.

Позднее Цикей Чоклинг убеждённо мне сказал: «В том терма ума было подробностей намного больше, чем я сумел записать. Самтен Гьяцо на самом деле был Вималамитрой в облике человека, но он запретил мне проронить хотя бы слово об этом».

Дядя Терсэй и Цикей Чоклинг жили в одном и том же монастыре. Иногда — поступая так, будто на какое-то время его покидало чистое восприятие, — мой дядя со своей обычной иронией рассказывал о том, каким «хитроумным» был этот тулку Чокгьюра Лингпы. Он говорил так: «Цикей Чоклинг очень умён и смел в юридических делах, но он ещё и мастер врать. Когда мы с ним остаёмся наедине, он выдумывает фантастические истории: всё преувеличивает и приукрашивает. Подчас я удивляюсь, как воплощение Чокгьюра Лингпы может так увлекаться мирскими делами. Но, с другой стороны, великий Кхьенце не мог ошибиться».

Ведь Цикей Чоклинг действительно обладал письмом, написанным собственноручно самим Кхьенце и скреплённым его личной печатью, в котором подтверждалось его признание истинным воплощением Чокгьюра Лингпы.

Дядя Терсэй часто говорил в шутливой и даже вызывающей манере. Он продолжал: «Я столько лет провёл рядом с ним, что знаю, каков уровень его переживания и медитации. С годами его духовная реализация становится очевидной — такая глубина меня удивляет. У него часто про-

является способность ясновидения. Вот почему у меня была большая вера в него.

Поскольку он благородное воплощение, предполагается, что он — кладезь совершенных качеств. Но сдаётся, что он то и дело увлекается политическими интригами. Благодаря своему острому языку он всегда одерживает верх в любой ситуации. Подчас я недоумеваю, кто он такой на самом деле, — он настолько самоуверен и дерзок, что мне кажется, лучше бы он был генералом армии. Или, быть может, он просто воплощение какого-то демона?»

И дядя Терсэй разражался смехом.

Потом он начинал снова: «Наш Ринпоче так высок и красив, у него такая представительная внешность, что, когда он идёт вместе с другими, ни у кого нет ни малейших сомнений, кто из них тулку Чокгьюра Лингпы. Он великий бодхисаттва, наделённый всеми качествами и свободный от всех недостатков. Но всё же, с другой стороны, разве не увлекается он судебными разбирательствами, чтобы помочь друзьям и победить врагов? И ему это так хорошо удаётся, что никто из обычных людей его не превзойдёт. Считается, что мирские и духовные цели противоречат друг другу — даже Будда отказался от одного в пользу другого!»

И снова мы с дядей смеялись.

«Конечно, я в нём несколько не сомневаюсь, — заключал дядя Терсэй. — Просто время от времени меня посещают такие мысли».

Истина в том, что эти двое лам были очень близки и делили всё между собой. Дядя Терсэй глубоко верил в Цикей Чоклинга, именно это делало его замечания такими смешными.

Однажды Цикей Чоклинг рассказал мне странную историю о том, что такое настоящая уверенность в воззрении.

Жил-был один старый лама, казначей небольшого монастыря, который провёл последние несколько месяцев своей жизни в затворничестве. Теперь он лежал на смертном одре и позвал Цикей Чоклинга, которого часто просили дать последние наставления или посвящения умирающему.

— Вы воплощение Чокгьюра Лингпы, — начал старый монах, — поэтому я хочу попросить вас о чём-то особенном. Это не обычная просьба, и я хочу, чтобы вы мне пообещали.

Цикей Чоклинг подумал: «Бедняга! Люди так боятся смерти и думают, что в последний момент ещё есть время, чтобы изменить всю свою жизнь. Вот ещё один такой, обезумевший от страха, который не хочет попасть в низшие миры. Но как я могу обещать ему, что его дурные дела не утащат его в низшие миры? Возможно, ему нужно было бы начать повторять мантры и заниматься медитацией намного раньше».

Но монаху он просто сказал:

— Скажи мне, чего ты хочешь.

— Прежде чем я скажу, вы должны пообещать мне сказать «да». Я скажу вам только тогда!

— Сначала скажи, а потом я решу! — ответил Цикей Чоклинг.

Умиравший продолжал возражать, пока Цикей Чоклинг наконец не согласился.

— У меня нет других желаний, кроме этого. Всем известно, что три низших мира ужасны, особенно восемнадцать областей ада¹⁶⁹. Ведь низшая из них — это ад Нескончаемых Мучений? А ещё ниже — жуткий Ваджрный ад? Вот куда я хочу отправиться. Прошу вас, лама, когда я умру, отправьте меня прямо туда. Вот что вы должны мне обещать!

— Да зачем же это тебе туда понадобилось? — спросил Цикей Чоклинг. — Почему тебе нужна моя помощь, чтобы отправиться туда?

— Без вашей помощи и благословения я сам, наверное, туда не попаду, — ответил старый лама. — Если меня не пошлёт туда кто-нибудь, обладающий особыми силами, это невозможно. Сам я время от времени уже посещал восемнадцать областей ада. Но, наверное, мне никак не удастся добраться до самого низшего — Ваджрного ада. Поэтому вы, тулку Чокгьюра Лингпы, должны мне помочь!

Позднее Цикей Чоклинг рассказал мне: «Этот старик поистине обладал уверенностью в воззрении; он совершенно не ведал страха. Вскоре он умер. Я ещё не встречал ни одного столь же бесстрашного человека. Все умирающие, которых я посещал, просили у меня благословения, чтобы избежать столь страшной участи и освободиться. Один даже просил меня обеспечить ему полное просветление. Но ещё никто не просил отправить его в ад, а тем более в Ваджрный ад».

«Этот старый лама произвёл на меня большое впечатление, — добавил он, — и я на самом деле обрёл некоторую веру в него. Я пришёл на его кремацию и своими глазами видел, что его пепел изобиловал священными реликвиями — *рингсел*. Во время кремации все видели множество радуг, исходивших из погребального костра».

Всё это означало, что тот старый лама полностью превзошёл и надежду и страх. Тот, кто постиг изначальную пробуждённость дхармакаи, уже не боится низших миров и его не влечёт перспектива просветления где-то в другом месте, потому что он уже пробуждён во внутреннем пространстве изначальной чистоты¹⁷⁰. Такой человек в момент смерти стоит на пороге обретения полного просветления. Чего же ему бояться?

Тот, кто обрёл четыре вида уверенности¹⁷¹, о которых говорится в учениях дзогчен, обладает и устойчивостью в состоянии пробуждения. Поэтому у него нет ни желания освобождения в каком-то другом месте, ни страха перед низким перерождением в сансаре. Вот в чём смысл выхода

за пределы надежды и страха. На этом этапе, даже если вы будете стараться, вам не удастся в силу неблагой кармы переродиться где-нибудь поблизости от миров ада. Так что, когда человек достигает совершенства в недвойственном осознании, он никоим образом не может попасть в Ваджрный ад. И я сомневаюсь, чтобы Цикей Чоклинг как-то удалось отправить туда того старого ламу¹⁷².

Под конец его жизни стало очевидно, что Цикей Чоклинг был ясно-видящим. Он даже поведал мне, где он переродится: в Центральном Тибете, в долине Ярлунг¹⁷³.

Он сказал: «Хотя я немало странствовал, мне никогда не доводилось побывать в Ярлунге. Теперь мой ум влечёт к этому месту, поэтому я обязан родиться там. Но я делаю это охотно; я много раз мечтал оказаться в Ярлунге».

«На некоторое время, — добавил он, — я представил, что всё, что меня здесь окружает, находится в Ярлунге. Я даже заставил себя поверить, что эта река не Кечу, а Ярлунг. В молодости я часто жил в шатрах, и это мне нравилось. Так что теперь я поселюсь у реки в своём маленьком Ярлунге. Я воображаю, что это Ярлунг. Я медитирую, представляя, что это Ярлунг. Именно там я хочу жить».

Кечу — не маленькая река, её не переплывут ни лошади, ни яки; её можно пересечь только на большой лодке. Цикей Чоклинг занимал очень высокое положение, у него было огромное количество земли — столько же, сколько и у Кармапы, так что, когда он перебрался в шатёр, сопроводить его пришлось около пятидесяти должностным лицам и слугам.

Позже я услышал, что он действительно поселился в шатре и прожил у реки два или три месяца.

Однажды я получил известие, что Тентрул, один из важных лам монастыря Сурманг, пригласил туда Самтена Гьяцо, чтобы тот дал передачу «Новых сокровищ» Чокгьюра Лингпы, и при этом требуется моё присутствие. Я хотел остаться с Цикеем Чоклингом, тем более что он мне сказал: «Если ты сейчас уйдёшь, мы больше не увидимся, — и добавил: — Но у нас нет выбора. Тебе нужно идти и получить «Новые сокровища».

Я уже был на дороге, когда услышал позади себя его громкий голос: «Тулку!» Я вернулся и спросил: «Что, Ринпоче?». Но он лишь сидел с широко открытыми глазами, не проронив ни слова. Так что я потихоньку попятился от него и снова двинулся в Сурманг. Когда я отошёл на такое расстояние, куда звуки из монастыря уже почти не доносились, я услышал его зов во второй раз: «Эй! Тулку!»

Разве мог я продолжать свой путь? Я снова вернулся к нему и опять спросил: «Да, Ринпоче, что скажете?»

Но он просто сидел, безмолвно глядя на меня. Такая сцена повторялась раз шесть.

У меня было сильное чувство, что сейчас не время покидать его и что на самом деле он не даёт мне своего разрешения. Но, с другой стороны, отец и Самтен Гьяцо ждали меня внизу в Сурманге и послали за мной, чтобы я пришёл как можно скорее.

Помню, что с каждым разом я всё больше удалялся от Цикья, прежде чем он звал меня, пока полностью не скрылся от его глаз.

Больше я его не видел.

Следующее перерождение Цикья Чоклинга указал Кармапа в своём стихотворном произведении, начинающемся такими словами: «В верхнем конце долины Ярлунг, близ храма Трамдрук¹⁷⁴, он родится в благородной семье среднего достатка. Его отец — Сильная Заслуга, а мать — Изобильное Долголетие. Он младший из троих детей».

Это стихотворное произведение завершалось указанием года и месяца его рождения, а также созвездия, которое будет в небе в это время. Ещё никогда не было так легко найти тулку. В довершение всего первое, что сказал ребёнок, когда прибыла поисковая группа: «Наверное, вы пришли за мной». Не было ни малейших сомнений, что это и есть тулку. Этот тулку был красив, как дитя богов.

Юного тулку Цикья возвели на трон в Цурпу. Сначала это сделал Кармапа, а потом и Рединг, регент Тибета, с которым у тулку была особая связь, продолжающаяся из прошлого. Регент поднёс тулку знаменитое изображение Лотосорождённого, которое называется Гуру Махасукха, и шлем Мачена Помра, одного из наиболее важных духов-охранителей Тибета. Он с большой любовью усадил маленького тулку себе на колени и разрешил играть со своими ваджрами и колокольчиками, причём одна из этих пар принадлежала великому Кхьенце. Там было несколько пар, и регент спросил маленького тулку, не узнаёт ли он какую-нибудь из них?

«Узнаю вот эту, — сказал малыш, указывая на одну пару, — вот она!» И совершенно верно: это были его собственные принадлежности. Подроском его пригласили в Кхам. Однажды он шесть месяцев оставался в монастырской школе в Дзонгсаре. В этот короткий промежуток времени он преподавал по памяти «Путь бодхисаттвы» Шанидэвы. Он был очень способный и хорошо владел речью. Ещё он обучился редкой разновидности каллиграфии и в свободное время красивым почерком переписал восемь или девять томов текстов.

Когда он прибыл в Кхам, его пригласила семья одного старого ламы, который находился при смерти. Этот лама был из влиятельной семьи¹⁷⁵, которая ежегодно жертвовала местным монастырям сотни голов скота и лошадей, и его считали самым важным учеником прежнего Цикей Чоклинга.

Когда казначей передал тулку эту просьбу, тот наотрез отказался. «Я ни за что не поеду, — заявил он, — вот и всё! Не будет этого».

Но бывают люди безудержные — семья ламы оставалась непреклонной. К тому же и все члены монастыря тулку тоже настаивали: «Этот лама был так близок с тобой в твоей прежней жизни, что ты должен поехать».

Перед отъездом тулку пошёл в комнаты дяди Терсэя, как было принято делать на прощание. Там он снова сказал:

— Я действительно не хочу ехать.

Дядя Терсэй ответил:

— Если у всех в монастыре сложилось такое мнение, что толку от моих слов? Я не говорю, что тебе не надо идти, но, наверное, помешать этому я тоже не могу.

— Не поеду! Не поеду! — снова и снова повторял тулку, он даже заплакал. Но все остальные уже собрались и пришли за ним.

На прощание он сказал дяде Терсэю: «Если я туда отправлюсь, мы больше не встретимся!» Он был ещё мальчик, подросток, но кое-что знал — больше, чем дядя Терсэй, который всегда говорил, что вместо дара ясновидения у него есть только дар видеть беспросветную тьму.

На самом деле трудность всей ситуации была связана с задачей содержания большого монастыря, где нужно было ежедневно кормить большое количество людей. Необходимо было поддерживать связи с богатыми семьями.

Так что подчас забота о престиже и материальные соображения берут верх. Именно таковы были решающие причины.

Путешествие к владениям того ламы и ритуалы кремации прошли благополучно. Подношения монастырю и самому Цикей были действительно щедрыми. И только на обратном пути нагрянула беда.

Проходя по долине, они получили известие, что живший там некий сановник внезапно умер. Он был известен как отъявленный лжец и подстрекатель многих преступлений. Прослышав, что Цикей Чоклинг со своей свитой едут мимо, его семья стала упрашивать провести ещё одну кремацию.

— Я никогда туда не пойду и не стану проводить никаких ритуалов для этого человека! — ответил тулку.

— Но, Ринпоче, — молили они, — это так близко, вам даже не придётся сворачивать со своего пути!

Тут снова сыграл роль главный аргумент, и управляющие монастыря настояли на своём. Тулку выполнил очищение для духа - покойника, и погребальный костёр подожгли.

Сначала дым подул в сторону тулку, и он вдруг вскрикнул от боли. Те, кто сидел ближе всех к нему, могли увидеть нарыв, образующийся на его горле. С тех пор тулку непрерывно мучился. Вскоре нарыв вскрылся, и на следующее утро через рану на шее был виден позвоночник. В скором времени тулку скончался.

Когда группа вернулась в Цикей, конь тулку доставил его мёртвое тело, что стало для всех настоящим потрясением. Особенно был опечален дядя Терсэй, и не только тем, что тулку умер, но больше всего тем, что он был так молод, и потеря была такой большой.

Передача в Сурманге

В линии карма-кагью есть две дополнительные ветви — Сурманг и Нендо, и каждая имеет свой главный монашеский центр. Одним из великих учителей Сурманга был Тентрул; кроме того, его причисляют к десяти главным духовным преемникам Чокгьюра Лингпы. Он был чрезвычайно важным учителем, сведущим и в Сутре и в Тантре.

Нынешний Тентрул пригласил Самтена Гьяцо в один из монастырей ветви Сурманг, где тот лично организовал передачу «Новых сокровищ» и взял на себя расходы. Для участия в этом событии в Сурманге собрались многие знающие учителя, в том числе восемнадцать главных лам и тулку из Кхама.

Честно говоря, ламам Сурманга трудно найти равных во всех линиях кагью. Там собрались около девятисот монахов, хранящих полные обеты, и ещё триста человек из монастырской школы. Было много высокообразованных лам. Дважды в месяц, в десятый и двадцать пятый день лунного календаря, Самтен Гьяцо читал лекцию для всех. Несколько человек из числа кхенпо тоже один за другим произносили впечатляющие речи.

Присутствовал и Дзигар Конгтрул, прежнее воплощение того Дзигара Конгтрула, которого вы знаете сейчас. Он славился по всему Держе как обладатель языка «острого, словно нож, рассекающий воду» — его красноречие не знало границ. Когда настала его очередь произносить речь, это было нечто поразительное. Изумляя всех, он, ни на миг не задумываясь, вставлял точные цитаты из всевозможных текстов.

Три месяца подряд отец и дядя работали совместно: утром Самтен Гьяцо занимался подготовкой к посвящению, а отец давал устную передачу. Днём Самтен Гьяцо давал посвящения в большом зале собраний.

Сначала Самтен Гьяцо взял меня, а также Дудула и других монахов, в помощники по алтарю. Но через некоторое время отец сказал:

— Если ты так мечтаешь между алтарём и ламой, то рискуешь пропустить некоторые из его передач. Я постараюсь найти способ попросить Самтена Гьяцо, чтобы он тебя отпустил.

Я знал, что Самтен Гьяцо нагоняет страх даже на моего отца, и потому сказал:

— Я считаю, что получаю посвящения таким образом. Лучше ничего не говори — у меня всё в порядке.

Но отец всё-таки поднял этот вопрос, и Самтен Гьяцо согласился. Меня освободили от моих обязанностей. Всё остальное время я просто сидел и получал передачу «Новых сокровищ» вместе с выдающимися учителями, собравшимися в Сурманге.

Ближе к концу этого трёхмесячного срока Самтен Гьяцо сказал Тентрулу: «Образованные ламы, которые есть среди вас, понимают и ценят сущность “Новых сокровищ”. С завтрашнего утра я начну давать посвящения для ограниченного круга¹⁷⁶. Я здесь не для того, чтобы возвышать себя, и не для того, чтобы давать тайные посвящения без разбору. Я заметил, что среди собравшихся есть некоторые чиновники с большим самомнением и заносчивые благотворители. Но с завтрашнего дня их присутствие будет нежелательным. Тентрул, это твоя обязанность решить, кто будет допущен, а кто нет».

В тот день, после окончания беседы, Тентрул объявил, что теперь не будет допущен ни один мирянин — только ламы и полноправные монахи.

Однако на следующее утро появился занавес, повешенный за спинкой трона одного из лам; за ним устроились различные местные сановники и должностные лица. Они притворялись, что их здесь нет: эти люди из Сурманга были известны своим нахальством.

Обычно к концу посвящения ламы выходили вперёд и получали от самого Самтена Гьяцо благословения ритуальными предметами, после чего эти освященные предметы обносили вокруг всех собравшихся. Однако в тот день Самтен Гьяцо просто остался неподвижно сидеть на троне.

После тягостной тишины он объявил: «Я слышал, что в окрестностях Сурманга люди из правящего класса очень храбры. Вы именно это хотите мне сказать? Однако большая храбрость людей из высшего общества Сурманга вовсе не является для меня причиной, чтобы бросать на ветер терма Чокгьюра Лингпы. Этот старый монах не собирается подчиняться никаким важным местным персонам: единственные люди, которых я должен слушаться, — это мои коренные гуру. Я сказал, что буду давать передачу ламам и полноправным монахам, а не мирским людям. Вот что я вчера сказал Тентрулу, и он это всем вам объявил. Но скажите мне —

разве не правда, что за этим занавесом спрятались пятьдесят мирских людей? Поэтому сегодня последний день. Я ухожу, так что на этом посвящения заканчиваются».

Это строгое внушение произвело на всех сильное впечатление, и в зале собрания воцарилась мёртвая тишина. Самтен Гьяцо велел помощникам убирать алтарь, и все стали расходиться по одному, кроме меня, отца и моего двоюродного брата Кармей Кхентрула.

Тентрул тоже остался и подозвал моего отца к трону, где сидел. «Вы брат Самтена Гьяцо. Вы должны сказать ему, что если я это допущу и не исправлю до конца дня, то стану нарушителем самайи. Я искренне ценю близкую линию передачи “Новых сокровищ”. Ведь столетия тому назад Лотосорождённый Гуру предсказал, что настанет день, когда этот самый Сурманг Тентрул станет одним из десяти главных держателей линии передачи».

«Я подготовил всё для этого события ради учений Будды и живых существ с чистыми помыслами, — продолжал Тентрул. — Я глубоко сожалею о сегодняшнем повороте событий. Получается, что я ослушался приказания гуру. Попросите его, пожалуйста, пересмотреть своё решение и, сделав трёхдневный перерыв, после этого даровать остальные передачи. Тогда я сам строго прослежу за исполнением его повеления».

Когда Чиме Дордже передал его просьбу, Самтен Гьяцо остался непреклонен: «Ни в коем случае! Как я могу разбазаривать глубокие учения-терма, которые ещё хранят тёплое дыхание дакини?»¹⁷⁷.

Поскольку отец питал глубокое уважение к Тентрулу, а также от природы был довольно мягок, он попал в трудное положение. К счастью, Кармей Кхентрул был более смел, и поэтому его попросили донести до Тентрула плохие новости. Тентрул от горя заплакал.

Самтен Гьяцо услышал и спросил: «Что он делает?» Я сказал ему, что Тентрул плачет, и спросил, что нам делать.

— Он поручил другим сделать то, что должен был сделать сам, — сказал Самтен Гьяцо, — он не удосужился не пускать сюда этих надутых сановников. Как я могу давать драгоценные учения-терма людям с таким самомнением? Так или иначе, что бы он теперь ни говорил, я уезжаю!

Снова подошёл неустрашимый Кармей Кхентрул и стал просить:

— Дядя, зачем прерывать посвящения? Нужно закончить начатое. Вы не можете оставить в трудном положении такого великого учителя, как Тентрул.

— Чепуха, — только и сказал Самтен Гьяцо.

Тогда роль посредника взял на себя мой отец и начал ходить между братом и Тентрулом. Всё это время Дудул и другие помощники стояли за дверью, никого не впуская.

— Он должен простить меня сегодня, — умолял Тентрул, — иначе я откажусь есть и спать.

— Почему он всё ещё сидит здесь? — раздражённо крикнул Самтен Гьяцо.

Я передал ему, что сказал Тентрул, потому что отец не отважился это повторить:

— Он говорит, что не будет спать ночью и есть днём, если вы его не простите.

— Ну и как это поможет делу? — ответил дядя. — Он только будет мучить самого себя. Такой шантаж недопустим в отношениях между учителем и учеником.

Это продолжалось до тех пор, пока Самтен Гьяцо наконец не воскликнул:

— Ладно! Скажите ему, что всё в порядке. Пусть идёт.

Это был трудный день! В течение следующих пяти дней монахи и ламы выполняли пиршественное подношение, используя тысячи и тысячи тор-ма для ритуала исправления разлада в отношениях. После этого посвящения продолжились, но в очень хмурой обстановке.

Как видите, Самтен Гьяцо умел быть достаточно суровым.

Учитель в дупле

Давайте я расскажу вам об исключительном тексте «Свет мудрости». Этот фундаментальный текст Падмасамбхавы читается как поэтическое произведение. Как практическое руководство он поразительно ясен сам по себе. «Свет мудрости» необъятен по своему кругозору, поскольку включает в себя практически все аспекты буддийского пути к просветлению. Кхьенце Старший выразил это в таких словах: «Этот единственный том размером в локоть перевесит груз текстов, навьюченных на сотню яков».

Конгтрул Великий снабдил коренной текст подробным комментарием. Это произведение поистине терма ума, само по себе откровение, написанное необычайно глубоко и подробно, — оно изобилует сокращениями, которые требуют многочисленных перекрёстных ссылок на множество других текстов.

Во времена моей юности считалось, что за объяснением «Света мудрости» следует обращаться к эксцентричному учителю Джамдрагу. В конце коренного текста есть несколько абзацев, в которых содержатся предсказания относительно тех людей, которые в будущем станут трудиться на благо Дхармы и всех живых существ, и точно указано, каким образом они будут это делать. Великий Кхьенце сказал, что Джамдраг был среди людей, предсказанных Лотосорождённым восемьсот лет назад и названных в самом тексте.

В тексте была указана и конкретная деятельность названных в предсказании людей. «Ваша задача, — сказал Кхьенце Старший Джамдрагу, — в том, чтобы распространять этот текст как можно шире». Поэтому всю свою жизнь Джамдраг давал устные передачи этого текста каждому человеку, который к нему приходил, просил тот об этом или нет.

Однажды какой-то человек пришёл, чтобы просто выразить своё почтение, поднеся белый шарф, как это принято у тибетцев. Джамдраг предложил ему сесть, а затем сразу стал читать вслух тридцать три боль-

ших листа текста. Это продолжалось довольно долго, и гость начал беспокоиться и протестовать:

— Я ведь пришёл только затем, чтобы поднести шарф!

— Если вы не хотели получать эту передачу, вам незачем было приходить, — оборвал Джамдраг, — а теперь сидите тихо¹⁷⁸.

Джамдраг учился у знаменитых учителей — Кхьенце и Конгтрула — и был чрезвычайно образованным. Он помогал Конгтрулу составлять «Сокровищницу драгоценных терма», собрание лучших откровений Падмасамбхавы. Позднее у него учились некоторые самые великие ламы XX века, в том числе и последние воплощения Кхьенце и Конгтрула.

Перед смертью Джамдрага Самтен Гьяцо и дядя Терсэй послали к старому ламе способного кхенпо, чтобы тот получил наставления. Дядя Терсэй передал Джамдрагу письмо, содержавшее такую просьбу: «Пожалуйста, дайте этому учёному монаху свою особую линию передачи объяснения “Света мудрости”, дабы она не исчезла».

Этот кхенпо, которого звали Джокияб, славился своим литературным талантом. Позже он рассказал мне, что этот талант появился благодаря изучению в ранней молодости подробного жизнеописания Лотосорождённого Гуру «Летопись “Золотое ожерелье”». Я всюду носил с собой через плечо этот том и просил каждого встречавшегося мне ламу дать мне учение по тому или иному отрывку из него». Так он стал большим знатоком буддийских учений¹⁷⁹.

К тому времени, когда к нему прислали Джокияба, Джамдрагу было восемьдесят три года. В качестве жилья он довольствовался пространством между корнями огромного дерева в уединённой горной местности. Старый учитель не мог сидеть прямо, потому что спина у него согнулась с годами. Джамдраг был не только очень стар по тибетским меркам, но и довольно своеобразен. Большой чудак, он носил на шее большой хлопковый нагрудник, потому что никогда не прочищал носа, а предпочитал, чтобы из него текло само собой. Его нисколько не беспокоило, что подумают люди о его внешности. Он был настоящим йогиним.

Он не носил одежды с накидкой, принятой среди практиков-монахов, — на нём было только нечто вроде куртки из обрезков старой овчины, перемежавшихся разными тряпичными лоскутами. Среди них был большой лоскут наилучшей парчи с рисунком золотого дракона. Очевидно, этот поднесённый ему кем-то образец изысканного шёлка он употребил в качестве заплаты, хотя из-за этого ему пришлось выслушать резкие упрёки от управляющего ближайшего монастыря, которому было невыносимо видеть, на что была потрачена такая прекрасная парча.

В сопровождении друга, воплощённого ламы, Джокьяб совершил трудное путешествие к уединению Джамдрага — несколько недель пешком и верхом. Но едва они наконец прибыли, как услышали от Джамдрага такие слова: «Три года назад я начал пожизненное затворничество». Это означало, что он принял обет оставаться в затворничестве до самой смерти. «Я никого не учу, — продолжал он, — я слишком стар для этого. Не сердитесь, пожалуйста».

Джокьяб с другом, конечно, не рассердились, но очень огорчились. Такой отказ, да ещё после столь долгого путешествия, был огромным разочарованием. Поэтому они всё-таки стали настаивать. «Приходите завтра утром», — только и ответил Джамдраг.

На следующее утро старый лама сказал: «Тело у меня уже не такое сильное, как бывало. Что я могу с этим поделать? Не сердитесь, пожалуйста. Приходите завтра утром». Джокьяб с другом не знали, что и делать, но делать-то им было и нечего.

Наутро Джамдраг вынул письмо дяди Терсэя и в знак глубокого почтения коснулся им своей макушки. Он говорил дрожащим голосом: «Ох! Я слишком стар, чтобы учить, но это письмо от воплощения сына великого тертона. Я никогда не встречался с самим тертоном, но был учеником его сына, Вангчого Дордже. Это повеление одного из сыновей Чокгьюра Лингпы, и потому я должен его исполнить. Если я этого не сделаю, это будет нарушением священного обещания моему учителю».

Потом он слабо покачал головой и добавил: «Но на сегодня это для меня слишком много. Приходите завтра».

Наутро, и это был уже четвёртый раз, старый Джамдраг снова вынул письмо, прочитал его ещё раз, дотронулся им до своей макушки, как раньше, и повторил то же самое, что сказал вчера. Потом он добавил: «Ох-ох-ох! Тот, кто нарушает приказ своего гуру, непременно попадёт в Ваджрный ад. Я обязательно должен дать вам это учение, но, если честно, то для меня на сегодня уже достаточно». И на этом в тот день всё закончилось.

Джокьяб вернулся на следующее утро, на этот раз вооружившись традиционным блюдом — мандалой, чтобы просить учений. Пока он пел свою просьбу, старый учитель тихо вынул письмо, прочёл его, поднял к голове и снова сказал: «Я должен слушаться приказания своего гуру, но на сегодня для меня достаточно. Приходи завтра».

То же самое с точностью часового механизма повторилось и на следующее утро. Примерно через месяц такой жизни спутнику Джокьяба это надоело. «Я знаю, что пришёл сюда по приказанию Самтена Гьяцо и Терсэя Тулку, но этот старый чудака едва может говорить. А кроме того, я не уверен, что он не выжил из ума. Его жизненные энергии так истощены, что его тело просто разваливается само собой. Как бы он смог нас

учить? Посмотри, как он ест, — половину проливает на грудь! На его одежде можно увидеть всё, что он ел за последнюю неделю. Он впал в детство! Не вижу смысла здесь оставаться».

Несмотря на это, молодой Джокьяб уговорил друга потерпеть. Дни шли, и никаких перемен. Иногда, пробормотав своё «на сегодня для меня слишком много», старый лама просто сразу же засыпал.

Когда прошло три месяца, терпение спутника иссякло:

— Ну вот что! Совершенно абсурдно продолжать торчать тут. Этот старый лама не сможет нас ничему научить. Он говорить-то почти не может! Откровенно говоря, не думаю, что он долго протянет. Я не считаю, что мы поступим против желания нашего учителя, если сейчас уйдём. В конце концов, мы страшно устали за эти долгие три месяца.

— Делай как хочешь, а я останусь, — ответил Джокьяб. — Если понадобится, я и год здесь пробуду. Как я могу послушаться таких учителей, как Самтен Гьяцо и Терсэй Тулку?

В последний раз они пошли к Джамдрагу вместе, но опять повторилась та же старая история. Наконец спутник Джокьяба попросил его отпустить.

«Ох-ох-ох!» — сказал старый лама. Он не сказал ему ни иди, ни оставайся. Он просто повторил «ох-ох-ох!» ещё несколько раз. Так что тулку подарил ему в знак прощания белый шарф и отправился домой.

После этого, хотя Джамдраг так и не начал давать учения «Света мудрости», на самом деле обстановка улучшилась. Джокьяб, как и Джамдраг, знал наизусть другой текст — *Гухьягарбху*, или тантру «Сущность тайн», самую жизненно важную из всех тантр школы нингма. Случилось, что в течение следующих трёх месяцев они вдвоём подробно обсудили эту тантру. Джокьяб сумел прояснить для себя много трудных мест и тем самым стал большим знатоком этой тантры. «Когда я вспоминаю те месяцы, — говорил мне Джокьяб, — кажется, что мы просто разговаривали, но на самом деле я получил огромное количество подробных наставлений по этой драгоценной тантре».

У них установился каждодневный порядок. По утрам, часов в девять, учитель говорил: «Пора облегчиться. Можешь пойти со мной. Я пойду вперёд, а ты принеси мою подушку и положи на солнце».

Джокьяб приносил большую подушку, на которой Джамдраг и сидел, и спал, и оставлял на лужайке поблизости. Старый учитель, облегчившись, возвращался, валился на подушку и просто лежал так несколько часов.

«Теперь он точно уж не возвратится к дереву до самого обеда», — думал Джокьяб. Старый йогин лежал на спине с широко открытыми

глазами и смотрел в небо, пока не наступало время завтракать. В полдень маленький монах объявлял, что обед готов. Так происходило изо дня в день.

Каждый день в сумерках Джамдраг обязательно выполнял краткий ритуал покорения и бросал торма, которое символизировало оружие, в восточную сторону.

— Ринпоче, почему вы это делаете каждый день? — спросил его Джокьяб.

— Ох-ох-ох, — объяснял учитель, — из страны, что на востоке, поднимается злая сила. Она полностью уничтожит учения Будды в снежной стране Тибет и погрузит страну в непроглядную тьму. Эту силу невозможно остановить, но если просто пытаться это сделать, то можно принести больше пользы, чем если бы я сто раз прочитал ритуал мирных и гневных божеств и зажёл тысячу масляных светильников. Когда я бросаю это торма, я представляю, что бью демона прямо в голову. Но это не поможет: никто не в силах остановить этого демона. Тем не менее, просто пытаюсь это сделать, я накоплю большие заслуги и очищу препятствия на пути к просветлению.

Я был ещё молод, когда слышал эту историю от Джокьяба, и этот эпизод казался мне очень странным: в те дни я ещё ничего не слышал о Мао Цзэдуне.

К тому времени прошло шесть месяцев: в течение трёх ничего не происходило, а в три другие состоялись какие-то беседы и ответы на вопросы.

Затем Джамдраг наконец начал давать учение по «Свету мудрости», посвятив несколько дней одному лишь заглавию. В течение следующих шести месяцев он продолжал учить, осветив все без исключения подробности текста. Во всех тех местах, где Конгтрул Великий в своём комментарии написал «и так далее», Джамдраг уточнял, какую книгу следует взять в монастырской библиотеке и на какой странице находятся нужные сведения. Его указания были неизменно точны.

Когда началось учение по «Свету мудрости», Джокьяб иногда спрашивал:

— Почему бы вам не перебраться в монастырь? Нам было бы намного легче завершить нашу работу. Для меня довольно трудно всё время носить книги из монастыря и обратно.

Джамдраг ответил:

— Я за всю свою жизнь никогда не жил в доме. Мне очень удобно в этом дереве. Если ты и другие ламы хотите жить в монастыре, это ваше дело.

За время, проведённое с Джамдрагом, Джокьяб повидал много посетителей, среди которых были важные ламы и богатые благотворители. Они часто приносили Джамдрагу подарки, в том числе дорогие вещи и деньги. Но старый учитель был совершенно безразличен к этим подношениям.

Если среди них было что-то красивое, он брал это и говорил: «Ух, какой красивый подарочек! Большое спасибо!»

Потом, когда человек уходил, он, независимо от того, что ему поднесли, просто оборачивался и бросал подарок в ящик за своим сиденьем. Огромные ломти сушёного мяса, крупная бирюза, мешочки с сушёным творогом и с цампой, бесценные куски коралла — всё это валялось там вперемешку. Он никогда не смотрел на подношение дважды.

Джокьяб заметил, что один из посетителей не осмеливается войти. Он был нищим и, похоже, пришёл не впервые. Он сунул голову в окошко: «Эй, Ринпоче! Подай мне что-нибудь!»

Каждый раз, когда приходил этот нищий, Джамдраг оборачивался, запускал руку в ящик с подношениями, не глядя хватал что-нибудь и протягивал в окошко с громким возгласом: «Вот, возьми себе!»

Однажды пришёл управляющий монастыря и увидел, что этот нищий только ушёл с превосходной золотой статуей. Он бросился в жилище Джамдрага и стал его укорять:

— Ринпоче, нельзя отдавать такие вещи просто так. Сначала всё нужно подсчитать и оценить, а потом уж вы можете отдать что-нибудь подходящее кому-нибудь вроде этого нищего.

— Ох-ох-ох! — ответил Джамдраг — Ты хочешь установить цену на бесценного Будду. Я на это не способен.

Управляющий не нашёл, что ответить. Джамдраг повернулся к Джокьябу и сказал:

— Бедняги. На самом деле они очень добры ко мне. Я их не виню — им нужно обеспечивать потребности монастыря. Сначала этот управляющий пришёл и сказал, что хочет получать половину от всех моих подношений. Он сказал, что они затеяли строительство, и у них много расходов, и что мне не нужно так много, потому что я ничем, кроме практики, не занимаюсь. Я согласился и позволил им забирать половину. Наверное, вышло, что это довольно много. Теперь им начинает казаться, будто мои подношения принадлежат им, и они хотят подсчитывать их, чтобы удостовериться, что получают свою долю. Мне предложили комнату в монастыре, но я всегда говорю, что я просто старый чудак, который хочет жить в дереве.

— Здесь мне хорошо, — добавил он посмеиваясь, — а если они хотят жить в монастыре, окружённые дорогими статуями и всяческой роскошью, пусть живут, если они от этого счастливы.

Отправившись к Джамдрагу за учениями, Джокьяб провёл у него целый год и вернулся с огромной связкой записей. Поскольку у него вышла вся бумага, он прибег к старому способу, делая свои записи на бересте. Когда, выполнив поручение, Джокьяб вернулся, было такое впечатление, что он несёт груз древесных стружек! После того как он развязал свою ношу, мы увидели, что каждый кусочек бересты пронумерован. Самтен Гьяцо велел ему переписать всё в должном порядке, и это заняло несколько месяцев.

Заметки Джокьяба касались сокращений и перекрёстных ссылок, содержащихся в тексте, и проясняли трудные места. В конце концов, он составил из них один замечательный том, который получил название «Дополнительное украшение “Света Мудрости”» и ныне широко используется.

Бывало, Джокьяб шутил: «Эти заметки — настоящий склад, в котором “Свет мудрости” хранится в моём уме живым и ясным. Без них я не сумел бы изложить исчерпывающее объяснение. И всё это благодаря Джамдрагу». В его голосе слышалась лёгкая печаль — ведь эти учения достались ему совсем нелегко.

Позднее Джокьяб передал мне обширные разделы учений о «Свете мудрости», на что потребовалось шесть месяцев¹⁸⁰. Самтен Гьяцо считал эти учения настолько важными, что сам присутствовал при этой передаче. Сначала Джокьяб излагал коренные строфы с начала до конца, а затем повторял их ещё раз, добавляя комментарий. Во второй раз он добавлял все записанные им заметки, каждую в нужном месте. Без них даже самому образованному учителю было бы очень трудно найти все ссылки.

Эксцентричный король

Самтен Гьяцо стал необычайно знаменит в Нангчене. Поскольку он был известен и своими духовными достижениями, к концу жизни он стал гуру короля Нангчена. Расскажу вам немного о том, как это произошло и каковы были последствия.

Чтобы вы поняли ситуацию, скажу, что Нангчен был самостоятельной страной. Королю служило правительство, которое состояло из двадцати пяти советников по внешним связям и восемнадцати советников по внутренним делам. Мои предки из рода Цангсар попали под власть короля Нангчена много веков назад, и это положение сохранялось до вторжения мусульманских военачальников из Силинга в тридцатых годах XX века¹⁸¹. Захватчики не обладали силой организованной армии — они больше напоминали шайку разбойников. Однако им удалось проникнуть в глубь Кхама, разграбляя всё на своём пути. В результате оба дворца были разрушены.

Тогдашняя королева Юдрон, имя которой значит «Бирюзовая Лампат», была принцессой из Дерге. Она родила нескольких детей — троих мальчиков и трёх девочек, но все дети умирали один за другим. Чтобы избавиться от этой навязчивой напасти, которую в Кхаме считают особым препятствием, вредоносной силой, называемой *циу*, было выполнено множество ритуалов. Но всё было напрасно.

Один из таких ритуалов служит для того, чтобы «призвать вернуться» жизненную силу жертвы, и для его выполнения требуется мастер высокого уровня¹⁸². Послали письмо Кармапе, в нём говорилось: «Наши принцы и принцессы умерли один за другим. Теперь

42.
Король
Нангчена

43.
Принц Ачен
из Нангчена

в Нангчене нет наследника трона. Простим вас рекомендовать мастера, способного справиться с этим бедствием».

К тому времени пятнадцатый Кармапа умер, и хозяином Цурпу стал шестнадцатый Кармапа — Ригпей Дордже. Он написал такой ответ: «В настоящее время в королевстве Нангчен нет лучшего ламы, чем Самтен Гьяцо.

Пригласите его в свой дворец и попросите провести защитные ритуалы». Одновременно пришло письмо и от великого Ситу из Палпунга, в котором тоже указывалось на Самтена Гьяцо. Так что моему гуру пришлось покинуть своё уединение в Крепостной Вершине.

За те три года, которые он провёл в королевском дворце, рядом с монастырём Цечу, королева родила сына, принца Ачена. В первый год своей жизни юный принц находился под постоянной защитой Самтена Гьяцо и, в отличие от своих менее удачливых братьев и сестёр, не умер. После него у короля появилось ещё пятеро детей — три сына и две дочери, многие из которых, я надеюсь, живы и сейчас.

Все считали, что для спасения королевского рода Самтен Гьяцо использовал свои замечательные способности. Разумеется, король Нангчена был безмерно рад и в соответствии с обычаем королей прежних времён даровал Самтену Гьяцо обширные участки плодородной земли.

Так что уже в преклонном возрасте мой учитель стал для членов королевской семьи самым важным ламой — они были чрезвычайно ему благодарны и спрашивали у него совета по всем вопросам.

Поскольку король Нангчена считал Самтена Гьяцо одним из своих гуру, я, как помощник дяди, часто бывал во дворце. Вообще говоря, во внутренние покои короля не позволялось входить ни одному обычному ламе и, конечно же, ни одному простому подданному — аудиенции удостоивались только высокопоставленные духовные лица¹⁸³.

Король был более склонен к духовной деятельности, чем к светским делам. Он даже отказался от встречи с одним влиятельным местным вождем, назвав его врагом Дхармы.

Король сам был ламой. Он спал только несколько часов ночью, а остальное время с большим усердием предавался практике. Весь день он повторял мантру Килаи с чрезвычайно большой скоростью, но совершенно отчётливо. Он никогда не пропускал ни одного слога и не прерывал эту свою практику. Я слышал, что за свою жизнь он повторил мантру Килаи сто тридцать миллионов раз.

В итоге король передал власть принцу и удалился в строгое затворничество, посвящённое медитации.

Вот ещё одна история, которая даёт представление о том, что это был за король.

В дворцовых садах обычно приземлялись стаи диких перелётных гусей и журавлей. Как-то раз там оказался журавль со сломанной ногой и оставался некоторое время.

Король отнёсся к этому очень серьёзно: он отправил людей найти виновника несчастья. Им удалось отыскать мальчишку, который признался, что бросил камень в птицу. Узнав об этом, король велел держать его под замком, пока птицу не вылечат. Только тогда, когда журавль совершенно поправился, озорника отпустили.

Позднее был похожий случай с диким гусем, и тогда тоже арестовали подростка. Потом народ оповестили, что все птицы в королевстве защищены королевским указом, чтобы ни один ребёнок не осмеливался поднимать на них камень.

Самтен Гьяцо жил в старом дворце, тогда как король с семьёй находился в новом дворце, расположенном поблизости. В новом дворце было помещение для собраний, которое называлось Квадратным залом. В нём усаживались крупные вожди, советники и сановники с надменным выражением лиц и в дорогих парчовых *чуба* с очень длинными рукавами. Они ходили, задрав нос, и презирали простых людей.

Король, который, как вы могли заметить, был несколько эксцентричен, не разрешил устраивать в Квадратном зале никаких мягких сидений — только жёсткие деревянные скамьи. Какого бы высокого мнения о себе ни были советники, им приходилось сидеть на голых досках!

Те должностные лица, которые имели доступ к королю по светским делам, принадлежали к высшему рангу *беху*. Их было четверо, и они носили длинные одеяния из лучшей парчи. Они тоже высоко держали голову, всем своим видом показывая свой титул и положение, — вряд ли они видели землю, по которой идут. Считалось, что они «аристократы», но мне и моим друзьям их чванство казалось забавным, и нам нравилось их передразнивать.

Так или иначе, Самтена Гьяцо часто приглашали во дворец, где он проводил религиозные церемонии. Когда он приходил, ему нужно было пройти через Квадратный зал, и обычно он слегка покашливал, прежде чем войти. Заслышав эти звуки, сановники застывали и старались встать все разом. Однажды они пытались встать, опираясь на плечи соседей,

но, не удержав равновесия, попадали, как кости домино, создав живую свалку.

Когда Самтен Гьяцо наконец входил в королевские покои, там повторялась почти такая же сцена: королева, принцы и принцессы вскакивали на ноги, бросая свои занятия. Казалось, все его боялись, даже король.

Королева Юдрон любила приглашать во дворец важных персон. Но кроме Самтена Гьяцо, я думаю, король допускал в свои личные покои только Кармапу и великого Ситу.

Однажды король пригласил Кармапу в свой личный кабинет, чтобы тот выполнил знаменитый ритуал Черной Короны с несколькими помощниками: мастером алтаря, двумя исполнителями на трубе и казначеем.

В таких случаях можно было бы пригласить ещё и другого великого тулку, но это было необязательно. Как-то раз получилось так, что Сурманг Тентрул, который был одним из главных лам в Нангчене, прибыл во дворец вместе с Кармапой.

— Исполняющая Желания Драгоценность, — попросил Тентрул, — пожалуйста, возьмите меня с собой. Говорят, что король Нангчена необыкновенный, что он воплощение Авалокитешвары. Я хотел хоть раз увидеть его воочию. Но до сих пор он ещё не удостоил меня такой чести. Пожалуйста, будьте так добры, включите меня в число ваших сопровождающих.

— Конечно, — ответил Кармапа, — почему бы нет, ведь вы один из моих главных лам. Так что теперь его свита увеличилась на одного человека.

После окончания церемонии король повернулся к Кармапе и спросил, кто этот дополнительный лама? Кармапа ответил, что это Сурманг Тентрул.

«А, так это Сурманг Тентрул! Очень хорошо! Наконец-то мы встретились» — это всё, что сказал король, пока Кармапа не удалился. Но потом король вызвал к себе казначея Кармапы.

«Разве Тентрул не один из моих подданных? — спросил король. — Разве он не житель Нангчена, не камешек под моими ногами? И всё-таки он хочет быть выше меня? Под тем предлогом, что он помощник Кармапы, он без моего разрешения пробрался в мои личные покои. Разве не так?»

Теперь пойдёшь и спроси этого Тентрула, так ли это на самом деле, и ещё спроси, почему он прибег к этой уловке? Он придумал, как подданные могут получить свободный доступ по собственной прихоти, словно бросив камень мне в лицо? Спроси его, такова была его цель?»

Этот казначей был от природы самоуверенным и властным человеком, но, когда вернулся, он был не в силах повторить слова короля Кар-

мапе. Поэтому он попытался избежать этого, обратившись сначала к Самтену Гьяцо, который, в свою очередь, позвал на помощь моего отца.

— Как нам сообщить эту новость Сурмангу Тентрулу? — гадали они.

— Поскольку король пригласил Кармапу на торжественный обед, нам обязательно нужно сказать Тентрулу до этого, — сказал кто-то из них.

— Но что нам говорить? — спросил другой.

Наконец все решили, что лучше всего, если это сделает сам Кармапа.

Но, когда они стали упрашивать Кармапу, он ответил: «Я не могу ничего сказать Сурмангу Тентрулу. Он не только один из моих избранных представителей, но и занимает очень высокое положение, что удостоверял печатью китайский император. Кроме того, он ещё и один из моих гуру. Так что, если кто-то должен извиняться перед королём, то это только я сам!»

Со своей стороны Тентрул не считал, что он нарушил какой-либо закон, поскольку он спросил разрешения у Кармапы и искренне хотел увидеть короля. Истинная проблема заключалась только в странностях характера короля. В итоге Кармапа извинился перед королём: «Если было совершено какое-то преступление, я выражаю своё сожаление».

После этого извинения король ответил: «Я никоим образом не могу принять извинения от Кармапы — это не решает дела! А дело заключается в том, что один из моих подданных дерзко проник во внутренние покои короля».

Такой уж странный характер был у нашего короля. Какова бы ни была причина — либо то, что он большую часть времени находился в строгом затворничестве, либо то, что народ не должен был иметь свободного доступа в королевский дворец, — он не уступал ни пяди.

Во всех вопросах король был, мягко говоря, непреклонен.

В те времена из Китая в Кхам начали прибывать технические новшества. Их называли «иностранные изобретения», и настал момент, когда король издал указ: «В стенах моего дворца запрещены какие-либо иностранные новшества». И действительно, в окнах его дворца даже не было стёкол, их заменяла ткань или бумага, как в старые времена. Он объяснял: «Раз у наших предков этого не было, то и нам это ни к чему». Так что при его жизни во дворце не было ни единого стёклышка.

Следующий король объявил, что он тоже не одобряет наличия иностранного оружия в своём дворце. Поэтому у солдат было только несколько мушкетов, из которых можно было сделать одиночный выстрел, причём стрелка обволакивали клубы дыма. Король относил современное оружие к разряду *дурука* и объяснял это так: «В древних пророчествах упоминается три вида дурука: полчища захватчиков, заразные болезни и

материальные вещи. Поскольку предсказано, что в наше время будут распространены войны, голод и болезни, я сделаю всё возможное, чтобы отсрочить их наступление. Я знаю, что иностранные товары становятся всё более популярными в моей стране, но я запрещаю проносить через мои ворота любые средства, относящиеся к дурука».

Король сохранял такое отношение всю жизнь. Его можно было бы называть по-настоящему старомодным.

Последние дни с Самтеном Гьяцо

Ещё до моего рождения Самтен Гьяцо дал пятнадцатому Кармапе Кхакьябу Дордже полную передачу «Новых сокровищ». Позднее супруга Кармапы рассказывала мне, что эти двое лам часто сидели вместе и беседовали до поздней ночи. Однажды вечером после ухода Самтена Гьяцо Кармапа сложил ладони в знак почтения и сказал своей супруге: «В наше время и в нашу эпоху, вероятно, нет никого, кто обладал бы столь же великим и подлинным постижением сокровенной сущности Великого совершенства». Таково искреннее мнение Кармапы о моём гуру.

Спустя годы Самтен Гьяцо пригласил новое воплощение, шестнадцатого Кармапу, в обитель Крепостная Вершина, где они обменялись передачами учений, в которых оба нуждались. Молодой Кармапа высоко ценил моего гуру, потому что Самтен Гьяцо учил и Кармапу, и его предыдущее воплощение. Когда они закончили, Кармапу пригласили в другой монастырь, и Самтен Гьяцо вызвался его сопровождать.

Под конец того визита Самтен Гьяцо сказал Кармапе: «Мы с вами больше не встретимся. Я не вернусь в Центральный Тибет, а вы отправитесь на запад отсюда и не скоро вернётесь. Теперь я уже стар, и смерть уже близка. Сегодня мы видимся в последний раз».

В ответ Кармапа не произнёс ни слова. Он был печален и безмолвен. Потом Самтен Гьяцо удалился. Мой отец и я, которые тоже были там, остались ещё на несколько дней. Мой отец тоже видел тогда шестнадцатого Кармапу в последний раз.

Хочу рассказать вам ещё кое-что о своём учителе Самтене Гьяцо, но всё, что я могу вам поведать, — это лишь немногие эпизоды из его внешней жизни. Я не в состоянии адекватно описать его внутреннее состояние медитации. Он был необычайным практиком. Сам он никогда не хвастался своим уровнем достижений и очень редко давал хотя бы сла-

бий намёк на это. В исключительных случаях что-то срывалось у него с языка.

В год перед своей смертью Самтен Гьяцо посетил маленький монастырь, и я сопровождал его в качестве слуги — мне было лет двадцать пять.

— Почему бы вам не остаться здесь в затворничестве? — спросил я. — Я буду вас обслуживать.

— Мне лучше вернуться в своё уединённое место, — ответил Самтен Гьяцо, — в монастыре невозможно выполнять строгое затворничество.

В тот вечер я уложил наши вещи. Мы легли спать, но вместо этого стали разговаривать. Я задавал ему один вопрос за другим, а он в ответ рассказывал одну историю за другой.

Наконец он сказал: «Когда мне было восемь лет, я получил указующие наставления о непревзойдённом воззрении дзогчен. Тогда я узнал природу ума и с тех пор упорно продолжал в этом упражняться. Благодаря своему твёрдому складу характера — столь свойственному «людям элемента земля» — я достиг устойчивого прогресса¹⁸⁴. Я не продвигался прыжками и скачками, но и не скатывался назад — всё происходило медленно и верно. На самом деле я заметил перемену только тогда, когда оглянулся назад, сравнив свой нынешний уровень с прежним.

Иногда можно услышать о йогинах, которые сделали огромные успехи в течение нескольких месяцев и очень быстро обрели реализацию. Должен признаться, что со мной такого никогда не происходило. Но, поскольку я практиковал непрерывно с восьми лет, можно сказать, что теперь уровень моей практики достаточно высок.

Но всё же у меня есть одна трудность: сохранять осознанность в краткий период между засыпанием и настоящим сном. Есть некоторые случаи, когда я всё ещё теряю присутствие, и состояние пробуждённости на какой-то момент утрачивается. Но, когда начинается сон, наступает осознание этого состояния пробуждённости, которое остаётся устойчивым в течение всей ночи. Теперь нерешённой осталась единственная задача — достичь осознанности в небольшой промежуток времени после засыпания.

Ты единственный человек, которому я об этом говорю, — добавил он. — Никто другой меня об этом не спрашивал, а если бы и спросил, я ничего не сказал бы».

Наконец я заметил, что уже рассвело: снаружи пели птицы. Моей первой мыслью было, что мы всю ночь не сомкнули глаз. Но Самтен Гьяцо сказал: «Это неважно, вставай! Нет ничего страшного в том, чтобы изредка не поспать одну ночь».

Это был один из редких случаев, когда он поделился сокровенным переживанием. А так он практически никогда не говорил о собственной реализации.

Однако в ту зиму я довольно много разговаривал с Самтенем Гьяцо перед его кончиной, и один раз он открыл мне некоторые исключительные тайны своей практики.

Однажды он сказал мне: «На самом деле у меня нет никаких великих достоинств, ничего такого удивительного, чем можно было бы похвастаться. Есть только одно — я перестал отвлекаться. Теперь склонность забывать сущность ума, кажется, совсем исчезла.

Сколько бы у меня ни накопилось работы, кто бы ко мне ни приходил, сколько бы народу ни толпилось в моей комнате, ясность только возрастает. Я обнаружил, что, когда я остаюсь в одиночестве и без дела, ясность сознания несколько уменьшается, хотя я и не отвлекаюсь. Но чем больше вокруг людей, больше дел и суматохи, тем больше возрастает сила осознанности.

Только между нами: я уверен, что не попаду в ад».

Потом Самтен Гьяцо добавил: «Когда я умру, люди, конечно же, будут просить Кармапу найти моего тулку. Но пойми, пожалуйста, у меня в самом деле нет ни малейших притязаний на то, чтобы моё имя пришилили кому-то, объявив его моим воплощением. Возможно, всё равно кого-нибудь назовут, но в действительности я уже обсуждал это с Кармапой.

Я сказал ему во время его последнего посещения Кхама, когда мы с тобой его сопровождали: «Я старик и скоро умру, люди придут к вам с просьбой указать моё воплощение. Но на самом деле никакого перерождения не будет. Моим истинным тулку будет Тулку Ургьен, и он станет заботиться о моём монастыре. Поэтому, прошу вас, не признавайте никого моим воплощением». Кармапа не ответил — не сказал ни да, ни нет».

Я знаю, что таково было желание моего гуру, потому что слышал его собственными ушами.

Что до меня, то мне было грустно слышать всё это. Мы находились один на один в его комнате, и я сказал ему:

— Вы владыка учений¹⁸⁵, и ваше перерождение обязательно нужно будет найти, чтобы продолжать эту линию передачи. Я же, наверное, буду блуждать по неведомым местам. Я определённо не останусь в Лачабе. Мне очень горько слышать о том, что вы сказали Кармапе, потому что я не останусь в Кхаме, это точно. Я совершенно уверен, что переберусь в другое место! Я хочу отправиться туда, где обо мне никто не слышал.

— Как знать? Сострадание и искусные методы нашей Исполняющей Желания Драгоценности необычайны, — отвечал Самтен Гьяцо, имея в виду Кармапу. — Но одно я знаю точно: никакого прямого перерождения не будет. У меня нет никакого желания этого. С другой стороны, вероятно, появится тот, кто способен трудиться на благо Дхарме и живых существ, и он получит звание тулку Самтена Гьяцо.

Смерть моего гуру

В эти последние дни меня не покидало смутное и тревожное чувство, что мне осталось недолго быть с Самтенем Гьяцо. Так что при любой возможности я не терял времени даром, а просил у него пояснений по многим вопросам.

В этот период я уже достаточно осмелел, чтобы спросить о его сокровенной цели в жизни. Вот что он на это ответил: «В юности я мечтал только о том, чтобы жить в горах, переходя из пещеры в пещеру. Я никогда не добивался звания и положения высокого ламы. На самом деле я хотел оставаться безвестным и делал для этого всё, от меня зависящее».

Рассказал он мне и о другой цели: «Я всем сердцем хотел собрать все терма Чокгьюра Лингпы»¹⁸⁶. Это ему удалось совершить: он собрал не только тексты, но и сопутствующие иконы и мандалы, а также все необходимые принадлежности — и все безупречного качества.

Самтен Гьяцо всегда считал, что быть ваджрным гуру для других — это препятствие для него самого, хотя он был очень хорошим гуру и заслужил большую славу. Поскольку на самом деле его главной целью была уединённая практика в пещерах, он жаловался мне: «У меня такое чувство, что вся моя жизнь идёт в неверном направлении, что я попал под власть обстоятельств».

В прошлом была традиция, согласно которой ученик повиновался приказу своего гуру, который говорил: «Иди туда-то и подними там победоносное знамя реализации. Когда ты обретёшь сиддхи, ты сможешь по настоящему приносить пользу существам».

Ученик отправлялся в то место и сосредоточенно практиковал, пока не достигал реализации. После этого он выходил в мир, чтобы помогать существам. Именно так должно быть. Не получив разрешения или приказа от своего гуру, ученик не начинает в качестве ваджрного учителя трудиться на благо других. Но, получив приказ или разрешение, нужно непременно приступить к выполнению этой задачи.

Став старше, Самтен Гьяцо часто думал: «Мне нужно жить в пещерах, но вместо этого я попал в плен препятствий».

Это были не просто слова: он действительно так считал. У него не было честолюбивых замыслов стать ваджрным учителем или сидеть выше всех. Однажды он объяснил: «Быть успешным — это на самом деле приятное препятствие. Неприятное препятствие легко распознает каждый, но редко кто понимает, что успех — это помеха на пути. Неприятные препятствия — это, например, когда тебя опозорили или втянули в скандал, когда ты заболел или столкнулся с иной бедой или неудачей. Умелый практик может справиться со всем этим. Он видит в таких ситуациях препятствия и использует как часть пути.

Но приятные препятствия — например, вы становитесь известными, вокруг вас собираются ученики и вы трудитесь на благо других — заставляют вас думать: “Здорово! Я стал по-настоящему значительным человеком. Я приношу пользу множеству существ. Всё замечательно! Я достиг большого успеха”, но на самом деле не понимаете, что восторг по поводу успеха представляет собой главное препятствие для духовного продвижения».

Самтен Гьяцо предостерегал, что в таком случае не нужно думать: «Как расширилась моя способность помогать другим!» Именно так считают, совершенно не замечая, что на самом деле становятся жертвой препятствия.

Однажды, со своей обычной сдержанностью, Самтен Гьяцо упомянул о своей надежде, что его семья сослужит хоть небольшую службу делу продолжения передачи «Новых сокровищ».

Мой двоюродный брат Кхентрул, который был перерождением Кармей Кхенпо, обладал исключительно острым умом и глубоким знанием буддийских текстов. Я считал бесспорным, что именно он станет главным держателем линии. Но это не входило в планы Самтена Гьяцо. Мы с Кхентрулом часто жили в одной и той же гомпе, но всё-таки я был ближе к Самтену Гьяцо. Нередко я удивлялся, почему наш учитель никогда не видел в Кхентруле держателя линии: «Кому, как не ему, нужно бы стать её продолжателем? Почему Самтен Гьяцо не относится к нему по-особому?»

Этот юноша был уже довольно образованным, а также очень смелым и властным. Однако как-то раз он отправился в Центральный Тибет, чтобы получить ещё больше учений и посвящений. Мы получили известие, что там он скончался.

Все мы очень горевали, когда Кхентрул умер, даже не успев стать продолжателем линии. Я не сомневаюсь, что он стал бы достойным учителем. Но, оглядываясь на прошлое, я думаю, что Самтен Гьяцо, скорее

всего, понимал, что жизненная сила Кхентрула непрочна и что он умрёт молодым.

После кончины Кхентрула Самтен Гьяцо сказал: «Ты моя вторая надежда на продолжение нашей линии передачи». Такие речи были для него совсем не характерны. Он никогда не отпускал лестных замечаний никому, а тем более членам своей семьи; он не сделал бы комплимента даже Кармапе.

С другой стороны, он никого не осуждал. Если кто-то допускал ошибку, он просто не обращал на это внимания и ничего не говорил. Я слышал, как он хвалил только Кхьенце, Конгтрула и Чоклинга — больше никого. Он был очень благороден и сдержан — по-настоящему серьёзный человек. Тот, кто не был с ним близко знаком, никогда не смог бы догадаться о его настоящем мнении.

Я не питал иллюзий на свой счёт и думал: «Я не представляю собой ничего особенного. Я не слишком хорошо образован. Единственное моё преимущество — то, что я жил рядом с Самтеном Гьяцо». В те времена у меня не было никаких честолюбивых планов: я просто хотел оставаться рядом с ним.

Несколько раз Самтен Гьяцо говорил мне: «От тебя зависит, прервётся ли когда-нибудь линия “Новых сокровищ”. Поэтому я надеюсь, что не-которая моя строгость по отношению к тебе принесёт свои плоды».

Когда несколько лет назад из Нангчена приехал Адеу Ринпоче, он сказал, что там у них меня считают главным держателем «Новых сокровищ». И это не из-за моей исключительной прилежности, а только благодаря Самтену Гьяцо.

Поскольку нам принадлежал один и тот же монастырь и я всё время жил с Самтеном Гьяцо, то было просто исключено, чтобы я не присутствовал на всех посвящениях, которые он давал.

«Я надеюсь, что ты будешь дальше продолжать нашу линию», — не раз говорил он. Так что я не пропустил ни одного из даруемых им посвящений и учений. И это не всегда был мой осознанный выбор — я просто не осмелился бы не присутствовать, поскольку очень боялся учителя.

Под конец своей жизни Самтен Гьяцо дал мне особое вверение¹⁸⁷ охранителям «Новых сокровищ», передачу, которую он никогда и никому не давал. Чокгьор Лингпа дал эту особую практику только Конгтрулу Великому, который потом передал её только Кармей Кхенпо — от него-то Самтен Гьяцо её и получил. Тогда Самтен Гьяцо был единственным, кто знал её подробности и регулярно выполнял её в Крепостной Вершине. Одним из конкретных назначений этой практики была защита урожая от заморозков.

К сожалению, по-видимому, одна из черт моего характера — недостаток усердия. Если какая-то передача требовала некоторого серьёзного внимания и ежедневного применения, это было мне не по нутру. Вот почему я не занимался прикладными аспектами этой практики¹⁸⁸. Так что теперь у меня есть передача-лунг и посвящение и я могу передавать их, но нет навыков, необходимых для практического применения. Очевидно, их нет и ни у кого другого.

В Гангтоке Дзонгсар Кхьенце спросил меня, привёз ли я какие-нибудь освящённые этой практикой вещества, и я отдал ему всё, что у меня было. Теперь у меня ничего такого не осталось, и, хотя Дзонгсар Кхьенце подтвердил их огромную действенность, нет ни одного человека, который мог бы их создать.

Перед смертью и у моего отца, и у дядей сильно менялись лица: словно молодели. Седые волосы не становились опять чёрными, но кожа определённо приобретала живой вид и блеск. Некоторые говорили, что этот моложавый цвет лица и глянец — знак реализации. Действительно, в тантрийских текстах упоминается, что на определённом уровне переживания и постижения кожа становится мягкой и упругой.

Впервые я заметил такую перемену у Самтена Гьяцо. За год до того как он оставил своё тело, кожа у него стала значительно здоровее. Черты лица стали как у юноши, и можно было совсем забыть, что на самом деле он довольно стар. Кожа у него стала светлой и сияющей, словно внутри него происходило нечто необычное.

До того он выглядел старым и измождённым, но потом вдруг принял этот моложавый вид. Его спрашивали: «Сколько лет вам на самом деле, Ринпоче? Вы так молодо выглядите! Что произошло? Вас кормят каким-то волшебным снадобьем или вы делаете какую-то особую практику?»

Такая внешняя перемена случилась с ним за год до кончины. Но, если честно, то это был недобрый знак — в глубине души мы понимали, что долго это не протянется.

То же самое было и с отцом. Кожа у него сияла бронзовым оттенком, это можно было назвать величественным блеском, как будто под кожей светился янтарь. Лицо приобрело очень свежий, молодой вид. Через три месяца он умер.

Я был в Цурпу, когда умер дядя Санг-Нгак, но я слышал, что с ним происходило то же самое. Все местные жители заметили, что морщины у него исчезли, и недоумевали почему. Они говорили между собой: «Что случилось с Санг-Нгаком Ринпоче, что он стал так молодо выглядеть? Никаких морщин больше нет. Мы уже дважды видели такое у его стар-

ших братьев — а вдруг это знак, что он умрёт в этом году?» И это было именно так, потому что в тот год он действительно умер.

Однажды дядя Терсэй сказал мне: «Наверное, нужно радоваться, если близкие члены семьи, мои братья, кажутся такими молодыми и свежими в своём возрасте. Но я не рад. Мне кажется, это плохой знак, он свидетельствует о близкой смерти». Что до самого дяди Терсэя, то незадолго до его смерти, хотя волосы оставались седыми, лицо стало как у юноши.

Вот так можно было предвидеть близкую смерть этих братьев. Я это не придумал, и такое впечатление было не у одного или двух человек — все до единого, кто это видел, отмечали то же самое.

Под конец жизни Самтен Гьяцо удалился в затворничество, намереваясь оставаться в нём до конца своих дней. Однако он не объявил об этом прямо, а просто уведомил, что собирается оставаться в свободном затворничестве в течение двух недель, отправившись в Крепостную Вершину, в одном дне пути от Лачаба.

В течение этого времени он собирался выполнять защитные ритуалы для народа страны. Потом, уже находясь там, он прислал письмо, что теперь настало время остаться на какой-то период в строгом затворничестве.

Но вскоре заболел принц Нангчена, и за Самтенем Гьяцо послали двух важных советников.

«Наш принц тяжёло болен и может умереть, — сказали советники, — вы должны отправиться с нами во дворец. Его Величество приказал нам не возвращаться без вас, и мы этого не сделаем!»

Пока двое сановников ждали в гостевой комнате, мы, близкие Самтена Гьяцо, обсуждали, что делать. Тогда там находились дядя Санг-Нгак и его сестра Таши Чиме, которая выполняла обязанности экономки его монастыря и центра для затворничества.

Хотя я был ещё юнцом, главные члены семьи не лишали меня права голоса. Я доказывал, что Самтену Гьяцо не нужно оставлять своё затворничество по просьбе кого бы то ни было, какой бы важной персоной он ни был.

Кто-то выдвинул противоположный довод:

— Раньше учитель жил в королевском дворце по три года и часто выполнял ритуалы на благо короля. До сих пор всё было благополучно. Король подарил нашему монастырю огромный участок земли с многочисленными плодородными полями. Он был очень щедр. Поэтому на самом деле у нас нет выбора — Самтен Гьяцо должен прервать затворничество и отправиться туда.

— Наш учитель не должен обращать внимания на письмо и отказаться ехать, — настаивал я со всей искренностью, хотя, наверное, несколько наивной.

Кто-то снова возразил:

— Наш король дал приказ — разве подданные не должны ему повиноваться?

— Хотя и трудно отказаться выполнять такой приказ, — продолжал я, — но если на этот раз согласиться, то придётся всегда уступать. Поскольку нашего гуру так высоко ценят, боюсь, что каждый начнёт его просить делать то одно, то другое. Эти просьбы будут бесконечными!

Меня угнетало дурное предчувствие. Одна из моих не самых лучших черт — неумение держать подобные чувства при себе. Поэтому я от всей души старался отговорить всех присутствующих.

Наконец в ходе обсуждения действительно было принято решение никуда не отправляться. Мы уведомили об этом двух ожидавших советников.

Но один из них ответил:

— В таком случае мы не вернёмся в королевский дворец. Мы до конца своих дней останемся здесь! Я буду спать прямо здесь, под дверью Самтена Гьяцо!

Он заявил это со всей непреклонностью, которая так свойственна твердолобым и упрямым кхамцам, и добавил:

— Даже если мне придётся ждать Самтена Гьяцо в Крепостной Вершине хоть девять лет, я без него не вернусь!

Тут другой важный лама сказал:

— Если Самтен Гьяцо нам откажет и юный принц умрёт, что тогда? На самом деле у него нет другого выбора, кроме как поехать.

В конце концов, пришли к общему мнению, что Самтену Гьяцо придётся ехать. Я предпринял последнюю попытку, подав свой голос:

— Если сейчас он прервёт затворничество, чтобы отправиться в королевский дворец, то этому не будет конца: он никогда не сможет вернуться к затворничеству. Если вы подчинитесь желанию короля сейчас, то не сможете отказать ему и в будущем — вы всегда будете вынуждены уступать. Поэтому попросите, чтобы вас извинили, и стойте на своём.

Но, по-видимому, я был единственным, кто придерживался такого мнения, а поскольку меня ещё не считали за взрослого, у меня не было такого влияния, чтобы я смог кого-то убедить. Последнее слово осталось за другими, и в конце концов Самтен Гьяцо решил ехать.

Меня попросили его сопровождать, но я отказался: «Я ни за что не поеду, а тем более при таких обстоятельствах. По правде говоря, я глубоко огорчён таким поворотом событий. Прошу меня извинить, я возвращаюсь в Лачаб».

Перед самым отправлением у Самтена Гьяцо куда-то делся его маленький нож, с которым он никогда не расставался. Футляр был на месте, а ножа не было, так что пришлось поехать без него.

По прибытии в королевский дворец Самтен Гьяцо приступил к выполнению сложного девятидневного ритуала долгой жизни¹⁸⁹. К тому времени, когда ритуал был окончен, юный принц Ачен выздоровел. От болезни или какого-либо вредоносного влияния не осталось и следа — такова была сила этого ритуала.

Потом мои опасения подтвердились: последовала другая просьба. Поскольку королева Нангчена происходила из королевской семьи Дерге, Самтена Гьяцо пригласили выполнить ритуалы и для королевского двора Дерге. Для его торжественной встречи там была организована большая процессия, его окружили великим почётом, которым удостоивают гостя королевского двора. Наконец, через несколько недель, Самтен Гьяцо выполнил возложенные на него обязанности и отправился домой.

Казалось, всё шло благополучно, пока он не достиг подножия горы, на которой стоит Крепостная Вершина. Там он упал с лошади и повредил ногу. Его слуга помог ему сесть на лошадь, и это был последний раз, когда он поднимался верхом в своё уединение. Я точно не знаю, что произошло, но после этого он не мог ходить.

В то утро, когда Самтен Гьяцо вернулся, он послал за мной в Лачаб. Посланцу потребовался целый день, чтобы добраться до нашего монастыря. Когда он пришёл, день уже клонился к вечеру. «Самгья Ринпоче заболел, — сказал он, имея в виду моего гуру, — кажется, дело плохо, и он зовёт тебя».

При этих словах меня охватила невыносимая печаль, и я с поразительной ясностью понял, что Самтен Гьяцо скоро нас покинет. То, что он оставил затворничество, несомненно, повлияло на него очень плохо, да и пропавший нож тоже никак не был хорошим знаком. С тех пор, как он уехал, меня ни на миг не покидало тяжёлое чувство. В то самое утро я увидел поистине вещий сон, в котором Самтен Гьяцо собирался покинуть Крепостную Вершину. Я присутствовал там как его помощник. Взглянув на западные горы, я увидел, что солнце стоит низко на небе.

— Эй, Ринпоче, — настойчиво кричал я, — не уезжайте сейчас! Солнце уже почти село за горы! Не путешествуйте в темноте, прошу вас, поверните назад, возвращайтесь.

Я дотянулся до него рукой, чтобы направить его обратно, но он сказал в ответ:

— Нет-нет! Моё время пришло, я не могу вернуться.

Во сне я умолял:

— Пожалуйста, не говорите этого!

Но он ответил:

— Разве неверно, что сила кармы неодолима?

Он освободился от моей руки и поскакал прочь. Через мгновение солнце село, и он пропал во тьме.

Я сразу проснулся и подумал: «Какой ужасный сон!» Этим утром я сказал своему повару:

— У меня был тревожный сон о Самтене Гьяцо. Он наводит меня на мысль, что он вернулся в Крепостную Вершину.

— Не говорите такие вещи! — запротестовал старый повар.

Так что, когда к концу того же дня прибыл посланец, чтобы позвать меня в Крепостную Вершину, это не было неожиданностью. Единственное, что я подумал: наш гуру близок к смерти. Эта мысль была мучительна, будто в сердце вонзили нож. Той ночью я не мог заснуть и задолго до рассвета стал готовиться к поездке в Крепостную Вершину.

Больше чем через двенадцать часов пути я, запыхавшись, прошёл прямо в комнату Самтена Гьяцо и спросил его о здоровье. Ему явно было плохо, он страдал от неослабевающей боли. Он не мог произнести больше нескольких слов.

Пригласили двух врачей, но, откровенно говоря, от них не было никакого толку. Один из них определил страшную болезнь, которая называется «тридцатикратная чернота», и увидел признаки того, что у больного разрыв кишечника.

«Его нужно лечить огнём, — сказал другой, — но это следовало бы сделать гораздо раньше. Теперь уже слишком поздно, и я вряд ли что-то могу сделать».

Этот врач говорил о *меца*, традиционном методе лечения тяжёлых болезней¹⁹⁰. Я приготовил инструмент для лечения огнём, а затем слегка касался его кожи раскалённым докрасна железом. Это несколько облегчало боль, и он получал возможность произносить несколько слов. Но что толку от временного облегчения, когда болезнь пожирала его внутренности?

— Ринпоче, кажется, дело плохо! — сказал я. — Что же будет?

— Кто знает? — ответил он. — Чокгьюр Лингпа и большинство его потомков долго не жили. Его сын Вангчок Дордже умер молодым. С его дочерью, нашей драгоценной мамой, было лучше, и она прожила гораздо больше семидесяти лет. Другой сын Чокгьюра Лингпы, Цеванг Норбу, умер в шестьдесят с чем-то. Другая линия нашей семьи, род Цангсар, тоже не отличалась долголетием. Почти все в этом роду, в том числе и мой отец, умерли, разменяв шестой десяток. А мне уже шестьдесят пять.

С другой стороны, — продолжал он, — нет ничего плохого в том, чтобы умереть сейчас. Хорошо бы жить дольше, но и умереть тоже хорошо. У меня было достаточно времени.

— Ринпоче, — спросил я тогда, — могу ли я как-нибудь помочь вам выздороветь?

— Больше не говори об этом, — ответил он.

Это очень опечалило меня. Позже в тот же день мои последние надежды на его выздоровление угасли. Он явно должен был вот-вот покинуть своё тело.

В один из моментов мой гуру сказал:

— Проявления ума недостижимы для слов. Нет никакого смысла пытаться выразить их, потому что описания были бы бесконечны. Теперь я это вижу. Нет ничего невиданного, нет ничего неслыханного. Из этого ума могут проявиться все явления сансары и нирваны — ты не согласен?

— Это так, Ринпоче, — ответил я.

Обстоятельства требовали, чтобы я поддакивал учителю, хотя его глубокие прозрения, конечно же, не были моим непосредственным переживанием. У меня никогда не было никаких сомнений относительно его чрезвычайно высокого уровня постижения и ясновидения, но теперь становилось всё более очевидным, что он достиг конца этого воплощения. Казалось, его голос раздаётся из пространства свободного ума.

После молчания он продолжал: «Ах! Джамьянг Кхьенце Вангпо пришёл! А теперь прибыл великий тертон Чокгьюр Лингпа! А вот идёт и Джамгон Конгтрул!»

Из всех учителей именно Конгтрул был его величайшей опорой, он питал невероятную веру в него. Он восхищался сочинениями Конгтрула и часто говорил о нём такими словами: «Воплощение переводчика Вайроцаны, сам Будда Вайрочана во плоти, провозглашённый звуком достославной раковины — ясным и бесстрашным голосом Шакьямуни — и нареченный Бесконечной Мудростью»¹⁹¹. В этих словах подразумевалось, что приход Конгтрула был предсказан Буддой Шакьямуни.

И вот теперь Самтен Гьяцо объявил и о его прибытии. Эти слова наполнили меня ещё большей печалью, потому что я понял, что времени осталось немного.

Его помощник Дудул и я не спали в ту ночь, а остались при нём. Мы пытались его покормить, но он мог только выпить немного воды и был так слаб, что не мог сказать больше одного или двух слов. Дудул любил поспать, и вскоре я остался один со своим больным учителем. За всю ночь Самтен Гьяцо ничего не произнёс, только просил пить.

Все поняли, что конец близок. Я задал ему вопрос, но он не подтверждал и не отрицал своей кончины. Единственное, что он сказал: «Я не могу говорить. Подождём и увидим. Завтра утром всё будет ясно. В любом случае беспокоиться не о чем».

Наутро у него усилился жар.

Именно в этот период времени мой брат Пэнджиг участвовал в споре относительно земли. У него был очень напористый, даже боевой характер. Позже оказалось, что в этот самый день — девятнадцатый день четвёртого месяца — его настигла шайка противников. В этот момент Самтен Гьяцо воскликнул на своей постели:

— Ох!

— Что такое, Ринпоче? — спросил я.

Он опять повторил свой возглас и добавил:

— Пэнджиг попал в большую беду!

— Что с ним, Ринпоче, — спросил я.

— Ох! Сейчас он в страшной опасности! Ему собираются нанести удар!

Время от времени кхамцы в наших местах устраивали групповые сражения, и, бывало, кто-нибудь из них, вместо того, чтобы вернуться домой, оказывался в бардо. Действительно, несколько месяцев назад слуге Пэнджиги не повезло — его убили в схватке.

Теперь, упомянув о нём, Самтен Гьяцо продолжал: «Теперь покойный слуга Пэнджиги говорит мне, что у него была лошадь. После смерти, когда его имущество было роздано, чтобы увеличить его заслуги, его семья по какой-то причине забыла включить в это имущество ту лошадь. Теперь он очень просит меня передать его семье, чтобы они продали лошадь и сделали подношения. Он находится в бардо, и ему нужна помощь.

Через некоторое время Самтен Гьяцо добавил: «Ну-ну, этим разговорам не будет конца — что толку бесконечно болтать?» Потом он улыбнулся и, посмотрев на меня, тихо засмеялся.

Всю ночь я провёл в его комнате. Рано утром я спросил, как он себя чувствует. Вместо того чтобы ответить прямо, он посмотрел на меня с нежностью и спросил:

— Каргах, утро уже наступило?¹⁹²

— Да, почти рассвело.

— Тогда попроси зайти Нгаки-ламу, — прошептал Самтен Гьяцо, назвав дядю Санг-Нгака уменьшительным именем.

Я послал за ним Дудула. Дядя Санг-Нгак пришёл и трижды поклонился. Самтен Гьяцо пригласил его сесть на невысокий трон. Потом он сказал: «Хорошо! Раз лама здесь, почему бы нам не спеть “Призывание гуру издалека”?»

Это очень известный текст, помогающий с преданностью открыть сердце, погрузиться в состояние, в котором намного легче объединить свой ум с умом гуру.

Мы начали петь вместе, а дядя Санг-Нгак был ведущим:

Лама, услышь меня.

Милостивый лама, услышь меня.

Сущность будд трёх времён,

Источник возвышенной Дхармы, постижения и заветов,

Правитель Сангхи, собрания благородных,

Коренной лама, услышь меня.

Самтен Гьяцо пел вместе с нами удивительно сильным голосом. Теперь он уже сидел, свободно скрестив ноги и положив ладони на колени в позе, которая называется «отдохновение в природе ума». На нём был головной убор из ткани, с отворотами, прикрывающими уши, который защищал от холода его лысую голову; лицо покрывал заметный румянец.

Мы так и не дошли до конца этой молитвы, потому что Самтен Гьяцо вдруг повторил одну строку из текста:

Благослови меня полностью осознавать смерть.

Все мы перестали петь, и через несколько мгновений он снова пропел эту строку:

Благослови меня полностью осознавать смерть.

Солнце стало подниматься, и он пропел ту же строку в третий раз, и потом его тело слегка осело. Было видно, что тело расслабилось, как это бывает в момент смерти.

Глядя на своего гуру, я был уверен, что он скончался, хотя на его лице сохранилась прекрасная улыбка, а глаза были ясными и широко открытыми, что придавало ему живой вид. Цвет лица был яркий, почти сияющий.

Он всё ещё сидел в той же позе медитации, знакомой по изображениям знаменитого учителя Лонгченпы. Он выглядел совершенно уверенным и невозмутимым, но не проявлял никаких признаков жизни: не было ни пульса, ни дыхания.

Согласно традиции дзогчен, в определённый момент процесса смерти можно напомнить умирающему практику об абсолютной природе ума, двадцать один раз произнося слог «А» ему в ухо. Теперь я встал на колени рядом с Самтеном Гьяцо и стал повторять: «А-А-А-А-А...»

Но у меня перехватило дыхание, и я решил начать снова. Когда я делал вдох во второй раз, он довольно явно кивнул головой, словно указывая, что уже всё понял.

Когда я произнёс слоги во второй раз, он снова кивнул головой, но едва заметно.

Поскольку я не был уверен, что этого достаточно, я стал произносить слоги в третий раз. Когда я закончил, его тело ещё больше выпрямилось. Он сидел с блестящими, широко открытыми глазами и светлой улыбкой.

Действительно казалось, что он вовсе не умер¹⁹³.

Присутствовали только Дудул, дядя Санг-Нгак и я. Будь там дядя Терсэй, он, конечно же, набрался бы смелости попросить Самтена Гья-цо указаний о том, где искать его перерождение. Он мог задавать такие сугубо личные вопросы. Я на это не отважился, помня, как Самтен Гья-цо некогда сказал Кармапе, что не хочет, чтобы после его смерти искали тулку. Как бы то ни было, мною овладела печаль.

Наш гуру покинул этот мир, и мы просто ничего не могли с этим поделать.

Через некоторое время мы завернули его тело в парчу. В конце дня мы вынесли его вниз и усадили на трон в главном храмовом зале. Тело великого учителя обычно помещают на большой медный поддон, чтобы не вытекала жидкость. Потом обкладывают тело мешочками с солью для впитывания влаги и поверх обряжают в одеяния.

На стол перед ним мы поставили его ваджру и колокольчик, и другие ритуальные принадлежности. Когда люди смотрели на его лицо, они просто отказывались верить, что он умер. Он был как живой, со спокойной улыбкой и ясным взором. Таким он оставался три дня. Затем тело стало понемногу оседать, и мы прикрыли его лицо.

Послали одного гонца к дяде Терсэю, который находился в монастыре Ривоче, а другого — к моему отцу. Отец прибыл на третий день, но Ривоче находился на расстоянии пяти дней пути в одну сторону, так что дядя Терсэй появился в Крепостной Вершине только на следующей неделе. Когда все собрались, мы начали выполнять друбчен перед *кудуни* — священными останками.

Один монах из Лачаба, который позднее был убит во время китайского вторжения, в отчаянии восклицал: «Как может умереть такой человек, как Самтен Гья-цо? Я не верю в это. Это просто невозможно! Мне никогда не приходило в голову, что он может умереть. Но если это верно, то в этом мире совершенно не на что опереться».

Я спросил его:

— Почему вы так думаете?

— Потому что он был опорой во всех отношениях, — ответил монах. — Потому что он был твёрд и точен. Он обладал непоколебимой честностью — без крупницы неправды. Как же может такой человек умереть?

После кремации мы обнаружили в пепле нечто поразительное: череп остался невредимым.¹⁹⁴ Не было тронута огнем и одно из его одеяний, хотя всё остальное сгорело. То одеяние было из радужной ткани пяти цветов. В пепле содержалось много священных реликвий: и так называемых *дунг*, и рингсел.

Во время кремации все присутствующие стали свидетелями появления на небе невероятных радужных узоров. Это было невероятно, потому что небо было синим и таким ясным, что не было видно ни единого облачка. Возможно, вы знаете, что это считается самым лучшим знаком.

Таковы были знаки, сопровождавшие уход моего учителя в непроявленное пространство всех явлений. Вот что я засвидетельствовал своими обычными глазами, и больше я не слишком многое могу рассказать обо всей его жизни.

На кремацию Самтена Гьяцо собрались все три его брата. В Кхаме есть обычай выполнять после смерти человека два ритуала: чод и дур. *Дур* имеет отношение к определённым классам духов, связанных со всеми аспектами телесной жизни человека. В главной части этого ритуала ведущий освобождает жизненную энергию усопшего от девяти разрушительных духов. Суть в том, что если этих девять духов не устранить, когда человек умирает, они могут замедлить его освобождение в бардо или создать препятствия для этого.

Мой отец, конечно же, выполнял чод. Несмотря на существование предрассудка, что дур не должен выполняться сыном, отцом или другим близким родственником, я вызвался выполнять этот ритуал, и ничего страшного не произошло.

В Непале я часто слышал, как члены семей жаловались, что дух умершего родственника возвращается домой и неотступно блуждает там. Иногда это были даже истории о том, как муж пытается вернуться в постель к своей жене, после того как умер и кремирован. Жена никого не видела, но, возможно, слышала его голос или храп. В Кхаме я ни о чём подобном не слышал — быть может, потому, что мы всегда усмиряем эти девять духов с помощью ритуалов чод и дур, как только кто-то умрёт.

Ритуалы дур имеют и умиротворяющий, и подчиняющий аспекты. Иногда в них входит ритуал сжигания имени, усмиряющее действие, которое призывает сознание умершего, очищает его и отправляет в сферу будды. Подчиняющий аспект подразумевает устранение вредоносных

влияний, которыми может стать одержим покойный. Эти разрушительные духи представляют собой духов-демонов, разновидность живых существ. Во время выполнения той части ритуала, когда девять духов выгоняют из различных укрытий, можно услышать много звуков ХУНГ и ПХЭТ.

Этот ритуал нужен даже для столь великих существ, как Самтен Гьяцо, потому что слава такого учителя привлекает множество мирских духов. То же самое верно и для большинства великих держателей ваджры, потому что существует определённая взаимосвязь между этими девятью духами и духовным мастером, растворяющимся в невидимой сфере, в основном пространстве всех вещей.

Поскольку Чиме Дордже был сильным мастером и знатоком практики чод, ему, наверное, удалось отвести эти девять духов.

Когда все эти ритуалы были завершены, я совершил путешествие в Центральный Тибет, чтобы сделать традиционные подношения в связи с уходом Самтена Гьяцо. В Ахасе я случайно встретился с его учеником из Дерге, ламой очень преданным, но упрямым и своевольным. Хотя этот лама слышал о ясно выраженном желании Самтена Гьяцо, чтобы Кармапу не просили искать тулку, он всё равно, объединив силы с казначеем нашего монастыря, отправился в Центральный Тибет, чтобы обратиться к Кармапе именно с этой просьбой.

Мы обменялись несколькими фразами. «Разве ваш гуру не велел вам не искать его тулку? — спросил я его. — И всё-таки вы, несмотря на его волю, отправились к Кармапе».

Но это не возымело никакого действия, потому что кхамцы бывают очень упрямыми, как говорится в поговорке: «Кхамцы твердолобы, как яки, — они или разбойники, или великие практики медитации».

Так что, несмотря на мои возражения, этот ученик отправился своим путём и обратился с просьбой к Кармапе. Вот почему теперь есть человек, которого называют тулку Самтена Гьяцо.

Встреча с выдающимся учителем

Когда я был в Центральном Тибете, мне представилась возможность ещё раз встретиться с Кармапой. Я приехал в Цурпу и оставался там две недели. Потом, проведя несколько дней в Ахасе, я отправился прямо в Кхам.

По прибытии в Нангчен я взял на себя ответственность за Лачаб Гомпу. Несмотря на эти обязанности, я постарался сократить своё участие во всех делах и на три года уйти в строгое затворничество. Забота о монастыре легла на моего отца, но во время моего уединения он умер. Промежуток времени, проведённый в затворничестве, составил три года, хотя из-за переменчивости того времени в нём случались перерывы¹⁹⁵.

В тот период я пригласил Кьютгтрула Каргьяма, драгоценного мастера, которого я считаю одним из своих самых важных учителей и коренных гуру. У Кьютгтрула были большие, налитые кровью глаза и смуглая кожа. Он был чрезвычайно мягким и добрым человеком. Я испытываю чувство благодарности за то, что мне посчастливилось знать такого совершенного учителя — он производил большое впечатление на каждого, кто встречал его.

Его образованность стала как бы его второй натурой: он был чрезвычайно сведущ, особенно в философских текстах. Мне казалось, что не было такого вопроса по практике, на который у него не нашлось бы глубокого ответа. Никто не знает, как ему удалось так быстро стать столь знающим, но уже в тринадцать лет он давал большой аудитории устные передачи и объяснения всего *Каньюра*. Все изумлялись, как этот ребёнок может так ясно толковать слова Будды.

Хотя тогда ожидали, что он станет выдающимся мастером, и попечители его монастыря благоволители к нему, он под покровом ночи сбежал в Дерге, где поселился у Барвэй Дордже, мастера, который был учеником великого тертона¹⁹⁶. В то время ему было шестнадцать лет.

Барвэй Дордже принял его очень тепло, взял в ученики и дал указующие наставления. «Ты поистине возвышенное существо, — сказал учи-

тель своему юному ученику, — можешь путешествовать только по Дерге: тебе нет нужды отправляться куда-то ещё».

Потом Барвэй Дордже дал ему список самых важных учителей, которых стоило посетить. Кьютгтрул отправился в путешествие пешком, одевшись, как нищий, и взяв с собой только посох и вещевой мешок. Сначала он пошёл в Палпунг, где встретился с великим ученым Таши Осером и получил много учений. Таши Осер спросил гостя, откуда тот родом, и он ответил, что из местности Кьютгпо. Когда он ушёл, Таши Осер сказал: «Он наверняка тулку, давайте звать его Кьютгтрулом — тулку из Кьютгпо», и это имя пристало к нему.

Потом Кьютгтрул посетил четыре главных монастыря школы нингма в Кхаме — Шечен, Дзогчен, Катог и Палюл, — и ему удалось повидаться со всеми великими учителями, включая и прославленного Кхенпо Нгачунга. На обратном пути он снова зашёл в Палпунг, где произвёл на великого Ситу такое впечатление, что тот на девять лет назначил Кьютгтрула мастером центра для затворничества.

В то время у Кьютгтрула было много видений и необычных снов, а также знаков, указывающих на то, что он тертон. Хотя он без труда мог записывать одну практику за другой, он воздерживался от этого и отказывался представлять терма в письменном виде, пока не получил от Кармапы официальное одобрение. Наконец он попросил у Ситу разрешения удалиться и вернулся на родину, в Нангчен. Однако он не остался там, потому что ощущал сильную потребность встретиться с Кармапой.

Спустя много лет Кьютгтрул сказал мне: «Только Кармапа мог решить, подлинны ли мои терма ума. Только он может утвердить тертона и удостоверить, что терма принесут пользу. Я бы мог записать ещё очень многое — ведь нет конца тому, что может проявиться из всеобщей основы».

Единственным терма, которое Кьютгтрул записал в то время, была садхана Трёх Корней, удивительно прекрасная. Но, прежде чем ему удалось попасть в Цурпу, великий Кармапа покинул тело, а потому он не получил удостоверения подлинности своего терма¹⁹⁷.

В Цурпу Кьютгтрул встретился с Самтенем Гьяцо, который был опечален тем, что по какой-то кармической причине он не сумел дать Кармапе передачу «Трёх разделов дзогчен» — Ума, Пространства и Устных Наставлений. Теперь Дзампал Цултрим, один из главных учеников Кармапы, неоднократно просил дать эти же самые посвящения.

Кьютгтрул тоже хотел получить эти посвящения, поэтому Самтен Гьяцо сказал ему: «Хорошо, если ты тоже будешь участвовать в передаче «Трёх разделов», тебе нужно использовать свои способности и зна-

ния, чтобы составить руководство по посвящению». Кьютгтрул согласился помогать и с успехом систематизировал посвящения раздела Ума¹⁹⁸.

Самтен Гьяцо давал посвящения в Крепости Лотосного Гаруды, знаменитом центре для затворничества, расположенном над Цурпу. При этом Кьютгтрул записывал порядок ритуалов. Так что в ходе этого процесса они смогли обсудить много тонких моментов. Благодаря обширным знаниям Кьютгтрула одно лишь руководство по первому разделу составило целый том. Порой, когда познания мастера чрезвычайно широки, он может писать бесконечно.

Вскоре после начала посвящений прибыл молодой Дуджом, не обременённый ни слугами, ни свитой, ни вещами. Поскольку он был родом из провинции Пемако, он стал известен под именем Пеко Дуджом. Он был нгапой и носил длинные волосы и белую юбку. Дуджом тоже попросил посвящений и присоединился к остальным. Юный Дуджом поставил на лугу маленький шатёр и жил там девятнадцать дней¹⁹⁹.

Дуджом также вызвался помогать Кьютгтрулу в создании руководства по посвящениям, записывая примечания относительно последовательности. Дуджом писал, используя сокращения, и успевал закончить записи к концу каждого посвящения. Потом Кьютгтрула спросили, сколько ему понадобится времени, чтобы закончить руководство.

«Если оно будет кратким, то потребуется четыре месяца, а иначе мне, похоже, придётся писать примерно год», — ответил Кьютгтрул. Услышав эти слова, Дуджом выразил своё удивление. Однако Кьютгтрул составлял руководство по посвящению настолько подробно и тщательно, что работе не было видно конца. В итоге их объединённые усилия так и не привели к завершению труда. Кьютгтрул сказал, что не собирается оставаться до полного окончания своей работы, и уехал, взяв один экземпляр текста посвящения с собой в Крепостную Вершину²⁰⁰.

Помня об этой истории, когда я позднее встретился с Кьютгтрулом, я спросил его, не даст ли он мне почитать свои записи? Это была небольшая и прекрасно составленная книга, но должен с сожалением признать, что он слишком увлёкся мелкими подробностями — он был чрезвычайно образован и добавил к разделу Ума все строки передачи. Книга была удивительно глубокой, но если бы они продолжили в том же духе, то один лишь раздел Ума составил бы огромный том.

Кьютгтрул признался, что Самтен Гьяцо сказал ему: «Это замечательно, что ты умеешь так писать, но если бы я стал давать посвящение с такими точными подробностями, то мне каждый раз требовался бы год. У меня нет времени, чтобы оставаться в Цурпу целый год!»²⁰¹

Чтение этого текста усилило мою веру в Кьютгтрула. Его вступительная статья в руководстве по посвящению была такая блестящая и доско-

нальная, что превосходила всё прочитанное мною доньше. Самтен Гья-цо не был недоволен текстом — совсем наоборот.

Тогда сам Кьютгтрул сказал: «Я очень сомневаюсь, что мои усилия к чему-нибудь приведут». И он был прав — он так и не написал руководств для разделов Пространства и Устных Наставлений.

Вернувшись в Кхам, Кьютгтрул прославился как тертон, а поскольку по своему происхождению он был нгакпой, то взял супругу. Его всё чаще и чаще просили давать учения и посвящения. Он дважды передал целиком «Сокровищницу драгоценных терма»²⁰². Получая от Кьютгтрула посвящения «Ста ритуалов чод», мой отец крепко с ним подружился. Самтен Гьяцо тоже относился к Кьютгтрулу с глубоким уважением.

Как уже упоминалось, я пригласил Кьютгтрула в монастырь Цангсар, чтобы он дал передачу дзогчен *Беспрепятственная Реализация* — учение, к которому он питал глубочайшее почтение. Также я пригласил его в Лачаб, чтобы он передал «Собрание тантр нингмы», снабжённое особыми комментариями²⁰³.

Так он провёл с нами три месяца, и мы часто вместе отдыхали и вели интересные разговоры. Порой он говорил: «Мне придётся вас покинуть, я хочу отправиться в Пемако».

Но я просил его ради учений Будды и живых существ отложить отъезд, и каждый раз он отвечал: «Хорошо, согласен. В конце концов, это ничего не изменит».

После этого он оставался ещё. Однажды он внезапно оставил своё тело.

Когда я вспоминаю те времена и то, что произошло на следующий год после его кончины, мне кажется, что он ясно предвидел, что случится в Тибете и Кхаме, хотя он не упоминал никаких подробностей.

Мне посчастливилось в течение трёх месяцев получать от Кьютгтрула наставления по «Свету мудрости». Он жил в пещере, соединённой с небольшой моленной комнатой. По утрам он обычно сидел на солнце и наслаждался своей любимой едой — гороховым супом. Под конец он дочиста вылизывал свою чашку, отставлял её в сторону, и вид у него был свежий и довольный.

Однажды утром я набрался храбрости, чтобы сказать:

— Передайте мне, пожалуйста, учение «Сокровищница дхармадхату».

— Ладно, — ответил он, — хочешь, чтобы я прочитал его тебе?

— Не только прочитать: я хочу, чтобы вы объяснили его.

— Хорошо-хорошо, сейчас, кажется, нет ничего невозможного, — ответил он, а потом отпустил шутку по поводу простого ламы, который да-

вал мирянке учение Лонгченпы о глубоком постижении: мол, этот лама был вроде как невозмутимый ваджрный гуру, изливающий нектар Дхармы на мудрую дакини во Дворце Лотосного Света. А потом он разразился смехом²⁰⁴.

Видите ли, женщина, о которой шла речь, была на самом деле моей тёткой, которая недавно в Крепостной Вершине попросила одного ученика Дзонгсара Кхьенце дать ей те же самые учения. Почему-то Кьонгтрул нашёл всё это невероятно смешным. Сказав: «Кажется, нет ничего невозможного», он использовал игру слов, поскольку выражение «мир возможностей» обозначает сансару.

Всем этим Кьонгтрул просто попытался дать понять, что дать учение «Сокровищница дхармадхату» — дело непростое. На следующее утро я повторил свою просьбу, на что он ответил той же самой историей и снова разразился смехом.

Пока Кьонгтрул жил с нами, к нему часто приходили люди, чтобы получить наставления о природе ума. Однажды пришёл молодой практик медитации и, как это принято, рассказал о своём опыте переживания.

Слушая, Кьонгтрул сказал: «Мне кажется, тебе нужно просто предоставить основному пространству и осознанию слиться воедино».

— Хорошо, Ринпоче, — ответил молодой человек, — но какого размера должно быть это пространство?

Кьонгтрул с серьёзным видом ответил:

— А, да-да! Такого размера, который тебе нравится, это будет прекрасно²⁰⁵.

Однако парень не отставал: «Прошу вас, Ринпоче, дайте мне точные наставления по медитации о природе ума!»

— А, да-да, — ответил Кьонгтрул, сохраняя серьёзное выражение лица, — кажется, я и сам не получил точных наставлений.

Однако в его глазах можно было заметить весёлые искорки.

За несколько лет до этого Дзигар Конгтрул, возвращаясь домой после того, как давал в Сурманге посвящения «Новых сокровищ», остановился в монастыре Нэтэн, когда Кьонгтрул передавал там «Сокровищницу драгоценных терма». Они стали близкими друзьями. Позднее мне представился случай задавать Дзигару Конгтрулу вопросы, и наш разговор часто касался жизни великих учителей. Временами мы просто отдыхали, беседуя до самого утра, пока не начинали петь птицы, и понимали, что совершенно забыли о сне.

В частности, Дзигар Конгтрул поведал мне: «В наше время во всём Тибете и Кхаме, вероятно, самый великий учитель — это Кьюнгтрул. Я изучал множество текстов со многими хорошими учителями, но, когда мы с Кьюнгтрулом обсуждали всякие темы, будь то философия или науки, я знал некоторые вопросы лучше его. Однако было одно исключение: казалось, он знает все подробности о жизни каждого из учителей нашей Страны снегов.

Но, что довольно странно, когда мы встретились спустя два года, хотя мне казалось, что я знаю столько же, сколько и он, ему опять-таки было известно намного больше подробностей из их жизни. А ещё через год он, кажется, знал больше, чем прежде²⁰⁶.

Я понятия не имею, где он узнал все эти подробности. Если бы только из обычных жизнеописаний учителей, то и я знал бы их точно так же. Наконец, мне пришлось его спросить: «Откуда вы знаете намного больше подробностей, чем в прошлом году?»

Кьюнгтрул только усмехнулся, сказав: «Все эти истории появляются прямо из пространства всеобщей основы, словно бесконечные волны на поверхности озера». Вот и всё, что он сказал».

Дзигар Конгтрул продолжал: «Что до моего мнения, то ни на волос нет никакой разницы между Кьюнгтрулом и великим Марпой из линии кагью — кроме, конечно, того, что Марпа был знатоком санскрита. Когда я читаю о Марпе-переводчике, его огромная интуиция и сиддхи полностью сравнимы с теми же качествами моего учителя, Кьюнгтрула. Но что касается его прозрения в области тантр и глубинных наставлений, то я считаю, что не получил бы более высокого учения, даже явись мне сам Марпа. Между ними нет никакой разницы, даже такой малой, как горчичное зёрнышко.

Как мы знаем, считается, что Марпа обрёл сиддхи, но нет сомнения, что и мой учитель сделал то же самое. Кьюнгтрул — истинный тайный йогин, но то, что он это скрывает, не меняет дела. Его ясновидение отчётливо и точно. Я считаю, что в этой части мира нет учителя выше его».

Таковы были достаточно сильные слова, высказанные столь крупным и пронизательным учителем, обладавшим невероятной силой речи. Каждая произнесённая им фраза была подобна мечу, беспрепятственно рассекающему воду. В нашей области Кхама, когда дело доходило до диспута, неважно, по Сутре или по Тантре, никто не мог противостоять ему. Ещё он был знатоком пословиц и поговорок, и, когда сочетал их с философскими доводами, любой оппонент лишался дара речи. Трудно было найти учителя столь же эрудированного. И всё же после кончины Кьюнгтрула он сказал мне эти слова, в которых так его восхвалял.

Его слова были особенно весомы, потому что Кьюнгтрул происходил из Нангчена, а не из Дерге, славившегося своими учёными масте-

рами. Если вспомнить всю историю Нангчена, то там было совсем не много великих учёных. Ведь как сказал однажды после визита в Нангчен Кхьенце Старший: «Монахи там даже не умеют правильно надевать одежду. Они набрасывают её и обматываются так, будто за спиной у них какой-то тюк».

Так что если учитывать его происхождение, то оценка, данная ему Дзигаром Конгтрулом, выглядит ещё более высокой. И всё-таки даже такой великий учитель скончался.

В тот период, который мы провели вместе с Кхьонгтрулом, он рассказал мне немало историй, и многие из них он слышал от Таши Осера из Палпунга, который был учеником трёх великих мастеров: Кхьенце, Конгтрула и Патрула. Эти три будущих мастера вместе учились в монастыре Шечен²⁰⁷. Патрул был родом из Голока, страны добродетельных кочевников-горцев. Его семья то ли была совсем бедной, то ли жили они слишком далеко, чтобы как-то его обеспечивать, но он частенько оставался без провизии.

Кхьенце же, напротив, был довольно обеспеченным благодаря своему богатому отцу, аристократу из состоятельной и влиятельной семьи. Семья Конгтрула жила неподалёку и тоже была совсем не бедной. Так что Патрул частенько доедал остатки шариков цампы из тарелок своих друзей.

После еды Патрул обычно ложился, накрыв голову монашеской накидкой. Когда Кхьенце и Конгтрул говорили, что ему нужно учиться, а не лежать, Патрул отвечал: «Зачем учиться? Ведь человек — существо, которое умеет слушать и говорить. Всё, что от меня требуется, — это повторять слова учителя. Так чего же мне беспокоиться?»

Когда Патрулу предложили объяснить тему предыдущего дня, он повторял эту беседу почти дословно и чуть ли не лучше, чем сам учитель. Хотя Конгтрул был самым прилежным учеником, а Кхьенце казался более сообразительным, Патрул был совершенно ничем не ограничен.

Однажды Патрул сказал Таши Осеру: «Теперь, сынок, ты должен отречься от мирских занятий. Живи в горах, как дитя: одевайся в туман, оставив себе только простую овчинную шубу; ходи пешком с одним посохом и откажись от верховой езды. Оставь все дела и живи как Миларепа!»

Таши Осер согласился и роздал всё своё имущество, чтобы вести жизнь нищего странника. Так он оказался в Дзонгсаре, где находился великий Кхьенце.

— Прибыл известный учёный Таши Осер, — объявил слуга, — кажется, теперь он ученик Патрула.

— Проводи его в помещения для монахов, — ответил Кхьенце.

Прошла целая неделя, но ничего не происходило, поэтому Таши Осер подумал, что, наверное, ему нужно проявить инициативу и пойти повидать мастера; но слуга велел ему просто оставаться в своей комнате.

«Что же это такое? — недоумевал Таши Осер. — Раньше, когда я виделся с Кхьенце Вангпо, он относился ко мне с особым почтением. Не сделал ли я чего-то неприятного для него? Он не может мне завидовать, это невозможно. Наверное, он поступает так, чтобы очистить мою плохую карму и препятствия».

Хотя Таши Осер и сам был великим ламой, эти сомнения его глубоко встревожили. Через некоторое время он так расстроился, что заплакал.

Однако вскоре его позвали в комнату Кхьенце. Войдя, он увидел, что рядом с тронем Кхьенце стоит ещё один трон, а на столе лежит весь комплект монашеской одежды: накидка, юбка и всё остальное.

— Эй, ты! — воскликнул Кхьенце. — В монастыре Палпунг тебя наградили званием кхенчен — великий учёный, — и это большая честь. О чём ты думал, когда сбросил всё это, чтобы надеть вонючую овчину? Сними её сейчас же и надень эту одежду!

— Не заставляйте меня, пожалуйста, — попытался возражать Таши Осер.

— Если ты будешь медлить ещё секунду, я угощу тебя своей палкой! — пригрозил Кхьенце.

Таков был последний день, когда Таши Осер ходил в старой овчине.

Однажды Патрул сказал: «Я слышал, что Шабкар живёт в нижней части Голока²⁰⁸. Я собираюсь отправиться туда, чтобы встретиться с ним». И он отправился в путь. По дороге встретил одного человека, который спросил, куда он направляется.

— Я еду повидать ламу Шабкара, — сказал Патрул.

— Тогда вы попусту тратите время. Я сейчас прямо оттуда. Если вы туда поедете, то не сможете встретиться с ламой Шабкаром, потому что он недавно умер.

Патрул тут же выполнил сотню полных поклонов-простираний, произнося молитву печальным голосом.

Спустя некоторое время он сказал: «Я хотел встретиться с ламой Шабкаром не потому, что хотел бы получить от него какие-то учения — мне нечего было у него просить, как и ему нечего было просить у меня, но в современном мире он был единственным, кто хранил самый подлинный

дух бодхисаттвы. Я считал, что будет огромной заслугой, если мне удастся хоть раз взглянуть ему в лицо! Теперь уже ничего не поделаешь. Давайте возвращаться. Я сделал подношение мандалы, поклонившись сто раз. Этого будет достаточно».

Однажды, когда Патрул жил в монастыре Дзогчен, что в Дерге, навестить его прибыл из нижней части Кхама другой великий учитель по имени До Кхьенце. По прибытии До Кхьенце упомянул, что выехал в то же утро, но это было совершенно невозможно, поскольку обычно такое путешествие верхом занимало пятнадцать дней.

С другой стороны, как знать? Ведь До Кхьенце, подобно великим индийским сиддхам, умел оживлять мёртвых и совершал такое не один раз. Например, я слышал, что ему служила огромная стая кровожадных собак. Иногда в качестве пиршества он срезал с костей оленя мясо и давал их этим собакам.

Потом он повелевал своим ученикам собрать кости на оленью шкуру, и, когда он ударял своим посохом по шкуре, олень вскакивал и бросался прочь. Такое случалось много раз, и у охотников установился обычай дарить несколько антилоп или оленей учителю и его ученикам. Они ели мясо, но Кхьенце запретил им раскалывать кости и высасывать костный мозг — любимое лакомство кхамцев. Вместо того кости собирали и складывали на шкуры, а когда До Кхьенце ударял по шкуре палкой, олень вскакивал и убегал.

Но однажды, не зная, что этого делать нельзя, один ученик расколол кость. До Кхьенце попытался его остановить, но было уже поздно. Когда собрали кости, к ним присоединили и те осколки, которые забрали у нового ученика, и завернули всё в шкуру. Когда До Кхьенце стукнул палкой по этому свёртку, олень встал на ноги пошатываясь и ушёл, хромя на сломанную ногу.

Так или иначе, именно До Кхьенце явился в Дерге, чтобы убедиться, что Патрул стал его учеником. По прибытии он начал быстро обходить главный храм против часовой стрелки — в направлении, противоположном тому, в котором совершали обход все, в том числе и Патрул.

Если два человека обходят что-то, двигаясь в противоположных направлениях, они обязательно встретятся. Но в тот момент, когда эти двое встретились, До Кхьенце закричал на Патрула: «Старый Пёс! Шарлатан! Обманщик!» Он не только осыпал Патрула ругательствами, но и швырнул на землю, а когда Патрул попытался встать, снова сбил его с ног.

Тут Патрул вдруг понял, что этот незнакомец, наверное, До Кхьенце. Его следующей мыслью было: «Этот учитель — сам *херука*. Почему он меня ругает?»

И внезапно его обычное восприятие действительности совершенно прекратилось.

«Вот оно, Старый Пёс! — кричал До Кхьенце. — Отныне и впредь для тебя вот оно!»

Позднее Патрул сказал Таши Осеру: «Вот когда я узнал природу ума в её обнажённом состоянии, без малейших представлений и понятий. В тот момент я лицом к лицу столкнулся с подлинной пробуждённостью. Вот почему теперь Старый Пёс — это моё тайное имя, данное в посвящении, поскольку его даровал мне мой великий учитель До Кхьенце».

Это можно было бы назвать чрезвычайно прямыми указующими наставлениями.

Однажды к Патрулу пришёл один йогин из Нангчена по имени Анги Тендар — он был практиком не простым, а достигшим довольно высокого уровня.

— Откуда ты? — спросил Патрул.

— Я из Нангчена, ученик Цокни.

— Да-да. Я слышал об этом Цокни из Нангчена, который, как считается, постиг воззрение дзогчен. Не тот ли это, кто любит учить так, как сказал Миларепа: «Если практикуешь утром, тем же утром ты — будда, а если практикуешь ночью, той же ночью ты — будда, избранный же человек со счастливой кармой становится буддой и без медитации»? Если это твой учитель, скажи мне: сколько его учеников достигло Радужного Тела? — с иронией спросил Патрул.

— Был один, который достиг бы Радужного Тела, — ответил Тендар, — если бы только не умер от заразных нарывов.

Нужно знать, что ни в коем случае никакая болезнь не может помешать продвинутому практику обрести Радужное Тело, так что на какой-то миг Патрул просто онемел.

Потом оба они залились смехом.

Цитата, которую привёл Патрул, была взята из жизнеописания Миларепы. Прежде чем Миларепа встретился с Марпой, он попросил наставлений у одного учителя дзогчен.

«Похоже, ты серьёзный практик, — сказал Миларепе этот учитель. — Поэтому я дам тебе свои учения дзогчен, что приносят освобождение бла-

годаря видению, слушанию и воспоминанию». И он сказал ему именно те слова о том, как становятся буддой утром или вечером, которые повторил Патрул.

Истинный смысл этого наставления заключается в следующем: когда бы практик ни вспомнил об узнавании пробуждённого состояния, в тот миг он, по сути, не отличается от будды, и неважно, утром это происходит или ночью. Более того, узнавание естественного состояния не является актом медитации, а потому о любом, кто способен упражняться в этом, говорят, что он стал «буддой без медитации». Это верно по отношению к тому, кто не только подлинно узнаёт пробуждённое состояние, но и постоянно в этом упражняется. Вот что значат слова «избранный человек со счастливой кармой». (В прошлом Шечен Конгтрул также дал мне такой совет: «Эй, ты, не медитируй, не медитируй!» — это означало, что пробуждённое состояние не акт медитации.)

К сожалению, Миларепа истолковал слова учителя дзогчен по-своему: будто он такой особенный человек, что ему даже не нужно упражняться в природе ума. Он неверно понял смысл слова «безыскусность» и провёл неделю просто в безделье.

На восьмой день учитель дзогчен позвал его и попросил:

— Объясни мне своё нынешнее переживание и понимание.

— Какое переживание и понимание? — ответил Миларепа. — Ничего такого у меня не было. Вы сказали, что такой человек, как я, не нуждается в практике, вот я ничего и не делал.

— Вот тебе раз! — воскликнул учитель. — Наверное, я слишком поспешно дал самое высокое учение! Не думаю, что теперь могу тебе помочь. Но в долине Дрово, к югу отсюда, живёт великий переводчик Марпа, йогин новой передачи Ваджраяны. У вас с ним кармическая связь, так что иди к нему.

В тот же миг, как Миларепа услышал имя Марпы, его до костей пробрала дрожь, каждый волосок на теле затрепетал, а глаза наполнились слезами. Это был верный знак кармической связи. Миларепа немедленно попрощался и отправился искать Марпу.

Однажды к Патрулу доставили покойника, чтобы учитель выполнил над ним необходимые ритуалы. Но, после того как безутешная семья удалилась с мёртвым телом, Патрул рассмеялся. Удивлённый этим, один из его учеников спросил, что его так развеселило?

«Сначала, когда я увидел эту семью, я чуть не заплакал. Ещё вчера этот человек приходил ко мне живой и здоровый. А сегодня его несчастная семья приносит его бездыханное тело, бесчувственное и распухшее. Как печально было видеть его искажённое лицо.

Но, когда, находясь в медитации, я захотел посмотреть, куда ушёл его дух, я увидел, что он уже переродился в мире богов²⁰⁹. Теперь он — весёлый красивый младенец — сидит на коленях своей матери. Самсара поистине удивительна! Его родственники ещё плачут, а он уже полон радости — что за странный мир!»

На следующий день другой ученик спросил его:

— Ринпоче, сколько прошлых жизней вы помните?

— Я не могу видеть так же ясно, как великие бодхисаттвы, и неспособен видеть бесчисленные жизни, как мог их видеть Будда. Но я могу сообщить вам подробности по меньшей мере пятисот из них. И ещё, если бы действительно понадобилось, я мог бы рассказать вам о том, что произойдёт в моих будущих пяти сотнях жизней.

Когда такой великий учитель, как Патрул, давал учения о природе самсары и реальности, это были не просто слова. К концу каждого дня Патрул, по заведённому порядку, исполнял известное благопожелание о перерождении в мире Будды Амиабхи. Обычно он пел его в спокойном темпе на открытом воздухе, совершая поклоны в сторону заходящего солнца.

Однажды, вернувшись после этого, он сказал ученику:

— Я только что услышал очень плохие новости.

— Какие, Ринпоче?

— Я встретил одного муравья, который сказал мне: «Патрул скоро умрёт». Ты умеешь петь слова практики переноса сознания из *Лонгчен нингти*?

— Конечно, — ответил ученик.

— Тогда, пожалуйста, спой её для меня.

В конце практики ученик трижды произнёс ПХЭТ, и с третьим ПХЭТ Патрул оставил своё тело.

Под конец жизни у Кьютгтрула время от времени с лица падали *рингсел* — крошечные белые жемчужины. Иногда люди говорили ему об этом, но скоро сожалели, потому что он неизменно отвечал: «Какой дурной знак — такие рингсел также бывают в свиньях. Это, конечно же, плохо, когда человек при жизни оставляет рингсел. Кто слышал о таком? Избавьтесь от них немедленно! Выбросьте их подальше. И никогда больше не поднимайте!»

Вот что он сказал, но подумайте, разве это немного не странно? Так что люди собирали рингсел втайне от него и, чтобы найти их, процеживали его мочу и воду, которыми он умывал лицо. Оказалось, что даже его испражнения изобилуют этими рингсел.

Казалось, что Кьютгтрул полностью вышел за пределы состояния заблуждения. Он всегда был спокоен и улыбался, он даже никогда не пока-

зывал виду, что тяжёло болен. Умер он в монастыре неподалёку от Ла-чаба.

За день до того, как покинуть тело, он велел своим ученикам выполнить особый ритуал для охранителей Дхармы, сказав: «Защитники, исполненные мудрости, ведут нас и в этой жизни, и в бардо, и в следующей жизни. Так что выполните, пожалуйста, для меня «Исправление священной связи».

«Самая впечатляющая смерть, — продолжал Кьютгтрул, — это как у Чоклинга из Нэтэна. Он возвращался из поездки в Ривоче и увидел по дороге крошечный уединённый домик на горном склоне. Он попросил, чтобы его проводили туда. На следующий день он спокойно позволил своему уму раствориться в исходном пространстве всех явлений. Вокруг него не было слышно ни единого звука жалобы или плача, и никто не докучал ему просьбами остаться. Он ушёл в атмосфере полного покоя. Именно так должно быть, когда кто-то умирает. И вы, мои ученики, постарайтесь покинуть эту жизнь точно так же».

На следующее утро ученики обнаружили, что их учитель скончался.

Тогда я не знал, что те дни, проведённые с Кьютгтрулом, были моим последним длительным пребыванием в Нангчене. Сразу после этого я вернулся в Центральный Тибет, чтобы получить «Сокровищницу драгоценных терма», и всё больше времени посвящал служению Кармапе. И ещё, как я начал понимать, Тибету, который я знал, вскоре предстояло перемениться навсегда.

Часть третья

Центральный Тибет

В Цурпу с Кармапой

Когда Карсэй Конгтрул посетил Лачаб, я попросил его написать письмо, в котором мне предлагалось бы присутствовать на посвящениях «Сокровищницы драгоценных терма». Эти посвящения он собирался давать в Цурпу, а поскольку он был самым великим из мастеров кагью того времени, мой монастырь никак не мог отказать мне в этой поездке.

Когда я появился в Цурпу, Карсэй Конгтрул выразил большую радость по поводу нашей очередной встречи и сказал, что вовсе не горел желанием передавать это необычайное учение — «Сокровищницу драгоценных терма», но тем не менее считает себя обязанным делать это, потому что об этом его попросил Кармапа. Потом он добавил: «Поскольку вы здесь, у меня больше воодушевления: теперь это имеет смысл». Он часто говорил со мной с такой теплотой. Я пробыл там семь месяцев, пока не были закончены все посвящения.

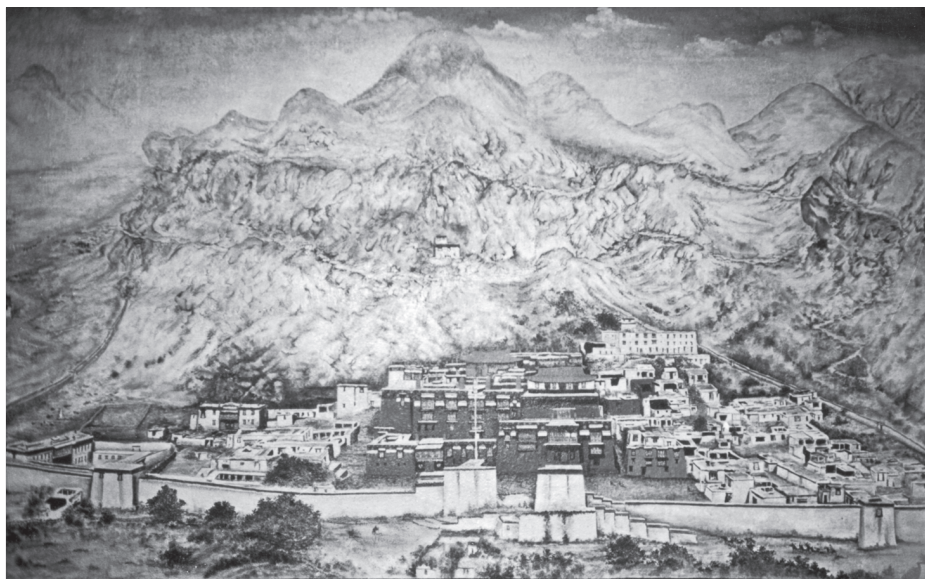
Конгтрул обладал чрезвычайно высокой реализацией, и было такое впечатление, что он достиг уровня, который называется крушением заблуждения. Каждый вечер после посвящения он прогуливался, обходя вокруг главных храмов. Мне казалось, что движется его тело, а ум никогда не выходит из состояния самадхи. Если он говорил, то только о практике и о том, как в ней продвигаться.

Не знаю, что он при этом испытывал, но иногда он снимал с себя накидку и почти всю остальную одежду на пути к своей комнате, приходя туда в одном нижнем белье.

44.
Молодой
Кармапа

45.
Стенная
роспись
монастыря
Цурпу

— Ринпоче! В чём дело? Что вы делаете? — спрашивал его слуга.

— Что ты имеешь в виду?

— Вы сняли с себя одежду по дороге.

— Я думал, что уже дома, — отвечал Карсэй Конгтрул.

Не поймите меня неправильно: он не был просто чудаком — он обладал чрезвычайной реализацией. Это странное поведение было лишь своеобразным проявлением исчерпания заблуждения, того состояния, которого он достиг за несколько лет до своей смерти.

После окончания посвящений я попросил у Карсэя Конгтрула разрешения остаться в Цурпу, чтобы выполнить трёхлетнее затворничество. Чтобы это осуществилось, он с радостью согласился написать ещё одно письмо в мой монастырь.

В то время я был довольно застенчив и считал, что не могу навязываться такому великому учителю, поэтому я виделся с ним только тогда, когда он сам меня звал. Однако во время нашей последней прогулки он поведал мне о своих переживаниях. Этого он никогда не сказал бы открыто, но почему-то доверился мне.

«Я собираюсь говорить с тобой прямо и честно, — начал он. — Именно пятнадцатый Кармапа Кхакьяб Дордже указал мне природу ума. Он посоветовал мне воздержаться от слишком широкого обучения, сказав, что, хотя в Восточном Тибете сохранилось много важных учений, мне, как он выразился, “нужно поддерживать учения высшей передачи”²¹⁰.

“Поэтому, — сказал он мне, — в качестве своей главной практики просто поддерживай непрерывность естественного состояния, которое я тебе показал, не пытайся стать великим учёным”. Таково было повеление моего отца, Кармапы. Так что кроме грамматики и правописания я мало чему учился.

Тем не менее, упражняясь в естественном состоянии, я достиг уровня, на котором вся долина Цурпу предстаёт как мандала Чакрасамвары, и с каждым днём рассудочных мыслей становится всё меньше. Теперь осталась только одна трудность: я всё ещё утрачиваю присутствие в момент засыпания. Это длится всего пару секунд, но мне очень жаль, что я действительно теряю осознанность.

Однако в остальное время мой ум больше не отвлекается никогда — ни днём, ни ночью. Моё воззрение открыто и устойчиво, я никогда не отхожу от него. Я говорю это только тебе; до сего дня я не упоминал об этом никому. Теперь я уверен, что могу спокойно умереть в любой момент».

Вот так он говорил. Позднее оказалось, что это были его прощальные слова, потому что больше я его не видел до своего отъезда в Кхам. К тому же это было ещё и свидетельством того, что он знал о своей близкой смерти.

После посвящений я отправился в затворничество высоко в горы над монастырём Цурпу, в прекрасную пещеру, которая называется Крепость Лotosного Гаруды. Это уединённое место, откуда открывается впечатляющий вид, служило убежищем для множества прежних воплощений учителей традиции кагью²¹¹. Кармапа дал мне своё разрешение находиться там, а также обеспечил слугой. К тому же он был так добр, что отправил рабочих построить несколько дополнительных помещений для моего затворничества.

Случилось так, что во время моего пребывания в затворничестве в Цурпу родился мой старший сын Чокьи Нима. Тогда его мать Кунсанг Дечен жила близ монастыря, принадлежавшего прежнему воплощению Чокьи Нимы²¹².

На самом деле я с детства был довольно робким и застенчивым. Например, в сельской местности люди, чтобы облегчиться, обычно отходят недалеко от дома. Но, если вокруг дома было открытое пространство, мне было

46.
Крепость
Лotosного
Гаруды над
монастырём
Цурпу

очень трудно сделать это на виду у людей. Так что я уходил подальше, чтобы найти более укромное место. Иногда какой-нибудь доброхот, думая, что я ухожу или желаю прогуляться, догонял меня, чтобы выяснить, куда это я направляюсь. Как бы мне хотелось куда-то скрыться! Но, конечно же, этого никто не знал.

За мной шли по пятам, пока я наконец не возвращался домой с полным пузырём. Потом я дожидался удобного случая, чтобы как-нибудь выскользнуть без спутников. Такая застенчивость доставляла мне много неудобств.

В молодые годы я также очень стеснялся людей противоположного пола — на женщин я отваживался смотреть только издалека. Первая подруга у меня появилась, когда мне было уже немного за двадцать. Я никогда не помышлял о женитьбе, но и монахом быть не собирался.

Так или иначе, в Центральном Тибете я встретился с Кунсанг Дечен и вернулся в Кхам вместе с ней. Постепенно её стали признавать моей супругой. Это было за несколько лет до рождения Чокьи Нимы. Она по-настоящему занималась практикой и выполнила предварительные практики тринадцать раз. Её усердие производило на людей большое впечатление. Представьте себе: она выполнила миллион триста тысяч поклонов-простираний! У её семьи было много скота, и она собирала излишки масла и отсылала их в Лхасу для подношения ста тысяч светильников.

Теперь, когда открылось, что я не монах, у меня немного поубавилось застенчивости. Постепенно я даже преодолел неспособность смотреть женщинам в глаза.

К концу своего затворничества я получил письмо от Карсэя Конгтрула, в котором мне предлагалось вернуться в Лачаб. Наверное, это обитатели моего монастыря заставили его послать это письмо, потому что он упомянул, что там крайне нуждаются в средствах. Тулку Самтена Гьяцо был ещё слишком юн, некоторые из зданий нуждались в ремонте, а главный лама — то есть я — находился в Центральном Тибете.

В письме Карсэя Конгтрула говорилось: «Твой монастырь находится в большой нужде. Я считаю, тебе не избежать посещения Кхама. Так что, пожалуйста, возвращайся быстрее, как только завершится твоё трёхлетнее затворничество».

Я не хотел послушаться Карсэя Конгтрула. Кроме того, политическая обстановка в Тибете неуклонно ухудшалась, и я чувствовал, что так или иначе должен побывать в Кхаме. Так что, закончив затворничество, я попросил Кармапу разрешить мне вернуться в Лачаб и начал подготовку к долгому путешествию в Кхам. Однако оказалось, что перед отъездом мне нужно было сделать ещё кое-что.

Как я уже упоминал, много лет назад Самтен Гьяцо передавал «Новые сокровища» в монастыре Сурманг, что в Нангчене. Тогда немало последователей линии кагью, мастеров чрезвычайно высокого уровня реализации, прибыло туда, чтобы получить от Самтена Гьяцо эти передачи. Однако некоторые из важных посвящений — в том числе «Три раздела дзогчен» — он, как обычно, хранил в тайне и не передавал.

Позднее Сурманг Тентрул и Карсэй Конгтрул передали юному Кармапе многое из того, что они получили тогда. Однако не хватало ещё шести томов — тех, что Самтен Гьяцо не стал передавать в Сурманге. Кармапа же был полон решимости обладать полной линией передачи «Новых сокровищ». Очевидно, он выбрал меня, чтобы я передал ему всё остальное. Однажды, когда мы встретились с Кармапой в Нангчене, он попросил меня при следующем моём визите в Цурпу захватить с собой эти книги, намекнув:

— Возможно, когда-нибудь вам потребуется дать мне посвящения «Трёх разделов».

— Об этом не может быть и речи, — ответил я, — этого я никак не могу сделать!

— Почему? — спросил Кармапа. — Эта линия ещё не прерывалась.

Я попытался обосновать свой отказ:

— Есть две линии. Одна идёт через Цеванга Норбу к двум воплощениям Чокгьюра Лингпы и моим дядям, Самтену Гьяцо и Терсэю. Другая линия идёт через Цеванга Норбу к великому учителю Катогу Ситу и Дзонгсару Кхенце. Эти линии остаются живыми. Хотя Самтен Гьяцо дал передачу моему отцу и мне, ещё живы ламы, которые получили её от Катога Ситу.

Так что, — продолжал я, — вам нет никакого смысла полагаться на такого человека, как я. Я и не понимаю это учение, и не умею его передавать. Но, когда я вернусь из Кхама в следующий раз, обязательно привезу вам в подарок этот текст, а также необходимые изображения.

Спустя годы по дороге в Центральный Тибет я упомянул дяде Терсэю о просьбе Кармапы. Позднее дядя Терсэй написал мне: «Моя мать, дочь тертона Кончог Палдрон, сказала, что через три поколения печать тайны будет сама собой снята. В то время уже не будет ошибкой распространять «Три раздела» более широко. Таковы были слова самого великого тертона. Первым поколением можно считать Цеванга Норбу, вторым — Самтена Гьяцо, а третьим, похоже, — тебя. Так что ты должен исполнить волю Кармапы!»

Если бы не это письмо, я не отважился бы передавать эти тайные учения, а настоял бы на том, что нужно ждать прибытия дяди Терсэя²¹³.

Так или иначе, однажды в Цурпу я получил письмо, в котором выразилось желание Кармапы видеть меня незамедлительно. Когда я при-

шёл в резиденцию Кармапы, он сказал мне, что я должен дать ему посвящения «Трёх разделов». Я был удивлён и стал возражать: «Как я могу это сделать? Я не представляю собой ничего особенного. Не просите меня делать этого».

Я заметил, что у его сиденья поставили небольшую стопу толстых подушек, накрытых тигровой шкурой. Кроме того, я увидел привезённый мною текст «Трёх разделов», который уже лежал на украшенном столе напротив подушек.

Потом Кармапа приказал: «Сядь! Начинай устную передачу прямо сейчас. Завтра будешь давать первое посвящение. Вскоре мне нужно будет отправиться на Небесное озеро, так что постарайся, чтобы к тому времени всё было закончено».

Алтарь был приготовлен, и поставлена мандала, а мастер алтаря уже держал блюдо с подношениями мандалы. Прежде чем я понял, что происходит, они начали петь слова ритуала подношения, и Кармапа положил в центр блюда для мандалы большую золотую монету.

— Это мой обычай всегда подносить золото, когда я прошу важного посвящения дзогчен или хочу установить новую связь в Дхарме, — сказал он. И дал мне знак начинать.

— Вы не можете заставить меня создать неблагую карму, поставив себя выше Кармапы, — протестовал я. — Нет такой традиции, которая позволяла бы обычному человеку, как я, дать посвящения будде, такому, как вы.

Я снова и снова умолял отпустить меня.

Лицо Кармапы приняло сердитое выражение:

— Я ещё не встречал такого упрямого, как ты! Я не знаю никого, кто противился бы моим желаниям; все меня слушаются! Что же я вижу — ты отказываешь мне! Как можно быть таким?

Вид у него был очень недовольный. Несмотря на это, я ещё раз поклонился и сказал:

— Прошу вас, не заставляйте меня! Линия передачи не прервётся только потому, что я её не передаю; в Кхаме есть великие ламы, которые могут дать это посвящение, например Дзогнгсар Кхьенце²¹⁴. В наше время вы не найдёте в этих местах более великого учителя, чем он! Вам достаточно послать ему письмо, и он обязательно приедет. Я с радостью доставлю это письмо; вернувшись в Кхам, я отправлюсь прямо в Дерге, чтобы его вручить.

И я снова поклонился.

Тогда Кармапа сказал:

— Я очень надеялся, что ты дашь мне эту передачу. Не отказывай мне. Это не просто какая-то прихоть. Ты не только потомок Чокгьюра Лингпы, ты и сам тулку. Я выбрал тебя только после долгих размышлений.

Если я прошу кого-то дать мне посвящение, им не годится отказываться. Ты первый, кто это делает!

Раскрасневшийся, он сердито топнул ногой.

Помощник Кармапы, ваджрный мастер в Цирпу, с которым я очень хорошо ладил, отчаянно подавал мне знаки, чтобы я подошёл к нему. Очевидно, понимая, что Кармапа сильно недоволен, он хотел мне что-то сказать на ухо, но не отваживался подойти.

— Разве вы не видите, что наша Исполняющая Желания Драгоценность гневаётся? — прошептал помощник. — И вы всё-таки отказываетесь уступить? Вы не понимаете, что, идя ему наперекор, создаёте разлад в ваших отношениях и нарушаете самую по отношению к нему? Если вы не согласитесь дать ему посвящение, как вы сможете утверждать, что сохраняете чистую самую между вами? Из-за этого вам будет трудно вернуться сюда — подумайте, пожалуйста. Пожалуйста, начните передачу немедленно!

Кто из линии Чокгьюра Лингпы, кроме вас, — продолжал он, — остался в живых, чтобы передать её нашей Исполняющей Желания Драгоценности? Если вы её не передадите, эта особенная линия прервётся. Кармапа хочет получить именно эту линию, которая идёт через семью Чокгьюра Лингпы. У вас нет никаких причин своим упрямством навлекать на себя гнев Кармапы. Уступите и дайте эту передачу!

Теперь Кармапа обернулся и сурово сказал:

— Ну, как? Начнёшь ты теперь наконец?

Каким-то образом у меня вырвалось:

— Да, конечно, Ринпоче!

Я сел на пол рядом с его троном и приготовился начать²¹⁵.

— Ты действительно думаешь, что можешь давать драгоценные учения дзогчен с пола? — возразил Кармапа. — Это всё равно что вода потекла бы вверх по склону!

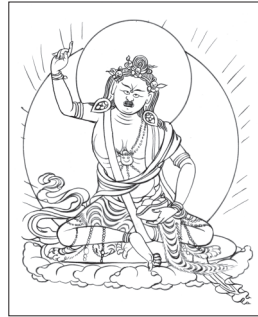
Так что меня в конце концов заставили сесть на трон. Мастер алтаря во второй раз начал петь подношение мандалы, а я приступил к устной передаче, которая заняла два дня.

Когда я закончил, Кармапа сказал:

— Теперь пора начать посвящение! Сегодня благоприятный день, давайте начнём этим вечером.

«Какой ужас!» — подумал я.

Кармапа уже позвал мастеров алтаря и приказал им начать готовить торма. Мы начали с посвящения Шрисингхи, индийского учителя, который занимает главное место в линии дзогчен.

47.
Шрисингха —
древний
учитель
дзогчен

До начала путешествия нашей Исполняющей Желания Драгоценности к Небесному озеру в Северном Тибете оставалось всего пять дней. Поскольку вместо опытного в этой передаче мастера алтаря в моём распоряжении был только один старый лама из Лачаба, то каждую ночь мне приходилось составлять руководства по посвящению на следующий день. Под конец я настолько вымотался, что из-за недостатка сна моя моча стала красной от крови.

Когда всё закончилось, мне нужно было как следует отдохнуть. Но у Кармапы были другие планы: «Ты должен сопровождать меня в путешествии к Небесному озеру, чтобы каждое утро и вечер ты смог продолжить передавать мне оставшиеся посвящения «Новых сокровищ».

Он также хотел, чтобы я дал «вверение» жизненной силы Церингмы, охранительницы учений-терма Чокгьюра Лингпы. Я отвёл в сторону казначея и спросил его, нельзя ли мне передать всё это позже, а теперь возвратиться в Кхам. Каждое утро и вечер толпы людей стекались повидать Кармапу, и у меня совершенно не было возможности давать ему передачи.

Вокруг Кармапы происходило много необычных событий. Например, он держал сотни птиц. Карсэй Конгтрул подарил Кармапе птицу с чрезвычайно красивым голосом, и он ею очень дорожил. Когда эта птица заболела, он поместил её в отдельную комнату. Однажды ему сказали, что эта птица умирает, и он попросил принести её.

Птичку положили ему на стол.

«Этой птице нужно особое благословение», — сказал он. Взяв небольшой сосуд с горчичными зёрнами, он произносил свою обычную молитву для устранения препятствий, бросая зёрна в птицу. Вдруг он сказал: «Больше ничего сделать нельзя — она умирает. Никакое благословение здесь не поможет».

Потом он повернулся ко мне со словами: «Возьми её и держи в руке».

Птичка была ещё жива и сидела в моей ладони, один глаз у неё был наполовину открыт. Но вскоре я увидел, как поникла её головка, а потом и крылья. Но, как ни странно, затем птичка выпрямила спину и просто села. Один из присутствующих прошептал: «Не самадхи ли это?»

Я не хотел её тревожить и попросил его положить её на стол. Этот человек, казалось, привык иметь дело с птичками в таком состоянии, потому что не потревожил её, поставив вниз.

Удивлённый, я заметил:

— Поразительно! После смерти птица сидит выпрямившись?!

— Ничего особенного. Они все так делают, — сказал помощник Кармапы как о чём-то само собой разумеющемся.

Другой помощник тоже подал голос:

— Если в вольерах Кармапы умирает птица, после смерти она всегда некоторое время сидит. Мы к этому так привыкли, что перестали удивляться.

— Когда птицы умирают, — возразил я, — они падают с ветки на землю сверху лапками, они не сидят!

— Но, когда Кармапа поблизости, они именно сидят, — ответил помощник. — Однако вы правы: когда его нет, они умирают обычным образом.

На этом все пришли обедать, и мне тоже пришлось сесть, но я не мог смотреть на птичку, пока мы ели. Посреди обеда правое крыло у неё покисло, а за ним и левое.

Помощник Кармапы прошептал: «Исполняющая Желания Драгоценность, кажется, самадхи заканчивается».

Кармапа не обратил никакого внимания и продолжал есть, даже когда птица наконец опрокинулась на спинку. Я посмотрел на свои часы — прошло примерно три часа. Что бы ни говорили помощники Кармапы, я был поражён, потому что видел, как она умерла у меня в руках. Большинство людей, наверное, не поверили бы этому, если бы не увидели собственными глазами.

Ещё Кармапа очень любил собак, и у него было несколько пекинесов, которые, как мне сказали, тоже умирали, сидя с прямыми передними лапами.

Говоря вкратце, Кармапа был невероятным человеком.

В те дни Кармапа был так занят, что я никак не мог продолжить посвящения. Потом пришло очень своевременное письмо от дяди Терсэя, в котором он просил меня вернуться в Нангчен, и это письмо послужило уважительной причиной, чтобы меня на время отпустили.

Покинув Цурпу, я отправился северным путём, который пролегал мимо монастыря Дронг. Кунсанг Дечен жила поблизости от него с моим первенцем. Чокьи Нима был воплощением главного ламы, который в своё время был близким учеником Шакья Шри и любимым другом моего дяди Терсэя. Кроме того, он был учеником Самтена Гьяцо и провёл рядом с ним, по крайней мере, четыре месяца²¹⁶.

Однажды Тензин Дордже рассказал мне о том периоде, когда он поехал в Ахасу повидать Цеванга Норбу.

«Зная, что этот учитель был сыном и близким учеником Чокгьюра Лингпы, я всем сердцем стремился встретиться с ним. Я сидел вместе с другими в приёмной, когда вдруг из комнаты Цеванга Норбу вышел высокий нагой человек и решительно протопал по деревянному полу прямо в уборную, взмахивая яйцами при каждом шаге. Нужно было

видеть, как лхасские дамы и их юные дочери бросились врассыпную с его пути!

Люди выбежали из комнаты, но Тензин Дордже — человек без предрассудков и не слишком ревностный поклонник внешнего этикета — остался сидеть. Через несколько минут голый человек прошагал через комнату в обратном направлении. Вскоре Тензин Дордже смог заглянуть в комнату учителя и убедился, что тот голый человек был не кто иной, как сам Цеванг Норбу.

В тех местах Тензина Дордже называли Чёрным Джамбхалой, богом богатства, и считалось, что каждый, кому посчастливится пригласить его в свой дом, разбогатеет. Тензин Дордже был человеком со «счастливой рукой», и это означало, что старинные и дорогие вещи всегда каким-то образом оказывались среди его имущества. Его монашеское хозяйство считали чрезвычайно зажиточным. Самому Тензину Дордже принадлежало не меньше тысячи прекрасных коней; когда пришли коммунисты, у него ещё оставалось пятьсот голов.

Когда Тензин Дордже был главным ламой, монастырь Дронг славился тем, что к западу от Кхама там были самые изысканные наряды для танца; эти костюмы использовали для больших ритуалов и священных танцев²¹⁷.

Придя к власти, коммунисты собрали в одну большую груду все костюмы из прекрасной парчи и все жёлтые головные уборы, которые использовались для церемоний, а также другие ритуальные принадлежности и всё это сожгли.

Я пробыл в монастыре Дронг всего несколько месяцев, когда прибыл гонец, объявивший, что Кармапа приказывает мне вернуться в Цурпу. Настало «время давать оставшиеся посвящения». Так что я отправился обратно выполнять эту задачу.

Тем временем Карсэй Конгтрул только начал трёхлетнее затворничество, когда получил известие, что в Нангчене умер его близкий друг и ученик²¹⁸. Он попытался отказаться от участия в похоронных церемониях, но посланец не принял его отказа. Наконец согласившись оставить затворничество и поехать в Кхам, он предупредил: «Хорошо, если я должен это сделать, то сделаю. Но в Центральный Тибет я уже не вернусь».

Пока Карсэй Конгтрул находился в Кхаме, я снова был с Кармапой в Цурпу. Однажды Кармапа вдруг воскликнул:

— Тулку! Я только что увидел очень плохой сон. Наверное, мне не стоит притворяться, что всё в порядке.

— Что это за сон? — спросил я.

— Я увидел, как высоко с небес спустилась ступа из чистого хрусталя. Внутри округлой части ступы я ясно видел золотую статую Будду Шакьямуни. Во сне мне захотелось взять эту статую. Но чуть было ступа не опустилась на землю, как она снова взмыла вверх. Она стала недосягаема и вскоре исчезла в глубине пространства. В этой жизни я считаю своими коренными гуру двоих учителей. Один — это Ситу из Палпунга, и, когда он умер, у меня был похожий вещий сон. Сегодняшний утренний сон заставил меня думать, не скончался ли и мой другой коренной гуру, — заметил Кармапа, имея в виду Карсэя Конгтрула.

Конечно же, я попытался разубедить его в этом, но он ответил: «Нет, у меня тяжёло на сердце. Это явно был зловещий сон. Я боюсь, что мой любимый покровитель ушёл».

Спустя несколько недель Кармапа отправился в Лхасу, чтобы повидать в Потале Далай-ламу и получить от него несколько посвящений старой традиции Кадам. Также Кармапа обеспечивал средствами проведение большого посвящения Калачакры в парке Норбулингка, и я сопровождал его в качестве помощника. Готовясь отправиться из Цурпу, Кармапа сказал своему личному секретарю: «Обязательно возьми с собой гуру-садхану Марпы, Миларепы и Гампопы». (Это три основателя линии кагью.)

Но иногда бывало, что монахи в Цурпу мыслили довольно самостоятельно. Когда секретарь вышел из приёмной, он подумал: «Зачем брать этот текст в Лхасу? Он собирается получать Калачакру от Далай-ламы. Я не знаю такого обычая выполнять личные ритуалы, принимая участие в большом посвящении».

Я напомнил ему, что, если наша Исполняющая Желания Драгоценность велел ему что-то сделать, он просто должен это исполнить. Но он пропустил это мимо ушей, возразив: «Да нет никакого смысла брать этот текст с собой». Позднее в тот же день Кармапа снова спросил его, упаковал ли он текст. Секретарь солгал, ответив утвердительно, и повторил, обращаясь ко мне:

— Этот текст ему никак не понадобится.

И снова мне пришлось сказать ему:

— Не говори так! Если тебя просят что-то сделать, делай!

На следующее утро, перед самым отбытием, Кармапа снова спросил:

48.
Молодой
Далай-лама

— Так что, ты взял текст или нет?

— Да-да, конечно.

Выйдя наружу, он сказал мне:

— Он уже третий раз мне это повторяет!

Я предупредил его, что лучше ему взять текст, иначе в Ахасе у него будут большие неприятности. Он ответил:

— Ладно, могу его взять! Трудно мне, что ли?

Потом он пошёл и взял этот текст.

В нижней части Ахасы шли большие приготовления к посвящению Калачакры. По случаю этого важного события собрались все сановники Центрального Тибета. Церемония должна была продлиться пять или шесть дней.

Мы приехали на несколько дней раньше. Кармапа был в Тибете одним из немногих учителей, удостоенных правительством особой чести шествовать под «зонтом Дхармы» — участвовать в величественной процессии под звуки огромных фанфар, как это он и сделал при посещении Джоканга. Кроме Кармапы только Далай-ламе, главе школы сакья, владельцу трона Гандена, и ещё очень немногим избранным могла быть оказана такая честь в городе Ахасе. В остальных случаях существовал запрет устраивать для ламы подобные чрезмерные почести.

Кармапа посетил статую Джово, где сделал щедрое подношение маслеными светильниками. На обратном пути его пригласили отобедать в родовом доме матери Карсэя Конгтрула, почтенной супруги пятнадцатого Кармапы.

Казначей и главный управляющий Цурпу — все сидели за трапезой, когда, нарушая все принятые в Центральном Тибете обычаи и правила хорошего тона, в дом ворвался запыхавшийся и обессиленный кхамец. Из его слов поняли, что он прискакал из Трангу-гомпы со срочным сообщением.

— Эй! — воскликнул он. — Карсэй Конгтрул умер! Меня и ещё двух гонцов немедленно отправили сказать это вам. У меня есть доказательство — шарф с его печатью. С его помощью я менял коней по дороге, поэтому и добрался сюда всего за двадцать дней²¹⁹. Мы прибыли в Ахасу этим утром, и всё рассказали в доме его семьи. Ещё мы услышали, что Кармапа здесь, так что разрешите нам увидеть его прямо сейчас!

Один из деятелей монастыря Цурпу попытался утихомирить его: «Будьте любезны, говорите тише, успокойтесь». Гонцов сразу же проводили в другую комнату под тем предлогом, что им подадут еду.

Очевидно, Карсэй Конгтрул, прибыв в Трангу-гомпу, начал проводить ритуалы. Затем он отправился провести несколько дней в расположенной неподалёку пещере знаменитого Мипама, именно там он и скончался.

Казначей убеждал: «Мы не можем сообщить Кармапе плохие новости так прямо. Сейчас явно не время и не место. Это родовой дом Джамгона, — сказал он, имея в виду Карсэя Конгтрула. — Я предлагаю подождать, пока Кармапа не встретится с Далай-ламой, — иначе их встреча станет очень неблагоприятной. Я знаю, что наша Исполняющая Желания Драгоценность будет глубоко огорчён. Я видел, как он горевал, когда умер Ситу из Палпунга. Мы просто не можем сказать ему сейчас!»

Так что эти два деятеля скрыли печальные новости. Они решили, что гонцов на некоторое время нужно куда-нибудь отправить, а Кармапе доложить все потом, после его встречи с Далай-ламой.

На следующий день, после того как встреча состоялась, я посоветовал им: «Вы не можете больше медлить, или наша Исполняющая Желания Драгоценность сделает вам строгий выговор. Лучше всего сказать ему вечером или, самое позднее, завтра утром».

В то время Дуджом Ринпоче был в Китае, поэтому на ночь мы оставались в его доме, где Кармапу встретили очень гостеприимно. Но на следующий день я обнаружил, что эти деятели так ничего и не сообщили.

— Если вы не скажете ему сейчас, — внушал я им, — я не собираюсь торчать здесь и разделять вашу робость.

— Пожалуйста, не уходите! — умоляли они. — Если вы это сделаете, нас пошлют вас искать.

Когда эти люди наконец рассказали всё Кармапе, они выслушали от него заслуженные упреки в самовольстве.

Один из них стал умолять:

— Исполняющая Желания Драгоценность, пожалуйста, не огорчайтесь так!

— А знаете ли вы, чем я огорчён? — резко ответил Кармапа. — Я огорчён не так, как мирской человек. Меня огорчают существа нашего времени, у которых не хватает заслуг, чтобы сохранить такого великого учителя! Карсэй Конгтрул был настоящим учителем, который преодолел заблуждение, — поистине редкостный учитель! В свои последние годы он полностью соответствовал тем примерам реализации, которые явили мастера линии кагью.

Потом он заплакал.

Тем временем за дверями его комнаты сидело много правительственных чиновников, ожидающих аудиенции. Главным из них был регент Тибета, занимавший самую высокую политическую должность. Когда он совершает поклоны-простираения, даже Далай-лама и Кармапа должны почтительно стоять.

Правительственные чиновники в Лхасе бывают весьма заносчивыми и надменными, но спутники Кармапы не осмелились впустить их тогда, полагая, что им не стоит видеть слёзы Кармапы.

Однако по моей просьбе Кармапа вытер глаза, перед тем как принять первого сановника, чтобы не быть неправильно понятым мирянами.

Первым откликом Кармапы на печальную новость было желание выразить соболезнование, послав дары престарелой матери Конгтрула и остальным членам его семьи. Затем он сказал своему помощнику:

— Я велел тебе взять с собой гуру-садхану Марпы, Миларепы и Гампопы. Есть она у тебя?

— Конечно, Исполняющая Желания Драгоценность, — мог ответить тот, и на этот раз честно.

— Устрой алтарь и выполняй её через каждые два дня, начав сегодня же.

Это был хороший урок о том, что всегда нужно выполнять просьбы Кармапы, какими бы они ни были.

Когда посвящение Калачакры закончилось, я попросил отпустить меня, потому что хотел вернуться в Кхам. И опять Кармапа проявил свои способности ясновидения, спросив, где я собираюсь жить по возвращении туда.

Поскольку Кармапа не был обычным человеком, я придавал его вопросу особое значение.

— Исполняющая Желания Драгоценность, я собираюсь остановиться в Крепостной Вершине. Вы помните это место: вы жили там неделю, когда посещали Кхам.

— Не поселяйся там, — ответил Кармапа, — просто подожди и наблюдай. Клянусь, ты там не останешься!

Кармапа говорил простым языком и использовал для своей клятвы кхамское выражение: «Если я неправ, возьму на себя всю твою плохую карму». Это значило, что он абсолютно уверен.

Поскольку я довольно упрям, у меня не было сомнений, что я смогу там остаться, ведь я не мог предположить, что может мне помешать. Но Кармапа настаивал:

— Говорю тебе, ты не сможешь там жить. Послушай меня, тебе нужно будет возвращаться в Центральный Тибет как можно скорее! Ты не должен оставаться в Кхаме!

На следующий день, когда я попросил разрешения отправиться в путь, Кармапа продолжал настаивать:

— Откажись от поездки в Кхам в этом году. Если ты считаешь, что обязательно должен туда ехать, то не оставайся там надолго — просто собери своё имущество и возвращайся сюда.

Я снова начал восхвалять достоинства своего уединения в Крепостной Вершине:

— Я хотел бы оставаться там в затворничестве всю оставшуюся жизнь.

— Знаю, — сказал Кармапа, — но у тебя не будет такой возможности. Этого не произойдёт.

— Есть один способ сделать это возможным, — ответил я. — Крепостная Вершина — это особое место для выполнения ритуалов долгой жизни на благо короля Нангчена, и он всегда оплачивает расходы Самтена Гьяцо или мои вместе с услугами нескольких помощников. Он берёт на себя все траты на провизию и ритуалы. Сейчас там меня тайно заменяет другой лама. Королевский двор в Нангчене не знает, что я в Центральном Тибете, и там будут очень огорчены, если всё откроется. Король очень разгневается, и моя жизнь осложнится.

Но, вернувшись, — продолжал я, — я стану главой монастыря, и поэтому смогу сам распоряжаться своей жизнью. Вот почему я знаю, что смогу оставаться в затворничестве.

— Это ты так думаешь, — настаивал Кармапа, — но этого не получится!

На следующий день Кармапа спросил меня:

— Где ты собираешься остановиться, когда вернёшься в Кхам?

Я выпалил, что буду жить в Крепостной Вершине.

— Ради Трёх драгоценностей! Увидишь — этого не случится!

— Почему? Я лама Нангчена, и ни один лама не может жить там, не исполняя желаний короля. Тулку Самтена Гьяцо ещё слишком юн, так что только я могу выполнять ритуалы. Я никак не могу покинуть Крепостную Вершину, пока он не повзрослеет.

— Всё равно ты там не останешься.

Когда я снова стал возражать, он просто сказал:

— Ну-ну! Тогда подождём и увидим, кто прав!

Накануне моего отъезда Кармапа сказал мне: «Давай отнесёмся к завтрашнему прощанию с осторожностью. В прошлом у меня было два случая, когда после прощания с моими учителями события были не слишком хороши.

Первый раз это было с драгоценным Ситу. Я провожал его, участвуя в сложной церемонии прощания, но больше я с ним никогда не встретился. Второй подобный случай был с Карсэем Конгтрулом — его я тоже больше не видел. Поэтому, я думаю, нам лучше попрощаться сегодня вечером. Так что не приходи ко мне завтра».

На прощание он подарил мне двенадцать яков некрупной, но выносливой центральнотибетской породы. Потом он повторил: «Обязательно возвращайся в Центральный Тибет как можно скорее. Хотя ты думаешь, что сможешь практиковать в Кхаме, говорю тебе: лучше, чтобы ты выполнял затворничество в Цурпу! Я пошлю тебе письмо — обязательно приезжай как можно скорее, когда его получишь!»

Наутро я отправился в Кхам, всё ещё твердо веря, что до конца своих дней буду оставаться в затворничестве в своём прекрасном уединении Крепостная Вершина.

Прибыв в Кхам, я сразу же стал готовиться к затворничеству. Крепостная Вершина находилась на расстоянии одного дня пути от Лачаба, где в то время жил юный тулку Самтена Гьяцо²²⁰. Его отец, один из влиятельных губернаторов Кхама, был человеком добрым, но твердо верил, что его происхождение и положение имеют безмерную важность. Едва я начал затворничество, как он стал вмешиваться. Он считал, что в монастыре очень много работы, и не хотел взваливать бремя административных обязанностей на своего сына.

«Молодой тулку должен быть единственным обитателем Крепостной Вершины, — написал он мне. — Поскольку вы старший лама, то должны жить в Лачабе и больше заботиться о делах монастыря, а не беспечно прохлаждаться в горах, устраивая себе старые добрые времена».

Я письменно уведомил его, что должен выполнять ритуалы для короля Нангчена: «Мне лучше находиться в уединении, а тулку больше по-добает жить в монастыре. Я позабочусь о делах, находясь здесь».

Губернатор снова прислал письмо, сообщив, что для меня невозможно управлять делами, находясь в Крепостной Вершине, и что он не позволит мне сделать так, как я хочу.

— Почему же? — возражал я. — Как может тулку выполнять ритуалы для короля? Только я могу делать это как следует. Вы хотите, чтобы я пошёл против нашего короля? Это никому из нас не принесло бы пользы.

— Нет, — отвечал он, — тулку должен жить в Крепостной Вершине. Я pošлю ламу выполнять практику долгой жизни. Я хочу, чтобы тулку оставался там, а вас прошу пожаловать в монастырь.

В подкрепление своих доводов он начал приводить мнение других лам, в том числе своего брата: «Я только что побывал в монастыре Дильяг и обсудил это с Сабчу Ринпоче. Он полностью со мной согласен!»

Его поведение стало мне надоедать. Я послал резкий ответ: «Разве тому, кто собирается находиться в длительном затворничестве, не по-звояется заниматься собственными делами?»

«Нет!» — ответил отец тулку. Он был из тех людей, которые становятся всё более неуступчивыми, чем больше с ними споришь. Тут я вспомнил, что однажды Сабчу сказал мне, что умеет улаживать вопросы со своим братом, не возражая ему прямо.

Я подумал: «Он не сдастся, если буду так стоять на своём. Нужно испытать мягкий подход. Ведь он отец Нгактрина-тулку, и негоже ссориться с ним».

Поэтому я согласился перенести своё затворничество в Лачаб, а губернатор переселил своего сына наверх, в Крепостную Вершину. Лачаб был большим монастырём, так что всё это не имело такого уж решающего значения. В ретритном месте я доверил юного тулку заботам своей тёти, запер свою половину и запретил всякие посещения, даже благотворителей. Так я избежал ссоры с губернатором. Моё затворничество протекало мирно и спокойно, однако моё доверие к способностям ясновидения Кармапы очень возросло²²¹.

Кто-то мог бы назвать отца тулку человеком волевым и упорным, но также можно было бы сказать, что он жёсткий и упрямый. Противостоять ему — всё равно что пытаться шёлковой ниткой сдвинуть каменный валун. Это сопротивление моему желанию уйти в затворничество в горы усилило чувство усталости, которое охватило меня тогда. Это чувство в сочетании с повелением Кармапы возвратиться в Центральный Тибет, а также с надвигающейся на Восточный Тибет коммунистической угрозой навело меня на мысль, что в этой жизни моё время в Кхаме подходит к концу.

Прежде я хотел на всю жизнь остаться в затворничестве в Крепостной Вершине, но всё — и внешние события и внутренние ощущения — стало складываться против этого.

В тот период, когда я оставался в затворничестве, Далай-лама, Панчен-лама, Чунг Ринпоче и Кармапа отправились в Пекин по приглашению Мао Цзэдуна. Они путешествовали отдельно и по пути посещали различные места. Предлог для приглашения был такой: оказать почести этим духовным мастерам и продемонстрировать им чудеса коммунизма. Но истинная причина заключалась в том, чтобы заставить Далай-ламу публично признать, что Тибет — неотъемлемая часть Китая²²². Когда они вернулись, я отправился в Чамдо, чтобы встретиться с Кармапой.

— В восьмом месяце этого года (а тогда шёл 1955 год) ты должен приехать в Центральный Тибет, — заявил Кармапа. Это было не просто его желание, а прямой приказ.

— Нужно, чтобы вы это написали, иначе мой монастырь меня не отпустит. Люди в нашей глуши очень бесхитростны и просто не дадут мне уехать.

49.
Внутреннее
помещение
для затворни-
чества
в Лачабе

50.
Дуджом
Ринпоче с
Додрагом
Ригдзином и
Минлингом
Чунгом

Он не только вручил мне письмо, где была ясно выражена его воля, но и дал мне двух коней и четырёх яков для перевозки моих припасов и имущества, потому что я был не слишком богат. Этот подарок был не традиционным для Кармапы жестом, а знаком его любви ко

мне. Это было сделано, чтобы я приехал в Цурпу наверняка.

Я не виделся с дядей Терсэем довольно долго. Поскольку из-за физической слабости я не смог отправиться в путь зимой, я собирался навестить его летом. Поэтому я спросил Кармапу, долго ли ещё проживёт дядя Терсэй?

Помедлив, Кармапа сказал:

— Ну, я не могу сказать точно. Но пусть он ещё протянет следующий год.

Он сказал это так, будто имел власть над такими вещами.

— Исполняющая Желания Драгоценность, не может быть, чтобы его жизнь была такой недолгой! Нельзя ли как-то её продлить?

— Не знаю, — ответил он, — но сделаем так, чтобы на следующий год он точно был жив.

Выйдя от него, я думал над тем, что он имел в виду.

После этого я отправился из Чамдо в Цикей, чтобы навестить дядю Терсэя. Я рассказал ему, что Кармапа приказал мне прибыть в Цурпу, и предупредил о возможных возражениях со стороны обитателей моего монастыря и препятствиях, которые они станут мне чинить. Я спросил у дяди совета.

«Если я услышу, что ты ушёл в затворничество, — ответил дядя Терсэй, — или что ты совершаешь поездку, собирая пожертвования верующих, но при этом идёшь против воли Кармапу, — я буду глубоко огорчён. Ты можешь использовать хорошее оправдание: начиная с Чокгьюра Лингпы и поныне наша линия никогда не шла против воли Кармапы, точно так же должен поступать и ты. Если у тебя первого появится склонность не слушаться Кармапы, я утрачу все добрые чувства к тебе».

Можно ли выразиться точнее?

«И наоборот, — продолжал он, — если я услышу, что, в то время как ты выполнял волю Кармапы, в пустынных северных краях на тебя напала шайка разбойников, которая охотится на путников, направляющихся

в Лхасу, то не почувствую ни малейшего сожаления. Просто делай, что говорит Кармапа, и я никогда не буду беспокоиться о тебе — это мой искренний совет!»

Так окончательно окрепло моё решение уехать в Цурпу, и будь что будет.

Сияющая Луна

Именно при той встрече дядя Терсэй рассказал мне о времени, которое он провёл с одним тулку по имени Рабсел Дава — Сияющая Луна. «Кхьенце Старший был удивительным человеком, и, как говорили, он, несомненно, был явлением Лонгченпы во плоти. Но для меня Кхьенце нашего времени — это тот высокий молодой тулку, Рабсел Дава. Я считаю, что он будет копией великого Кхьенце, как и Дзонгсар Кхьенце. Я верю, что Дзонгсар Кхьенце обладает выдающимися качествами и в познаниях, и в постижении, а его деяния, влияющие на существ, беспримерны, — но что это даёт лично мне? Каждый раз, когда я приезжаю в Дерге, оказывается, что он где-то в другом месте. Такое повторялось четыре раза! Я жаждал повидать его, но теперь я вместо этого неожиданно встретился с этим тулку из рода Дилго, который, конечно же, великое существо. Если честно, он даже может прочитать жёлтый пергамент с тайными письменами дакини».

Я сам в полной мере насладился встречей с этим воплощением Кхьенце, чьё величие действительно не требует, чтобы я что-то добавил. В наше время мы знаем его как Дилго Кхьенце. Лотер Вангпо²²³ был первым, кто узнал в нём воплощение великого Кхьенце. Он предсказал, что воплощение Кхьенце Старшего родится в семье Дилго, в местности Денкхог. Дзонгсар Кхьенце тоже подтвердил, что сын, родившийся в семье Дилго, и есть подлинный тулку великого Кхьенце, и возвёл его на трон. Уже после того как его узнал и возвёл на трон Дзонгсар Кхьенце, Кармапа, для которого Дзонгсар Кхьенце был

51.
Тулку по имени
Рабсел Дава —
Сияющая Луна

коренным гуру, тоже удостоверил, что Дилго Кхьенце — подлинное воплощение.

Позднее этого тулку привезли в монастырь Шечен, где он поступил в крупную школу Дхармы²²⁴. С точки зрения обычных людей, он достиг выдающихся успехов в учёбе благодаря своему недюжинному уму и усердию. Но на самом деле он был воплощением как Вималамитры, так и великого Кхьенце, — так что же тут ещё добавить? Такой драгоценный мастер!

Он стал гуру не для одного-двух человек, а для целого мира. Словно восходящее в небе солнце, его поступки и деяния сияют повсюду. Его глаза так ясны, его язык так красноречив! Его достоинства поистине необычайны! Хоть раз встретившись с ним, вы бы знали, что я имею в виду.

Где бы он ни появился, там всегда возникало оживление. Когда я увидел его в первый раз, слышал, как непальцы восклицали: «Наверное, так выглядел Падмасамбхава! Какой он большой».

Когда Дзонгсар Кхьенце ушёл в невидимые миры, появился Дилго Кхьенце, который, словно солнце, сиял для учений Будды и всех существ. Таково одно из особых качеств воплощений Кхьенце: когда один из них уходит, появляется другой тулку, чтобы ещё удивительнее трудиться на благо Дхармы. В наше время никто не сравнится с Дилго Кхьенце в пространстве учений Кхьенце, Конгтрула и Чоклинга.

После кончины Кончога Палдрон принадлежащие ей особые вещи раздали членам семьи. Я получил жёлтый пергамент с письменами тайного языка дакини. Боясь, как бы его не потерять, я отдал его на хранение дяде Терсэю. Только просветлённое существо и притом тертон может расшифровать этот тайный язык. Именно таким человеком был Рабсел Дава.

Дяде Терсэю довелось встречаться с Рабселем Давой неоднократно, в том числе один раз в уединении над Цикеем. Во время его визита дядя Терсэй показал ему тот маленький жёлтый пергамент с письменами дакини. К сожалению, великий тертон Чокгьюр Лингпа не расшифровал его сам, но сказал Кончогу Палдрон, что в этом листке содержится много учений. Дядя Терсэй рассказал мне, что случилось потом.

— Говорят, что вы умеете читать письмена-символы, — обратился дядя к Рабселу Даве. — У меня нет такой способности. Это верно — вы правда можете разгадать письмена дакини?

52.
Раннее фото
Дилго Кхьенце
Ринпоче

Тулку Кхьенце ответил:

— Это зависит от обстоятельств. Иногда могу, а иногда нет. Здесь нет полной уверенности.

Дядя Терсэй показал ему пергамент от Чокгьюра Лингпы, сказав, что в нём предположительно содержится терма, которое великий тертон так и не записал, и спросил, не хотел бы он попробовать это сделать.

Дилго Кхьенце ответил: «Поскольку вы потомок Чокгьюра Лингпы, мы можем попробовать работать вместе, чтобы выполнить садхану Падмасаттвы — чистой формы Чокгьюра Лингпы, а потом посмотрим, что будет²²⁵. Нам нужно выполнить эту садхану в храмовом помещении, где хранится тело великого тертона²²⁶. Давайте подождём несколько дней и отправимся туда в десятый день лунного месяца».

Дядя Терсэй жил тогда в расположенном над Цикеем центре для затворничества, который назывался Миндроллинг — Обитель Созревания и Освобождения. Оттуда в монастырь вела очень крутая и довольно опасная тропа. Рано утром в десятый день Терсэя, к тому времени уже довольно пожилого, проводили вниз. Сев вместе, два учителя выполнили садхану, сопроводив её обильным пиршественным подношением. Это единственная в своём роде садхана, которую великий Кхьенце открыл как терма ума после кончины Чокгьюра Лингпы. Дабы спокойно сосредоточиться на письменах дакини, Терсэй пошёл и запер главную дверь, чтобы никто не вошёл.

«Жёлтый пергамент нужно намочить в амрите из пяти нектаров, — сказал потом Дилго Кхьенце. — Растворите немного священного лекарства *мендруб* в ячменном вине и положите сверху пергамент».

Интересно, что на бумагу, на которой написано терма, жидкости не действуют как на обычную бумагу, не причиняют ей никакого вреда.

Они сели выполнять садхану перед золотой ступой и продолжали до повторения мантр, что заняло около часа. Теперь Дилго Кхьенце попросил поставить перед ним сосуд с амритой, в котором лежал пергамент.

— Вы видите что-нибудь? — спросил Терсэй.

— Совсем ничего.

И они продолжили практику. В частности, ещё раз пропели призывание, молитву, обращённую к чистой форме великого тертона.

Через некоторое время Дилго Кхьенце сказал: «Давайте посмотрим ещё раз». Подняв крышку, он воскликнул: «Теперь вижу! Принесите мне писчей бумаги».

«Для расшифровывания необходимо благоприятное стечение обстоятельств. Необходимо исключить любые крайности — в данном случае бумаги должно быть ни слишком много, ни слишком мало. Сколько же бумаги мне взять?» — думал Терсэй.

Он подошёл к шкафу и нашёл некоторое количество чистых листов бумаги ручной работы точно таких же размеров, что и пергамент терма, найденного Чокгьюром Лингпой. Он взял сорок листов и вернулся на своё место.

Дилго Кхьенце взял бумагу, заметив: «Это займёт некоторое время», — и начал быстро писать. Всё это время дверь была заперта; даже слуга не мог принести им обед. К пяти часам дня были исписаны все сорок листов.

Дядя Терсэй рассказал мне, что с десяти утра и до пяти часов дня символические письма дакини сами преображались перед взором Дилго Кхьенце и он просто воспроизводил то, что видел, причём последнее слово последнего предложения уместилось на последнем листе бумаги.

Закончив писать, Дилго Кхьенце сказал дяде Терсэю: «Мне кажется, вы должны первым получить это учение, поскольку вы — перерождение сына тертона. Я действовал просто как его помощник. Пергамент с терма Чокгьюра Лингпы подлинный, и в своём видении я получил его полные благословения на выполнение этой задачи. С точки зрения подробности изложения это терма подразделяется на три уровня: полный, средний и сжатый. Если бы я записывал полный вариант, получился бы большой том, а это больше, чем требуется в эти дни. Я записал средний вариант, сам по себе полный. Теперь время уже истекло, и письма больше не видны. Так что давайте закончим садхану.

На этом они продолжили пиршественное подношение и завершили всё посвящением заслуг. Потом Терсэй попросил Дилго Кхьенце дать ему посвящение:

— Теперь, когда вы расшифровали письма, следует использовать это терма на благо Дхармы и всех живых существ. Так что прошу вас, дайте мне это посвящение прямо сейчас.

Кхьенце ответил:

— Не беспокойся, я обязательно это сделаю. Но сначала нам нужно, чтобы это терма удостоверил мой гуру Дзонгсар Кхьенце — владыка Дхармы нашего времени. Хотя я и не сомневаюсь в подлинности пергамента, я не вполне уверен в своей способности его расшифровать. Поэтому позвольте сначала показать текст ему. Если он подтвердит, что это подлинное учение Дхармы, и даст своё разрешение его распространять, я обязательно вернусь и дам вам посвящение и устную передачу. Ведь просто расшифровать терма недостаточно, потому что сам я не могу подтвердить его подлинность.

Дядя Терсэй вернулся в своё уединение и в тот вечер медленно прочитал текст. В нём содержалась садхана восьми супруг восьми херук «Уче-

ний восьми садхан». Существует много вариантов садханы херук, но это терма необычно тем, что посвящено их супругам.

Текст, который записал Дилго Кхьенце, начинался с удивительной красоты и ясности коренной тантры, напоминающей краткий вариант *Гухьягарбха-тантры* и притом в полной мере содержащей все десять главных аспектов, присущих тантре. После тантры следовала садхана, потом ритуал посвящения, причём обычного и высшего уровня. Каждый из этих уровней был снабжён объяснениями, глубина которых поразила моего дядю.

Вот как терма Чокгьюра Лингпы о восьми супругах херук обрела письменный вид. Позднее дядя Терсэй сказал мне: «Дилго Кхьенце бесспорно знает символическое письмо! Я несколько в этом не сомневаюсь».

Дилго Кхьенце забрал этот текст с собой, чтобы показать Дзонгсару Кхьенце, но ему так и не представилась возможность дать посвящение дяде Терсэю.

Однако эта история даёт представление о способностях Дилго Кхьенце. Ведь он был просто удивительным! Он был неповторимым, поистине невероятным мастером в самом истинном смысле этого слова.

Однажды Дилго Кхьенце сказал мне, что попросил дядю Терсэя дать ему посвящение терма ума с учениями дакини²²⁷. Это посвящение имело для него огромный смысл, поскольку терма было обнаружено великим Кхьенце и получено Терсэем непосредственно от него.

Поскольку Терсэй обладал прямой линией от самого открывателя учения-терма, Джамьянга Кхьенце Вангпо, он ответил: «Между мной и великим Кхьенце никого нет: я получил это учение прямо от него. И разве неверно, что вы — его воплощение? Я не представляю собой ничего особенного, но могу дать вам это учение, поскольку вижу, что по своей карме мы связаны как учитель и ученик». Затем он приступил к передаче посвящения.

Дядя Терсэй получил это посвящение, когда был ещё совсем молод и пришёл с матерью и бабушкой Маюм Дега повидать Кхьенце Старшего. Он помнил, как «великий Кхьенце, такой внушительный и высокий ростом, сам вышел во двор с благовониями и шарфом в руках, сложенных в традиционном приветственном жесте. Он высоко ценил не только тертона, но и всю его семью и проявлял по отношению к нам огромное уважение и любовь».

Закончив посвящение, Терсэй сказал: «У меня нет никаких необычайных качеств, если говорить о воззрении, медитации и поведении. Но с самого начала ритуала посвящения и до сих пор я сохранял живое ощущение того, что я и есть сам Джамьянг Кхьенце, и не отвлекался от него

ни на миг. Так что от этого посвящения, возможно, чуточку исходит благословение».

Но даже такие сдержанные утверждения были не в характере дяди Терсэя, который никогда и никак не говорил о своих способностях.

До своего возвращения в Нангчен я провёл три дня с дядей Терсэем в центре для затворничества над Цикеем. Мы спали в одной комнате, вместе ели и много разговаривали. Он сделал мне несколько подарков, в числе которых было замечательное небольшое изваяние Лотосорождённого Гуру из драгоценного бронзового сплава. Эту статуэтку - *куцаб* он использовал во время посвящения, которое милостиво даровал мне.

Я получил от него не так уж много передач, но те, что получил, были удивительными. Я не решался просить у него посвящений ещё и потому, что знал, насколько он скрупулёзен и как много времени это займёт, особенно если речь идёт о целом цикле передач. Так что я не отважился просить больше, чем несколько посвящений. Однако во время своей последней встречи с ним я получил много наставлений по практике медитации.

Вручив мне статуэтку, он сказал: «Мне кажется, настало время, когда будущая передача учений Чокгьюра Лингпы ляжет в первую очередь на твои плечи. Поэтому, когда у тебя есть благоприятная возможность передавать эти учения, пожалуйста, делай это. Я слышал, что у тебя довольно открытый ум и ты не делаешь особого различия между разными терма, которые открыли тертоны прошлого, будь то практика мирных и гневных божеств, обнаруженная Кармой Лингпой, практики дакини и прочие. Но не кажется ли тебе, что всё это уже есть в наших «Новых сокровищах»? Поскольку ты правнук Чокгьюра Лингпы, тебе бы лучше практиковать наши собственные учения - терма».

По сути, ему было несколько досадно, что я практиковал все эти садханы, в то время как ему бы хотелось, чтобы я больше ценил наше собственное наследие. Мне особенно нравилось терма Йонге Мингьюра Дордже с практикой долгой жизни, а также практика мирных и гневных божеств Кармы Лингпы. Обе эти практики были очень популярны в моих родных краях²²⁸.

Я часто выполнял эти практики в домах благотворителей, и, наверное, это тяготило ум дяди Терсэя, потому что он меня убеждал: «Ты сидишь на востоке с терма, которые на западе. Ты сидишь, как должен, но поёшь не то, что должен. Конечно, старые терма всё ещё обладают великими благословениями — я этого не отрицаю. Но, используя их вместо «Новых сокровищ», ты отвергаешь нашу собственную традицию. Запомни мои слова, когда я говорю, что это большая ошибка».

Этот совет поразил меня, будто ножом в сердце, потому что он говорил правду. Он поселил во мне тревогу, которая осталась надолго. Хотя всё остальное время, пока я гостил у него, он был очень добр ко мне.

На третий день мы пошли вниз к главному монастырю в Цикее. Через два дня, когда я попросил разрешения уехать, он твёрдо заявил: «Ты и я больше никогда не увидимся. Ты поедешь в Лхасу и проведёшь много лет в Центральном Тибете. Я уверен, что Кармапа так легко тебя не отпустит. Но даже если бы он это сделал, кажется, ты не горишь желанием возвращаться сюда. Сам я теперь уже стар, а из-за гунгтренов (коммунистов) нас ждут плохие времена. Ты сочтёшь, что нет никакого смысла возвращаться в Нангчен.

Не строй планов увидеться со мной снова, — продолжал дядя Терсэй. — И я тоже не надеюсь тебя увидеть. Не думаю, что мы встретимся в этих телах, которые у нас есть сейчас. Но я молюсь, чтобы мы смогли это сделать в чистой стране Чокгюра Лингпы, в мире, Усыпанном Лотосами.

Что, не согласен? — добавил он шутливо. — Такова традиция Ваджраяны: куда уходит учитель, туда идут и ученики, чтобы собраться в единой мандале. Так что, поскольку Чокгюр Лингпа проявился в чистом мире, все мы должны зародить в себе желание отправиться туда.

Опираясь на палки, поддерживающие его массивное, внушительное тело, он дошёл со мной до главных ворот, что было для него довольно необычно. Мы медленно прошли вместе почти милю до тропы. Там он остался стоять, сложив ладони; он смотрел мне вслед и произносил благопожелания и молитвы, чтобы меня защитить.

Это был последний раз, когда я его видел.

Из Цикее я вернулся верхом в Лачаб, но не задержался там надолго. Если бы дядя Терсэй не сказал мне, что я должен выполнить приказание Кармапы и отправиться в Цурпу, мне пришлось бы оставаться в своём монастыре ещё несколько месяцев. Впереди был сезон посещения домов благотворителей, и я, конечно же, собрал бы щедрые подношения для Лачаба. Однако с наступлением зимы я застрял бы в монастыре, потому что состояние моего здоровья не позволяло мне путешествовать зимой.

Поэтому я следовал очень напряжённому расписанию, в течение всего лишь девятнадцати дней делая по четыре-пять визитов ежедневно. Я решительно сократил все ритуалы, будь то ритуалы долгой жизни для живых или ритуалы для недавно умерших родственников. Все деньги и яков, которые я получал, отдавал в Лачаб в распоряжение находившегося там воплощения Самтена Гьяцо. Себе я не оставил почти ничего, кроме животных, подаренных мне Кармапой.

Понятно, что в Лачабе мои планы тут же встретили возражение, что мне никак невозможно уехать. Все, кто имел отношение к монастырю,

единодушно считали, что их тулку должен не уезжать куда-то, а оставаться там.

Однако, серьёзно восприняв совет дяди Терсэя, я ответил так: «Наверное, вы считаете себя очень важными, раз хотите пойти против ясного желания Кармапы, которого величают Владыкой Победителей! Вот что: каждый из вас, кто противится его воле, лично заявляет о том, что желает нарушить приказ Кармапы и воспротивиться моему отъезду. Мне хотелось бы посмотреть вам в лицо, чтобы написать Кармапе письмо, упомянув поимённо всех тех, кто мешает мне и не обращает никакого внимания на его желания. Как только я напишу это письмо, отправлю его с гонцом на самом быстром скакуне и буду ждать здесь!»

Все вдруг изменили своё мнение и стали умолять: «Не говорите так! Если вам нужно ехать, значит, нужно».

Но, по-видимому, мне нужно было преодолеть ещё одно препятствие — кармическое возмездие, проявившееся в облике того самого губернатора, который пытался помешать мне выполнить трёхлетнее затворничество в Крепостной Вершине. Почему-то он решил, что может делать мне выговор, когда ему этого захочется, — хотя я вовсе его не боялся.

— Я слышал, вы снова собираетесь уехать, — сказал он. — Нет сомнения, что это неуместно. Конечно, тулку Самтена Гьяцо — главный лама, но он ещё ребёнок, а вы взрослый. И это ваша обязанность — обеспечивать приток подношений монастырю. Ведь вы не станете спорить, что людям нужно есть? Возможно, вам хотелось бы порхать и резвиться всю жизнь, но сейчас это было бы совершенно безответственным и недопустимым.

— Прекрасно. Вы хотите сказать, что я должен отказаться выполнить приказ Гьялванга Кармапы? — возразил я, используя особый титул Кармапы — Царь Всех Будд. — Вы имеете право отменять его приказы? Если да, то, наверное, я должен слушаться вас, а не его.

— Не прикрывайтесь Кармапой, — ответил губернатор. — Конечно, я не собираюсь лично нарушать его приказания. Но вы никуда не едете!

Он был из тех людей, которые говорят так напористо, будто они самые главные. Так что, прибегнув к похожей тактике, я дал резкий ответ:

— Я лучше умру, чем послушаюсь Кармапу, — так что я еду!

После этого поединка он уже ничего не сказал, уехал домой и больше не вмешивался. Теперь никто не противился моему отъезду, и я стал готовиться в путь.

Возможно, вы не представляете, насколько упрямы бывают кхамцы, но могу вам сказать: если вы не сумеете прийти к соглашению в малом, то вас втянут в крупный спор. Однако есть человек, которого неизменно почитают все кхамцы, — это Кармапа. Если бы не это, мне бы, наверное, не удалось выбраться из Кхама.

Так что в конечном счёте именно Кармапа помог мне избавиться от этой особой разновидности самсары — руководства монастырём.

Благодаря письму Кармапы мне удалось выехать в Центральный Тибет летом, в шестой месяц тибетского календаря. Я чувствовал себя узником, освободившимся из темницы. В это время года реки разливаются от летних дождей, поэтому на дорогах, ведущих в Центральный Тибет, не было ни души. Но у меня не оставалось другого выбора, если я хотел попасть в Цурпу к восьмому месяцу по лунному календарю.

Незадолго перед отъездом я решил побывать у своего брата Пэнджиги.

— Не можешь ли ты одолжить какое-нибудь огнестрельное оружие?

— Да-да, ружьё! — сказал он. — У меня есть одно, которое я могу тебе отдать.

— Нет, не навсегда, я хочу только одолжить. Я его верну, — пообещал я.

Он вынес ружьё тибетской работы, которое было практически бесполезным, и ещё заставил меня взять драгоценный кинжал, семейную реликвию. Вскоре я отправился в путь.

Обычно кхамцы путешествуют большими караванами, но, поскольку в конце лета никто не начинает путешествие, в нашей группе было всего четырнадцать человек. Тогда мне было лет тридцать пять, а двое моих сыновей были ещё малышами. Они сидели в коробах, подвешенных к бокам одной из лошадей.

Местность, через которую мы проезжали, пользовалась печальной славой: там нападали грабители. Несколько раз, когда мы слышали о нападениях на других путешественников, нам приходилось делать остановку и пережидать.

Один раз мы сделали привал, чтобы приготовить чай, как вдруг к нам подскакали четверо разбойников. Двое были всего лишь подростками, но взрослые выглядели довольно угрожающе. На них были овчинные шубы, а за плечами висели ружья. Мой слуга упаковывал багаж в спешке, и нож с ружьём оказались под другими вещами. Теперь, когда они понадобились, их было не найти.

— Руки вверх, не сопротивляться! — закричал главарь. — А вы там продолжайте готовить чай! Давайте его сюда! Похоже, вы направляетесь в Тибет. У вас, наверное, много этого добра.

Вооружённые длинными и короткими стволами, кинжалами и ножами, торчащими во все стороны, разбойники напоминали колючие кусты.

Вскоре к ним вышла монахиня из нашей группы и поднесла каждому по чашке чая. Всё это время я сидел на большом ящике посреди лагеря.

Руки у меня были под накидкой, обёрнутой вокруг плеч, и я не двигался. Я медленно поднял указательный палец, и они не могли понять, есть у меня ружьё или нет. Подростки забеспокоились и занервничали.

— Эй, ты! — крикнул мне главарь. — Сидишь там без дела — о чём думаешь?

Я молчал.

— В каких мешках чай? — спросил главарь.

— Мы не везём чай на продажу, — сказал я. — Здесь тебе нечем поживиться.

Палец у меня всё ещё выпирал под накидкой.

— Не нравится мне это, — сказал один из мальчишек, — давайте бросим их.

Один из моих спутников был истинным кхамцем: он уже схватил свой нож под курткой.

— Сиди смирно, — прошептал я ему.

Повисло тягостное молчание. «Вот оно! — подумал я. — Они хотят нас перебить. Так бывает: человек собирается практиковать Дхарму, а выходит так, что его убивают. Если мой слуга сейчас вытащит нож, как это поможет против четырёх вооружённых ружьями человек? Я не воин и не собираюсь становиться им сейчас».

Всё, что я мог придумать, — это сидеть и делать вид, будто навёл на грабителей ствол.

Молодые не могли сидеть в сёдлах спокойно, по их лицам было видно: они не сомневаются, что у меня есть ружьё.

Но на главаря это не действовало. Он просто сказал: «Только посмотрите на этого парня! Он притворяется крутым и морочит нам голову. Ведь так? Ты нас разыгрываешь?»

Я продолжал сидеть молча и не шевелясь. И это было правильно, потому что, даже будь у меня ружьё, я не умел стрелять. Конечно, я мог попытаться воспользоваться ножом, но никак не сумел бы оказать сопротивление этим молодчикам.

Подростки, казалось, уже собрались поскорее уносить ноги. Что-то заставило передумать и их главаря — он вдруг ухмыльнулся и сказал: «Пошли».

Другой разбойник, на вид постарше, глянул на меня: «Он похож на ламу. Если мы его убьём, нам не будет удачи».

«Эй, вы! — крикнул главарь молодым. — Хватит околачиваться в этой несчастной долине!» Один из подростков издал вопль, и все они ускакали.

Две монахини просто окаменели и не могли сдвинуться с места. Но всем нам тогда было не до смеха.

Будь у нас с собой чай или другие товары, предназначенные для продажи в Ахасе, вероятно, мы смогли бы ими откупиться. Но как знать?

Потом мы встретили на дороге других путников, которые рассказали, что те же четверо их ограбили и даже убили одного человека.

Но милостью Трёх драгоценностей дальнейшее наше путешествие обошлось без опасных приключений.

Моё последнее посещение Центрального Тибета

Наша первая остановка была в монастыре Дронг, где Чокьи Ниму собирались возвести на трон как тулку Гара Друбчена. Мы провели там десять дней, потом отправились в Дригунг, а оттуда — в Ахасу и Цурпу.

Прибыв в Центральный Тибет, сначала я посетил монастырь Паво Ринпоче в Ненанге²²⁹. Дядя Терсэй провёл там много времени, он и Паво Ринпоче были близкими друзьями. Этот монастырь находился недалеко от Ахасы по дороге в Цурпу. Дядя Терсэй передал со мной подарки для Паво Ринпоче. Тот расспрашивал меня о дяде Терсэе, о том, как прошло моё путешествие. Я рассказал ему о новом шоссе из Чамдо в Ахасу, по которому можно ездить на автомобилях. Он был рад видеть меня, и я замечательно провёл время в его удивительно красивом монастыре.

Когда я гостил у Паво Ринпоче, однажды он сказал мне:

— Вам нужно вернуться в Чамдо и пригласить Терсэя Тулку в Центральный Тибет. Я устрою его в своей обители. Мы всегда очень хорошо ладили с ним. Мне удалось получить только несколько «Новых сокровищ» у пятнадцатого Кармапы, и этого недостаточно, чтобы в полной мере использовать их на благо других. Пригласите его сюда, чтобы я смог получить остальное. Я всё оплачу.

Мне было очень приятно всё это слышать, и я охотно согласился:

— Благодарю вас, вы очень добры. Так как приглашение исходит от вас, думаю, он приедет. Поскольку он уже стар, то сможет приехать только по новой дороге.

Паво Ринпоче с воодушевлением повторил это приглашение и добавил:

— В наше время он главный держатель «Новых сокровищ».

Я тут же пообещал выполнить то, о чём попросил Паво Ринпоче. Дядя Терсэй был для меня не только одним из моих учителей, но и почти вторым отцом, так что, конечно, я позаботился о его приглашении.

Но это было не так просто. В те времена столь важное решение сначала нужно было представить Кармапе, чтобы получить его одобрение. Кроме того, монастырь Цикей никогда не отпустил бы дядю Терсэя в такое путешествие — ведь тогда он был их главным ламой, — если бы только это не было явным желанием Кармапы.

Поэтому Паво Ринпоче решил получить согласие Кармапы. И мне скоро представился случай обратиться с этой просьбой.

Перед самым моим прибытием в Цурпу Кармапа велел одному видному человеку из Нангчена спуститься на дорогу, чтобы встретить меня.

— Не лучше ли подождать? — возразил этот человек. — Мы даже не получили известия, что он достиг Ахасы. Кроме того, уже смеркается.

— Не беспокойтесь, — заверил его Кармапа, — идите и ждите. У меня чёткое ощущение, что он уже почти здесь.

Оказалось, что это была правильная мысль: когда я прибыл в Цурпу, время было уже позднее и начало темнеть, так что провожатый совсем бы не помешал.

Человек, посланный Кармапой, ждал меня и предложил сразу же пройти внутрь, так что у меня не было времени достать необходимый для приветствия традиционный белый шарф и особые подарки, которые я вёз для Кармапы. Не успели мы войти внутрь, как вышел другой слуга и сказал, что Кармапа просит тулку без промедления зайти в дом.

Когда я вошёл, слуга одолжил мне шарф для приветствия. В конце нашего разговора Кармапа спросил:

— Почему ты так поздно? Ты делал где-то остановку? Путь до Ахасы не так уж далёк!

Я сказал, что по дороге останавливался в Ненанге, чтобы навестить Паво Ринпоче.

— Что же было самым важным из того, о чём вы говорили? — спросил Кармапа.

На этот раз снова проявилась моя настойчивость. Я рассказал ему о желании Паво Ринпоче пригласить дядю Терсэя в Центральный Тибет:

— А что, если я быстро съезжу из Ахасы в Чамдо, заберу в Цикее дядю и провожу сюда? Решать, конечно, вам — это может произойти только с вашего разрешения.

— Что?! Забудь об этом. Нет никакого смысла, — ответил Кармапа. Какое разочарование!

— Исполняющая Желания Драгоценность, как вы можете говорить, что это бессмысленно? Сейчас можно ехать на автомобиле. В таком случае путь из Чамдо до Ахасы займёт не больше трёх дней. Паво Тулку

возьмёт на себя все расходы, и монастырское хозяйство в Цурпу не понесёт никаких убытков.

Лучше бы я этого не говорил, но это единственное, что тогда пришло мне в голову.

— Ты намекаешь, что я не могу прокормить Терсэя Тулку? Я могу содержать не только его, но двадцать таких, как он, — это для меня не вопрос! Я хочу сказать, что везти его в Центральный Тибет будет совершенно бесполезно, так что тебе нужно забыть об этом!

Его слова были для меня неожиданностью, и я не понимал, что он имеет в виду.

Через несколько дней мне вновь довелось встретиться с Кармапой. На этот раз я захватил с собой подарки от дяди Терсэя и хотел предпринять ещё одну попытку. Но Кармапа так ничего и не услышал о моих надеждах привезти Терсэя Тулку в Центральный Тибет. Я не отважился упомянуть об этом ещё раз и отложил это дело на восемь-девять дней, когда мне снова удалось воспользоваться вниманием Кармапы.

— Ну, тулку! Как вам здесь? — спросил Кармапа.

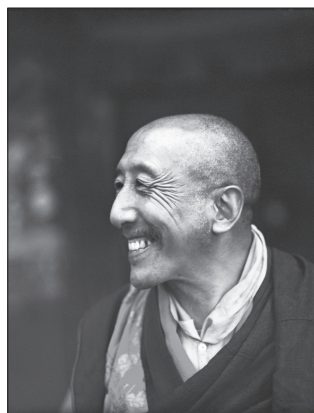
— У меня только маленькая просьба, но она в самом деле не выходит у меня из головы. Терсэй Тулку мне как отец, и к тому же он один из моих учителей. Поэтому я считаю, мне нужно забрать его в Центральный Тибет. Разумеется, я останусь здесь в качестве вашего помощника, а он будет жить в Ненанге с Паво Ринпоче. Время от времени он легко сможет приезжать сюда, чтобы давать вам необходимые посвящения из «Новых сокровищ», а также выполнять ритуалы для вашего здоровья.

Разве не правда, — продолжал я, — что вы задумали получить «Новые сокровища» целиком, а в настоящее время Терсэй Тулку не только главный держатель этой линии, но и ещё самый образованный и совершенный учитель? Чокгюра Лингпы больше нет с нами, как и двоих его тулку, так что в этой линии остался только один Терсэй Тулку. Вы должны его пригласить.

Я не стал ему говорить, что дядя Терсэй находится в Кхаме и я хочу забрать его оттуда, потому что обстановка там осложняется из-за коммунистов.

— Ха! Я знаю, что он хороший лама. Я встречался с ним, когда посещал Цикей. Но разве недостаточно того, что я сказал тебе об этом дважды? Ради Трёх драгоценностей, не приглашай его! Это бесполезно.

Но я мог быть очень настойчивым. Через два или три дня, когда мы были заняты какой-то приятной беседой, я улучил момент, чтобы снова поднять этот вопрос.

53.
Паво Ринпоче
из монастыря
Ненанг

— Ради Трёх драгоценностей! — воскликнул он. — Это бесполезно, совершенно не имеет никакого смысла. Больше не заикайся об этом!

Я был назойливым, однако уже догадывался, что мои попытки напрасны. В подтверждение этому ко мне подошёл помощник Кармапы и прошептал: «Когда он так говорит, бесполезно продолжать уговоры. Ваша кхамская настырность не поможет». Потеряв последнюю надежду, я наконец отказался от своей затеи.

Спустя два месяца я получил известие, что дядя Терсэй умер. Я вспомнил, что когда-то сказал Кармапа: «Пусть он ещё протянет следующий год». Но он не прожил и года.

Наверное, всё это время Кармапа помнил, что дядя Терсэй скоро умрёт.

Однажды в Цурпу Кармапа отправился в храм охранителей, отдельное строение, в котором находилась статуя Махакалы, охранителя учения Будды. Этот храм был довольно тёмным, потому что в нём не было окон. По традиции, нужно положить записку с именем просителя в маленький ящичек, чтобы погадать, будет ли связь с ним полезной, вредной или нейтральной.

Когда Кармапа куда-то идёт, он редко делает это в одиночку, поэтому его помощники тотчас собрались его провожать. Нас было пятеро или шестеро, в том числе секретарь Кармапы и его управляющий.

Кармапа положил листок с вопросом перед священной маской, изготовленной великим мастером много веков назад. Эта огромная маска Махакалы висела на стене, и по сторонам от неё находились изображения Дусолмы и другого охранителя. После этого Кармапа вернулся домой.

Придя туда на следующее утро, все мы увидели, что из глаз маски, особенно из левого, стало сочиться нечто похожее на кровь. Этой красноватой жидкостью уже до краёв наполнились три чаши.

Нечто похожее случилось много веков назад, когда произошла битва между Тибетом и Китаем. Тогда кровь стекала не с маски, а с лезвия дригуга.

Убедившись, что на ночь храм был заперт, мы были уверены: сюда никто не входил. Стало понятно, что капающая жидкость — зловещий знак.

Кармапа только промолвил: «Как жалко!» — и замолчал.

Весь следующий день Кармапа никак не упомянул о гадании. Заговорил он только на следующий вечер.

«Думаю, нам нужно пойти и взглянуть ещё раз. Мне нужно знать, сколько крови вытекло из левого глаза».

На этот раз оказалось, что красная жидкость течёт из обоих глаз одинаково.

«Как жалко! — повторил Кармапа. — Прежде кровь стекала с этой маски, когда наши войска сражались с врагами на востоке. Тогда Тибет выиграл битву на востоке, и в знак победы кровь капала с дригуга.

Похоже, теперь Махакала плачет кровавыми слезами. Наверное, учение Будды исчезнет в Тибете. Какая трагедия!»

В этот момент красная жидкость пролилась прямо на пол — все мы это видели. Речь идёт не о нескольких каплях²³⁰.

Примерно в то время Дуджом Ринпоче рассказал мне, что видел нечто похожее в области Конгпо к югу от Ахасы, когда «кровь» семь дней текла из статуи херуки работы учителя Целе Нацог Рангдрола. Он сказал, что крови было так много, что её поток почти достигал входной двери.

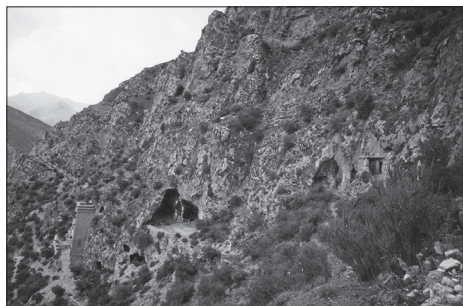
Существовало правило, согласно которому при появлении таких знаков, благоприятных или нет, следовало отправить руководству страны в Ахасе письмо с их описанием. Вскоре пришёл ответ от министра, который писал: «Нет нужды беспокоиться. В трёх больших монастырях — Сэра, Дрэпунге и Гандене — шесть миллионов раз прочитают мантру особой формы гневного Манджушри. Благодаря этому угроза обязательно будет устранена».

Это был единственный ответ, хотя дурное знамение предвещало уничтожение буддизма в Тибете.

Невероятно, что такая страна, как Тибет, которая обладала огромным преимуществом, поскольку служила домом множеству великих учителей, тем не менее потеряла всё.

Кармапа собирался отправиться в паломничество в Индию, и наши пути разошлись. Это дало мне возможность посетить знаменитое святое место Драг Ерпа близ Ахасы, где я остановился в уютной маленькой пещере, соединяющейся с Лунной пещерой. Однако я должен признать, что это не было время настоящего уединения, потому что я взял с собой двоих своих детей с их матерью, одну пожилую монахиню, которая была родственницей моей матери, и двух слуг.

54. (слева)
Лунная пещера
в Драг Ерпа

55. (справа)
Вид из Лунной
пещеры

Однажды ночью я увидел сон. Мне привиделось, что я проснулся в пещере и где-то рядом была дакини невероятной красоты, пленительная и убранная изысканными украшениями. Во сне я осознавал что это сновидение, и что на самом деле я нахожусь в Лунной пещере. Мысль о том, что эта красавица, должно быть, дакини мудрости, породила во мне сильное чувство преданности. Сначала она стояла неподвижно, а потом начала грациозный танец с быстрыми движениями.

Наконец я спросил её:

— Кармапа, наша Исполняющая Желания Драгоценность отправился в паломничество в Индию. Я слышал, что он может получить приглашение и от короля Бутана. Верно ли это?

— Его пригласили, но не слишком настоятельно, а потому Кармапа не будет посещать Бутан, — ответила она. — Вместо этого король пошлёт ему подарки.

— Что будет с Тибетом? — спросил я. — Захватят его китайцы или нет? По новой телефонной линии мы слышали с востока, что там уже убивают людей.

— Китайцы придут.

— Когда?

— Через тридцать шесть месяцев от сего дня учения Будды в Тибете будут затоптаны и страна погрузится во тьму²³¹.

— Уйдёт ли Далай-лама в изгнание? Некоторые говорят, что он останется.

— Он покинет страну. В этом нет сомнения. Он уйдёт в Индию.

Я закончил разговор, задав простой вопрос о местонахождении Далай-ламы в ближайшем будущем, чтобы убедиться в точности других её утверждений.

56.
Молодой
Дуджом
Ринпоче

Она была такой красивой, что я не хотел просыпаться, боясь, как бы она не исчезла, едва я открою глаза. Однако, побуждаемый надеждой и страхом, я наконец их открыл, ожидая, что окажусь в обычной обстановке, и с удивлением увидел, что всё ещё вижу дакини на небольшом расстоянии. Я был поистине зачарован ею, так она была прекрасна. Но, пока я на неё смотрел, она постепенно исчезла.

Поскольку я не умел держать свой длинный язык за зубами, то, вернувшись в Лхасу, мне нужно было рассказать кому-нибудь о своём сне. Поэтому я рассказал Дуджому Ринпоче, что у меня был необычный сон. Потом я спросил: поехал ли Кармапа в Бутан?

«Король прислал приглашение с подарками, — ответил он, — но наша Исполняющая Желания Драгоценность не поехал туда».

Тогда я стал пересказывать свой сон и слова, которые произнесла даки-ни. К тому времени я уже выяснил, где сейчас находится Далай-лама.

«О боже! — воскликнул Дуджом Ринпоче. — Я верю, что вы получили пророчество о будущем Тибета». Затем он ещё несколько раз пробормотал «О боже!» и добавил: «Нужно подготовиться к худшему».

Вскоре после этого я по своей болтливости рассказал о своём сне и Кармапе, и Дзонгсару Кхьенце, который ответил: «Это, несомненно, плохие новости».

Я не мастер видеть вещие сны, но тот сон сохранился в моей памяти со всей отчётливостью. Он был слишком ярок, чтобы я смог его забыть — его содержание не давало мне покоя ни днём, ни ночью.

Когда я вернулся в Кхам в последний раз, мне стало ясно, насколько ухудшилась там политическая обстановка. Уже тогда я понял, что вскоре обрушится на Тибет. С какой бы стороны я ни рассматривал ситуацию, было очевидно, что Тибет утратит свою независимость. Я был уверен в этом — но, казалось, никто из окружающих не разделял моего мнения.

Если я заговаривал об этом в Кхаме, люди издавали пренебрежительный звук и отказывались даже выслушать. Если я упоминал о том же самом в Центральном Тибете, то, казалось, никто не собирался лишиться сна, беспокоясь о близком конце Дхармы.

Я же потерял покой. «Что будет с Тибетом? — тревожился я. — Когда коммунисты нахлынут с востока, можно ли остановить этот поток пучком травы и несколькими прутиками? Весь Тибет будет затоплен. Кхамцы надеются на помощь правительства Центрального Тибета, но кто станет им последней опорой? В тибетском правительстве не к кому обратиться. Уверен, это добром не кончится».

Вот какие мысли мучили меня.

Разве не очевидно, что всё близится к развязке? Китайская армия насчитывает сотни тысяч солдат, но сомневаюсь, что во всём Тибете наберётся больше десяти тысяч воинов. Как можно такими силами остановить захватчиков?

Жители Центрального Тибета более рассудительны, чем кхамцы, но что это им даст? Из-за этой рассудительности они медлили с заключением какого-либо твёрдого союза, потому что надеялись на собственные силы. Теперь казалось совершенно очевидным, что в момент опасности ни одна страна не придёт на помощь Тибету. Тем временем правительственные чиновники и знать занимались тем, что обирали простой народ, используя собранные средства не на что-то полезное, а только на

удовлетворение собственных интересов. Разве могло это закончиться добром?

Большинство людей в Кхаме нельзя было бы назвать политически грамотными. Они просто повторяли избитые фразы вроде: «Снежные горы Тибета — словно прекрасный живописный свиток с Лхасой в центре. Разве могут коммунисты это разрушить?»

Хотя такие глупые представления были довольно распространены среди людей, как я мог их обвинять? Они не знали ничего другого. Хотя это всё равно что думать: «Я не умру, потому что такого со мной ещё не было».

Я не знаю, откуда у кхамцев взялось представление о том, что правительство в Лхасе может защитить их от Красной армии и что сильная Индия поддерживает Тибет и готова ему помочь. В довершение всего они ещё верили, что весь остальной мир, включая Соединённые Штаты, только и ждёт, чтобы прийти Тибету на помощь, — стоит только позвать.

Я это не выдумываю. Многие кхамцы действительно в это верили. Вот что значит принимать желаемое за действительное.

Удивительные учителя в Ахасе

Дзонгсар Кхьенце

Находясь в Ахасе, я получил возможность встречаться с замечательным мастером, любимым Дзонгсаром Кхьенце. В Кхаме этот тулку был так же знаменит, как и сам великий Кхьенце. Он был не только тулку первого Кхьенце, но и почти точной его копией. Он был очень знающим, благородным и совершенным учителем и производил на людей удивительное впечатление.

В последние годы жизни он тяжело заболел и оставался в таком состоянии три года, лечение не помогало. Наконец его попросили взять супругу, чтобы поправить здоровье. Он ответил: «Если нет другого выхода, я готов сложить с себя монашеские обеты».

Потом он указал предполагаемую невесту и место, где она живёт. Ей и её семье послали приглашение, и она приехала, чтобы поселиться с ним²³². Сложив с себя монашеские обеты, Дзонгсар Кхьенце стал нгакпой — и притом совершенным.

Когда политическая обстановка в Кхаме обострилась до предела, он под предлогом краткой поездки уехал в Центральный Тибет, не поставив никого в известность. Поэтому никто не смог ему помешать. По пути он проезжал через Нангчен.

Как я уже упоминал, раньше Дзонгсар Кхьенце посещал Крепостную Вершину, обитель Самтена Гьяцо. Там Дзонгсар Кхьенце попросил моего гуру дать ему пе-

57.
Дзонгсар
Кхьенце
Ринпоче

редачу тех составленных пятнадцатым Кармапой разделов «Новых сокровищ», которые он ещё не получил. Но тогда я с ним не встречался.

Однажды, когда я находился в Ахасе перед статуей Будды Шакьямуни в Джокханге, прошёл слух, что прибыл Дзонгсар Кхьенце. Он появился величественный, в знаменитой короне Лотосорождённого Гуру и одеяниях Дхармы²³³.

Все окружающие шептались: «Смотрите! Кто это? Похож на великого гуру. Он одет как Падмасамбхава». Почти мгновенно весть о нём разнеслась по всей Ахасе. Когда он остановился в доме одного важного сановника, я решил его посетить. Он передавал Четыре Ветви Сердечной Сути — чрезвычайно важный цикл учений дзогчен.

— Кто вы? — спросил он.

— Я из Кхама, — ответил я.

— А откуда именно?

— Я из семьи Чокгьюра Лингпы. Я его правнук.

— У Нэтэна Чоклинга нет детей.

Дзонгсар Кхьенце был очень близок с Чоклингом из Нэтэна.

— Так чей же вы сын? — продолжал он.

— Нэтэн Чоклинг — тулку Чокгьюра Лингпы, а я потомок его самого: мой отец был сыном его дочери.

— Ого! Так вы, наверное, тот самый потомок Чокгьюра Лингпы, о котором все говорят, который даёт посвящения «Трёх разделов» Кармапе Ригпею Дордже! Это вы?

Мне ничего не оставалось, как ответить:

— Да, это я.

Как я понял, это значило, что теперь состоялось наше официальное знакомство.

— Ну-ну, если так, то вы должны устроить мне встречу с Кармапой, — сказал он. — Кармапа — держатель линии передачи, которая позволяет ученикам овладеть энергией осознания²³⁴. Я должен получить её от самого Ригпея Дордже. Помогите мне, пожалуйста, передав ему мою просьбу.

Чтобы устроить столь благоприятную встречу, сначала я привёл к Дзонгсару Кхьенце секретаря Кармапы и нескольких членов его семьи. Эта встреча прошла благополучно, и вскоре Дзонгсар Кхьенце был приглашён в Цурпу, чтобы передать ему учения и посвящения. Ясно помню, что Дзонгсар Кхьенце прибыл в Цурпу в двадцать третий день одного месяца и оставался там до восьмого дня следующего месяца.

Наша Исполняющая Желания Драгоценность встретил Дзонгсара Кхьенце с огромным уважением, поселив его в самых лучших помещениях. Мне посчастливилось получить посвящения от них обоих, и я своими глазами мог увидеть, с какой любовью они стали относиться друг к

другу. Дзонгсар Кхьенце оставался в Цурпу во время новогодних праздников, где его окружили почётом и усадили на высокий трон Дхармы.

Кармапа сказал мне с глазу на глаз: «Я глубоко взволнован тем, что мы можем принимать у себя такого великого учителя. Хотя сейчас тревожные времена, от него веяло покоем».

Кармапа попросил передать ему терма ума первого Кхьенце с учением «Чандали, Мать Долголетия», это терма было скреплено печатью тайны²³⁵. В свою очередь Дзонгсар Кхьенце попросил дать ему посвящение Красного Авалокитешвары, называемого Океаном Победоносных, — это самый важный йидам всех Кармап, начиная с Карма Пакши, второго Кармапы. С этим посвящением связан особый аспект — посвящение энергии осознания, которое Кармапа тоже передал Дзонгсару Кхьенце²³⁶. На эти посвящения были допущены во внутренние покои только брат Кармапы, которого звали Понлоб Ринпоче, и я.

После завершения передачи разговор зашёл о будущем Тибета. Дзонгсар Кхьенце сказал:

— Мне кажется очевидным, что от коммунистов нельзя ждать ничего хорошего. Главная причина, почему я приехал сюда, — это спросить, что лично вы скажете о том, чтобы мне уехать в Пемако.

(Пемако — очень отдалённая горная область на индийской границе.)

Через некоторое время Кармапа ответил:

— Пемако, Пемако... Думаю, там не очень хорошо. Горы очень крутые, а через реки, которые преграждают путь, очень трудно переправиться. Однако коммунисты всё равно вторгнутся и туда. Вот что я об этом думаю. Ринпоче, вам нужно ехать в Сикким.

— Очень хорошо, Исполняющая Желания Драгоценность, я верю в вас как в человека, который ясно видит прошлое, настоящее и будущее. Я последую вашему совету. Сам намеревался уйти из Тибета через район Конгпо, но у меня было много сомнений. Вот почему я обратился за советом к вам.

Во время пребывания в Цурпу Дзонгсар Кхьенце стал одним из моих учителей. Благодаря ему мне удалось много прояснить, потому что некоторые ретивые секретари Кармапы в Цурпу, бывало, много дней подряд никого к нему не допускали. Кроме того, когда Дзонгсар Кхьенце впервые прибыл в Цурпу, казалось, никто не оценил, каким необычайным, великим учителем он был на самом деле. Никто, кроме меня, не приходил к нему просить учений. Одна из причин заключалась в том, что он жил в помещении Кармапы, куда трудно было получить доступ. Другая причина заключалась в том, что люди, близкие к Кармапе, по-видимому, совсем разучились ценить других лам: едва ли они питали веру в кого-либо ещё. Так что в тот период мне очень повезло, что у меня не было соперников, которые тоже хотели бы видеться с Дзонгсаром Кхьенце.

Однако время шло, и люди видели, как Цурпу Кхандро, которая была супругой предыдущего Кармапы, а также ваджрный мастер монастыря Цурпу и я входили и выходили из помещения, где получали учения. В конце концов молва об этом распространилась в округе, и вскоре люди стали выстаиваться в ряд, чтобы увидеть учителя.

Перед тем как покинуть Цурпу, Дзонгсар Кхьенце попросил восемь экземпляров средней версии садханы *Тундруб барче кунсел*, сказав: «Это особое терма имеет особое значение в данное время. Пожалуйста, спросите Исполняющую Желания Драгоценность, нельзя ли мне получить его текст».

Потом он попросил дать ему на время небольшое изображение, которое освятил первый Кармапа, оставивший на бронзе следы зубов. В Кхаме этих изваяний раньше никогда не видели, но Дзонгсар Кхьенце знал, что у Кармапы их несколько. Казалось, Кармапа с удовольствием принял эту просьбу и нашёл у себя в хранилище две такие статуэтки.

«Я хочу подарить вам одну», — вдруг сказал он Дзонгсару Кхьенце.

Дзонгсар Кхьенце попытался отказываться, но Кармапа заставил его принять подарок. Нужно было видеть, какой шум это вызвало во всём Цурпу. Когда встречались два монаха, всякий раз они заводили разговор на одну и ту же главную тему: «Этот сакьяпинский лама из Дзонгсара получил одно из самых ценных сокровищ — изваяние, на котором оставил следы зубов наш первый Кармапа, Дусум Кхьенпа. Если наша Исполняющая Желания Драгоценность раздаёт такие сокровища, не знаю, что и будет с Дхармой! Он отдаёт наше самое дорогое!»

В воздухе витал дух неодобрения. Я пытался образумить монахов: «Не говорите так! Кармапа — владыка Дхармы, и если он отдаёт такую статую, то на это есть веская причина. Кроме того, таких изображений два, и второе остаётся здесь, в Цурпу».

«Да-да, но два лучше, чем одно!» — был ответ.

Ясно, что Кармапа думал не так, как они. Когда Дзонгсар Кхьенце готовился отправиться в путь, Кармапа молвил: «Теперь, когда этот старый лама покидает Цурпу, кажется, это место опустеет».

Когда Дзонгсар Кхьенце вернулся в Лхасу, у меня появилась возможность получить от него ещё больше учений. Среди них было и наставление, которое великий Мипам дал одному городскому йогину²³⁷. Оно начинается так:

Не нуждаясь в длительной учёбе, размышлении и медитации,
Но благодаря глубинным наставлениям помня сущность ума,

Обычный городской йогин может достичь уровня
держателя знания с наименьшими трудностями —
Такова сила самого глубокого из путей.

Он учил очень неторопливо каждое утро в течение нескольких дней, и я безмерно наслаждался нашими совместными занятиями. У нас также была возможность обмениваться другими учениями. Например, у меня были с собой некоторые пояснения Кармей Кхенпо к практике Лотосной Дакини из учения Цикл Семеричной Глубины. Дзонгсар Кхьенце снял с неё копию, и я с радостью дал ему устную передачу.

Во время пребывания в Лхасе я также встретился с Дилго Кхьенце — другим воплощением великого Кхьенце. Хотя я слышал о нём и о том, что он обнаружил тот самый свиток дакини, который я отдал на хранение дяде Терсэю, раньше я с ним не встречался. Случилось, что дядя Терсэй умер в ту же зиму, и некоторые из особых предметов его имущества были переданы Дилго Кхьенце, а мне поручили доставить их ему в Самье.

Дилго Кхьенце был высоким и с очень впечатляющей внешностью. Он рассказал мне о своей дхармической связи с моей семьёй через дядю Терсэя и выразил готовность дать мне некоторые передачи. В то время Дилго Кхьенце направлялся в Цурпу, чтобы встретиться с Кармапой. Он обещал, что по возвращении обсудит со мной эту тему.

Я воспользовался случаем, чтобы напомнить ему историю о терма дакини с садханой восьми супруг восьми херук, рассказанную мне дядей Терсэем, и добавил, что он велел мне получить передачу от тулку Кхьенце.

Дилго Кхьенце ответил: «В Кхаме я показал сорок страниц Дзонгсару Кхьенце, и он мне сказал: “Вы должны дать мне это посвящение и устную передачу. Я давно знаю о существовании одного из циклов учений дакини, открытых Чокгьюром Лингпой и до сих пор не записанных. Наверное, это он и есть. Вы проделали впечатляющую работу”. Я дал ему посвящение и устную передачу всего цикла.

Но что касается вашей просьбы, к сожалению, сейчас у нас нет такой возможности, потому что я оставил текст у него, а потому не могу передать его вам. Вам нужно попросить об этом Дзонгсара Кхьенце, когда вы его увидите. Он сказал, что хотел бы взять на себя ответственность за это учение».

58.
Дилго Кхьенце
Ринпоче
в Лхасе

Однако казалось, что Дилго Кхьенце понравилось, что я высказал такую просьбу, и он был очень добр ко мне.

«Это великолепное терма, — продолжал он, — но ничего не могу поделать: я дал её Дзонгсару Кхьенце, и у меня нет этого текста. Из-за того что обстановка в Восточном Тибете ухудшилась, мне пришлось бежать в Лхасу, и я понятия не имел, что Дзонгсар Кхьенце уже будет здесь. Я думал, что он прибудет позднее. Дзонгсар Кхьенце сказал мне, что послал кого-то в Кхам за этими текстами, но не знает, какова их судьба».

Так что несколько позднее, в одной из многих замечательных бесед с Дзонгсаром Кхьенце я рассказал ему историю о терма дяди Терсэя, которое записал Дилго Кхьенце.

— Ринпоче, — интересовался я, — Дилго Кхьенце сказал, что этот текст у вас. Вы его привезли?

Дзонгсар Кхьенце ответил:

— Это не обычное терма, которое бы тулку просто записал! Он уловил нечто совершенно изумительное. Там содержится даже тантра, и, скажу я вам, не каждый тертон такое может! А Кхьенце и Конгтрул могли, и Чокгьюр Лингпа тоже открыл пару таких же²³⁸.

Я попросил Рабсела Даву, — продолжал Дзонгсар Кхьенце, — дать мне передачу и сразу же после этого получил резные доски для печатания всего текста, чтобы его можно было распространять. Но смотрите, что теперь происходит! Враги учения Будды вдруг поднялись на востоке и начали своё вторжение. Поскольку мне пришлось покидать дом в такой спешке, я не сумел взять с собой этот текст. Могу сказать вам, как мало мне удалось вынести: только три крошечных изваяния *куцаб*, которые Падмасамбхава спрятал как символы, представляющие его самого, на благо Тибета²³⁹. Вот оно как! Забрать все остальные священные изображения, тексты и реликвии не было никакой возможности. Наши великие тексты попали в руки врагов Дхармы!»

Говоря вкратце, хотя Дзонгсар Кхьенце хранит передачу, теперь он не имеет возможности дать её кому-то. Он лишился и всего остального — всех священных предметов, символизирующих просветлённое тело, речь и ум²⁴⁰.

Поэтому я считаю, что сделал всё возможное, чтобы, по совету дяди Терсэя, получить это терма: сначала просил его у самого дяди Терсэя, потом у Дилго Кхьенце и, наконец, у Дзонгсара Кхьенце.

Однажды Дзонгсар Кхьенце сказал: «Я собираюсь в паломничество по Центральному Тибету, и, если вы поедете со мной, я смогу дать вам некоторые посвящения и устные передачи. И ещё есть некоторые редкие учения из «Новых сокровищ», которые я не получил, и думаю, что у вас они есть. Не считаете ли вы, что было бы замечательно немного попутешествовать вместе? Почему бы вам не попросить у Кармапы разрешения поехать со мной?»

Однако нашим планам не суждено было осуществиться, поскольку в то время Кармапа пожелал провести особые ритуалы, и мы в течение девяти дней занимались выполнением ритуала изгнания вредоносных сил, который связан со Львинолицой Дакини. Поэтому, когда я сказал Дзонгсару Кхьенце, что Кармапа отказался меня отпустить, ему пришлось отправиться в путь без меня.

Дуджом Ринпоче

Я уже упоминал о Дуджоме Ринпоче, но не рассказывал, как мы встретились.

Однажды, когда Дзонгсар Кхьенце ещё находился в Лхасе, я пошёл навестить его. Но у двери мне сказали, что его не будет до конца дня: он отправился в палаточный лагерь на окраине Лхасы, чтобы попросить Дуджому Ринпоче дать ему посвящение. Когда я увиделся с ним потом, он выразил своё глубокое восхищение Дуджомом: «Я не думаю, что в наше время есть более совершенный видьядхара, чем Дуджом. Вот почему мне нужно было получить посвящение у него!»

Вскоре я сам встретился с Дуджомом Ринпоче. Он жил в доме одного знакомого мне благонаправного аристократа. Этот сановник пожелал выполнить в своём домашнем храме сто тысяч пиршественных подношений и пригласил Дуджому Ринпоче возглавить этот ритуал. Зная, что я нахожусь в городе, он пригласил и меня. Именно во время выполнения этих ста тысяч пиршественных подношений мы с Дуджомом встретились и находились вместе.

— Кто вы? — спросил он меня.

— Я из Кхама, — ответил я.

— А откуда именно?

— Из Нангчена.

— К какой линии вы принадлежите?

— Я принадлежу к линии баром-кагью.

— Что вы практикуете?

— Я практикую терма Чокгьюра Лингпы.

— Наверное, вы его родственник?

— Да, действительно, я один из его правнуков.

— Расскажите о вашей родословной.

Я сказал, что я сын Чиме Дордже и племянник Самтена Гьяцо.

— О, неужели! — воскликнул в ответ Дуджом. — Я получил некоторые части «Трёх

59.
Дуджом
Ринпоче

разделов дзогчен» от Самтена Гьяцо и считаю его одним из своих коренных гуру. Недавно я услышал об одном ламе из Кхама, который дал Кармапе посвящения «Трёх разделов» в Цурпу, — это вы и есть?

Ясно, что слух об этом уже прошёл, поэтому я признался:

— Да, это я.

— У вас есть с собой эти книги?

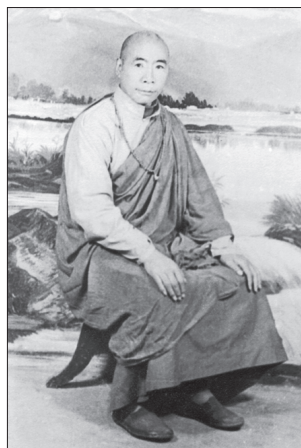
— Да, есть, они у меня в Цурпу.

— У вас есть изображения?

— Да, они тоже есть.

— Великолепно! Вы должны дать мне это учение. В Цурпу я получил первые три посвящения, но хочу обязательно получить их целиком.

Дуджом Ринпоче был очень настойчив, поэтому мне пришлось сразу же отправить в Цурпу своего слугу, чтобы тот взял книги и изображения, пока Кармапа отсутствовал, совершая путешествие на Небесное озеро, к северо-западу от Лхасы. Вскоре мне пришлось дать Дуджому эту передачу, насколько мне позволяли мои скудные способности.

60.
Чатрал
Ринпоче

В те дни, когда я давал эти посвящения, произошла моя встреча с Чатралом Ринпоче. Наружность у него была поразительная: на нём была одежда из грубой шерсти, на лице выдавался крупный нос, а держался он как кхамец. Наш разговор начался так:

— Эй, лама! Вы откуда? — бросил он бесцеремонно.

— Я из Нангчена.

— Откуда из Нангчена?

— Я потомок Чокгюра Лингпы.

— Я был в Цикее, а вас не видел.

— Я не всегда нахожусь в Цикее.

— Так откуда вы взялись? Выкладывайте!

— У Кончог Палдрон, дочери Чокгюра Лингпы, было четверо сыновей, один из которых мой отец.

— Гм-гм... Я слышал, что вас считают племянником Нэтэна Чоклинга. Я познакомился с ним в Дзонгсаре, куда он приехал навестить Дзонгсара Кхьенце, но я никогда не слышал, чтобы у него был племянник лама. Теперь я слышу, что *наш* Дуджом Ринпоче получает «Три раздела» от такого племянника, а все мы знаем, что множество так называемых кхамских лам являются сюда в Центральный Тибет, чтобы попытаться проделывать разные свои фокусы. Так что мне хотелось бы знать, не один ли вы из них. Гм...

Он направил на меня свой сверлящим взор:

— Целая куча кхамских лам приезжают сюда и дурачат людей, давая посвящения, к которым не имеют никакого отношения.

Дуджом Ринпоче, который сидел тут же, вмешался и сказал:

— Я сам попросил его дать эту передачу.

Тут они начали перебрасываться шутками, и Чатрал Ринпоче повернулся ко мне с ухмылкой и сказал:

— Ладно, вы-то, я думаю, не мошенник. Можете продолжать в том же духе и давать ему посвящение.

В то время как я передавал посвящения Дуджому Ринпоче, китайские коммунисты были уже в Лхасе. Но об их планах захватить Тибет здесь знали очень немногие. Та Лама, в то время один из влиятельных министров, на людях сохранял достойный и горделивый вид, но, едва мы встретились с ним один на один, он спросил: «А вы знаете пророчества относительно нашего времени из терма Лотосорождённого Гуру?»

По-видимому, тибетское правительство не обладало бесстрашной и непоколебимой верой в свои силы и надеялось найти решение кризиса в предсказаниях Падмасамбхавы. Действительно, в терма содержалось несколько ясных пророчеств Лотосорождённого о неминуемом разрушении Тибета, и в некоторых даже упоминалось о вторжении с востока.

Но люди не обращали на это никакого внимания или же неверно толковали предзнаменования. Например, в одном тексте предсказывалось, что в будущем: «Словно цветку посреди озера, Джово будут молиться издалека». Это толковали так, будто статуя Джово настолько драгоценна, что её ничто не разрушит. Истинный же смысл был в том, что народ не сможет её увидеть, поскольку будет вынужден покинуть Тибет.

Я спросил Та Ламу, пытались ли они установить дипломатические связи с такими международными силами, как Соединённые Штаты, Индия и Великобритания. Он ответил, что пытались, но не заручились никакими твёрдыми обещаниями. Тем временем китайские коммунисты помышляли только о том, как бы поглотить Тибет.

Эта угроза тяготила мой ум настолько, что я часто не мог заснуть. Мне казалось, что рано или поздно мы потеряем Тибет и мне нужно бежать туда, где не будет коммунистических захватчиков. Я не питал надежды остаться в Тибете — ни в малейшей степени. Мне очень жаль, но я должен сказать, что подавляющее большинство тибетских правительственных чиновников соблазнились серебряными монетами, которые щедро раздавали китайцы, а потому так много должностных лиц заявили, что нет никаких поводов для беспокойства — всё идёт прекрасно.

Однажды Дуджом Ринпоче поведал мне о своём предположении, что нам остался примерно год.

— Нам нужно использовать китайцев в своих интересах, пока есть такая возможность. Я собираюсь оставаться здесь ещё около года и воспользоваться китайским серебром для будущего блага Дхармы²⁴¹.

— Я никак не смогу оставаться так долго, — ответил я. — Уже попросил у Кармапы разрешения уехать. Хочу выбраться отсюда раньше других.

Приблизительно в это же время в Ахасе был создан Комитет по делам религии, в который вошли главы различных школ. Собраниями этой группы дирижировали китайские оккупационные силы, дабы сверху обеспечить контроль над буддистами.

Не желая присутствовать там лично, вместо себя Кармапа послал меня. Я не мог отказаться, потому что по воле Кармапы был его представителем в Ахасе. Дуджом Ринпоче представлял школу нингма. Также были представители школ сакья, гелуг и бон — всех пяти традиций Дхармы.

Наше главное занятие на этих собраниях заключалось в том, чтобы часами томиться бездельем, пока ораторы один за другим читали длинные лекции, превознося достоинства практики Дхармы, в то время как на самом деле время для практики Дхармы стремительно утекало. Под предлогом поощрения лекций о Дхарме перед большой аудиторией коммунистические руководители просто манипулировали участниками. Каждая речь должна была начинаться с приветствия «справедливому правлению великого кормчего Мао Цзэдуна» и выражения признательности его «безмерной доброте, благодаря которой пять духовных традиций наконец-то собрались под одной крышей»²⁴².

С типично китайским коварством на каждом мероприятии коммунистические чиновники выдавали мешки денег — по двадцать пять больших серебряных монет в день. Даже мой помощник, очень хороший человек, который был секретарём в Цурпу, получал пятнадцать. Так что, просто посидев там, я зарабатывал двадцать пять больших серебряных монет, что по тем временам было значительной суммой. Если уметь скрывать под улыбкой свои истинные чувства в течение месяца, можно было накопить немалые деньги.

Однако я не оставил себе ни одной из этих серебряных монет, не ощущая в душе никакого желания устанавливать какую-либо связь с коммунистами. Я не использовал эти деньги даже на транспорт, предпочитая представлять все линии кагью, передвигаясь повсюду пешком. Спустя двадцать пять дней мне удалось посетить Цурпу, и по дороге я выбросил все серебряные монеты.

- Почему ты здесь, а не на собрании? — спросил Кармапа.
- Я больше не хочу быть там, хоть голову мне отрубите! — сказал я.
- Хорошо, мы найдём кого-нибудь другого, — ответил он.

Тогда я рассказал ему о другом тулку, который вызвался занять моё место, и спросил, возможно ли это. Кармапа согласился, и я избавился от неприятной обязанности.

Позже, когда дела в Ахасе стали совсем плохи, моему заместителю не удалось бежать. Несмотря на то что он два или три года регулярно получал серебряные монеты, он был убит Красной армией.

Шечен Конгтрул

Когда я готовился покинуть Тибет, замечательный учитель Шечен Конгтрул попросил меня передать письмо Дзонгсару Кхьенце, который был уже в Сиккиме. Вручив мне это письмо, он сказал: «В эти дни будет совершенно справедливым сказать, что Дзонгсар Кхьенце и есть сам Кхьенце Старший во плоти. Теперь люди могут, как кажется, без труда встретиться с ним в Гангтоке, что на самом деле просто невероятно».

Этот учитель вряд ли награждал подобной похвалой кого бы то ни было. Но, когда потом я передал это письмо Дзонгсару Кхьенце, он коснулся им головы и сказал: «Оно от человека, который подобен Конгтрулу Старшему во плоти. Может показаться, будто бы вам было очень легко встретить его, но это невероятно большая удача». Они видели друг друга чистым восприятием и искренне восхищались.

Шечен Конгтрул достиг уровня крушения заблуждения. Благородные существа, пребывающие на этом уровне, очень часто поступают совершенно спонтанно, словно дети, без какой-либо задней мысли об условностях, принятых в обществе, — именно таким был Шечен Конгтрул в последние годы своей жизни.

Однажды, когда он был в Ахасе, к нему пришёл один из министров Центрального Тибета. В то время все чиновники лхасского руководства носили волосы, собранные на темени в причёску, которую украшала золотая коробочка для реликвий. Йогини тоже часто носили такую же причёску, помещая в коробочку священные тексты или реликвии. Хотя гость явно был одет как тибетский сановник, Шечен Конгтрул сказал ему:

61.
Конгтрул
из Шечена

— Эй, йогин, ты откуда?

— Ринпоче, тсс, — прошептал кто-то, наклонившись к нему, — это не йогин, а министр.

— А, так ты министр, — выпалил Шечен Конгтрул. — А я подумал, ты йогин. Ты откуда?

Министр пришёл в полное замешательство.

Как-то раз Нгабо, высокопоставленный правительственный чиновник, пригласил в Джокханг Чунга Ринпоче из Мидроллинга, Шечена Конгтрула, Дилго Кхьенце и многих других монахов, чтобы они выполнили там ритуал. Все они сидели вместе.

Сам Нгабо не явился, а прислал свою жену, даму, занимающую в обществе высокое положение, которую соответственно её титулу именовали Ахачам Кушо — нечто вроде «Ваша Светлость». Поскольку она была высокопоставленной особой, то, вручая Чунгу Ринпоче белый шарф с конвертом денег, она, хотя и поклонилась, но не так низко, как делают простые люди, когда получают благословение от руки ламы, а лишь до того уровня, когда касаются лбами.

При виде этого Шечен Конгтрул подтолкнул локтем Дилго Кхьенце и громко выпалил:

— Скорее, Кхьенце! Что я должен делать с этой женщиной? Я ещё ни с одной не касался лбами.

Тем временем дама уже сделала шаг и оказалась прямо перед ним.

— Молчи и просто приблизь голову! — прошептал Дилго Кхьенце.

Шечен Конгтрул склонился, и они с женщиной коснулись лбами, как это принято между равными.

Затем она поднесла ему традиционный шарф с прилагающимся конвертом денег. Пока своё подношение получал Дилго Кхьенце, который сидел рядом с ним, Шечен Конгтрул уже разорвал свой конверт и заглянул внутрь, нарушая все правила приличия.

Он вынул деньги и во всеуслышание сказал:

— Эй, Кхьенце, смотри, что мне дали! А ты сколько получил?

Меня там не было, но Дилго Кхьенце сам рассказал мне эту историю и предупредил: «На людях с ним нельзя садиться рядом».

Когда Шечен Конгтрул говорил о мирских делах, он часто напоминал ребёнка, но, когда он говорил о Дхарме, его мудрость была подобна восходящему солнцу, которое прогоняет тьму. В Ахасе мне один раз довелось спросить его, кто в Тибете, по его мнению, достиг самого высокого уровня реализации.

— Посмотри на Дуджому, — ответил он. — Какие у него ясные и зоркие глаза — как у ястреба. В его глазах можно увидеть полностью рас-

крытую способность познавать. Если кто-то обрёл реализацию, так это он. По сравнению с ним все остальные кажутся просто тупыми и рассеянными людьми.

— А как же учитель Друкпа Йонгдзин, который так знаменит? — спросил я затем.

— Он, несомненно, тоже такой. Его ум полностью открыт, в нём нет ни крупицы неведения, — ответил Шечен Конгтрул. — Я слышал, что он даже не спит.

Тогда я спросил его, что он имеет в виду под «высокой реализацией»?

— Это когда твоя способность познавать не встречает препятствий и свободна от двойственных представлений, однако ты сохраняешь отчётливое присутствие и внимательность к подробностям.

Затем он точно продемонстрировал именно это. Я был уверен, что он сам достиг высочайшего уровня реализации, и глубоко верил в него.

В Кхаме произошло восстание против китайской оккупации, но в Центральном Тибете было ещё спокойно. Когда я по-прежнему жил у Кармапы в Цурпу, там остановился Шечен Конгтрул.

Он высказал мне своё предчувствие: «Всякий раз, когда я вижу в эти дни китайского коммуниста, у меня сразу же болит в груди. Мне очень не по себе. Наверное, коммунисты меня когда-нибудь схватят».

Он повторял это несколько раз. Однажды я спросил:

— Почему вы должны попасть в руки коммунистов? Кармапа посылает вас в Сикким, чтобы вы стали главным гуру короля Сиккима. Наша Исполняющая Желания Драгоценность уже договорилась с сиккимцами, сообщив им, что посылает ламу, который станет придворным гуру. Ведь вы так скоро покинете Тибет, почему вы думаете, что китайцы вас схватят?

Шечен Конгтрул ответил:

— Не знаю почему, но мне кажется, что это может произойти.

Перед тем как отправиться в Сикким, он хотел посетить разные места в Центральном Тибете. Но Кармапа сказал ему:

— Не нужно. Вы должны оставаться здесь. Вскоре вам нужно будет отправиться прямо в Сикким. Главный попечитель Миндроллинга уже здесь. Вы должны присоединиться к нему. Там у вас будут прекрасные условия.

Но Шечен Конгтрул возразил:

— Сначала мне нужно попасть в Миндроллинг. Миндроллинг — всё равно что краеугольный камень традиции нингма. Я должен побывать там всего один раз.

Так они препирались, пока Кармапа не сказал:

— Хорошо, если вам нужно, я всё устрою и дам вам слуг. Но не оставайтесь там больше двух недель. Потом вам нужно прибыть обратно сюда и отправиться в Сикким.

Шечен Конгтрул пообещал оставаться в Миндроллинге только две недели и ни днём больше. Выполняя волю Кармапы, он пробыл там всего две недели и потом направился в Цурпу.

На обратном пути он встретился с группой людей, переправляющих через реку. Так случилось, что они были членами семьи Лингсанг, которые подняли в Кхаме мятеж, а потом, преследуемые китайскими коммунистами, бежали в Центральный Тибет.

Поскольку эти люди были в Кхаме благотворителями Шечена Конгтрула, он счёл своей обязанностью выполнить ритуалы, чтобы их поддержать. По этой причине он задержался на берегу той реки на пять дней. Это обернулось бедой: пришли китайские коммунисты, арестовали его и увезли в Китай.

Я не знаю, как он умер. Наверное, из Центрального Тибета его перевезли на восток, обратно в Дерге, потому что его там видели, а потом отправили в Китай.

Это было очень печально. Ему было всего лишь около пятидесяти лет.

К сожалению, теперь я должен привести вам пример собственного упорства. Когда я готовился отправиться в Сикким, Кармапа сказал мне: «В Сиккиме сначала поживи некоторое время в имении моего ученика Баньяка Атингга, а потом поезжай к Великой Ступе в Будхе, что в долине Катманду. Ты должен построить монастырь рядом с ней. Один человек обещал мне дать там землю, и у меня есть письмо от одного из руководителей в этой долине, в котором говорится о предоставлении строительных материалов. Я должен был послать ламу, чтобы следить за ходом работ, и думаю, ты прекрасно подойдёшь для выполнения этой задачи».

На следующий день, когда я сидел с нашей Исполняющей Желания Драгоценностью, пришёл человек с пачкой писем, которых оказалось восемь. Вручая их мне по одному, он сказал, для кого они предназначены. Каждое из них адресовалось тому или иному чиновнику из непальского правительства, а также секретарю короля Непала Махендры. Там было даже письмо к индийскому учителю Куну Ламе с просьбой прибыть в Непал, хотя я сомневался, чтобы он это сделал.

— Плохие времена настанут в стране Тибет, — сказал Кармапа. — Хочу, чтобы ты построил монастырь в Непале. Я уже провёл необходимую подготовку, чтобы постепенно отослать в Непал половину наших статуй, книг и ритуальных принадлежностей. Но должно быть то место, куда они попадут, — монастырь. Ты должен поехать заранее и построить его.

Он продолжал:

— У меня есть веская причина, чтобы выбрать тебя: ты способен быть моим представителем. Я пошлю всех необходимых помощников и секретарей и назначу тебя на высокую должность ламы. Так что собирай все свои вещи и отправляйся на юг, в Къиронг, на границе с Непалом. Оттуда ты выйдешь в долину Катманду и сразу же начнёшь строительство большого монастыря. Строить нужно очень добротнo и закончить за три года. Мы должны решить это прямо сейчас — нет смысла медлить здесь, в Тибете, слепо веря, что всё будет хорошо.

— Простите, Исполняющая Желания Драгоценность! — сказал я с недоверием. — Да разве может такой, как я, исполнить такое поручение? Я не так уж образован, не обладаю красноречием, невысок и некрасив. Мне кажется, ваш выбор пал на худшую кандидатуру. Если вы пошлёте меня, это не только будет незаслуженным наказанием, но закончится неудачей.

Когда я вспоминаю об этом, мне становится смешно от тогдашней моей наглости.

— В Кхаме так много больших монастырей кагью, в том числе Сурманг, — продолжал я, — и в каждом есть талантливые и знаменитые ламы. В вашей власти приказать лучшему из них быть вашим представителем, и они послушаются — не будет ли это лучше? Вам нужно только высказать своё желание, и, я уверен, любой из них выполнит вашу волю. Вот что вам нужно сделать — потому что я, наверное, не могу занять такой пост. Даже если я туда поеду, никто не станет меня слушаться. Я не могу обещать, что через три года монастырь будет готов. Я больше похож на голодного духа в облике человека, которого называли ламой. Если вы назначите меня своим представителем, это не приведёт ни к чему, кроме позора для Дхармы.

Потом я встал и трижды поклонился, простираясь на полу, чтобы удостовериться в твёрдость своего решения.

— Если такой человек, как я, будет занимать положение высокого учителя, — добавил я, — это отвратит людей от Дхармы и заставит их нарушить свои самайи.

— Не твоё дело заботиться о таких вещах, предоставь это мне, — выпалил Кармапа, — и, между прочим, я считаю, что люди будут в тебя верить.

— Я не пытаюсь сказать, что вы неправы, — протестовал я, — но мне кажется, что вы хотите, чтобы собака вела себя, как лев, и я не понимаю, как может быть такое.

— Ты настоящий упрямец! — воскликнул Кармапа. — Бессмысленное упорство! Очень жаль! Ты явно не понимаешь, какую великую пользу это принесёт и учению Будды, и живым существам. Я возлагаю на тебя большие надежды. У меня нет недостатка в важных ламах, которые рвутся

получить более высокое звание и положение. Многие из них жаждут отправиться и сделать всё то, о чём я вас прошу. Очень жаль, но забудь об этом, по крайней мере, пока.

Вот что он сказал, но его слова не возымели действия, я так его и не послушался.

Это пример моей упрямой гордыни. Теперь я жалею, что не воспользовался этой возможностью исполнить желание Кармапы, потому что, конечно же, он был прав: именно тогда монастырь в Непале принёс бы огромную пользу.

Но что мог знать я — обычный недалёкий человек и к тому же полностью убеждённый в своих собственных рассуждениях?

Примерно в то же время Кармапа спросил:

— Ты ведь всё равно отправишься в Непал, ведь так?

— А что?

— Там есть место, которое называется Маратика. Именно туда тебе нужно попасть, чтобы выполнить трёхлетнее затворничество.

— А где оно, Ринпоче?

— Не так далеко от долины Катманду. Если в эти три года ты сможешь выполнить какие-нибудь практики долгой жизни, то получишь хорошие результаты.

— Пожалуйста, не заставляйте меня этого делать! — взмолился я. — Я, конечно, слышал о Маратике, где Лотосорождённый Гуру обрёл сиддхи. Но как я там смогу получать провизию? Я там никого не знаю. Прошу вас, не просите меня сделать это.

Так что в то время я не прислушался и к этому его желанию.

Кармапа весьма своеобразно выражал свои просьбы: они часто звучали не как предложения, а как возможность того или иного события. Однако в те дни я, очевидно, недостаточно верил в него, чтобы слушаться.

Вот таковы были два случая, когда я не стал исполнять его так ясно выраженные желания.

Когда я думаю обо всех драгоценных сокровищах, которые были утрачены в те дни, я просто не могу поверить, как я был глуп. В частности, в библиотеке Цурпу хранились замечательные книги. Зная, что произошло с этой бесценной библиотекой, я сожалею, что не попросил разрешения взять несколько книг с собой в Сикким.

Особенно я помню одну книгу: текст «Сокровищницы знания» с комментариями Кармей Кхенпо. Этот текст он не только собственноручно переписал своим крупным каллиграфическим почерком, но между строк вставил пояснения, полученные им самим от автора, Конгтрула. Весь текст с собственными комментариями Конгтрула составлял три тома. В

Цурпу я попросил дать его мне на время, и Кармапа согласился. Но, когда я стал искать книги, оказалось, что их уже взял почитать Дильяк Друбпон, мастер затворничества.

— Я уже попросил нашу Исполняющую Желания Драгоценность дать мне эти книги. Не мог бы ты передать их мне? — спросил я Дильяка Друбпона.

— Нет-нет, ради Трёх драгоценностей! — ответил он. — Я ни за что не расстанусь с этими книгами! И скажу тебе почему: Кармапа всегда посылает ко мне людей с вопросами. Как без этих книг я смогу давать людям правильные ответы? Знаешь ли, в молодости мне не довелось слишком много учиться, я освоил только элементарные книги: «Путь бодхисаттвы» и «Три типа обетов». Я не слишком образован, и только эти три тома служат мне опорой. Тебе не поможет, что тебя послал Исполняющая Желания Драгоценность, — я тоже тружусь именно для него. А теперь ты являешься, заявляя, что хочешь вырвать у меня оба глаза и оставить меня слепым! Ради Трёх драгоценностей клянусь, что я с этими книгами не расстанусь.

Мы с ним были близкими друзьями, и я ничего не мог поделать. Я не мог спорить с ним, а потому решил зайти с другого конца:

— Зачем тебе держать книги при себе всё время? Кармапа действительно сказал, что я могу одолжить их совсем ненадолго. Разреши мне попользоваться ими.

— Нет, ради Трёх драгоценностей, ни за что! — воскликнул он решительно.

Дильяк Друбпон был настоящим практиком медитации и прекрасным человеком. Но, раз он поклялся Тремя драгоценностями, тут уже ничего нельзя было поделать. Будь это кто-то другой, я бы, конечно, попросил Кармапу повлиять на него. Но, не желая раздувать это дело, я уступил, и мне так никогда и не удалось прочитать эти книги.

Однажды в Цурпу я сидел с Дильяком, когда в комнату вошёл его близкий друг и родственник, который только что закончил изучать диалектику и логику в монастыре Сера. Сам Друбпон был просто практиком медитации.

— А что ты понимаешь под пустотой? — спросил этот друг, намереваясь над ним пошутить.

— Пустота — это очень просто. Это то, что мы называем Махамудрой и дзогчен, — ответил Друбпон.

— Глупый! Нельзя давать определение пустоте, просто используя другое слово. Ведь это основа всех учений, а ты не можешь её описать. Си-дишь тут, притворяешься учителем-помощником Кармапы, мошенник!

— Хорошо, дай ты определение, если тебе так хочется, — потребовал Друбпон.

— Можно ли выразить какой-либо смысл, не используя определяющих признаков? Ты думаешь, абсолютная истина вдруг просто снизойдёт на тебя? Необходимо использовать слова и понятия. Дурак! — ответил его друг.

— Если ты думаешь, что можешь продемонстрировать пустоту, используя слова и понятия, то это ты дурак, каких нет!

Вот так они продолжали пререкаться и подшучивать.

Потом Друбпон повернулся ко мне и сказал:

— Видишь, как мне справиться с такими парнями без комментариев Кармей Кхенпо?

Позже, когда Дильяку Друбпону удалось выбраться из Тибета и попасть в Сикким, он сказал мне:

— Я не смог привезти с собой те книги. Я хотел это сделать и действительно пытался, но ничего не получилось.

— Как ты мог их оставить? — горевал я.

— Ради Трёх драгоценностей! Ты бы видел тот хаос и суматоху. Никто не знал, будет ли он на следующее утро жив или станет трупом. Всё было непредсказуемо, как облака в осеннем небе. Кругом были только жуткий беспорядок и опасности. Вот как мы жили, пока ты тут в Сиккиме расслаблялся и прохлаждался.

Однако мне часто приходит на ум, что те примечания — ответы самого Конгтрула на вопросы Кармей Кхенпо — были бы чудесным украшением «Сокровищницы знания»!

В Цурпу мне посчастливилось видеть «Великий свиток, изображающий сто чудесных деяний». Я считаю, что это самый впечатляющий в мире образец многозначительного искусства. На этом огромном свитке в одном сюжете за другим изображены все сто чудес, сотворённых пятым Кармапой при дворе китайского императора. Текст на этом свитке написан на четырёх языках: китайском, монгольском, тибетском и ещё одном, который мне неизвестен.

Длина этого замечательного свитка — метров сорок, а ширина — несколько метров. На нём изображены шестнадцать архатов в виде святых, окружённых облаками, и все удивительные события, произошедшие во внутренних покоях императора во время посвящения, например: как император увидел мандалу божеств и как взошли три солнца.

Я не знал о существовании этого свитка, пока в Цурпу не появился Дзонгсар Кхьенце и не попросил его показать. Развернув свиток, Дзонгсар Кхьенце воскликнул: «В этом мире я не видел ничего подобного!»

В Китае и другие учителя творили чудеса, но несравнимые с этими». Как-то утром мы с Дзонгсаром Кхьенце просмотрели весь свиток, прочитав все надписи от начала до конца.

Я слышал, что существовало три экземпляра этого свитка: один в Китае, другой — здесь, в Цурпу, а третий был уничтожен много веков назад. На холсте было девятнадцать оттисков личной печати императора, удостоверяющих подлинность свитка. Было бы замечательно сохранить эти изображения в книжном формате.

Я пытался подразнить Дильяка Друбпона и тем, что он не вынес из Цурпу этот драгоценный свиток. Но он огрызнулся: «Да кто ты такой, чтобы упрекать меня в слабости? Думаешь, ты такой герой, что валялся здесь, в Сиккиме, когда мы были на грани смерти?»

Что я мог на это сказать?

Но потом я кое-что вспоминал и снова его донимал: «А кто паковал багаж Кармапы? Я слышал, сотня носильщиков была нагружена только ячменной мукой, сухим творогом и мясом. Разве нельзя было вместо всего одного мешка с едой взять свиток? Разве вы не знали, что король Бутана вызвался быть благотворителем Кармапы? Разве может умереть с голоду тот, кто находится на попечении короля? И раз уж я об этом заговорил, то как насчёт других символов тела, речи и ума, которые там бросили?

Но шутки в сторону, я действительно беспокоился, что это бесценное сокровище потеряно. Однако потом оказалось, что оно в целостности и сохранности находится в Сиккиме²⁴³.

Часть четвёртая

В изгнании

34. *Как я покинул Тибет*

Незадолго до того, как я покинул Цурпу, я сказал Кармапе:

— Я не считаю, что моё дальнейшее пребывание здесь уместно.

— Почему же? — спросил он.

— Я беспокоюсь о двоих своих детях и их матери. Если вы сумеете скрыться отсюда, как птица, взмывшая в небо, то я не смогу перенестись так же свободно и боюсь, что останусь здесь, в Тибете. Моё единственное желание — оказаться там, где нет ни одного китайского коммуниста. У меня есть короткий список нескольких мест на ваше усмотрение. Первое — долина Кхенпа, небольшое укромное место в Бутане. Второе — нижний Бутан, а третье — Сикким. Ещё есть укромная долина в Непале, в районе Солу Кхумбу, а в западной части Непала есть место, которое называется Нубри.

Я упомянул, что у моего дяди были знакомые среди жителей Нубри, и объяснил:

— Там живёт один лама, который является потомком царя Трисонга Дэуцена, и поскольку он ученик моего дяди, то, поехав туда, мы, по крайней мере, не будем голодать. Дайте мне, пожалуйста, ваш совет, куда мне лучше всего отправиться. От мысли, что я останусь в Тибете, не могу спать по ночам.

Один из лам Кармапы наклонился ко мне и сказал:

— Вам не нужно ни о чём беспокоиться: вы под защитой нашей Исполняющей Желания Драгоценности. Оставайтесь с ним, и он обо всём позаботится.

Я ответил:

62.
Чокьи Нима,
Чоклинг и их
мать Кунсанг
Дечен

— Это для меня не подходит. У меня есть семья, о которой я должен беспокоиться. Если я буду сопровождать Кармапу, то это не только его принизит, но и вызовет замешательство, потому что я стал бы единственным, кто не является монахом в его свите. Мне лучше отправиться в путь первым.

Случилось, что, когда я находился в Цурпу, туда прибыла группа практиков из Нубри. Они настоятельно просили, чтобы им дали полную передачу *Тигдруб барче кунсел*. Кармапа возложил эту задачу на меня, и это заняло девятнадцать дней. После этого Кармапа сказал: «Запиши на листке бумаги свои варианты, завтра утром я скажу тебе результаты моего гадания».

На следующий день рано утром Кармапа сказал: «Забудь обо всех своих вариантах. Отправляйся в Сикким. Я дам тебе рекомендательное письмо своему ученику Баньяку Атингу, и он о тебе позаботится. Во всех других долинах тебе будет намного труднее, и в любом случае ты не знаешь их диалектов».

Этими словами он дал мне разрешение покинуть Тибет.

Двое моих сыновей и их мать оставались в монастыре Дронг, к северу от города. Я послал за ними. Когда они приехали, я объявил им о своём решении отправиться в Сикким.

Услышав об этом, мой шурин Вангду, аристократ из Центрального Тибета, воскликнул:

— Дворец Потала в сердце долины Лхасы — словно великолепная живописная тангка, над которой Далай-лама сияет, как лучезарное солнце. Разве могут китайские коммунисты сравниться с таким высоким явлением? Коммунистическая армия может без труда захватить вас, кхамцев, но она ни за что на свете не победит правительство Центрального Тибета.

— В китайской армии насчитывается невероятное количество батальонов, и в каждом из них тысячи солдат, — ответил я. — Назовите мне, пожалуйста, точ-

63.
Раннее фото
Тулку Ургьена
Ринпоче

ное число призванных в армию Центрального Тибета, которую вы считаете такой значительной. Думаю, там едва ли наберётся десять-двадцать тысяч вооружённых людей. Когда в горах случается обвал, деревья и кусты не могут его сдерживать.

Мой шури́н ничего не слушал. Его отношение было типичным для аристократии Центрального Тибета — это было нежелание допустить даже мысль о том, что его страна на грани гибели. Поэтому моя жена и её семья просто отказались уезжать.

Как сказал один из них, они «никак не могут просто бросить свои владения и богатства».

Мне пришлось уехать одному.

Перед самым моим отъездом в Сикким одна тибетская женщина сказала мне, что получила хорошие новости: «Панчен-лама — Будда Ами-табха во плоти, Далай-лама — Авалокитешвара и Мао Цзэдун, который, я уверена, есть бодхисаттва Ваджрапани, собираются вместе. Это благой знак мира во всём мире».

Приняв твёрдое решение, я покинул Ахасу до того, как там начались какие-либо столкновения. Со мной был только один мой верный слуга. Вероятно, ещё никто не бежал так рано, как я, а потому я не услышал ни одного выстрела из коммунистической винтовки. Как говорится, когда приходит лиса, самому большому цыплёнку нужно первым бежать в курятник.

Путь из Ахасы в Сикким не занял много времени. Наша маленькая группа ехала верхом на лошадях в приятном темпе, поклажу везли яки. Если не делать остановок, можно добраться до Гангтока, столицы Сиккима, за двадцать дней.

В Сиккиме меня принял Баньяк Атинг, ученик Кармапы, щедрый и благородный политик, главный министр сиккимского правительства. Он оказал Кармапе значительную материальную поддержку, предоставив в его распоряжение много рисовых полей, которые давали по пятьсот мешков риса ежегодно. Он сказал, что я могу жить у него сколько угодно, и подарил мне землю, которая могла прокормить десять человек. Позднее он перестроил дом, в котором я поселился, превратив его в небольшой храм.

В течение следующих нескольких лет я пытался убедить своего брата Тенга Тулку покинуть Кхам и приехать ко мне в Сикким, но однажды получил известие, что он уже умер от болезни.

Получив от меня несколько настойчивых писем, мой шури́н Вангду наконец привёз ко мне моих сыновей и жену. Однако, приехав в Сикким, он хотел, чтобы все мы вернулись в Тибет.

— Вы приехали в эту захолустную чужую долину, — сказал он. — Конечно же, Красная армия не достанет вас здесь, а если бы она и пришла, здесь все умерли бы с голоду! Я слышал, что поблизости нет приличной еды и так жарко, что вы просто не выживете. Разумеется, я здесь не останусь. И своей старой матушке я не позволю остаться. Не сомневаюсь, что она умрёт от голода или жары.

Между нами состоялся довольно оживлённый спор, который закончился только тогда, когда я поклялся, что никоим образом не собираюсь возвращаться в Тибет.

— Я не пойду, даже если бы меня связали и поволокли, и двоих своих детей я тоже не отпущу, — сказал я ему. — Вы можете делать что хотите. Когда человек бежит из камеры смертников, ему всё равно, какой вокруг него пейзаж, — он просто бежит. Что до меня, то покинуть Тибет — было всё равно что вырваться из тюрьмы. Я ни в коем случае не вернусь!

Вангду возразил:

— Я здесь не могу спать спокойно, я мечусь и ворочаюсь, мечтая вернуться в Тибет.

Так что Вангду наконец собрал вещи и вместе со своей матерью отправился в Тибет.

Я увидел его нескоро — только тогда, когда китайские власти выпустили его из тюрьмы, где он провёл двадцать лет.

Оглядываясь назад, я понимаю, что выжил за пределами Тибета только благодаря Кармапе — это определённо была не моя заслуга. У меня были жена и дети, и я не взял с собой из Кхама никакого имущества — только кое-какие вещицы из Лхасы.

Я отправил в Кхам верного слугу сообщить моим близким родственникам, друзьям и своим подопечным в монастырях, чтобы все они ехали ко мне в Сикким. Но многие из них были слишком поглощены заботами о своих яках и овцах и другими важными с их точки зрения вещами, чтобы помышлять о переезде.

Я попросил, чтобы из Лачаба — который благодаря тулку Самтена Гьяцо оставался достаточно процветающим — мне прислали некоторые важные предметы и деньги, но моя просьба осталась без внимания. Из принадлежавших мне предметов, имеющих отношение к Дхарме, я не вынес из Кхама ничего. К тому времени, как я стал жить в изгнании, Нангчен на протяжении веков уже пережил множество вторжений захватчиков и политических переворотов, но народ даже не мог себе представить, что теперь обстановка в монастыре может быть опасной.

Монастырь Чокьи Нимы тоже был очень богат. Будь у нас возможность забрать оттуда хоть какие-то ценности, мы не испытывали бы не-

достатка ни в чём. Но, прежде чем туда отправили посланца, все связи с Тибетом — и дороги, и другие средства сообщения — были перекрыты. Если не считать небольшого личного имущества и предметов первой необходимости, которые я смог захватить с собой, в Сиккиме я оказался просто нищим.

Мне было очень жаль некоторых вещей, которых я лишился. Например, очень дорогим для меня сокровищем была двухтомная книга моего учителя Кьютрула «Сокровищница песен нингмы». В Кхаме я часто пользовался ею, читая на похоронах, выполняя ритуалы исцеления или пиршественное подношение. Я, конечно же, привёз её в Центральный Тибет, но не смог взять с собой в Сикким, не вызывая сильных подозрений или категорических возражений. То же самое касается и других ценностей, например ритуальных предметов. С собой у меня был только набор таких предметов посредственного качества, и, разумеется, у меня не сохранилось никаких фамильных реликвий.

Поскольку Самтен Гьяцо был чрезвычайно требователен, когда принимал работу скульпторов, изваяния в новом храмовом зале в Крепостной Вершине отличались высочайшим для того времени качеством. Но я не взял ни единого изваяния оттуда и ни единой книги из его обширной библиотеки. Считалось, что всё это принадлежит его воплощению, юному тулку.

Так или иначе, та утраченная книга Кьютрула была самой большой моей ценностью²⁴⁴. Конгтрул Первый написал одну практику, в которой он восхваляет всех учителей линии передачи дзогчен. В этом тексте он упоминает, что сразу после пиршественного подношения «нужно включить надлежащее количество песен гуру линии передачи». Также он говорит о великой пользе от исполнения этих духовных песен, приводя цитату из тантр о том, что «пробуждённое знание естественного состояния безгранично распространится в вашем личном переживании».

Кьютрул взял на себя задачу собрать эти песни. Кто-то может подумать, что он слегка увлёкся, поскольку начал свои поиски с огромной «Сокровищницы дхармадхату» Лонгченпы²⁴⁵. Он обосновывал это так: «Если вы хотите собрать песни, выражающие высшее воззрение “Трёх разделов дзогчен”, то лично я не вижу никакой возможности исключить из них творение Лонгченпы».

Следуя своему принципу, он собрал песни всех ранних учителей дзогчен, а также всех важных учителей тибетских линий передач. В итоге это собрание составило два тома. Было время, когда он хотел включить в него даже «Сокровищницу естественного состояния» — пространный текст, содержащий глубокие песни Лонгченпы²⁴⁶.

Самтен Гьяцо убедил его не расширять это собрание до бесконечности, сказав: «Конечно, и это было бы здесь уместно, но тогда тот, кто за-

хотел бы исполнить на пиршественном подношении все песни, никогда бы их не закончил, если бы только не был готов петь их два дня подряд».

Однако нескольким другим драгоценным текстам всё-таки удалось покинуть Тибет в те дни. Например, у Самтена Гьяцо был великолепный каллиграфический экземпляр «Трёх разделов дзогчен», который мне удалось вывезти.

Когда Дуджом Ринпоче увидел мой личный экземпляр «Трёх разделов», он был поражён его высоким качеством. «Какой у вас в Восточном Тибете удивительный уровень мастерства и в каллиграфии, и в орфографии! — воскликнул он. — Как это изумительно! Прежде я не видел ничего подобного. Кто это создал?»

Я ответил, что у Самтена Гьяцо был старый помощник, чрезвычайно старательный и знаменитый тем, что почти не допускал орфографических ошибок. Самтен Гьяцо лично оплатил работу по переписыванию тридцати томов текстов, связанных с «Новыми сокровищами» Чокгьюра Лингпы, а его помощник выполнил бóльшую часть этой работы.

Моя тётя Таши Чиме со своим мужем присматривали за моей гомпой, и тётин муж очень любил этот текст. Он обернул его в несколько слоев особой парчи и всегда чрезвычайно о нём заботился. Позднее, когда по приказу нашей Исполняющей Желания Драгоценности я переехал в Центральный Тибет, послал за этим текстом. В то время у дяди уже была его копия, которую сделал для него один монах из монастыря моего отца, который побывал у них, совершая паломничество.

Позднее, милостью Трёх драгоценностей, тот человек, который нёс текст обратно в Кхам, растерявшись в суматохе, сопровождавшей китайское вторжение, и не зная, какое сокровище находится при нём, вручил его одному тулку из моей гомпы со словами: «Эта книга принадлежит Крепостной Вершине». Вот почему теперь у нас есть этот очень точный экземпляр текста.

Сикким

Баньяк Атинг, мой сиккимский хозяин и благотворитель, был человеком особенным. В молодости он был секретарём пятнадцатого Кармапы Кхакьяба Дордже и относился к нему с большой любовью. В Кхаме он провёл с Кармапой три года и всегда глубоко верил в него и почитал.

Вернувшись домой в Сикким, Баньяк женился и обзавёлся семьёй. Бóльшая часть его домочадцев разделяла его глубокую преданность Кармапе; редко встретишь такую сильную веру. Однажды, после возвращения нашей Исполняющей Желания Драгоценности из паломничества по главным святым местам Индии, Баньяк пригласил Кармапу в своё имение. Баньяк сам держал приветственный белый шарф и связку благовоний, возглавляя длинную шеренгу монахов в особых жёлтых накидках.

Позднее Баньяк рассказал мне, что его жена — а она, кстати, тоже была из тибетской семьи — была очень недовольна, что её муж, такой важный человек, кланяется какому-то тибетскому священнику. Она спросила неодобрительным тоном: «Ну и ну! Если ты так обращаешься с этим ламой Кармапой, что же ты будешь делать, если явится Далай-лама?»

Однако Баньяк возразил: «Кармапа был гуру всех моих предков, а также и сиккимских королей. Он наше прибежище и наш защитник, именно от него мы получаем учения. Важнее, чем собственный коренной гуру, не может быть никто — даже король или даже сам Далай-лама».

Семья Баньяка вела свою родословную от древних королей Сиккима, хотя и не по главной линии, но зато они занимали должности министров и губернаторов, которые были наследственными и переходили от отца к старшему сыну. Однажды Баньяк услышал, как сама королева сказала: «Возможно, Баньяка следовало бы называть королём Атингом — он так могуществен. Зачем нужен другой король?»

Баньяк только рассмеялся и сказал: «Я не собираюсь делать ничего наперекор Его Величеству. Но если об этом сплетничают во дворе, то это

недобрый знак для будущего Сиккима, и, возможно, я должен подать в отставку». И вскоре он так и поступил.

Однажды вечером мы сидели, беседуя с двумя дочерьми Баньяка. Одна сказала:

— Было бы гораздо лучше, если бы Кармапа сюда не приезжал. В этом не было ничего хорошего — ему не следовало приезжать.

— Почему? — спросил я.

— Да ведь он вовсе не будда, — ответила она. — Мы готовили ему еду и видели своими глазами, что он её ел. Потом мы заглянули в уборную, после того как он там побывал, и увидели, что лежит в горшке! Убедившись, что он всего лишь человек, теперь мы потеряли половину нашей веры. Было бы лучше, если бы он совсем не приезжал в наш дом.

— Да что ты говоришь?! — сказал её отец. — Что за детский разговор? Конечно же он человек! А ты что думала?

Члены его семьи ожидали увидеть перед собой бесплотное божество. Все домочадцы не называли Кармапу по имени: они называли его «наш будда» — не просто будда, а *наш* будда.

Разумеется, он был человеком. Когда Будда жил в Сарнатхе и Бодхгае, у него тоже было человеческое тело.

Сам Баньяк не был таким наивным, он был очень умудренным человеком. Кроме того, он был состоятельным и притом необычайно щедрым. Каждый год в определённый день он отправлял пятьсот носильщиков, нагруженных рисом, в Румтек — монастырь Кармапы в Сиккиме. Излишки монастырь был вправе продать.

Разве вы не назовёте такого человека настоящим благотворителем?

В имении Баньяка я удалился в трёхлетнее затворничество. Когда я находился в затворничестве, мои сыновья, Чокьи Нима и Чоклинг учились читать. Поблизости была сельская школа, и Баньяк настоял, чтобы они поступили в нее. Но всего через три дня Чокьи Нима пришёл домой очень расстроенный.

«Не нужна мне эта школа! — жаловался он. — Старшие дети учат младших ловить птиц и убивать их. Днём, собравшись позади школы, они ощипывают с этих мёртвых птиц перья, жарят на костре и едят. Как я могу оставаться в таком месте? Я никогда туда не вернусь!»

64.
Семья
в Сиккиме

«Ну и что?» — юный Чоклинг казался невозмутимым. Однако и он выдержал всего несколько дней.

Что касается Чоклинга, то он не поддавался дисциплине. Однажды он был таким невыносимым, что я спустил его в окно, держа за лодыжки, и грозился бросить его, если он не станет вести себя хорошо. Но и вися вверх ногами, он оставался непокорным.

Не прошло много времени, как он высунулся в то же самое окно, пытаясь ухватиться за ветку, и упал. Его товарищ по играм прибежал в дом, вопя, что Лунгток — так звали тогда Чоклинга — упал из окна. Чудом он отделался только вывихнутой лодыжкой. И хотя глаза у него были полны слёз, он храбро заявлял, что всё в порядке.

Два мальчика были совсем разными.

Если говорить о Чокьи Ниме, то на него угрозы и впрямь действовали: от них он всегда вёл себя хуже и вообще переставал слушаться. Так что очень скоро я догадался, что лучше увещевать его разумными доводами.

«Что толку именоваться большим ламой, — говорил я ему, — если твой монастырь остался в Тибете? Вот мы оказались здесь, на чужбине, без денег, а некоторые дети не хотят учиться. Пусть даже в прошлой жизни они были большими ламами, без должного образования им уготовано только работать носильщиками и в поте лица таскать тяжёлые грузы по горам под палящим солнцем. Как это печально!

Если бы только они учились, когда ещё считаются молодыми тулку! Кармапа так сказал: «Сегодня мясо и сливки, а завтра навоз».

У себя в Кхаме мы были сливками, а теперь мы — навоз. Если ты не научишься читать и писать сейчас, то, точно знаю, настанет день, когда тебе придётся туго. Наверное, ты видел, как носильщики обливаются потом на дорогах, — и с тобой будет то же самое, если не станешь делать уроки».

Когда это дошло до его сознания, у Чокьи Нимы уже не было трудностей с учёбой. Эти мягкие увещевания действовали лучше, чем сотня ударов розгами. Он даже начинал воспитывать младшего брата, читая ему нотации о пользе хорошего образования.

Однако на Чоклинга не действовало ничего: он просто смеялся над всеми вашими попытками урезонить его: «А что такого? Ну и стану носильщиком — мне всё равно!»

После того как я выполнил своё затворничество, сумел совершить несколько паломничеств. Сначала посетил Бодхгаю, одно из самых священных мест в нашем мире. Как говорится в сутрах, Ваджрный Трон в

65.
Ваджрный
Трон под
Деревом Бодхи

Бодхгае — это место, где пробудились к полному просветлению тысяча будд нашей калпы²⁴⁷.

Однажды Самтен Гьяццо сказал мне, что у всех, кто хотя бы раз посетил Бодхгаю, жизнь не прошла даром и они умрут без сожаления. Помня об этом и не желая умереть, не повидав Бодхгаю, я отправился туда вскоре после приезда в Сикким. Я собирался произнести в этом свящем месте молитвы и чистые пожелания, хотя и не планировал оставаться там долго в тот раз.

Мне также удалось несколько раз посетить Бутан. В первый раз один бутанский сановник по имени Пунцог Вангду, который имел ранг *дра-шо*, прислал человека, чтобы пригласить меня туда. Он был знаком с дядей Терсэем, очень почитал «Новые сокровища» и даже неоднократно наводил справки, не осталось ли в Тибете лам этой традиции. Когда мы встретились, стало ясно, что у него есть сильная связь с нашей линией передачи и чрезвычайно большая вера в Цеванга Норбу. В местности под названием Лунный луг, что в долине Бумтанг, Пунцог Вангду построил новый храм²⁴⁸. Есть бутанский способ изготовления статуй: хлопковое волокно перемешивают с глиной, бьют эту массу, а затем формуют из неё изваяния. В храмовом зале находились тонкой работы статуи в человеческий рост — изображения двенадцати проявлений Лотосорождённого Гуру в точном соответствии с традицией *Тундруб барче кунсел*.

При посещении Лунного луга Пунцог Вангду сказал мне:

— Я счастлив, что вам удалось бежать от китайцев. Почему бы вам не перебраться из Сиккима сюда? Хотя моя жизнь уже близится к концу, я о вас позабочусь — дам вам храм Падмасамбхавы и построю вам монастырь.

— Я не могу остаться прямо сейчас, — ответил я. — Кармапа послал меня в Сикким и определил к своему благодетелю Баньяку. Я не могу просто взять и изменить эту ситуацию. Вы очень добры ко мне, но в данное время я ничего не могу поделать.

Вскоре после нашей встречи Пунцог Вангду умер.

Именно во время той поездки я встретился с бутанской королевой-матерью, которая была покровительницей дяди Терсэя. Когда я посетил храм в Калимпонге, построенный в стиле Достославной Медноцветной горы Лотосорождённого Гуру, случилось, что королева-мать тоже находилась там.

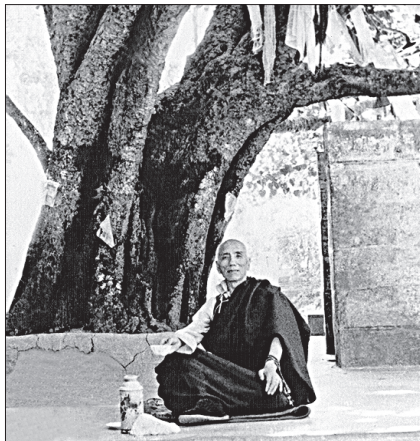
— Очень хорошо, что вы покинули Тибет, — сказала она мне. — Близ тибетской границы находится Луг Львиной Крепости, одно из пяти священных мест Падмасамбхавы, где медитировала Еще Цогьял²⁴⁹. У меня есть земля немного ниже этого места, и, если бы вы захотели там поселиться, я окажу вам поддержку. Там есть достаточно полей, чтобы прокормить десять человек.

Не имея планов остаться в Бутане, я поблагодарил её, но сказал, что в данное время мне достаточно удобно жить в Сиккиме, получая поддержку от нашей Исполняющей Желания Драгоценности и Баньяка.

Когда Дзонгсар Кхьенце находился в Гангтоке, у меня была возможность в течение двадцати пяти дней каждое утро его навещать и задать множество вопросов. Поскольку он находился не в строгом затворничестве, обычно никто его не посещал, но со мной, как с потомком Чокгьюра Лингпы, он был особенно любезен и позволил мне приходить. Часто он был совсем один, без помощников.

Баньяк Атинг питал глубокую веру в Кармапу, но не во многих других — даже не в Дзонгсара Кхьенце. Но, видя, что я каждый день хожу в Гангток, чтобы повидаться с Дзонгсаром, он как-то раз спросил, зачем я это делаю.

66.
Дзонгсар
Кхьенце под
Деревом Бодхи

Я ответил:

— Во всём Тибете и Кхаме нет равных этому учителю, которого зовут Дзонгсаром Кхьенце. Поэтому я хожу прояснять кое-какие моменты, хотя и не прошу никаких больших учений.

Дзонгсар Кхьенце был знаком с трудами всех до единого учителей, о которых я ему упоминал, а также знал все терма различных тертонов. Он считался самым образованным учителем своего времени. Учтите, это немалое достижение: в тот период было много знающих и совершенных учителей, но его называли «венцом знамени победы».

Услышав эти слова, Баньяк удивился:

— Гм... он действительно такой особенный?

— У вас не должно быть и тени сомнения, — ответил я. — Ему нет равных.

Наверное, мне удалось заставить Баньяка о чём-то задуматься, потому что вскоре он тоже стал посещать Дзонгсара Кхьенце. А поскольку он был человеком устойчивых взглядов, то уже не терял веры в него.

Однажды я спросил Дзонгсара Кхьенце, какое учение мне нужно практиковать. «В наступающую эпоху Великое совершенство будет полыхать, словно зарница», — ответил он, перефразируя известное пророчество: «Когда будет неистовствовать пламя тёмной калпы, учения Ваджраяны воссияют как зарево».

Дзонгсар Кхьенце объяснил, что в ранние времена распространения учения Будды в Тибете, когда Дхарма только начала завоёвывать эту страну, три великих учителя — Падмасамбхава, Вималамитра и Вайроцана — принесли туда много учений Тантры и дзогчен. Спустя несколько столетий, когда в Самье прибыл Атиша и просмотрел все индийские рукописные тексты-первоисточники, которые хранились в тамошних библиотеках, он увидел много тех, которые уже исчезли в Индии. В изумлении он воскликнул: «Какое изобилие учений! Наверняка те три учителя принесли тантры прямо из потаённой сокровищницы дакинь»²⁵⁰.

Через некоторое время учения трёх внутренних тантр — Маха-йоги, Ану-йоги и Ати-йоги — процветали повсюду благодаря устной линии передачи от учителя к ученику. Позднее учения дзогчен питались главным образом из источника откровений-терма.

Дзонгсар Кхьенце рассказывал так: «Учения терма были сокрыты для того, чтобы их обнаружили позднее в нужный период истории, и появляются они в таком виде, который лучше всего подходит именно для того времени, когда их обнаруживают. Каждый важнейший тертон обязательно обнаруживает не меньше трёх главных тем: гуру-садхану, практики

Великого совершенства и Авалокитешвары. В наше время Кхьенце Старший и Чоклинг были особо наделены семью передачами».

Далее Дзонгсар Кхьенце объяснял, что в течение столетий на свет появлялись и распространялись среди людей различные циклы учений дзогчен. Старая традиция всячески процветала до времён Чецуна Сенге Вангчука. Позже Лонгченпа объединил учения в «Четыре ветви сердечной сущности». Ещё позже происходило много других открытий, пока Джигме Лингпа, который был перерождением Лонгченпы, не открыл знаменитый цикл раздела Нингтиг — «Сокровенная сущность»²⁵¹.

Так что в каждом веке было своё, особое учение Великого совершенства, предназначенное специально для данного времени. Недавно Кхьенце, Конгтрул и Чокгьюр Лингпа пролили свет на несколько циклов дзогчен. И, как хорошо известно, сам Чокгьюр Лингпа обнаружил семь различных циклов наставлений Великого совершенства.

В наше время большое влияние будут оказывать два особых учения: одно (*Чецун нингтиг*) открыл великий Кхьенце, а другое («Сердечная сущность Самантабхадры») — Чокгьюр Лингпа. Эти циклы учений практиковали два царя сиддх, которые жили совсем в недавние времена, — великие учителя Шакья Шри и Адзом Друкпа, оба ученики Кхьенце Старшего.

«На какой же из практик дзогчен сосредоточиться мне?» — спросил я.

Дзонгсар Кхьенце посоветовал мне сосредоточиться на «Сердечной сущности Самантабхадры», с одобрением отметив, что это учение подходит для нашего времени. Он привёл утверждение Лотосорождённого, завершающее раздел садханы этого текста:

Эти абсолютные наставления, §

Исключительно тайные, §

В самом конце этой кальпы §

Распространят сердечные учения Самантабхадры. §

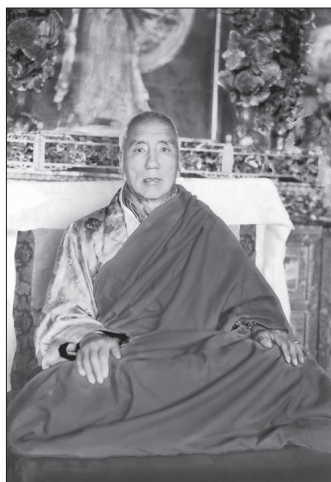

В другой раз я спросил Дзонгсара Кхьенце:

— Таким людям, как я, которые ничего толком не знают, очень трудно определить, какое среди всех откровений, содержащихся в «Сокровищнице драгоценных терма», самое важное. Мы — будто дети на огромном лугу, которые, собирая цветы, стараются найти самые красивые. Что, по вашему мнению, важнее всего?

— Что касается аспекта гуру, то нет ничего выше, чем «Практика десятого дня в восьми главах» Гуру Чованга, наивысшая из всех гуру-садхан, — ответил Дзонгсар Кхьенце.

67.
Дзонгсар
Кхьенце
Ринпоче

— Что касается аспекта йидама, — продолжал он, — то Лотосорождённый Гуру передал учение «Восемь садхан», и самый выдающийся её вариант принадлежит Ньянг-Ралу. Самая важная практика дакини — это «Чёрная Ваджра-йогини», которую также обнаружил Ньянг-Рал Нима Осер. Вот три самые важные из всех откровений-терма²⁵².

Я также спросил о «Трёх разделах Великого совершенства».

Вот что он сказал:

— Это объединённая сердечная сущность Падмасамбхавы, Вайроцаны и Вималамитры, которую они получили от своего гуру Шрисингхи — их главного учителя дзогчен²⁵³.

До сих пор в Тибете это учение не распространяли и не практиковали широко: это тайное учение, которое надлежит практиковать в укромных местах. Я думаю, что ещё настанет время, когда оно принесёт благо великому множеству живых существ. Вряд ли эти три учителя стали бы объединять свои усилия без веской на то причины — просветлённые, которые могут предвидеть будущее, не делают ничего бесцельного, не так ли?

— В «Трёх разделах» есть некоторые драгоценные руководства, но они кажутся мне слишком краткими, — сказал я.

— Только Лотосорождённый Гуру мог собрать так много учений в единственном томе, и никто другой. И, между прочим, разве руководства должны быть длинными? Скажи мне, чего именно, по твоему мнению, не хватает в тех учениях?

Конечно же, он не ждал ответа: совершенно ясно, что в «Трёх разделах» не может чего-то недоставать.

— Когда я смотрю на «Три раздела», — продолжал он, — я вижу нечто совершенное, где ничего не упущено. Я слышал от некоторых мнение, что эти учения не записаны полностью, но я его не разделяю.

Тогда я попросил:

— Расскажите об учениях дзогчен.

— Они невероятно драгоценны. Наставления по дзогчен содержатся как в устной линии передачи школы нингма, которая передавалась от учителя к ученику, так и в терма. Самое выдающееся из собраний терма — это Четыре ветви сердечной сущности, в котором содержатся учения Падмасамбхавы и Вималамитры. В своё время применение этих наставлений помогло множеству практиков подняться до уровня видьядхары²⁵⁴.

Лотосорождённый Гуру с великим состраданием и мудростью заверил, что для каждого поколения будет своё учение, предназначенное именно для их времени. Кроме того, им будет обеспечена короткая линия, не загрязнённая нарушениями самайи и сохранившая благословенное дыхание дакини. Вот почему теперь у нас есть так много садхан Трёх корней, дошедших из разных столетий. Он продолжал:

— Некоторые не понимают, зачем нужно такое разнообразие, — но тому есть много основательных причин. Одна — это высокая действенность учения во время его открытия. Это всё равно что свежий урожай по сравнению с собранным в прошлом году. В каждом столетии есть достойные ученики, готовые к тому, чтобы их привели к созреванию. И — то и нужно давать должные посвящения. Другие существа получают от этого пользу косвенно, поскольку в них будут заронены семена их будущего освобождения. Необходимо поддерживать учения Будды, дабы обеспечить счастье существ. Эту задачу взял на себя Падмасамбхава и с уверенностью выполнил её для многих будущих поколений. Его доброта по истине безгранична.

— Что бы вы посоветовали практиковать лично мне? — спросил я.

— Сделай своим главным учением *Тугдруб барче кунсел*, — ответил он. — Поскольку ты потомок его открывателя, Чокгьюра Лингпы, считай его своим главным гуру и обращайся прямо к нему. Тем самым у тебя будет полная практика, в которой есть гуру, йидам и дакини. Не забывай этого! Среди всех терма Чокгьюра Лингпы только Тугдруб было открыто безо всяких препятствий, и это чрезвычайно глубокое учение. Практикуй его, и ты обнаружишь, что в нём есть всё. Когда устранены препятствия, реализация наступает сама собой, так что сосредоточься на этой практике! Поскольку ты потомок Чокгьюра Лингпы, высшее божество твоей практики должно быть связано с твоей семейной линией. Цикл Тугдруб непревзойдён в том, что Лотосорождённый Гуру окружён двенадцатью разными божествами, и каждое из них нераздельно с ним самим. Тугдруб — это единственная в своём роде садхана, в которой практика гуру и йидамов нераздельна.

— Кого мне считать своим гуру? — спросил я.

— Молись Чокгьюру Лингпе! — ответил Дзонгсар Кхьенце. — Этого будет достаточно!

Так я получил от него ответы на очень большой круг вопросов.

В то время в Гангтоке был Трулшиг Ринпоче, и он тоже получил учения от Дзонгсара Кхьенце, который был одним из его главных коренных гуру. Позднее Трулшиг сказал мне, что, кроме того, он спросил, кому он должен следовать в будущем. Дзонгсар Кхьенце сказал ему, что никто не подойдёт для него лучше, чем Дилго Кхьенце.

Позже Дзонгсар Кхьенце скончался в Гангтоке.

68.
Тринлэ Норбу
Ринпоче с
женой и тулку
Дзонгсара
Кхьенце

Однажды в Сиккиме появились три человека из Нубри, с которыми я встретился в Цурпу, и стали настаивать на моём возвращении в Нубри, чтобы дать передачу «Новых сокровищ». Они сказали, что без меня не уйдут.

В то время Кармапа давал некоторые очень важные учения по двум из пяти знаменитых сокровищниц Конгтрула: «Сокровищнице тантрийских учений школы кагью» и «Сокровищнице устных наставлений». Это событие происходило в Румтеке, и я настоятельно посоветовал тем людям остаться, чтобы получить эти учения. Но, когда учение закончилось, они опять отказались возвращаться без меня.

Хотя Баньяк с готовностью обеспечивал мою семью рисом, мне казалось, что мы не должны оставаться для него финансовым бременем. Я беспокоился, что, вместо того чтобы помогать Кармапе, отбираю у него средства, поскольку Баньяк Атинг был главным спонсором Кармапы. Так что я стал подумывать о переезде.

Поскольку я всё ещё был обязан время от времени исполнять должность помощника Кармапы, мне нужно было просить у него разрешения уехать.

Однажды я пошёл засвидетельствовать своё почтение нашей Исполняющей Желания Драгоценности, уже имея в уме некий план.

— Я хотел бы попросить у вас разрешения покинуть Сикким, — сказал я ему.

— Куда вы собираетесь отправиться? — спросил Кармапа.

— Я направляюсь в Нубри, что в горах Непала, — ответил я. — Я знаком с несколькими людьми оттуда, с которыми встречался в Тибете. Те, кто просит меня приехать, — потомки царя Трисонга Дзэцэна, о которых я вам уже говорил. Это люди благородные и с твёрдой верой. Я знаю, что жители Нубри располагают скромными средствами, но они постоянно просят меня приехать.

На самом деле трое из них в это самое время ждали снаружи.

— Я только боюсь оскорбить чувства Баньяка Атинга своим внезапным отъездом, — добавил я.

— Нет нужды беспокоиться. Баньяк хороший человек, единственное, чего он хочет, — это блага для Дхармы. Я уверен, что он будет возражать против твоего отъезда.

— Если так, то я буду как можно быстрее собираться в дорогу, — сказал я.

Но Кармапа попросил меня остаться ещё на несколько дней. Однако у Бангьяка Атинга были для меня другие новости.

Приблизительно в то же время Баньяк подробнее узнал о моём происхождении.

— Я знаю, что вы потомок Чокгью-ра Лингпы, — объявил он. — Дзонгсар Кхьенце спросил меня, какие ламы живут у меня в поместье, и я рассказал, что Кармапа прислал ко мне одного ламу из семьи Чокгьюра Лингпы. На это Дзонгсар Кхьенце ответил: «Прекрасно! Он замечательный лама! Глубокие учения-терма, которыми он владеет, чрезвычайно драгоценны, поверьте мне. Вы должны помочь ему построить небольшой монастырь на горном склоне, сделать его своим ламой и принять его линию передачи Дхармы». Он продолжал превозносить Чокгьюра Лингпу, пока я не согласился с его предложением.

— Нам не нужно строить новый монастырь, — продолжал Баньяк, — поскольку у меня уже есть небольшая гомпа. Я бы хотел передать её вам, чтобы вы занимались там упрочением «Новых сокровищ», и я с радостью помогу её обновить.

Я ответил:

— У меня нет таких планов, поэтому нет нужды пользоваться вашей любезностью.

Короче говоря, несмотря на добрые намерения Баньяка, его предложение оказалось несколько запоздалым. Поскольку люди из Нубри не собирались уходить без меня, я уже принял своё решение.

— Станный вы человек, — сказал Баньяк. — Мы только что получили известие, что между китайской и непальской армиями произошла пограничная стычка. Разве вы не знаете, что, стоит Китаю захотеть, он захватит Непал меньше чем за один час? У Непала нет никакой возможности противостоять вторжению. И вы думаете, что сумеете найти убежище в такой маленькой и беспомощной стране? Сикким же находится под защитой Индии, и, если Китай решится бросить вызов Индии, это займёт не меньше десяти дней.

Он ещё раз назвал мой план безрассудным и посмеялся над ним.

— Я уверен, что со мной ничего плохого не произойдёт, потому что Кармапа заверил меня в этом, — ответил я. — Но я был бы очень благодарен, если бы вы дали мне письменное ходатайство о выезде.

69.
Шестнадцатый
Кармапа

— Я понял, почему вы хотите ехать, — ответил Баньяг. — Похоже, эти люди из Нубри не уйдут, если вы не отправитесь с ними. Хотя я надеялся сделать для вас нечто большее, о чём недавно говорил нашей Исполняющей Желания Драгоценности. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы вам помочь.

Перед отъездом я ещё раз навестил Дуджом Ринпоче, чтобы попросить у него посвящение Килаи из его собственного терма ума. Находясь у него, я слышал, как он говорил нескольким ламам из Ладакха и Куну, которые были при нём: «Не тратьте здесь у меня своё время. Отправляйтесь в Гангток, ведь там живёт истинный Джамьянг Кхьенце! Разве вы не знаете, что он воплощение Вималамитры? Дело в том, что вы не только ошиблись, придя вместо этого ко мне, но и ставите меня в неловкое положение, пренебрегая таким великим учителем!»

После того как все остальные ушли, он обратился ко мне: «В эти дни я многих посылаю в Гангток к Дзонгсару Кхьенце».

Когда я сказал ему, что собираюсь в Непал, он спросил: «А что говорит Кармапа?» Кармапа и Дуджом Ринпоче питали большое уважение друг к другу.

70.
Трулшиг
Ринпоче,
Дуджом
Ринпоче и
Тулку Ургьен
Ринпоче

Я заверил Дуджом Ринпоче, что получил благословение от Кармапы, и тогда Дуджом Ринпоче тоже дал своё благословение. Он заметил, что в своём чистом видении воспринимает моих детей как членов рода видьядхар Чокгьюра Лингпы и очень рад, что они едут со мной. «С ними не случится ничего плохого», — с убеждением сказал он.

При расставании Баньяк пожелал мне удачи и сказал, что, если обстоятельства там будут складываться неблагоприятно, он всегда готов принять меня и быть полезным. Он также снабдил меня письмом-пропуском для местных властей, и это было очень любезно с его стороны, хотя оно дошло до меня только на непальской границе. У Баньяка я замечательно провёл три года — это было прекрасно.

Некоторые из домочадцев хозяина при расставании плакали, думая, что мы больше не встретимся. Пока мы не скрылись из виду, они продолжали махать белыми шарфами.

Вскоре мы прибыли в Непал, и мне действительно так и не представилось случая навестить своих друзей в Сиккиме.

71.
Дуджом
Ринпоче
и нингмапин-
ские ламы
в изгнании

Непал

Когда я прибыл в Непал в 1961 году, некоторые из учеников Кармапы сопровождали меня к Великой Ступе Боудха, и там меня принял Чини Лама. Кармапа послал Чини Ламе деньги на строительство монастыря в Будхе.

Время для прибытия в Непал было неблагоприятное: хотя страной правил король, партия Конгресса впервые проявила активность, и возбуждённые мечтами о демократии деревенские жители наводнили улицы столицы. Окружив королевский дворец, они размахивали палками, влезали на ограду и кричали, чтобы король вышел к ним. В такой суматохе было трудно добиться внимания какого-нибудь правительственного чиновника, не говоря уже о том, чтобы передать письма, которые дал мне Кармапа.

Тем не менее вместе с несколькими покровителями Кармапы я отправился искать землю неподалёку от горы Сваямбху. Я сказал Чини Ламе:

— Кармапа оплатит эту покупку, но там должно быть место для пятисот монахов.

— Хорошо-хорошо! — ответил Чини Лама. — А как вы предполагаете, кто будет кормить пять сотен монахов? Сейчас такое время, что люди дважды подумают, прежде чем дадут еду даже двум монахам. Мы пытались содержать храм только с четырьмя монахами, и было трудно обеспечить едой даже их.

Он продолжал:

— Сейчас не лучшие времена: партия Конгресса восстаёт против монархии. Надо было вам приехать раньше. Чиновник, который обещал Кармапе предоставить цемент и арматуру за счёт правительства, возможно, и подтвердил это письменно, но что толку от этого теперь? Он уже не при должности; его письменное обещание не стоит и стакана воды! И, между прочим, лама, с которым Кармапа послал деньги на этот про-

ект, привёз только две тысячи рупий вместо двадцати. Я понял так, что это деньги на поддержание ступы, поэтому все они потрачены — не осталось ни монеты.

Во многом он был прав, и, в частности, я не получил от него ни рупии.

В тот же вечер я сел и написал Кармапе доклад обо всех этих новостях и отправил его нашей Исполняющей Желания Драгоценности. Я понял, как был глуп, что не послушался Кармапу и не поехал в нужное время: когда три года назад он сказал, чтобы я ехал в Катманду, обстоятельства были совсем иными. Ясно, что именно тогда, когда он меня посылал, и нужно было ехать.

Теперь один покровитель уже умер, другой ухаживал за своим умирающим сыном, секретарь короля сидел в тюрьме, и мне некому было передать остальные письма.

После краткого пребывания в долине Катманду я направился в Нубри вместе с семьёй, группой встречающих и несколькими носильщиками. В ту первую поездку я долго там не задержался: прибыв туда в первый месяц года по лунному календарю, я вернулся в Катманду через пять месяцев.

Два моих малолетних сына были в таком неуправляемом возрасте, что я обвязывал их вокруг пояса верёвками и держал, как собак на поводке. Люди смеялись, но другого выхода не было. Некоторые ворчали: «Какой злой человек: обращается с бедными детьми как с животными!»

Чоклинг был особенно дерзким и всё время нарывался на неприятности. Без сомнения, если бы не та верёвка, мы потянули бы его в пропасти на одной из крутых дорог. Нам несколько раз приходилось вытаскивать его за эту верёвку.

Один раз, чтобы освятить большое молитвенное колесо,

72.
Великая Ступа
в Будханатхе,
1956

73.
Ступа
Сваямбху,
1956

мы шли по дороге на расстоянии всего одного дня пути пешком до тибетской границы, которую теперь патрулировали китайские солдаты. Тибетцы, которые попались нам на пути, сказали, чтобы мы туда не ходили, потому что граница слишком близко. Они спрашивали, зачем нам попадать обратно, после того как совсем недавно удалось бежать. Но мы всё равно двинулись дальше. Глядя на другую сторону долины, мы могли видеть свою утраченную родину.

Поскольку у нас и так было довольно поклажи, а рис, как нам сказали, можно было купить по дороге, мы совсем не взяли с собой риса. Однако, к несчастью, оказалось, что в местности между Непалом и Нубри пищи почти не было.

Когда Чокьи Нима был ещё мал, он ел только хорошо приготовленную, вкусную еду, а Чоклинг был не такой привередливый — он ел всё, что оказывалось на тарелке. Однажды мы прибыли в одну деревню поздно вечером, когда лавки были уже закрыты. Кто-то приготовил на ужин большие куски массы из поджаренной просяной муки, которые были характерного коричневого цвета. Чокьи Нима взглянул на это и воскликнул: «Какашка! Я не буду есть какашку! Ни за что! Они что тут каждый день едят какашки? Никогда больше не давайте мне какашек!»

Он поел только сушёного мяса. Я должен признать, что не нужно было большого воображения, чтобы принять ту еду за фекалии, и кто бы стал ругать ребёнка за то, что он отказался её есть?

А Чоклинг сказал: «Ну и пусть это похоже на какашки, все равно вкусно!» — и умял обе порции.

Перед тем как я покинул Румтек, Кармапа сказал мне: «В своём письме ко мне Далай-лама говорит, что мы должны повторять мантру ВАДЖРА ГУРУ, чтобы накопить очень большое её количество для поддержания учений Будды. Поэтому организуй накопление этой мантры в Нубри».

Я помнил об этом приказе, и первым делом именно этим мы занялись в гомпе ламы Таши Дордже в Нубри. Этот лама был очень верным, надёжным человеком, неспособным на малейший обман. Его отец был учеником и Самтена Гьяцо, и Кармей Кхенпо. Впервые мы встретились в Цурпу, так как семья Таши Дордже была связана с Кармей Кхенпо. Они приехали в Центральный Тибет, чтобы отыскать его перерождение, которым оказался мой двоюродный брат.

В Нубри вся деревня с утра до ночи принимала участие в этом накоплении ВАДЖРА ГУРУ, и все

74.
Лама Таши
Дордже
из Нубри

вместе обедали. Тамошние жители были тантристами-мирянами, и все они участвовали в этой практике — и мужья, и жёны. Их было человек триста, и каждый сообщал вечером, какое количество повторений мантры он сделал за этот день.

Я продолжил ту же практику в других деревнях Нубри, а также в районе Мананг. К концу этой поездки мы общими усилиями прочитали мантру Лотосорождённого Гуру девятьсот миллионов раз. Кроме того, местные жители дали мне подношения, так что в Катманду я вернулся с приличной суммой.

Чоклинги из Нэтэна

Одним из самых воодушевляющих впечатлений этой поездки была встреча с третьим перерождением Нэтэна Чоклинга — он вместе со своей семьёй сопровождал меня в Нубри²⁵⁵. Как и все перерождения Чоклинга, он был человеком необыкновенным.

Его предыдущее перерождение был сиддхой и отличался тем, что, начав давать указующее наставление, не отпускал ученика из комнаты до тех пор, пока тот не узнавал природу ума. Рождение второго воплощения Нэтэна Чоклинга предсказал сам Чокгьюр Лингпа в письме, которое вручил Кармею Кхенпо, а предсказание о Цикее Тулку сделал великий Кхьенце²⁵⁶.

Именно третьему Нэтэну Чоклингу мы обязаны тем, что у нас вообще есть какие-то книги «Новых сокровищ». Цикей Чоклинг был исключительно богат знаниями и щедро делился ими. Ему удалось добиться, чтобы почти для всех терма были изготовлены резные печатные доски. Гомпа Цикей славилась первоклассным печатным оборудованием. Книги, напечатанные с тех досок, расходились повсюду, однако во

время культурной революции все эти доски были уничтожены — их сожгли.

К счастью, Нэтэн Чоклинг сумел вынести двадцатичетырёхтомное собрание, напечатанное с досок Цикей, и подарил его Дзонгсару Кхьенце в Гангтоке, столице Сиккима. Это собрание составляет основу нашего нынешнего издания «Новых сокровищ» Чокгьюра Лингпы. После кончины Дзонгсара Кхьенце Нэтэн Чоклинг попросил взять в пользование принадле-

75.
Третий Чоклинг
из Нэтэна —
Пема Гьюрме

жавшие ему книги и с их помощью дал полную передачу в гомпе Таши Дордже, что в Нубри.

Третий Нэтэн Чоклинг был выдающимся во многих отношениях. Его благотворитель рассказал мне, что однажды, остановившись в его доме, Нэтэн Чоклинг повторил ему всё, что тот думал и видел во сне той ночью — он просто очень четко всё это видел²⁵⁷.

После нашей поездки в Нубри я видел Нэтэна Чоклинга ещё раз в Катманду. Он уговаривал меня поехать вместе с ним в Индию, куда он направлялся. Поскольку у меня не было такой возможности, он дал мне свои часы в качестве прощального подарка, выразив желание, чтобы они оставались у меня, пока мы снова не встретимся. Наверное, он уже знал, что долго не проживёт. Он сослужил огромную службу для учений Чоклинг. Очень досадно, что он умер так рано — ему было всего сорок семь лет.

Позднее, когда Нэтэн Чоклинг скончался, «Новые сокровища» напечатали ещё раз, и я стал обладателем собрания этих книг, изданных большим форматом. Как это ни странно, за пределами Тибета наши «Новые сокровища» были напечатаны последователями школы бон. Позже благодаря Дилго Кхьенце и Ламе Пуце, а также при сотрудничестве с американскими библиотеками в Нью-Дели, которые предоставили средства, было опубликовано новое издание²⁵⁸.

Разумеется, Лама Пуце занимает самое важное место среди всех, кто поддерживал эти учения. Прежде всего, за пределами Тибета он собрал все до единого тексты, которые были напечатаны. Затем он добавил к ним все остальные тексты, которые ему удалось отыскать. Многие из них были из числа текстов, любезно предоставленных Оргьеном Тобгьялом, который привёз их из своей первой поездки в Кхам.

Лама Пуце был человеком, который по настоящему знал все тексты традиции «Новых сокровищ» и снова собрал их вместе. И мы можем сказать, что в большой степени

76.
Чоклинг
из Нэтэна
со своим
старшим
сыном
Оргьеном
Тобгьялом
Ринпоче

77.
Четвёртый
Чоклинг
из Нэтэна

именно благодаря ему сейчас у нас есть письменные учения Чокгьюра Лингпы в их современном виде.²⁵⁹

Хотя у Цикей Чоклинга были деревянные формы для печати всего собрания, в наше время вы вряд ли найдёте во всём Восточном Тибете хоть один полный комплект — и всё благодаря китайским коммунистам, которые так добросовестно выполнили свою разрушительную работу.

Одержимость пещерами не покинула меня после того, как я покинул Тибет. Я знал о пещере в Йолмо, одном из укромных мест в Непале, которая называется пещерой Солнца и Луны, — некогда в ней жил Лотосорождённый Гуру²⁶⁰. Эта пещера была на попечении Чини Ламы, и он великодушно разрешил мне жить в ней до самой моей смерти, что было чрезвычайно любезно с его стороны. Так что в один прекрасный день я уложил свою поклажу и собрал необходимую для долгого затворничества провизию. У меня было пять тюков с такими вещами, как сушёное мясо, сливочное масло и даже плитки соли, которые были привезены из Нубри. Я выслал вперёд нескольких верных слуг, чтобы те приготовили пещеру.

Главный результат пребывания в уединении заключается в том, что естественным образом уменьшается бессмысленная деятельность. Есть известное изречение: «Отказавшись от действий, приближаешься к природе недеяния». Вот в чём весь смысл пребывания в горных затворничествах. В противном случае, если нет практики медитации, какой смысл жить в пещере? Хотя красота пещеры есть вещь нерукотворная, некоторые упускают главное и тратят время на то, чтобы украшать и улучшать помещение. Забыв о настоящей цели, они тешатся мыслями о том, какой замечательной пещерой «владеют», и живут обычной жизнью.

Так или иначе, Кармапа должен был прибыть в Непал с визитом. К тому времени, когда он приехал, я твёрдо решил до конца своих дней оставаться в затворничестве в пещере Солнца и Луны. Все приготовления к отъезду были закончены; четыре тюка с провизией уже упакованы и отправлены вперёд. Своих сыновей я отослал учиться в монастырь нашей Исполняющей Желания Драгоценности в Румтеке, поскольку собирался доверить их образование именно ему.

Так что, когда мы встретились у ступы Боудха, я спросил у Кармапы его мнение о моём уходе в пещеру в Йолмо. Однако, к несчастью, тогда велись споры относительно права собственности на храм Сваямбху, и Кармапа отказался меня отпустить, сказав: «Ты должен остаться в Катманду, пока этот вопрос не будет решён». Мой план отправиться в пещеру рухнул — судебное разбирательство длилось девять лет²⁶¹.

Но это была не последняя моя попытка поселиться в пещере.

Как и в Индии, общество в Непале было разделено на множество разных каст и родовых общин. Согласно строгой иерархии каждая каста занимала своё положение по отношению к другим.

Жители Непала показались мне людьми очень душевными и щедрыми. Семья, в которой я жил, принадлежала к самой низшей касте. Главой семьи был очень надёжный и щедрый человек, которого звали Рам Лал. Он был благотворителем Карши Ринпоче, ламы, который основал Наги-гомпу.

У Рам Лала был скромный домик в центре Катманду, и важные персоны никогда не переступали его порога. Пока прежний король не отменил некоторые статьи кастовой системы, не разрешалось даже выпить воды, налитой рукой человека, принадлежавшего к более низкой касте, чем твоя собственная, — так что никто не стал бы пить воду из дома Рам Лала. Тем не менее именно там я жил, когда приехал в первый раз.

Члены некоторых каст считали себя важными особами. Один из сановников, для которого у меня было письмо, спросил нашу Исполняющую Желания Драгоценность: «А что с этим Тулку Ургьеном? Не знаю почему, но в Катманду он живёт в семье самой низкой касты. Он мог бы найти жилье получше. Нам довольно трудно встречаться с ним, и, если жить по старым правилам, то я не мог бы взять и чашку воды».

Позднее наша Исполняющая Желания Драгоценность приехал в Катманду и спросил меня насчёт жалобы того сановника.

«Высшей касты эти неварцы или низшей, — объяснил я, — а Рам Лал благородный человек и жертвует на Дхарму. Стоит мне лишь мимоходом упомянуть какое-то пожелание, и он не успокоится, пока его не удовлетворит. Такую бескорыстную преданность нечасто встретишь».

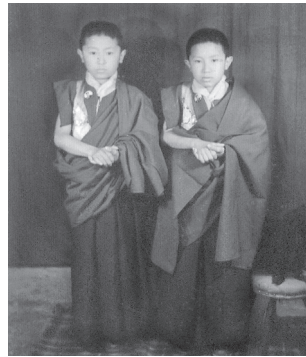
Получилось так, что дом Рам Лала стал для меня моей «пещерой». И во время многолетней тяжбы по поводу храма в Сваямбху Рам Лал помогал больше всех остальных.

Благодаря Карше Ринпоче у меня сразу же появилась группа покровителей-спонсоров.

Когда Карша Ринпоче скончался, его семья, ученики и благотворители подарили Кармапе его небольшой монастырь Наги-гомпа.

Однажды Кармапа сказал мне: «Тебе нужно жить в Наги. Это будет правильный выбор, потому что ты, как и Карша Ринпоче, принадлежишь и к кагью, и к нингма».

78.
Чокьи Нима
Ринпоче
и Чоклинг
Ринпоче

Как только Кармапа объявил меня наследником Карши Ринпоче, все благотворители Ринпоче стали моими покровителями и выполняли все мои желания.

Тогда Наги-гомпа была очень бедна, как и вся окружающая местность. Местные жители даже не обжигали кирпичи, из которых строили свои дома. Во время дождя крыша над моей комнатой протекала, и в стенах были большие трещины. В таких условиях я жил в Наги первые несколько месяцев.

Мне пришла мысль, вовсе не основанная на каком-либо проявлении ясновидения, что это не будет моим постоянным жилищем в будущем. «Зачем, — думал я, — ремонтировать этот дом?» Вместо этого я предложил нескольким благотворителям Карши Ринпоче нанять рабочих, чтобы скрыть склон горы наверху и устроить ровную площадку.

Потом я решил прекратить возделывание земли вокруг Наги, считая, что неразумно убивать насекомых ради горстки еды. Однако я не возражал, чтобы дочери Карши Ринпоче и его чрезвычайно заносчивый управляющий сохранили некоторые поля, чтобы выращивать урожай.

Итак, теперь у меня были две задачи: я должен был посвящать время развитию Наги-гомпы и наблюдению за судебным разбирательством. Через два года я смог начать строительство нового храма в Наги. В то время дороги туда не было, и все грузы приходилось доставлять носиль-

79.
Вид на
Наги-гомпу

щиками. Все мы были вынуждены пешком подниматься и спускаться с горы бессчётное количество раз.

Ради будущего расцвета буддизма в этой долине мы начали строительство. Сам я считал, что создание большой статуи Будды будет не только противостоять вреду, причиняемому судебными спорами, но и принесёт благо живым существам. В те времена такую большую статую Будды, какую мне бы хотелось, можно было изготовить только из глины; если не построить какое-либо укрытие, она, конечно же, пострадала бы в том климате.

Так что с помощью наших местных благотворителей мне удалось купить ещё немного земли, чтобы расширить территорию монастыря. Тогда никто ещё и не думал тратить значительные суммы на приобретение земли. При оценке земли было принято измерять её в квадратных футах. Я скупил всю прилегающую землю, какую только смог, тогда как участок, которым владел Карша Ринпоче, лишь окружал старый храм внизу.

Объединив много приобретённых маленьких участков, мы сумели стать владельцами приличных владений, на которых теперь стоит Наги-гомпа.

Во время строительства меня, по крайней мере раз в месяц, вызывали в расположенный внизу город для участия в бесконечном судебном процессе. Затем я в очередной раз поднимался пешком в Наги и продолжал свою работу. Я сам принимал участие в создании трёх главных статуй в храмовом зале. Время от времени статуи нужно было ненадолго оставлять на просушку, и тогда я снова отправлялся вниз в долину.

Пока шёл судебный процесс в Катманду, я нанёс краткий визит в Румтек. Между Индией и Китаем снова разразились пограничные стычки, и я спросил нашу Исполняющую Желания Драгоценность, не лучше ли мне поселиться в Паро, что в Бутане.

«Нет, — отрезал он, — ты никак не получишь разрешения отправиться в Бутан. Оставайся в Непале. Сюда не доберутся китайские коммунисты, я лично ручаюсь за это».

Вскоре после моего отъезда поведение Красной армии на границах стало ещё более агрессивным, и люди начали покидать Калимпонг и уходить в другие места в Индии. Однако Кармапа отказался покидать Румтек.

Король Сиккима нанёс ему визит и сказал:

— Исполняющая Желания Драгоценность, я хотел бы предложить вам приехать и провести немного времени по ту сторону долины в Гангтоке. Если китайская армия совершит вторжение, я не уверен, что мы сможем защитить вас в Румтеке. При необходимости оттуда будет намного удоб-

нее отправиться в Индию. Пожалуйста, подумайте о перемещении вашей резиденции, хотя бы временном.

— С Сиккимом ничего не случится, и я ни в коем случае никуда не поеду, — ответил Кармапа. — Если вы верите в меня, оставьте все тревоги. Не уезжайте в Индию. Здесь ничего не произойдёт.

Затем все официальные лица в Румтеке провели собрание и пришли к нашей Исполняющей Желания Драгоценности. Генеральный секретарь со слезами на глазах поднёс ему белый шарф, умоляя:

— Мы только что бежали с нашей родины, едва спасшись от китайских захватчиков. Теперь снова эта ужасная сила подошла к нам так близко; им потребуется не больше нескольких минут, чтобы долететь сюда от границы и бомбить нас. Мы знаем, что Китай и Индия ведут в Ассаме боевые действия, и это не просто мелкая стычка. Пожалуйста, подумайте о том, чтобы покинуть Румтек.

— Можете уезжать, если хотите, я же не собираюсь этого делать, — был ответ.

Кармапа никуда не уехал, и ничего плохого не случилось.

Что до меня, то каждый раз, когда я заикался о своём переезде в Бутан, Кармапа отказывался даже говорить об этом. Он просто сказал: «Отныне и впредь сиди в Катманду и прекрати скитаться!»

С тех пор я жил в Непале, где ничто не угрожало ни моей жизни, ни здоровью.

Однако должен признаться, что я всё-таки совершил последнюю попытку попасть в пещеру.

Однажды во время поездки в Бутан я остановился в Паро и, глядя наверх, увидел, что ниже знаменитой пещеры Такцанг находится заманчивый маленький домик. Это место трудно было назвать пещерой, но оно хорошо освещалось солнцем и казалось замечательным местом для затворничества.

В то время Кармапа тоже находился в Бутане, и я показал ему это уединённое место, сказав:

— Я хотел бы остаться там.

Чтобы подкрепить свою просьбу, я напомнил:

— Судебное дело в Непале уже улажено.

— Ни в коем случае, — ответил он. — Нет и нет! Ты нужен мне в Непале!

Так что мои планы снова рухнули.

Кармапа — моё прибежище и защита в этой жизни и в жизни грядущей. Так мог ли я пойти наперекор его слову?

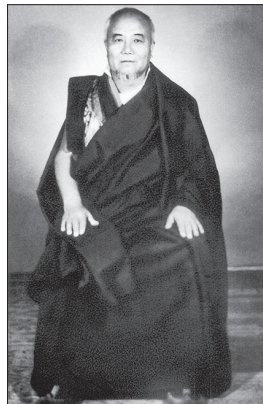
Устная линия передачи от Бомты Кхенпо

Моя следующая поездка в Бутан была связана в первую очередь с тем, чтобы встретиться с невероятным учителем по имени Бомта Кхенпо и получить от него учения. Я уже давно жаждал встретиться с ним и беспокоился, что этого никогда не произойдёт. Я видел его один раз в монастыре Таши Ганг в двух днях пути от столицы, и, хотя провёл с ним всего один час, его слова пробрали меня до мозга костей. У меня было сильное чувство, что если бы мне удалось провести с ним хоть немного больше времени, то я получил бы хоть крошечное понимание. Именно из-за того проведённого вместе часа я упорно стремился встретиться с ним и наконец приехал к нему в Бутан.

Бомта Кхенпо жил в уединённом месте в горах над столицей. Это был деревянный домик, предоставленный ему королём, его покровителем. Королева-мать любезно обеспечила жильём и меня, и я поселился в удобной маленькой хижине рядом с домом Бомты Кхенпо. Она пустовала, потому что живший в ней его казначей отправился в паломничество в Индию. Как я наслаждался теми тремя месяцами, которые мне удалось провести вместе с этим учителем!

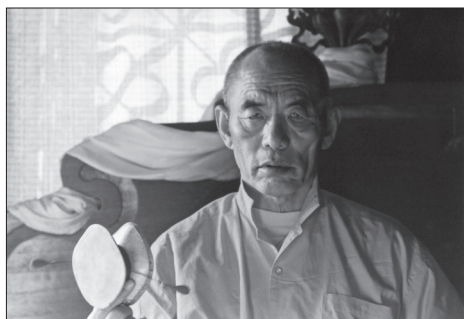
Если Бомта Кхенпо питал к тебе чувство близости, было очень легко получить учения. «Приходи каждое утро пораньше», — только и сказал он, а потому я каждое утро приходил с рассветом. Он имел большие возможности прояснить каждый вопрос по дзогчен, который был мне неясен.

В течение этого драгоценного времени я получил от Бомты Кхенпо глубокую «Устную линию передачи» Кхенпо Нгакчунга. Устная линия передачи — та, которую учитель передаёт из своих уст в ухо ученику, и только одному человеку за один

80.
Бомта Кхенпо

81.
Ньошул Кхен
Ринпоче

раз, не пользуясь печатным текстом. Я получил от Бомты Кхенпо основную часть этих учений.²⁶²

Спустя много лет я также получил части той же устной линии передачи от Ньошул Кхена. Однако к тому времени его голос был так тих, а мой слух так слаб, что мы не могли общаться без усилителя звука и микрофона! Кроме

того, я боялся повредить его хрупкому здоровью и не собирался слишком глубоко вдаваться в какие-то вопросы. Это не значит, что Ньошул Кхен не мог передавать эту линию, — вовсе нет. Но он давал её как передачу тет-а-тет, и, кроме него и меня, в комнате никого не было²⁶³.

В те же месяцы, которые я провёл с Бомтой Кхенпо, мой слух ещё не ухудшился и наполовину, а его голос был силен и громок. Хотя мы провели вместе не так уж много времени, я смог получить некоторые очень основательные учения и задать ключевые вопросы, касающиеся и личного руководства, и традиционных наставлений по Великому совершенству, от начала и до конца.

Бомта Кхенпо был не только замечательным учителем, но и большим оригиналом. «Ты и я стали очень близкими, — сказал он однажды, — и, похоже, ты способен понять, что я говорю. Теперь мы связаны как учитель и ученик».

Помолчав, он продолжал: «Я уже немолод и говорю тебе без хвастовства: этот старик — носитель подлинных учений дзогчен. Однако что толку от этого? Никто не приходит сюда просить этих учений, а если и приходят, то редко понимают. Оратор без слушателей — всё равно что собака, которая лает. Какой мне смысл сотрясать воздух учениями.

Ни из Кхама, ни из Центрального Тибета, ни с этих южных гор — никто не приходит, чтобы попросить учения со всей искренностью, идущей из глубины сердца. Здоровье моё теперь слабеет, но я всё ещё остаюсь старым носителем истинных учений дзогчен, и кажется, что я унесу их с собой, когда умру».

Мне было больно слышать эти грустные слова, и я попросил столько учений, сколько смог.

Однажды Бомта Кхенпо сказал мне: «За свою жизнь я получил множество учений по воззрению и текстам Великого совершенства, а также

и много других. Но я ещё и один из очень немногих людей, которые встречались и с эманацией Вималамитры и с самим Вималамитрой».

«Прошу вас, Ринпоче, — попросил я, — расскажите мне эту историю».

«Эманация Вималамитры — это мой учитель Кхенпо Нгакчунг. Один раз в сто лет Вималамитра посылает свою эманацию в Тибет, чтобы прояснить сокровенную сущность учений дзогчен. Однажды Патрул сказал своему ученику Лунгтоку из Ньюшула: “Мне не довелось встретиться с эманацией Вималамитры, но ты, вероятно, встретишься с ним в своё время”. Лунгток узнал в своём собственном ученике Кхенпо Нгакчунге несомненную эманацию Вималамитры, и Кхенпо Нгакчунг стал моим коренным гуру.

82.
Кхенпо
Нгакчунг

Когда я встретил Кхенпо Нгакчунга, я уже довольно неплохо понимал пустоту, но мой уровень теоретической подготовки меня не удовлетворял. Я продолжал ощущать острую потребность прояснить каждый вопрос и обрести совершенное понимание.

Поэтому я попросился служить Кхенпо, подавая ему чай. Не то чтобы в то время я был так уж молод, но я решил, что это хороший способ стать ближе к учителю. Каждый раз, когда я наливал ему чай, я шёпотом задавал ему краткий вопрос и всегда получал ответ. Это был единственный практический способ приблизиться к нему; в противном случае, чтобы иметь возможность задавать вопросы, нужно было бы занять должность учителя-помощника. В течение восьми лет я продолжал прислуживать, подавая чай, и в конце этого срока у меня уже не осталось ни одного невыясненного вопроса».

Позже мне представился случай спросить Кармапу об учителе Бомты Кхенпо: «Что вы думаете о Кхенпо Нгакчунге?»

«О, он, конечно же, эманация Вималамитры», — ответил Кармапа своим низким голосом.

На этом вопрос был исчерпан.

«Когда я встретился с самим Вималамитрой во плоти, — продолжал Бомта Кхенпо, — я собирался поселиться в пещере в горах над монастырём Шечен. Поднимаясь в горы, я повстречал нищего-йогина, который вызвался сопровождать меня в качестве слуги.

83.
Вималамитра
— учитель
дзогчен

Когда мы остановились отдохнуть, я спросил: “А не приготовить ли нам еду?” Там было достаточно дров, и мы собрались сварить суп из цампы. Огонь хорошо разгорелся, и вдруг суп стал убегать.

“Скорее! Скорее! — закричал я в волнении. — Суп убегает!”

Нищий обернулся, направил на меня свой посох и сказал: “Эй ты! Забудь про суп! Тебе нужно беспокоиться о том, чтобы познать пробужденность — свою собственную природу”.

В тот же миг я взглянул на свой ум, и вдруг он предстал как никогда ясным — ничуть не запятнанным рассудочным мышлением. На некоторое время я замер, оставаясь в этом переживании.

“Эй ты! — воскликнул нищий. — Пробужденное состояние! Вот оно!”

Тем временем он спас наш суп, и мы сели обедать.

После обеда мы стали спускаться с горы, и, когда приближались к Шечену, нищий сказал, чтобы я шёл вперёд. Достигнув монастыря, я сел и выпил чая. Потом я вышел наружу и оглядел склон горы, но никого не увидел. Тогда я обошёл весь монастырь, но ни один человек не видел этого йогина. Наконец главный лама Шечена сказал мне:

— Ты не найдёшь этого человека: он не обычное существо.

Я возразил:

— Что вы имеете в виду, называя его не обычным существом? Я был с ним.

— Нет-нет, — заявил лама. — Это эманация Вималамитры.

Вот как я встретился с такой эманацией, и именно он познакомил меня с естественным состоянием, которое я узнал на самом деле, — его-то мы и называем неопишуемым естественным ликом осознания. С тех пор моя практика стала просто делом привыкания к тому, чтобы не отвлекаться от естественного состояния, а само оно никогда не меняется. Однако мне пришлось приложить немало усердия, чтобы добиться этого неотвлечения!»²⁶⁴

Как-то раз Бомта Кхенпо указал пальцем в пространство и спросил:

— Видишь этих защитников Дхармы?

— Нет, ничего не вижу, — ответил я.

— Вот снова она! Эта Дусолма всегда является, когда ты здесь. Разве ты её не видишь? Вот здесь!

— Нет, — пришлось признаться мне.

— А как насчёт остальных? — спросил он, указывая в пространство.

— Их я тоже не вижу, — сказал я.

По мере того как периоды обычного омрачённого восприятия у Бомты Кхенпо становились всё короче и короче, его чистое восприятие раскрывалось всё больше. В конце концов, он мог видеть всех защитников Дхармы ясно как день.

Он часто давал людям благословения, касаясь их головы священными предметами. Время от времени он стучал кого-нибудь весьма ощутимо, и все остальные разбежались. После этого несколько дней никто не приходил. Местные жители стали называть эти удары «гневное благословение». Однажды я встретил человека, который утверждал, что, получив одно из таких щедрых благословений, вылечился от тяжёлой болезни. Он сказал мне: «Бомта Кхенпо ударил меня так сильно, что я совсем забыл о своей болезни и через несколько дней уже был в полном порядке».

Во время моего пребывания у Бомты Кхенпо он давал учение по очень важному тексту дзогчен, «Руководству по непревзойдённой мудрости», группе из восьмидесяти-девяти лам, монахов и представителей бутанской знати. Он изумительно излагал эти учения.

Потом он вдруг громко воскликнул: «Эй ты, старикан! Всё говоришь и говоришь, да кто тебя слушает? Лучше бы ты заткнулся!» — и дал самому себе пощёчину. Некоторое время он сидел тихо. Затем он продолжал учение, пока снова не прервал его пощёчиной. Он снова сказал: «Заткнись, старый чудака! Кто здесь понимает эти учения?»

Вероятно, из-за недостатка заслуг я не смог остаться, чтобы выслушать эти учения полностью: я получил от Кармапы письмо, в котором он просил меня приехать немедленно, чтобы принять участие в неких важных ритуалах. Так что, когда Бомта Кхенпо закончил беседу в тот день, я сказал ему, что наша Исполняющая Желания Драгоценность требует меня к себе.

Бомта Кхенпо разрешил мне уехать, а потом, как бы между прочим, заметил:

— Пространство всеобщей основы стало переполняться, а потому теперь из него само собой проявляется множество «трактатов, которые никто не излагал»²⁶⁵. Если я не буду начеку, они, наверное, начнут жить сами по себе, изливаясь из моих уст. Если я не буду осмотрителен, то стану просто беспомощным свидетелем. Но что пользы озвучивать эти учения, когда никто здесь их не понимает? Единственное, что, кажется, помогает, — это хлопать себя по щекам в качестве напоминания.

— Как это так? — спросил я его.

— Когда-то у меня был разговор с некоторыми старыми учителями-геше самого высокого ранга из монастырей Сэра, Гандэн и Дрепунг, —

ответил Бомта Кхенпо. — Один из них сказал мне: «Я так много всего изучал и узнал столько учений, но большей частью забыл». «Что? — спросил я. — Можно ли забыть то, что ты понял? Вы имеете в виду, что забыли слова, так? Ведь вы не забыли смысл. В тантрах упоминается, что трактаты, которые никто не излагал, должны сами собой неиссякаемо изливаться из уст совершенного практика. Так как же вы можете жаловаться на забывчивость?» Но старый геше повторил: «Я забываю всё, что учил».

Бомта Кхенпо продолжил объяснять: «Если ты по-настоящему понял учения, невозможно забыть смысл, как бы ты ни был стар. У меня же трудность совсем другого рода: учений, наверное, слишком много, чем может во мне уместиться. Иногда они просто срываются у меня с языка, так что мне нужно приказывать этому старому чудаку заткнуться и шлёпать его, пока он не затихнет. Но это не помогает. Он продолжает говорить о том, как взаимосвязаны явления, как взаимосвязаны на внешнем и внутреннем уровнях мир и все существа и как проявленный аспект спонтанного присутствия связан с сущностью, природой и энергией. Затем этот старый чудак переходит к тому, что пустая сущность обладает способностью познавать — качеством естественного переживания, которое может быть чистым и нечистым, раскрываясь или как проявление непостижимой мудрости, или как порождения двойственного ума. Иногда появляются невероятно подробные объяснения, в которых картина мира и его украшения описываются как волшебный город психофизических совокупностей, элементов и полей чувств²⁶⁶. Разве неверно, что леса и дуга напоминают волосы на нашем теле?»

Он продолжал говорить в том же духе.

Ещё он невероятно подробно описывал свойства главных и дополнительных элементов, из которых складываются мир явлений и наши человеческие тела, а также то, как они связаны. Затем он переходил к тому, как во всём этом существуют способности чувств, как с точки зрения чистого переживания мудрости, так и омрачённого образа восприятия самсары. У него была изумительная способность описывать исконное состояние каждого человека такими способами, которые я никогда не встречал в письменном виде.

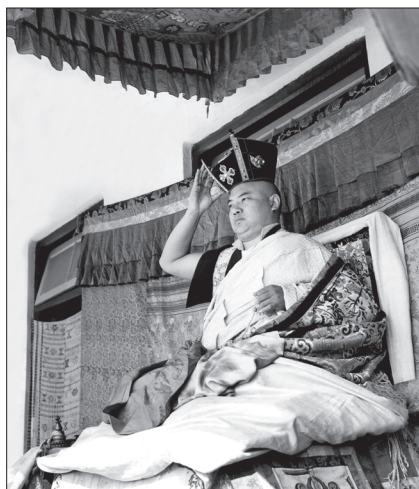
Также мне не доводилось встречать такого учителя, который бы сам себе приказывал заткнуться и давал себе пощёчины, а потом замолкал и постепенно снова начинал учить.

Когда наша Исполняющая Желания Драгоценность исполнял в Бутане ритуал Чёрной Короны, однажды участвовать в ней прибыл Бомта Кхенпо. Ему было очень трудно дойти туда, но усилием воли он заставил себя пройти весь путь.

«Мне нужно хотя бы раз встретиться с тем, в ком явил себя сам Авалокитешвара, — сказал он. — До сих пор мне не представилось случая встретить его. Я происхожу из школы сакья, но в Кармапу верю очень глубоко».

Кармапа путешествовал по Бутану с большой свитой. Во время проведения церемоний многие великие тулку и ламы, среди которых были Шамар, Ситу, Джамгон и Паво Ринпоче, сидели в переднем ряду. Я сидел в противоположном ряду с Трангу Ринпоче.

84.
Ритуал Чёрной
Короны
Кармапы

Как-то раз, во время перерыва, я увидел на глазах у Кармапы слёзы. Я пошёл узнать, в чём дело.

Он наклонился ко мне, чтобы другие не слышали: «Ночью во сне я увидел, что король Бутана стоит на пороге смерти. Ничего нельзя поделать. Он был великим благотворителем, и мы были с ним близки, поэтому мне так грустно».

Кармапа отнёсся к Бомте Кхенпо с большой любовью и после ритуала сказал мне: «Скажи ему, чтобы он остался. Я хотел бы с ним пообедать».

После обеда, когда Бомта Кхенпо ушёл, я снова увидел слёзы на глазах у Кармапы.

— Что случилось, Ринпоче? — спросил я.

— Заслуги и жизнь иссякают, — только и сказал он.

Вскоре король скончался, и не прошло двух месяцев, как великий Кхенпо тоже покинул своё тело. После кончины Кхенпо два или три дня на небе нигде не было ни облачка, даже самого лёгкого²⁶⁷.

Позднее Дуджом Ринпоче сказал мне, что на похоронах Бомты Кхенпо вдруг из его погребальной ступы вырвался ослепительный белый свет. Кроме того, в пепле обнаружили много священных реликвий-пилюль.

Находясь на пути в другую гомпу, я знал только, что кого-то кремировали, но каким-то образом понял, что это был великий учитель. Местные жители сказали, что за всю свою жизнь никогда не видели такого ясного неба. Бомта Кхенпо был удивительным учителем.

Именно в Бутане я попросил нашу Исполняющую Желания Драгоценность дать имя сыну, который родился у меня от одной девушки из Нубри. На следующее утро он сказал: «Мне явился один лама-нгакпа по имени Друбванг Цокни, на нём были белая накидка и юбка. Твой новый сын — его перерождение».

Заключение

По предложению Кармапы я поехал в Малайзию, взяв с собой троих сопровождающих. Составляющие нашу небольшую делегацию четыре человека в монашеских одеждах были первыми тибетскими ламами, посетившими эту страну. Поездка длилась три месяца, и мне удалось собрать достаточно большую сумму среди верующих китайских буддистов, которые там живут.

Я решил использовать эти деньги на благоустройство храма в Нагигомпе. Однако, когда я вернулся в Непал и начал обсуждать с Рам Лалом, как лучше использовать средства, пришло письмо от двоих моих старших сыновей — Чокьи Нимы и Чоклинга. Они закончили в Румтеке обучение у Кармапы и других великих учителей. В письме говорилось:

Дорогие отец и мать!

Кармапа велел нам обоим построить монастырь. Мы слишком молоды, чтобы справиться с этим сейчас, но мы слышали, что Чини Лама подарил вам землю у Великой Ступы. Пожалуйста, постройте там небольшой монастырь. Необязательно, чтобы он был двухэтажным: достаточно и одного.

85.
Ступа Будха
и монастырь
Ка-Нинг
Шедрублинг

Кармапа не выделил Чокьи Ниму и Чоклинга, велел им построить монастырь, — в тот год он говорил то же самое каждому из тулку и лам в Румтеке. Так или иначе, именно поэтому я взялся за строительство Ка-Нинг Шедрублинга, монастыря у ступы Будха.

Когда строительство было закончено, я подумал: «Кармапа — моё абсолютное прибежище; было бы замечательно, если бы он смог приехать и выполнить освящение». Так что во время моего следующего приезда в Румтек я сказал Кармапе:

— Я закончил строительство небольшого монастыря в Боудхе и очень надеюсь, что вы его посетите.

Я приехал сюда, чтобы просить вас прибыть туда и дать «Сокровищницу тантрийских учений кагью».

Кармапа ответил:

— Это очень любезно с вашей стороны. Я обязательно приеду. Даю вам слово. Сначала мне нужно съездить в Индию, но после этого я приеду в Непал.

Вскоре он приехал. Кроме того, он освятил храм и статуи в Наги-гомпе. Он дал посвящения, а потом вернулся в Румтек.

Так что спустя много лет после того, как он велел мне построить монастырь в Непале, я наконец сумел выполнить приказ моей Исполняющей Желания Драгоценности.

Вот мы и достигли конца почти всех важных событий в моей жизни. Простите, что моя история скучновата, но я не совершил ничего впечатляющего. Я рассказал вам историю своей семьи: о том, где я родился, каким было моё детство в Восточном Тибете и где я жил. Хотя меня спрашивали много раз, я не могу найти ничего захватывающего, что я мог бы рассказать о себе.

Моё единственное важное достижение заключается в том, что я могу давать некоторые передачи, которые получил.

Ответственность за будущую передачу «Трёх разделов» легла прямо на мои плечи: кажется, в наше время я единственный, кто владеет обеими линиями передачи. Я очень осмотрительно передал посвящения «Трёх разделов» нескольким выдающимся воплощённым ламам. Так что передача этого учения и остальных «Новых сокровищ» остаётся непрерывной.

86.
Шестнадцатый
Кармапа с
группой тулку
монастыря
Шедрублинг

87.
Шестнадцатый
Кармапа
и король
Непала
Бирендра
во время
инаугурации

88.
Чатрал
Ринпоче,
Дуджом
Ринпоче и
Дилго Кхьенце
Ринпоче

Ринпоче в Наги-гомпе, а после — Кхампе Гомчену, ламе, который жил в нашем монастыре у ступы Боудха. В седьмой раз это были наместники Кармапы и многие другие воплощённые ламы, которые собрались здесь, в Наги. После этого я давал эту передачу Адеу Ринпоче и Тартангу Тулку. И в последний раз передал её Тенга Ринпоче. Вот весь перечень.

Я уже рассказывал о некоторых подробностях того, как передавались «Три раздела», и упоминал о том, что много великих учителей, в том числе Дуджом Ринпоче, высоко ценили это учение. Я также рассказывал о том, какой интерес проявляли к тому, чтобы его получить, даже такие великие мастера, как пятнадцатый и шестнадцатый Кармапа. Выражением высочайшей оценки такими учителями этого необычайного учения стал тот факт, что четверо из них взялись написать для него руководство по посвящению²⁶⁸.

Дилго Кхьенце давал «Новые сокровища» в Ка-Нинг Шедрублинге, нашем монастыре у ступы Боудха, потому что я сказал ему: «В моём втором сыне узнали воплощение Чокгьюра Лингпы²⁶⁹. Кроме того, он его потомок, и я не считаю, что могу дать ему посвящения и все устные передачи. Требуется важный учитель, и я думаю, что никто не превосходит

89. (слева)
Дилго Кхьенце
Ринпоче,
Трулшиг
Ринпоче и
Чокьи Нима
Ринпоче в
ролях Падма-
самбхавы,
Шантаракшиты
и царя
Трисонга
Дэуцена

90. (справа)
Ламы у ступы
Будха после
окончания
передачи
«Новых
сокровищ»

91. (слева)
Пять лам в
Будхе: Тулку
Ургьен
Ринпоче,
Трулшиг
Ринпоче, Дилго
Кхьенце
Ринпоче,
Дабсанг
Ринпоче и
Депуг Ринпоче

92. (справа)
Дилго Кхьенце
Ринпоче с
ламами в
гостинице «Як
и йети»

вас, Ринпоче. Поэтому, Ринпоче, прошу вас даровать “Новые сокровища” моим сыновьям».

Когда я попросил его дать посвящения, Дилго Кхьенце ответил просто: «Да-да, я обязательно сделаю, как вы просите». Дилго Кхьенце ответил со свойственными ему огромной добротой и заботой и вскоре выполнил эту передачу — если Дилго Кхьенце что-то обещал, он всегда это делал. Присутствовали много тулку и лам. Под конец посвящения Дилго Кхьенце, человек огромных знаний, написал прекрасный текст с описанием линий передачи этого учения от открывшего его тертона через великого Кхьенце, Конгтрула и других главных учеников. Он указал, как эти линии объединились в Цеванге Норбу, а от него перешли к Нэтэну Чоклингу и Дзонгсару Кхьенце, от которого Дилго Кхьенце и получил передачу²⁷⁰.

Так что у нас есть две главные линии передачи «Новых сокровищ»: одна идёт через Цеванга Норбу к Самтену Гьяцо, а другая — через Цеванга Норбу к Нэтэну Чоклингу и Дзонгсару Кхьенце, а затем к Дилго Кхьенце. Однако самое главное, что передача этих линий продолжается и поддерживается и до сего дня.

Это была моя слабая попытка кратко описать историю линии преемственности учителей. Теперь мне уже семьдесят шесть лет, но я так и не совершил никаких значительных подвигов. Так что могу предоставить на ваш суд только эти истории, в которых собрано то, что я видел и слышал.

Сам я только и делал, что ел да в промежутках спал. Вот вкратце и вся история моей жизни.

93.
Дилго Кхьенце
Ринпоче с
семьей Тулку
Ургьена
Ринпоче

Послесловие

Вернёмся к бабушке Тулку Ургьена Ринпоче, для которой навьючивали яков. Почему пожилая женщина решилась претерпеть такие трудности? Путешествие, которое она собиралась предпринять, было весьма опасным. В 1919 году поездка из Нангчена, что в Восточном Тибете, в Центральном Тибете, в Лхасу, была очень нелегка. Местность, по которой предстояло ехать, изобиловала опасностями. Там были огромные камни размером с мамонта и крутые обрывы, окаймлённые стремительными реками. Погода непредсказуема и сурова. Могло случиться что угодно: от внезапных гроз с градом и ливней до слепящих буранов.

Что уж говорить об огромном расстоянии, которое предстояло преодолеть путникам. Путешествие требовало как минимум месяц передвижения верхом на лошадях, яках и пешком. И наконец, не забывайте о разбойниках, которые могли ограбить и даже убить или оставить беспомощными перед стихиями, лишив животных или провизии.

Так зачем же нужно было пускаться в столь опасное путешествие? Мать поставила себе задачу вернуть знаменитого сына - ламу не для того, чтобы спасти его от соблазнов хорошо оплачиваемого служителя культа. Её целью было привлечь его к работе по расшифровке и собиранию драгоценных учений её отца. Это обеспечило бы сохранение и распространение его богатого наследия.

Однако не просто фамильная гордость заставляла считать «Новые сокровища» такими необыкновенными и требующими защиты. Теперь вы знаете, что «Новые сокровища» — это учения и практики, открытые Чокгьюром Лингпой, последним из ста восьми великих тертонов, поименно упомянутых Падмасамбхавой в его «Летописи “Золотое ожерелье”». Чокгьюр Лингпа много раз встречался с Лотосорождённым Гуру лицом к лицу и выяснял важные вопросы непосредственно у него.

Эти учения представляют собой сердечную суть Падмасамбхавы, которую он дал для тех счастливых, которые хотят положить конец самсарному бытию и достичь освобождения и просветления. Это изумительное наследие и до сего дня продолжает нести благо бесчисленным существам.

Джамгон Конгтрул питал абсолютную веру в терма Чокгьюра Лингпы и получил от него столько их посвящений, сколько смог. В автобиографии он рассказывает о своих встречах с этим тертоном и о благосло-

вениях, которые получил, практикуя его садханы. Несколько раз великий Конгтрул даже служил, по его собственным словам, «писцом» для Чокгьюра Лингпы. Кроме того, он собрал самые важные учения-клады этого тертона и поместил их в «Сокровищницу драгоценных терма» (*Ринчен тердзо*) — свой гигантский труд, содержащий самые отборные жемчужины из учений, которые на протяжении тысячелетия открыли сто восемь основных и тысячу второстепенных тертонов.

В своём неопубликованном сочинении о «Потаённых учениях» Оргьен Тобгьял Ринпоче объясняет, что такое Дхарма вообще и терма в частности:

— Потаённые сокровища сначала закапывали в землю или прятали в скале, а потом вновь извлекали на свет. Кроме того, под потаёнными сокровищами могут подразумеваться драгоценные месторождения, силы пяти элементов, самосущие от природы. Терма можно подразделить на семь разновидностей. Из всех тертонов, по-видимому, только Джамьянг Кхьенце Вангпо и Чокгьюр Лингпа обладали всеми семью видами учений-кладов. Тексты учений-терма, например терма земли, — будь то спрятанные рукописи-оригиналы, записанные тибетским письмом или символическими письменами дакини, — остаются совершенно нетронутыми четырьмя элементами и не могут быть уничтожены, пусть даже весь мир перевернётся, но могут оставаться сокрытыми тысячу или две тысячи лет, а то и больше, пока в должное время их не откроет тертон.

Подлинные учения-клады состоят исключительно из слов Гуру Ринпоче и не содержат никаких приписок, которые выражали бы мысли и мнения других людей. Это как если бы будды проверяли, что людям полезнее всего в данное время. Учения-терма тесно связаны с их получателями, так же как наставления учителя тесно связаны с умом ученика. Точно так же учения-клады Гуру Ринпоче тесно связаны с настоящей эпохой — это прямая связь прошлого с настоящим.

Учения-терма передаются от Гуру Ринпоче прямо избранному им тертону, а потому эта линия очень коротка. Следовательно, поскольку ум тертона не разделён с умом Гуру Ринпоче, передача благословения равносильна встрече с самим Гуру Ринпоче — нет никакой разницы. Поэтому совершенно точно, что тертон постигает недвойственное осознание и обладает выдающимся уровнем постижения. Кроме того, благословения линии передачи, идущие от ума к уму, никак не могут быть ослаблены.

Вследствие огромных и ничем не затронутых благословений линии передачи, полученных от истинного тертона, даже если практикующему удастся получить лишь краткое посвящение, благословения будут огромны, и в этом отличие от получения других посвящений. Мы убедимся в истинности этого, если как следует понаблюдаем за своими впечатлениями.

Тулку Ургьен Ринпоче родился в семье Чокгьюра Лингпы. Его бабушка и учителя, которые способствовали формированию его личности, преданно служили делу собирания, практики, сохранения и распространения терма Чокгьюра Лингпы. Они ценили их очень высоко и посвящали свою жизнь сохранению этой линии передачи. Тулку Ургьен Ринпоче отдал свою жизнь и практике этих учений, и их поддержанию. Многие высокие учителя стремились получить у него посвящения «Новых сокровищ». С великим воодушевлением и преданностью Тулку Ургьен Ринпоче удовлетворял эту потребность в распространении учения. «Блистательное величие» — это свидетельство преданности традиции, которая составляла одну из главных целей жизни Тулку Ургьена Ринпоче.

Хотя Тулку Ургьен Ринпоче преуменьшал собственные достижения, мы считаем нужным вкратце упомянуть здесь некоторые из них. Мы

94.
Тулку Ургьен
Ринпоче с
Цокни
Ринпоче,
Мингьюром
Ринпоче и их
матерью
Сонам Чодрон
в Наги-гомпе

95.
Цокни Ринпоче
с Адеу Ринпоче
из Нангчена

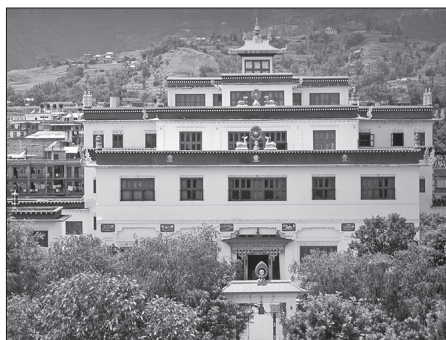

96.
Ионге Мингьюр
Ринпоче —
младший сын

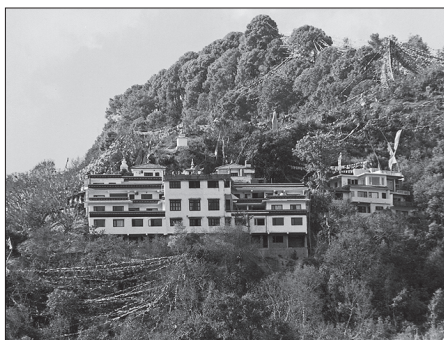

97.
Тенга Ринпоче
с Тенпа
Ярпелом

98. (слева)
Монастырь Кан-
Нинг Шедруб-
линг в Будхе

99. (справа)
Храм у пещеры
Асуры
в Парпинге

100.
Монастырь
Нгедон
Осэллинг

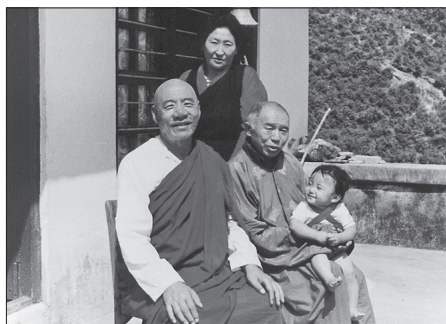

не будем рассказывать о его духовной жизни и об уровне его духовных свершений: это дело великих учителей. Тайный йогин дзогчен, как и остальные члены его семьи, он вовсе не был склонен чем-то хвалиться. Мы просто приведём список некоторых из его свершений.

Тулку Ургьен Ринпоче, который скончался в 1996 году в воз-

расте семидесяти шести лет, построил в Непале пять крупных монастырей и некоторое количество небольших, а также основал центры в Малайзии и Дании и создал предпосылки для создания центра в США. Его самые важные монастыри находятся в долине Катманду, в Боудханатхе, где расположена Великая ступа, а также в пещере Асуры, где Лотосорождённый Гуру проявил уровень видьядхары Махамудры, и на горе за ступой Сваямбху. Сначала он жил в небольшом монастыре Наги-гомпа над долиной Катманду. На его попечении находились, а теперь находятся на попечении его сыновей, больше тысячи практиков, среди которых монахи, монахини и миряне. Четверо из его шести сыновей являются крупными воплощениями: Чокьи Нима Ринпоче, Цикей Чоклинг Ринпоче, Цокни Ринпоче и Мингьюр Ринпоче²⁷¹. Среди его внуков есть перевоплощения Дилго Кхьенце Ринпоче и Пагчока Ринпоче, учителя из монастыря Ривоче. Два других сына Тулку Ургьена Ринпоче — это Тенпа Ярпел, близкий соратник Тенги Ринпоче, и Ургьен Джигме, один из тулку дяди Терсэя.

101.
Чатрал
Ринпоче и
Тулку Ургьен
Ринпоче с
Кунсанг Дечен
и Пакчоком
Тулку

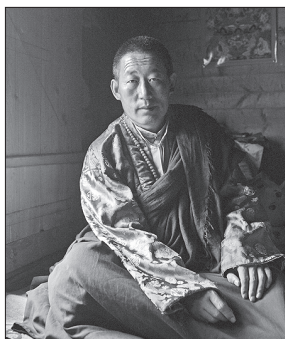

102. (слева)
Чоклинг
Ринпоче со
своим
первенцем
Пакчоком Тулку
103. (справа)
Чоклинг
Ринпоче со
своим вторым
сыном —
воплощением
Дилго Кхьенце
Ринпоче

Тулку Ургьен Ринпоче дал передачу «Новых сокровищ» своим сыновьям и старшему внуку, а также множеству других воплощённых лам. Он обеспечил сохранение и распространение этих учений. Однако наиболее известен он был своими наставлениями по дзогчен. В 1980 году, отправившись на Запад, Тулку Ургьен Ринпоче был среди первых тибетских учителей, которые за пределами Тибета передавали самые глубокие наставления по дзогчен. Он делал это по особому указанию шестнадцатого Кармапы, который дал ему совет: «Пусть солнце мудрости взойдёт в небе Запада». Именно это он и сделал.

104. (слева)
Четвёртый
Чоклинг из
Цикья в Непале

105. (в центре)
Четвёртый
Чоклинг из
Цикья

106. (справа)
Тулку Ургьен
Ринпоче с
Цикеем
Чоклингом,
Дечен Палдрон
и воплощён-
ем Дилго
Кхьенце
Ринпоче

107. (слева)
Нэтэн Чоклинг
и Цикей
Чоклинг

108. (справа)
Три сына и
Пакчок Тулку в
Наги-гомпе

Он передавал учения дзогчен великолепно, как никто в наше время. Он был известен своими глубокими достижениями в медитации, а также своим сжатым, ясным и полным юмора стилем изложения этих важнейших учений. Его методом было «наставление, исходящее из собственного опыта переживаний». Используя этот немногословный способ подачи учения, он показывал природу ума, раскрывая естественную простоту пробуждённости, благодаря чему ученик мог по-настоящему прикоснуться к сущности пробуждённого ума. Он изменил жизнь многих учеников, которые получили это учение, узнали природу своего ума и были упорны в практике. До самой его смерти многие ученики-буддисты со всего света посещали Наги-гомпу, чтобы получить эти жизненно важные наставления по дзогчен прямо из уст учителя. Его воспоминания дают некоторое представление о тех влияниях и переживаниях, которые сформировали человека, чья простота и скромность смогли привлечь к нему эту часть рода человеческого.

Благодарности

Для нас большая честь представить эту замечательную книгу «Блистательное величие», и мы делаем это с радостью и воодушевлением. Тулку Ургьен был удивительным рассказчиком. Многие из этих историй я впервые услышал, когда в 1980–1981 годах он совершал поездку по миру вместе со своим старшим сыном, Чокьи Нимой Ринпоче. Почти всегда Тулку Ургьен Ринпоче оживлял лекцию, посвящённую глубоким вопросам, историей о своей жизни. Но, к сожалению, у меня не было магнитофона.

В 1981–1982 годах мне удивительно посчастливилось — я услышал от Оргьена Тобгьяла Ринпоче, ревностного хранителя «Новых сокровищ», историю о Чокгьяуре Лингпе. Эти истории были записаны и опубликованы под заглавием «Жизнь Чокгьяура Лингпы». Оргьен Тобгьял Ринпоче предложил более подробно расспросить Тулку Ургьена Ринпоче о его дядях и бабушке.

В 1983 году, после операции на глазах, Тулку Ургьен Ринпоче должен был несколько месяцев соблюдать постельный режим, лёжа на спине. Андреас Крецмар, его ученик из Германии, предусмотрительно установил небольшой микрофон прямо над кроватью Ринпоче. Потом мы попросили его рассказать о главных учителях его линии передачи. Когда Ринпоче начинал рассказывать какую-нибудь историю, Андреас сразу же нажимал кнопку «запись». Большинство тех историй включены в эту книгу.

Через несколько лет мы решили продолжить собирать эти истории. Они были настолько интересны, что нам хотелось сохранить их, чтобы и другие люди могли получить от них пользу. Мы приступили к выполнению этой задачи в 1992 году, когда Ринпоче наблюдал за строительством одного из своих монастырей в долине Катманду. Марсия, Грэм Санстэйн и я каждое утро приезжали на машине из Боудхи в Сваямбху и шли вверх к Нгедон Осэллингу, чтобы записывать многочисленные чудесные истории. Эта работа продолжилась и на следующий год, когда Ринпоче жил в храме Пещера Асуры. Тем не менее в основном мы собрали большую часть материала во время пребывания Ринпоче в его монастыре Нагигомпа. Казалось, что с каждой новой историей у нас прибавлялось энтузиазма, и мы просили рассказать ещё и ещё. В результате набралось почти пятьдесят кассет. Мы дополнили этот материал всеми фрагментами

историй, которые Марсия удалось собрать из бесчисленных магнитофонных записей семинаров, ответов на вопросы и частных бесед.

Работа по переводу этих записей и их редактированию была проведена намного позже, после того как Тулку Ургьен Ринпоче скончался. Я перевёл большинство записей под диктовку Майкла Твида. Потом началась гигантская работа по выстраиванию историй в единое повествование — и эту задачу с невероятным усердием выполняли Майкл Твид (который к тому же контролировал все аспекты этой работы), а также Марсия и я. Спустя несколько лет мой добрый друг Дэниел Гоулман помог выстирать и выгладить это крепко скроенное повествование, а его жена, добрая и прекрасная Тара Беннет Гоулман, просмотрев его зорким глазом, навела окончательный лоск.

Мы не могли бы преуспеть в этой работе без помощи многих друзей по Дхарме и постоянной финансовой поддержки с их стороны. Вот список тех, кто внёс свои пожертвования: Джес Бертелсен и Центр развития, Дэниел и Тара Гоулман, Джордж Макдоналд, Джин-Мари Адамини, Грэм Санстэйн и Ричард Гир.

Также нам хотелось бы поблагодарить Квентина Инглиша за помощь в авиаперелётах для Майкла Твида, Джоша Барана за советы по маркетингу, Джеймса Шахиина из журнала «Три круга» за признание полезности этой книги и поддержку, а также Цеванга Дечена, тулку Самтена Гьяцо, который организовал для нас посещение многих упомянутых в книге мест в Нангчене.

Пользуемся случаем выразить благодарность всесовершенному благородному воплощению — Согьялу Ринпоче, который с удивительным великодушием предоставил нам своё прекрасное предисловие. Хотелось бы ещё раз выразить высокую оценку щедрости Дэниела Гоулмана: своим введением он тоже вдохнул жизнь в эту книгу. Особого упоминания заслуживают фотографии и люди, которые предоставили фото и рисунки, — они перечислены в особом списке. И последняя благодарность Керри Моран, нашему опытному литературному редактору Трейси Дэвис и

109. (слева)
Марсия
Биндер
Шмидт в
Нангчене,
2003 год

110. (справа)
Тулку Ургьен
Ринпоче и
Эрик Пема
Кунсанг в
Наги-гомпе

талантливому наборщику Рафаэлю Ортету, а также нашему зоркому корректору Дэниелу Кауферу.

Данное издание «Блистательного величия» увидело свет благодаря этой постоянной поддержке и энтузиазму, без чего всё осталось бы просто на уровне замысла. Работа с этим материалом была наполнена большой радостью и искренней преданностью. Невозможно выразить словами благоговение и любовь, которые мы испытывали, оказываясь и в буквальном и в переносном смысле в описанном Тулку Ургёном мире. Мы поистине получали поток его благословений. Мы радовались нашим совместным достижениям и царящему между нами согласию.

Мы просим простить за неизбежные ошибки, которые могли допустить. Примите наш труд как хвалу и подношение, соединённые с искренним желанием, чтобы, не встречая препятствий, всегда оставались и процветали чистые линии передачи и учителя, чтобы воплощение Тулку Ургёна Ринпоче было наделено такими же способностями и чтобы все существа могли получать благо от учений Будды, а мы, ученики, смогли собраться со всеми героями, встреченными нами здесь, в усыпанном лотосами мире Падмасаттвы!

Список лиц, предоставивших фотографии

Ани Лодро Палмо 76, 77
Ани Джинпа 48, 61
Ганеш Манн Читракар 73
Гелонг Ринчен 18
Глория Джонс 37, 39, 45
Грег Рэболд 107
Грэм Санстэйн 15, 54, 55, 63, 65, 69, 80, 93, 95
Гьянце Лхадрипа 8
Джеф Сейбл 108
Джин-Мари Адамини 1
Джоселин Сильвестр 60, 70
Кунго Калсанг 64
Кэти Моррис 62, 86, 87
Лобпон Норбу Ла 50
Лэрри Мермелстэйн 46
Майкл Твид 9
Мани Лама 72, 85
Марсия Биндер Шмидт 4, 22, 43, 68, 79, 94, 102
Маюм Сонам Чодрон 74
Мингьюр Ринпоче 96
Мэтью Ричард / Архивы монастыря Шечен 31, 32, 40, 44, 51, 52, 53,
56, 57, 58, 59, 66, 71, 75, 84, 89, 90, 105
Намдол Гьяцо 91, 96, 99
Нгаванг Сангпо 2, 6, 12, 13, 14, 47, 82
Рафаэль Демандрэ 103
Роуз Мари Судан 24
Сангье Еше 78, 92
Сокце Ринпоче 23
Согьял Ринпоче 5
Стивен Гудмэн 83, 86
Таши Лама 100
Тенпа Ярпел 16, 97
Ургьен Шенпен 10
Эрик Пема Кунсанг 11, 19, 21, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 33, 34, 35, 36,
38, 41, 42, 49, 106, 109

Приложение

Линия передачи «Новых сокровищ»

У Чокгьюра Лингпы было четверо близких учеников, к которым он относился как к сыновьям. Они поддерживали его учения в Восточном Тибете. Их можно было бы назвать «владельцами терма». Одним из них был Дэпа Тулку. Уже пожилым ламой он попросил Чоклинга из Цикей дать ему посвящения «Трёх разделов». Тот ответил: «Я обещал дать это посвящение только одному человеку, но нам нужен помощник, иначе мы не сможем его выполнить. Вы уже стары, а сам я не могу бегать взад-вперёд к алтарю. Кто может быть лучшим помощником в выполнении ритуала?» Его выбор пал на моего дядю Санг-Нгака, но им не удалось его заполучить, потому что в то время он жил с Кончога Палдрон. Когда Цикей Чоклинг смог связаться с дядей, он сказал ему: «Вы должны быть помощником на посвящении». И дядя согласился. Помогая выполнять ритуал, он тоже получил это посвящение.

Так мой дядя получил через Цикей Чоклинга линию передачи, происходившую от видения, в котором Кармей Кхенпо узрел тело мудрости Чокгьюра Лингпы. Позднее, в Крепостной Вершине, Самтен Гьяцо впервые получил эту передачу от дяди Санг-Нгака. При этом он заметил: «Ты единственный, у кого есть линия передачи Кармей Кхенпо, поэтому ты должен дать её мне!» После этого Самтен Гьяцо дал эту же передачу обратно дяде Санг-Нгаку, а также моему отцу и мне. Так я стал обладателем обеих линий передачи. Вскоре Самтен Гьяцо умер.

Так что мы видим, что не все линии проходят через Цеванга Норбу. Однако Цеванг Норбу владел всеми линиями, которые он получил от Кхьенце, Конгтрула, Кармей Кхенпо и учёного Ринчена Намгьяла. У него было всё, во всей своей полноте. Позднее полным обладателем всей линии передачи стал Самтен Гьяцо, причём некоторые посвящения он получил от своей матери, Кончога Палдрон. Самтен Гьяцо дал все эти передачи мне.

Недавно Оргьен Тобгьял мне сказал: «Вы говорите, что у вас есть вся передача целиком, но об этом нет никакой записи. Нам нужно найти какие-то описания с подробностями передачи этого учения. Вы говорите, что всё, чем владел Цеванг Норбу, было передано Самтену Гьяцо. Самтен Гьяцо сказал вам, что теперь у вас есть всё, что он когда-либо

получил. Однако недостаёт точных подробностей передачи, а они очень важны. Так что нам требуется письменное свидетельство. В Нэтэне был перечень подробностей передачи, но он был несколько нечёток. Там просто упоминалось, что Нэтэн Чоклинг получил передачу от Цеванга Норбу. Позднее следующий Нэтэн Чоклинг, мой отец, получил эту линию передачи от Дзонгсара Кхьенце. Но он тоже не знает, от кого получил её Дзонгсар Кхьенце²⁷². Поэтому вам нужно прояснить, каким образом в вашей семье передавались эти учения. Иначе потом у людей не будет уверенности».

Всё, что он сказал, верно, но верно и то, что я не могу записать такой документ, потому что я не знаю всех подробностей. У меня нет ни малейших сомнений в том, что я получил всё из «Новых сокровищ», чем владел Самтен Гьяцо. Он твёрдо говорил мне, что дал всё, что у него было, а у него было всё полностью. И больше я ничего не знаю.

По счастью и по милости Трёх драгоценностей, потом у нас оказалась запись об учениях «Новых сокровищ», которые получил шестнадцатый Кармапа. Её доставили мне его наместники, когда прибыли в Наги-гомпу получать «Новые сокровища». Кармапа велел своим наместникам явиться туда, сказав: «Вы должны получить “Новые сокровища” от Тулку Ургьена».

Главным из тех, кто обращался с просьбой, был тулку третьего Конгтрула, который приезжал сюда дважды, чтобы попросить лично меня. При втором его визите я согласился. Так или иначе, текст, который они привезли, действительно проливает свет на многое. В нём точно говорится, какие посвящения пришли от тертона к Цевангу Норбу, какие пришли от Кхьенце, или Конгтрула, или Кармей Кхенпо, а какие учёный и практик Ринчен Намгьял передал Цевангу Норбу, а тот передал их Самтену Гьяцо. Некоторые из передач сначала получила Кончог Палдрон, а уже от неё они попали к Самтену Гьяцо. Этот текст содержит все подробности²⁷³. Именно о существовании этого текста настоятельно упоминал Оргьен Тобгьял, но раньше я ничего не знал о нём. Оказалось очень полезным, что он завёл этот разговор, поскольку в результате текст оказался у нас.

В том же тексте отдельно упоминается всё, что я передал Кармапе. Когда Оргьен Тобгьял навестил меня в последний раз, я показал ему этот текст, и он сказал: «Как хорошо! Здесь есть всё: линии передачи каждого из посвящений, так или иначе восходящие к будде-дхармакайе Самантабхадре». От него передача идёт через Гараба Дордже и Ваджрасаттву. Другие линии идут от Лотосорождённого Гуру к сыну царя Трисонга Дзугьена и т. д.

К счастью, теперь у нас действительно есть описание линии преемственности Кармапы.

Вначале не было руководства по посвящению «Трёх разделов». Первое такое руководство составил великий учитель Кьюнгтрул, который встречался с Самтенем Гьяцо и получил указание записать порядок проведения посвящений «Трёх разделов». Кьюнгтрул записывал, а Самтен Гьяцо давал посвящения, и они обсуждали многие подробности. Однако благодаря обширной эрудиции Кьюнгтрула, когда он закончил первый из трёх разделов, Семде, его записи составили целый том.

Знающий учитель может передавать «Три раздела» и без руководства по посвящению. Дзонгсар Кхьенце получил передачу от второго Чоклинга из Нэтэна, который достиг глубокого уровня духовного постижения и мог давать эту передачу, не прибегая к подробным руководствам в качестве опоры. Нэтэн Чоклинг был необычайный учитель, истинный сиддха. Разумеется, он был и большим учёным, но никогда не хвалился своими познаниями. Он сказал Дзонгсару Кхьенце: «Я могу дать вам посвящения, но письменными руководствами касательно этого я не владею. На будущее вам нужно составить руководство относительно хода этих посвящений». Вот так и появился этот черновик руководства по данному посвящению: пока в течение дня Нэтэн Чоклинг давал одно посвящение за другим, ночью Дзонгсар Кхьенце скрупулёзно записывал руководство для посвящений.

Дзонгсар Кхьенце так торопился успеть закончить работу к следующему утру, что ему приходилось делать записи всех вставленных разделов в сокращённом виде, так что потом было довольно трудно пользоваться ими при передаче посвящения. Необразованный лама вроде меня пролил бы семь потов, пытаясь его применить. К счастью, Дилго Кхьенце нашёл время, чтобы приготовить для таких, как я, первоклассный текст, так что нам не нужно метаться от одного текста к другому. Текст Дзонгсара Кхьенце использовался, когда Самтен Гьяцо передавал «Три раздела» мне.

Написав руководство, Дилго Кхьенце выполнил последний завет своего гуру. Дзонгсар Кхьенце не был удовлетворён тем вариантом, который он написал раньше, когда Нэтэн Чоклинг передавал «Три раздела» ему, Шечену Рабджаму и Катогу Ситу. И к тому же этот текст в конце концов потерялся, а потому Дзонгсар Кхьенце попросил своего ученика Дилго Кхьенце, когда в последний раз говорил с ним по радиотелефону из Сиккима, записать второй текст. Именно вариант, написанный Дилго Кхьенце, теперь включён в «Сокровищницу драгоценных терма», и это превосходный текст.

Дуджом Ринпоче тоже написал руководство по посвящению «Трёх разделов», отчасти по моей просьбе. Как я упоминал, когда в Лхасе он попросил меня дать посвящение, это было очень трудно сделать по тому

тексту, который у меня был. Поэтому я сказал: «Вы так образованны и красноречивы — было бы замечательно, если бы вы написали руководство». Кроме того, я попросил у Кармапы разрешения обратиться с этой просьбой к Дуджому, и он сказал: «Конечно же, вам нужно попросить его это сделать!» Позднее, в Калимпонге, я повторил эту просьбу, и Дуджом Ринпоче согласился, не торопясь, её исполнить. Его прекрасный текст теперь входит в собрание его сочинений.

«Руководство по посвящению, которое относится к передаче сущности Ати-йоги, — сказал мне однажды Дуджом Ринпоче, — не достигает своей цели, если там приведены сложные подробности воззрений Маха-и Ану-йоги. Оно должно быть ясным само по себе, как чистое золото, усыпанное изумрудами и алмазами. Это терма — одна книжка размером с мою руку — проливает яркий свет не только на три раздела дзогчен, но и на три внутренние тантры — Маха, Ану и Ати, — единые в нераздельном смысле, заключённом в необычайном воззрении Падмасамбхавы. И всё это в одной книге! В каждом из трёх разделов есть от двенадцати до пятнадцати сводов наставлений. Кто другой, кроме Лотосорождённого Гуру, смог бы сгустить всё это в одной книге размером с мою руку? Руководство, в которое вставлены цитаты из терма-первоисточника, — всё равно что чистое золото, усыпанное изумрудами и алмазами». Как вы можете убедиться, руководство по посвящению, написанное самим Дуджомом Ринпоче, явно соответствует его высказыванию, в своей лаконичности и яркости выражая именно воззрение дзогчен и ничто иное.

Так возникли четыре руководства по посвящению «Трёх разделов», два из которых сохранились по сей день.

Глоссарий

абра — грызун, местная разновидность пищухи, или луговой собачки.

Абум Ринчен Пунгпа — гора Абум, расположена в Нангчере в восьми часах езды по грунтовой дороге от Шарда.

Авалокитешвара — бодхисаттва сострадания, часто изображается четырёхруким.

Адеу Ринпоче (род. в 1930) — гуру короля Нангчена, его монастырь, Цечу, расположен рядом с бывшим королевским дворцом.

Адзом Друкпа (1842–1924) — Дродул Паво Дордже, один из великих учителей дзогчен начала XX столетия, тертон и ученик Джамьянга Кхенце Вангпо и Патрула Ринпоче.

амбань — китайский посол в Лхасе.

Амдо — одна из провинций Тибета.

Амnye — область в Восточном Тибете.

амрита — нектар бессмертия, напиток богов; в тантрийских ритуалах часто используют освящённый спиртной напиток или фруктовый сок.

Анги Тендар — йогин из Нангчена, ученик первого Цокни.

Ану-йога — вторая из трёх внутренних тантр, соответствующая восьмой из девяти колесниц. Делает упор на знание (*праджню*), а не на метод (*упаю*) и на стадию завершения, а не стадию зарождения. Воззрение Ану-йоги заключается в том, что освобождения достигают путём всё большего привыкания видеть недвойственную природу пространства и мудрости.

Аргонг — см. Нгактрин из Аргонга.

архаты, шестнадцать — ученики Будды, поклявшиеся сохранять Дхарму до прихода Майтреи, грядущего будды.

Асура, или пещера Асуры — священное место, где Лотосорождённый Гуру с помощью практики Ваджракилаи проявил уровень видьядхары Махамудры и покорил злые силы, причиняющие вред Непалу.

Ати-йога — третья из трёх внутренних тантр. Согласно Джамгону Контрулу Первому, делает упор на воззрение о том, что освобождение достигается благодаря привыканию видеть природу изначального просветления, свободного от принятия и неприятия, надежды и страха. В наше время больше распространено название дзогчен, «Великое совершенство».

Атиша (982–1054) — великий индийский учитель, который посетил Тибет; от него ведут начало традиции кадам и гелуг.

Ачен — принц Нангчена, современник Самтена Гьяцо.

Баньяк Атинг (XX век) — губернатор Сиккима и покровитель Тулку Ургьена.

Барвэ Дордже (1836–1920) — учитель из монастыря Вангчук в Шарда, Нангчен.
Нынешнее (третье) воплощение — Бардор Тулку Ринпоче, живущий в США.

бардо — состояние между смертью и следующим рождением.

баром-кагью — традиция, берущая начало от Дхарма Вангчука из Барома, ученика Гампопы.

Бенчен, монастырь — один из главных монастырей кагью в Нангчене, резиденция Чиме Ринпоче и Тенга Ринпоче, перевоплощений Сангье Ньенпы.

Бодхгая — место, где Будда Шакьямуни достиг полного просветления, расположено в Бихаре, Индия.

Бомта Кхенпо (XIX–XX вв.) — Поло Кхенпо Дордже, ученик Кхенпо Нгакчунга.

бон — религия, преобладавшая в Тибете до распространения буддизма в IX веке.

будда — просветлённый, или пробуждённый: тот, кто полностью освободился от всех заблуждений и достиг совершенства всех благих качеств. Буддой называют совершенного бодхисаттву, который уже достиг полного просветления. Обычно под Буддой подразумевают Будду Шакьямуни, Будду нашей эпохи, который жил в Индии приблизительно в VI веке до н. э. В прошлых эпохах существовали бесчисленные будды, которые показали путь к просветлению. В текущей Благой Кальпе, знаменуемой возникновением и исчезновением человечества, должна быть тысяча будд, четвёртый из которых — Будда Шакьямуни.

Будда Шакьямуни — исторический Будда, которого считают главным учителем нашей эпохи.

Буддагухья (VIII–IX вв.) — знаменитый индийский учитель, который во времена царя Трисонга Дэуцена побывал на горе Кайлаш и передал тантру Гухьягарбха тибетскому переводчику Джнянакумаре из Ньяга.

Боудха, Боудханатх — место в долине Катманду, где находится Великая Ступа.

Бумтанг, долина — священная долина на востоке Бутана, традиционная обитель учителя Пемы Лингпы.

ваджра — символ нерушимости, алмазной твёрдости вообще и того, что принадлежит к Ваджраяне, в частности.

Ваджраварахи — будда женского облика, проявление Самантабхадри в изменении самбхогакаи; один из главных йидамов школ сарма, а также дакини мудрости.

Ваджрадхара — будда-дхармакайя школ сарма; также подразумевает собственного учителя Ваджраяны или всеобъемлющую природу будды.

Ваджрапани — один из восьми великих бодхисаттв, главный составитель учений Ваджраяны; также его называют Владыкой Тайн.

Ваджрасаттва — будда-самбхогакайя, олицетворяющий все пять семейств будд; источник практик очищения.

Ваджраяна — колесница учений Тантры; упражнение в том, чтобы видеть явления как проявление изначальной чистоты. В шести разрядах тантр Ваджраяны эта практи-

ка представлена всё более непосредственным и глубоким образом. Входными вратами Ваджраяны служит посвящение, которое даёт духовный учитель.

Ваджраяна Палица Владыки Тайн (*Сандаг Дордже Бечон*) — божество Ваджрапани из терма Чокгьюра Лингпы.

Вайроцана — самый лучший, не имеющий себе равных переводчик многочисленных текстов сутр и тантр, живший во времена правления царя Трисонга Дэуцена.

Вайроцана дзогчен — *Вайро нингтил* («Сердечная сущность Вайроцаны»), то же, что *Дзогчен десум*.

Вайрочана — главный будда семейства Татхагаты.

ван — высокопоставленный религиозный деятель, см. тиши.

Вангду — шурин Тулку Ургьена Ринпоче, аристократ из Центрального Тибета.

Вангчок Дордже (1860/2–1886) — сын Чокгьюра Лингпы, воплощение индийского царя Джа.

Вангчук Дордже (1556–1603) — девятый Кармапа.

вверение — например, жизненной силе Церингмы; краткий ритуал-посвящение, обычно для получения благословений тела, речи и ума божества.

Великая ступа в Бодухе — ступа Джарунг Кашор в Бодуханатхе, в долине Катманду, Непал. Подробности см. Keith Dowman, *The Legend of the Great Stupa*.

«Великий свиток, изображающий сто чудесных деяний» — знаменитый «свиток из Цурпу», живопись на шёлке времён раннего периода династии Мин, содержит надписи на китайском, тибетском, монгольском, уйгурском и арабском языках. Изображает чудеса, сотворённые Дежином Шегпа, пятым Кармапой в 1407 году, во время его двадцатидвухдневного визита в Нанкин к императору Юнгло (Йон-глэ). Император подарил Кармапе знаменитую Чёрную Корону, которую узрел в видении во время религиозной церемонии.

Великое совершенство (Дзогчен, Ати-йога) — третья из внутренних тантр школы нингма. Великое совершенство — высший из всех восьмидесяти четырёх тысяч разделов Дхармы, реализация Будды Шакьямуни как она есть.

видьядхара — учитель, который обрёл реализацию и находится на одной из четырёх ступеней тантрийского пути Маха-йоги.

Вималамитра — учитель дзогчен, которого пригласил в Тибет царь Трисонг Дэуцен; один из трёх главных основателей в Тибете учений Дзогчен, особенно *Нингтил*. Вималамитра значит «безупречный друг».

внутренний жар, блаженство — см. йога туммо.

воззрение внутренних йог — тело представляется как божество, речь — как мантра, а ум — как самадхи.

воззрение, медитация и поведение (и плод) — философские установки, практическое их освоение, применение этого понимания в делах повседневной жизни и, наконец, конечный результат этой практики. В каждой из девяти колесниц есть своё определение воззрения, медитации, поведения и плода.

«Восемнадцать тантр Маха-йоги» — восемнадцать важных текстов, переведённых на тибетский язык во времена царя Трисонга Дэуцена.

восемь классов духов — в сутрах упоминаются дэвы, наги, якши, гандхарвы, асуры, гаруды, киннары и махораги. Все они способны получать и практиковать учения Будды. Под восемью классами также подразумевают различные виды мирских духов, которые могут нести и пользу, и вред, но для обычных людей остаются невидимыми, к ним относятся: *ини, ма, цен, якиа, ракиа, мамо, рахула и нага*. На тонком уровне их рассматривают как нечистые проявления восьми разновидностей сознания.

«Восемь учений-садхан» — тантры и садханы восьми главных божеств-йидамов Маха-йоги: тело — Манджушри, речь — Лотос, ум — Вишуддха, качество — Непктар, деяния — Килая, Мамо — освобождающая магия, яростные мантры-проклятия и мирские культы.

восемь херук — восемь гневных проявлений восьми главных бодхисаттв. Символизируют преобразование восьми сознаний.

«Воспевание имён Манджушри» — «*Манджушри нама сангирти*, изложенное в песнях-хвалах». Тантра Крия-йоги, состоящая из шестисот стихотворных строк, которая известна всем тибетским буддистам как *Джампал ценджо*. Это текст № 424 в цамдрагском издании «Собрания тантр нингмы» (*Нингма ююма*). Английский перевод — *Chanting the Names of Manjushri*, A. Wayman, Shambala Publications.

вредоносные влияния — влияние злых духов, которое может повлечь за собой несчастье и болезнь.

всеобщая основа — *алайя*, исходное состояние ума живого существа; «пространство всеобщей основы» — это пространство исходного бытия.

выслушиваемая линия передачи — передаётся из уст учителя на ухо ученику, только одному за один раз и без помощи печатного текста.

Га Лоцава — великий сиддха и переводчик, который посетил Индию. Также известен как Панчен Гало (Гало — сокращение от Га Лоцава, или «переводчик из рода Га»). Он жил в монастыре Наланда и медитировал на кладбище Прохладная Роща, где у него было видение просветлённого охранителя, от которого он получил предсказания. [ТУР]

Гало — см. Га Лоцава.

Гампо, или Дагла Гампо, — гора, где жил Гампопа, в юго-восточной части Центрального Тибета.

Гампопа (1079–1153) — основатель всех линий передачи кагью, самый выдающийся ученик Миларепы, обладавший и высочайшей духовной реализацией, и великими познаниями. Был автором «Драгоценного украшения освобождения». Подробности можно найти в *The Life of Milarepa* и *The Rain of Wisdom*, Shambala Publications.

Ганапати — обезьяноликий защитник учений Будды.

Гангток — столица ранее независимого (до 1975 года) королевства Сикким, расположенного между Тибетом, Бутаном, Непалом и Индией.

Ганден — крупный монастырь школы гелуг близ Ахасы, основанный Цонгкапой в 1409 году.

гаф — временное поселение, лагерь, в котором учитель даёт учения собравшимся вокруг него ученикам.

Гар Друбчен — великий тибетский учитель школы дрикунг-кагью, который был эмацией Нагарджуны, а также Памо Друпы (1110–1170), одного из трёх главных учеников Гампопы.

Гараб Дордже (Прахеваджра) — воплощение божества, который ранее был наделён силой будд. Непорочно зачатый, он был сыном монахини, дочери Дхахены Тало, царя Уддияны. Гараб Дордже получил все тантры, тексты и устные наставления дзогчен от самих Ваджрасаттвы и Ваджрапани и стал первым среди людей учителем дзогчен. Достигнув состояния полного просветления благодаря свободному от усилий Великому совершенству, Гараб Дордже передавал учения своему окружению, состоявшему из исключительных существ. Его главным учеником считают Манджушримитру. Известно, что Падмасамбхава тоже получил передачу тантр дзогчен непосредственно от тела мудрости Гараба Дордже. Имя Гараб Дордже означает «неразрушимая радость».

гаруда — мифическая птица, способная одним взмахом крыльев пролететь из одного конца вселенной в другой. Считается также, что она вылупляется из яйца полностью сформированной и готовой парить в небе.

гау — металлический футляр для реликвий, который носят на шее или ставят на алтарь; может хранить в себе священные останки учителя.

Гебчаг — гомпа, монастырь. Место для затворничества и женский монастырь, основанный Цанг-Янгом Гьяцо. Находится в половине дня пути верхом от Крепостной Вершины или Лачаба.

Гегьял, гора — предположительно в районе Гегьял Риво, к юго-западу от Нангчена, к западу от Тенгчена, на главной дороге, ведущей из Чамдо в Ахасу.

гелуг — школа тибетского буддизма, основанная Цонгкапой, реформировавшим традицию Атиши Дипанкары.

генъен — двадцать один генъен: духи-защитники Дхармы, которых во время своего пребывания в Тибете Падмасамбхава связал клятвой защищать учения Будды.

геше — буддийский учёный или учитель.

Геше Чаюлва (1075–1138) — последователь традиции старая кадам, который был одним из учителей Гампопы, великого учителя кагью.

глубинные наставления — практические сжатые советы о том, как выполнять духовную практику наиболее просто и действенно.

голодные духи (санскр. *према*) — один из шести разрядов живых существ, мучимы собственным кармическим восприятием, заставляющим их безмерно страдать от неутолённых желаний, голода и жажды.

Голок — большая провинция в северо-восточном Кхаме.

Гомде — *букв.* Страна медитирующих: наименование Нангчена.

гомдра — затворничество по медитации, часто проводится группами, остающимися в уединении три года, сосредоточиваясь на практике дзогчен или Махамудры. Ср. друбдра.

гомпа — монастырь или храмовый зал, связанный с уединённым местом для практики.

гомчен — практик медитации.

гониду — «собрание реализации», или «собрание всех помыслов в одно»: название некоторых обнаруженных терма, например *Йидам гониду*.

гонла — лама, отвечающий за пение призываний охранителям.

гончунг — маленькая гомпа, часто посвящённая охранителям Дхармы.

городской йогин — практик-мирянин.

гошир — духовное звание, см. тиши.

гунгренг — китайское название коммунистов.

Гуру Махасукха — «Учитель Великое Блаженство», мирная форма Падмасамбхавы, обычно изображается в головном уборе пандиты и с руками в жесте медитации.

Гуру Чованг (1212–1270) — один из пяти царей тертонов, прежнее воплощение Тулку Ургьена Ринпоче. Подробности см. *The Nyingma Lineage, its History and Fundamentals*, pp. 760–770.

иуру-йога — заключительная и самая важная часть предварительных практик. Практика обращения за благословениями и слияния собственного ума с умом просветлённого учителя.

Гухьягарбха — тантра «Сущность тайн», самая жизненно важная из всех тантр нингма, старой школы тибетского буддизма.

Гьялва Чо-Янг — один из двадцати пяти учеников Падмасамбхавы.

Гьялванг — «Царь Всех Будд», особый титул некоторых лам, таких как Кармапа или Друкчен.

гьялинг — духовой инструмент в виде трубки, напоминающий персидский шанай, один из главных ритуальных инструментов в тибетском буддизме.

Гьялпо Пехар — могущественный дух, охранитель Дхармы, покровитель Самье.

Дабсанг Ринпоче (?–1992) — Дильяк Дабсанг, учитель из монастыря Дильяк в Нангчене, эманация Гампопы. Одним из своих главных учителей покойный Дабсанг Ринпоче считал Кьунгтрула Каргьяма.

Дагпо, гора — Дагла Гампо, восьмиконечная гора в одной из южных областей Центрального Тибета.

дагпо-кагью — синоним всех линий передачи кагью, поскольку Гампопу называли учителем из Дагпо.

дакини — женское тантрийское божество, которое защищает и хранит учение Тантры.

Дарма Вангчук (1127–1199/1200) — ученик Гампопы, основавший в северном Лато монастырь Баром, считается основателем этой традиции.

Дарцедо — китайское название Кандинг: старинный пограничный город между Кхамом и Китаем.

Дворец Собрании Сугат (Дешег Дупей Подранг). Обитель Джамьянга Кхьенце Вангпо (Кхьенце Старшего), расположенная над монастырём Дзонгсар. Сугата — синоним будды.

девять колесниц — девять постепенных путей школы нингма: шравака, пратьекабудда, бодхисаттва, крия, упа, йога, маха, ану и ати. Представляют собой различные подходы к достижению освобождения и просветления для людей разных способностей и склонностей.

Дешин Шегпа (1384–1415) — пятый Кармапа; творил многочисленные чудеса в Китае и получил от императора Юнгло (Йонглэ) знаменитую Чёрную Корону, обратив его в буддизм.

Дейпа Тулку — один из четырёх близких учеников Чокгьюра Лингпы, который распространял свои учения в Восточном Тибете.

Денкхог — местность в провинции Дерге.

Депуг Ринпоче (XIX–XX вв.) — учитель из Юго-Западного Тибета, построил монастырь в Солу Кумбху, Непал.

Дерге — большое независимое королевство в Кхаме, некогда занимавшее современные области Джомда, Дерге, Паюл и Сершул.

держатель ваджры, хранящий три обета — тот, кто соблюдает все три уровня обетов: внешний — нравственные правила, внутренний — упражнения бодхисаттвы и сокровенный — тантрийский уровень видьядхары.

держатель линии передачи — ученик, который, получив учение или посвящение, реализует заложенный в них смысл и способен передавать их другим. Лама может быть держателем многих линий передачи учения.

Деченлинг — обитель на горе Абум Ринчен Пунгпа, где Чиме Дордже провёл вторую половину жизни; в настоящее время — женский монастырь и центр затворничества.

деяния будды — деятельность просветлённого, призванная повлиять на других существ и привести их к освобождению и просветлению.

Джамбала, Чёрный — особое проявление Джамбалы, бога богатства.

джамгон — «добрый покровитель», титул, которым называют самых великих учителей, например Конгтрула или Друкчена.

Джамгон Конгтрул (1813–1899) — он же Лодро Тае, был предсказан Буддой Шакьямуни в сутре «Царь самадхи» и Падмасамбхавой во многих его терма. Изучил и овладел всеми учениями Будды. Главными учителями были четырнадцатый Кармапа, Ситу Пема Нингдже Вангпо и Кхьенце Великий. Стал учителем Кхакьяба Дордже, пятнадцатого Кармапы. Известен как совершенный учитель, учёный, писатель, поэт и художник, автор и составитель более ста томов текстов.

Среди них более всех известны «Пять сокровищ». В «Блистательном величии» именуется Конгтрулом Старшим или просто Конгтрулом.

Джамдраг (1883(?)–1945(?)) — Дру Джамьянг Драгпа. Близкий ученик Джамьянга Кхьенце Вангпо и чрезвычайно знающий учитель, один из избранных учеников, предсказанных в коренном тексте *Ламрим еше нинпо*.

Джампал Цултрим — один из главных учеников пятнадцатого Кармапы.

Джамьянг Кхьенце Вангпо (1829–1893) — первый Кхьенце. Великий учитель XIX века. Был последним из пяти великих тертонов и считался воплощением как Вималамитры, так и царя Трисонга Дэуцена. Стал практиком и учителем всех буддийских школ Тибета, основателем движения риме. Кроме его термина существует десять томов его сочинений. Джамьянг — значит «нежная мелодичность», то же, что Манджушри; Кхьенце Вангпо — значит «владыка любящей мудрости». В этой книге его называют Кхьенце Старшим или просто Кхьенце.

Джацон Нингпо (1585–1656) — тертон, особенно известен учениями *Кончог чиду*.

Джигме Лингпа (1729–1798) — перевоплощение Лонгченпы, открывший знаменитый цикл *Нингтиг* — «Сокровенная сущность». Среди его непосредственных перерождений — Джамьянг Кхьенце Вангпо, Патрул Ринпоче и До Кхьенце Еше Дордже.

Джово — Джово Ринпоче, или Джово Шакаямуни, статуя в Джокханге, главном храме Лхасы, ранее называвшемся храмом Раса Трулнанг. Считается, что эта статуя была создана при жизни Будды Шакаямуни и освящена лично им.

Джокханг — знаменитый храм и самое важное место паломничества в Лхасе, в нём находится статуя Будды Шакаямуни, называемая Джово.

Джокьяб — одарённый кхенпо, которого отправили получать учения по *Ламрим еше нинпо* от Джамдрага Ринпоче; один из учителей Тулку Ургьена Ринпоче.

Дзигар Конгтрул — один из главных перерождений Джамгона Контрула Первого. Его нынешний тулку — младший сын Нэтэна Чоклинга.

Дзогчен — иначе называется Великим совершенством и Ати-йогой. Наивысшее учение ранних переводов школы нингма. Среди древних учителей линии её передачи Гараб Дордже, Манджушримитра, Шрисингха, Джнянасутра, Вималамитра, Падмасамбхава и Вайроцана. Многочисленные учения дзогчен были сокрыты этими учителями как клады-терма и обнаружены на протяжении последующих столетий. Эти учения заключены в устных наставлениях, которые ученик лично получает от учителя, в полной мере обладающего необходимыми для этого качествами. См. также Великое совершенство.

Дзонгсар Кхьенце (1893–1959) — Джамьянг Кхьенце Чокьи Лодро из монастыря Дзонгсар, один из пяти перевоплощений Джамьянга Кхьенце Вангпо. Поддерживал традицию *риме* (букв. «без разделения» (на школы)) и был одним из двух главных коренных гуру Дилго Кхьенце.

Дзонгсар, монастырь — резиденция Джамьянга Кхьенце Вангпо, а впоследствии его преемника Дзонгсара Кхьенце Чокьи Лодро. При этом монастыре была знаменитая буддийская школа.

Дзонгшо — иначе Собрание Сугат Дзонгшо, священное место тайных качеств, где Чокгьюр Лингпа обнаружил принадлежности Гуру Падмасамбхавы, Шантарак-

шиты и царя Трисонга Дэуцена. Этот великий тертон также обнаружил текст с объяснениями хода практики и пользы выполнения её в том месте.

Дилго Кхьенце (1910–1991) — один из пяти непосредственных перевоплощений Джамьянга Кхьенце Вангпо. Последователями всех четырёх школ считается одним из самых выдающихся учителей тибетского буддизма. В ранние годы своей жизни Тулку Ургьен знал его под именами Тулку Салга или Рабсел Дава.

Дильяк Друбпон (1908–1963) — совершенный практик медитации, выполнивший много трёхлетних затворничеств в монастыре Дильяк; был мастером затворничеств в Цурпу.

Дильяк, монастырь, — монастырь Дабсанга Ринпоче в Нангчене, основанный первым Дабсангом Ринпоче.

«Дополнительное украшение “Света мудрости”» — собрание примечаний Джокьяба к «Свету мудрости», которые он получил от Джамьянга Драгпы из Дру.

Дордже Сиджи — одно из имён Джамьянга Кхьенце Вангпо (Кхьенце Старшего); переводится как «Неразрушимое Великолепие».

«Доспехи против тьмы» — *Мунгэ гоча*: комментарий Сангье Еше из Нуба к Ану-йоге, содержащий 1400 страниц, основан на тантре-первоисточнике «Сутра великого собрания». «Доспехи» были изданы в Дели в рамках грандиозной издательской работы Дуджоме Ринпоче с целью сохранения ранних учений школы нингма. Содержится в томах 50–51 его публикации *Нингма кама*.

Достославная Медноцветная гора — земная чистая страна Падмасамбхавы.

Драг Ерма — одно из священных мест, благословлённых Падмасамбхавой. Расположено в 30 километрах к северо-востоку от Лхасы, знаменито пещерами, в которых медитировали Падмасамбхава и его супруга Еше Цогьял, а также живший в X веке учёный Атиша.

Драгда — селение, где родился Тулку Ургьен Ринпоче, находится близ Цогьял Ахацо (Озера Жизни Еше Цогьял), в местности Драгда, что в 20 километрах от Самье.

Драгоценное ожерелье — большое собрание песен чода, созданных третьим Кармапой и зашифрованных Кармой Чагме.

драшо — ранг правительственного чиновника в Бутане.

Дрепунг — один из трёх главных монастырей школы гелуг, расположенных неподалёку от Лхасы.

дригунг — ритуальный предмет в форме изогнутого секача для разрубания мяса.

дригунг — крупное ответвление линии кагью, которое основал Кьобпа Джигтен Сумгон (1143–1217), ученик Памо Друпы.

Дриме Дашар — один из двадцати пяти учеников Падмасамбхавы. Он же Джнянкакумара из Няга.

Дрово — «Берёзовая долина», резиденция Марпы Переводчика, ныне относится к округу Лходраг в Южном Тибете.

дрома — сладкий корень, тибетский батат, служит лакомством.

Дронг-гомпа (Бонг-гомпа) — монастырь ламы Тензина Дордже, предыдущего воплощения Чокьи Нимы, который расположен к северу от Лхасы в нескольких днях пути по дороге в Кхам через Нагчуку. Дронг — это дикий як.

дроньер — слуга, в чьи обязанности входит принимать гостей.

друбдра — «центр практики», где выполняют трёхлетнее затворничество.

друбчен — «практика великого свершения»; сложная тантрийская практика, выполняемая группой людей, продолжается непрерывно семь дней.

Друк Санг-Нгак Чолинг — резиденция Друкчена Джамгона. *Букв.* «Сад Дхармы Тайной Мантры». Находится в местности Джар в Южном Тибете, построен Пемой Карпо, четвёртым Друкченом (1884–1930), который перенёс туда резиденцию школы друкпа.

Друкпа Йонгдзин Ринпоче (ум. в 1958) — восьмой Друк Караг Йонгдзин (Дечен Чокор Йонгдзин Нгаги Вангпо), выдающийся учитель школы друкпа-кагью из Центрального Тибета.

друкпа-кагью — учения кагью, которые Гампопа передал Лингдже Рэпе через Памо Друбпу.

Друкчен — почтительно именуется Друкченом Джамгоном. Его монастырь называется Друк Санг-Нгак Чолинг. Во времена раннего детства Тулку Ургьена Ринпоче воплощением Друкчена был Мипам Чокьи Вангпо (1884–1930), главным гурю которого был великий сиддха Друбванг Шакья Шри.

Дуджом Ринпоче (1904–1987) — перерождение великого тертона Дуджоме Лингпы. Был высшим главой традиции нингма после исхода из Тибета, считается одним из самых видных учёных нашего времени.

Дудул — помощник Самтена Гьяцо и друг детства Тулку Ургьена.

дур — ритуал, исполняемый после смерти человека, чтобы отделить определённых духов от жизненной энергии умершего, которые в противном случае могут её ослабить или создать препятствия к освобождению в бардо.

дурука — вредоносные влияния, упомянутые в древних пророчествах: нападение вражеских войск, заразные болезни и материальные вещества.

Дусолма — защитница, охранительница буддийских учений.

Дусум Кхьенпа (1110–1193) — первый Кармапа, ученик Гампопы.

Дхарма — учение Будды.

дхармадхату — пространство явлений; таковость, в которой пустота и взаимозависимое возникновение нераздельны; природа ума и явлений, лежащая за пределами возникновения, пребывания и прекращения.

дхармакайя — *см.* кайи.

дхармараджа — духовный правитель, царь Дхармы.

дхармата — исходная природа реальности, свободная от форм и ничем не обусловленная природа вещей, которую можно познать в личном переживании.

дядя Терсэй (1887/9–1955/7) — дядя Тулку Ургьена Ринпоче; *Терсэй* — значит «сын тертона».

«Единственное дитя будд» (*Сангье сэчи*) — изначальная тантра, которая даёт освобождение благодаря слушанию, прикосновению или вкушению.

Еше Цогьял — близкая ученица Падмасамбхавы и составительница его учений.

шидаг — местное божество, могущественный дух местности.

зарождения и завершения, стадии — два главных аспекта практики Ваджраяны. Стадия зарождения подразумевает выстраивание умом конкретных объектов, а стадия завершения — пребывание в несотворённой природе ума.

защитники — охранители учений Дхармы.

защитники Дхармы — существа не из рода людей, обещавшие защищать и охранять учения Будды и их последователей; бывают «мирские защитники», то есть добродетельные самсарные существа, и «защитники, исполненные мудрости» — эманации будд или бодхисатв.

Исполняющая Желания Драгоценность — в высшей степени почтительное обращение к Кармапе, а также выражение ему глубокого уважения и преданности.

испытание «выпадом» — местные духи могут испытывать йогина на устойчивость в медитации, создавая призраки различной силы.

исходное пространство — изначальная природа переживания.

исчерпание представлений и явлений — четвёртый из четырёх уровней реализации в практике дзогчен. Согласно словам Целе Нацога Рангдрола, «тело переживания, способности чувств и все формы мышления исчерпываются, так что достижение просветления и растворение в пространстве дхарматы, запредельном мыслям и описаниям, становится неизбежным».

йидам — божество в тантрийской практике, им может быть Авалокитешвара или Ваджрасаттва.

Йолмо (Хеламбху) — священная долина на расстоянии трёх дней пути пешком к северу от Катманду.

Йонга — близкий ученик Кхьенце Старшего.

Йонгдзин — Друк Караг Йонгдзин Ринпоче, он же Тогдэн Пагсам Гьяцо. Учитель школы друкпа-кагью. Среди его здравствующих учеников — Согце Ринпоче.

Йонгэ Мингьюр Дордже (1628/41–1708) — тертон времён десятого Кармапы, Чойинга Дордже (1605–74).

кагью — традиция учений, которую в Тибет принёс Марпа. Будда-дхармакайя Ваджрадхары передал её индийским сиддхам Тилопе, Сарахе и другим. Наропа и Майтрипа передали её тибетскому переводчику Марпе, а тот передал её Миларепе, Гампопе, Кармапе и другим. Главный упор делается на путь метода — шесть учений Наропы и путь освобождения — наставления Майтрипы по Махамудре.

кадам, традиция — одна из восьми колесниц практики, которую в XI веке Атиша Дипанкара принёс из Индии в Тибет.

кадампа — последователь традиции кадам.

кайи — три кайи: дхармакайя, самбхогакайя и нирманакайя. Дхармакайя — это «тело» просветлённых качеств, свободное от построений, подобно пространству. Может быть или аспектом переживания йогина, или окончательным просветлением. Самбхогакайя — это совершенный образ будды в полях будды, наделённый «большими и малыми знаками». Нирманакайя — это воплощения, призванные влиять на живых существ и приносить им благо.

Кайлаш — священная гора в Западном Тибете.

Кхакьяб Дордже (1871–1922) — пятнадцатый Кармапа. Ученик Конгтрула Старшего и учитель Карсэя Конгтрула.

Кала Ронг-го — место, где Чокгьюр Лингпа обнаружил учение-терма *Тундруб барче кунсел*. Находится в Нангчене между Чекунду и Шарда.

Калачакра — «Колесо времени», тантра и одна из систем Ваджраяны, которую передавал сам Будда Шакьямуни. Раскрывает взаимосвязь между внешним миром, материальным телом и умом.

Калимпонг — город в северной Индии неподалёку от Дарджилинга, древнее место торговли между Калькуттой и Ахасой.

Калпа — помощник Чованга Тулку.

кама — «длинная линия передачи» школы нингма: канонические тексты, которые со времён Падмасамбхавы и раньше непрерывным образом передавались от учителя к ученику.

камни *мани* — камни с вырезанными или высеченными мантрами Авалокитешвары: ОМ МАНИ ПАДМЭ ХУНГ. Их часто делают по поручению какого-либо верующего человека, дабы увеличить заслуги живого или умершего, и помещают там, где другие люди могут получить пользу, увидев их или обойдя вокруг.

Кангсар — см. гора Кангсар, Самтен Кангсар.

Кангсар Кхенпо — учитель традиции сакья из монастыря Нгор.

Кангсар — гора на старом пути из Нангчена в Ахасу.

Кангьюр — переведённые слова Будды: сто три или сто четыре тома текстов тибетского канона, в которых содержатся слова самого Будды Шакьямуни.

Кхандро Ченмо — Великая Дакини из Цурпу, супруга пятнадцатого Кармапы. Её перерождение, Кхандро Ринпоче, живёт в Индии, в Химачал-Прадеше, но даёт учения по всему миру.

Ка-Нинг Шедрублинг, монастырь, — основан Тулку Ургёном Ринпоче в Непале, около Великой ступы в Боудхнатхе, настоятелем и мастером ваджры являются Чокьи Нима Ринпоче и Чоклинг Ринпоче.

Каргах — уменьшительное имя Тулку Ургёна Ринпоче.

Карма-Гон — монастырь-резиденция воплощений Кармапы, находится в Кхаме, в Лато, между Сурмангом и Чамдо, к югу от Нангчена, резиденция первых воплощений Ситу Ринпоче.

Карма Гьялцен — главное имя Кьютгтрула Каргьяма.

Карма Лингпа (XIV в.) — тертон, известный главным образом тем, что обнаружил текст «Великое освобождение благодаря слушанию в бардо», ныне ставший популярным под заглавием «Тибетская книга мёртвых».

Карма Пакши (1204–1283) — второй Кармапа и, следовательно, первый тулку Кармапы.

Карма Чагмей (1613–1678) — великий святой и тертон, принадлежал и к школе нингма, и к школе кагью. Его монастырём был Ньедо (Немдо) Таши Чолинг в Чамдо. Известен своим произведением «Единство Махамудры и дзогчен».

Карма, гора — священная гора к югу от Нангчена, на пути в Чамдо.

Кармапа — линия перерождения Кармап. Чокгьюр Лингпа предсказал имена первых двадцати пяти. Нынешний Кармапа — семнадцатый.

Кармей Кхенпо (род. в XIX в.) — полное имя Кармей Кхенпо Ринчен Даргье. Мой учитель, Самтен Гьяцо, описывал Кармей Кхенпо так: «Ученик великого тертона, перевоплощение Кхенпо Бодхисаттвы, что неоднократно подтверждали великие учителя — Кхенце, Конгтрул и Чоклинг — и сам по себе выдающийся учитель».

Кармей Кхентрул — перерождение Кармей Кхенпо, двоюродный брат Тулку Ургьена Ринпоче.

Карпо Сабчу — йогин и помощник Чокгьюра Лингпы.

Карса Юри — мать Тулку Ургьена Ринпоче.

Карсэй Конгтрул (1904–1953) — он же Джамгон Палден Кхенце Осер, непосредственное перевоплощение Конгтрула Старшего, родившийся сыном пятнадцатого Кармапы. Один из коренных гуру Тулку Ургьена Ринпоче.

Карша Ринпоче — учитель из Карша (Лахула), Северная Индия.

Катманду — столица Непала.

Катог Ситу (1880–1925) — Чокьи Гьяцо. Великий учёный из монастыря Катог, один из учителей дяди Терсэя.

Катог, монастырь — один из четырёх главных монастырей школы нингма в Кхаме. Расположен к югу от Дерге близ Паюла.

Кенпа, долина — небольшое потаённое место в Бутане.

кхенпо — образованный учитель в монастыре или тот, от кого принимают монашеские обеты.

Кхенпо — см. Бомта Кхенпо, Кангсар Кхенпо, Кармей Кхенпо, Кхенпо Бодхисаттва.

Кхенпо Бодхисаттва — больше известен под именем Шантаракшита. Индийский пандита и настоятель монастырей Викрамашила в Индии и Самье, посвятил в монашество первых тибетцев.

Кхенпо Легшей — учитель в Цурпу во времена пятнадцатого и шестнадцатого Кармап.

Кхенпо Нгакчунг (1879–1941) — учёный и учитель в школе монастыря Катог, сыграл важную роль в обновлении теоретического подхода к изложению текстов дзогчен. Считался воплощением как Вималамитры, так и Лонгченпы. Один из его последних живущих ныне учеников — Чатрал Ринпоче. Своё имя получил потому, что существовал старший кхенпо по имени Нгаванг, а потому он стал Нгавангом Кхенпо Младшим. Одно из его сочинений издано на английском языке с краткой биографией во введении: Khenpo Ngawang Pelzang, A Guide to the Words of My Perfect Teacher (Shambala Publications, 2004.)

Кхентрул («перевоплощение Кхенпо») — в данной книге имеется в виду Кармей Кхентрул, тулку Кармей Кхенпо.

кхенчен — великий учёный (кхенпо): звание, присваиваемое только учителям чрезвычайного уровня учёности.

Кечу, река — одна из рек между Нангченом и Дерге, сливается с рекой Цичу перед монастырём Цикей.

килая — кинжал, используемый в тантрийских ритуалах, обычно с трёхгранным лезвием.

«Кинжал семеричной глубины» — *Сабдун нурба*, принадлежит к циклу Килай, одному из семи собраний откровений из «Семеричной глубины», учения-терма, обнаруженного Чокгьюром Лингпой. «Кинжал» — это Килая. Эту практику выполняли в Цурпу.

Конгпо — провинция близ индийской границы, к востоку от Лхасы и к юго-западу от Нангчена.

Конгтрул — Джамгон Конгтрул, см. также Карсэй Конгтрул, Дзигар Конгтрул.

Конгтрул Старший — Джамгон Конгтрул Первый.

Кончог Гьюрме Тенпэ Гьялцен (1871–1939) — второй Чоклинг из Цикей.

Кончог Палдрон (1858(?)-1939(?)) — бабушка Тулку Ургьена Ринпоче, дочь Чокгюра Лингпы. Её имя означает «драгоценный светоч величия».

коренной гуру — ваджрный учитель, который дарует посвящение, даёт передачу-лунг или объясняет смысл тантр. У практика Ваджраяны может быть несколько разновидностей коренного гуру. Наивысший коренной гуру — тот, кто даёт указующее наставление, благодаря которому ученик узнаёт природу ума.

Крепостная Вершина — Дзонг-го Линг, высокогорный оплот Самтена Гьяцо и Тулку Ургьена Ринпоче, находящийся в ведении монастыря Лачаб, который расположен на расстоянии одного дня пути верхом. Недавно был перестроен перерождением Самтена Гьяцо.

Крепость Лотосного Гаруды — Пема Кхьюнг Дзонг, место для затворничества высоко в горах над Цурпу.

крушение заблуждения — исчезновение ошибочных понятий и представлений.

кудунг — священные останки тела духовного мастера, появляются до или после кремации. Иногда, как это было с Чокгьюром Лингпой, всё тело бальзамировали и помещали в ступу.

Кунго Калсанг — сын Чиме Дордже, единокровный брат Тулку Ургьена Ринпоче.

Кунсанг Дечен — супруга Тулку Ургьена Ринпоче, мать Чокьи Нимы Ринпоче и Чоклинга Ринпоче.

Кунсанг Дордже — младший брат Тулку Ургьена Ринпоче, предположительно воплощение Нэтэна Чоклинга.

Кунсанг тугтил («Сердечная сущность Самантабхадры») — собрание учений-терма, обнаруженных Чокгьюром Лингпой. Главное внимание в них уделено мирным и гневным божествам как стадии зарождения и практикам *трегчо* и *тогал* как стадии завершения.

Куну — провинция в северной части Химачал-Прадеша, Индия.

Куну Ринпоче (1885–1977) — Куну Лама Тензин Гьялцен, лама из Индии, путешествовавший по всему Тибету и Кхаму, он стал учителем Далай-ламы. Подробности см. в его книге о бодхичитте, изданной на английском языке: *Vast as the Heavens, Deep as the Sea*.

куцаб — символическое изображение, «представитель»: обычно так называют статую Лотосорождённого Гуру, Падмасамбхавы.

Куцаб Лхаканг — небольшое храмовое помещение, посвящённое статуе, изображающей Падмасамбхаву.

Кхам — некогда независимое королевство к востоку от Чамдо, включало в себя Нангчен, Дерге Амдо и Голок. Ныне занимает часть ТАР (Тибетского автономного района), а также провинций Юннань, Цинхай и Сычуань. Нетибетцы называют Кхам Восточным Тибетом.

кхампа — житель Кхама.

Кхампа Гомчен — необычный практик медитации и врач, скончался в Непале в восьмидесятые годы.

Кхамтрул Тенпэ Нима (1849–1907) — один из главных учителей линий передачи друкпа-кагью. Его нынешнее перерождение живёт в Ташиджонге, Химачал-Прадеш, Индия.

Кхьенце — см. Дилго Кхьенце, Дзонгсар Кхьенце, Джамьянг Кхьенце Вангпо, Кхьенце из Палпунга.

Кхьенце из Палпунга (1896–1945) — перевоплощение Кхьенце Старшего, жил в монастыре Палпунг.

Кхьенце Старший — Джамьянг Кхьенце Вангпо.

Кьипуг — лагерь для затворничества великого учителя Шакья Шри, близ Друк Санг-Нгак Чолинга, в местности Джар в Южном Тибете.

Кьиронг — на юго-западе от Ахасы, на старой границе с Непалом, к северу от Катманду.

Кхьюнпо Налджор (1002–1064) — тибетский учитель, принесший из Индии учения, которые потом стали известны под названием шангпа-кагью, а потому считается основателем этой линии. Ученик женщины-сиддхи Нигумы.

Кхьюнпо, область, — в настоящее время относится к округу Тенчен, к югу от Нангчена, между Чамдо и Ахасой. Кхьюнпо — название района в Кхаме, означающее *гаруда*.

Кхьюнпо, род, — из этого же рода происходил Миларепа. Представители этого рода правили Западным Тибетом во времена древнего царя Сонгцена Гампо.

Кьонгтрул Каргьям (Карма Гьялцен) — один из учителей Тулку Ургьена Ринпоче, считается одной из эманаций Джамгона Конгтрула Первого. Каргьям — сокращение от Карма Гьялцен. У короля Нангчена было четыре гуру, и один из них, отец Кьонгтрула, жил в Херу-гомпе.

Кьясу Тертон — открыватель учений-кладов из рода Кьясу. К этому роду принадлежал Чокгьюр Лингпа. Одну из стен дворца Кьясу всё ещё можно увидеть на расстоянии часа ходьбы от монастыря Цечу в Нангчене.

Ладакх — страна к западу от Тибета, к северу от Кашмира, ныне входит в состав Индии.

Лама Лаце — один из учеников Кармей Кхенпо, живший в Кхаме, выдающийся хранитель монашеских обетов.

Лама Пуце (Пема Таши, умер в 1998) — очень знающий ученик третьего Чоклинга из Нэтэна и Дилго Кхьенце Ринпоче.

Лама сангду — учение-терма, обнаруженное Гуру Човангом.

Ламдрэ — «путь и плод», чрезвычайно важные учения традиции сакья, которые пришли от индийского учителя Вирупы.

Ламрим еше нинпо — спонтанная песня Падмасамбхавы, содержащая смысл всего буддийского пути к просветлению, и особенно Ваджраяны. Комментарий к ней называется «Свет мудрости».

Лангдарма (841–906) — злобный гонитель буддизма, почти сумевший искоренить его в Тибете. Брат царя Ралпачена. Его убил Палгьи Дордже.

Лачаб, монастырь — Лачаб Джангчуб Нордзин Чолинг, главный монастырь Самтена Гьяцо и Тулку Ургьена Ринпоче в Нангчене.

лачен — титул главного учителя, императорского священнослужителя.

«Летопись “Золотое ожерелье”» — подробная биография Лотосорождённого Гуру, Падмасамбхавы; терма, открытое Сангье Лингпой (1340–1396).

лингпа — звание, которым обычно награждают открывателя учений-кладов. Например: Сангье Лингпа, Ратна Лингпа, Чокгьюр Лингпа.

Лонгчен нингтиг — «Сердечная сущность великого пространства»: терма ума, открытое великим учёным и практиком Джигме Лингпой, мистическое учение, переданное ему Лонгченпой. Линия передачи школы нингма. См. *Masters of Meditation and Miracles: Lives of the Great Buddhist Masters of India and Tibet*, Tulku Thondup, Shambala Publications, 1999.

Лонгченпа (1308–1363) — великий учитель линии передачи и писатель из школы нингма, перерождение царевны Пема Сал, дочери царя Трисонг Дэуцена, которому Гуру Ринпоче вверил свою линию передачи дзогчен — *Кхандро нингтиг*. Его единогласно признают самым важным автором текстов по учению дзогчен. Среди его сочинений «Семь великих сокровищниц», «Три трилогии» и его комментарии в *Нингтиг ябци*. Более подробное описание его жизни и учений содержится в книге Тулку Тондуба Ринпоче *Buddha Mind*, Snow Lion Publications, 1989.

Лотер Вангпо (1847–1914) — лама из монастыря Нгор в провинции Цанг, Центральный Тибет. Один из главных учеников как Кхьенце, так и Конгтрула.

«Лотосная сущность», тантра (*Пема нингпо гью*) — краткая тантра, дающая освобождение благодаря слушанию или чтению.

Лотосорождённый Гуру — Падмасамбхава.

лоцава — переводчик текстов канона, обычно работал вместе с индийскими пандитами.

Луме Дордже — принадлежал к роду Цангсар; один из учителей традиции баромкагью, предок Тулку Ургьена Ринпоче.

Лунгток — детское имя второго сына Тулку Ургьена Ринпоче. Позже шестнадцатый Кармапа узнал в нём четвёртого Чоклинга из Цикья.

Лунгток из Ньюшула (1829–1901/2) — один из учеников Патрула Ринпоче, главный учитель Кхенпо Нгакчунга.

Лхабсанг — один из двух ярких последователей пятого Далай-ламы. Вторым был Сангье Гьяцо.

Лхагсам — повар Чокгьюра Лингпы.

лхаканг — молитвенное помещение.

Лхаса — столица Тибета.

Лхачам Кучог — «Ваша Милость»: почтительное обращение к жене сановника.

Лходраг — район к югу от Лхасы, к северу от Бутана.

Лхундруб Тенг — «Дворец Самопроизвольного совершенства» в Дерге, основан Тангтонгом Гьялпо (1361–1485) и с тех пор является главным храмом королей Дерге.

Львиноликая Дакини (Сингхамукха) — одно из главных божеств, отвращающих препятствия и вредоносные силы.

Манасаровар, озеро — знаменитое озеро, место паломничества близ горы Кайлаш на западе Тибета.

мандала — «центр и окружение»: обычно божество со своей свитой. Часто мандала — это символическое графическое изображение мира того или иного тантрийского божества.

Манджушри — один из восьми бодхисаттв, олицетворение совершенства запредельного знания.

Мананг — область на северо-западе Непала.

Мао Цзэдун — коммунистический вождь Китая; многие тибетцы считали его одержимым демоническими силами, стремящимися уничтожить Дхарму и счастье живых существ.

мара — демон, или препятствие: всё, что отвлекает практика от Дхармы и стремления к непреходящему счастью и освобождению.

Маратика — священная пещера, где Падмасамбхава и Мандарава достигли бессмертия; ныне считается, что она находится на юго-востоке Непала.

Маргьенма — одна из супруг царя Трисонга Дэуцена, которая чинила препятствия Вайроцане, добившись его изгнания.

Марпа (1002/12–1097) — великий основатель традиции кагью. См. *Life of Marpa the Translator*.

мастер ваджры — знаток ритуалов и смысла Ваджраяны, от которого ученик получает учение и посвящение Тантры; также может подразумевать человека, ведущего тантрийский ритуал.

«Мать Праджняпарамита» — двенадцать объёмных томов текстов *Праджняпарамиты*, одной из самых известных сутр Махаяны.

Маха-йога — первая из трёх внутренних тантр школы нингма. Делает упор на практику садхан и воззрение, согласно которому освобождение достигается благодаря постепенному постижению нераздельности двух высших истин — чистоты и равенства. Чистая природа совокупностей, элементов и полей чувств — это будды и бодхисаттвы мужского и женского облика. В то же самое время всё явленное и сущее имеет равную природу пустоты.

Маха-йога, Ану-йога, Ати-йога — три внутренние тантры школы нингма, глубокие методы пробуждения к состоянию будды за одну жизнь.

Махакала — один из главных охранителей Дхармы, гневная форма Авалокитешвары.

Махамудра — *букв.* «великая печать»; одна из самых непосредственных практик для постижения своей природы будды; система учений, составляющая основу воззрения практики Ваджраяны согласно *сарма*, или новым школам, — кагью, гелуг и сакья, — как дзогчен составляет основу школы нингма.

Махаяна — «большая колесница»; слова «большая» и «малая» подразумевают масштабы устремления, применяемых методов и глубины постижения. Главное в практике Махаяны — обет бодхисаттвы освободить всех живых существ с помощью сострадания и постижения пустоты.

Мачен Помра — мощная горная цепь Амnye Мачен, также называется Магьял Помра; священная гора, считающаяся обителью Мачен Помра, могущественного защитника Дхармы в Тибете.

Мачиг Лабдрон (1055–1153) — великая женщина-учитель и воплощение Еше Цогьял. Была основательницей практики чод — отсечения привязанности к «я». Имя Мачиг Лабдрон означает «Единственная Мать — Светоч Дхармы».

Маюм Дега (Дечен Чодрон) — супруга Чокгьюра Лингпы и прабабушка Тулку Ургьена Ринпоче. Её имя означает «Светоч Дхармы — Великое Блаженство».

Мелемчи — деревня в районе Хеламбу (Йолмо), в трёх дня пути пешком к северу от Катманду.

мендруб — священное снадобье, приготовленное из трав и священных реликвий и освящённое с помощью особого ритуала, который называется *мендруб друбчен*.

метод и освобождение — если говорить о школе кагью, подразумеваются «Шесть учений» Наропы и Махамудра.

меца — старинное кремневое огниво с кремнем, сухим мхом или корой.

Миларепа (1040–1123) — один из самых знаменитых йогинов и поэтов в духовной истории Тибета. От него пришли многие из учений школы карма-кагью. См. *The Life of Milarepa* и *The Hundred Thousand Songs of Milarepa*. Его имя означает «Мила, одетый в хлопок».

Мингьюр Дордже — тулку Йонгэ Мингьюра Дордже. Был учеником Чокгьюра Лингпы и, несмотря на то что сам был тулку, помогал тертону как слуга.

Мингьюр Чодрон — сестра Тулку Ургьена Ринпоче.

Миндроллинг — один из двух главных монастырей школы нингма в Центральном Тибете (основан Тердагом Лингпой в 1670 году), второй монастырь — Дордже Драг.

Мипам (1846–1912) — ученик Джамгона Конгтрула, Джамгона Кхьенце Ванпо и Патрула Ринпоче. Благословленный Манджушри, стал одним из величайших учёных своего времени, собрание его сочинений составляет более тридцати томов. Его главным учеником был Шечен Гьялцаб Пема Намгьял, коренной гуру Дилго Кхьенце Ринпоче.

мир Брахмы — небеса бога Брахмы в мире форм.

мирные и гневные божества — сорок два мирных и пятьдесят восемь гневных божеств, олицетворяющих основные качества природы будды, преобразование самсарных свойств на пути, а также совершенные качества полного просветления. Практика, связанная с их мандалой, очень распространена в традициях нингма и кагью.

момо — тибетские манты с начинкой из мяса или творога.

мудра — священный жест, символический жест рук.

Муруб, царевич — второй сын царя Трисонга Дэуцена, близкий ученик Падмасамбхавы; достиг просветления и принял обет возвращаться, чтобы открывать учения-клады Лотосорождённого Гуру; впоследствии родился как Чокгьюр Лингпа.

нага — могущественные змееподобные существа, населяющие воды и часто сторожащие огромные сокровища. Наги принадлежат наполовину к миру животных,

наполовину — к миру богов. Обычно выглядят как змеи, но могут принимать облик людей.

Наги-гомпа — монастырь Тулку Ургьена Ринпоче на северном склоне долины Катманду.

Намкхай Нинпо (VIII в.) — один из двадцати пяти близких учеников Лотосорождённого Гуру.

Нангси Силнон (Покоритель Всего Явленного и Сущего) — одно из имён Падмасамбхавы.

Нангсо Ченмо — монастырь, построенный Луме Дордже из Цангсара, одним из старейших учителей линии баром-кагью. Его развалины находятся на небольшой горе, расположенной на расстоянии половины дня пути пешком к югу от Цечу-гомпы.

Нангчен — независимое королевство в Восточном Тибете, находится на территории южной части современной провинции Цинхай.

Наропа — сиддха из Индии, главный ученик Тилопы и учитель Марпы в линии передачи кагью. См. *Rain of Wisdom* и *the Life of Marpa*.

Нгабо — высокопоставленный правительственный чиновник в Лхасе в 1950-х годах.

Нгаванг Тринлэ — современник Еше Дордже, одиннадцатого Кармапы (1675–1702); предыдущее воплощение Самтена Гьяцо; первое из воплощений Нгактрина, построил монастырь Лачаб.

нгакпа — практик Ваджраяны; не носит монашеской одежды, отпускает длинные волосы и может жениться.

Нгактрин — Нгаванг Тринлэ, линия перерождений Самтена Гьяцо, который был четвёртым Нгактрином-тулку.

Нгактрин из Аргонга — второй Нгактрин-тулку; ученик двенадцатого Кармапы, Джангчуба Дордже (1703–1733) и восьмого Ситу, Чокьи Джунгнэ.

Нгакчунг, кхенпо (1879–1941) — см. Кхенпо Нгакчунг.

надрама — «подобие», скульптурное или живописное изображение, считающееся точной копией изображённого.

Нгари — провинция в западной части Тибета.

Нгедон Осэллинг — один из монастырей, построенных Тулку Ургьеном Ринпоче, расположен в долине Катманду на вершине холма позади Сваямбху; ныне резиденция Цокни Ринпоче в Непале.

Нгор — монастырь школы сакья в Центральном Тибете, в провинции Цанг.

Недвойственное осознание — состояние сознания (особенно в контексте указующих наставлений относительно просветлённого ума), полностью свободное от неведения и двойственных представлений о воспринимающем и воспринимаемом. Вследствие этого оно свободно и от эмоций, проистекающих от привязан-

ности к своему «я», а также от создания неблагодатной кармы. Узнавание этого не-двойственного осознания и освоение его — главное достижение и в дзогчен, и в Махамудре.

«Неистошимая гирлянда молний» — призывание, обращённое к охранителям Дхармы, особенно к тем, кто защищает учения дзогчен.

немедитация — четвёртый из четырёх уровней Махамудры. Более подробно см. Dakro Tashi Namgyal, *Clarifying the Natural State*, Rangjung Yeshe Publications.

Ненанг — монастырь Паво Ринпоче в Центральном Тибете, в 60 километрах от Ахасы по дороге в Цурпу.

Нендо (Ньедо) — одно из ответвлений линии карма-кагью, берёт начало от Кармы Чагме. Главный монастырь (Нендо Таши Чолинг) находится в Чамдо, к югу от Нангчена.

нерукотворные (изображения, слог и т. д.) — регион Гималаев изобилует священными изображениями, которые, как считается, не были созданы рукой человека.

Нэтэн Чоклинг — см. Чоклинг из Нэтэна.

Нэтэн, монастырь, — одна из трёх главных резиденций Чокгьюра Лингпы. Во время своего пребывания там он получил видение Шестнадцати Архатов, или Шестнадцати Старейшин. *Нэтэн* в переводе с тибетского значит «старейшины». Расположен на границе между Нангченом (Цинхай) и Чамдо (Тибетский автономный район) близ Цечу-гомпы.

Неуринг Сенге Дзонг — «Луг Львиной Крепости», одно из пяти главных мест затворничества Падмасамбхавы, находится на самой границе с Бутаном, к северу от Ахунце Дзонга.

Нингма кама — устные передачи старой школы: пятьдесят шесть томов расширенного издания, выпущенного Дуджомом Ринпоче. Большинство текстов посвящено трём внутренним тантрам.

нингма, школа — учения, которые принесли в Тибет и перевели на тибетский язык в основном такие великие учителя, как Падмасамбхава, Вималамитра, Шантаракшита и Вайроцана, главным образом во времена правления царя Трисонга Дзунгца и в последующий период вплоть до Ринчена Сангпо, жившего в IX веке. Две главные разновидности передачи — это кама и терма. Практики основаны как на внешних, так и на внутренних тантрах, причём упор делается на внутренние тантры Маха-йоги, Ану-йоги и Ати-йоги.

нингтил — «сердечная сущность», обычно подразумевается сокровенный аспект учений дзогчен, например наставления Вималамитры и Падмасамбхавы.

Нингтил ябци — см. «Четыре ветви сердечной сущности».

«Новые сокровища» — *Чоклинг терсар*, собрание терма, обнаруженное Чокгьюром Лингпой. Составляют сорок толстых томов вместе со связанными с ними учениями, руководствами по ритуалам и комментариями, написанными главным образом Джамьянгом Кхьенце Вангпо, Джамгоном Конгтрулом, Кхакьябом Дордже, Цевангом Норбу, Терсэем Тулку и Дилго Кхьенце Ринпоче.

новые школы поздних переводов — см. школы *сарма*.

Норбулингка — летняя резиденция Далай-ламы неподалёку от Ахасы.

Нубри — область в Ганеш-Химале, в северо-западной части Непала.

Ньемо — область к юго-западу от Ахасы, неподалёку от неё.

ньендруб — «Три ваджрные практики приближения и свершения», один из восьми разделов линии передачи практики, которую принёс в Тибет учитель Оргьенпа (1230–1309), совершивший путешествие в земную чистую страну Уддияна, где встретился с буддой Ваджраварахи.

Ньенчен Тангла — важный защитник учений школы нингма. Считается бодхисаттвой восьмой ступени. Также название горной цепи к северу от Ахасы.

ньерна — управляющий монастыря как в светских вопросах, так и в ритуальных.

Ньюшул Кхен (1932–1999) — Джамьянг Дордже, один из величайших кхенпо школы нингма нашего времени, известен своими спонтанными поэтическими произведениями и песнями реализации. Ученик Шедруба Тенпэй Нимы и один из держателей «Устной линии передачи нингтиг», пришедшей от Джигме Лингпы и Патрула Ринпоче.

Ньягла Пема Дудул (1816–1872) — учитель, который обрёл Радужное Тело.

Ньянг Рал Нима Осер (1124–1192) — первый из пяти царей тертонов, перерождение царя Трисонга Дэуцена. Несколько из открытых им терма входят в *Ринчен тердзо*; самое известное среди них — *Кабье дешег дупа*, цикл учений, посвящённых «Восьми повелениям», и биография Гуру Ринпоче под заглавием *Санг-лингма*, которая ныне издана как *Lotus-Born*. Ньянг Рал значит «Носящий Косы из Ньянга», а Нима Осер — «Луч Солнечного Света».

нэдаг — дух, хозяин местности.

Обезьяноликий Ганапати — защитник Дхармы.

обет бодхисаттвы — обещание привести всех живых существ к освобождению и просветлению.

обеты трёх уровней — *см.* держатель ваджры, хранящий три обета.

ом мани пэмэ хунг — известная мантра Авалокитешвары, бодхисаттвы сострадания.

омдзе — должность ведущего песнопений в монастыре.

Оргьен Тобгьял (род. в 1952) — старший сын Нэтэна Чоклинга. Живёт в Бире, штат Химачал-Прадеш, Северная Индия, где построил монастырь Нэтэн.

Оргьен Чопел — дед Тулку Ургьена Ринпоче по отцовской линии.

открыватель учений-кладов — *см.* тертон.

отсутствие «я» — подразумевается, что кажущееся реальным «я» человека или явления невозможно обнаружить как постоянную, неделимую и независимую сущность.

отчётливое присутствие — ясная визуализация божества.

Паво Ринпоче (1912–1993) — Цуклаг Нангва Вангчуг, один из главных учителей традиции кагью в наше время.

Пагчок — внук Тулку Ургьена Ринпоче, старший сын Цикья Чоклинга. См. также Сэй Пагчок.

Падмасамбхава — Лотосорождённый Гуру, который в VIII веке принёс в Тибет Ваджраяну. Также его называют Гуру Ринпоче: «драгоценный учитель». Более подробно о жизни этого учителя см. *The Lotus-Born*.

Падмасаттва — главное божество в терма ума, открытом Кхьенце Старшим после кончины Чокгьюра Лингпы. В видении Кхьенце Старший узрел великого тертона в его образе самбхогакаи и, получив посвящение и учение, записал их.

накши — см. тиши.

налбар — тибетское слово, переведённое здесь как «блистательное величие».

Палпунг — большой монастырь школы кагью в Дерге, Кхам; резиденция перерождений Ситу; основал Ситу Чокьи Джунгнэ в 1717 году.

пандита — учёный, знаток буддийской философии.

Панчен-лама — линия перерождений настоятелей монастыря Ташилхунпо, основанного во времена пятого Далай-ламы. Первым Панчен-ламой был Лобсанг Чогьен (1570–1662).

Паро — знаменитое место паломничества в Бутане, в полутора часах езды на автомобиле от столицы Тхимпху.

Патрул Ринпоче (1808–1887) — один из самых выдающихся учителей своего времени, был известен не только своими знаниями, но и являл пример отречения и сострадания. Среди его самых знаменитых сочинений «Слова моего всеблагого учителя» (*Кунсанг ламей шеллунг*) и его комментариев к «Трёх словам, бьющим прямо в цель» (*Цигсум нэдег*), квинтэссенции учений дзогчен.

Паюл — Намгьял Джангчуб Линг, один из четырёх главных монастырей школы нингма в Кхаме, основан в 1665 году Ригдзином Кунсангом Шерабом.

Пэнджиг — старший единокровный брат Тулку Ургьена Ринпоче.

передача — непосредственное наделение знанием, даруемое учителем ученику; не прерываясь на протяжении веков.

передача-лунг — разрешение изучать текст, которое получают, выслушивая его чтение вслух.

письмена дакини — зашифрованный текст, символическое письмо, письменность, используемая дакини.

победоносное знамя реализации — знак преодоления всего того, что скрывает природе будды.

пхова — тантрийская практика выброса сознания через темя в момент смерти, чтобы достичь рождения в мире будды. Часто сопровождается зримыми знаками успеха.

подношение мандалы — подношение, которое мысленно представляют в виде всей вселенной, а также как подношения, выкладываемые в ходе тантрийского ритуала.

ла на круглое, богато украшенное блюдо. Даровать учение «как подношение мандалы» — значит, оказать его получателю наивысшее уважение.

помрачение познанием — самая тонкая пелена, которая скрывает от нас нашу природу будды; представляет собой приверженность к представлениям о субъекте, объекте и их взаимодействии. См. также помрачение клешами.

Понлоб Ринпоче — линия перерождения учителей, связанных с монастырём дзогчен в Кхаме. Шестой Дзогчен Понлоб Ринпоче — Тубтен Джигдрал Цеванг Дордже (1925–1962) был братом шестнадцатого Кармапы.

понпо — местный староста, нечто вроде губернатора области.

посвящение — наделение силой или правом практиковать учения Ваджраяны, обязательное условие для тантрийской практики. Посвящение даёт возможность управлять собственными ваджрным телом, ваджрной речью и ваджрным умом и право видеть образы как божества, слышать звуки как мантру и воспринимать мысли как мудрость.

Потала — знаменитый дворец Далай-лам и самая главная достопримечательность Лхасы.

поток ума — поток сознания индивида; как и речной поток, не неизменен, но и не может быть прерван.

Подобная Цари Драгоценная гора (Цадра Ринчен Драг) — расположена на склоне горы над монастырём Палпунг в Кхаме; подробно описана в *The Autobiography of Jamgon Kongtrul* и в Ngawang Zangpo, *Sacred Ground: Jamgon Kongtrul on "Pilgrimage and Sacred Geography"*, Snow Lion Publications.

Праджняпарамита — запредельное знание; учения Махаяны о постижении пустоты, запредельном представлении о субъекте, объекте и действии; связаны со вторым поворотом колеса Дхармы. Поскольку Праджняпарамита устраняет самые тонкие помрачения, это знание часто называют Матерью всех будд.

практика долгой жизни — практики восстановления жизненной энергии, пришедшей в упадок и иссякнувшей, что влечёт за собой болезни, старение и смерть.

практика йидама — упражнение в том, чтобы воспринимать всё зримое как божество, звуки — как мантру и мысли — как самадхи.

предварительные практики, четыре по сто тысяч (четыре основы) — традиционная основа продвижения практика Ваджраяны: прибежище и обет бодхисаттвы, повторение мантры Ваджрасаттвы, подношение мандалы и гуру-йога — каждая из этих практик повторяется сто тысяч раз.

предметы терма — потаённые клады многих разновидностей: тексты, ритуальные принадлежности, священные останки и природные объекты.

прибежище — источник защиты, оплот веры, объект поддержки.

«Призывание гуру издалека» — знаменитая молитва, написанная Джемгоном Конгтрулом.

природа ума — то же, что сущность ума и природа будды; следует отличать от мыслящего ума (*сем*), который имеет отношение к рассудочному мышлению, опи-

раующемуся на неведение. Природа ума — исходное пространство, в котором рождаются и пребывают мысли.

пробуждённость, изначальная, ясная (*еше*) — врождённая способность познавать и способы её функционирования как пять мудростей.

Пунцог Вангду — бутанский сановник в звании *драшо*, отец одного из перерождений Джамьянга Кхенце Вангпо.

пустота — отсутствие независимого истинного бытия у явлений и личного «я».

«Путь бодхисаттвы» — знаменитое сочинение индийского учителя Шантидевы о практике и реализации в Махаяне.

ПХАТ — в Тантре священный слог, используемый в практиках *пхова*, *чод* и *трегчо*.

пэ! — восклицание, используемое в практике чод; то же, что и ПХАТ, но произносится по-другому.

Пема Кхьюнг Дзонг — см. Крепость Лотосного Гаруды.

Пема Осэл До-Нгак Лингпа — имя Джамьянга Кхенце Вангпо (Кхенце Старшего) как тертона, которое даровал ему Падмасамбхава.

Пема Тринлэ — слуга великого тертона, рассказал Тулку Ургьену Ринпоче много историй.

Пемако — область в южном Тибете, известная своими потаёнными святыми местами. Одна треть принадлежит к Тибету, а две трети — индийскому штату Арунчал-Прадеш.

пять наук — языкознание, диалектика, медицина, искусства и ремёсла, религиозная философия.

Рабсел Дава — одно из имён Дилго Кхенце Ринпоче.

Рабджам — см. Шечен Рабджам, Лонгчен Рабджам (Лонгченпа).

Радужное Тело — в момент смерти практика, который благодаря практике дзогчен *тогал* достиг исчерпания всех двойственных привязанностей, пять грубых элементов, составляющих материальное тело, растворяются, возвращаясь в свою сущность — пятицветный свет. Иногда от тела остаются только волосы и ногти. В своей книге *Rainbow Painting*, в главе о свершении, Тулку Ургьен Ринпоче даёт завораживающее описание того, как одна старая монахиня обрела Радужное Тело под кровом своего благотворителя. [ЭПК]

Ралпачен — великий духовный правитель и внук Трисонга Дэуцена, также известен как третий из дхармараджей, упрочивших буддизм в Тибете.

Рамоче — храм в Ахасе; в нём находится одна из двух самых знаменитых в Тибете статуй Будды.

Ратна Лингпа (1403–1478) — один из главных тертонов, терма которого и поныне практикуют в Нангчене.

Ретинг — регент, правивший между тринадцатым и четырнадцатым (нынешним) Далай-ламами.

Ривоче, монастырь — важный монашеский центр линии *таклунг*, ответвления кагью, расположен к югу от Нангчена, немного более чем в ста километрах от Чамдо.

Ригдзин Годем (1337–1408) — один из пяти царей тертонов, великий тертон традиции «Северных сокровищ». Среди его терма есть учения дзогчен *Гонпа сантал*.

Ригпей Дордже (1924–1981) — шестнадцатый Кармапа, ученик одиннадцатого Ситу и Карсэя Конгтрула; основал много монастырей и центров Дхармы за пределами Тибета и сделал очень многое для сохранения учений Будды.

ригпей цал ванг — посвящение, позволяющее практиковать дзогчен или Махамудру. Иногда так называют также стадию реализации, достигаемую благодаря практике дзогчен.

ринисел — пилюли, шарики: крошечные жемчужины, которые часто находят в пепле после кремации выдающихся людей и великих практиков медитации.

Ринпоче — «Драгоценность»: почтительное обращение к своему гуру, настоятелю или буддийскому учителю.

Ринчен Лингпа (1295–1375) — один из одиннадцати великих тертонов, носящих имя Лингпа.

Ринчен Намгял (род. в XIX в.) — учитель и учёный, ученик Джамгона Конгтрула и Джамянга Кхьенце Вангпо.

Ринчен Сангпо (957–1055) — видный переводчик, живший во времена Атиши; его называют первым лоцовой новых школ.

Ринчен тердзо — см. «Сокровищница драгоценных терма».

ритуал сожжения пищи — *сур*: дымом от сжигаемой муки, смешанной с чистой едой и священными веществами, могут питаться духи бардо и преты.

роланг — оживший труп. Верят, что это невероятное воскресение объясняется вселением в мёртвое тело некоего существа, а не возвращением к жизни самого умершего.

ропани — непальская мера земли; восемь ропани — примерно половина гектара, а шестнадцать ропани — гектар.

«Руководство по логике» — философский текст, составленный Мипамом.

Румтек — главная резиденция линии карма-кагью, основана шестнадцатым Кармапой в Сиккиме, Индия.

Репа Карпо (род. в 1198) — ранний учитель линии баром-кагью, главный ученик Тиши Репы.

Сабчу Ринпоче — лама из монастыря Дильяг в Нангчене.

садхана — метод свершения; тантрийский ритуал и процесс практики. Типичная структура садханы предполагает предварительную часть, в том числе принятие прибежища и зарождение бодхичитты, главную часть, включающую в себя визуализацию того или иного будды и повторение мантры, и заключительную часть: посвящение заслуг всем живым существам.

Сакья Пандита (1182–1251) — Кунга Гьялцен, знаменитый учёный и тибетский государственный деятель; предотвратил вторжение монголов (1244), обратив в буддизм императора Годан-хана.

Сакья, монастырь — одна из главных резиденций школы сакья в Центральном Тибете.

сакья, школа — одна из четырёх главных школ буддизма в Тибете; начала существование в XIV веке, когда Дрогми Лоцава (993–1050), ученик индийского учителя Вирупы, принёс свои учения в Тибет.

самадхи — состояние неотвлекаемого сосредоточения или медитации; в Ваджраяне может подразумевать и стадию зарождения, и стадию завершения. Тулку Ургьен Ринпоче часто использует это слово для обозначения устойчивости в состоянии пробуждения.

самайя — священные обеты, заповеди или обещания в практике Ваджраяны. По сути, заключается в сохранении гармоничных отношений с ваджрным учителем и ваджрными братьями и сёстрами и в непрерывном продолжении практики. Тот, кто совершил тяжкое нарушение самайи, подобен предателю или демону.

Самантабhadра — изначальный будда, который пробудился к просветлению за много калп до того, как образовался этот мир. Источник учений dzogchen.

Самгья — сокращение от имени Самтен Гьяцо.

Самтен Гьяцо (1881–1945/6) — учитель традиций баром и «Новых сокровищ», жил в монастыре Лачаб в Нангчене, дядя и коренной гуру Тулку Ургьена Ринпоче.

Самтен Кангсар — могущественный дух, охранитель Дхармы.

Самье — храмовый комплекс и монастырь в Центральном Тибете, основанный Падмасамбхавой, царём Трисонгом Дзугеном и Шантаракшитой; центр традиции ранней передачи.

Сангва Еше — Тайная Мудрость, просветлённая дакини.

Санг-Нгак — дядя Тулку Ургьена Ринпоче.

Санг-Нгак (1885/6–1949(?)) — дядя Тулку Ургьена Ринпоче.

сангха — община практиков, обычно монахов и монахинь или тантрийских практиков-нгакпа, отличающихся своими длинными волосами, белыми юбками и полосатыми накидками.

Сангье Гьяцо (1653–1703/5) — царь-регент, правивший после пятого Далай-ламы; одно из прежних рождений Чокгьюра Лингпы.

Сангье Еше из Нуба (род. в IX в.) — Нубчен Сангье Еше, один из двадцати пяти учеников Падмасамбхавы; главный восприемник учений Ану-йоги, он посетил Индию и Непал семь раз. Когда злонамеренный царь Лангдарма попытался уничтожить буддизм в Тибете, Сангье Еше вселил в царя страх, одним мановением своей правой руки вызвав магическое появление огромного скорпиона размером с девять яков. Тулку Ургьен Ринпоче считается одним из перевоплощений Сангье Еше.

Сангье Лама (990(?)–1070) — тертон, один из первых в Тибете.

Сангье Лингпа (1340–1396) — перерождение второго сына царя Трисонга Дэуце-на, крупный тертон, открыватель цикла *Лама йонду* в тринадцати томах.

сансафа — «круговорот бытия», «порочный круг», «колесо рождения и смерти» в шести мирах. Характеризуется страданием, непостоянством и неведением. Состояние обычных живых существ, подвластных неведению и двойственному восприятию, карме и клешам (эмоциям, удручающим ум). Также означает обычную реальность, бесконечную череду проявления неудовлетворённости и страдания, порождаемую кармой.

сарма — новые школы: кагью, сакья и гелуг, а также шичже и чод, джордрут, шангпа-кагью и ньендруб (Калачакра).

Сарнатх — священное место близ Варанаси, где Будда Шакьямуни дал своё первое учение о четырёх благородных истинах.

Сахор — княжество в Древней Индии, считается тождественным Манди, Химачал-Прадеш.

Сачен Кунга Нингпо (1092–1158) — один из пяти основателей традиции сакья.

Сваямбху — одна из трёх главных ступ в долине Катманду.

«Свет мудрости» — знаменитый свод учений, освещающий весь буддийский путь к просветлению, и особенно Ваджраяны. Опирается на *Ламрим еше нингпо*, спонтанную песню Падмасамбхавы. Тулку Ургьен Ринпоче чрезвычайно почитал этот текст, который сыграл главную роль в его образовании и личной практике. Он знал весь текст наизусть и всю жизнь постоянно ссыался на него в собственных учениях.

Семде, Лонгде, Меннгакде — три раздела дзогчен. После того как Гараб Дордже принёс в мир людей шесть миллионов четыреста тысяч тантр дзогчен, его главный ученик, Манджушримитра, подразделил эти тантры на три категории: Семде (раздел ума) делает упор на ясности, Лонгде (раздел пространства) — на пустоте, а Меннгакде — на их нераздельности. Три раздела представляют собой самые глубокие и тонкие духовные учения, представленные в этом мире.

«Семеричный глубокий цикл» (*Сабпа кордун*) — самый обширный свод открытий Чокгьюра Лингпы, содержит садханы Падмадакини, Килаи и т. д.

семтри — руководство, помогающее понять и ощутить в переживании природу ума; жизненно важная составляющая Махамудры и дзогчен.

«Семь сокровищниц» — семь глубоких сочинений Лонгченпы.

«Сердечная сущность Великого совершенства» (*Дзогчен нингти*) — учения дзогчен, которые Вималамитра и Падмасамбхава принесли из Индии в Тибет, содержатся, например, в составленных Лонгченпой «Четырёх разделах сердечной сущности» (*Нингти ябци*).

«Сердечная сущность Самантабхадры» (*Кунсанг тугтил*) — одна из самых важных упадеш дзогчен, обнаружена Чокгьюром Лингпой.

«Сердечная сущность Чецуна» (*Чецуи нингти*) — одна из самых важных упадеш дзогчен, обнаружена Джамьянгом Кхьенце Вангпо.

сжигание имени — ритуал, направляющий умершего к лучшему перерождению, может исполняться только совершенным учителем.

сиддха — «свершивший», практик, который обрёл духовную реализацию.

сиддхи — духовное свершение; знаками свершения служат способность ясновидения, чудотворные силы и умение развивать внутренний жар — *туммо*.

Сикким — независимое (до 1975 года) королевство в Гималаях, между Непалом и Бутаном.

Силинг — город на северо-восточной границе Нангчена с Китаем, в справочниках встречается написание Сининг, Шининг и Шиллинг.

символы просветлённых тела, речи и ума — статуи, тексты и ступы, которые ставят на алтарь.

синдхура — красный или ярко-оранжевый порошок, который часто используется в тантрийских ритуалах.

Ситу Пема Вангчог Гьялпо (1886–1953) — возведён на трон пятнадцатым Кармапой, учился у Дзамгона Конгтрула и великого учёного Женга. Позднее возвёл на трон и даровал передачу линии кагью шестнадцатому Гьялвангу Кармапе — Рангджунгу Ригпею Дордже.

Ситу Пема Ниндже Вангпо (1774–1853) — девятый Тай Ситу, коренной учитель Дзамгона Конгтрула Великого.

Ситу Чокьи Джунгнэ (1700–1774) — восьмой в линии перерождений Ситу; великий учёный и провидец, врач и художник; в 1727 году основал Палпунг.

сороходство — йогическая способность чрезвычайно быстрого передвижения пешком, достигаемая благодаря умению управлять потоками внутренней энергии.

Смритиджняна — индийский учитель и учёный, попавший в Тибет в начале XI века.

«Собрание тантр нингмы» — *Нинма гьютум, букв.* «Сто тысяч тантр нингмы». На вебсайте Виргинского университета перечисляется примерно 338 заглавий «Собрания тантр древних школ».

Согьял Ринпоче — воплощение тертона Лераба Лингпы, живёт во Франции, автор книги *The Tibetan Book of Living and Dying*.

Сокровищница драгоценных терма» — (*Ринчен тердзо*), составленное Дзамгоном Конгтрулом собрание из 63 томов самых важных из открытых терма Падмасамбхавы, Вималамитры, Вайроцаны и их ближайших учеников. Осуществить этот труд помог Дзамьянг Кхенце Вангпо.

«Сокровищница дхармадхату» — одно из знаменитых «Семи сокровищ» Лонгченпы. Перевёл Ричард Барон как *Precious Treasury of the Basic Space of Phenomena and A Treasure Trove of Scriptural Transmission*, Padma Publications.

«Сокровищница знания» (*Шеджа дзо* или *Шеджа кункхьяб*) — уникальное энциклопедическое произведение Дзамгона Конгтрула, вместившее в себя всё многообразие буддийских учений. См. *Myriad Worlds*, Snow Lion Publications.

«Сокровищница песен нингмы» — духовные песни учителей школы нингма, собранные Дзамгоном Конгтрулом.

«Сокровищница устных наставлений» — собранные Джамгоном Конгтрулом самые жизненно важные наставления, содержащиеся в восьми колесницах линии практики.

Солу Кумбу — горная область на северо-востоке Непала.

Сонам Еше из Цангсара — предыдущее перерождение Чиме Дордже, отца Тулку Ургьена Ринпоче; основатель монастыря Ахлам в Нангчене.

Сонгцен Гампо, царь (627–698), — первый великий дхармараджа, который подготовил почву для передачи учений; считается воплощением Авалокитешвары. Взял в жёны царевну Бхрикути из Непала и царевну Вэн Чень из Китая, причём каждая из них привезла в Ахасу священную статую Будды Шакьямуни. Сонгцен Гампо построил первые в Тибете буддийские храмы, ввёл свод законов, основанных на принципах Дхармы, и повелел своему советнику Тонми Самбхоте разработать тибетское письмо. Во времена его правления началась работа по переводу на тибетский буддийских текстов.

Сонтар Чончок — учитель Чиме Дордже и близкий друг Самтена Гьяцо.

состояние будды — состояние истинного и полного просветления, наделённое способностью помогать бесчисленным существам.

сосуд для ракты — священная принадлежность тантрийских ритуалов.

«Спонтанное исполнение желаний» — терма Чокгьюра Лингпы, в котором содержится одноимённая молитва Падмасамбхаве.

сто мирных и гневных божеств — сорок два мирных и пятьдесят восемь гневных божеств, часто имеют отношение к посмертному переживанию состояния бардо. Подробности в *Liberation Through Hearing in the Bardo*.

«Сто посвящений чода» — *Чованг гьяца*; собрание ста посвящений для практики чод.

ступа — куполообразное сооружение, служащее хранилищем священных останков Будды или совершенного учителя.

Сумеру — мифическая гора гигантских размеров в центре нашей мировой системы, окружённая четырьмя континентами. Обитель богов мира желаний. Вокруг — цепь гор поменьше, озёра, континенты и океаны. Возвышается на восемьдесят четыре йоджаны [примерно 200 км] над уровнем моря. Наш современный мир расположен на южном континенте и называется Джамбудвипа.

Сурманг Тентрул — высокообразованный и совершенный учитель из монастыря Сурманг Намгьял Це, позднее передал шестнадцатому Кармапе большинство «Нювых сокровищ».

Сурманг, монастырь — в «Блистательном величии» подразумевается Намгьял Це в восточном Нангчене, близ монастыря Цикей.

«Сутра великого собрания» (*До гонду*) — основополагающая тантра Ану-йоги.

Сутра и Тантра — под Сутрой подразумеваются учения Хинаяны и Махаяны, а под Тантрой — учения Ваджраяны.

Сутра, система — в отличие от эзотерических учений Тантры, эзотерические учения, относящиеся к Хинаяне и Махаяне, в которых путь рассматривается как причина просветления.

сутры Праджняпарамиты — учения, описывающие постижение, запредельное знание и другие практики бодхисаттвы, а также присущее Будде состояние просветления, исполненное всеведения. Эти сутры бывают разной степени подробности: самая краткая — это знаменитая «Сутра сердца», которую обычно заучивают наизусть все монахи, а самая длинная — «Сто тысяч», составляющая двенадцать больших томов.

«Сущностное руководство — устные наставления» (*Шелдам нинджанг йицзин нор-бу*) — первый том «Новых сокровищ» Чокгьюра Лингпы и главный текст цикла *Тундруб барче кунсел*. Тулку Ургьен Ринпоче рассматривал этот важный текст как самостоятельную тантру.

«Сущность тайн», тантра — см. *Гухьяларбха-тантра*.

сущность ума (природа ума) — «показать сущность ума»: главная цель «указующих наставлений» заключается в том, чтобы сделать для ученика очевидным то, что он знает и обдумывает, — не как теорию, а как непосредственное переживание. См. указующие наставления.

сущность, природа и энергия — согласно системе дзочен, три аспекта природы будды. Сущность — это изначально чистая мудрость пустоты. Природа — мудрость спонтанного присутствия, способности познавать. Энергия — всеобъемлющая мудрость нераздельности. В конечном счёте это суть Трёх корней, Трёх драгоценностей и трёх кай.

Сэй Пагчок — сын Шакия Шри, продолживший его учения и жизнь его гара.

Тайная Мантра — синоним Ваджраяны.

«Тайная сущность Килаи» (*Сангити Пурба*) — терма, открытое Чокгьюром Лингпой.

Таклунг — монастырь школы кагью в ста пятидесяти километрах к северо-западу от Ахасы, основанный в XII веке.

Таклунг Цетрул — лама из монастыря Таклунг.

Такцанг — Логово Тигра, священное место Падмасамбхавы, находится над долиной Паро в Бутане.

Такшам Лингпа (1682–?) — также известен как Нуден Дордже или Самтен Лингпа, тертон и воплощение Ацары Сале, непальского супруга Еше Цогьял.

Тана — монастырь в Нангчене, первоначально принадлежавший школе елпа-кагью; это название, которое означает «уши коня», объясняется формой горных вершин над монастырём; место захоронения Гесара Линга.

танка — священное изображение на ткани, свиток.

Тантра, система — канонический текст, в котором Будда учил Ваджраяне в своём облике самбхогакайи. Истинный смысл слова *тантра* — «непрерывность», неотъемлемая природа будды, которая называется «тантра выраженного смысла». Общий смысл слова *тантра* — исключительные тексты-тантры, называемые также «тантры выражающих слов». Это слово может также обозначать в целом все учения Ваджраяны о плоде.

тантрийские украшения — ювелирные украшения и шёлковая одежда для мирного божества и костяные украшения для гневного божества.

тантрика — тот, кто получил посвящение, постоянно выполняет практику, соблюдает обеты; может быть монахом, но обычно это название подразумевает мирянина.

тантры Маха-йоги — в первую очередь восемнадцать основных тантр, которые ныне содержатся в *Нингма гьёбум*. Главная из них — *Гухьягагбха-тантра*.

Тартанг Тулку — учитель школы нингма, живёт в Соединённых Штатах; публикует много священных текстов.

Таши Осер (1836–1910) — настоятель монастырей Палджор и Палпунг, ученик Джамгона Конгтрула.

Таши Чимей — тётка Тулку Ургьена Ринпоче.

Ташиганг — находится в двух днях пути от Тхимпху, столицы Бутана.

Ташилхунпо — монастырь, резиденция Панчен-ламы в Шигаце; основан в 1447 году Гендун Друбом (1391–1475), племянником и учеником Цонгкапы; вмещает до четырёх тысяч монахов.

тело мудрости — эфирное тело, не имеющее ограничений материального тела.

Тенга Ринпоче — учитель из монастыря Бенчен в Нангчене, близкий друг Тулку Ургена Ринпоче.

Тенга Тулку — брат Тулку Ургьена Ринпоче.

Тензин Дордже — предыдущее воплощение Чокьи Нимы Ринпоче; лама из монастыря Дронг близ Нагчуки.

Тензин Рабгье — целитель и совершенный учитель из одного из старинных храмов баром-кагью.

Тенпа Церинг (1678–1738) — король Дерге во времена Ситу Чокьи Джунгнэ.

Тентрул из Сурманга — см. Сурманг Тентрул.

тердаг — божество-хранитель того или иного термина.

Тердаг Лингпа (1646–1714) — Гьюрме Дордже, построил в Центральном Тибете Миндроллинг, один из самых важных монастырей школы нингма.

терма — передача, осуществляемая через учения-клады, сокрытые главным образом Падмасамбхавой и Еше Цогьял, дабы тертон обнаружил их на благо будущих учеников в надлежащее время. Одна из двух главных традиций школы нингма (второй является *кама*); как считается, будет продолжаться даже после того, как исчезнет Виная Будды.

терма земли — откровение, опирающееся на материальную субстанцию, часто имеет вид писем дакини, ваджры, изваяния и т. д. *См. также* терма ума.

терма ума — открытие, сделанное непосредственно в уме великого учителя и не требующее обнаружения материального термина. Учения, обнаруженные таким об-

разом, были помещены в «неразрушимое тигле» в то время, когда этот учитель в своей прошлой жизни был одним из учеников Падмасамбхавы.

Терсэй Тулку (1887/9–1955/7) — см. дядя Терсэй.

тертон — открыватель учений-кладов, сокрытых главным образом Падмасамбхавой и Еше Цогьял.

Тилопа — великий индийский сиддха, учитель Наропы и основатель традиции кагью.

тиши — наставник императора; китайский титул, отмечающий самый высокий духовный статус. Ниже тиши — два учителя в ранге пакши, а каждый пакши руководит двумя сановниками в должности гошир. [ТУР]

Тиши Репа — ученик Дармы Вангчуга, ранний учитель традиции баром-кагью.

тогдэн — практик, который посвящает всё своё время медитации; отличается длинными волосами, которые никогда не стрижёт; часто тогдэны бывают монахами.

Толу, долина — место в Центральном Тибете, где находится Цурпу, около 70 километров к западу от Лхасы.

торма — предмет, используемый в тантрийских ритуалах; также подношение пищи охранителям Дхармы или слабым духам.

Трамдрук (Традуг) — древний храм в долине Ярлунг близ Лхасы, построен Сонгценом Гампо.

Трангу — один из главных монастырей школы кагью в Нангчене, резиденция воплощений Тралеге Джамгона и Трангу Ринпоче.

три внутренние тантры — Маха-йога, Ану-йога и Ати-йога.

три времени — прошлое, настоящее и будущее.

три кайи состояния будды — *дхармакайя* (тело просветлённых качеств), первая из трёх кай, свободна от построений и подобна пространству. Самбхогакайя (тело совершенного блаженства) — полупроявленная форма будд, наделённая пятью совершенствами: учителя, учеников, места, учения и времени; может быть воспринята только бодхисаттвами десяти ступеней. Нирманакайя (явленное тело, или образ волшебного проявления) — аспект просветления, который могут воспринимать обычные существа.

Три корня — гуру, йидам и дакини. Гуру — это корень благословения, йидам — корень свершения, а дакини — корень деяния. Им соответствуют три разновидности практик-садхан.

«Три раздела дзогчен» — *Дзогчен десум*, терма, обнаруженное Чокгьюром Лингпой. См. также Семде, Лонгде, Меннгакде.

тромтер — терма, обнаруженное при большом стечении очевидцев.

Трулшиг Ринпоче — главный ученик Дуджоме Ринпоче и Дилго Кхьенце Ринпоче, из монастыря Тубтен Чолинг в Солу Кхумбу, Южный Непал.

Туйдруб — сокращение от *Туйдруб барче кунсел*.

Тундруб барче кунсел — самое известное терма, обнаруженное Чокгьуром Лингпа совместно с Джамьянгом Кхьенце Вангпо, состоит из более чем десяти томов.

Тундруб йонпа кунду — терма, которое открыл Чокгьур Лингпа, сочетает в себе все уровни садханы гуру.

Тундруб тринлэ нинто — садхана Падмасамбхавы.

тулку — воплощение, проявление духовных качеств предшественника.

Тулку Пема Вангьял — Таклунг Цетрул Ринпоче, учитель школы нингма, живёт в Дордони, Франция.

туммо, йога — практика развития блаженного внутреннего жара для очищения тонкого ваджрного тела, исчерпания помрачений и достижения реализации. Одно из «Шести учений Наропы», практикуется в основном в традиции кагью.

Тэнгьюр — собрание переведённых на тибетский язык индийских комментариев к учениям Будды, вторая часть Тибетского Канона в 213 томах.

Уддияна — страна к северо-востоку от Древней Индии, где на цветке лотоса родился Падмасамбхава.

указующие наставления — прямое введение в природу ума, имеет первостепенную важность в дзогчен и Махамудре. Коренной гуру даёт их ученику, чтобы тот узнал природу ума.

«Универсальная панацея» (*Карпо чигтуб*) — тантра, приносящая освобождение благодаря слушанию, прикосновению и вкушению.

учителя линии передачи — учителя, через которых были переданы те или иные учения или посвящения.

Хаягрива — тантрийское божество, изображаемое с конской головой в его пылающих волосах; гневный аспект Будды Амитабхи. Тожественен Падма-херуке, Лотосной Речи, из «Учений восьми садхан».

Херу-гомпа — монастырь в Нангчене неподалёку от Тана, к югу от Лачаба; резиденция Кьютрула Каргьяма.

херука — гневное божество, например Хаягрива или Ваджракилая.

Хинаяна — путь, в котором упор делается на размышление о четырёх благородных истинах и двенадцати звеньях зависимого возникновения, практике, приносящей освобождение от круговорота бытия, сансары.

Цага — сестра Тулку Ургьена Ринпоче.

цампа — основная составляющая рациона тибетцев: жареная ячменная мука.

Цангсар — родовое имя Тулку Ургьена Ринпоче, название древнего княжества в Нангчене.

Цангсар Дрананг — родина Тулку Ургьена Ринпоче, куда можно добраться только верхом, находится на расстоянии одного дня пути от Лачаба, Крепостной Вершины и Деченлинга.

Цанг-Янг Гьяцо (род. в XIX в.) (Гебчаг Тогдэн) — главный ученик Цогни Первого, основал в Нангчене много женских монастырей.

царь Джа — индийский царь, приблизительно через сто лет после ухода Будды получивший восемнадцать тантр Маха-йоги, которые упали на крышу его дворца. Линия передачи этих учений продолжается до сего дня.

царь Ньятри — первый правитель Тибета, занимал трон в 247 году до н. э.

царь Трисонг Дэуцен (790–844) — второй великий дхармараджа Тибета. Пригласил в Тибет Падмасамбхаву, Шантаракшиту, Вималамитру и многих других буддийских учителей. Построил Самье, большой монастырь и центр обучения, скопированный с Одантапури. Учредил буддизм как государственную религию Тибета. Во времена его правления были посвящены в сан первые монахи. Собрал пандит и лоцев для перевода священных текстов и создал центр обучения и практики. Среди его последующих воплощений — Ньянг Рал Нима Осер (1124–1192), Гуру Чованг (1212–1270), Джигме Лингпа (1729–1798) и Джамьянг Кхьенце Вангпо (1820–1892).

ца-ца — небольшие изображения будды или ступы, отштампованные из глины.

Цеванг Драгпа — второй сын Чокгюра Лингпы, см. Вангчок Дордже.

Цеванг Норбу (1856–1915/6) — первый сын Чокгюра Лингпы, держатель линии преемственности, учитель Самтена Гьяцо.

Целе Нацог Рангдрол (род. в 1608) — учитель школ кагью и нингма, воплощение Вайроцаны, автор книг, опубликованных в переводе как *Mirror of Mindfulness* и *Lamp of Mahamudra*.

Церингма — охранительница учений-терма Чокгюра Лингпы, часто изображается с четырьмя своими сёстрами, восседающими на различных ездовых животных.

Чечу — монастырь, примыкающий к королевскому дворцу в Нангчене; резиденция воплощений Трулшига Адеу и Цокни.

Цикей Чоклинг — см. Чоклинг из Цикей.

Цикей, монастырь — одна из трёх главных резиденций Чокгюра Лингпы, расположен при слиянии рек Цичу и Кечу в восточной части Нангчена, ныне Цинхай, Тибетский автономный район.

циу — дух неотвязных бедствий.

Цичу, река — протекает в Нангчене, между монастырями Цикей и Сурманг.

Цогьял — см. Еше Цогьял.

Цогьял Лацо — Озеро Жизни Еше Цогьял, расположено в Драгда, в 20 километрах от Самье.

Цокни (1828/1849–1904) — Друбванг Цокни Первый, воплощение Речунга, ученика Миларепы, и тертона Ратна Лингпа; современник Кхьенце, Конгтрула и Чоклинга.

Цурпу, монастырь, — резиденция воплощений Кармапы в Центральном Тибете, находится в 65 километрах от Ахасы.

Чакрасамвара — главный йидам и тантра новых школ.

Чамдо — провинция к югу от Нангчена, в настоящее время входит в Тибетский автономный район.

чанг — тибетское пиво, приготовляемое главным образом из ячменя.

Чангчуб Шонну — племянник и преемник Луме Дордже, ранний учитель линии ба-ром-кагью.

Чандали, Мать Долголетия, — супруга Будды Амитаюса; в «Блистательном величии» терма ума Кхьенце Первого, Джамьянга Кхьенце Вангпо.

Чатрал Ринпоче — Сангье Дордже, выдающийся учитель нингма, живёт в Парпинге, к югу от долины Катманду.

Чёрная Ваджра-йогини — важное божество в женском облике.

Чёрная Корона, ритуал — ритуал «освобождения путём видения», когда Кармапа надевает корону, которую носят только Гьялванг Кармапы.

«Четыре ветви сердечной сущности» — *Нингтил ябци*, одно из самых известных собраний текстов дзогчен, в котором Лонгченпа соединил учения, пришедшие от Падмасамбхавы и Вималамитры, с сокровищами собственного ума.

четыре изменения ума — размышления, изменяющие ум: о драгоценности человеческого тела, о непостоянстве, о карме и страданиях сансары. Эти размышления — будто рыхление твёрдой земли и подготовка плодородной почвы, годной для посева семян просветления.

четыре способа и шесть пределов — ключи, необходимые для открытия смысла тантр. Четыре способа: буквальный, общий, скрытый и абсолютный. Шесть пределов: воззрения условного и окончательного смысла, подразумеваемые и не подразумеваемые, буквальные и не буквальные.

четыре уровня дзогчен и Махамудры — четыре видения в практике дзогчен: реальность дхарматы, возрастание переживания, вершина осознания и исчерпание явлений. Четыре стадии практики Махамудры: одно остриё, безыскусность, один вкус и немедитация.

Четырехрукий Махакала — охранитель учений.

Чецун нингтил — одно из самых важных в наше время собраний наставлений, обнаруженное Джамьянгом Кхьенце Вангпо.

Чецун Сенге Вангчуг (XI–XII вв.) — великий учитель традиции нингма. Благодаря своему высокому уровню реализации во время смерти его материальное тело растворилось в радужном свете. См. также *Чецун нингтил*.

чжордрук — *букв.* «шесть соединений», одна из восьми традиций практики, соответствует системе Калачакры.

Чиме Дордже (1884–1948) — отец Тулку Ургьена Ринпоче, знаток практики чод.

чингху — духовный титул, на одну степень ниже титула *юшир*, но выше, чем *ван*. См. также *тиши*.

Чини Лама — лама китайского происхождения, который был хранителем Великой Ступы в Бодхнатхе.

чистые страны — миры будд, проявляются благодаря помыслам бодхисаттвы и в сочетании с заслугами живых существ. Согласно тантрам, миры будд — это проявление пробуждённого состояния. Практик может родиться в Сукхавати, чистой стране Будды Амитабхи, что происходит в момент смерти или в бардо вследствие сочетания чистой веры, достаточных заслуг и целеустремлённости.

Чованг Тулку (XIX–XX вв.) — предыдущее воплощение Ургьена Тулку.

Чогьял Дордже (1789–1859) — первый гуру Цокни.

Чогьял Пагпа (1235–1280) — учитель традиции сакья и племянник Сакья Пандиты, правил Тибетом и был наставником монгольского хана Хубилая.

чод — практика отсекаания эго и привязанности к своему телу. См. также *Machik's Complete Explanation: Clarifying the Meaning of Chod* by Sarah Harding, Snow Lion Publications.

Чокгюр Лингпа (1829–1870) — выдающийся тертон, открывший терма Падма-самбхавы, прадед Тулку Ургьена Ринпоче.

Чоклинг — сокращение от Чокгюр Лингпа, см. также Чоклинг из Цикей, Чоклинг из Нэтэна.

Чоклинг из Цикей — Цикей Чоклинг; воплощение Чокгюра Лингпы, пребывающее в монастыре Цикей. В настоящее время их два: один — в Непале, в Бодхнатхе, а второй — в Тибете, в монастыре Цикей.

Чокьи Нима Ринпоче (род. в 1951) — старший из сыновей Тулку Ургьена Ринпоче, настоятель монастыря Ка-Нинг Шедрублинг в Боддхе, Непал.

Чокьонг гонгду — учение-терма, открытое Чокгюром Лингпой и связанное с защитниками Дхармы.

чуба — традиционная тибетская одежда мирян; носят и мужчины, и женщины, но в разной манере.

шабдрун — мастер ваджры, исполняющий тантрийские ритуалы, духовное звание, на две ступени ниже высшего иерарха школы сакья.

Шабдрунг Ринпоче — имя Джамьянга Кхьенце Вангпо (Кхьенце Старшего) в более раннем возрасте.

Шабкар Цогдрук Рангдрол (1781–1851) — великий учитель-бодхисаттва, см. *Life of Shabkar*.

Шакья Шри — тибетский махасиддха XIX века, принадлежал главным образом к линии друкпа-кагью.

Шакьямуни — исторический Будда, считается главным учителем нашей эпохи.

шаматха и випашьяна — покой и запредельное видение: две основные практики медитации, общие для большинства буддийских школ.

шангпа-кагью — одна из восьми линий преемственности практик; принесена в Тибет Кьунгпо Надджором (1002–1064).

Шантаракшита — настоятель монастыря Викрамашила. Был приглашён в Тибет царём Трисонг Дзуценом и посвятил в монашеский сан первых тибетцев.

Шантидева (685–763) — один из восьмидесяти четырёх индийских махасиддх, написал знаменитую *Бодхисаттвачарьяватару* («Путь бодхисаттвы»).

шестнадцать архатов — ученики Будды, давшие обет сохранять Дхарму до прихода Майтреи.

«Шесть учений Наропы» — *туммо*, иллюзорное тело, сновидения, ясный свет, бардо и пхова — тонкие йогические практики, которые обычно выполняют после практики йидама.

Шечен Конгтрул (1901–1960) — Пема Дриме: одно из воплощений Джамгона Конгтрула (Конгтрула Старшего), гуру Чогьяма Трунгпы.

Шечен Рабчжам (1910–195?) — один из главных учителей монастыря Шечен.

Шечен, монастырь — один из четырёх главных монастырей нингмапы в Кхаме. Три остальные — дзогчен, Катог и Паюл.

Шигаце — второй по величине тибетский город, там расположен Ташилхунпо — резиденция Панчен-дам.

шичже — одна из восьми линий практики, принесена в Тибет Падампой Сангье.

школа Шрисингхи — высшая буддийская школа в монастыре дзогчен.

Шрисингха — главный ученик и преемник Манджушримитры в линии передачи учений дзогчен; родился в Хотане; его учениками были четверо выдающихся учителей: Джнянасутра, Вималамитра, Падмасамбхава и тибетский переводчик Вайроцана. Благодаря трём последним канонические тексты дзогчен попали в Тибет.

эманация — магическое творение или необычайным образом проявленное перерождение будды или жившего ранее просветлённого учителя.

Юдра Нингпо — главный держатель линии преемственности Вайроцаны, один из двадцати пяти учеников Падмасамбхавы, перерождение Легдруба из Цанга. Родился в области Гьялмо Цаваронг и был воспитан Вайроцаной; обрёл совершенство в знаниях и йогических достижениях. Его причисляют к ста восьми лоцавам и считают одним из главных держателей линии преемственности Семде дзогчен.

Ютог Гонпо (708–833) — знаменитый тибетский врач и писатель.

Ярлунг, долина — в Центральном Тибете, к югу от Лхасы; колыбель тибетской цивилизации, с которой связана жизнь древних царей.

Примечания

- ¹ Хотя тибетский буддизм располагает обширной литературой, он в большой степени опирается на устную передачу — когда учитель непосредственно наделяет ученика знанием, и эта линия преемственности продолжается непрерывно на протяжении столетий. Эти учения содержат не только слова и интеллектуальное знание: в равной степени важно передать прямое личное переживание, сохраняющее живой дух традиции. Согласно обычаю ученик посещает учителя, чтобы попросить наставлений по конкретной практике медитации, при этом он предлагает подношения и питает искреннее желание практиковать эти наставления. Если говорить о таком держателе линии преемственности, как Тулку Ургьен Ринпоче, то он не только практикует полученные учения, но и обретает качества, позволяющие в будущем передавать эти учения достойным ученикам. [ЭПК]
- ² С точки зрения жителя Кхама, Тибет — это другая страна, находящаяся далеко на западе. Чтобы показать эту разницу, мы используем название Центральный Тибет. [ЭПК]
- ³ Дзонгсар Кхьенце, один из моих учителей, сказал мне: «Учения-терма были сокрыты, чтобы позднее их обнаружили в нужный период, к тому же они появляются в таком виде, который наиболее соответствует именно тому времени, когда их открыли. Каждый крупный тертон должен открыть самое меньшее три главные темы: гуру-садхану, дзогчен и Авалокитешвару. В наше время Кхьенце Старший и Чоклинг были особо одарены семью передачами». [ТУР]
- ⁴ «Четыре просветлённых действия» подразумевают то, как будда или божество приносит благо живым существам: умиротворяя, приумножая, привлекая и подчиняя. [ЭПК]
- ⁵ Среди учеников, практиковавших дзогчен, в жизнеописании Шакьи Шри упоминается «потомок Чокгьюра Лингпы Терсэй Тулку». [ТУР]
- ⁶ Мой дядя Самтен Гьяцо убедил второго Цикья Чоклинга составить жизнеописание Чокгьюра Лингпы. Этот Чоклинг Тулку был чрезвычайно образован, красноречив и украсил изложение многочисленными цитатами из древних текстов. Однако конечный результат не полностью удовлетворил Самтена Гьяцо: напротив, он упрекнул Цикья Чоклинга за то, что тот не удосужился обратиться к Кончог Палдрон, а просто воспользовался уже существовавшим жизнеописанием, подробно написанным Кармей Кхенпо. Самтен Гьяцо сказал: «Подлинную историю ты можешь услышать от моей матери». Есть ещё один вариант, написанный Нэтэном Чоклингом в дополнение к более краткому изложению Кхьенце Старшего и Конгтрула и опирающийся на «Дополнение к жизнеописанию» великого тертона. [ТУР]
- ⁷ Подробная история этой ступы содержится в книге *The Legend of the Great Stupa*, translated by Tulku Pema Wangyal and Keith Dowman (Berkeley: Dharma Publishing, 2003).
- ⁸ Жизнеописание Вималамитры можно найти в книге Tulku Thondup, *Mastes of Meditation and Miracles*, а подробная биография Вайроцаны есть в переводе на

английский: *The Great Image*, translated by Ani Jinpa Palmo. Обе книги вышли в издательстве «Шамбала пাবбликейшнз».

- ⁹ Все восемь линий передачи процветали в Тибете и позднее стали называться восемью колесницами практической линии. Одна из восьми школ — это нингма, букв. «старая», а остальные относятся к сарма, или «новым», школам. Среди них — *марпа-кагью*, *шангпа-кагью* и *ламдрэ* («путь и плод»), принадлежавшие к традиции сакья. Кроме того, была школа *кадам*, позднее реформированная в *гелуг*, а также *шичже* («умиротворение») и *чод* («отсечение»). Среди множества существовавших в Тибете практических линий преемственности также были *джордрук* («шесть союзов») и *ньендруб* («три ваджрные практики» приближения и свершения»). [ТУР]
- ¹⁰ Иногда тибетские историки пишут, что Индию можно назвать отцом буддийских учений, Непал — матерью, а учения, пришедшие в Тибет, — их отпрыском. [ТУР]
- ¹¹ Самое раннее упоминание о фамилии Цангсар принадлежит Га Лоцаве, великому переводчику, посетившему Индию, и великому сиддхе. Другое упоминание есть в эпосе о Гесаре Линге, чей гуру тоже был из рода Цангсар. [ТУР]
- ¹² Считается, что в истоках школ кагью лежали «четыре большие» и «восемь малых» школ. В каждой из них был свой путь продолжения линии преемственности: в одной — от дяди к племяннику, в другой — по «кости», то есть от отца к сыну, в третьей — когда учитель и ученик монахи. Традиция баром-кагью продолжалась как по родовой, так и по монашеской линиям, и мои предшественники ведут своё происхождение от великих учителей этой традиции. [ТУР]
- ¹³ Согласно глубокой системе буддийской Тантры, каждое переживание, как обычное, так и высшее, имеет внутреннюю взаимосвязь со структурой тонких каналов, энергий и сущностей. [ЭПК]
- ¹⁴ Гампопу называли всемирно известным учителем из Дагпо (Дагпо Дзамлинг Драгпа), а потому его линия называется дагпо-кагью. Падру Дордже Гьялпо, один из главных учеников Гампопы, был учителем, достигшим невероятного уровня реализации. Его ум был открыт как небо. Каждый из его учеников стал родоначальником собственной линии передачи, которые стали называться восемью малыми школами кагью. Падру умер во время разразившейся в этом регионе эпидемии проказы: чтобы спасти других, он принял на себя все болезни людей и от этого умер. Когда тело несли к погребальному костру, его на короткое время положили на большой камень. Тело вдавилось в камень, и, когда его подняли, остался отчётливый отпечаток. Услышав эту историю, великий учитель Сакья Пандита написал шутку, которая на самом деле была скрытой хвалой: «Отпечатки, сделанные телом Падру, действительно дело нужное, хотя и запоздалое». Он имел в виду, что было бы лучше оставить такие отпечатки при жизни. [ТУР]
- ¹⁵ Эта Баром-гомпа, которую называли Верхней резиденцией, находилась в Сангжунге, в провинции Нагчу к северо-востоку от Лхасы.
- ¹⁶ Нангчен до сих пор называют Гомде. Местные барды даже сочинили прекрасную песню, в которой рассказывается, что эта земля йогин — истинная родина. [ТУР]
- ¹⁷ Люди находили пилюли-*рингсел* — знаки чрезвычайно высокого духовного достижения — даже в его моче и испражнениях. Первый Кармапа, Дусум Кхьенпа, который приходился Падру братом в Дхарме, много лет практиковал просто под

нависающей скалой, пристроив к ней примитивную каменную стенку. В один прекрасный день люди обнаружили, что в его испражнениях появляются крошечные рингсел. Сакья Пандита написал: «Рингсел в испражнениях Дусума — действительно дело нужное, но преждевременное», имея в виду, что рингсел следовало бы находить в его останках после его смерти. Говорят, что даже спустя века люди всё ещё находили их в том же месте. [ТУР]

- ¹⁸ Известно высказывание Тиши Репы: «Дхарма Вангчук познакомил меня со свободным от ошибок состоянием естественного ума. Лама Шанг Цалпа познакомил меня с безграничной взаимосвязанностью. Кьобпа Джигтен Сумгон учил меня неиссякаемой преданности. Таклунг сделал так, чтобы я смог отбросить все мирские заботы, глядя на них просто как на прах и никогда не забывая об этом». Таким образом, четыре внешние верхушки символизировали его учителей. [ТУР]
- ¹⁹ Эта история о посещении Чогьялом Пагпой Китая даёт пример традиционных связей между Тибетом и Китаем, которые большинство тибетцев понимали как отношения «учителя и его благотворителя». [МБШ]

Чогьяла Пагпу пригласили в Китай, где он стал гуру императора из монгольской династии. Об этой паре повсюду стали говорить так: «В небе есть солнце и луна, а на земле — гуру и его покровитель». Чогьял Пагпа приходился племянником Сакья Пандите, и интересно, что Сакья Пандита однажды получил видение божества Курукулле, Лотосной Дакини, в котором она сказала ему: «При твоей жизни время служить тебе для меня не настанет, но я исполню все желания твоего племянника».

Карма Пакши, второй Кармапа, сопровождал Чогьяла Пагпу в его поездке в Китай. Во время их путешествия в королевстве Линг разразилась война, и продолжать путь стало очень трудно. Чтобы не попасть в боевые действия, караван повернул на юг и проследовал по Нижнему Кхаму. Там путешественники остановились в первом тамошнем монастыре школы нингма, Ваджрном Троне Катоба. Прибывших лам попросили выполнить освящение новой статуи Будды. Пока Чогьял Пагпа пел слова благословения, Карма Пакши за один миг буквально перевернул весь храм вверх дном. Третий присутствовавший там совершенный учитель сказал: «Мы не можем оставить всё в таком виде!» — и занялся возвращением храма в обычное состояние.

Потом Пагпа и Карма Пакши добрались до Китая, где, как рассказывают, Карма Пакши творил одно за другим невероятные чудеса. Однажды императрица сказала Чогьялу Пагпе: «Замечательно, что вы позволяете своему ученику творить чудеса, но император начинает предпочитать его вам. До сих пор вы не показали никаких особых знаков, так что, если вы собираетесь проявить какие-нибудь свидетельства вашего совершенства, то вам лучше поторопиться». На следующее утро Чогьял Пагпа в присутствии императора отсёк себе голову и заставил её парить в воздухе над его телом, которое оставалось сидеть. В отчаянии император закричал: «Мой лама умер! Мой лама умер!» — и простёрся перед Чогьялом Пагпой. Наконец Чогьял Пагпа вернул свою голову на место и сказал: «Абсолютная истина — вне рождения и смерти». После того как Чогьял Пагпа это изрёк, вера императора в него стала непоколебимой. Затем Чогьялу Пагпе и Карме Пакши были оказаны высшие почести — Чогьял Пагпа получил высшее духовное звание, а Карма Пакши — на один ранг ниже.

Во время церемоний посвящения прежним императорам давали благословения, касаясь сосудом для посвящений или другими ритуальными предметами большого пальца их руки, а не их темени. Чогьял Пагпа начал делать то же самое, чтобы император, который не имел обыкновения кланяться кому бы то ни было, просто оставался с высоко поднятой головой, когда Чогьял Пага поднимал сосуд. Однако у Карма Пакши был нрав настоящего сиддхи, и он не терпел глупости, а

потому настал момент, когда он сказал: «Потоки посвящения и реки не текут вверх: вам нужно наклонить голову!» И он физически «помог» императору наклонить голову, из-за чего ему назначили суровое наказание. Если вы почитаете молитву, обращённую к Карма Пакши, то увидите целый список этих наказаний и чудес, которые он сотворил в ответ на каждое из них. Что бы ни делали его учителя, они не могли его наказать, и, в конце концов, императорский двор отказался от попыток его казнить. Есть также история о том, как Карма Пакши доставил подарок — медную кровлю для Цурпу, — швырнув его в реку в Китае и выловив в Центральном Тибете. [ТУР]

- 20 Нгю Чоку Дордже (1036–1061), ученик Марпы, стал самым выдающимся толкователем тантр. Перерождением этого учителя считается Трангу Ринпоче. [ЭПК]
- 21 Этим ламой был Геше Чаюлва (1075–1138), учитель из старой традиции кадам, в которой упор делается на упражнения ума (*лочжонги*) — метод Махаяны, который помогает развитию пробуждённого устремления бодхисаттвы и заключается в том, что человек приучается ценить других выше самого себя. [ЭПК]
- 22 Под «наполовину просветлённым, наполовину мирским» охранителем он понимал такого, который являет себя не в полностью просветлённом облике. Защитники Дхармы часто бывают духами, которые дали обет защищать и охранять учения Будды и его последователей. Могут быть «мирскими», то есть добродетельными самсарными существами, и «просветлёнными», то есть эманациями будд и бодхисаттв. [ЭПК]
- 23 Луме Дордже переехал во дворец Нангсо Ченмо, который Репа Карпо скопировал с Джокханга в Ахасе.
- 24 За века главы монастырей в Нангчене стали последователями школы дрикунг-кагью, а в более недавние времена королевские гуру были из школы друкпа-кагью. Цечу Гомпа, главный королевский храм, относится к друкпа-кагью, а главный лама этого монастыря — Адеу Ринпоче. Некоторые другие из главных монастырей принадлежат к дрикунг-кагью. [ТУР]
- 25 Среди них Кьодраг, Сурманг и др. [ТУР]
- 26 В роду Цангсар было три брата: Нгактрин, Сонам Еше и Намгьял Тулку. У Сонама Еше было прозвище «голос цангсарской птицы», и не только потому, что он умел подражать птичьему пению, но и потому, что мог поворачивать голову необычным образом. Все трое стали ламами, и каждый построил по монастырю. Нгактрин основал Лачаб Гомпу, Сонам Еше — то, что ныне называют Цангсар-гомпой, а Намгьял Тулку — Дэмо-гомпу. [ТУР]
- 27 Все предки Тулку Ургьена Ринпоче, как и он сам, оставляли после кремации рингсел. [ЭПК]
- 28 Мне бы хотелось упомянуть и о Ахасунге, одном из самых важных учителей среди моих предков. Он был одним из пяти братьев, которые все стали сиддхами, и под конец жизни проявил Радужное Тело. Это случилось при жизни великого дитя-тертона Намчо Мингьюра Дордже и его ученика Кармы Чагме. Мингьюр Дордже получил состоявшее из тридцати семи листов терма ума, которое касалось Ахасунга. Там были садхана, а также другие практики, посвящённые различным просветлённым деяниям. В своём видении юный Мингьюр Дордже узрел, как Ахасунг проявился из пупочного центра Махакалы, охранителя учений Будды. Тертон вручил текст ученикам Ахасунга и сказал им: «Если вы сможете выполнять эти

- практики, это обеспечит защиту вашей традиции на протяжении жизни многих поколений». У меня есть немного волос, оставшихся от Ахасунга, после того как его тело растворилось в радужном свете; я храню их в одном из своих *гау*. [ТУР]
- ²⁹ Имена четырёх сыновей, начиная со старшего: Самтен Гьяцо, Чиме Дордже, Санг-Нгак Ринпоче и Терсэй Тулку. Две дочери: Таши Чиме и Ригдзин Палдрон. [ТУР]
- ³⁰ Махакала — главный защитник Дхармы, а Дусолма — главная защитница; есть ещё одно важное божество — Шиндже Трочу. Молитвы этим защитникам Дхармы я пел много раз. Это составляет мою практику баром-кагью. [ТУР]
- ³¹ В сутре *Бхадракальна* Будда говорит о том, что он — четвёртый из тысячи истинно и полностью пробуждённых, которым предстоит явить себя в этом мире. [ЭПК]
- ³² Письмена дакини — разновидность зашифрованного или волшебного письма, используемого для записи учений Падмасамбхавы на свитках, которые потом были спрятаны в скалах, озёрах и ларцах.
- ³³ Семь передач: 1) устная традиция (кама): переведённые в древности *Трипитака* и тантры, непрерывно передававшиеся от учителя к ученику; 2) терма земли, открываемые тертоном; 3) вновь открытые терма: учения-клады, обнаруживаемые повторно; 4) терма ума, открываемые в уме гуру; 5) выслушиваемая линия передачи, получаемая непосредственно от просветлённого существа; 6) чистое видение; 7) воспоминание из прошлой жизни. [ЭПК]
- ³⁴ Первые два учителя-тертона, Ньянг-Рал и Гуру Чованг, звались «два царя тертонов», а других сто тертонов называли их подданными. Ещё были три выдающихся тертона, восемь лингпа, двадцать пять крупных тертонов и т. д., и все они были одинаково важны. Однако среди ста восьми тертонов главными являются два особенных царя тертонов: Ньянг-Рал Нима Осер и Гуру Чованг. Первым из всех тертонов был Сангье Лама, которого не нужно путать с Сангье Лингпой. [ТУР]
- ³⁵ Подробности этого знаменательного момента содержатся в его расширенном жизнеописании (т. 38 «Новых сокровищ»). [ТУР]
- ³⁶ Узрев видение Падмасамбхавы, Чокгьюр Лингпа получил от него наставления, которые включил в знаменитый текст *Нгаксо*, составленный на основе терма *Тугдруб барче кунсел*: «В эти времена тёмной кальпы почти нет ни одного тибетца, который не получил бы посвящения Ваджраяны. Священные узы самайи поддерживают жизненную силу посвящения. Если не соблюдается самайя, жизненная сила посвящения исчезает, как перо, уносимое ветром, и не принесёт никакой пользы». Поэтому Чокгьюр Лингпа попросил дать метод для регулярного восстановления самай, который и получил. Теперь эта практика известна как *Нгаксо*. [ТУР]
- ³⁷ Сангье Лингпа был великим тертоном, который обнаружил цикл учений *Лама юниду*. [ЭПК]
- ³⁸ «Три раздела дзогчен» по-тибетски называется *дзогчен десум*. Далее о нём будет рассказано подробнее. [ЭПК]
- ³⁹ Подробности относительно обнаружения терма при большом стечении народа см. в *The Autobiography of Jamgon Kongtrul: Gem of Many Colors*, translated and edited by Richard Barron (Ithaca, N.Y.: Snow Lion Publications, 2003), p. 112.

- ⁴⁰ Терма в виде символов просветлённых тела, речи и ума бывают представлены изваяниями и жёлтыми пергаменами с тайными письменами дакини. [ЭПК]
- ⁴¹ Такого охранителя часто называют *касун* — «охранитель учения». Охранителей высшего разряда называют *йиникъи касун* — «охранитель учения дхармадхату»; к ним относятся такие защитники и защитницы, как Дамчен Дордже Легпа и Экаджати. Есть также охранители наполовину просветлённые и наполовину мирские, например Церинг Ченга, пять Сестёр Долгой Жизни, двенадцать богинь *тенма*, которые охраняют Тибет. Среди мирских охранителей — восемь классов богов и духов. [ТУР]
- ⁴² В каждом терма содержится и предсказание относительно тертона, о том, что сам Чокгьюр Лингпа является воплощением царевича Дамдзина, а также указано, какому охранителю это терма вверено. [ТУР]
- ⁴³ Слово *гьялпо* подразумевает конкретный класс духов.
- ⁴⁴ В своей «Жизни Чокгьюра Лингпы» Оргьен Тобгьял Ринпоче добавляет много подробностей этого путешествия в Ахасу. [ЭПК]
- ⁴⁵ Маюм Дега — ласкательное имя моей прабабушки Дечен Чодрон, супруги Чокгьюра Лингпы. [ТУР]
- ⁴⁶ Спустя сто лет я проезжал по этой местности, направляясь в Ахасу, и видел остатки этого трона, где некогда посреди долины сидел тертон. [ТУР]
- ⁴⁷ Жизненная сила — это наша энергия, благодаря которой мы остаёмся живыми. Просветлённые существа могут видеть эту силу. Если она повреждена или ослаблена, иногда её можно призвать назад с помощью ритуала или благословения. Эта сила может иссякнуть, и в этом случае человек обязательно умрёт. [МБШ]
- ⁴⁸ По свидетельству Оргьена Тобгьяла Ринпоче, «Первый Цокни Ринпоче часто служил Чокгьюру Лингпе поваром. Он приносил воду и заботился о животных. Он был большим тружеником. [ЭПК]
- ⁴⁹ Эта история подробно рассказана в *The Great Image*. [М.Т.]
- ⁵⁰ Тибетское название этого терма *Ламрим еше нинпо*. [ТУР]
- ⁵¹ Монастырь Гончен в Дерге, принадлежит к школе сакья. [ТУР]
- ⁵² Исключительный уровень реализации может проявиться в том, что практик растворяет своё тело в радужном свете и в этом облике покидает мир людей. Это не всегда возможно для учителя, у которого много учеников. [ЭПК]
- ⁵³ В текстах Конгтрула часто почтительно именуют Джамгоном Конгтрулом Лодро Тае. Подробности жизни этого удивительного учителя см. в книге *The Authobiography of Jamgon Kongtrul: Gem of Many Colors*, Snow Lion Publications.
- ⁵⁴ В этой книге мы переводим тибетское название *Ринчен тердзо* как «Сокровищница драгоценных терма». [ЭПК]
- ⁵⁵ Джамьянг Кхьенце Вангпо «оживил» некоторые из этих драгоценных учений путём «повторного открытия терма»; он записал их вновь и даровал посвящения и объяснения этих учений. Благодаря своей выдающейся реализации и будучи тертоном, он имел доступ ко всем терма прежних тертонов и мог по собственной

- воле их записать. Большинство этих вновь открытых кладов (*янгтер*) Конгтрул включил в «Сокровищницу драгоценных терма». [ЭПК]
- ⁵⁶ Я уже упоминал о *Gem of Many Colors*, а средняя по объёму биография Джамьянга Кхьенце Вангпо содержится в книге Дуджоме Ринпоче *The Nyingma School, Its Fundamentals and History*, transl. Gyurme Dorje, Wisdom Publications. [ЭПК]
- ⁵⁷ Необходимость взять супругу, дабы тертон смог «отпереть ларец с кладом», объясняется глубокой связью между практикой с партнёром и реализацией. По сути, терма скрыто в «неразрушимом тигле» внутри сердечного центра тертона — неизгладимо запечатлевается в его потоке сознания, когда в прошлом воплощении он получил передачу от самого Падмасамбхавы, — и теперь нужна экстраординарная йогическая практика, чтобы произвести это терма на свет. Если тертон этого не делает, он может навлечь на себя гнев дакини за то, что пренебрегает данным в прошлом обещанием приносить благо живым существам. [ЭПК]
- ⁵⁸ Силнон Намкхай Дордже был одним из главных учителей Дуджоме Ринпоче. Этот тертон появился незадолго до пятнадцатого Кармапы и считается подлинным. Среди его терма есть некоторые пророчества. [ТУР]
- ⁵⁹ Почтительное обращение к ней предполагало произнесение её полного имени: Цурпу Кхандро Ченмо Ургьен Цомо, Великая Дакини (Ургьен Цомо, Великая Дакини из Цурпу) — поскольку она родилась в долине близ Цурпу. [ТУР]
- ⁶⁰ Речь идёт о ретритном центре Конгтрула Первого. Он назывался Цадра Ринчен Драг (Подобная Цари Драгоценная Гора). [ЭПК]
- ⁶¹ Эти слова показывают глубокое уважение, которое Самтен Гьяцо питал к Кармапе. Такое же выражение следовало бы употреблять, делая подношение буддам и бодхисаттвам. Тулку Ургьен Ринпоче также упоминает, что его гуру сказал об этом так: «В прошлом я не мог отказать Конгтрулу Второму, так как же я мог отказать Кармапе? Кроме того, если бы Кхакьяб Ринпоче не получил «Новые сокровища», их сохранение в будущем было бы поставлено под угрозу, так что я не мог не дать согласие».
- ⁶² В собрании сочинений Кармей Кхенпо содержатся бесчисленные ответы Чокгьюра Лингпы на различные вопросы по воззрению и практике. [ЭПК]
- ⁶³ Перерождение Чокгьюра Лингпы в монастыре Цикей, резиденции великого тертона. [ЭПК]
- ⁶⁴ Так Цикей Чоклинг получил две линии передачи: одну — от Цеванга Норбу, а другую — от Кармей Кхенпо. Джамгон Конгтрул не получил «Три раздела дзогчен» от Чокгьюра Лингпы, и ему пришлось ждать, пока эту передачу не даст ему Кхьенце. [ТУР]
- ⁶⁵ Тулку Ургьен Ринпоче рассказал Эрику и мне следующую историю, которую слышал от своей бабушки, но, к сожалению, мы её не записали. Кончог Палдрон находилась в гаре вместе с Кармей Кхенпо и первым Цокни. Однажды они вели диспут, и, конечно же, Цокни не мог победить Кхенпо. В какой-то момент Цокни вскричал: «Мне нет дела до того, что вы *говорите* о пустоте, вот когда вы её *постигнете*, она вот такая!». И он перелетел через шатёр Чокгьюра Лингпы. Кончог Палдрон сказала своей матери, которая была внутри другого шатра, что Цокни только что взлетел в небо. Маюм Дега ответила: «А, это просто Цокни снова рисуется». К тому же йогин вовсе не произвёл впечатления на Кармей Кхен-

по, но тот, наоборот, отругал его за неуважение, которое он проявил к великому тертону, летая над его шатром. [МБШ]

- 66 Часто считается, что родословная «по кости», которая ведётся от великого тертона, обладает особыми благословениями, возможно, закодированными в ДНК. Срезание волос подразумевает принятие монашества и отсутствие потомства, а следовательно, и прямых наследников традиции по семейной линии. [ЭПК]
- 67 Эта реплика подразумевает, что у Вангчока Дордже была способность записать те терма, которые упустил Чокгьюр Лингпа. [ТУР] Было довольно много терма, которые ещё ждали своего открытия. [ЭПК]
- 68 Экземпляры этих книг были также в монастырях Цикей и Нэтэн — резиденциях других воплощений Чокгьюра Лингпы. В Западном Кхаме у Дзонгсара Кхьенце была огромная библиотека, в которой тоже были эти тексты. Большая библиотека находилась также в Гебчаке, монастыре Цогни, но её, как и другие библиотеки, сожгли коммунисты. [ТУР]
- 69 Впоследствии сочинения Чокгьюра Лингпы действительно были найдены и составляют два заключительных тома «Новых сокровищ» (*Чоклинг терсар*) издания Ламы Пуце. [ЭПК]
- 70 Чокгьюр Лингпа взял её в супруги, так как это было необходимо для обнаружения терма «Трёх разделов дзогчен». [ТУР]
- 71 Когда великого переводчика Вайроцану изгнали в восточные районы Кхама, он встретился там с Юдра Нингпо, сыном местного короля. Говорят, что случилось чудо, и тот обрёл реализацию, просто увидев Вайроцану. [ТУР]
- 72 «Три раздела дзогчен» иногда называют «Дзогчен Вайрочаны» или «Сердечной сущностью Вайрочаны» (*Вайро нингтиг*). Поэтому *Вайро нингтиг* следовало передать воплощению Юдры Нингпо, и таким воплощением стал сын самого Чокгьюра Лингпы. Чокгьюр Лингпа обнаружил это терма в присутствии Джамьянга Кхьенце и Джамгона Конгтрула и немедленно дал посвящение «Трёх разделов» Джамьянгу Кхьенце и Юдре Нингпо, которому тогда было всего шесть месяцев. Вот почему Цеванга Норбу считают эманацией Юдры Нингпо. [ТУР]
- 73 Согласно биографии Джамгона Конгтрула, это произошло в третий день двенадцатого месяца года огня-дракона (1857), а значит, Цеванг Норбу родился в 1856 году, на шесть месяцев раньше. [МБШ]
- 74 Цеванг Норбу сначала следовал учению *Лонгчен нингтиг*. Благодаря связи, сохранившейся из прошлых жизней, оба брата питали безмерную преданность по отношению к Патрулу. Позднее Цеванг Норбу практиковал только терма Чокгьюра Лингпы, посвящая себя этому до такой степени, что ближе к концу жизни стал воплощать саму жизненную силу «Новых сокровищ», даруя посвящения, передачи-лунг и наставления. С одной стороны, это объяснялось ранней гибелью его брата, которому так и не удалось сыграть важную роль в передаче линии. Если посмотреть записи о передаче линии, то почти во всех встречается имя Цеванга Норбу. Выше его находятся только Чокгьюр Лингпа, Джамьянг Кхьенце или Джамгон Конгтрул. Поскольку великий тертон умер в сорокалетнем возрасте, Цеванг Норбу получил не так много линий непосредственно от своего отца, но, как мы знаем, «Три раздела» он действительно получил. [ТУР]
- 75 Владение йогой, в том числе полный контроль за тонкими каналами и энергиями, подразумевает способность извлекать живительную сущность из воздуха и

- пространства, достаточную для того, чтобы долгое время поддерживать в теле жизнь. [ЭПК]
- ⁷⁶ По всему Тибету Кармап считают не обычными людьми, а живыми буддами, вот почему Цеванг Норбу не хотел давать посвящение столь высокой особе.
- ⁷⁷ В терма Падмасамбхавы содержалось предсказание о том, что родовую линию преемственности Миндроллинга поддержит потомок Чокгьюра Лингпы. Как объяснил Цеванг Норбу: «Кхьенце Старший знал, что семейной линии Миндроллинга грозит быть прерванной. Но он обнаружил пророчество, что дочери из семьи Миндроллинг суждено выйти замуж за сына Чокгьюра Лингпы. Однако, послав меня, он ничего такого мне не объяснил». Поскольку линия «кости» прервалась, ныне семейная линия преемственности Миндроллинга считается линией «крови», которая идёт от дочери главного ламы. [ТУР]
- ⁷⁸ Скорее всего, это случилось в 1909 году, когда после вторжения китайцев тринадцатый Далай-лама бежал в Индию. Тогда произошло восстание тибетцев, и к апрелю 1912 года китайские войска сдались и им разрешили покинуть Тибет через Индию. Далай-лама вернулся в Ахасу в январе 1913 года. См. Melvyn Goldstein. *A History of Modern Tibet 1913–1951: The Demise of the Lamaist State* (Berkeley: University of California Press, 1991), pp. 54–59 [МБШ]
- ⁷⁹ Вероятно, это был друбчен *Гонпа кунду*. [ЭПК]
- ⁸⁰ Река Кечу довольно широка в месте своего слияния с рекой Цичу, от которой, кстати, получил своё название Цикей.
- ⁸¹ Цеванг Норбу был не только сыном Чокгьюра Лингпы, но и племянником Кхьенце. [ЭПК]
- ⁸² Она прекрасно знала миндроллингский стиль живописи тангка, свойственный Центральному Тибету; этот стиль существенно отличается от восточного стиля *карма гадри*. [ЭПК]
- ⁸³ Главной резиденцией Кхьенце в Дерге был Дзонгшо. Друбчен, который выполнялся, — Гонгпа кунду. [ЭПК]
- ⁸⁴ Тулку может считаться перерождением не только жившего ранее учителя, но и божества. Например, говорят, что Далай-лама — воплощение Авалокитешвары. Четырёхрукый Махакала — гневное проявление Авалокитешвары. [ЭПК]
- ⁸⁵ Нгаванг Тринлэ Первый был одним из трёх братьев Цангсар, которых стали называть «три сына, исполняющих желания». В его последующих жизнях перерождения Нгаванга Тринлэ назывались Нгактринами. К этой сокращённой форме имени добавляли название места, где он жил: Аргонг Нгактрин, Чилца Нгактрин и Цангсар Нгактрин. [ТУР]
- ⁸⁶ Среди них Ринчен Намгьял, Кеванг Чогьял и Сонтар Чончок, который был одним из его близких друзей в Дхарме и выдающимся учителем дзогчен. [ТУР]
- ⁸⁷ Кьясу — родовое имя Чокгьюра Лингпы. [ТУР]
- ⁸⁸ Практика пхова, выброс сознания, — это искусный способ обеспечить рождение в мире будды или, по крайней мере, в одном из высших миров; выполняется непосредственно в момент смерти. Это необходимо потому, что мы, люди, как пра-

вило, существа ленивые и поглощённые тщетными занятиями, а потому наша драгоценная жизнь заканчивается слишком быстро. [ЭПК]

- 89 Недавно Чокьи Нима получил один из таких манускриптов, который теперь находится у него в Будханатхе, Непал. [ЭПК]
- 90 Если обратиться к истории, чтобы понять, кому удалось передать «Новые сокровища» Чокгьюра Лингпы для будущих поколений, становится очевидным, что, избрав в Ривоче Самтена Гьяцо, Цеванг Норбу проявил своё ясновидение. Всю свою жизнь Самтен Гьяцо педантично собирал каждый текст, посвящение, передачу-лунг и всё это хранил. Это само по себе немалый подвиг, если учесть географические особенности Кхамы и то, как были разбросаны люди, обладавшие текстами и линиями преемственности. В большой степени именно благодаря Самтену Гьяцо теперь у нас есть такое обширное собрание не только термина Чокгьюра Лингпы, но и всех дополнительных учений, связанных с ними. Кроме того, посетив Центральный Тибет, он лично попросил Кхакьяба Дордже написать дополнительные руководства, которые всё ещё требовались, в то время как сам давал Кармапе посвящения. Вы можете убедиться, как их много, взглянув на указатель к «Новым сокровищам». Согласно тибетской традиции, автор всегда упоминает в колофоне имя человека, который попросил написать это произведение, и в указателе имя Самтена Гьяцо встречается не раз. Какое это доброе дело, что кто-то положил столько сил на благо будущих поколений. [ТУР]
- 91 После этого Цеванг Норбу отправился в Центральный Тибет, а Самтен Гьяцо оставался в Кхаме. Когда спустя два года Самтен Гьяцо поехал в Центральный Тибет со своей матерью, Цеванг Норбу уже скончался. [ТУР]
- 92 На внешнем уровне он был благочестивым монахом, строго соблюдающим монашеские правила; на внутреннем уровне он выполнял практики бодхисаттвы; на сокровенном уровне он хранил самаи Ваджраяны. [ТУР]
- 93 Кармей Кхенпо переродился сыном сестры Самтена Гьяцо. [ТУР]
- 94 Монастырь Нанг Цангсар Гомпа был основан предыдущим воплощением моего отца — Цангсаром Сонамом Еше, который считался воплощением Вороноголового Охранителя (Джарог Донгчен). [ТУР]
- 95 У Дзигара Конгтрула была одна из костей Маюм Дега с изображением будды Тары на ней. Он хранил эту реликвию в маленьком ларце. Я видел её своими глазами, и это определённо не подделка. Дзигар Конгтрул хранил много костей великих лам как свои тайные святыни. [ТУР]
- 96 Цикей Чоклинг — нынешнее воплощение её отца в монастыре Цикей. [ЭПК]
- 97 Эти четыре периода: век созревания практики, век просто практики, век словесного учения и век просто ношения одежды. [ЭПК]
- 98 Мальчиком я прислуживал ему. Два года я вёл его хозяйство, а до этого был его поваром и иногда готовил для него *момо*. Я никогда не слышал, чтобы он ругал слугу. Он ни разу не шлёпнул меня, но и я никогда не был непослушным. [ТУР]
- 99 Об этих четырёх стадиях см. «четыре уровня дзогчен и Махамудры» в глоссарии. [ЭПК]
- 100 Даже тайный йогин не может избежать появления особых знаков во время смерти. Однажды Тулку Ургьен Ринпоче сказал: «Практик не должен выделяться

никогда, кроме момента смерти, когда лучше всего, если вы смеётесь, хорошо, если не испытываете страха, и неплохо, если у вас нет никаких сожалений». Уменьшение размеров тела — малый вариант Радужного Тела, и, как иногда говорил Тулку Ургьен, ученики, бывало, старались ускорить кремацию своих учителей, чтобы «хотя бы сохранить какие-то осязаемые реликвии». В пепле часто находят *рингсел* — крошечные светящиеся шарики, похожие на жемчужинки. В древних тантрах дзогчен описываются рингсел разных видов и цветов, а также причины, вследствие которых они появляются как знаки внутренней реализации. [ЭПК]

- ¹⁰¹ Одна из восьми главных традиций практики в тибетском буддизме, практика чод, выполняется, чтобы ослабить эгоизм, и является замечательным методом избавления от привязанности. Слово *чод* значит «отсечение», что подразумевает отсечение привязанности к представлениям субъект-объект, отсечение двойственного восприятия. Учение чод — единственное, которое было переведено с тибетского на индийские языки, и это показывает его необыкновенность. Чод практикуют исходя из единства пустоты и сострадания. В этом отважном сострадании нет колебаний, нет сомнения в деянии на благо существ. Как сказала Мачиг Лабдрон: «Чем сто раз умолять “спасите, защитите”, намного лучше один раз бросить “пожирайте!”» [ТУР]

Чод — это наставление о подношении «тела иллюзии» как пиршества. Причина в том, что у нас, людей, есть сильная привязанность к материальному телу. Подробное учение о практике чод см. *Machik's Complete Explanations, Clarifying the Meaning of Chod*. (Sarah Harding, trans.) Snow Lion Publications, Ithaca, NY, 2003. [ЭПК]

- ¹⁰² Сара Хардинг называет этих четырёх демонов так: материальный, нематериальный, демон ликования и демон раздувания собственной значимости. Тулку Ургьен Ринпоче объясняет «неуверенность» как тонкое колебание сознания вследствие неведения, влекущую за собой стойкую привязанность к представлению о незыблемом «я» и внешнем мире. [ЭПК]
- ¹⁰³ Перерождение ламы из старого монастыря Сердца в области Гегьял Риво. [ТУР]
- ¹⁰⁴ Дядя получил эти посвящения от Цикей Чоклинга, а Самтен Гьяцо получил их от Цеванга Норбу. Эти линии преемственности считались двумя разными потоками благословений, поскольку Цеванг Норбу получил передачу от своего отца, то есть от великого тертона лично, а Кармей Кхенпо — от тела мудрости Чокгьюра Лингпы, уже после кончины тертона. [ЭПК]
- ¹⁰⁵ Думаю, тогда дяде Терсэю было примерно шестьдесят шесть лет, потому что он умер во время моего второго посещения Центрального Тибета. [ТУР]
- ¹⁰⁶ Высота трона ламы часто служит показателем его звания или положения, политического или духовного. [ЭПК]
- ¹⁰⁷ Центр для затворничества назывался Миндроллинг: Обитель Созревания и Освобождения. Ламы монастыря Ривоче питали великую веру в моего дядю Терсэя и поэтому пригласили его туда давать учения. А после смерти Самтера Гьяцо Терсэя пригласили учить в Крепостную Вершину. [ТУР]
- Впоследствии у дяди Терсэя всё-таки появился потомок. Его внучка, монахиня, была помощницей тулку Чоклинга в монастыре Цикей. [ЭПК]

- ¹⁰⁸ Истинная чистота заключается в нежелании отвлекать людей от вещей более важных, чем чудеса, — отречения, сострадания и истинного воззрения. [ЭПК]

- ¹⁰⁹ У великого практика медитации, обретающего состояние пробуждения в такой степени, о какой говорит Самтен Гьяцо, нет никаких оснований впасть обратно в самсару. Как учил Тулку Ургьен Ринпоче, причина в том, что «устойчивость в не dvojственной пробуждённости свободна от неведения — необходимого условия перерождения». [ЭПК]
- ¹¹⁰ Дядя Терсэй совершенно не нуждался в почёте и положении в обществе, которые получил бы, давая посвящения такому высокому учителю, как Кармапа. [ЭПК]
- ¹¹¹ Посвящение может осуществляться как ритуал дарования благословения ученику, который тем самым получает право приступить к конкретной садхане. Другой способ посвящения — передать истинный смысл получения такого права учеником путём его введения в природу реальности, которая есть, по сути, тело, речь и ум божества. Подробнее см. *Tsele Natsok Rangdrol, Empowerment*, Ranjung Yeshe Publications. Шесть видов освобождения связаны с этим воззрением и включают в себя освобождение благодаря видению, слышанию, воспоминанию, прикосновению, ношению на себе и вкушению. [ЭПК]
- ¹¹² В частности, я вспоминаю объяснение относительно божеств *Туйдруб тринлэ нингпо*, поражающее всех, кто его читает. Мне ещё не удалось увидеть ни одного сохранившегося текста, но, как знать, возможно, он ещё обнаружится в Кхаме. Дядя Терсэй написал «Дополнительное украшение» к «Сердечной сущности Самантабхадры» и много подобных текстов, которые включены в «Новые сокровища». [ЭПК]
- Терма часто бывает очень сжатым и содержит в себе много подразумеваемых ссылок, которые ясны учителю или держателю линии преемственности. Чтобы обычный практик мог использовать их в своей ежедневной садхане, необходимо сделать понятным текст, пояснить подтекст и вставить сноски. [ЭПК]
- ¹¹³ Так была сделана статуя особой разновидности, которая называется *джема ат-ронг*. Однажды Чокгьюр Лингпа дал такую статую королю Нангчена. Одна из них была у нескольких человек, в том числе у Дилго Кхьенце. [ТУР]
- Вселить в изваяние своего джняна-саттву — значит его благословить и наделять силой, сделав его продолжением самого себя, дабы всякий, кто соприкоснётся с этим изображением, обрёл семя освобождения в своём потоке бытия. [ЭПК]
- ¹¹⁴ Среди других его учителей были Кхамтрул Тенпэй Нима и Цокни Первый. [ТУР]
- ¹¹⁵ Терма ума Друбанга Цокни называется *Ладруб кунсанг тугтиг*. [ТУР]
- ¹¹⁶ Ещё там был один очень хороший лама из Ладакха по имени Пема Чогьял, который принадлежал к группе Махамудры. [ТУР]
- ¹¹⁷ Мой отец также был учеником Шакья Шри, хотя и не таким близким, как дядя Терсэй. Самтен Гьяцо уехал к Кхакьябу Дордже и никогда не встречался с Шакья Шри. Дядя Терсэй говорил мне, что в ритоде Шакья Шри он сам и Друкпа Йонгдзин были среди главных учеников. Шакья Шри практиковал «Сердечную сущность Самантабхадры», хотя никогда не встречался с Чокгьюром Лингпой, но был, как упоминается в тексте, учеником первого Кхьенце. [ТУР]
- ¹¹⁸ В настоящее время эта биография переведена Элио Гуариско. [ЭПК]
- ¹¹⁹ Эти драгоценные глубокие учения ныне содержатся в первую очередь в двух собраниях канонических текстов: «Собрании тантр нингмы» и *Нингма кама*. [ЭПК]

- ¹²⁰ Затем на его место в Китай отправили Кхьенце из Палпунга, который был наставником юного Кармапы. [ТУР]
- ¹²¹ Другой Нэтэн Чоклинг, которого узнал Дзонгсар Кхьенце, был отцом Оргьена Тобгьяла Ринпоче и Дзигара Конгтрула. [ТУР]
- ¹²² Цага жила в Непале и, под конец своей жизни став монахиней, пробуждала вдохновение во всех, кто с ней встречался. В 2003 году мы встретились с младшей сестрой, приятной пожилой женщиной, которая очень пострадала при коммунистах. Её муж, лама из монастыря Тана, расположенного на расстоянии одного дня пути верхом от Лачаба, был казнён, и после этого она вместе со своей дочкой много лет прожила с кочевниками. Дочь Пэнджиги всё ещё живёт в Джекуndo, в Кхаме. Семья его сына — в которой есть несколько тулку — восстановила монастырь рода Цангсар в Ахалам-Гоне. Кунго Калсанг жив и находится в затворничестве в монастыре Нгедон Осэлинг, в Непале. [МБШ, ЭПК]
- ¹²³ Озеро Жизни Еше Цогьял — Цогьял Ахацо. Расположено в Драгда, примерно в 20 километрах от Самье. [ЭПК]
- ¹²⁴ Это подобие, или *ниадрама*, представляло собой очень маленькое изваяние Гуру Цокье Дордже, и его обнаружил как терма Ньянг-Рал Нима Осер. [ТУР]
- ¹²⁵ Это был Мипам Чокьи Вангпо (1884–1930), десятое воплощение в линии Друк-чен; его монастырь назывался Друк Санг-Нгак Чолинг. [ЭПК]
- ¹²⁶ В их числе была полная передача *Тугдруб барче кунсел*, которую попросил дать Тубванг Ринпоче, брат ламы Тензина Дордже. В Бонг-гомпе было три главных ламы. На этой передаче также присутствовал Гампо Тулку, перерождение Гампопы, резиденцией которого была резиденция самого Гампопы. Он высоко ценил «Новые сокровища» Чокгьюра Лингпы и, хотя получил не все из них, хотел получить хотя бы посвящения Тугдруб, которые давал Самтен Гьяцо. [ТУР]
- ¹²⁷ Чодраг Гьяцо, седьмой Кармапа (1454–1506). [ЭПК]
- ¹²⁸ «Незаслуженные доходы» (*кор*) — это материальные подношения верующих монашеской общине или отдельному ламе, которые делают на благо живых или умерших. При использовании на ненадлежащие нужды имеют тяжкие кармические последствия. [ЭПК]
- ¹²⁹ Абум Ринчен Пунгпа, или гора Абум, расположена на расстоянии восьми часов езды на автомобиле по грунтовой дороге от Шарда в Нангчене. [ЭПК]
- ¹³⁰ Волшебное явление возникновения нерукотворных слогов на каменных поверхностях имеет место по всему Тибету и Гималайскому региону. Буква или изображение божества появляется и за месяцы или годы становится всё более отчётливым. [ЭПК]
- ¹³¹ Как *ньерна*, Тулку Ургьен Ринпоче управлял делами своего отца как в мирских, так и в духовных вопросах. [ЭПК]
- ¹³² Посетив в 2003 году этот женский монастырь, который снова стал домом для множества замечательных женщин-практиков, мы увидели, что можжевельниковые деревья опять выросли. Теперь существует правило, что с этих прекрасных деревьев нельзя сломать ни веточки, хотя хвою можно собирать для приготовления священных благовоний. [ЭПК]

- ¹³³ Он действительно замечательно восстановлен руками множества живущих там монахинь! Деченлинг обращён на юг, на прекрасную долину. Там много солнца, воды и деревьев. Когда мы там были, в долговременном затворничестве находились тридцать две монахини, двенадцать из которых удалились в пожизненное затворничество. [МБШ]
- ¹³⁴ Мантра Ваджра-гуру: ОМ А ХУНГ ВАДЖРА ГУРУ ПАДМА СИДДХИ ХУНГ. [ЭПК]
- ¹³⁵ Предполагается, что «основой проявления» Цанг-Янга был Гьялва Чо-Янг, один из двадцати пяти учеников Падмасамбхавы. [ТУР]
- ¹³⁶ У Цокни было несколько терма ума, одно из них очень похоже на терма Чокгью-ра Лингпы о постижении гуру в аспекте дхармакайи. Увидев это терма, Чокгьюр Лингпа в шутку упрекнул Цокни: «Ты украл моё терма!» — и рассмеялся. Цокни Первый был учителем, обладавшим способностями тертона. [ТУР]
- ¹³⁷ Эта практика отличается от *друбдра*, или затворничества, посвящённого садхане. Перед тем как удалиться в затворничество, посвящённое медитации, или *гом-дра*, обычно практик проходил одно или несколько затворничеств по садхане, в которые включались предварительные практики, практика йидама и внутренние йоги. После этого практика сосредоточивается на освоении четырёх йог Махамудры или на трегчо и тогал. [ЭПК]
- ¹³⁸ В 2003 году Марсии и мне сказали, что треть из трёхсот монахинь, живущих в Гебчаге, способны на такой подвиг. [ЭПК]
- ¹³⁹ Предметом, используемым для благословения людей на посвящении, мог быть сосуд, торма, икона, *капала* и тому подобное. [ЭПК]
- ¹⁴⁰ В то время как Кьютгтрул Ринпоче давал «Сокровищницу устных наставлений» (*Дам-ниак дзо*), именно лама Пемба из монастыря Тана давал собрание сочинений Конгтрула Первого (*Гьячер кадзо*) и «Сокровищницу знания» (*Шеча дзо*). [ТУР]
- ¹⁴¹ Ежегодные ритуалы изгнания вредоносных сил, основанные на практике Ваджракилаи, обычно выполняют непосредственно перед наступлением тибетского Нового года, причём главную торма бросают в двадцать девятый день двенадцатого месяца. Цель — изгнать злые силы, чтобы те не причинили вреда Дхарме и живым существам. Главные демоны — это, безусловно, неведение и рождённые привязанностью к «я» эмоции. [ЭПК]
- ¹⁴² «Воспевание имён Манджушри» (*Манджушри нама сангити*) состоит из шестисот стихотворных строк. [ЭПК]
- ¹⁴³ Свободно льющее, совершенное красноречие часто считается особой способностью, даруемой человеку или божеством, или демонической силой. [ЭПК]
- ¹⁴⁴ Великий Ситу из Палпунга, Пема Ригдзин из Ривоче, Шингкьонг из Катога и Кучинг из монастыря Паюл. [ТУР]
- ¹⁴⁵ Сэй Пагчок известен тем, что продолжал линию своего отца и написал два важных текста по практике медитации: один по Махамудре и один по дзогчен. [ЭПК]
- ¹⁴⁶ Друбванг Цокни (Первый) был одним из его гуру. [ТУР]

- ¹⁴⁷ Настоящий буддист считает себя не покупателем и владельцем текстов, а жертвователем и временным их хранителем. [ЭПК]
- ¹⁴⁸ Учителем из школы сакья был Сачен Кунга Нингпо, а его учеником — Гало. [ЭПК]
- ¹⁴⁹ В случае обретения «малого» Радужного Тела материальные элементы растворяются не в течение семи дней, а, возможно, дольше, причём тело уменьшается в размерах с каждым днём. Волосы и ногти, поскольку там нет ни физических нервов, ни тонких энергетических каналов, обычно не уменьшаются и не исчезают, а остаются. [ЭПК]
- ¹⁵⁰ В те времена там жили только человек пятнадцать-шестнадцать одновременно. [ТУР]
- ¹⁵¹ Конечно же, во времена «культурной революции» монастырь был разрушен, но в конце восьмидесятых годов его восстановил Тулку Цеванг Дечен, нынешнее воплощение Самтена Гьяцо, который двадцать три года провёл в китайских лагерях. [МБШ]
- ¹⁵² Это был дед Цокни со стороны матери, отец ламы Таши Дордже. [ЭПК]
- ¹⁵³ Один из главных торговых путей, соединяющих Силинг на монгольской границе и Ахасу на западе, проходил через Нангчен. Это место соответствует Джекундо в современной провинции Цинхай. [ЭПК]
- ¹⁵⁴ В 1931 году японцы захватили Маньчжурию. Китайские коммунисты появились на востоке Тибета в результате «длинного марша» примерно в 1935–1936 году. Японцы сдались в 1945 году. Приблизительно в это время в Китае началась гражданская война, которая закончилась в 1949 году победой коммунистов. [МБШ]
- ¹⁵⁵ «Оставаться без мыслей и осознанности в состоянии всеобщей основы» означает, что медитирующий решил просто покоиться в безмятежном состоянии ума, не только не придавая значения внимательному присутствию, свойственному *шаматхе* и *випашьяне*, но и не ведая о несозданном естественном состоянии, которое не поддаётся никаким понятиям. [ЭПК]
- ¹⁵⁶ Наставления относительно освобождения в бардо необходимы, потому что мы, люди, слишком часто создаём порождающие явления низших миров причины — ненависть, зависть и тупое безразличие. [ЭПК]
- ¹⁵⁷ Хотя естественное состояние, по сути, тождественно уму полностью просветлённого будды, для большинства людей переживание естественного состояния мелькает как вспышка молнии. Будда же, напротив, достиг полной устойчивости в естественном состоянии. Для того чтобы научиться достигать устойчивости, требуются наставления достойного учителя. [ЭПК]
- ¹⁵⁸ Тана — резиденция ерпа-кагью, одной из первоначальных школ линии кагью. Это название означает «уши коня», потому что возвышающиеся над монастырём горные пики имеют отчётливую форму двух остроконечных ушей. Они видны, если смотреть от Лачаба на юг. [ЭПК]
- ¹⁵⁹ Мы предполагаем, что Тулку Ургьен Ринпоче имеет в виду вторжение коммунистических сил в 1936 году, когда, преследуемые националистами, они, как уже упоминалось, оказались в Восточном Тибете. [МБШ]
- ¹⁶⁰ Кроме Ситу и Кхьенце из Палпунга на своём попечении собственные отделения этого монастыря имели два других учителя — Карсэй Конгтрул и Онгтрул. [ТУР]

- ¹⁶¹ История того, почему Карсэю Конгтрулу был близок Цикей, начинается с раздоров, случившихся на границе Тибета и Китая, из-за которых Кармапа был вынужден вместо Дерге кружным путём отправиться в Нангчен. Из-за этих беспорядков Карсэй Конгтрул был вынужден бежать в Палпунг. Через некоторое время политическая ситуация уладилась. В моём монастыре мы только слышали, что в Китае борются различные группировки. Однажды мы узнали, что коммунисты потерпели поражение и вывели своих солдат из Кхама. Это было за несколько лет до того, как начался другой переворот. Во время этого затишья Карсэй Конгтрул, который до того оставался в Цикее, смог вернуться в Палпунг. Перед своим прибытием в Цикей Карсэй Конгтрул посещал монастырь Ривоче, и теперь по настоянию Кончога Паддрон Чоклинг из Цикей пригласил его в свой монастырь. Карсэй Конгтрул прожил там три недели. Цикей Чоклинг был тогда болен и находился рядом с монастырём, в своём доме, который назывался Норбулинг, «Драгоценная Обитель». [ТУР]
- ¹⁶² «Напоминание о самадхи» обычно даёт человеку его учитель или близкий друг в Дхарме. Для большей действенности его следует давать до того, как прекратилась «внутренняя циркуляция энергий». Подробности см. Chokyi Nyima Rinpoche, *Bardo Guidebook*.
- ¹⁶³ Мне неудобно включать в книгу этот личный разговор не только потому, что это было не в характере Самтена Гьяцо, но и потому, что некоторые могли бы счесть это восхвалением собственной семьи. [ТУР]
- ¹⁶⁴ В устной беседе, которая не была записана, Тулку Ургьен Ринпоче сказал мне, что встреча с представителем китайского императора была непростым делом: если он считал, что вы отнимаете у него время, то мог дать вам пощёчину рукой в печально известной шипастой перчатке, которая распарывала кожу на лице. [ЭПК]
- ¹⁶⁵ В одном из своих видений Цикей Чоклинг узрел моего отца, Чиме Дордже, который держал прозрачный дигуг, а его длинные развевающиеся волосы вздымались вверх. «Твой отец, — сказал он мне, — несомненно, воплощение Вороноголового Защитника». [ТУР]
- ¹⁶⁶ Интересно заметить, что у большинства тертонов бывают похожие видения, когда они посещают эту чистую страну. Они даже часто видят в точности те же самые подробности. [ТУР]
- ¹⁶⁷ Человеку, воспитанному в материалистическом и нигилистическом мировоззрении, довольно трудно воспринять идею о перерождении, а теперь мы слышим о том, как некто является воплощением нескольких бодхисаттв или живших ранее учителей одновременно! Тулку Ургьен Ринпоче объяснял, что воплощение тулку подобно отражению луны на воде: даже в одном пруду таких отражений может быть несколько. [ЭПК]
- ¹⁶⁸ Он был известен своей привычкой тщательно исследовать тексты Дхармы, что позволило ему заметить и собрать много важных — но редких или отсутствующих — руководств по медитации и других текстов. [ТУР]
- ¹⁶⁹ Подробности о мирах ада см. Words of My Perfect Teacher, pp. 63-72. [МБШ]
- ¹⁷⁰ «Внутреннее пространство изначальной чистоты» — это сама природа будды в её непроявленном аспекте: пустая в своей сущности, способная познавать по природе и неограниченная в своей энергии. [ЭПК]

- ¹⁷¹ О «четырёх видах уверенности» позволю себе процитировать Целе Нацога Рангдрола — *Circle of the Sun* (Ranjung Yeshe Publications, 1990): «Практики, в совершенстве овладевшие четырьмя видениями [в дзогчен], также достигают четырёх видов уверенности в освобождении. Есть две разновидности уверенности, смотрящей вниз. Первая — уверенность, свободная от страха, благодаря которой практика не может утратить ничто: никакая опасность или страдания в холодных или горячих адах. Вторая — уверенность, свободная от страха перерождения среди шести классов существ и блуждания по трём мирам сансары. Есть две разновидности уверенности, смотрящей вверх. Первая — уверенность, свободная от завроженности качествами состояния будды, счастьем миров будд и т. п. Вторая — уверенность, свободная от ожиданий, то есть от надежды или желания обрести награду — нирвану. Эти четыре вида уверенности проистекают от понимания, что всё — самсара и нирвана — это спонтанная способность познавать, свободная от понятий». Спонтанная способность познавать, свободная от понятий, — то же, что и наше исконное состояние бытия, природа будды. [ЭПК]
- ¹⁷² С точки зрения Махаяны и Ваджраяны — и это делает данную историю ещё более занятой, — миры ада представляют собой не реальные, физические места, но напоминают фильмы ужасов, которые прокручиваются в уме существ. [ЭПК]
- ¹⁷³ Именно там жили все древние цари Тибета. [ЭПК]
- ¹⁷⁴ Храм Трамдрук известен как одно из трёх Колёс Дхармы в Центральном Тибете; два других — это Самье и Джокханг в Ахасе. [ТУР]
- ¹⁷⁵ Этот лама был из той же самой семьи, что и учитель из школы сакья Тариг Ринпоче и учитель из школы кагью Сабчу Ринпоче. [ТУР]
- ¹⁷⁶ «Ограниченные посвящения» могут включать в себя определённые тайные практики или вверения конкретным охранителям учений, и часто их дают только держателям линии преемственности. [ЭПК]
- ¹⁷⁷ «Тёплое дыхание дакини» — метафора, характеризующая действенность учений, обеспечивающую чистой короткой линией передачи. Между Падмасамбхавой и Самтенем Гьяцо были только два учителя: Чокгюр Лингпа и один из держателей линии, от которого Самтен Гьяцо получил конкретное посвящение, например Цеванг Норбу или Кармей Кхенпо. [ЭПК]
- ¹⁷⁸ Индийский учитель Куну Ринпоче рассказал Чокьи Ниме Ринпоче, что тоже получил от Джамдрага *Ламрим еше нинпо* тем же путём. [ЭПК]
- ¹⁷⁹ Джокьяб Ринпоче родился в местности Гегьял, в знатной семье. Он был сыном правительственного чиновника. С раннего возраста он питал искренний интерес к практике духовного пути, и его отпустили в Гебчаг-гомпу, где он стал учеником Ламы Вангдора, который передал ему учения *Гухьягарбха-тантры*. Обретя достаточно глубокое понимание, он стал монахом в Дильяг-гомпе, где учился вместе с одним из учеников великого Кармей Кхенпо. Настало время, когда он встретился с Самтенем Гьяцо, от которого полностью получил «Новые сокровища». Он говорил мне, что ключевые наставления получил от Кьонгтрула Ринпоче. [ТУР]
- ¹⁸⁰ Благодаря преданности и упорству Джокьяба у нас есть компетентный комментарий Джамдрага, составляющий отдельный законченный том. Ныне он даёт жизненно важную помощь для понимания всей глубины «Света мудрости». Этот комментарий присутствует в английском переводе в виде подробных примечаний.

ний к главному тексту. Трудно сказать, почему Дхамдраг так долго отказывался давать учения. Возможно, он проверял искренность этих учеников. [ЭПК]

- 181 Скорее всего, это произошло в 1931–1932 годах, когда монгольский военачальник Ма Пуфан напал на Нангчен.
- 182 Этот ритуал, включающий в себя «призывание жизненной силы», может опираться на практику Будды Амитаюса, его супруги Чандали или одного из множества других божеств долгой жизни. [ЭПК]
- 183 То же самое было и во дворце короля Дерге, в присутствии которого могли находиться только немногие ламы, такие как великий Ситу или Кармапа. [ТУР]
- 184 Полагают, что личность человека зависит от особенностей его элементов: «люди земли» устойчивы, «люди воды» гибки, «люди огня» порывисты, «люди ветра» проворны, «люди пространства» уживчивы.
- 185 Титул «владыка учений» подразумевает главу монастыря или линии преемственности. [ЭПК]
- 186 До этого времени не было ни одного полного собрания терма, открытых Чокгьюром Лингпой. Во многих случаях великий тертон сразу же вручал клад — изваяние, священное вещество или расшифрованные письма небесных дакини — тому или иному преемнику, упомянутому в предсказаниях, который становился главным держателем этого терма. В годы юности Самтена Гьяцо, в начале XX столетия, прошло уже тридцать лет с тех пор, как великий тертон скончался, и за это время некоторые линии распространились повсюду, а другие почти не существовали. В те времена в Нангчене не было ни транспорта, ни современных средств связи, и Самтен Гьяцо начал разыскивать терма, устроив «охоту» на них. Теперь их собрание насчитывает более сорока огромных томов. [ЭПК]
- 187 Вверение учения-терма охранителю подразумевает подтверждение статуса учителя как «хозяина мандалы», после чего к его услугам предоставляют того или иного охранителя. Предполагается, что защитник этих учений выполняет благородные желания и деяния «хозяина мандалы». [ЭПК]
- 188 После того как практик выполнил садхану установленное количество времени или повторил мантру установленное количество раз, он может осуществлять определённые прикладные задачи, например, готовить священные вещества для различных действий, направленных на защиту и служение живым и мёртвым. [ЭПК]
- 189 Его основа — терма великого учителя Кхьенце под названием «Чандали, Мать Долгой Жизни». [ТУР]
- 190 Это метод медицины, гораздо более радикальный, чем прижигание. Раскалённым железным или золотым остриём медицинского инструмента быстро касаются поражённого участка тела. Иногда на этом месте мгновенно образуется пузырь. [ЭПК]
- 191 «Достославная раковина» — это горловая чакра высшего воплощения, например Будды Шакьямуни. Эта сила речи проистекает от безмерных заслуг — превосходящих все другие большие и малые знаки вместе взятые — и, как считается, производит такие звуки, которые люди могут воспринимать на своих языках. [ЭПК]

- ¹⁹² У ххамцев принято использовать сокращённые имена: берут первый слог имени человека и добавляют слог *га*, что значит «дорогой». Имя Тулку Ургёна Ринпоче было Карма Ургён. [ЭПК]
- ¹⁹³ Умирая, великий практик полностью контролирует состояние своего ума. У него не бывает такого смятения, как у обычных людей, потому что для него переменить тело — всё равно что переодеться. Некоторые даже могут определить, как и при каких обстоятельствах они скончаются. Самтен Гьяцо предпочёл, чтобы момент его ухода совпал с теми последними, берущими за сердце словами. Высокие ламы и выдающиеся практики буддизма часто оставались в самадхи — необычном состоянии устойчивой медитации — уже после того, как испустили свой последний вздох. При таком состоянии, которое называется *тугдам*, сохраняется тепло в области сердца, кожа не бледнеет, не наступает трупного окоченения, и тело сохраняет прямую сидячую позу. Это состояние может длиться от нескольких часов до недели и более. [ЭПК]
- ¹⁹⁴ Когда открыли погребальную ступу после кремации самого Тулку Ургёна Ринпоче, его череп тоже оказался совершенно невредимым. В настоящее время он хранится в личном молитвенном помещении Чокьи Нимы Ринпоче в монастыре Ка-Нинг Шедруб, в Бодухе, Непал. На его поверхности виден нерукотворный слог «А». [ЭПК]
- ¹⁹⁵ Я повторял некоторые места из *Туйдруб барче кунсел*, *Кунсанг нингти* и выполнял некоторые другие небольшие практики. Получив «Сокровищницу драгоценных терма», я оставался в Крепости Лотосного Гаруды (Пема Кьонг Дзонг) около трёх лет. [ТУР]
- ¹⁹⁶ В прежней жизни Барвэ Дордже был братом Маюм Дега. Он стал учеником Чокгьюра Лингпы и иногда был для него казначеем или домоправителем. После кончины тертона он переселился в собственный монастырь и посвятил остаток лет практике. Мне сказали, что он достиг очень высокого уровня реализации. [ТУР]
- ¹⁹⁷ Требуется ли тертонам одобрение Кармапы? Необязательно. Но Тулку Ургён Ринпоче однажды упомянул, что это одобрение весьма способствует возрастанию полезности терма для существ, потому что воплощения Кармапы олицетворяют деяния просветлённых. [ТУР]
- ¹⁹⁸ Руководство — это совокупность коренного текста, объяснений, примечаний мастера ваджры относительно ритуальных предметов и о том, что в ходе ритуала должен вслух произносить ученик. Всё это может быть очень сложным. «Три раздела дзогчен» — довольно подробно разработанное и невероятное по широте и глубине собрание учений. В каждом разделе много частей, как садхан, так и наставлений. Ныне «Три раздела» составляют более двух больших томов. См. подробнее в приложении 1. [ЭПК]
- ¹⁹⁹ Находясь там, Дуджом Ринпоче получил от Кьонгтрула некоторые передачи-лунг и наставления по трём главным тантрийским текстам новых школ; у Джампала Цултрима он попросил некоторые из самых важных частей собрания трудов Хкакьяба Дордже, а у Самтена Гьяцо — полное собрание «Трёх разделов дзогчен», но, по-видимому, получил только три первых посвящения. [ТУР]
- ²⁰⁰ Однажды Дуджом отпросился и уехал. Так что, когда Самтен Гьяцо даровал оставшиеся посвящения, Кьонгтрул усердно продолжал составлять руководство. Наступил момент, когда стало ясно, что им не удастся завершить всё таким обра-

зом. Поэтому, так как Самтену Гьяцо нужно было возвращаться в Кхам, он прекратил давать посвящения, а Кьютрул перестал работать над текстом. [ТУР]

²⁰¹ Он сослался на популярную в Цурпу пословицу: «Если живёшь где-то один день, хочется уехать, а если живёшь год, то уже не хочется уезжать». Кхамцам, впервые приезжавшим туда, приходилось нелегко: никто не уделял им хотя бы один день. [ТУР]

²⁰² Это весьма крупное событие: «Сокровищница драгоценных терма» состоит из шестидесяти трёх больших томов, полных посвящений и глубоких наставлений. Передача этих учений может занять в любом случае от трёх до шести месяцев, что зависит от учителя, числа их получателей и уровня подробности. Она также может перемежаться коллективными практиками, а потому продлиться ещё больше. [ЭПК]

²⁰³ «Собрание тантр нингмы» в специальном снабжённом примечаниями издании — это, вероятно, то самое, о котором Тулку Ургьен Ринпоче часто говорил, что в нём содержатся примечания учителя дзогчен Мелонга Дордже. [ЭПК]

²⁰⁴ Эта шутка выглядит ещё более забавной потому, что название обители Самтена Гьяцо — Дворец Лотосного Света — совпадает с названием небесного дворца Падмасамбхавы. [ЭПК]

²⁰⁵ Очевидно, что Кьютрул имел в виду не физическое пространство, а исходное пространство, которое составляет саму природу осознания и не поддаётся никаким измерениям. [ТУР]

²⁰⁶ Однажды Тулку Ургьен Ринпоче объяснял, что стиль подачи учения у Кьютрула был таков, что он включал глубокие наставления по медитации в истории о жизнях учителей прошлого. [ЭПК]

²⁰⁷ Эти три юных дарования получали учения по философии от великого учителя Тутоба Намгьяла. В то время в Тибете было шесть главных монастырских центров традиции нингма: Шечен и дзогчен в Южном Кхаме, Катог и Паюл в Центральном Тибете, Дордже Драг и Миндроллинг в Северном Тибете. Когда в монастыре Шечен Тутоб Намгьял руководил изучением высших предметов, Кхьенце, Конгтрул и Патрул были соучениками. Кхьенце происходил из знатного и влиятельного рода Дилго, к которому принадлежали министры, управлявшие четвёртью королевства Дерге. Конгтрул был из того же рода Кьютпо, что и Миларепа, а также Кьютпо Налчжор, основатель школы шангпа-кагью. В роду Кьютпо были и буддисты, и бонцы, что видно по одному из имён Джамгона Конгтрула — Чиме Тенни Юнгдрунг Лингпа, которое несёт бонское содержание. Позднее Патрул отправился в район Дзачука, а Конгтрул — в Палпунг, крупный монастырь школы кагью. [ТУР]

Слово *юндрун* часто используется последователями традиции бон как эквивалент слова *ваджра*. [ЭПК]

²⁰⁸ Великий учитель Шабкар Цогдрук Рангдрол. См. *Life of Shabkar: The Autobiography of a Tibetan Yogi*. (Snow Lion Publications.)

²⁰⁹ Боги рождаются мгновенно, или чудесным образом, — в отличие от людей для них не требуется девяти месяцев внутриутробного созревания. [ЭПК]

²¹⁰ «Учения высшей передачи» — это Махамудра и дзогчен, и особенно так называемая «сущностная Махамудра» — передача мудрости, столь необходимая для

обеспечения чистоты буддийской практики. Получая указующие наставления, ученик оказывается лицом к лицу с сокровенной природой своего ума — как это было со всеми учителями линии передачи, которые предшествовали ему. Это переживание недвойственного осознания можно сравнить с восходом солнца на безоблачном небе: нет никаких облаков неведения, эмоций и рассудочного мышления — по крайней мере какое-то время. Когда ученик это испытал, теперь перед ним лежит путь всё большего привыкания к этому безоблачному небу — упорная и постоянная практика растворения склонности вновь создавать эти облака, — пока он не достигнет истинной реализации, состояния, сравнимого с самим неизменным небом. [ЭПК]

- ²¹¹ Там жил Карма Пакши, второй Кармапа, а также там практиковали многие Шармарпы. Иногда этот ретритный центр называют Высокая Твердыня Победоносных. [ЭПК]
- ²¹² Под конец жизни Тензин Дордже дал одной молодой женщине ожерелье из драгоценных камней, очень дорогой подарок, с такими словами: «В один прекрасный день я могу прийти в гости в твой дом». Молодая женщина зарделась от смущения, не зная, что думать. Вскоре она узнала от посланца шестнадцатого Кармапы, что дитя, которого она носит, — тулку Тензина Дордже. Этой женщиной была Кунсанг Дечен, а ребёнком — её первенец Чокьи Нима Ринпоче. [ЭПК]
- ²¹³ Ныне, в 2005 году, мы знаем, что и Дилго Кхьенце Ринпоче, и Тулку Ургьен Ринпоче начали давать посвящения «Трёх разделов» небольшим группам тулку и близких учеников; так что они оба представляют третье поколение держателей линии преемственности.
- ²¹⁴ Дзонгсара Кхьенце раньше называли Катогом Кхьенце, но потом его пригласили в монастырь Дзонгсар, и в конце концов он принял должность Владыки Дхармы. О нём говорили, что он подобен самому великому Кхьенце, и слава о нём распространилась повсюду. [ТУР]
- ²¹⁵ Пятнадцатый Кармапа был непосредственным перерождением Тегчога Дордже. Между Тегчогом Дордже и Чокгьюром Лингпой существовала связь в виде общих учений. Через несколько поколений воплощение Тегчога Дордже — пятнадцатый Кармапа, Кхакьяб Дордже, опять был тесно связан с моим гуру и дядей Самте-ном Гьяцо. Так что, по-видимому, эта связь должна была продолжиться. [ТУР]
- ²¹⁶ Главной практикой Тензина Дордже была *Чецун нингтиг* и *Пагма нингтиг* («Сердечная сущность благородной Тары») — обе представляют собой терма, обнаруженные великим Кхьенце. [ТУР]
- ²¹⁷ Эти ежегодные ритуалы включали в себя чрезвычайно подробный вариант учений «Восемь садхан», обнаруженный Ньянг-Ралом Нимой Осером, *Лама нгод-руб гьяцо*, обнаруженное Пема Лингпой, а также другие терма, хотя сам монастырь принадлежал к традиции дрикунг. [ТУР]
- ²¹⁸ Этим учеником был Тралег Джамгон, который жил в Трангу-гомпе. Два больших монастыря, Трангу и Бенчен, ныне являются резиденциями Кхенчена Трангу Ринпоче и досточтимого Тенга Ринпоче. [ЭПК]
- ²¹⁹ Гонец имел в виду обычай, согласно которому монастыри бесплатно предоставляли лошадей людям, служившим великим учителям. [ЭПК]
- ²²⁰ Новое воплощение Самтена Гьяцо в Лачабе был племянником двух учителей — Сабчу и Тарига. [ТУР]

- ²²¹ Когда в 2003 году я посетил Лачаб, комната Тулку Ургьена Ринпоче была восстановлена там же, где он жил. Управляющий сказал мне, что во время затворничества Тулку Ургьена он замуровывал вход в неё камнями и глиной, оставляя только небольшое отверстие, через которое можно было передавать еду. [ЭПК]
- ²²² Подробное описание этого визита и того, что с ним было связано, содержится в книге Церинга Шакая *Dragon in the Land of Snow: A History of Modern Tibet since 1947* (Middlesex, England: Penguin Compass, 1999), p. 122. [МБШ]
- ²²³ Лотер Вангпо был ламой из крупного монастыря Нгор в Цанге, провинции Центрального Тибета. Один из главных учеников и Кхьенце, и Конгтрула, благодаря им он достиг уровня нераздельной реализации. Получив много важных учений, он был великим учителем, занимавшим чрезвычайно важное место. В юности он получил образование в традиции сакья, но сам был истинным сторонником неразделения на школы. Хотя можно сказать, что Лотер Вангпо принадлежал к школе сакья, он составил два собрания: *Друбтаб кунту* и *Гьюде кунту*, — в которых содержатся тантрийские учения всех школ сарма, проверенные им по совету Кхьенце и Конгтрула. [ТУР]
- ²²⁴ Поэтому иногда его называют Шеченом Кхьенце. [ТУР]
- ²²⁵ Падмасаттва — чистая форма Чокгьюра Лингпы — иначе называется бодхисаттвой Росток Лотоса. После кончины великого тертона Кхьенце Старший узрел его в видении пребывающим в своём мире будды и получил от него посвящения, благословения и учения. Ныне эти учения известны как *Кусум ригду сабтиг* («Глубокая сущность, воплощающая семейства трёх кай»), а практика садханы — это «Пространство великого блаженства». В конце садханы имеются такие слова Конгтрула Старшего: «У Пемы Осэла До-Нгака Лингпы (Кхьенце Старшего) — великого владыки всех видьядхар-тертонов и видьядхар-сиддхов — в пятнадцатый день одиннадцатого месяца года железа-лошади было видение, в котором в мире будды Усыпанный Лотосами он получил от самого бодхисаттвы Росток Лотоса, нераздельного с великим тертоном Чокгьюром Лингпой, подобную нектару передачу садханы, посвящения и наставлений.
- В течение одного месяца он хранил самую — печать тайны. Затем в десятый день двенадцатого месяца всё это было записано и сопровождено пиршественным подношением, и эту задачу я, Чиме Тенни Юнгдрунг Лингпа Цал (Конгтрул Старший), счастливый ученик обоих великих видьядхар, с глубоким почтением выполнил. В это время вся земля вокруг вдруг разогрелась, так что лёд и снег растаяли и потекли ручьями, — и это был благоприятный знак, который могли видеть все. Поскольку к тому же несколько связующих частей этой садханы были написаны по велению Гуру, пусть благодаря этому все, кто с ней связаны, достигнут состояния нераздельности с тремя тайнами этих двух учителей-видьядхар и пусть учения процветают и сохраняются на долгие годы! Да возрастёт добродетельное благо!» [ЭПК]
- ²²⁶ Это был очень просторный зал собраний, где в большой золотой ступе хранились останки Чокгьюра Лингпы. Эта ступа была сделана из золота, которое Чокгьюр Лингпа нашёл как терма; и это золото придавало ступе необычайный блеск. [ТУР]
- ²²⁷ Это терма ума, освещающее аспект дакини, обнаружил Джамьянг Кхьенце Вангпо. Оно называется *Кандро сангва кунду*. [ЭПК]
- ²²⁸ «Союз метода и знания» (*Табше каджор*) и *Карлинг шитро*. [ТУР]

- Учения о промежуточном состоянии после смерти и до нового рождения, связанные с *Карлин шитро*, на Западе обычно называют «Тибетской книгой мёртвых». [МБШ]
- ²²⁹ Тулку Ургьен Ринпоче относился к Паво Ринпоче с величайшим почтением; он говорил мне, что считает его живым воплощением великого учителя Ринчена Лингпы. Проведя много лет в Дордони, Франция, Паво Ринпоче скончался десять лет назад в Будханатхе. [ЭПК]
- ²³⁰ Примерно в то же время разнёсся слух, что из пасти голов морских чудовищ, украшающих углы крыши храма Джокханг в Ахасе, непрерывно льётся вода. [ЭПК]
- ²³¹ Мы предполагаем, что это случилось в 1956 году. Восстание в Ахасе и последовавшее его подавление произошли спустя три года, в 1959 году. [МБШ]
- ²³² В настоящее время Кхандро Церинг Чодрон живёт в Сиккиме. Она приходится тёткой Согьялу Ринпоче. [МБШ]
- ²³³ Напоминающий лотос головной убор Падмасамбхавы считается предметом, «освобождающим благодаря видению». [ЭПК]
- ²³⁴ *Ригпей цал ванг* — посвящение, позволяющее овладеть энергией осознания, — это самая глубокая передача; она даёт ученику возможность столкнуться лицом к лицу с природой недвойственного знания, после чего его практика заключается в том, чтобы постичь мысли и эмоции как проявление осознания. [ЭПК]
- ²³⁵ «Печать тайны» часто ограничивает доступ к этому терму, разрешив его только тем учителям, которые будут держателями именно этой линии передачи, или только тем людям, которые дали обет практиковать его со всем усердием. [ЭПК]
- ²³⁶ Чтобы объяснить, что это за посвящение, я процитирую Падмасамбхаву: «Посвящение *ригпей цал ванг* дают будды, самосовершенные от природы; посылая из дхармадхату Акаништхи сострадательные эманации, они учат ему ради мгновенного пробуждения людей, которым неизмеримо посчастливилось. Поэтому невозможно достичь состояния будды, не получив посвящения ригпей цал ванг. Все будды прошлого пробудились, получив посвящение ригпей цал ванг. Все, кто ныне достигает просветления, тоже пробуждаются, получив посвящение ригпей цал ванг. И каждый будда, который достигнет просветления в грядущие времена, тоже пробудится, получив посвящение ригпей цал ванг. Не получив его, невозможно достичь просветления». [ЭПК]
- ²³⁷ Полное название «Светоч, устраняющий тьму: наставление в традиции древних сиддхов, прямо указывающее на природу ума. (*Crystal Cave*, Rangjung Yeshe Publications, 1990.)
- ²³⁸ Чокгьюр Лингпа обнаружил и расшифровал несколько тантр. Некоторые принадлежат к «Семеричному глубокому циклу». Также он извлёк на свет такую глубокую тантру, как *Гухьягарбха*. Садхан, конечно, много, но чрезвычайно редко встречается тертон, который добывает подобную тантру. Но наш тулку её добыл, как и цикл «Восемь супруг»! [ТУР]
- ²³⁹ Их обнаружили Ньянг-Рал, Гуру Чованг и Чокгьюр Лингпа. [ТУР]
- ²⁴⁰ Другой вариант «Учений восьми садхан» существует в «Трёх разделах дзогчен», а в разделе Устных Наставлений есть и цикл учений о девяти дакини — защитницах исходного пространства. По сути, это дакини тождественны восьми суп-

ругам, которые проявляются как охранительницы учений дзогчен. Следовательно, можно сказать, что сущность этих учений осталась в сохранности. Мужской аспект представлен в виде многих садхан. Но, поскольку соответствующий текст был утрачен, защитники Ати-йоги представлены ныне только как женский аспект. [ТУР]

- 241 Дуджом Ринпоче сумел построить дом рядом с южной границей Тибета, недалеко от Сиккима, переправил туда много книг, а позднее перевёз их в Индию. [МБШ]
- 242 Согласно книге Церинга Шакаи «Дракон в Стране снегов», «Среди деятелей, выдвигаемых китайцами, были выдающиеся лидеры из других религиозных школ (не из гелуг). Впервые с XVII века ламы, принадлежащие к школам сакья, кагью и нингма, были приглашены к участию в управлении Тибетом. Так китайцы смогли расширить свою поддержку, но это вызвало глубокое подозрение среди тех, кто принадлежал к традиционной иерархии школы гелуг». [МБШ]
- 243 Я думаю, что оно всё ещё остаётся в монастыре Кармапы в Румтеке. [ЭПК]
- 244 Эта «Сокровищница песен нингмы» Кьюнгтрула Ринпоче была обнаружена весной 2003 года и теперь переводится под этим заглавием. [ЭПК]
- 245 Longchen Rabjam, *The Precious Treasury of the Basic Space of Phenomena* (Choying Dzo), transl. by Richard Barron (Padma Publishing).
- 246 Longchen Rabjam, *The Treasury of the Way of Abiding*, transl. by Richard Barron (Padma Publishing).
- 247 Выражение «ваджрный трон» имеет относительный и абсолютный уровень смысла. В абсолютном смысле это пробуждённое состояние изначальной чистоты — истинное местоположение достигаемого просветления. Ваджрный трон в Бодхгае — это внешний аспект внутреннего трона, пребывающего в исходном пространстве. В Кхаме каждый слышал, что для духа умершего, мечущегося в бардо, есть только два места, куда он не может попасть по собственному выбору: чрево матери и ваджрный трон. Но Самтен Гьяцо однажды сказал мне: «Это не трон в Бодхгае, а ваджрный трон внутреннего исходного пространства, пробуждённое состояние изначальной чистоты. После зачатия уже нельзя входить и выходить из материнского чрева. Можно войти лишь раз, и там дух увязает, как муха в клее, и его начинает облекать тело, состоящее из совокупностей, элементов и полей чувств, из которого уже нет выхода до самой смерти, которой закончится это рождение». [ТУР]
- 248 Пунцог Вангду был отцом бутанского тулку Палпунга Кхьенце. Впоследствии он передал этот храм своему сыну, который возглавлял его до самой смерти. [ТУР]
- 249 Неуринг Сенге Дзонг («Луг Львиной Крепости») — одно из главных мест затворничества Падмасамбхавы. Находится на бутанской стороне границы.
- 250 Людям доступны только немногие из тантр, передаваемых в этой вселенной: остальные тантры хранятся в сокровищнице дакини в их небесных мирах. Иногда о дакини говорят как о хранилищах учений терма. [ЭПК]
- 251 В некоторых из этих очень важных терма дзогчен содержится *Тава лонг яни* («Обширное пространство воззрения»), обнаруженное Дордже Лингпой, и *Кунтцусанпо гонпа сангтал* Ригдзина Годема. Учения дзогчен открывал также Джацон Нингпо. Дзонгсар Кхьенце также упоминает: «На протяжении всех этих столетий главные терма были открыты тремя выдающимися тертонами: Ньянг-

Рал Нима Осер, Гуру Чованг и Ригдзин Годем (Видьядхара с Пером Грифа). [ТУР]

- ²⁵² Дзонгсар Кхенце добавил: «Практика десятого дня в восьми главах» Гуру Чованга опирается на форму Падмасамбхавы, которая называется Лама Сангду, «Учитель, в котором воплощены все тайны». Существовали три главных варианта «Учений восьми садхан». Среди различных практик дакини есть чрезвычайно глубокая практика чёрной гневной формы Ваджрайогини Ньянг-Рала.

Из главных собраний терма Падмасамбхава зашифровал три главных раздела, каждый из которых называется *гониду*: *Лама гониду*, *Йидам гониду* и *Кхандро гониду*. Затем он добавил к ним *Чокьонг гониду*. Сангье Лингпа получил наказ получить *Лама гониду*, Такшам Лингпа открыл *Йидам гониду*, а у Чокгьюра Лингпы была миссия обнаружить *Кхандро гониду*. Однако ввиду отсутствия благоприятного стечения обстоятельств он не смог его обнаружить, но, если бы обнаружил, оно составило бы немало томов. То же самое произошло и с *Чокьонг гониду*, из которого удалось записать только краткую садхану. Падмасамбхава указал, что *Кхандро гониду* спрятано в Белой скале, на территории современного Бутана, но Чокгьюр Лингпа не смог отправиться туда». [ТУР]

- ²⁵³ Интересно, что все эти четыре учителя были из разных стран: Падмасамбхава — из Уддияны, Вайроцана — из Тибета, Вималамитра — из Кашмира, а их гуру, Шрисингха, родился в Китае, вероятно, в одной из центральноазиатских стран, расположенных за горами Памира и Каракорума. Все они встретились с Шрисингхой в Бодхгае, хотя и в разное время. [ЭПК]

- ²⁵⁴ *Кама*, устная линия передачи школы нингма, содержит все девять постепенных колесниц будд, но делает упор на три внутренние тантры. Девятая колесница — Ати, или учения дзогчен. [ТУР]

Нингтиг ябци («Четыре раздела сердечной сущности») — в высшей степени известное и почитаемое учение. В каждом из двух разделов нингтиг — *Кхандро нингтиг* Падмасамбхавы и *Вима нингтиг* Вималамитры — есть *янгтиг* («квинтэссенция»), написанная Лонгченпой: *Кхандро янгтиг* и *Лама янгтиг*. Кроме того, есть *Сабмо янгтиг* («Глубокая квинтэссенция»). Всё это вместе называется «Нингтиг матери и дитя». [ТУР]

Тулку Ургьен Ринпоче упоминает эти произведения, используя известные сокращения: *До*, *Гью* и *Сем* (от *Дунедо*, *Гьютрул* и *Семде*). *Дунедо* — главный текст Ану-йоги. *Гьютрул* — главная тантра Маха-йоги. Семде здесь подразумевает «Раздел ума» Ати-йоги дзогчен и в этом контексте включает в себя остальные два из «Трёх разделов»: Лонгде и Меннгакде. [ЭПК]

- ²⁵⁵ Этим воплощением Нэтэна Чоклинга был Пема Гьюрме. Тулку в нём узнал Дзонгсар Кхенце, который и стал его гуру. Он был отцом Оргьена Тобгьяла Ринпоче, Кхенце Еше и Дзигара Конгтрула. [ЭПК]

- ²⁵⁶ Эти два официально признанных воплощения Чокгьюра Лингпы обычно различали по месту их резиденций, которыми были монастыри Цикей и Нэтэн. Подробнее см. Глоссарий. [ЭПК]

- ²⁵⁷ Для настоящего йогина ясновидение — неотъемлемая часть ясности глубокого сна. [ЭПК]

- ²⁵⁸ Поскольку оплата книг, покупаемых Библиотекой Конгресса США для проекта сохранения культурного наследия, производилась за каждый том, каждая книга была сделана короче. В результате «Новые сокровища» стали составлять примерно сорок томов, тогда как первоначально было двадцать четыре тома. На-

пример, биография Чокгьюра Лингпы первоначально входила в один том с *Лам-рим еще нинпо*. [ТУР]

- 259 Лама Пуце был учеником третьего Чоклинга из Нэтэна, исполнял должность ом-дзе (запевалы) монастыря и редактора «Новых сокровищ», напечатанных в начале восьмидесятых годов XX века. Он знал содержание сорока семисотстраничных томов лучше, чем кто бы то ни было. [ЭПК]
- 260 Пещера Солнца и Луны находится близ Мелемчи в области Хеламбу (по-тибетски Йолмо), на расстоянии трёх дней пути пешком к северу от Катманду. На потолке главной пещеры есть очень чёткий рисунок солнца и луны. [ЭПК]
- 261 Что важно в этом судебном разбирательстве, это не его подробности, а непоколебимое упорство, с которым Тулку Ургьен Ринпоче, движимый преданностью Кармапе, занимался этим делом. Он потратил на него девять лет, не получив ничего, кроме массы неприятностей. [МБШ]
- 262 Однако ныне они записаны стараниями Гьюрме Дордже, сына великого царя сиддх Адзома Друкпы. Он счёл, что обязан это сделать. Источник этой линии преемственности — Джигме Лингпа. В Самье у него было три видения тела мудрости Лонгченпы, всеведущего владыки речи, от которого он получил полную передачу дзогчен. С тех пор передачу давали только одному ученику за один раз. Эта линия преемственности уникальна по своей глубине и широте. Главными учениками Джигме Лингпы были Традруб и Додруб. Первый из них — учитель линии преемственности Патрула. Затем Патрул передал её Кхенпо Лунгтоку, чьим учеником был Кхенпо Нгакчунг. Другая линия передачи шла через великого учёного Женга, и эту линию получил Кхенпо Лунгток, который провёл пятнадцать лет у ног Патрула. Учениками Патрула были Мипам и Женга. [ТУР]
- 263 Немало тулку и кхенпо открыли эту выслушиваемую линию передачи от Ньюшула Кхена, после того как её попросил Тулку Ургьен Ринпоче, особенно потому, что её было трудно получить, поскольку её разрешалось передавать только одному человеку за один раз. [ЭПК]
- 264 Это явное преуменьшение. Согласно Сокце Ринпоче, который был близким учеником Бомта Кхенпо, он практиковал в течение девяти лет в одном из ритодев в Центральном Тибете, отказавшись от всех посторонних дел. [ЭПК]
- 265 По мере того как опыт медитации практика углубляется и «пространство всеобщей основы начинает переполняться», обнаруживается глубокое прозрение и легко постигаются «трактаты, которые никто не излагал», то есть вопросы, которые ранее не изучались. [ЭПК]
- 266 Волшебный город скандх, дхату и аятан — это область переживания каждого живого существа, иными словами, состояние самсары. [ЭПК]
- 267 Абсолютно безоблачное небо — это, согласно древним тантрам дзогчен, внешний знак, который часто сопровождает постижение практиком дхармакайи. Он считается наилучшим из всех знаков. [ЭПК]
- 268 Подробности — в приложении «Линия передачи “Новых сокровищ”». [ЭПК]
- 269 После прискорбной кончины юного Цикья Чоклинга, случившейся за много лет до этого, монастырь Цикей — согласно традиции — поручил Тулку Ургьену Ринпоче спросить Кармапу о местонахождении Цикья Чоклинга. Когда Ригпей Дордже ответил, что тулку родился его вторым сыном, Тулку Ургьен Ринпоче отка-

зался сообщить эту новость в Нангчен, не желая быть обвинённым в семейственности. Только тогда, когда Кармапа посетил монастырь Дабсанга Ринпоче в Бодухе, он обнародовал этот факт в присутствии многих лам: Дабсанга Ринпоче, Сабчу Ринпоче, Андзина Ринпоче и Тулку Ургьена Ринпоче. [ЭПК]

²⁷⁰ Один раз Дзонгсар Кхьенце посетил Крепостную Вершину, чтобы получить от Самтена Гьяцо некоторые оставшиеся «Новые сокровища». Он пробыв там примерно неделю, и именно тогда дал Самтену Гьяцо подробное посвящение Падмасаттвы (Пема Ньюгу), которого у Самтена Гьяцо ещё не было. В ответ Самтен Гьяцо дал ему краткое посвящение Падмасаттвы. [ТУР]

²⁷¹ Когда я попросил шестнадцатого Кармапу дать имя моему младшему сыну Мингьюру Дордже, он ответил просто: «Он благородное воплощение». В то время Ситу Ринпоче был помощником Его Святейшества, и он сказал Ринпоче, что этот сын — воплощение Йонгэ Мингьюра Дордже (чьи воплощения были тесно связаны со всеми Ситу Ринпоче). Позднее Дилго Кхьенце Ринпоче указал, что Мингьюр Дордже «был бы лучшей кандидатурой для тулку Кангьюра Ринпоче», который был отцом Тулку Пема Вангьяла. Для меня это было вполне приемлемо, потому что мы часто встречаемся со случаями, когда тулку является перевоплощением нескольких учителей, точно так же как один учитель воплощается в трёх или пяти перерождениях. Тулку — нечто намного более гибкое, чем самсарное живое существо, которое перерождается раз за разом и не по собственному выбору. Например, Чокгьюр Лингпа увидел, что Дабсанг Ринпоче был одновременно воплощением Гампопы, Ютога Гонпо и Дриме Дашара, одного из двадцати пяти учеников Падмасамбхавы. [ТУР]

²⁷² Дзонгсар Кхьенце Ринпоче получил эту передачу от Нэтэна Чоклинга, который также дал её Катогу Ситу. [ЭПК]

²⁷³ Этот текст, озаглавленный «Ожерелье из драгоценных камней», для юного шестнадцатого Кармапы совместно написали дядя Терсэй и Самтен Гьяцо, используя записи Кончога Гьюрме Тенпэ Гьялцена, второго Чоклинга из Цикья. Позднее он был снабжён примечаниями о том, какие передачи Кармапа получил от Кармы Ургьена (Тулку Ургьена Ринпоче). Другими словами, он содержит точные подробности относительно линии преемственности «Новых сокровищ» Тулку Ургьена. Подобное произведение, тоже озаглавленное «Ожерелье из драгоценных камней», в котором описана линия, полученная Дилго Кхьенце Ринпоче, содержится в его «Собрании сочинений», т. 25. [ЭПК]

Авторы примечаний:

Тулку Ургьен Ринпоче [ТУР]

Эрик Пема Кунсанг [ЭПК]

Марсия Биндер Шмидт [МБШ]

Майкл Твид [МТ]

www.blazingsplendor.com

На этой интернет-странице вы можете найти дополнительную информацию по теме, освещённой в данной книге, контактные адреса мест проведения учений и медитативных ретритов, архивы и издания, скачиваемые изображения, которые можно использовать в качестве заставок на компьютере, биографии мастеров линии передачи учения, более детальный глоссарий и перечень рекомендованной литературы по теме.

Как обращаться с буддийскими книгами

Дхарма — Учение Будды — чудодейственное лекарство, помогающее вам самим и всем живым существам избавиться от страданий. Ко всякой книге, содержащей Учение Будды (а даже одно слово Дхармы или имя Будды делают книгу таковой) следует относиться уважительно, на каком бы языке она ни была написана. Избегайте класть книгу на пол или на стул. Не переступайте через книгу и не ставьте на неё какие-либо предметы — даже изображения Будды или божеств. Храните книги Дхармы на алтаре или в другом почётном, чистом и предпочтительно высоком месте.

Не выбрасывайте, подобно мусору, старые или ненужные книги, содержащие Учение Будды. Если возникла такая необходимость, лучше сожгите их — предание огню считается уважительным способом избавиться от пришедшего в негодность религиозного текста. Таким же образом рекомендуется с почтением относиться и к писаниям других духовных традиций.

Серия «САМАДХИ»

Научно-популярное издание

**БЛИСТАТЕЛЬНОЕ ВЕЛИЧИЕ
ВОСПОМИНАНИЯ ЙОГИНА ДЗОГЧЕН
Тулку Ургьена Ринпоче**

Составители:

Эрик Пема Кунсанг и
Марсия Биндер Шмидт

Редактор:

Лама Сонам Дордже (О. Поздняков)

Редактор серии «Самадхи»

Александр А. Нариньяни

Корректоры

И. Москаленко, А. Гацулина

Фото на переплёте:

Эрик Пема Кунсанг

Дизайн:

Рафаэль Орте

Компьютерная вёрстка, переплёт:

Е. Ниверт

ООО «Открытый Мир»

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 18, стр. 1

Тел.: +7 495 789 82 31

Наши электронные адреса:

<http://www.ombooks.ru>,

Е-mail: samadhi@ombooks.ru

Подписано к печати 01.08.2007

Формат 84x108/16

Печать офсетная. Усл. печ. л. 50,4

Тираж 2000 экз. Заказ №